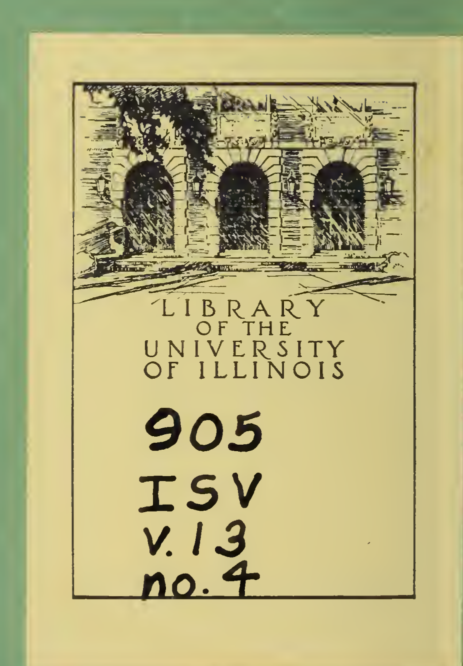

905
ISV
v.13
no.4

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
905
ISV
v.13
no.4

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1892 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLVIII

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

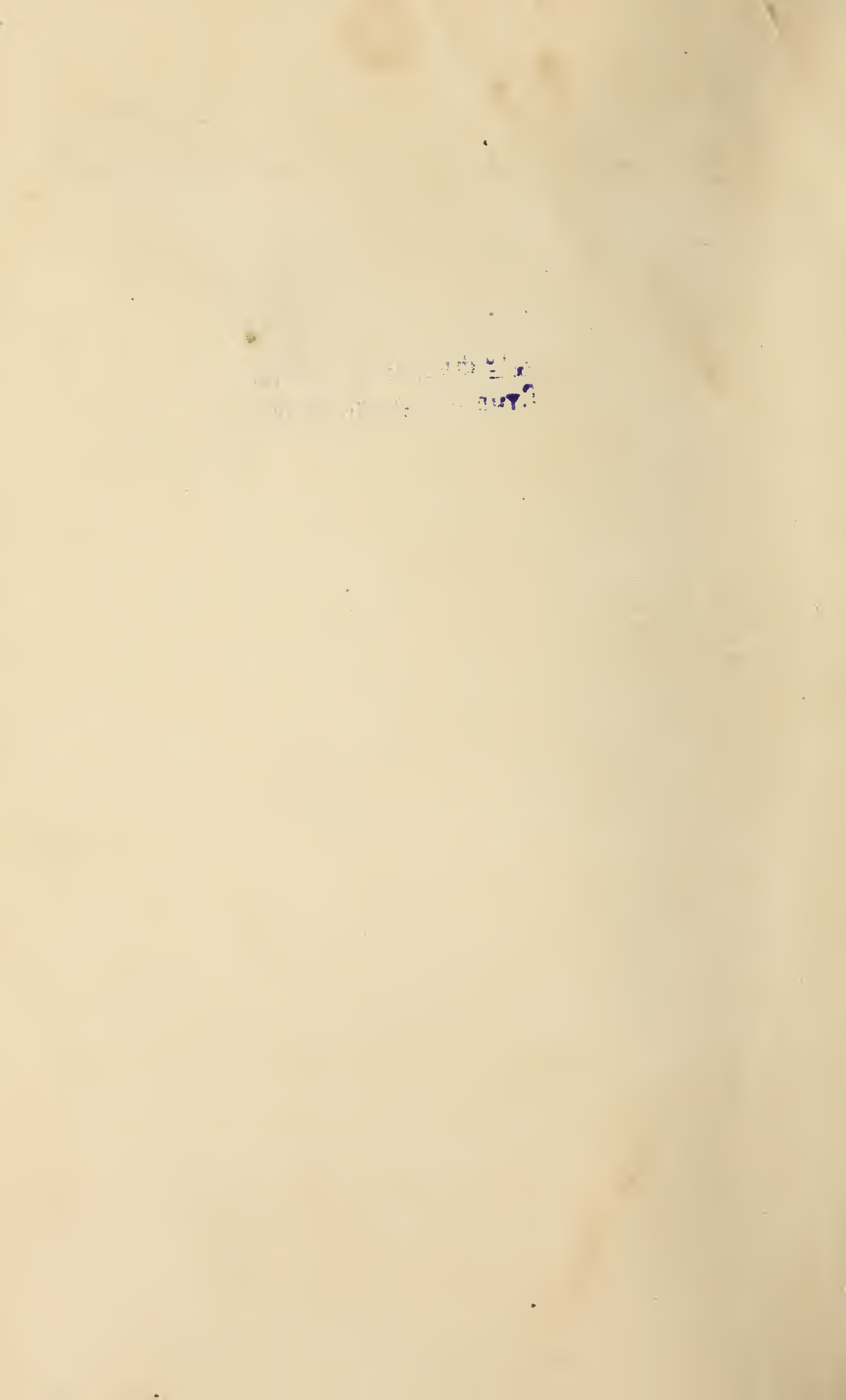
1892

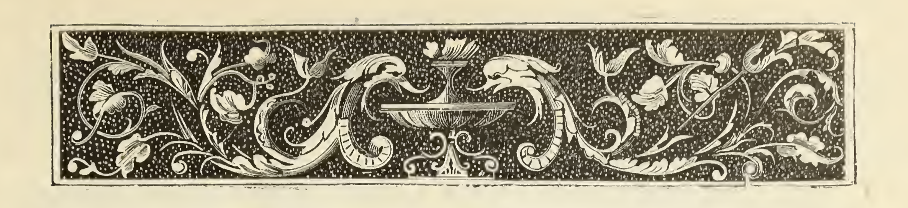

КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 3 марта 1892 г.

ПОСЛѢДНIЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XIV.

НАСТУПИЛА ЗИМА. Слухи про дѣло, поднятое противъ Воротынцева, смолкли.

Въ началѣ января у Александра Васильевича былъ блестящiй балъ, на которомъ веселилось лучшее петербургское общество, а передъ этимъ Марта пѣла въ концертѣ, устроенномъ съ благотворительною цѣлью, а также во дворцѣ, нѣсколько разъ, у императрицы и у великихъ княженъ.

Ужъ одного этого было бы достаточно, чтобъ заставить относиться скептически къ злымъ намекамъ баронессы Фреденборгъ, которая не переставала исподтишка шипѣть противъ Александра Васильевича за сына.

Въ концѣ зимы, передъ масляницей, былъ также балъ у Ратморцевыхъ, очень чопорный и скучный. Оживить общество и вести бесѣды съ малознакомыми людьми Людмила Николаевна не умѣла, а дочери ея были такъ застѣнчивы и такъ странно воспитаны, что не только кавалеры, но даже дѣвицы не знали, о чемъ съ ними говорить.

Балъ кончился рано. Немногiе только дождались ужина, чтобъ разъѣхаться по домамъ.

Проводивъ послѣднюю маменьку съ дочерьми до дверей прихожей, барышни Ратморцевы съ недоумѣнiемъ переглянулись.

---

[1]) Продолженiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 609.

«Такъ вотъ что это такое—балъ!»—читалось въ ихъ широко раскрытыхъ невинныхъ глазахъ и въ печальной гримаскѣ алыхъ губъ.

Полнѣйшее разочарованіе.

Какъ онѣ ждали этого вечера! Сколько приготовленій, жуткаго, сладостнаго волненія! Какъ билось у нихъ сердце на послѣднемъ урокѣ танцевъ, когда старикъ-французъ, учившій танцовать менуэты и гавоты еще ихъ отца и бабушку съ дѣдушкой, и съ особенною деликатною нѣжностью выправлявшій ихъ ножки и плечики, расчувствованнымъ голосомъ произнесъ имъ торжественную рѣчь относительно важности предстоящаго событія: «C'est votre premier bal, mes demoiselles...».

Ничего изъ того, что онѣ ожидали, не сбылось. Выдѣлывая старательно па въ мазуркѣ и кадриляхъ, кружась въ вальсѣ съ незнакомыми мужчинами въ блестящихъ мундирахъ и во фракахъ, онѣ, кромѣ страха и смущенія, ничего не испытывали. Говорили съ ними о томъ, чего онѣ не знали, и сознаніе, что никто изъ всей этой толпы не понимаетъ ихъ, не знаетъ ни ихъ мыслей, ни чувствъ, что всѣ эти красивыя, веселыя дѣвушки, оживленно болтавшія между собою, окидывая маленькихъ хозяекъ полнымъ обиднаго снисхожденія взглядомъ, ничего не имѣютъ съ ними общаго и, пожалуй, расхохочутся, если узнаютъ ихъ внутренній міръ,—сознаніе это производило на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Проходя по опустѣвшей залѣ въ гостинную, гдѣ ожидала ихъ мать, и робко прижимаясь другъ къ другу, онѣ напоминали бѣлыхъ бабочекъ, застигнутыхъ бурей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ укрыться некуда. Розовыя щечки поблѣднѣли, золотистые локоны, поддерживаемые черепаховыми гребеночками, развились, бѣлыя ваперовыя юбочки помялись и длинные концы бѣлыхъ атласныхъ лентъ, кокетливо развѣвавшихся въ началѣ вечера на короткихъ рукавчикахъ, печально спадывали теперь съ худенькихъ, дѣтскихъ плечъ, какъ опущенныя крылья.

«Бѣдняжки!»—думала Людмила Николаевна, глядя на дочерей изъ противоположнаго конца длинной гостинной, гдѣ тоже, кромѣ нея да двухъ-трехъ лакеевъ, ожидавшихъ у дверей приказанія гасить свѣчи въ люстрѣ и стѣнныхъ бра, никого не было.—«Первый балъ не заставитъ ихъ пристраститься къ свѣтской жизни. Милыя дѣвочки, какъ не похожи онѣ на противныхъ жеманницъ, кружившихся здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ!»

Но нѣжное умиленіе, выражавшееся на ея лицѣ, исчезло при приближеніи дѣтей, и вмѣсто того, чтобъ прижать ихъ къ сердцу и расцѣловать, она съ обычною сдержанностью спросила:

— Весело вамъ было, дѣти?

— Merci, maman, — отвѣчали онѣ, цѣлуя ея руки.

— Не надо завиваться сегодня. Проститесь съ папенькой и

ложитесь спать,—сказала она, проводя рукой по густымъ волосамъ Сони.

И, дотронувшись двумя пальцами до бѣленькой шейки Вѣры, она прибавила, накидывая ей на плечи свою мантилью изъ лебяжьяго пуха:

— Пройдите къ папенькѣ черезъ мою уборную, въ коридорѣ холодно.

— Oui, maman.

Онѣ опять поцѣловали ея руку, а она перекрестила ихъ и, прикоснувшись губами къ ихъ лбу, еще разъ повторила, чтобъ онѣ шли къ отцу.

Сергѣй Владиміровичъ разговаривалъ про нихъ съ мсьё Vaillant, когда онѣ вошли. Онъ обошелся съ ними еще сдержаннѣе, чѣмъ мать.

— Вы слишкомъ много танцовали въ то время, какъ у другихъ дѣвицъ не было кавалеровъ. Это очень не хорошо. Какъ хозяйки, вы должны были только о другихъ думать и заботиться, чтобъ вашимъ гостямъ было весело. Ты, Вѣра, стояла въ первой парѣ, въ мазуркѣ, за тобой шли дамы старше тебя, надо было это сообразить и уступить имъ твое мѣсто.

Онъ говорилъ это строгимъ, серьезнымъ тономъ, сдвигая брови и съ трудомъ сдерживая улыбку подъ напущенною суровостью, а дѣвочки стояли передъ нимъ съ опущенными глазами, краснѣя и волнуясь отъ сознанія вины, готовыя расплакаться отъ раскаянія не подозрѣвая, что и онъ тоже, какъ и мать, любуется ими и гордится ихъ красотой и невинностью.

— Идите спать, завтра уроковъ не будетъ,—сказалъ онъ ласковѣе, протягивая имъ одну руку для поцѣлуя, а другой крестя ихъ.

Въ комнатѣ, служившей имъ спальней и до сихъ поръ называемой дѣтской, съ двумя кроватками подъ бѣлыми кисейными занавѣсками, кіотомъ въ углу и туалетомъ изъ ясеневаго дерева между окнами, съ зажженной свѣчей и кучками нарванной бумаги для папильотокъ, дожидались барышень няня Паня, на рукахъ которой онѣ родились и выросли, и молодая горничная Феша, ея помощница, выбранная изъ всей дворни за благонравіе и ровный терпѣливый характеръ.

Постели съ розовыми атласными одѣялами были оправлены на ночь; въ кіотѣ ярко горѣла лампадка, между откинутыми занавѣсками сверкали образки въ золоченыхъ ризахъ, у одного изголовья—мученицы Софьи, у другаго—мученицы Вѣры, ангеловъ хранителей дѣвочекъ. Художникъ, писавшій ихъ по заказу Ратморцева, придалъ святымъ черты и выраженіе лица его дочерей, но знали это только старшіе, дѣвочкамъ же въ голову не приходило это замѣчать. И навѣрное, ихъ скорѣе смутило бы, чѣмъ забавило подобное открытіе.

Большой ясеневый комодъ противъ оконъ былъ тѣсно заставленъ изящными бездѣлушками изъ бронзы и фарфора, а въ углу, за дверью, стоялъ небольшой шкапикъ, запертый на ключъ, съ реликвіями изъ дѣтства—куклами.

Если-бъ не няня Паня, онѣ до сихъ поръ играли бы въ куклы.

Вопросъ о куклахъ былъ серьезно дебатированъ на совѣщаніи между ихъ родителями, мсьё Вальянъ и няней Паней.

Сергѣй Владиміровичъ съ учителемъ не находили ничего предосудительнаго въ томъ, чтобъ дѣвочки, которымъ только что минуло пятнадцать лѣтъ, играли въ куклы, а Людмила Николаевна была такого мнѣнія, что имъ даже это полезно въ извѣстномъ смыслѣ, пріучаетъ ихъ къ домовитости, къ порядку, пріохочиваетъ къ женскимъ рукодѣльямъ, но няня Паня энергично стояла на своемъ: барышнямъ года вышли замужъ выходить и въ куклы играть имъ теперь неприлично: женихи узнаютъ, смѣяться станутъ.

И сколько ни повторяли ей, что объ женихахъ для нихъ думать еще рано, что имъ надо прежде силами и здоровьемъ набраться, она отъ идеи своей не отступала и добилась таки своего—ей разрѣшили отучить дѣвочекъ отъ куколъ.

Это случилось всего только годъ тому назадъ, а вотъ какъ была права няня Паня: весной вышло такъ, что барышень представили ко двору, а зимой для нихъ сдѣлали балъ, съ оркестромъ, съ парадным ужиномъ, блестящими кавалерами, какъ для настоящихъ барышень-невѣстъ, однимъ словомъ.

А барышни-невѣсты по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ парадныхъ комнатъ, радостно оживали и, тихо щебеча между собой, едва касаясь носками бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ до полу, въ припрыжку бѣжали къ себѣ.

Здѣсь, въ комнатѣ съ ясеневой мебелью и двумя бѣлыми кроватками, онѣ были ужъ дома, стѣсняться имъ было нечего, и съ порога, завидѣвъ издали няню Паню съ Фешей, стали, перебивая другъ друга, разсказывать имъ про вынесенныя впечатлѣнія.

И разсказывали бы долго, если бы старушка, съ притворною суровостью, не приказала имъ скорѣе раздѣваться, молиться Богу и ложиться спать.

— Маменька позволила сегодня не завиваться!—объявили барышни.

— Какая ужъ тутъ завивка, утро, добрые люди къ заутрени пошли,—ворчала няня, снимая съ Сони юбочки и расшнуровывая ей корсетъ.—Чего тамъ шепчетесь?—сердито обернулась она къ другой своей воспитанницѣ, которую разувала Феша.—Разгуляетесь, и сонъ пройдетъ, завтра головка будетъ болѣть... Не дери волосики, Сонюшка, запрячь ихъ въ чепчикъ, да и ложись съ Богомъ, завтра расчешемъ... Сегодня ужъ «Вѣрую-то» не читайте,

Господь проститъ, прочтите «Отче нашъ», «Богородицу», «Ангелу хранителю», за родителей положите по поклону, да и будетъ,— продолжала она командовать, въ то время какъ дѣвочки въ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ и чепчикахъ становились на колѣни передъ кіотомъ.

А затѣмъ, уложивъ ихъ въ постель, она поправила лампадку, мысленно творя усердную молитву за своихъ «пичужекъ», и вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ за шкапами съ платьями стояла ея кровать.

Дверь за собою она не притворяла; сонъ у нея былъ чуткій, и просыпалась она часто, а проснувшись тотчасъ же начинала прислушиваться къ тому, что дѣлается въ комнатѣ барышень. Не бредятъ ли во снѣ? Не ворочаются ли, не грезится ли имъ страшное что нибудь? Горитъ ли ярко лампадка у нихъ передъ образами?

Врагъ-то не дремлетъ, стоитъ только грѣшному человѣку зазѣваться, свѣтлому лику Спасителя въ тѣнь уйдти, молитвеннымъ словамъ испариться въ воздухѣ, и онъ тутъ какъ тутъ, со своими таинственными навѣтами, мрачнымъ обаяніемъ грѣховныхъ искушеній...

У Ратморцовыхъ вели очень правильную жизнь и пріемы у нихъ были такъ рѣдки, что послѣ бала не только господа, но даже и люди, не могли вдругъ войдти въ прежнюю колею.

Цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго поднялись всѣ въ домѣ; въ восемь часовъ утра еще комнаты не были убраны, горничныя и лакеи безъ толку болтались по коридорамъ, разговаривая про вчерашнее торжество и хихикая между собою, въ полной увѣренности, что господа будутъ почивать долго и торопиться дѣлать дѣла не стоитъ.

Старый камердинеръ Захаръ Ипатычъ, который легъ позже всѣхъ, къ утру заснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ баринова звонка; пришлось расталкивать его, чтобъ разбудить.

— Что? Баринъ зоветъ?—пробормоталъ онъ съ просонья и срываясь съ войлока, чтобъ скорѣе стряхнуть съ себя дремоту.

— Баринъ, не дождамшись васъ, сами вышли въ прихожую и Петьку позвали,—объявилъ казачекъ, прибѣжавшій, чтобъ разбудить его.

— Изволятъ гнѣваться?

— Ничего. Приказали карету закладывать.

— Кто-жъ имъ умываться подавалъ?

— Петька, должно быть. Они только спросили, спите вы, аль вышли куда. Петька сказалъ, что вы въ кухнѣ...

— А... а... Чай-то подали ужъ имъ?

Вопросы эти Захаръ кидалъ скороговоркой и отрывисто, торо-

пливо справляя свой туалетъ, умываясь надъ глинянымъ тазомъ изъ жестянаго ковшика, которымъ онъ черпалъ воду изъ деревяннаго ведра, принесеннаго въ его коморку казачкомъ, напяливая сюртукъ и расчесывая сѣдые волосы, которые онъ носилъ до плечъ длинными, что придавало его благообразному, худощавому лицу патріархальный видъ.

—Чай Авдотья Семеновна наливаютъ. Какъ я бѣжалъ сюда, Яшка самоваръ въ чайную пронесъ,—продолжалъ докладывать казачекъ. А когда старикъ, ужъ одѣтый, направился къ двери, онъ объявилъ ему, что двое какихъ-то къ нему пришли и ужъ давно его ждутъ.

— Двое? Кто такіе? Гдѣ они?—просилъ Захаръ Ипатычъ, останавливаясь на полпути черезъ коридоръ въ кабинетъ.

— Съ задняго крыльца пришли. Иванъ Васильевичъ ихъ въ буфетную провелъ. Ждутъ тамъ теперича, давно ужъ,—отвѣчалъ мальчуганъ.

— Что-жъ ты меня, болванъ эдакій, раньше не разбудилъ?—проворчалъ старикъ.

И вмѣсто того, чтобъ войдти въ проходную передъ кабинетомъ, онъ повернулъ въ буфетную, длинную, темноватую комнату, съ однимъ окномъ, у котораго стояло двое посѣтителей, въ скромной почтительной позѣ людей, опасающихся стѣснить своимъ присутствіемъ обитателей дома.

Въ томъ изъ нихъ, что былъ пониже, потолще и посмѣлѣе, Захаръ Ипатычъ ужъ издали узналъ своего знакомаго, купца Бутягина, и его сухое, морщинистое лицо оживилось.

— Петръ Назарычъ! Наше вамъ почтеніе! Что это вы, какъ рано къ намъ, батюшка, пожаловали? Дѣльце вѣрно есть?—проговорилъ онъ привѣтливо и ускоряя шагъ.

— Дѣльце, Захаръ Ипатычъ, дѣльце,—отвѣчалъ Бутягинъ низко кланяясь и при этомъ искоса поглядывая на своего спутника, высокаго малаго въ чуйкѣ и въ широкихъ шароварахъ, засунутыхъ въ смазные сапоги.

При появленіи камердинера изъ противоположнаго конца комнаты, незнакомецъ попятился еще дальше назадъ, въ глубь темнаго угла, въ которомъ онъ стоялъ неподвижно, опустивъ голову и теребя въ рукахъ картузъ.

Захаръ Ипатычъ глянулъ на него и, кромѣ густой шапки вьющихся черныхъ волосъ, ничего не увидѣлъ. Лицо, бѣлѣвшееся изъ-подъ кудрей, казалось юнымъ, но разобрать черты было невозможно.

Въ недоумѣніи старикъ перевелъ вопрошающій взглядъ на Бутягина.

Этотъ самодовольно ухмыльнулся.

— Барина бы намъ повидать, Сергѣя Владиміровича,—вымол-

вилъ онъ, кивая на своего спутника и съ особенною торжественностью отчеканивая слова.

— Баринъ въ сенатъ ѣдутъ,—возразилъ камердинеръ, не переставая перебѣгать взглядомъ отъ Бутягина къ незнакомцу, жавшемуся къ стѣнѣ, въ темномъ углу.

Волненіе Захара Ипатыча возростало съ минуты на минуту, онъ начиналъ догадываться, кто этотъ юноша.

— Ѣдутъ сейчасъ?—повторилъ съ досадой Бутягинъ, почесывая у себя за ухомъ.—Экое горе! А мы вотъ съ Григоріемъ Александровичемъ нарочно пораньше пришли, думали—самое теперича время ихъ застать.

При этомъ имени «Григорій Александровичъ» на лицѣ старика выразился испугъ, и онъ такъ растерялся, что съ минуту, какъ вкопанный, стоялъ съ выпученными глазами.

— Да, да, нарочно пораньше забрались,—продолжалъ сѣтовать Бутягинъ, видимо наслаждаясь изумленіемъ своего пріятеля.

Захаръ Ипатычъ разсмотрѣлъ наконецъ пришельца. Это былъ красивый юноша, на видъ лѣтъ семнадцати, съ большими карими глазами и короткой русой бородкой, удлиннявшей правильный овалъ его тонкаго лица. Онъ былъ очень блѣденъ, краска вспыхивавшая на его немного впалыхъ щекахъ, мгновенно исчезала, въ смущеніи онъ не зналъ, куда дѣвать глаза, и немилосердно мялъ въ рукахъ картузъ. Не взирая на простонародную одежду, въ которую онъ былъ облеченъ, во всей фигурѣ его было что-то элегантное, чуйка сидѣла на немъ точно на ряженомъ, руки были узкія и бѣлыя, съ длинными, тонкими пальцами.

— Въ какомъ, значить, одѣяніи тятенька ихъ нашли, въ такомъ и предоставили,—пояснилъ вполголоса Бутягинъ въ отвѣтъ на растерянные взгляды, кидаемые на него Захаромъ Ипатычемъ.

— Сейчасъ доложу,—выговорилъ, наконецъ, задыхаясь отъ волненія этотъ послѣдній и, низко опустивъ голову, быстрыми шагами направился къ кабинету.

— Не робѣйте, сударь,—обратился съ самодовольной усмѣшкой Бутягинъ къ своему спутнику.

— Я ничего, Петръ Назарычъ,—дрожащими губами вымолвилъ чуть слышно юноша.

— Робѣть вамъ не слѣдъ,—продолжалъ шептать наставительнымъ тономъ его покровитель, посматривая на него полнымъ ласковаго умиленія взглядомъ.—Дяденька вашъ, господинъ добрый и благочестивый, ни для кого на свѣтѣ кривить душой не станетъ. А ужъ супруга ихняя, тетенька ваша Людмила Николаевна, ангелъ во плоти, можно сказать...

Долго распространяться ему не дали. Очевидно, вѣсть о ихъ появленіи разнеслась по всему дому. Изъ всѣхъ дверей выгляды-

вали любопытные глаза. Подбѣгутъ изъ коридора, высунутся въ буфетную, посмотрятъ и убѣгутъ, уступая мѣста другимъ.

Выползла изъ своего уголка за барышниными шкапами и няня Паня, а также Акулина Осиповна съ барыниной половины.

Встрѣтившись въ коридорѣ, старушки остановились на минутку, чтобъ обмѣняться нѣсколькими словами, доказывавшими какъ нельзя лучше солидарность ихъ взглядовъ относительно событія, взволновавшаго весь домъ.

— Прямо къ намъ его привели,—замѣтила няня Паня.

— А то куда же? Больше некуда, какъ къ намъ,—съ достоинствомъ выпрямляясь возразила Акулина.

— Совсѣмъ еще молоденькій!—вздохнула первая.

— Двадцать второй годъ ему,—замѣтила вторая.

— Робѣетъ, поди чай, сердечный!

— Какъ не робѣть!

Эти у двери не останавливались, а прошли прямо къ тому углу, гдѣ стоялъ Бутягинъ со своимъ protégé.

— Здравствуйте, Петръ Назарычъ!

— Мое почтеніе, Акулина Осиповна. Какъ поживаете, Пелагея Васильевна?

— Все ли у васъ благополучно? Супруга ваша, дѣтки?

— Благодаримъ покорно, все слава Богу.

Говорилось это однимъ языкомъ, но во взглядахъ, которыми они обмѣнивались, выражалось совсѣмъ другое.

— «Привели? Неужто онъ? Подкидышъ изъ воспитательнаго дома? Маѳы Митревны сынокъ?»—спрашивали глазами старухи.

— «Онъ самый, взгляните только на него и увидите, что сомнѣнія быть не можетъ»,—отвѣчалъ имъ улыбкой и кивками Бутягинъ.

Старухи уставились пристальнымъ, полнымъ жгучаго любопытства, взглядомъ на юношу. И по мѣрѣ того, какъ онѣ всматривались въ его черты, радостное умиленіе проясняло ихъ лица, онѣ признавали въ немъ отца. Вылитый Александръ Васильевичъ, когда онъ былъ молодымъ!

И на губахъ Бутягина торжествующая усмѣшка расплывалась все шире и шире.

Акулина первая опомнилась. — Здравствуйте, сударь,— вымолвила она, отвѣшивая поклонъ незнакомцу.

— Что-жъ вы не присядете? — привѣтливо замѣтила въ свою очередь няня Паня.

Юноша, отвѣтивъ на поклоны, стоялъ съ опущенной головой.

— Ничего-съ, мы постоимъ-съ,—весело ухмыляясь, отвѣтилъ за него Бутягинъ.

Наступило молчаніе. Старухи безъ церемоніи продолжали разсматривать пришельца, обмѣниваясь кивками и подмигивая другъ

другу. Чѣмъ больше смотрѣли онѣ, тѣмъ больше дивились его поразительному сходству съ молодымъ красавцемъ, котораго онѣ каждый день видѣли въ домѣ Воротыновскомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, котораго баринъ ихъ звалъ братцемъ, а старые господа, теперь уже покойники, племянникомъ.

— Надо барынѣ доложить,—шепнула няня Паня своей подругѣ.

— Доложимъ, — согласилась эта послѣдняя, не трогаясь съ мѣста.

— Не разболтали бы заранѣе дѣвки,—озабоченно оглядываясь на двери, съ толпившимся въ нихъ народомъ, замѣтила няня Паня.

На это Акулина отвѣтила, что барыня еще почиваетъ. Оторваться отъ созерцанія юноши она была не въ силахъ.

Прошлое такой могучей волной всплывало ей на память, что настоящее утопало въ немъ. Она видѣла себя въ старомъ Воротыновскомъ домѣ, среди людей, наполнявшихъ его тогда, когда она сама живой молодой дѣвкой шмыгала босикомъ по длиннымъ темноватымъ корридорамъ и комнатамъ съ узкими окнами и пестрыми изразцовыми печами, покойницу старую барыню Марѳу Григорьевну съ ея штатомъ: маленькой барышней-сиротой, Митинькой, Варварой Петровной, Ѳедосьей Ивановной, Самсонычемъ... Воскресала въ ея воображеніи сцена пріѣзда молодаго барина съ щеголемъ-гувернеромъ... Одѣть бы вотъ этого, что стоитъ теперь передъ нею въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ, такъ, какъ тотъ былъ одѣтъ, въ голубой бархатный кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ, въ башмаки съ пряжками, розовые шелковые чулки и кружевное жабо, напудрить бы ему волосы, еще больше былъ бы тогда похожъ на наслѣдника старой барыни.

И странное дѣло, съ матерью у него тоже сходство есть. Пожалуй, даже больше, чѣмъ съ отцомъ.

Оба они, эти дѣти одной крови, богатый наслѣдникъ, представитель стариннаго знатнаго рода, и безродная сиротка, дочь обезчещенной дѣвушки, сливались въ лицѣ этого блѣднаго, золотокудраго юноши: черты—отца, выраженіе—матери.

— Петръ Назарычъ, пожалуйте къ барину,—раздался въ дверяхъ голосъ стараго камердинера.

— Пожалуйте и вы, сударь,—прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, обращаясь къ спутнику Бутягина.

— Ступайте, сударь, ступайте, не робѣйте,—напутствовали старухи въ одинъ голосъ юношу въ то время, какъ онъ слѣдовалъ за своимъ покровителемъ въ кабинетъ.

Людмила Николаевна сидѣла въ своей уборной передъ туалетомъ, и горничная причесывала ей волосы, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги ея мужа.

По одной его походкѣ, торопливой и неровной, она догадалась, что случилось нѣчто необычайное, и тревожно оглянулась на дверь, въ которую онъ долженъ былъ войдти.

— Что̀ случилось, мой другъ? Почему ты еще не уѣхалъ въ сенатъ?—спросила она, едва только онъ показался на порогѣ, въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ, высоко взбитымъ хохломъ бѣлокурыхъ густыхъ волосъ и въ большомъ атласномъ галстухѣ, подпиравшемъ гладко выбритыя щеки. Отъ этого галстуха съ бѣлыми туго накрахмаленными воротничками черты худощаваго лица Ратморцева, съ большими, глубокими темными глазами, казались еще тоньше.

— Не пугайся, ничего дурнаго для насъ не случилось. Намъ надо переговорить, вышли дѣвушку,—сказалъ онъ пофранцузски, указывая на горничную.

— Ступай, Лиза, я позову, когда надо будетъ. Да скажи тамъ, чтобъ барышни подождали сюда приходить, я сама къ нимъ приду,—приказала Людмила Николаевна горничной, заплетавшей ей косу.

И, оставшись съ мужемъ наединѣ, она стала закидывать его вопросами:—Что такое? На тебѣ лица нѣтъ... Дѣти? Что нибудь съ дѣтьми случилось? Я только сейчасъ проснулась, не успѣла еще про нихъ спросить...

— Нѣтъ, нѣтъ, я же тебѣ говорю, ничего дурнаго для насъ не произошло.

Онъ опустился въ кресло, стоявшее у туалета, взялъ руки жены и, нѣжно пожимая ихъ, видимо затрудняясь начать свое повѣствованіе, повторялъ ей, чтобъ она не безпокоилась.

— Да что такое? Я покойна, скажи скорѣе.

— У меня былъ сейчасъ Бутягинъ...

— Зачѣмъ онъ опять пришелъ?—спросила она съ досадой.

Не долюбливала она этихъ Бутягиныхъ, втягивавшихъ, какъ ей казалось, ея Сережу въ непріятное и опасное Воротыновское дѣло. Давно не было о нихъ ни слуху, ни духу, а теперь опять!

— Что имъ отъ тебя нужно?

— Да все по тому же дѣлу...

У нея сдвинулись брови.

— Новое что нибудь случилось?

— Милуша, ты только не пугайся и не безпокойся: онъ былъ у меня не одинъ, а съ н и м ъ, съ этимъ... сыномъ Александра, нашимъ племянникомъ,—объявилъ отрывисто Сергѣй Владиміровичъ.

Она отъ изумленія не въ силахъ была произнести ни слова и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Да, моя душенька, — продолжалъ онъ, постепенно одушевляясь,—я просто не могу прійдти въ себя отъ изумленія передъ

настойчивостью этихъ людей. Добились-таки своего, розыскали этого несчастнаго. .

— Онъ похожъ на отца?

— Поразительно. Я не зналъ, кого я увижу, меня не предупредили, что Бутягинъ съ н и м ъ пришелъ, но когда о н ъ вошелъ, мнѣ показалось, что передо мной Alexandre, такой, какимъ онъ былъ шестнадцати лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ на службу и явился къ намъ съ письмомъ отъ нашей общей прабабки Марѳы Григорьевны.

— Ты съ нимъ говорилъ? Какъ его зовутъ?

— Григоріемъ. Фамильное имя Воторынцевыхъ, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой.—Можетъ быть, это и нечаянно вышло, но надо сознаться, что это странное стеченіе обстоятельствъ. И голосъ такой же, какъ у отца. Смущенъ безмѣрно. Съ полчаса они у меня пробыли въ кабинетѣ. Говорилъ я больше съ Бутягинымъ, а тотъ отъ страха и волненія былъ блѣденъ, какъ полотно, и дрожалъ, какъ листъ. Очень жалокъ. Я долженъ былъ самъ проводить ихъ до прихожей, чтобъ люди не лѣзли на него смотрѣть. Оно понятно, что онъ имъ любопытенъ, вѣдь такихъ, что помнятъ его отца молодымъ, у насъ въ дворнѣ не мало найдется.

— Есть и такіе, которые и мать его знали, — замѣтила Людмила Николаевна.

— Ну, вотъ видишь. У него и взглядъ отцовскій. О, это сынъ Александра, сомнѣваться въ этомъ невозможно. Я по одному его сходству съ отцомъ призналъ бы въ немъ племянника, если-бъ даже не было другихъ доказательствъ. А ихъ много. Почти все, что надо, всѣ документы, необходимые для признанія его законнымъ сыномъ Воротынцева, въ ихъ рукахъ.

— И что же ты намѣренъ дѣлать? — боязливо заглядывая въ лицо мужа, спросила Людмила Николаевна.

Онъ нахмурился.

— Во всякомъ случаѣ прогнать намъ его нельзя! — отрывисто вымолвилъ онъ.

— Правда твоя, нельзя,—печально вздохнула она.—Но что-жъ намъ съ нимъ дѣлать? Чѣмъ можемъ мы ему быть полезны?

— Очень многимъ. Вѣдь ты только подумай, онъ совсѣмъ одинъ на свѣтѣ, окруженъ сильными и могущественными врагами, а друзей у него — одни только эти Бутягины. А роль ихъ въ этомъ дѣлѣ ужъ кончена. Больше того, что они сдѣлали, требовать невозможно. Они и сами это сознаютъ, потому и привели его къ намъ.

— Да вѣдь не совсѣмъ же, Сережа? Не можетъ же онъ у насъ жить!—вскричала она съ ужасомъ.

Сергѣй Владиміровичъ съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Они ужъ ушли, ты его не увидишь, не безпокойся, — возразилъ онъ сердито.

И, поднявшись съ мѣста, молча прошелся по комнатѣ.

Она съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣла на него, смутно предчувствуя, что онъ рѣшился на что-то такое непріятное и опасное, но что спорить и разубѣждать его не стоитъ, рѣшенія своего онъ не измѣнитъ. И, заранѣе покоряясь всѣмъ послѣдствіямъ этого рѣшенія, она молила Бога научить ее, какъ дѣйствовать, чтобъ отвратить грозившую ихъ мирному гнѣздышку бурю.

— Вотъ что, моя душенька, — началъ онъ мягче, снова останавливаясь передъ нею, — прежде всего я попытаюсь свести его съ отцомъ, помоему это необходимо... Постой, дай мнѣ договорить, самъ онъ въ своемъ дѣлѣ ничего не понимаетъ, всего боится и ни на какія рѣшительныя мѣры неспособенъ. Я увѣренъ, что по временамъ ему дѣлается такъ жутко въ положеніи претендента, въ которомъ онъ нежданно-негаданно очутился, что онъ не безъ сожалѣнія вспоминаетъ то время, когда мнилъ себя сиротой безъ роду, безъ имени, но Бутягины—не то, они рѣшили довести это дѣло до конца и доведутъ. Деньги у нихъ есть, щадить Воротынцева у нихъ нѣтъ причинъ, а память той, которую онъ погубилъ, имъ почему-то чрезвычайно дорога. Правда, что слѣдствіе затягивается, у Александра, повидимому, очень ловкій ходатай; подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ ему ужъ удалось такъ устроить, что дѣло отослали назадъ въ Тулу, отошлютъ и во второй разъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть, даже и въ третій, но есть другой способъ кончить слѣдствіе скорѣе — это подать прошеніе на высочайшее имя, и вотъ старикъ привезъ сюда своего protégé именно съ этою цѣлью. Если только государь заинтересуется этимъ дѣломъ, что весьма возможно, оно будетъ окончено въ пользу этого юноши, и тогда Alexandre погибъ.

— Да что же ты-то тутъ можешь сдѣлать?— умоляющимъ голосомъ протянула Людмила Николаевна.

Онъ отвернулся, чтобъ не видѣть слезъ, засверкавшихъ на ея глазахъ, и твердо произнесъ:

— Я могу попытаться его спасти.

Она промолчала.

— Сейчасъ ѣду въ сенатъ, а оттуда къ Воротынцеву,—прибавилъ онъ.

— Помоги тебѣ Богъ,—вымолвила она со вздохомъ.

— О! Я очень мало разсчитываю на успѣхъ,—сказалъ онъ, обнимая ее.

XV.

Капитанъ Ожогинъ, Николай Ивановичъ, жилъ съ дочерью у Египетскаго моста, въ собственномъ домѣ, небольшомъ, правда, всего только пять комнатъ внизу да три въ мезонинѣ, но на дворѣ съ кухней и людской оставалось еще столько мѣста, что онъ раз-

велъ тутъ огородъ и садикъ. Послѣдній состоялъ изъ стараго дуба, посаженнаго еще его покойнымъ дѣдомъ сто лѣтъ тому назадъ, да изъ десятка березъ и липокъ болѣе современнаго происхожденія. Подъ дубомъ была скамеечка, сколоченная Филаткой, который при случаѣ умѣлъ и хохолъ барину подвить и напудрить, и башмаки ему починить, и клѣтку для барышниной птички сдѣлать, и мебель, какую угодно, смастерить. Онъ же и часы съ кукушкой поправлялъ, когда они начинали врать, и замки починялъ. Преполезный человѣкъ былъ этотъ Филатка, и если-бъ не пилъ запоемъ, цѣны бы ему не было. Ну, да вѣдь одинъ Богъ безъ грѣха, а люди всѣ съ изъянцемъ.

Въ огородѣ, трудами рукъ Филатки съ бариномъ, успѣшно произростали огурцы, морковь и редиска.

Въ домѣ былъ залецъ съ узкимъ зеркаломъ въ широкой рамѣ, старенькимъ фортепьяно, жесткими, съ волосянымъ сидѣньемъ, стульями и обѣденнымъ столомъ посреди, гостиная съ диваномъ и креслами, обитыми голубой матеріей разводами въ чехлахъ, поясные, масляными красками, портреты хозяина и хозяйки по стѣнамъ, тумбочка изъ краснаго дерева съ часами на самомъ видномъ мѣстѣ. Дальше была угловая, въ которой помѣщалась Полинька, а комнаты, выходившія окнами на дворъ, служили складочнымъ мѣстомъ для шкаповъ и сундуковъ съ господскими вещами и жильёмъ для женской комнатной прислуги, состоявшей изъ старухи няни, двухъ ея дочерей и дѣвчонки сироты, привезенной изъ деревни для побѣгушекъ.

Мезонинъ занималъ самъ полковникъ съ вѣрнымъ своимъ Филаткой и казачкомъ. Поваръ съ женой-прачкой и полдюжиной ребятишекъ жили въ надворныхъ строеніяхъ.

Ожогинъ былъ хорошій хозяинъ и отлично умѣлъ распоряжаться своими небольшими средствами. Кромѣ пенсіи да дома, у него было еще маленькое имѣньице въ Псковской губерніи, и онъ съ дочерью жилъ безбѣдно.

А съ тѣхъ поръ, какъ Полинька познакомилась съ Воротынцевыми, обстоятельства ихъ еще улучшились.

M-lle Lecage (старая знакомая Ожогиныхъ: Полиньки еще на свѣтѣ не было, когда Николай Ивановичъ, тогда еще поручикъ и холостой, строилъ ей куры въ Москвѣ, гдѣ она воспитывала дѣтей у какого-то князя и гдѣ полкъ его стоялъ три года сряду), m-lle Lecage устроила такъ, что у Воротынцевыхъ щедро платили Полинькѣ за то, что она пѣла дуэты съ Мартой.

Надо отдать справедливость Полинькѣ, она напрямикъ и съ обычною своею рѣзкостью отказалась брать деньги за удовольствіе проводить время въ обществѣ умной и веселой дочери Александра Васильевича.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала на это со своей тонкой усмѣшкой француженка,—мы это какъ нибудь иначе уладимъ.

И уладила. Полковникъ Ожогинъ любилъ деньги и особенною щепетильностью отъ природы не отличался; плату за дочь онъ съ удовольствіемъ согласился получать, и каждое первое число ему вручали черезъ m-lle Lecage или черезъ лакея конвертъ отъ Воротынцева съ шестью синенькими бумажками.

Тридцать рублей ассигнаціями значили въ то время втрое больше, чѣмъ теперь та же сумма на серебро. А послѣдній разъ, къ первому января, ему прислали цѣлыхъ пятьдесятъ рублей, и, кромѣ того, Полинька получила отъ своей пріятельницы щедрый подарокъ— золотой браслетъ и серьги.

Правда, что съ наступленіемъ зимы она почти каждый день бывала у Воротынцевыхъ. Марта въ свѣтъ почти совсѣмъ не выѣзжала и всѣ вечера занималась музыкой.

— Ужъ не готовится ли она тоже поступить на сцену, какъ и моя фантазерка, — замѣтилъ какъ-то разъ со смѣхомъ Ожогинъ въ присутствіи m-lle Lecage.

Эта послѣдняя скорчила печальную мину, жеманно опустила глазки и со вздохомъ объявила, что никогда нельзя впередъ знать, что насъ ожидаетъ въ будущемъ.

— Ну, ужъ до этого-то имъ никогда не дойти,—возразилъ Ожогинъ.—Такое состояніе, какъ у Воротынцевыхъ нельзя такъ разстроить, чтобъ ужъ ровно ничего отъ него не осталось.

Но француженка стояла на своемъ: все на свѣтѣ возможно.

Не взирая на деньги, тратившіяся въ домѣ, на блестящій балъ, данный у нихъ нэдняхъ, на наряды, выписанные для madame и mademoiselle изъ Парижа, monsieur чѣмъ-то крѣпко озабоченъ. Посторонніе, разумѣется, этого не замѣчаютъ, но отъ домашнихъ не скроешься. Къ нему теперь часто ходитъ un homme d'affaire, котораго прежде не видать было въ домѣ, худой такой, блѣдный, съ лицомъ іезуита, и каждый разъ послѣ посѣщенія этого субъекта monsieur очень мраченъ и не въ духѣ.

Да и вообще онъ во многомъ перемѣнился съ прошлаго года, не такъ строгъ и взыскателенъ къ домашнимъ, какъ прежде, меньше во все вмѣшивается, по недѣлямъ не входитъ въ комнаты жены, видится съ нею только за обѣдомъ и не спрашиваетъ про дѣтей.

О! m-lle Lecage все это отлично замѣчаетъ. Ей даже было извѣстно, что къ нему стала ходить (и большею частью по вечерамъ, когда стемнѣетъ) жена его камердинера, une certaine Malache, женщина лѣтъ сорока, съ черными пронзительными глазами, на худомъ лицѣ. Когда monsieur ведетъ съ нею переговоры, заперщись въ кабинетѣ, мужъ этой особы, камердинеръ, расхаживаетъ, какъ часовой передъ будкой, по корридору.

Прежде эту Malache въ домъ не впускали.

Monsieur теперь и во дворецъ рѣже ѣздитъ; на приглашенія оттуда онъ отговаривается нездоровьемъ.

Запросто у нихъ никого не бываетъ, такъ что парадныя комнаты и не освѣщаются вовсе. Madame это на руку, она можетъ не одѣваться и по цѣлымъ днямъ просиживать безъ корсета, въ широкихъ капотахъ, со своими попами и юродивыми.

Mademoiselle, та тоже увѣряетъ, что ей несравненно пріятнѣе одной или вдвоемъ съ Полинькой, чѣмъ съ гостями. Drôles de gens tout de même.

Но m-lle Lecage съ m-r Rivière къ скучной жизни не привыкли, и если такой порядокъ въ домѣ Воротынцевыхъ вскорѣ не измѣнится, они будутъ искать другаго мѣста.

Разсказы эти Ожогинъ обыкновенно выслушивалъ, покуривая табакъ Жукова изъ длиннаго черешневаго чубука, молча и разсѣянно, какъ слушаютъ заведенную шарманку, въ одно ухо впуститъ, въ другое — выпуститъ. Но однажды, проводивъ гостью, онъ обратился къ дочери съ вопросомъ:

— Неужели Воротынцевъ и въ самомъ дѣлѣ разоренъ?

— Не думаю, папенька,—сдержанно отвѣчала дѣвушка.

— Отчего же у нихъ такія перемѣны въ домѣ?

— Никакихъ перемѣнъ я не замѣчала.

— Ты и замѣтишь, такъ не скажешь, тихоня, — проворчалъ онъ.—Небось тамъ у тебя языкъ-то развязывается, — продолжалъ онъ брюзжать, скашивая губы подъ сѣдыми усами въ ироническую гримасу.

— Герцогиня! Только съ вельможами удостоиваетъ разговоры водить, а съ отцомъ съ зашитымъ ртомъ сидитъ, принцесса!

— Я не понимаю, что вамъ отъ меня нужно, папенька. Сплетничать про Воротынцевыхъ я не стану, никогда вы отъ меня этого не дождетесь,—возразила она, вспыхивая до ушей отъ гнѣва.

— Ну, ладно, ладно, не хочешь говорить, и не надо, — поспѣшилъ онъ ее успокоить.

Но Полинька не унималась:

— На вашемъ мѣстѣ я бы слушать не стала розсказней этой пустой трещотки, m-lle Lecage, она злится на Мареу Александровну за то, что ее не хотятъ больше держать въ домѣ. Если ей не отказываютъ, то только изъ деликатности, ждутъ, чтобъ она сама поняла, что ей надо искать другаго мѣста.

— Тогда, пожалуй, и тебя, матушка, оттуда вытурятъ,—злобно хихикнулъ старикъ:—вѣдь по ея рекомендаціи ты тамъ принята.

Въ отвѣтъ на это обидное замѣчаніе дочь только усмѣхнулась.

Ея положеніе у Воротынцевыхъ было прочно: Марта жить безъ нея не могла.

Полинька была въ этомъ такъ убѣждена, что иначе не представляла себѣ будущаго, какъ въ домѣ своей знатной, богатой и ве-

ликодушной пріятельницы. Онѣ вмѣстѣ будутъ наслаждаться всѣми благами жизни, путешествовать, ѣздить въ свѣтъ, кружить головы мужчинамъ и возбуждать зависть; женщинъ обѣ онѣ умны, красивы, талантливы, а Марта къ тому же знатна и богата за двухъ. Всюду можетъ она ввести свою подругу, въ самое высшее общество; дочь полковника Ожогина краснѣть ее за себя не заставитъ.

Марта ужъ исподволь хлопотала о томъ, чтобъ Полиньку взяли ей въ компаньонки.

Воротынцевъ сталъ съ нѣкоторыхъ поръ удивительно податливъ; всѣ капризы дочери онъ исполняетъ и съ каждымъ днемъ предоставляетъ ей все больше и больше свободы.

Съ француженкой насчетъ Марты онъ ужъ не совѣщается больше, а прямо обращается къ дочери, безъ посредниковъ. Между ними происходятъ иногда бурныя объясненія. Папенька вспыльчивъ и упрямъ, да и дочка не изъ кроткихъ, но она его такъ обожаетъ, что противиться его желаніямъ не можетъ. Въ одномъ только не хочетъ она ему уступить: въ его требованіи, чтобъ она выбрала себѣ жениха между молодыми людьми, являющимися претендентами на ея руку. Марта замужъ выходить не желаетъ, и Полинька ей въ этомъ вполнѣ сочувствуетъ. Что за охота связывать себя по рукамъ и по ногамъ, отказываться на всю жизнь отъ личной жизни и свободы, не насладившись всласть и тѣмъ и другимъ!

Въ планахъ, которые онѣ строили, для мужей мѣста не находилось. Имъ вдвоемъ было такъ хорошо, третій могъ только испортить ихъ счастье.

Мало по малу Полинька сдѣлалась необходимымъ членомъ тѣснаго кружка Воротынцевской семьи. Марту ужъ отпускали съ нею кататься въ открытыхъ саняхъ, безъ всякихъ другихъ провожатыхъ, кромѣ выѣзднаго лакея на запяткахъ.

Вначалѣ Александръ Васильевичъ спросилъ какъ-то разъ у m-lle Lecage: знаетъ ли она на столько хорошо дѣвицу Ожогину, чтобъ вполнѣ ручаться за нее?

— О! Вѣдь она воспитывалась у графини Зборовской, — отвѣчала француженка. И отвѣтомъ этимъ Александръ Васильевичъ удовлетворился.

Видѣть Полиньку почти каждый день за обѣдомъ вошло у него въ привычку; когда ея не было, ему точно чего-то не доставало, и онъ спрашивалъ у дочери:—Гдѣ же твоя подруга?

Съ удовольствіемъ слушалъ онъ, когда онѣ пѣли вмѣстѣ.

Правда, что нигдѣ Полинька не пѣла такъ чудесно, какъ у Воротынцевыхъ.

Въ ихъ большой залѣ съ хорами былъ такой прекрасный резонансъ, не то что въ маленькихъ, душныхъ и низкихъ комнатахъ полковника Ожогина.

А рояль Вирта, какое наслажденіе на немъ играть!

И сколько нотъ! Все, что угодно, у нихъ есть, а чего нѣтъ, стоитъ только сказать, сейчасъ пошлютъ купить въ магазинъ или выпишутъ изъ-за границы. Тоже и книги, и гравюры, и картины, какое множество всего этого было у нихъ въ домѣ.

А столъ и сервировка! Когда Полинька вспоминала про то, что она пила и ѣла у Воротынцевыхъ, про тяжелое серебро, севрскій фарфоръ и богемскій хрусталь, которыми у нихъ уставлялся столъ, ей противно было дотрогиваться до грубой и неуклюжей посуды, которой она должна была довольствоваться дома.

Полинька сидѣла у окна и шила.

Прическа ея была совсѣмъ готова. Машка, спеціалистка по завиванію волосъ, вывернула изъ бумажекъ, въ которыя онѣ были съ вечера заключены на всю ночь, длинныя пряди, свернутыя колечками, расчесала ихъ и, навивъ на палецъ, ловко спустила акуратными тирбушонами, по семи или восьми штукъ, съ каждой стороны барышнинаго личика. Косу она еще раньше заплела шириной въ двѣ ладони и уложила вокругъ черепаховой гребенки, высоко на макушкѣ, такъ чтобы спереди коса эта напоминала корону.

За прической барышня съ часъ, если не больше, просидѣла передъ небольшимъ зеркальцемъ своего скромнаго туалета. Но времени оставалось много, раньше двухъ часовъ за нею отъ Воротынцевыхъ не пришлютъ, а поднималась она всегда съ постели въ шесть. До девяти пѣла вокализы и упражнялась въ гаммахъ; потомъ заперлась въ своей комнатѣ, чтобы повторить итальянскія вокабулы: она училась вмѣстѣ съ Мартой итальянскому языку, и сегодня у нихъ долженъ быть урокъ.

Часу въ двѣнадцатомъ Полинька принялась за свой туалетъ. Но когда пришлось надѣвать платье, оно оказалось незаштопаннымъ.

Это было древнее платье, шелковое, цвѣта gorge de pigeon, передѣланное самой барышней (Полинька отлично умѣла шить) изъ капота ея покойной матери. До знакомства съ Воротынцевыми она дышать боялась на это платье, такъ его берегла, но теперь стала надѣвать его каждый день и, разумѣется, такого безцеремоннаго обращенія почтенная старушка не выдержала и стала разлѣзаться.

— Что это такое? — строго спросила Полинька, указывая на широкую прорѣху, бѣлѣвшуюся на видномъ мѣстѣ.

— Виновата, барышня, всю юбку пересматривала, а этого не примѣтила.

— Пересматривала! Хорошо ты пересматривала,—сердито передразнила ее Полинька.—Дрянь!—прибавила она сквозь зубы, вырывая у нея изъ рукъ злополучное платье.

— Ей-Богу, барышня,—продолжала оправдываться горничная, но на нее прикрикнули еще строже.

— Молчи! Подай мнѣ рабочій ящикъ, я сама починю.

Это оказалось не такъ-то легко: по мѣрѣ того, какъ зашивалась одна дыра, открывалась другая. Отъ ветхости матерія по всѣмъ направленіямъ сѣклась и сдѣлалась мѣстами тонкая, какъ батистъ; при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи—бѣда.

«Платье это невозможно дольше носить»,—думала Полинька:—«надо новое сдѣлать и какъ можно скорѣе».

У старика Ожогина были деньги, и его собственныя сбереженія и тѣ, что онъ получалъ за Полиньку отъ Воротынцевыхъ, но онъ подниметъ такой гвалтъ при первомъ намекѣ на необходимость съ ними разстаться, что дочь со дня на день откладывала съ нимъ бесѣду на этотъ счетъ. Но ужъ сегодня она ему непремѣнно скажетъ, что ей нужны деньги. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ въ заштопанномъ платьѣ ѣздить къ такимъ вельможамъ, какъ Воротынцевы. У нихъ горничныя лучше одѣваются, чѣмъ она. Ужъ ей разъ m-lle Lecage замѣтила, чтобъ она больше обращала вниманіе на свой туалетъ, когда къ нимъ пріѣзжаетъ: «Vous savez, mon enfant, les domestiques, c'est une abominable engeance, rien ne leur échappe, absolument rien».

Навѣрное ужъ была рѣчь про ея заштопанное платье въ дѣвичьихъ у Воротынцевыхъ, m-lle Lecage даромъ ничего не скажетъ.

Необходимо также новый салопъ спить. Бѣличій мѣхъ, крытый коричневымъ драдедамомъ, пожертвованный Полинькѣ ея покойной благодѣтельницей, полупомѣшанной графиней, у которой она воспитывалась (вотъ тоже скряга-то была, упокой Богъ ея душу!), совсѣмъ облѣзъ и сидѣть въ такомъ салопѣ рядомъ съ Мартой въ саняхъ, обитыхъ бархатомъ, или на атласныхъ подушкахъ открытой коляски, было очень совѣстно. Да и башмаки давно ужъ просились въ отставку, носки каждое утро Филатка чернилами замазывалъ.

Рублей двѣсти понадобится на то, чтобъ обновить ея туалетъ, это по меньшей мѣрѣ.

И хотя у нея морозъ подиралъ по кожѣ при мысли о сценѣ, которую ей придется выдержать, чтобъ получить желаемое, тѣмъ не менѣе она повторила себѣ, что надо дѣйствовать.

Какая гадость быть бѣдной!

Она вспомнила, какъ надняхъ г. Воротынцевъ вошелъ въ комнату дочери и, положивъ на письменный столъ свертокъ съ золотыми, небрежно замѣтилъ:

— Это тебѣ на булавки, Марта.

Въ сверткѣ было десять червонцевъ. Марта имъ вовсе не обрадовалась; она преравнодушно переложила ихъ въ свой кошелекъ и, когда отецъ вышелъ, замѣтила, что надо часть этихъ денегъ

послать въ парфюмерный магазинъ, гдѣ она забирала свои косметики, никогда не торгуясь, выбирая то, что ей нравилось, не спрашивая о цѣнѣ и не провѣряя счетовъ. Въ прошломъ году, замѣтивъ, что Полинькѣ нравится запахъ помады, которой она помадилась, Марта подарила ей банку этой помады. Дѣвица Ожогина такъ берегла ее, что добрая половина у нея еще цѣла, тогда какъ у Марты навѣрное болѣе дюжины такихъ банокъ вышло.

Каждый мѣсяцъ Марта заказываетъ себѣ новыя платья. Принесутъ ей изъ магазиновъ цѣлые вороха матерій, она и выберетъ, что ей понравится, а по счетамъ камердинеръ г. Воротынцева, Михаилъ Ивановичъ, расплачивается.

Также француженкѣ модисткѣ за фасонъ, за шляпы, цвѣты, ленты, за все это отецъ ея платитъ.

Какъ только что надоѣла вещь, она ее бросаетъ, часто даже ни разу не надѣвши, и покупаетъ другую. Своимъ горничнымъ и m-lle Lecage Марта даритъ платья, которыя Полинька за счастье почла бы на себя надѣть.

Хорошо быть богатой!

Когда онѣ будутъ жить вмѣстѣ, Полинька просвѣтитъ свою подругу насчетъ многаго и научитъ ее пользоваться благами, такъ щедро отпущенными ей судьбой, между прочимъ, и деньгами...

Занятая думами и работой, она не замѣчала, какъ летѣло время.

Капитанъ Ожогинъ, свершивъ свою обычную прогулку до Невскаго и назадъ пѣшкомъ, вернулся домой. Дойдя до своего дома, онъ, по обыкновенію, постучался палкой въ окно дочери, Это значило, что пора подавать обѣдать, и, услышавъ этотъ стукъ, Полинька всегда хлопала въ ладоши и объявляла прибѣгавшей на ея зовъ дѣвчонкѣ, что папенька вернулся и сейчасъ кушать спроситъ.

Но сегодня она не шелохнулась, услыхавъ стукъ, только сдвинула еще больше свои черныя брови и стиснула еще крѣпче губы.

Заискивать въ людяхъ, которые ей были нужны, она терпѣть не могла, и предпочитала насиловать ихъ волю холодною твердостью и упорствомъ. До сихъ поръ система эта ей удавалась не только съ отцомъ, но и со всѣми, съ кѣмъ сталкивала ее судьба.

По крылечку, выходившему на улицу, раздались шаги, дверь въ прихожую растворилась, и громкій, повелительный голосъ хозяина пронесся по всему дому.

— Фомка, обѣдать! Высушенъ у тебя табакъ, пострѣленокъ? Смотри у меня! Если трубка понамеднишнему будетъ раскуриваться, задамъ я тебѣ знатную порку... Гдѣ Филатка? Бѣги за нимъ... Барышня еще не уѣхала?

Ему отвѣчали, что за барышней еще не пріѣзжали, и вмѣсто того, чтобы подняться по лѣстницѣ къ себѣ въ мезонинъ, онъ повернулъ изъ залы въ гостинную, чтобъ пройти въ комнату дочери.

— Ба, ба, ба! Еще не одѣта? Что-жъ это должно означать?— иронически протянулъ онъ, останавливаясь на порогѣ.

— Платье чиню, все разорвано,—отвѣчала она угрюмо, накидывая на голыя плечи большой платокъ.

И, не давая ему опомниться, она прибавила, не поднимая на него глазъ:

— Надо новое сдѣлать, пожалуйте мнѣ денегъ, будьте такъ добры.

Лицо старика, съ сѣдыми, взъерошенными бровями и жесткими, щетинистыми усами, мгновенно все сморщилось, какъ печеное яблоко.

— Что такое? Денегъ? Давно ли я тебѣ десять рублей далъ?— вскричалъ онъ запальчиво.—Каждый день по десяти рублей тебѣ на тряпки отваливать, не жирно ли будетъ, сударыня?

— Мнѣ надѣть нечего,—повторила она.

— Гдѣ это ты выучилась рублями-то швырять? а?—продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ ея возраженія.—Графиня-то не изъ щедрыхъ была, капиталомъ тебя не наградила. Даже тряпья не оставила на память, материнское наслѣдство треплешь, по вельможамъ-то своимъ таскаючись. Говорилъ я тебѣ, Пелагея, что такое знакомство не по насъ и до добра тебя не доведетъ...

Никогда не говорилъ онъ ей ничего подобнаго, но возражать ему и спорить съ нимъ было все равно, что подливать масло въ огонь. Полинька это знала и молча ждала, чтобъ прошла буря.

Однако, когда онъ договорился до такихъ обидныхъ выраженій, какъ: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, залетѣла ворона въ высокіе хоромы», она не вытерпѣла и, вспыхнувъ до ушей, напомнила ему, что она тоже дворянка и служить посмѣшищемъ Воротынцевской челяди не желаетъ.

— Я лучше совсѣмъ у нихъ не стану бывать, напишу Мароѣ Александровнѣ, что какъ я ея ни люблю...

— Ты-то ее любишь, а она-то могла бы и поласковѣе съ тобой обходиться,—проворчалъ онъ себѣ подъ носъ, но ужъ значительно мягче прежняго.

— Она и такъ ко мнѣ добра и будетъ еще добрѣе, если... если имъ не показывать, что мы въ нихъ нуждаемся,—прибавила она, понижая голосъ. А затѣмъ, помолчавъ немного, она подняла на отца выразительный взглядъ и проговорила:—Какъ это вы не понимаете, папенька, что если я начну носить обноски Мароы Александровны, мнѣ ужъ тогда изъ роли приживалки во всю жизнь не выйдти.

— Сколько же тебѣ нужно?—возразилъ онъ на это отрывисто.

— Мнѣ нужно платье, салопъ, башмаки...

— Те, те, те!—злобно захихикалъ онъ.—Можетъ быть, ужъ кстати и брилліантовый гребень, и колье жемчужное, я видѣлъ сегодня на Невскомъ въ магазинѣ, очень хороши.

Она молча передернула плечами и отвернулась къ окну.

— Ну, что же ты молчишь? Я у тебя спрашиваю, сколько тебѣ дать денегъ, не слышишь что ли?

— Двѣсти рублей, — отвѣчала она, не мѣняя позы.

Онъ съ минуту времени смотрѣлъ на нее выпученными глазами, беззвучно шевеля губами, точно соображая и высчитывая что-то въ умѣ, а затѣмъ крякнулъ, плюнулъ въ сторону и, медленно волоча ноги, побрелъ къ себѣ наверхъ, чтобъ принести ей потребованную сумму; она была въ этомъ вполнѣ увѣрена, старика своего она хорошо знала.

Погода съ утра стояла хорошая; морозецъ градусовъ въ пять безъ вѣтру и съ солнцемъ. Многіе пользовались такимъ яснымъ, погожимъ денькомъ, чтобъ прокатиться, и мимо оконъ Ожогинскаго дома то и дѣло проѣзжали сани и возки, но отъ Воротынцевыхъ ни экипажа, ни посланца до сихъ поръ не являлось.

Странно, однако, что за нею не пріѣзжаютъ. Наканунѣ, разставаясь съ Полинькой, Марта просила ее быть готовой пораньше. Учитель итальянскаго языка долженъ былъ явиться въ три часа, а до него ей хотѣлось разобрать новую оперу, переложенную для фортепьянъ въ четыре руки. Александръ Васильевичъ вечеромъ зайдетъ къ дочери, чтобъ прослушать нѣкоторыя мѣста изъ этой оперы. Обѣдали у Воротынцевыхъ ровно въ четыре часа. а послѣ обѣда заниматься музыкой нельзя было.

Время шло, а за Полинькой все не ѣхали. Она стала терять терпѣніе. Платье свое вычинила и надѣла. Не взирая на ветхость, оно отлично облегало ея высокую, стройную фигуру. Ни въ одномъ платьѣ у нея не было такой тонкой таліи, какъ въ этомъ.

Да, фигура у нея была замѣчательная, даже Александръ Васильевичъ Воротынцевъ заглядывался на нее. Это доставляло особенное удовольствіе Полинькѣ. Однажды за обѣдомъ, разсказывая про придворныя новости, про присутствіе государя въ маскарадахъ и про то, какъ свободно обращаются съ нимъ маски, онъ прибавилъ, что царь любитъ стройныхъ и высокаго роста женщинъ. При этомъ онъ такъ посмотрѣлъ на Полиньку, что она вспыхнула отъ удовольствія. «Такихъ, какъ вы», говорилъ взглядъ Воротынцева.

«Царь любитъ такихъ, какъ я», — повторилъ въ ней, точно эхо, внутренній голосъ.

И, чтобъ скрыть охватившее ее радостное смущеніе, она отвернулась и отошла въ противоположный конецъ комнаты, но и тутъ она продолжала чувствовать на себѣ взглядъ хозяина дома, и сердце ея сладко замирало отъ сознанія своего обаянія. Ужъ если такой знатокъ въ женщинахъ, какъ Воротынцевъ, любуется ею, то насчетъ остальныхъ можно быть покойной, всѣ будутъ у ея ногъ, стоитъ ей только показаться въ свѣтъ...

Въ залѣ накрывали на столъ, гремѣли посудой и серебромъ, шмыгали по коридору. Филатка явился къ ней съ докладомъ, что супъ на столѣ.

— Пожалуйте кушать, папенька ужъ сидятъ за столомъ, приказали васъ просить.

Ей очень не хотѣлось идти, но ослушаться отца было невозможно, особенно послѣ сцены изъ-за денегъ. Онъ, безъ сомнѣнія, вручитъ ей послѣ обѣда потребованную сумму, но ему хочется передъ тѣмъ помучить ее, ужъ безъ того онъ не можетъ.

Она не ошиблась, весь обѣдъ приставалъ онъ къ ней съ насмѣшками, иронизируя на счетъ ея пристрастія къ Воротынцевымъ и ихъ будто бы равнодушія и даже презрѣнія къ ней. Точно нарочно, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нарочно, выбиралъ онъ самыя чувствительныя мѣста въ ея душѣ, чтобъ колоть ее.

— Что, матушка, измѣнили тебѣ твои друзья... Надоѣла ты имъ, другую позабавнѣе да поголосистѣе, вѣрно, нашли... Напрасно только въ шелки да въ бархаты рядилась, въ корсетъ затягивалась да букли завивала. Сняла бы ты всю эту амуницію, да покушала бы со мной на здоровье баранинки съ кашкой... А, можетъ, ужъ отвыкла отъ нашихъ простыхъ блюдъ? Ну, что-жъ, мы другое для тебя закажемъ... Филька, бѣги въ кухню, скажи Микешкѣ, чтобъ сію минуту раздобылъ птичьяго молока, да ананасовъ, бламанже фрикасе сдѣлалъ бы для барышни...

— Полноте, папенька, — умоляюще вымолвила Полинька, указывая глазами на казачка, который не могъ воздержаться, фыркнулъ въ кулакъ.

Капитанъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и смолкъ. Онъ посвоему любилъ дочь и былъ не дурной человѣкъ; его и самого тревожило невниманіе къ ней Воротынцевыхъ, но онъ привыкъ для всѣхъ непріятнымъ образомъ выражать свое неудовольствіе, язвить направо и налѣво, когда былъ не въ духѣ. Люди къ нему близкіе это знали, и это не мѣшало имъ его любить и уважать. Ладила бы съ нимъ и дочь, если-бъ съ ранняго дѣтства не отдана была въ чужой домъ на воспитаніе.

Тамъ, у старой, полупомѣшанной графини, Полинька тоже выдержала ломку не изъ легкихъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ та, которой она подверглась бы у отца, и на бѣду свою пріобрѣла такіе привычки и вкусы, которымъ почтенный Николай Ивановичъ ужъ никоимъ образомъ не могъ сочувствовать.

Передъ концомъ обѣда, когда Ожогинъ доѣдалъ кисель, а Ѳомка ужъ готовилъ трубку, чтобъ подать ее тотчасъ, какъ баринъ спроситъ, подъ окнами раздался лошадиный топотъ и стукнула входная дверь.

— Ну, ступай, ступай, одѣвайся, за тобой пріѣхали, — посмѣиваясь сказалъ Ожогинъ, — дождалась таки. Раньше-то, поди чай,

поважнѣе гостей принимали, ну, а ужъ теперь, подъ вечеръ, и про тебя вспомнили...

— Постойте, папенька, это m-lle Lecage,— съ раздраженіемъ прервала его дочь.

Она выбѣжала въ прихожую, гдѣ француженка снимала безчисленные платки и платочки, которыми была окутана.

При первомъ взглядѣ на нее Полинька замѣтила, что она чѣмъ-то чрезвычайно разстроена. Она забыла нарумяниться; ея дряблыя, блѣдныя щеки повисли, нижняя челюсть такъ тряслась, что слова выговаривались съ трудомъ, крашеныя кудерки на лбу распустились, и противъ морщинъ мелкими нитями, перерѣзывавшихъ его, не было принято никакикъ мѣръ предосторожности: онѣ выступали во всемъ своемъ безобразіи и старили свою обладательницу лѣтъ на двадцать.

Едва только увидала она Полиньку, какъ рѣчь ея полилась неудержимымъ потокомъ.

Воротынцевы поступили съ нею самымъ низкимъ образомъ, comme de vrais cochons russes, выгнали ее изъ дому. Если Ожогины не дадутъ ей пристанища на эту ночь, она не будетъ знать, гдѣ ей голову преклонить.

— Oui, ils m'ont mis à la porte,— повторяла она.— Александръ Васильевичъ получилъ сегодня утромъ какое-то извѣстіе, которое такъ его разстроило, что онъ самъ себя не помнитъ. Сейчасъ къ нему пріѣзжалъ его родственникъ, г. Ратморцевъ, и, должно быть, по очень важному дѣлу, потому что они въ ссорѣ и никогда другъ у друга не бываютъ; г. Воротынцевъ его не принялъ...

Изліянія свои, начатыя въ прихожей, m-lle Lecage продолжала въ гостинной, куда поспѣшила провести ее Полинька. Туда же перебрался и Николай Ивановичъ съ своей трубкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я къ нимъ больше не вернусь, ни за что! Довольно натерпѣлась я и скуки, и страху въ этомъ домѣ за послѣднее время. Вещи мои я приказала привезти къ вамъ, мои добрые друзья, въ полной увѣренности, что въ гостепріимствѣ вы мнѣ не откажете...

— Спроси ты у нея, изъ чего у нихъ сыръ боръ загорѣлся,— обратился Ожогинъ къ дочери.— Налопотала съ три короба, а ничего не поймешь,— прибавилъ онъ угрюмо.— Пусть съ самаго начала и по порядку разскажетъ.

Полинька перевела желаніе отца гостьѣ, и она объяснила слѣдующее.

Утромъ все было прекрасно. Какъ всегда, madame поѣхала въ церковь (она съ нѣкоторыхъ поръ стала каждый день ѣздить въ церковь). M-lle Marthe кушала чай съ отцомъ и съ ml-le Lecage. Онъ былъ, правда, молчаливъ и серьезенъ, но особеннаго разстройства въ немъ еще не было замѣтно, какъ вдругъ явился камерди-

неръ и доложилъ ему что-то такъ тихо, что m-lle Lecage не разслышала, но она видѣла, что monsieur измѣнился въ лицѣ и, не допивъ чая, торопливо вышелъ изъ столовой. M-lle Marthe тоже ушла къ себѣ и принялась за пѣніе. Прошло съ часъ времени. M-lle Lecage не сидѣлось на мѣстѣ, рулады m-lle Marthe нагнали на нее тоску; она не могла ни читать, ни работать и, вспомнивъ, что не дѣлала моціона послѣ завтрака, сошла внизъ. Моціонъ необходимъ для пищеваренія, ей это лучшіе доктора говорили...

— Да, да, мы это знаемъ, что же дальше? — прервала ее Полинька, внѣ себя отъ нетерпѣнія.

Дальше вотъ что случилось: бродя по дому и по своему обыкновенію заглядывая всюду, куда можно было заглянуть, m-lle Lecage увидѣла Михаила Ивановича, прохаживавшагося взадъ и впередъ по коридору передъ дверью въ кабинетъ, и заключила изъ этого, что у monsieur конференція, либо съ его homme d'affaire, либо съ Malache. M-lle Lecage вернулась въ залу и, чтобъ разсѣяться, подошла къ одному изъ оконъ и стала смотрѣть на улицу. Проѣзжало множество экипажей, и вдругъ одна карета остановилась у воротъ. Ливрейный лакей соскочилъ съ запятокъ и подошелъ къ дверцѣ, но не растворилъ ея, а только принялъ черезъ окно отъ сидѣвшаго въ каретѣ господина визитную карточку, съ которой онъ вошелъ во дворъ и поднялся по парадной лѣстницѣ. Появленіе этого лакея съ карточкой произвело у нихъ въ домѣ большой переполохъ; поднялась бѣготня, вызвали Михаила Ивановича изъ коридора, онъ взялъ карточку, положилъ ее на серебряный подносъ и особенно торжественной походкой направился въ кабинетъ. Долго онъ оттуда не возвращался. акей Лдожидавшагося въ каретѣ у воротъ господина стоялъ среди прихожей, съ серьезнымъ видомъ человѣка, сознающаго важность своей миссіи. Никто съ нимъ не заговаривалъ. Наконецъ, раздались шаги возвращавшагося изъ кабинета Михаила Ивановича, и всѣ головы обернулись въ его сторону.

Михаилъ Ивановичъ шелъ, потупившись и сдвинувъ брови.

— Передайте Сергѣю Владиміровичу, что Александръ Васильевичъ извиняются, они нездоровы и принять ихъ не могутъ,—проговорилъ онъ, не во весь голосъ, но, тѣмъ не менѣе, на столько громко, что m-lle Lecage какъ нельзя лучше разслышала эти слова.

А когда она обернулась, передъ нею стоялъ самъ Александръ Васильевичъ, блѣдный, съ дрожащими губами. И вотъ тутъ-то произошла между ними стычка.

— Je ne veux pas d'espions dans ma maison, mademoiselle, — сказалъ запальчиво Воротынцевъ.

— C'est un congé, monsieur? —спросила она.

Онъ отвѣчалъ утвердительно и прошелъ къ m-lle Marthe, которая оказалась такой же неблагодарной и безсердечной, какъ и ея отецъ. Однимъ словомъ вернуться къ Воротынцевымъ m-lle Le-

cage ужъ не хочетъ и, по правдѣ сказать, хотя ее и разстроило это приключеніе, но она рада, что представилась возможность покинуть этотъ домъ.

— Въ немъ происходитъ что-то страшное и таинственное, — продолжала она, понижая голосъ,—я ни минуты не могла спокойно спать послѣднее время. Каждую ночь грезились мнѣ жандармы, обыски, пытки, Сибирь...

— Папенька,—сказала Полинька, поднимаясь съ мѣста и подходя къ отцу,—позвольте мнѣ съѣздить къ Мароѣ Александровнѣ.

Не отнимая трубки отъ рта и продолжая смотрѣть сердито на француженку, капитанъ Ожогинъ одобрительно кивнулъ дочери, а когда она вышла изъ комнаты, онъ закричалъ ей вслѣдъ, чтобъ она взяла съ собой Филатку.

— Куда это хочетъ ѣхать m-lle Pauline?— спросила m-lle Lecage, озадаченная переговорами отца съ дочерью и уходомъ этой послѣдней.

Но отъ отвѣта на этотъ вопросъ старикъ уклонился.

— Ничего, разсказывайте дальше,—сказалъ онъ.

И, позвавъ казачка, приказалъ набить ему другую трубку.

XVI.

Вернувшись домой, Сергѣй Владиміровичъ прошелъ въ кабинетъ и, не снимая съ себя вицмундира, присѣлъ къ письменному столу и написалъ письмо, которое приказалъ немедленно отнести Александру Васильевичу Воротынцеву, а въ ожиданіи отвѣта онъ въ глубокой задумчивости сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Два раза Людмила Николаевна, волновавшаяся не меньше мужа, подходила къ маленькой двери, продѣланной между шкапами и замаскированной зеркаломъ, растворяла ее и затуманенными отъ слезъ глазами глядѣла на мужа. Онъ былъ такъ озабоченъ, что не замѣчалъ ея присутствія. У него не было потребности дѣлиться съ нею мыслями и, тихо притворивъ за собою дверь, она съ ноющимъ сердцемъ возвращалась къ себѣ.

Посланный вернулся скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Не прошло и часу, какъ Сергѣй Владиміровичъ держалъ въ рукѣ большой конвертъ, запечатанный гербовою печатью Воротынцевыхъ, съ надписью, начертанной крупнымъ и твердымъ почеркомъ.

Давно не видѣлъ Ратморцевъ этого знакомаго и нѣкогда дорогаго ему почерка. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ, живя въ одномъ городѣ и часто встрѣчаясь въ обществѣ, они притворялись вполнѣ равнодушными другъ къ другу.

Притворство со стороны Ратморцева несомнѣнное. Ни разу еще не обошлась такая встрѣча безъ того, чтобъ у него сердце не сжалось тоской и чтобъ онъ не всматривался украдкой и съ безотчет-

нымъ чувствомъ нѣжнаго участія въ лицо Александра Васильевича, подмѣчая перемѣны, происшедшія въ немъ отъ времени и тайныхъ мукъ и заботъ.

Обдумывая сдѣланный имъ первый шагъ, если не къ примиренію, то, по крайней мѣрѣ, къ сближенію съ этимъ человѣкомъ, Сергѣй Владиміровичъ не могъ не сознаться, что ни великодушія, ни христіанскаго смиренія съ его стороны въ этомъ поступкѣ нѣтъ, а есть только, всегда съ болью душевной подавленное, желаніе повидаться лицомъ къ лицу съ Воротынцевымъ и высказать ему все, что у него на душѣ противъ него.

Всегда жаждалъ онъ удобнаго случая, чтобы удовлетворить это желаніе, и примириться не могъ съ мыслью, что онъ можетъ не представиться во всю ихъ жизнь на землѣ. Ему казалось, что если Воротынцевъ умретъ раньше его, то къ разнообразнымъ чувствамъ, которыми будетъ полна его душа, когда онъ будетъ стоять передъ его открытымъ гробомъ, будетъ примѣшиваться горечь раскаянія и сознаніе, что онъ не исполнилъ вполнѣ своего долга относительно его.

Вотъ почему Сергѣй Владиміровичъ такъ поспѣшно и страстно ухватился за первую возможность доказать недругу свою преданность. Моментъ былъ выбранъ удачно. Положеніе Воротынцева, по мнѣнію Ратморцева, было такъ ужасно, что, зная его такъ, какъ онъ его зналъ, его гордость, самомнѣніе, презрѣніе къ людямъ, трудно было даже и представить себѣ что нибудь для него ужаснѣе этого. Друзей у него нѣтъ. Нѣтъ также такой подруги жизни въ лицѣ жены, какая была у Ратморцева. Дочь онъ, можетъ быть, и любитъ, но несчастье, обрушившееся на него, такого рода, что ему невозможно говорить о немъ съ дочерью.

Что въ первую минуту удивленія и недоумѣнія онъ его не принялъ, это не удивило Ратморцева. Вѣдь цѣль этого посѣщенія была ему неизвѣстна. Люди склонны судить о ближнихъ по себѣ; очень можетъ быть, что, чувствуя себя подавленнымъ несчастіемъ, Воротынцевъ могъ подумать, что тотъ, котораго онъ считалъ своимъ врагомъ, пріѣхалъ надъ нимъ глумиться.

Но подозрѣніе это должно было теперь разсѣяться; въ письмѣ своемъ Ратморцевъ ясно излагалъ причину своего посѣщенія.

«Я видѣлъ сегодня твоего сына. Онъ проситъ моей поддержки. Я могу оказать ее только въ такомъ случаѣ, если ты откажешь ему въ ней. Твой братъ С. Ратморцевъ.

«P. S. Мнѣ кажется, что исходъ этой печальной исторіи зависитъ отъ тебя. Слѣдствіе еще не кончено, а прошеніе на высочайшее имя можетъ и не быть подано, если ты этого не захочешь».

Все время, ѣдучи къ Воротынцеву, дожидаясь тамъ и возвращаясь назадъ, Сергѣй Владиміровичъ сочинялъ мысленно это письмо, а также подпись его и postscriptum, тщательно очищая его отъ всякаго выраженія, могущаго показаться обиднымъ для Але-

ксандра Васильевича или возбудить въ немъ подозрѣніе въ недоброжелательности писавшаго его.

И отчасти цѣль эта была достигнута. Воротынцевъ его понялъ и, кажется, былъ ему благодаренъ за попытку сближенія съ нимъ именно въ такую минуту, когда всѣ должны были отъ него отвернуться. Но протянутую ему руку онъ, тѣмъ не менѣе, оттолкнулъ отъ себя и всякую попытку на вмѣшательство въ его дѣла отстранилъ.

«Дѣлай, какъ хочешь» (сначала было написано «дѣлайте», но затѣмъ двѣ послѣднія буквы были вычеркнуты). Мнѣ все равно. Не принялъ тебя потому, что говорить намъ другъ съ другомъ не объ чемъ. Поздно. Твой братъ Александръ».

Долго сидѣлъ въ тяжеломъ раздумьѣ Сергѣй Владиміровичъ, облокотившись надъ полученнымъ письмомъ, и когда, наконецъ, онъ поднялъ опущенную на руки голову, въ глазахъ его стояли слезы.

Воротынцевъ былъ еще живъ, но его ужъ оплакивали, какъ покойника, съ тѣмъ чувствомъ всепрощенія и любви, съ которымъ каждый истинный христіанинъ взираетъ на бездыханное тѣло врага.

Весь день Сергѣй Владиміровичъ почти не видѣлся съ семействомъ и избѣгалъ не только оставаться наединѣ съ женой, но даже и встрѣчаться съ нею взглядомъ. За обѣдомъ онъ разговаривалъ съ дѣтьми и съ мьсё Vaillant; газету, которую онъ имѣлъ обыкновеніе просматривать, вставши изъ-за стола, за чашкой кофе въ гостинной, онъ унесъ въ кабинетъ, куда никто не позволилъ себѣ за нимъ послѣдовать, а вечеръ провелъ частью въ комитетѣ, а частью въ клубѣ. Только поздно ночью, отправившись въ спальню, приступилъ онъ къ объясненіямъ по поводу Воротынцевскаго дѣла.

Что Александръ Васильевичъ не захотѣлъ принять ея мужа, Людмила Николаевна не могла не знать, во всѣхъ углахъ дома толковали шепотомъ объ этомъ происшествіи. Свидѣтелями неудачнаго визита былъ и кучеръ, возившій его туда, и выѣздной Митька, относившій карточку барина.

— Очинно тамъ переполошились, — разсказывалъ Митька собравшимся вокругъ него лакеямъ и казачкамъ въ буфетной, послѣ господскаго обѣда.

— Еще бы не переполошиться,—замѣтилъ Захаръ Ивановичъ.— На словахъ ты, чай, о баринѣ-то нашемъ доложилъ?

— Какъ вы приказывали, на словахъ: его превосходительство Сергѣй Владиміровичъ Ратморцевъ желаютъ, говорю, г. Воротынцева видѣть. Ну, тутъ и поднялась кутерьма. За камардиномъ побѣжали...

— Это за Михаиломъ значитъ, — степенно подсказалъ Захаръ.

— А тутъ старушка такая древняя изъ колидора выползла и тоже на меня уставилась.

— Въ чепцѣ? Сухопарая?

— Нѣтъ, платкомъ повязана.

— Ну, это Марина Савишна, ихней барыни Марьи Леонтьевны старшая горничная,—рѣшилъ старикъ.

— И что-жъ Михайло-то?

— Да что, Захаръ Иванычъ, испужался и онъ тоже, какъ и всѣ. Какъ отлепортовалъ я ему про барина, въ лицѣ ажно измѣнился, глаза этта выпучилъ, губы побѣлѣли. Протянулъ руку за карточкой, а рука-то дрожитъ.

— Ишь ты! Понялъ значитъ, что баринъ нашъ попусту безпокоить бы себя не сталъ къ нимъ ѣздить, — процѣдилъ сквозь зубы Захаръ.—Ему, этому самому Михайлѣ, все извѣстно,—обратился онъ къ буфетчику, человѣку среднихъ лѣтъ, съ благообразной, внушительной физіономіей, изъ крѣпостныхъ родителя барыни.

— Онъ при Александрѣ Васильевичѣ съ самой младости состоитъ. Его въ камардины еще покойный Алексѣй Потапычъ опредѣлилъ. А супруга его—Маланья изъ Воротыновки, и намъ весь ейный родъ отлично даже извѣстенъ...

— Захаръ Иванычъ, я и забылъ совсѣмъ, вѣдь я ее сегодня видѣлъ, эфту самую Маланью Тимоѳеевну!—вскричалъ Митька.

— Ну?!

— Ей-Богу! Провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, если вру!—забожился Митька.—Бѣгу этта я съ отвѣтомъ-то по двору и вижу, съ задняго крыльца эта самая Маланья слѣзаетъ, а съ нею мужъ ейный. Я ее сейчасъ же призналъ.

— Худая такая, высокая, черноглазая?

— Да, да, она, я вамъ говорю. Мнѣ на нее намеднись за ранней обѣдней наша Фіона указала: вотъ, говоритъ, Воротынцевская Малашка, камардина ихняго барина супруга, купчихой, говоритъ, таперича живетъ, а дочка у нея барышня и сынъ тоже баринъ, чинъ на себѣ будетъ имѣть, какъ ученье кончитъ.

— Такъ, такъ. А только Малашкѣ эфтой самой ходу прежде въ домъ не было, ну, а таперича баринъ самъ, говоритъ, за нею посылаетъ.

Сергѣй Владиміровичъ принесъ показать женѣ копію со своего письма къ Воротынцеву, а также и отвѣтъ этого послѣдняго.

Пока она читала и то и другое, онъ съ тревогой смотрѣлъ на нее, готовясь къ непріятнымъ возраженіямъ, но при первыхъ же ея словахъ понялъ, что препятствовать ему она не будетъ, и успокоился.

— Надо заняться этимъ юношей,—сказала она.—У него будетъ хорошее имя, большое состояніе... Ты съ нимъ говорилъ? Что это за личность? Какое впечатлѣніе онъ производитъ?

— Я не столько съ нимъ говорилъ, сколько съ Бутягинымъ. Его мнѣ не хотѣлось затруднять для перваго знакомства разспросами, ужъ онъ и безъ того былъ такъ смущенъ, что не зналъ, куда глаза дѣвать. Онъ грамотный. Выучился читать и писать почти самоучкой... Но, послушай, милуша, если тебѣ непріятно съ нимъ возиться, его можно помѣстить...

Она съ раздраженіемъ прервала его.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты обо мнѣ не думай, пожалуйста, дѣло вовсе не въ томъ, что мнѣ пріятно и что непріятно, мы должны сдѣлать для него все, что можемъ...

— И я то же самое думаю.

— Ну, да, да, я знаю,—продолжала она съ живостью.—Вѣдь дѣло его можетъ продлиться долго еще, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, и разъ ужъ онъ все знаетъ и его сюда привезли, онъ долженъ жить у насъ, нигдѣ больше.

— Это была моя мысль, но я боялся тебѣ это сказать...

— Напрасно, напрасно! Я могу хотѣть только то, что ты хочешь... Такъ ты говоришь, что онъ ужъ умѣетъ читать и писать?... Это хорошо. Надо поручить его мсьё Vaillant... я ужъ говорила съ нимъ, онъ согласенъ.

— Ты ужъ говорила съ Вальяномъ? Но когда же ты успѣла?—вскричалъ въ изумленіи Сергѣй Владиміровичъ.

— Сегодня, послѣ обѣда, когда дѣвочки брали урокъ музыки. Вѣдь я же знала, для чего ты поѣхалъ къ Воротынцеву и на что ты долженъ былъ рѣшиться въ случаѣ, если онъ не захочетъ послѣдовать твоимъ совѣтамъ, а онъ даже не принялъ тебя, и вотъ тутъ прямо пишетъ, чтобъ ты поступалъ, какъ ты хочешь,—сказала она указывая на письмо Александра Васильевича,—стало быть...

Мужъ съ сверкающими восторгомъ и любовью глазами ее обнялъ.

— О, моя дорогая! Какое счастье, что мы такъ хорошо понимаемъ другъ друга!

Она поцѣловала его и тихо освободилась изъ его объятій.

— Постой, дай договорить. Vaillant согласенъ заняться воспитаніемъ этого молодаго человѣка.

— Милый старикъ!

— Да, онъ насъ очень любитъ и на все готовъ для насъ. И къ тому же, ты знаешь, какой онъ восторженный и какъ страстно за все берется. Если-бъ ты слышалъ, съ какою экзальтаціей онъ толковалъ со мною о томъ, que le jeune homme doit être à la hauteur de sa position, когда ему вернутъ имя и состояніе!

— Если онъ привьетъ ему вкусъ къ наукамъ и къ искусствамъ и желаніе учиться, ужъ и это будетъ много,—замѣтилъ Ратморцевъ.

— Да, да, и я тоже думаю,—поспѣшила согласиться Людмила Николаевна.—Надо, чтобъ онъ у насъ жилъ, не правда ли?

— Если ты находишь это необходимымъ?

— Да какъ же иначе? Вѣдь мы отдадимъ его на попеченіе Вальяна, а Вальянъ еще нуженъ дѣвочкамъ. Мы вотъ какъ рѣшили: надо поселить его съ нашимъ старичкомъ во флигелѣ, свободное отъ уроковъ время онъ будетъ проводить въ домѣ, у дѣтей. Обѣдать онъ будетъ съ нами, когда никого нѣтъ, а когда гости— въ дѣтской. Мы не будемъ скрывать, что принимаемъ въ немъ участіе, но и хвастаться этимъ передъ посторонними не ловко...

— Конечно, конечно.

— Къ тому же, первое время, пока мы его не отполируемъ... вѣдь онъ совсѣмъ мужикъ! Манеры у него ужасныя, да?

Не безъ страха ждала она отвѣта на эти вопросы.

— Нѣтъ, душенька, ты ошибаешься, ни мужицкаго, ни лакейскаго въ немъ ничего нѣтъ... но онъ и на барина не похожъ,—вымолвилъ Сергѣй Владиміровичъ, вызывая въ памяти образъ незнакомца, который долженъ былъ играть такую роковую роль въ ихъ жизни.

— На что же онъ похожъ?—съ досадой спросила Людмила Николаевна.

— Какъ тебѣ сказать... такія фигуры встрѣчаются въ монастыряхъ, между послушниками. Да вотъ ты сама увидишь, я не знаю, какъ тебѣ объяснить.

— Симпатичный онъ?

— Чрезвычайно,—не задумываясь отвѣчалъ Сергѣй Владиміровичъ.

У нея вырвался вздохъ облегченія.

— Ну, слава Богу! Можно, значитъ, надѣяться, что у него и характеръ хорошій?

— Характеръ? Да у него, я думаю, никакого еще нѣтъ характера, онъ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ еще ребенокъ долженъ быть.

— Тѣмъ лучше,

— Бутягинъ говоритъ, что тѣ люди, у которыхъ онъ жилъ, очень его хвалятъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—повторяла она порывисто, вся блѣдная и трепещущая отъ усилій подавить смятеніе, наполнявшее ей душу.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Д. М. ПОГОДИНА [1].

I.

Нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Съ РАННИХЪ дѣтскихъ лѣтъ я сталъ соприкасаться съ литературными знаменитостями; разумѣется, какъ ребенокъ, я не придавалъ особой важности этимъ встрѣчамъ, не старался уловить подробности ихъ и теперь припоминаю ихъ, какъ бы въ туманѣ. Въ разсказѣ своемъ я не буду пускаться въ критическія обсужденія лицъ или обстоятельствъ описываемаго времени; я постараюсь передать въ моихъ воспоминаніяхъ лишь нѣсколько чертъ для обрисовки характеровъ, два, три обстоятельства, до сихъ поръ неизвѣстныя и касающіяся замѣчательныхъ людей.

Отецъ мой, коренной столбъ московскаго кружка славянофиловъ, одинъ изъ первыхъ ознакомившійся и сблизившійся съ славянами во время частыхъ своихъ поѣздокъ за границу, предпринимавшихся большею частію съ этою цѣлью, завязалъ съ ними прочныя сношенія и крѣпкія связи. Этой идеи онъ служилъ

[1]) Дмитрій Михайловичъ Погодинъ, сынъ извѣстнаго профессора историка М. П. Погодина, началъ писать свои воспоминанія, которыя, безъ сомнѣнія, были бы весьма интересны; но, къ сожалѣнію, постигшая его продолжительная болѣзнь и затѣмъ кончина лишили его возможности исполнить свое намѣреніе. Въ бумагахъ его уцѣлѣло начало этихъ воспоминаній, которое и передано въ редакцію «Историческаго Вѣстника» вдовой Д. М., Елизаветой Ивановной Погодиной. Считаемъ долгомъ выразить ей нашу благодарность за сообщеніе рукописи, въ которой, между прочимъ, заключаются любопытныя и новыя свѣдѣнія о Гоголѣ.

беззавѣтно и словомъ и дѣломъ, посылалъ въ славянскія земли и книги и деньги, когда это требовалось; такъ, между прочимъ, помогъ онъ Шафарику въ окончаніи изданія его «Славянскихъ древностей». Работалъ онъ неутомимо, велъ постоянно огромную переписку со всѣми выдающимися лицами, розыскивая и объединяя славянскихъ дѣятелей, какъ краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуютъ сами славяне въ многочисленныхъ адресахъ своихъ, прочитанныхъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея отца моего. Позволяю себѣ привести содержаніе одного изъ нихъ, а именно отъ чешскаго общества, такъ какъ, вѣроятно, не всѣ его читали.

«Знаменитый мужъ! Впродолженіе многихъ вѣковъ пусто и мертво было въ мірѣ славянскомъ; не было тамъ ни общественнаго самосознанія, ни любви, ни жизни.

«Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія, когда геній славянства снова пробудился, дабы, подобно солнцу, въ одно и то же время освѣтить и разогрѣть разбросанные члены (disjecta membra) своего исполинскаго тѣла, тогда и ты былъ тамъ между его избранниками, тогда и ты вмѣстѣ съ нашими Коларами и Шафариками находился въ числѣ немногихъ избранныхъ имъ апостоловъ для провозглашенія славянской взаимности. Цѣлыхъ полстолѣтія поучалъ ты, пробуждалъ дремавшихъ, просвѣщалъ невѣдающихъ.

«Сколько славныхъ питомцевъ возростилъ ты славянству, какъ далеко ученики твои распространили твои наставленія, какъ много пріобрѣли они новыхъ послѣдователей и апостоловъ!

«Кто можетъ измѣрить, какъ далеко пролило свѣтъ свой священное пламя возвышенной идеи, сколько новыхъ свѣтилъ, сообщая себя, пробудило оно къ жизни?

«Одно намъ вѣдомо, что идея взаимности преимущественно твоими трудами разрослась по широкой Руси, что она благотворно подѣйствовала на всю духовную жизнь великаго народа, и что по мѣрѣ обычнаго движенія впередъ къ просвѣщенію и народному сознанію она будетъ дѣйствовать все шире, все могущественнѣе, нося въ себѣ начатки міровыхъ событій.

«По истинѣ великій народъ, хотя бы вопреки своимъ частнымъ интересамъ и административнымъ преданіямъ, всегда будетъ властелиномъ судебъ своихъ; по истинѣ невозможно, чтобы народъ дозрѣлый руководствовался какими либо иными, а не тѣми идеями, которыя въ немъ живутъ и въ немъ дѣйствуютъ.

«Уже не долго то время, когда славянскій народъ, младшій изъ сыновъ Кавказскаго племени, воспрянетъ въ полномъ сознаніи своей силы и своего единства, какъ передовой дѣятель на поприщѣ человѣчности, и никогда, какъ гонитель дѣла цивилизаціи, никогда, какъ притѣснитель иныхъ, а напротивъ, какъ провозвѣстникъ правъ человѣческихъ, общихъ для всѣхъ равноправности и всегдашняго мира. Когда же идея славянской взаимности совершитъ свое теченіе, и историки станутъ повѣствовать нашимъ потомкамъ о возращенныхъ ею добрыхъ плодахъ, то не найдется тогда ни одного между ними, который бы не припомнилъ съ благодарностью, что изъ первыхъ славянъ между русскими былъ Погодинъ.

«Примите, знаменитый мужъ, сердечное поздравленіе отъ Чехіи, этого передоваго стража славянства, отъ вѣрныхъ друзей и сотрудниковъ вашихъ, ко-

торые, работая у себя на отечественной почвѣ, въ то же время никогда не забываютъ держаться вѣрною рукой за тотъ священный кругъ взаимности, въ которомъ заключено общее для всѣхъ насъ спасеніе и какъ бы чудодѣйственная охрана отъ захвата чужеземцами. Прага. 30-го декабря 1871 года. Францъ Палацкій, предсѣдатель. Докторъ Фр. Владиславъ Ригеръ, помощникъ предсѣдателя Вацлавъ Зеленый, секретарь. Докторъ правъ Іосифъ Станиславъ Брахенскій, членъ правленія. Профессоръ Янъ Крейчи. Докторъ Фр. А. Праунеръ. В. В. Томокъ. А. Я. Вртятко. Фр. Фачекъ. Докторъ Іосифъ Емлеръ. Докторъ Студничка. Іосифъ Гулешъ Гауке».

Кстати привести здѣсь и еще одинъ отзывъ, вполнѣ характеризующій отца, отзывъ человѣка хорошо его знавшаго: Н. П. Гилярова-Платонова (редактора «Современныхъ Извѣстій»), высказанный имъ въ тотъ же день юбилея отца моего.

«Позвольте мнѣ напомнить объ одной преобладающей чертѣ въ жизни М. П.,—чертѣ не ученаго только, но гражданина и человѣка.

«Хорошіе люди должны крѣпко держаться другъ за друга». Кому изъ знакомыхъ М. П. не извѣстенъ этотъ его девизъ? Кому не высказывалъ онъ его въ видѣ правила напутственнаго и увѣщательнаго? Но онъ не только высказывалъ свое гражданское правило,—онъ ему слѣдовалъ всю жизнь. Замѣчательное дарованіе, честный трудъ, въ области ученой, литературной, художественной, государственной, промышленной, въ простомъ быту, — всякій кто сдѣлалъ, или обѣщаетъ что нибудь для чести отечества, дальнѣйшаго въ наукѣ и для успѣха общественнаго, заранѣе имѣетъ за себя въ М. П. крѣпчайшаго стоятеля. Всякій подвигъ отъ него перваго услышитъ горячее привѣтствіе. На это, впрочемъ, еще много охотниковъ. Но безпріютному окажетъ кровъ, начинающему окажетъ содѣйствіе, бѣдному устроитъ судьбу его и его семейства. Предприметъ не легкій и не всегда благодарный трудъ ходатайства. Воспользуется каждымъ случаемъ, чтобы вывести въ извѣстность человѣка, котораго находитъ замѣчательнымъ. Не зная лично, поищетъ знакомства, нужды нѣтъ, стара или молода замѣчательность, и гдѣ ея положеніе на общественной. лѣстницѣ, высоко или низко; нарочно свернетъ съ дороги въ путешествіи, чтобы побывать и познакомиться. Правилу не измѣняется, не смотря на противоположность литературнаго стана, даже иногда и на личную непріязнь.

«Примѣровъ приводить не стану. Каждый изъ знакомыхъ М. П. самъ наберетъ многое въ своей памяти, но передамъ случай, въ свое время меня глубоко поразившій. Вскорѣ послѣ Крымской войны передалъ я М. П. содержаніе патріотической рукописи, бывшей у меня на рукахъ. Авторъ былъ новый, съ именемъ, ни мнѣ, ни ему неизвѣстнымъ. Вдругъ среди серьезнѣйшаго политическаго разговора слышу восклицаніе М. П—вича. «Чему же вы радуетесь?»— спросилъ я. —«Да какъ же, человѣкъ на свѣтъ родился», — отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ, котораго никогда не забуду.

«Господствующее правило самому М. П—чу скорѣе вредило, нежели помогало. Тѣмъ позволительнѣе вспомнить о немъ въ настоящій юбилей, потому что правило то хорошее. Представимъ себѣ, чѣмъ была бы Россія, или лучше—чѣмъ бы она не была, если бы въ самомъ дѣлѣ всѣ гражданскіе хорошіе люди не смотрѣли на пересѣченіе личныхъ интересовъ и одностороннихъ направленій, крѣпко держались за себя взаимно, и только за себя, какъ желалъ и по мѣрѣ силъ исполнилъ почтенный юбиляръ?»

Отцу же принадлежитъ и мысль объ устройствѣ перваго славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 году. Отецъ, какъ истый русскій-москвичъ, устроилъ вмѣстѣ съ своимъ дружескимъ кружкомъ, у себя въ саду на Дѣвичьемъ полѣ, обѣдъ въ честь славянскихъ гостей. Этотъ многознаменательный привѣтъ Москвы памятенъ славянамъ. Къ сожалѣнію, я не могъ присутствовать па немъ по своимъ служебнымъ дѣламъ.

Отецъ мой рано овдовѣлъ и по странной привычкѣ,—не знаю, какъ это назвать иначе,—бралъ меня съ собою всюду, разумѣется, куда только можно было. Какъ въ туманѣ, помню я антресоли Хомяковскаго дома на Собачьей площадкѣ, страшный шумъ и гамъ голосовъ, голубоватый огонекъ въ большой, бѣлой мискѣ, и чрезвычайно симпатичнаго человѣка, съ дѣтски красивымъ лицемъ и съ постоянно открытымъ воротомъ рубашки, сидѣвшаго на диванѣ и помѣшивавшаго ложкой въ дымящей мискѣ: то былъ извѣстный поэтъ, дерптскій студентъ, Н. М. Языковъ. Онъ варилъ введенную имъ жженку; голубоватый огонекъ лизалъ сахаръ, я чувствовалъ какую-то пріятную истому и мирно засыпалъ. Н. М. Языковъ, если не ошибаюсь, только что отпечаталъ тогда отдѣльной книжкой свое стихотвореніе «Отрокъ Вячко». Помню, что онъ подарилъ мнѣ эту зелененькую книжечку съ надписью; но во время моей скитальческой жизни она утратилась. Подъ рокотъ голосовъ я просыпался; помню, что чаще другихъ будилъ меня своимъ всегда непомѣрно зычнымъ голосомъ плотный господинъ въ коричневомъ сюртукѣ, Константинъ Аксаковъ, съ жаромъ всегда что-то доказывавшій. На другой день у меня, понятно, болѣла голова, меня ломило, но уже подъ вечеръ (отецъ по утрамъ бывалъ въ университетѣ) я съ нетерпѣніемъ поджидалъ той минуты, когда нашему престарѣлому слугѣ будетъ отданъ приказъ закладывать лошадь; куда нибудь да поѣдемъ, все веселѣе чѣмъ дома, да и прокатишься...

Помню я и хозяина дома, въ которомъ жилъ Н. М. Языковъ,— Алексѣя Степановича Хомякова, небольшаго роста, горбатаго, съ горящими какъ уголь глазами и жиденькой бородкой; мнѣ припоминается, что тогда очень много толковали о бородахъ, что ихъ нельзя было носить, и потому мнѣ врѣзались въ память слова К. Аксакова, указывавшаго пальцемъ на маститаго старца съ бѣлоснѣжною бородою и зеленымъ зонтомъ на глазахъ.—«Вотъ онъ выѣзжать не можетъ, вѣдь это срамъ, Божье благословеніе—и того носить нельзя». Маститый старецъ былъ впослѣдствіи извѣстный писатель С. Т. Аксаковъ. Я выразился «впослѣдствіи», потому что дѣйствительно даръ истиннаго творчества къ нему явился позднѣе, и «Записки Багрова внука» вышли изъ печати ужъ въ то время, когда самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ писать уже не могъ, а поочередно диктовалъ своимъ дочерямъ.

Не смотря на пламенныя филиппики Константина Сергѣевича, бородъ, всетаки, не позволяли носить, и Сергѣй Тимоѳеевичъ сидѣлъ дома безвыѣздно... да и вообще за славянофильскимъ кружкомъ присматривали.

Помню я изрѣдка появленіе на нашихъ вечерахъ на Дѣвичьемъ полѣ красавца-генерала. Появленіе его производило на всѣхъ одинаково непріятное впечатлѣніе; всѣхъ какъ будто передергивало и слышался шепотъ: «принесла таки нелегкая». Это былъ И. Д. Лужинъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, личность сама по себѣ крайне добрая и безвредная. Ходили слухи, что къ первой его женѣ Ховриной былъ неравнодушенъ знаменитый Герценъ; но въ то время, о которомъ я говорю, Лужинъ уже былъ женатъ на второй, вдовѣ Орловой-Денисовой, считавшейся первой красавицей Москвы, и только связями удерживался на мѣстѣ, въ то время очень шаткомъ.

Но возвращаюсь къ А. С. Хомякову; я усвоилъ себѣ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ, любившемъ весьма много говорить, и замѣчалъ, что, когда онъ начиналъ говорить, всѣ какъ бы притихали, словно слушали соловья. И дѣйствительно рѣчь его лилась чрезвычайно плавно и красиво. Въ то тяжелое для писателей время всѣ зачитывались его неизданными стихотвореніями, изъ которыхъ я помню:

«Вставай, страна моя родная!
«Вставай! Тебя твой царь зоветъ».
. . . .

И у кого только не было тогда этихъ рукописныхъ экземпляровъ.

Съ религіозно-нравственными, философскими убѣжденіями, владѣя неотразимою логикой выводовъ, Хомяковъ былъ опаснымъ соперникомъ начинавшихъ уже появляться людей съ крайнимъ, такъ называвшимся тогда «краснымъ» оттѣнкомъ. Оттѣнокъ этотъ проскользнулъ уже и въ университетъ и коснулся молодежи. Къ числу этихъ лицъ принадлежали нынѣ уже умершіе: Разсадинъ, П. Н. Рыбниковъ, Свириденко, тогда еще ни во что не вѣровавшій Сѣверцевъ, впослѣдствіи знаменитый ученый натуралистъ, и до сихъ поръ здравствующіе К., Т., О. и другіе.

Маленькій студенческій кружокъ этотъ собирался на Воздвиженкѣ, во флигелѣ угловаго дома знаменитаго красавца въ былыя времена, грека Орфано, женатаго на очень богатой барынѣ Мусиной-Пушкиной; онъ до фанатизма любилъ свою родину и ради ея пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ своей жены: все пошло на жертвы отечеству во время возстанія въ Греціи, множество имѣній и громадный домъ въ Москвѣ (гдѣ впослѣдствіи помѣщалась консерваторія). Молодые люди этого кружка зачитывались Фейербахомъ, Ренаномъ и всѣмъ, что писалось съ цѣлью колебанія вѣры

въ Бога и полнаго отрицанія Его существованія. Объ этомъ кружкѣ узналъ Алексѣй Степановичъ и съ страстною настойчивостью своей натуры взялся наставлять молодежь на путь истинный, пріѣзжая разъ въ недѣлю во флигель большаго дома Мусиной-Пушкиной бесѣдовать съ заблудившимися.

Сильнымъ оппонентомъ ему являлся Свириденко, который иногда какъ бы бралъ верхъ или, по крайней мѣрѣ, сводилъ вопросъ на нѣтъ. Къ сожалѣнію, эти бесѣды не принесли тогда особенной пользы кружку.

Однажды вечеромъ у моего отца было большое собраніе; пріѣхалъ и незванный Лужинъ, но не одинъ, а съ громаднаго роста усачемъ, котораго отрекомендовалъ отцу, назвавъ его Н. Ив. Огаревымъ: «Вотъ, Михаилъ Петровичъ, мой помощникъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ отцу,—прошу любить да жаловать, самъ я отправляюсь на время въ отпускъ»... Теперь кажется непонятнымъ, что надъ славянофильскимъ кружкомъ, самымъ благонамѣреннымъ и мирнымъ, былъ учрежденъ полицейскій надзоръ; но, впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что глава московской тайной полиціи, умнѣйшій и въ то же время добрѣйшій генералъ Перфильевъ, не любилъ бывать на собраніяхъ у отца, а пріѣзжалъ къ нему по утрамъ, въ свободное время, и любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ очень уважалъ отца и всегда оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Мои дѣтскія впечатлѣнія не исчерпывались посѣщеніемъ и знакомствомъ съ выдающимися лицами; съ раннихъ лѣтъ мнѣ пришлось сопровождать отца по Россіи.

Такъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, когда у отца было собраніе, послѣ ужина меня разбудили и привели въ его кабинетъ. И какъ теперь слышится мнѣ раздающійся голосъ Степана Петровича Шевырева, восторженно декламировавшаго стихи:

«Сербъ, здорово, ратоборецъ
«Здравствуй, братъ, Христосъ воскресе!
«Здравствуй, болгаринъ-страдалецъ,
«Здравствуй, братъ, Христосъ воскресе!»

И всѣ были очень воодушевлены одною мыслью, однимъ чувствомъ любви къ братьямъ славянамъ.

Отецъ спросилъ своихъ собесѣдниковъ:

— А какъ вы полагаете, господа, не опасно ли въ такіе годы взять мнѣ его съ собою въ Симбирскъ на открытіе памятника Карамзину?

Я такъ и замеръ на мѣстѣ, что если скажутъ,—нельзя; но отвѣтъ, къ моему удовольствію, послѣдовалъ благопріятный, и отецъ, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «поѣдемъ-ка, братъ, открывать памятникъ Карамзину».

Немедленно принялись собирать меня въ дорогу, и въ ту же ночь на разсвѣтѣ мы пустились въ путь. Путевыя впечатлѣнія мои были самыя мимолетныя, не оставили во мнѣ особенныхъ воспоминаній. Нашимъ спутникомъ въ огромномъ сибирскомъ тарантасѣ-долгушѣ, въ которомъ средняго роста человѣкъ укладывался поперегъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, нынѣ извѣстный банкиръ-милліонеръ Г. Г. Волковъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ я припоминаю полнаго, юркаго человѣчка, съ небольшимъ брюшкомъ; онъ былъ подвиженъ, точно ртуть, и постоянно размахивалъ руками. Онъ взялся быть нашимъ чичероне. Показывалъ намъ Нижній, начавъ съ собора; всюду останавливался подолгу и все объяснялъ, даже отцу, что меня очень удивляло: «отецъ самъ все лучше и больше всѣхъ знаетъ»,—думалъ я про себя. Звали его—Павелъ Ивановичъ: это былъ впослѣдствіи знаменитый писатель Мельниковъ (Андрей Печерскій). Отъ ярмарки осталось у меня впечатлѣніе невыразимаго хаоса, необыкновенной давки на ярмарочномъ мосту, гдѣ скакавшіе безъ всякой цѣли взадъ и впередъ казаки полосовали народъ нагайками. Въ Симбирскѣ мы остановились у Александра Михайловича Языкова, роднаго брата поэта. Время тамъ шло для меня чрезвычайно скоро и весело. У А. М. были два сына, мои ровесники, съ которыми я скоро подружился, а сама хозяйка, Наталія Алексѣевна, рожденная Хомякова, была необыкновенно добрая, обходительная женщина. Смутно припоминаю я длинную залу не то гимназіи, не то благороднаго собранія, въ которой отецъ читалъ свое «Похвальное слово Карамзину». Было очень тѣсно и необыкновенно жарко отъ множества собравшихся слушателей; я не зналъ, какъ дождаться конца. Отецъ читалъ долго и, наконецъ, когда онъ смолкъ, начались громкія привѣтствія со всѣхъ сторонъ, рукоплесканія, которымъ конца не было, и этотъ поднявшійся и долго не смолкавшій шумъ и гамъ голосовъ меня развеселилъ.

По своей необыкновенной любознательности, а также и по своей необыкновенной подвижности, отецъ удлинилъ свое путешествіе и поѣхалъ изъ Симбирска не прямо въ Москву, а на Казань. Надо сказать, что уже въ то время отецъ мой имѣлъ множество поклонниковъ и почитателей, имя его произносилось съ уваженіемъ, онъ вездѣ имѣлъ знакомыхъ и друзей, ни въ одномъ городѣ не нуждался въ гостинницахъ и всюду былъ желаннымъ гостемъ.

II.

Пребываніе Н. В. Гоголя въ домѣ моего отца.

Незабвенный Николай Васильевичъ Гоголь переселился къ намъ, на Дѣвичье поле, прямо изъ знойной Италіи. Онъ былъ изнѣженъ южнымъ солнцемъ, ему была нужна особенная теплота, даже зной; а у насъ кстати случилась, надъ громадной залой съ хорами, большая, свѣтлая комната, съ двумя окнами и балкономъ къ восходу солнца, царившаго надъ комнатой въ лѣтнее время съ 3-хъ часовъ утра до 3-хъ по полудни. Хотя нашъ домъ, принадлежавшій раньше князю Щербатову, и былъ построенъ на большую ногу, но уже потому, что комната приходилась почти въ третьемъ этажѣ, она была, относительно своей величины, низка, а желѣзная крыша также способствовала ея нагрѣванію. Я распространяюсь объ этомъ ничтожномъ для другихъ обстоятельствѣ на томъ основаніи, что для Николая Васильевича это было важно; послѣ итальянскаго зноя нашъ русскій май не очень-то пріятенъ; а потому наша комната была ему какъ разъ по вкусу. Нечего и говорить, какимъ почетомъ и, можно сказать, благоговѣніемъ былъ окруженъ у насъ Гоголь. Дѣтей онъ очень любилъ и позволялъ имъ рѣзвиться и шалить сколько угодно. Бывало мы, то-есть я съ сестрою, точно службу служимъ; каждое утро подойдемъ къ комнатѣ Н. В., стукнемъ въ дверь и спросимъ: «Не надо ли чего?»—«Войдите»,—откликнется онъ намъ. Не смотря на жаръ въ комнатѣ, мы заставали его еще въ шерстяной фуфайкѣ, поверхъ сорочки. «Ну, сидѣть, да смирно»,—скажетъ онъ и продолжаетъ свое дѣло, состоявшее обыкновенно въ вязаньѣ на спицахъ шарфа, или ермолки, или въ писаніи чего-то чрезвычайно мелкимъ почеркомъ на чрезвычайно маленькихъ клочкахъ бумаги. Клочки эти онъ, иногда прочитывая вполголоса, рвалъ, какъ бы сердясь, или бросалъ на полъ, потомъ заставлялъ насъ подбирать ихъ съ пола и раскладывать по указанію, при чемъ гладилъ по головѣ и благодарилъ, когда ему угождали; иногда же бывало, какъ бы разсердившись, схватитъ за ухо и выведетъ на хоры: это значило—на цѣлый день уже и не показывайся ему. До обѣда онъ никогда не сходилъ внизъ въ общія комнаты, обѣдалъ же всегда со всѣми нами, причемъ былъ большею частью веселъ и шутливъ. Особенно хорошее расположеніе духа вызывали въ немъ любимые имъ макароны; онъ тутъ же за обѣдомъ и приготовлялъ ихъ, не довѣряя этого никому. Потребуетъ себѣ большую миску и, съ искусствомъ истиннаго гастронома, начнетъ перебирать ихъ по макаронкѣ, опуститъ въ дымя-

щуюся миску сливочнаго масла, тертаго сыру, перетрясетъ все вмѣстѣ и, открывъ крышку, съ какой-то особенно веселой улыбкой, обведя глазами всѣхъ сидящихъ за столомъ, воскликнетъ: «Ну, теперь ратуйте, людіе».

Весь обѣдъ, бывало, онъ катаетъ шарики изъ хлѣба, и, школьничая, начнетъ бросать ими въ кого нибудь изъ сидящихъ; а то такъ, если квасъ ему почему либо не понравится, начнетъ опускать шарики прямо въ графинъ. Послѣ обѣда до семи часовъ вечера онъ уединялся къ себѣ, и въ это время къ нему уже никто не ходилъ; а въ семь часовъ онъ спускался внизъ, широко распахивалъ двери всей амфилады переднихъ комнатъ, и начиналось хожденіе, а походить было гдѣ: домъ былъ очень великъ. Въ крайнихъ комнатахъ, маленькой и большой гостинныхъ, ставились большіе графины съ холодной водой. Гоголь ходилъ и черезъ каждыя десять минутъ выпивалъ по стакану. На отца, сидѣвшаго въ это время въ своемъ кабинетѣ за лѣтописями Нестора, это хожденіе не производило никакого впечатлѣнія; онъ преспокойно сидѣлъ и писалъ. Изрѣдка только бывало подниметъ голову на Николая Васильевича и спроситъ:—«Ну, что, находился ли?»—«Пиши, пиши,—отвѣчаетъ Гоголь,—бумага по тебѣ плачетъ». И опять тоже: одинъ пишетъ, а другой ходитъ. Ходилъ же Н. В. всегда чрезвычайно быстро и какъ-то порывисто, производя при этомъ такой вѣтеръ, что стеариновыя свѣчи (тогда о керосинѣ еще не было и помину) оплывали, къ немалому огорченію моей бережливой бабушки. Когда же Н. В. очень ужъ расходится, то моя бабушка, мать моего отца, сидѣвшая въ одной изъ комнатъ, составлявшихъ амфиладу его прогулокъ, закричитъ, бывало, горничной: «Груша, а Груша, подай-ка теплый платокъ, тальянецъ (такъ она звала Н. В.) столько вѣтру напустилъ, такъ страсть!»—«Не сердись, старая, — скажетъ добродушно Н. В., — графинъ кончу, и баста». Дѣйствительно, покончитъ второй графинъ и уйдетъ наверхъ. На ходу, да и вообще, Гоголь держалъ голову нѣсколько на бокъ. Изъ платья онъ обращалъ вниманіе преимущественно на жилеты: носилъ всегда бархатные и только двухъ цвѣтовъ, синяго и краснаго. Выѣзжалъ онъ изъ дома рѣдко, у себя тоже не любилъ принимать гостей, хотя характера былъ крайне радушнаго. Мнѣ кажется, извѣстность утомляла его, и ему было непріятно, что каждый ловилъ его слово и старался навести его на разговоръ; наконецъ, онъ зналъ, что къ отцу пріѣзжали многія лица спеціально для того, чтобы посмотрѣть на «Гоголя», и когда его случайно застигали въ кабинетѣ отца, онъ моментально свертывался, какъ улитка, и упорно молчалъ. Не могу сказать, чтобы у Н. В. было много знакомыхъ. Можетъ быть, интеллигентное общество, понимая, какъ дорогъ для Гоголя каждый часъ, не рѣшалось отнимать у него время, а, можетъ быть, было

дано людямъ строгое приказаніе никого не принимать. Гоголь жилъ у насъ скорѣе отшельникомъ. Подъ конецъ его послѣдняго пребыванія у насъ (онъ жилъ у отца нѣсколько разъ), я помню сановитую фигуру священника, приходившаго къ нему наверхъ и долго бесѣдовавшаго съ нимъ: то былъ отецъ Матѳій, ржевскій знаменитый проповѣдникъ, котораго чуть ли не обвиняютъ въ томъ, что Гоголь, поддавшись его вліянію, такъ рано погибъ для жизни и общества. Вообще Н. В. любилъ бесѣдовать съ духовенствомъ и не обѣгалъ нашего немудраго, но очень добродушнаго религіознаго старичка, отца Іоанна, переведеннаго изъ села Воронова графа Ростопчина, въ нашъ приходъ св. Саввы Освященнаго, за усмиреніе однимъ пастырскимъ словомъ 5-ти тысячъ крестьянъ, не захотѣвшихъ повиноваться распоряженіямъ графа Ростопчина въ повелѣніи сжечь Вороново; но въ церкви Гоголя я ни разу не видалъ. Большое удовольствіе доставилъ Н. В. пріѣздъ его двухъ сестеръ: Маріи и Анны Васильевнъ, помѣстившихся у насъ же, какъ разъ противъ его комнаты, еще въ лучшей, выходившей большимъ итальянскимъ окномъ прямо въ садъ. Гоголь былъ очень нѣжный и заботливый братъ и сейчасъ же задумалъ имъ что нибудь подарить; но не зналъ—что̀, и прибѣгъ къ совѣту моей матери Елизаветы Васильевны, которую онъ очень уважалъ и любилъ. Доказательствомъ служатъ и письма его къ ней, и отзывы о ней въ письмахъ къ отцу моему. Съ общаго совѣта они рѣшили купить два черныхъ шелковыхъ платья, въ которыхъ его «сестренки», какъ онъ выражался, вскорѣ и защеголяли. Продажа изданій Н. В., какъ это ни удивительно, шла, всетаки, относительно туго, и онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, но прибѣгалъ къ помощи своихъ искреннихъ друзей только въ крайнихъ случаяхъ; а тогда были около него и считались его друзьями такія личности, какъ Нащокинъ, Мельгуновъ, Павловъ, извѣстные своимъ богатствомъ; они сочли бы за честь и истинное удовольствіе ссудить Н. В. деньгами. Въ то время вообще денежные разсчеты велись какъ-то особенно отъ нашего времени; вѣрили больше слову, чѣмъ роспискѣ или долговому письму (векселя между дворянами совсѣмъ не употреблялись). Жили попросту, кассъ не грабили, общественныхъ суммъ не расхищали, банковъ не было, не было и краховъ; а жили себѣ припѣваючи и при нуждѣ помогали другъ другу, но помогали такъ, какъ нынче было бы и не понятно. По этому поводу да позволено мнѣ будетъ маленькое отступленіе.

Жилъ у насъ престарѣлый кучеръ Яковъ, въ описываемое время ему было уже за 70 лѣтъ, считался онъ какъ бы членомъ семейства и служилъ еще покойному дѣду. Бывало, придетъ онъ къ намъ въ дѣтскую, няня его сейчасъ чайкомъ побалуетъ, мы сядемъ къ нему на колѣна и пристанемъ: «Дядя Яковъ, дядя

Яковъ, разскажи-ка намъ что нибудь». Разъ онъ разсказалъ намъ, въ какомъ положеніи очутился мой дѣдъ послѣ французовъ. Домъ сгорѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что было. Перебивался дѣдъ кое-какъ. (Семейство его жило въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, которымъ онъ управлялъ). Мужички князя Салтыкова снабдили его лѣсомъ, старинный знакомый Лашсковскій прислалъ два воза крупы и муки, другой знакомый Рѣшетниковъ ссудилъ деньгами. «Ну, такъ по малости и отдышались»...—прибавилъ вздыхая дядя Яковъ. Дѣдъ мой управлялъ громадными имѣніями князя Салтыкова, могъ бы нажить большое состояніе, но онъ, какъ олицетворенная честность, ничего не нажилъ, кромѣ любви и преданности крестьянъ и добраго имени. Дѣдъ могъ помѣстить своего сына, а моего отца, съ превеликими хлопотами и трудомъ на казенный коштъ въ бывшій дворянскій пансіонъ, и то въ разночинное отдѣленіе, гдѣ содержаніе было дешевле, да и за столомъ полагалось только два блюда.

Возвращаюсь опять къ Гоголю. Въ ту зиму пріѣхалъ изъ Кіева М. А. Максимовичъ и, повѣритъ ли кто теперь, на тройкѣ гнѣдыхъ, собственныхъ коней. Максимовичъ тоже пристроился у насъ, но уже во флигелѣ. Николай Васильевичъ страстно къ нему привязался, и у насъ въ домѣ стало еще пріятнѣе, какъ бы теплѣе. Раньше я сказалъ, что Н. В. посѣщали немногіе, но, всетаки, ихъ было достаточно; а такъ какъ Н. В. былъ въ душѣ хлѣбосолъ, какъ всякій истинный малороссъ, и только обстоятельства сдерживали его, то одинъ день въ году онъ считалъ своею обязанностью какъ бы разсчитаться со всѣми своими знакомыми на славу, и въ этотъ день онъ уже ничего не жалѣлъ. То былъ Николинъ день—его именины 9-го мая. Злоба дня, весь внѣшній успѣхъ пиршества, сосредоточивался на погодѣ. Дѣло въ томъ, что обѣдъ устроивался въ саду, въ нашей знаменитой липовой аллеѣ. Пойди дождь, и все разстроится. Еще дня за два до Николы, Николай Васильевичъ всегда былъ очень возбужденъ: подолгу бесѣдовалъ съ нашимъ старымъ поваромъ Семеномъ, но кончалось всегда тѣмъ, что старый Семенъ при составленіи меню несъ подъ конецъ такую галиматью, что Гоголь, выйдя изъ себя, кричалъ: «то-то уйдишь!» и, быстро одѣвшись, отправлялся въ купеческій клубъ къ Порфирію. Кромѣ Порфирія, славился еще поваръ Англійскаго клуба, Басанинъ, отецъ молодаго талантливаго доктора, Ивана Аѳанасьевича, рано похищеннаго смертію у науки. Слѣдовательно, выборъ былъ нетруденъ, и цѣны брали подходящія. Обыкновенно Н. В. тянуло болѣе къ Порфирію на томъ основаніи, что онъ готовилъ хотя и проще, но зато пожирнѣе, да и малороссійскія кушанья зналъ отлично. Съ кулинарною частію дѣло устроивалось безъ затрудненія, оставалось вино; но тутъ тоже выходило не понынѣшнему: отецъ писалъ такого рода записку: «Любезный Филиппъ Ѳедоровичъ (Депре),

пришлите, пожалуйста, сколько нужно вина человѣкъ на 40—50, по вашему выбору, оставшіяся цѣлыми бутылки будутъ возвращены». Вино присылалось отличное, прекрасно подобранное; со счетомъ не приставали: были деньги, Гоголь сейчасъ платилъ, а нѣтъ—ждали. Садъ былъ у насъ громадный, на 10,000 квадратныхъ саженъ, и весной сюда постоянно прилеталъ соловей. Но для меня собственно вопросъ состоялъ въ томъ: будетъ ли онъ пѣть именно за обѣдомъ; а пѣлъ онъ большею частію рано утромъ или поздно вечеромъ. Я съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ страсть ко всякаго рода пѣвчимъ птицамъ, и у меня постоянно водились добрые соловьи. Въ данномъ случаѣ я пускался на хитрость: надъ обоими концами стола, ловко укрывъ вѣтвями, вѣшалъ по клѣткѣ съ соловьемъ. Подъ стукъ тарелокъ, лязгъ ножей и громкіе разговоры, мои птицы оживали: одинъ свиснетъ, другой откликнется и начинается дробь и дудка. Гости восхищались. «Экая благодать у тебя, Михаилъ Петровичъ, умирать не надо. Запахъ липъ, соловьи, вода въ виду, благодать, да и только».

Надо сказать, что Н. В. былъ посвященъ въ мою соловьиную тайну и самъ оставался доволенъ, когда мой птичій концертъ удавался, но никому, даже отцу, не выдавалъ меня. Кто были гости Гоголя? Всѣхъ я не могу припомнить, но въ памяти у меня сохранились слѣдующія лица: Нащокинъ, когда былъ въ Москвѣ, Н. А. Мельгуновъ, Н. Ф. Павловъ, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, Провъ Михайловичъ Садовскій, Васильевъ, С. П. Шевыревъ, Вельтманъ, Н. В. Бергъ, извѣстный острякъ Юрій Никитьевичъ Бартеневъ, знаменитый граверъ Іорданъ, актеры Ленскій и Живокини, С. Т. Аксаковъ, К. С. Аксаковъ и много другихъ, которыхъ я уже и не запомню. Обѣдъ кончался очень поздно, иногда варили жженку. Разговоры лились неумолкаемо. Провъ Михайловичъ Садовскій, нечего таить грѣха, находился всегда уже въ легкомъ подпитіи, и по общей просьбѣ начиналъ разсказывать: о капитанѣ Копейкинѣ, о Наполеандрѣ Бонапарте, или неподражаемый разсказъ о томъ, какъ пьяному мужику все кажется, что у него въ ушахъ «муха жужжитъ». Вся тонкость этого послѣдняго разсказа состояла въ томъ, чтобы голосъ вибрировалъ на разные тоны. Обойметъ онъ, бывало, одну изъ липъ лѣвой рукой, а правой какъ бы отмахиваясь отъ мнимой мухи, лѣзшей ему въ ухо, и начинаетъ на разные лады: «муха жужжитъ». А мимика, выраженіе глазъ при этомъ не поддаются никакому описанію. Провъ Михайловичъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ разсказчиковъ; но, увы! скольких я ни переслушалъ послѣ неподражаемаго Садовскаго, всѣмъ имъ было далеко до него. Они даже не напоминали его, развѣ только даровитый Ив. Ѳ. Горбуновъ нѣсколько подходитъ къ нему. До того же момента, какъ общество, всетаки, нѣсколько «куликнетъ», около Юрія Никитьевича Бартенева, служившаго подъ рядъ

при нѣсколькихъ генералъ-губернаторахъ чиновникомъ особыхъ порученій, собирался тѣсный кружокъ слушателей. Юрій Никитьевичъ начиналъ чрезвычайно ѣдко и остро передавать различные факты, смѣшныя стороны лицъ, съ которыми онъ сталкивался по своей службѣ, и большею частью знакомыхъ слушателямъ; остротамъ его не было конца, и злой языкъ Юрія Никитьевича никому не дѣлалъ пощады. Между прочимъ, онъ любилъ давать всѣмъ своимъ хорошо знакомымъ прозвища, и такъ мѣтко, что разъ данное имъ прозвище навсегда оставалось за тѣмъ лицомъ. Жилъ онъ въ Москвѣ очень открыто, большимъ хлѣбосоломъ, и кто только не бывалъ у него на Смоленскомъ бульварѣ? Самъ дорогой имениникъ Н. В. въ этотъ день изъ нелюдимаго, неразговорчиваго въ обществѣ превращался въ расторопнѣйшаго, радушнѣйшаго хозяина; постоянно наблюдалъ за всѣми, старался, чтобы всѣмъ было весело, чтобы всѣ пили и ѣли, каждаго угощалъ и каждому находилъ сказать что нибудь пріятное. Изъ нѣсколькихъ именинныхъ дней, празднованныхъ въ нашемъ домѣ, я помню, что раза два случалась дурная погода, тогда обѣдъ происходилъ въ домѣ, но и это имѣло свою хорошую сторону: Николая Васильевича, не смотря на сильное сопротивленіе съ его стороны, всетаки, удавалось уговорить прочесть что нибудь. Долго отбивается Гоголь; но видя, что ничто не помогаетъ, нервно передергивая плечами, взберется, бывало, въ глубь большаго, стариннаго дивана, примостится въ уголъ съ ногами и начнетъ читать какой нибудь отрывокъ изъ своихъ произведеній. Но какъ читать?—и представить себѣ невозможно: никто не пошевельнется, всѣ сидятъ, какъ прикованные къ своимъ мѣстамъ... Обаяніе чтенія было на столько сильно, что когда, бывало, Гоголь, закрывъ книгу, вскочитъ съ мѣста и начнетъ бѣгать изъ угла въ уголъ,—очарованные слушатели его остаются все еще неподвижными, боясь перевести духъ... и только разъ какъ-то, послѣ подобнаго чтенія, Провъ Михайловичъ глубоко вздохнулъ, скорчилъ уморительную физіономію, ему одному только доступную, и тихо пробурчалъ: «а вотъ и «муха не жужжитъ». Всѣ разсмѣялись, повеселѣлъ и самъ Гоголь.

Какъ на чрезвычайно нервнаго человѣка, чтеніе глубоко продуманныхъ и прочувствованныхъ имъ очерковъ производило на Н. В. потрясающее впечатлѣніе, и онъ или незамѣтно куда-то скрывался, или сидѣлъ, опустивъ голову, какъ бы отрѣшаясь отъ всего окружающаго... Общество въ день именинъ расходилось часовъ въ одиннадцать вечера, и Н. В. успокоивался, сознавая, что онъ разсчитался со своими знакомыми на цѣлый годъ. Странно, что у меня не сохранилось воспоминанія о томъ, посѣщалъ ли Н. В. театръ.

Я упоминалъ, что Н. В. былъ домосѣдъ и знакомыхъ, даже близкихъ, какъ, напримѣръ, Степана Петровича Шевырева, М. С. Щепкина, посѣщалъ изрѣдка. Съ прислугою онъ обращался вѣжливо,

почти никогда не сердился на нее, а своего хохла-лакея цѣнилъ чрезвычайно высоко. Меня тоже онъ любилъ и называлъ своимъ племянникомъ. Припоминая различныя мелочи изъ характера Гоголя, я припомнилъ пустое обстоятельство, но доказывающее, что Гоголя занимало иногда подшучивать надъ дѣтьми. Вскорѣ послѣ его переѣзда къ отцу онъ обѣщалъ мнѣ съ сестрою привезти игрушекъ. Нынче, да завтра, такъ долго томилъ меня Н. В. Наконецъ, какъ-то разъ вернувшись изъ города (а городомъ мы, обитатели Дѣвичьяго поля, называли Москву), лакей пронесъ передъ Гоголемъ какой-то ящикъ, завязанный въ бумагу, и Н. В. крикнулъ мнѣ на ходу: «Митя, ступай живѣй на верхъ, я тебѣ игрушку привезъ, живѣй». Я стремглавъ бросился по лѣстницѣ за ними. Начали развязывать покупку, и—о, ужасъ!—оказалось, что Гоголь купилъ себѣ очень элегантную, ночную принадлежность изъ краснаго дерева. Вотъ тебѣ и игрушка! Со слезами на глазахъ я началъ бранить Н. В. и безъ всякой церемоніи называлъ его обманщикомъ и грозился объ его обманѣ разсказать всѣмъ, всѣмъ; а Гоголь, схватившись за бока, истерически хохоталъ; но въ концѣ концовъ утѣшилъ меня, обѣщаясь назавтра же непремѣнно привезти замысловатую игрушку; но исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе, теперь уже не припомню: такъ сильно подѣйствовала на меня первая обида разочарованія.

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ Н. В. переѣхалъ отъ насъ на Никитскій бульваръ, въ бывшій домъ Талызиной, къ графу А. П. Толстому. Здѣсь онъ уже окончательно поддался тому мистическому направленію, которое, къ прискорбію всей Россіи, свело геніальнѣйшаго человѣка въ преждевременную могилу...

III.

Семейство Аксаковыхъ.

Аксаковыхъ я помню тоже очень давно, такъ давно, какъ помню только себя. Тогда они жили въ Москвѣ, у Власія, въ большомъ каменномъ домѣ Герцена. Комнатъ было очень много, но все глядѣло какъ-то неуютно, сумрачно и какъ будто грязновато. Въ передней всегда пропасть ничего не дѣлавшей прислуги и непремѣнный казачекъ, обязанность котораго состояла въ держаніи бумажныхъ фитилей для раскуриванія трубокъ.

Живо вспоминаю я и сельце Абрамцево, лѣтнее мѣстопребываніе Аксаковыхъ, гдѣ я въ молодости часто бывалъ. Однажды, по окончаніи курса въ гимназіи, въ началѣ 50-хъ годовъ, отправился я съ однимъ изъ своихъ товарищей Т. пѣшкомъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а оттуда въ Абрамцево къ Аксаковымъ. Троицкое

шоссе вилось широкой лентой, по бокамъ его были тропинки, частію около самаго полотна дороги, а частію уходя въ лѣсъ и перелѣски.

По шоссе всегда тянулась масса экипажей: троечныхъ тарантасовъ, бричекъ, телѣгъ, а по бокамъ тянулись непрерывной вереницей пѣшеходы съ палочками и котомками за плечами, преимущественно женщины. Часто проѣзжая по этой дорогѣ, Ив. Сер. Аксаковъ и написалъ прекрасное стихотвореніе:

«Большая дорога, прямая дорога,
«Простору не мало взяла ты у Бога,
«Ты вдаль протянулась пряма, какъ стрѣла,
«Ты гладью широкой, какъ скатерть, легла.
«Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работалъ
«Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ».
. . . .
. . . .

Сгоряча, не имѣя понятія о ходьбѣ, мы прошли не присаживаясь до Мытищъ, что съ Дѣвичьяго поля составитъ добрыхъ тридцать верстъ, поспѣли ко всенощной въ Хатьковъ, а ночевали уже у Троицы. Зато на другой день ноги у насъ распухли, въ сапоги не влѣзали, и мы уже едва двигались. На возвратномъ пути намъ предстояло удовольствіе погостить недѣли двѣ-три въ Абрамцевѣ близь Хотькова [1]), куда мы съ Т. и отправились.

Господскій домъ стоялъ на пригоркѣ, внизу протекала рыбная и довольно глубокая рѣчка, домъ былъ, сколько помню, одноэтажный, длинный, окрашенный въ сѣрую краску. Надо сказать, что старецъ Сергѣй Тимоѳеевичъ владѣлъ очень хорошими имѣніями въ Бузулукскомъ уѣздѣ; но выѣзжать на лѣто съ громаднымъ семействомъ въ Уфу ему было очень трудно, почему онъ и купилъ себѣ подмсковную. При семействѣ, самъ двѣнадцать, при относительно барскихъ замашкахъ дворянъ того времени, съ огромной дворней и безтолковымъ домашнимъ хозяйствомъ, С. Т. не могъ похвастаться деньгами. Братъ же его Николай Тимоѳеевичъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ гораздо его богаче.

Глава семейства, Сергѣй Тимоѳеевичъ, былъ въ то время уже совсѣмъ сѣдой старикъ, высокаго роста, съ необыкновенно энергичнымъ, умнымъ лицомъ, нѣсколько отрывистою рѣчью, всегда прямой на словахъ и на дѣлѣ, велъ семью постаринному, деспотично, и слово его для всѣхъ было закономъ. Достойная супруга его, Ольга Семеновна, была добрая, толстенькая, низенькаго роста старушка, большая хлѣбосолка и рѣдкаго ума женщина; на ея плечахъ лежалъ весь домъ и все сложное, запутанное хозяйство. А семейка была таки благодатная—три сына: Константинъ,

[1]) Нынѣ Абрамцево принадлежитъ Саввѣ Ивановичу Мамонтову, директору Курской желѣзной дороги.

Григорій и Иванъ Сергѣевичи, да шесть дочерей. Обыкновенно всѣ они толпились въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеевича, въ которомъ стоялъ синій туманъ отъ Жукова табаку и воздухъ дрожалъ отъ постоянныхъ, литературныхъ споровъ отца съ сыномъ Константиномъ. Изъ шести дочерей только одна, Марья Сергѣевна, вышла замужъ за Томашевскаго; въ день рожденья ея Константинъ Сергѣевичъ написалъ и прочелъ вслухъ стихотворную шутку, на сколько помню, слѣдующаго содержанія:

«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ листика сирени
Сдѣлалъ зонтикъ онъ для тѣни
И гулялъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что, одувши одуванчикъ,
Сдѣлалъ онъ себѣ диванчикъ:
Тутъ и спалъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы яичной
Фаэтонъ себѣ отличный
Заказалъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы раченка
Сшилъ четыре башмаченка
И на балъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы орѣха
Сдѣлалъ стулъ, чтобъ слушать эхо,
И кричалъ!»

Двухъ сыновей: Григорія и Ивана Сергѣевичей, тогда не было въ Абрамцевѣ, да и въ Москвѣ ихъ не было: они оба очень удачно начали службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, скоро были отмѣчены, какъ очень умные и дѣльные чиновники, стали быстро возвышаться, но Иванъ Сергѣевичъ оставилъ службу и, какъ извѣстно, предался всею душою литературѣ; а Григорій Сергѣевичъ продолжалъ службу и долгое время состоялъ начальникомъ Уфимской губерніи. Сергѣй Тимоѳеевичъ весною вставалъ очень рано, чуть ли не до восхода солнца, и мы съ нимъ отправлялись удить рыбу, непремѣнно съ лодки; рыбы въ рѣкѣ было изобиліе: попадались громадные головли и щуки до 12 фунтовъ. Мѣста Сергѣй Тимоѳеевичъ зналъ отлично и удилъ мастерски; я, хотя и завзятый охотникъ, предпочиталъ наблюдать за искусствомъ Сергѣя Тимоѳеевича, чѣмъ самому удить. Мой достойный учитель не скупился на совѣты и поученія; но я подвергался сильнымъ выговорамъ за то, что, заглядываясь на его поплавокъ, упускалъ моментъ подсѣчь свою рыбу, и она срывалась. Тутъ досада его доходила иногда до гнѣва. Какихъ только удочекъ у него не было, начиная отъ

пискарныхъ и кончая струнными съ концами стальной проволоки и громадными крючьями для живой насадки. Иногда мы ѣздили съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и въ ночное; въ то время онъ былъ еще очень крѣпокъ, не смотря на свои годы, и могъ по своему богатырскому здоровью выдерживать ночную сырость и свѣжесть майской ночи, а мы гостили у Сергѣя Тимоѳеевича какъ разъ съ половины мая. Съ рыбной ловли мы возвращались всегда между 10 и 11 часами, и Сергѣй Тимоѳеевичъ сейчасъ же завтракалъ и ложился отдыхать; я же, какъ еще очень молодой человѣкъ, присоединялся къ дамскому обществу—устроивались прогулки, катанье въ лодкѣ и прочія удовольствія. Одна изъ дочерей Сергѣя Тимоѳеевича очень недурно играла на рояли и хорошо рисовала. Послѣ обѣда до чаю Константинъ Сергѣевичъ читалъ что нибудь вслухъ, преимущественно изъ своихъ произведеній. Въ то время онъ только что окончилъ свою скучнѣйшую драму «Псковитянку», которую, однако, пришлось выслушивать, хотя и позѣвывая. Ему было тогда лѣтъ подъ 30-ть, и онъ былъ довольно плотный мужчина. Это былъ любимецъ и баловень всей семьи; только и слышались восторженные возгласы его сестеръ: «Константинъ сказалъ то-то, Константинъ думаетъ такъ-то». Въ обществѣ мужчинъ онъ любилъ говорить и говорилъ горячо, проповѣдовалъ чистоту нравовъ и самъ строго придерживался своихъ тезисовъ; въ обществѣ же женщинъ онъ молчалъ, да и вообще избѣгалъ и чуждался прекраснаго пола. По вечерамъ нерѣдко собиралось многочисленное общество. Бывали два брата, богатые помѣщики Пальчиковы, Томашевскій, Н. Л. Загряжскій. Эти послѣдніе оба служили въ московскомъ почтамтѣ. Приходилъ и знаменитый ходокъ Карташевскій пѣшкомъ изъ Москвы къ обѣду; какъ ни въ чемъ не бывало, еще погуляетъ послѣ обѣда, а вечеромъ опять въ Москву. Въ общей сложности онъ проходилъ въ часъ, не отдыхая, 8 слишкомъ верстъ. У Сергѣя Тимоѳеевича мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы играли въ карты: эта была чистая противоположность дому брата его Николая Тимоѳеевича, гдѣ карты со стола не сходили съ утра до вечера. Итакъ, весь домъ, всю его внутреннюю интеллектуальную жизнь составляли въ то время отецъ и сынъ; остальные члены были только (я не говорю о двухъ отсутствовавшихъ сыновьяхъ) блѣдными аксесуарами. Во время моего пребыванія въ Абрамцевѣ, сюда поджидали Ивана Сергѣевича Тургенева; и вотъ въ одинъ дѣйствительно прекрасный день, погромыхивая колокольцами, подкатила четверка ямскихъ въ коляскѣ, и изъ нея вышелъ молодой еще совсѣмъ человѣкъ. Нужно ли говорить о томъ, какое обаяніе имѣло одно только имя Ивана Сергѣевича на насъ, молодежь, какъ мы зачитывались его произведеніями и знали ихъ чуть ли не наизусть, а тутъ онъ самъ живой... Въ то время Иванъ Сергѣевичъ былъ очень красивъ: высокаго роста, хорошо сложенный, статный,

съ прелестными, голубыми глазами, наивыразительнымъ лицомъ; онъ обладалъ какъ бы магнитомъ притяганія. Голосъ его былъ мягокъ и оттѣнялъ малѣйшія движенія чувства. Одѣвался онъ безукоризненно и носилъ свое статское платье съ особеннымъ оттѣнкомъ благородства: то, что французы называютъ qu'il y avait du cachet. . . . .

. . . .

(Эта глава осталась недописанной).

IV.

Графиня Е. П. Ростопчина и ея вечера.

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина въ описываемое мною время была въ апогеѣ своей лирической славы и красоты. Въ Москвѣ она жила на широкую ногу въ своемъ прекрасномъ домѣ на Садовой, гдѣ и собирались у нея по четвергамъ. Ея талантъ, красота, привѣтливость и хлѣбосольство, влекли къ ней и подкупали въ ея пользу всѣхъ, а вдали, какъ въ туманѣ, мерцалъ надъ нею ореолъ мученичества, испытаннаго, какъ говорили, въ III Отдѣленіи за ходившее по рукамъ стихотвореніе «Насильственный бракъ». Небольшого роста, необыкновенно стройная для своихъ 35-ти лѣтъ, съ хорошо развитымъ бюстомъ, здоровымъ румянцемъ, которому позавидовало бы наше нынѣшнее женское поколѣніе, съ большими, почти на выкатѣ, чрезвычайно умными, черными глазами, подвижная, всегда какъ бы въ лихорадкѣ, графиня была дѣйствительно увлекательна и соблазнительна. Въ мнѣніяхъ своихъ она была, такъ сказать, космополитка, и потому у нея собирались люди всевозможныхъ лагерей и профессій. На ея вечерахъ было чрезвычайно оживленно и весело; вечера всегда кончались отличнымъ ужиномъ съ тонкими винами. Ее усердно посѣщала такъ называемая молодая редакція «Москвитянина»: Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Ф—въ, Мей и другіе; во главѣ ихъ находился, восходившее тогда драматическое свѣтило, гордость нашихъ театровъ, Александръ Николаевичъ Островскій, уже написавшій своего «Банкрота», не пропущеннаго цензурой и лишь позже явившагося на сценѣ, подъ названіемъ «Свои люди сочтемся». Въ первый разъ комедію эту читали у насъ на Дѣвичьемъ: Александръ Николаевичъ—женскія роли, а Провъ Михайловичъ—мужскія; что это было за художественное чтеніе, передать невозможно. Чтеніе это въ томъ же составѣ повторилось и у графини, но съ тою только разницею, что предварительно мы должны были прослушать нѣсколько главъ до тошноты скучной ея «Нелюдимки». Изъ артистовъ бывали: Лешетицкій, извѣстный Бауеръ и другіе, а изъ

красныхъ Н. А. Сѣверцевъ, знаменитый орнитологъ, замѣчательный также и своею внѣшностію: всегда косматый, нечесанный, въ одеждѣ, доходившей до неряшества, угрюмый, кусавшій постоянно ногти, онъ молча здоровался съ хозяйкой, держа подъ мышкой объемистый альбомъ; также молча, ни слова не говоря, развертывалъ онъ альбомъ, усаживался около лампъ и принимался рисовать преимущественно птицъ. Разъ графиня хотѣла расшевелить Сѣверцева, но онъ не поддался.

— Сѣверцевъ, а Сѣверцевъ,—сказала громко графиня (она считала шикомъ называть лицъ не по именамъ, а по фамиліямъ),—что это вы дѣлаете?

— Рисую, графиня,—буркнулъ Сѣверцевъ.

— Это ужасно скучно: все рисую да рисую, а говорить не говорю. Дайте сюда альбомъ,—капризничала графиня.

Альбомъ поданъ. Графиня стала его перелистывать; вдругъ она закричала:

— Сѣверцевъ, поглядите, какъ эта птица на васъ похожа! Какъ она называется?

— Сычъ, графиня,—угрюмо отвѣтилъ Сѣверцевъ и, взявъ альбомъ, сталъ снова рисовать, усѣвшись на старое мѣсто.

Присутствовавшіе безцеремонно расхохотались. Сѣверцева, чрезвычайно самолюбиваго, передернуло; ясно было, что при своемъ желчно-язвительномъ характерѣ онъ не спуститъ графинѣ этой просто дѣтски необдуманной шутки. Дѣйствительно, подъ конецъ вечера Сѣверцевъ, обратившись къ графинѣ, сказалъ ей:

— А вотъ и я, графиня, нашелъ птичку, на васъ похожую.

— Какая прелесть,—сказала съ восторгомъ графиня, заглядывая черезъ плечо Сѣверцева въ его альбомъ:—маленькая, граціозненькая, а какой длинный хвостикъ! Какъ ее зовутъ?

— Трясогузка,—спокойно протянулъ Сѣверцевъ.

Тутъ уже обществу было не до смѣха; закусивъ губы, всѣ старались глядѣть въ разныя стороны, боясь улыбнуться. Графиня поняла всю ѣдкость и мѣткость насмѣшки; но, какъ ловкая женщина, бывавшая въ передѣлкахъ, смѣясь сказала:

— Ну-ка, любезный сычъ, возьмите-ка подъ ручку вашу птичку и ведите ее въ столовую: ужинъ готовъ.

Не смотря на всю свободу, допускавшуюся въ аппартаментахъ графини, такой ловкій оборотъ, данный ею этому казусу, былъ какъ нельзя болѣе кстати; онъ вывелъ изъ смущенья присутствовавшихъ гостей, и всѣ весело поспѣшили въ столовую и принялись за ужинъ радушной хозяйки.

Въ другой разъ Сѣверцевъ откололъ штуку еще почище. Пріѣзжаетъ онъ чуть ли не въ срединѣ ужина и начинаетъ извиняться, что опоздалъ.

— Ничего, — необдуманно отвѣтила графиня: — я люблю, кто поздно ко мнѣ пріѣзжаетъ.

Сѣверцевъ замоталъ себѣ на усъ слова графини и въ слѣдующій четвергъ пріѣхалъ ровно въ четыре часа ночи; звонитъ, ему отпираетъ только-что уснувшій швейцаръ и злобно спрашиваетъ:—«Что вамъ угодно?»—«Графиню»,—говоритъ Сѣверцевъ.—«Да онѣ изволятъ почивать», — отвѣтилъ швейцаръ. — «Врешь ты все, графиня намедни сказала мнѣ, что любитъ тѣхъ, кто поздно къ ней пріѣзжаетъ; поди, буди горничную, пусть доложитъ графинѣ: Сѣверцевъ, очень нужно». Швейцаръ нехотя повиновался. Графиня, испуганная, думая, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе, выбѣгаетъ къ нему задрапированная въ шаль.

— Ради Бога, Сѣверцевъ, что съ вами? Не нужно ли чего?... Не оттуда ли... не отъ Цѣпнаго ли моста (III Отдѣленіе) на васъ подуло... говорите скорѣе,—несвязно говорила графиня Сѣверцеву.

— Ничего, графиня, я живъ и здоровъ, успокойтесь. Вы намедни сказали, что любите тѣхъ, которые поздно пріѣзжаютъ, вотъ я и заѣхалъ къ вамъ съ одной пирушки порисовать[1]).

Графиня, очень добрая ко всѣмъ, а въ особенности къ мужчинамъ, на этотъ разъ вспылила, сильно его побранила и поспѣшила удалиться въ свою комнату, а Сѣверцевъ преспокойно отправился въ гостинную, сѣлъ за свой альбомъ и рисовалъ до утренняго чая, при которомъ ему подали горячій завтракъ и бутылку любимаго имъ бургонскаго вина. Уписавъ все это, онъ отправился восвояси.

Юрій Никитичъ Бартеневъ, о которомъ я упоминалъ выше, какъ пожилой человѣкъ, не долюбливалъ графиню за ея веселую жизнь, въ которой онъ ужъ и по нездоровью принимать участія не могъ и всячески избѣгалъ вечеровъ графини, а ей непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ бывалъ у нея; помню, разъ она настойчиво начала приставать къ нему: «пріѣзжайте, да пріѣзжайте».

— Ты, графиня, своихъ псовъ-то трехъ попривяжи, — отвѣчалъ онъ.

У графини были три отличные черные водолаза. Она, какъ бы позабывъ о нихъ, спросила:

— Какихъ Юрій Никитичъ?

— Сама понимаешь,—отвѣтилъ Юрій Никитичъ, — «какихъ»... четвероногіе-то не очень зубасты, да и умнѣе къ тому же.

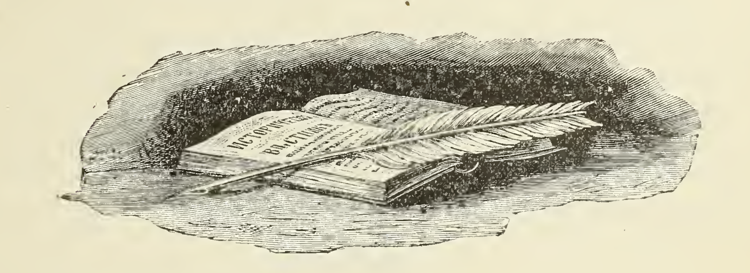
Юрій Никитичъ намекалъ здѣсь на извѣстныхъ трехъ лицъ, болѣе близкихъ къ графинѣ, изъ которыхъ одинъ, въ качествѣ адъютанта, постоянно сопровождалъ ее при выѣздахъ или дежурилъ при ея особѣ, когда она была дома. Графиня была ревностной сотрудницей «Москвитянина», гдѣ и помѣщала статьи свои.

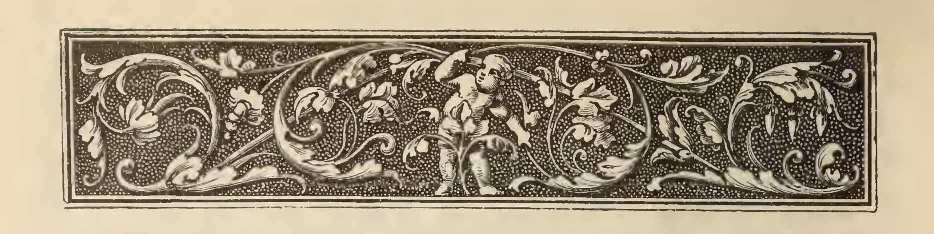
---

[1]) Слышалъ это отъ самого Сѣверцева, съ которымъ былъ хорошо знакомъ.

Во время начавшейся для меня университетской жизни знаменитые Кудрявцевъ и Грановскій, а также не менѣе знаменитые Рулье и Глѣбовъ, поглотили все мое время и вниманіе, и я сталъ все рѣже и рѣже посѣщать кружокъ графини Ростопчиной, да и самый кружокъ вскорѣ распался: «молодая редакція» разсѣялась въ разныя стороны (Сѣверцевъ—на дальній Востокъ), да и сама графиня, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, не могла уже жить и принимать попрежнему.

Д. Погодинъ.

ДО И ПОСЛѢ [1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XIV.

Въ деревнѣ.

НАМЪ БЫЛА оказана почти торжественная встрѣча. Отецъ, правда, вышелъ къ намъ не въ рясѣ, какъ встрѣчалъ онъ, напримѣръ, благочиннаго, а въ тепломъ полукафтаньѣ, мать не надѣла на волосы своей парадной бисерной сѣтки и на плечи не накинула своей «китайской» шали съ пестрыми разводами, но всеже для меня, знавшаго ихъ привычки, было очевидно, что они въ минуту нашего въѣзда во дворъ не случайно оказались у крылечка, а именно затѣмъ, чтобы насъ встрѣтить. Только сестры здѣсь не было, но и это, какъ впослѣдствіи оказалось, объяснялось не пренебреженіемъ къ нашимъ особамъ, а напротивъ — особеннымъ усердіемъ: она была въ кухнѣ и собственноручно дѣлала «хрусты» намъ къ чаю.

Отецъ торжественно благословилъ насъ обоихъ и поцѣловалъ какъ меня, такъ и Пичужку, а мать дала моему другу только руку поцѣловать. Мы вошли въ такъ называемый залъ, то-есть комнату

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 678.

побольше другихъ, въ которой былъ довольно твердый, начиненный мочалой, диванъ съ зеленой шерстяной обивкой, нѣсколько такихъ же креселъ и стульевъ, на стѣнѣ висѣли часы съ кукушкой и съ предлинными гирями, а на другихъ стѣнахъ картины съ священнымъ содержаніемъ.

— Ну, студенты, разсказывайте, какъ у васъ тамъ!—сказалъ отецъ, усадивъ насъ обоихъ на диванѣ. Мать вышла распорядиться, чтобы насъ накормили.

Мы ничего не отвѣтили на этотъ слишкомъ общій вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: «какъ тамъ у насъ?». Плохо, очень плохо,—вотъ все, что мы могли бы отвѣтить. Тогда отецъ началъ задавать частичные вопросы: какъ служитъ архіерей — громко ли, тихо ли, торжественно, или умилительно, хорошъ ли голосъ у новаго протодіакона, сказалъ ли архіерей на первый день праздника проповѣдь, и хороша ли она была, все такъ же ли свирѣпъ о. инспекторъ, любезенъ ли со мной Василій Макарычъ (это было до его бѣгства), все такъ же ли скупъ Працовскій,—однимъ словомъ вопросы все были такого содержанія, которое не могло интересовать насъ. Все это намъ до смерти надоѣло, и намъ теперь было рѣшительно все равно, скупъ ли Працовскій, любезенъ ли Василій Макарычъ и хорошъ ли голосъ у протодіакона. Мы охотно все это забыли бы, да такъ, чтобы никогда не вспоминать.

Тѣмъ не менѣе Пичужко и здѣсь оказался на высотѣ призванія. Онъ давалъ моему отцу самые основательные отвѣты на всѣ вопросы. Я глядѣлъ на этого невзрачнаго мальчугана и дивился его развязности всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ. Онъ, очевидно, съ перваго же момента въ нашемъ домѣ почувствовалъ себя вполнѣ свободно и велъ себя такъ, какъ будто выросъ въ этой семьѣ.

— Какой бойкій мальчуганъ—этотъ твой товарищъ, только какой онъ, должно быть, бѣднякъ! — сказала мнѣ потомъ моя мать, послѣ того, какъ изслѣдовала его узелокъ съ бѣльемъ и сравнила его содержимое съ содержимымъ моего сундука.

Скоро поспѣло и угощеніе. Появилась на столѣ сковорода съ шипящими еще и дымящимися колбасами въ капустѣ, пироги, поросятина и тому подобныя прелести. Послѣ насыщенія я ушелъ къ матери, которая требовала, чтобы я далъ ей хорошенько разсмотрѣть себя. Она нашла, что я очень похудѣлъ и значительно выросъ. Ея разспросы касались совсѣмъ другихъ предметовъ, чѣмъ разспросы отца. На сколько отца интересовали обстоятельства идеальнаго свойства, въ родѣ особенностей архіерейскаго служенія и содержанія проповѣди, на столько мать сейчасъ же погрузилась въ будничную прозу. Чѣмъ у насъ кормятъ, сколько даютъ блюдъ, свѣжее ли мясо, выдаютъ ли чай, хватаетъ ли мнѣ той провизіи, которую изъ дому присылаютъ, не нужно ли что подновить изъ бѣлья,—вотъ вопросы, которые она мнѣ предложила.

Когда я вернулся въ залѣ, то не нашелъ тамъ никого. Отецъ сидѣлъ съ кабинетѣ одинъ и, надѣвъ большіе очки, читалъ послѣдній номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Куда же дѣвался Пичужко? Никто этого не зналъ. Я забѣжалъ въ кухню и поздоровался съ сестрой, которая стояла надъ раскаленной плитой съ раскраснѣвшимся лицомъ, вся погруженная въ изготовленіе «хрустовъ». Пичужки здѣсь и не видали. Антонъ, къ которому я обратился за разъясненіемъ, молча махнулъ рукой по направленію къ телятнику. Я туда и отправился.

Въ обширномъ телятникѣ у стѣны стояли ясли, наполненныя сѣномъ. Нѣсколько телятъ разныхъ возростовъ стояли, уткнувъ свои морды въ сѣно, другіе лежали въ разныхъ концахъ и задумчиво ворочали челюстями. Пичужко сидѣлъ около одного изъ нихъ накорточкахъ и нѣжно гладилъ его голову и шею.

— Ты здѣсь?—спросилъ я:—что ты тутъ дѣлаешь?

Пичужко тихонько смѣялся, глазки его выражали полное умиленіе и были влажны. Величайшее довольство разливалось по всему его лицу.

— Какая глупая мордочка, посмотри, посмотри! Какъ у него шерстка лежитъ ровно-ровно, гладкая такая, какъ бархатъ! Онъ рябенькій, видишь: вотъ черное пятно, а вотъ бѣлое... А вонъ тамъ рыжій, какъ о. Петръ! Гляди! чудо что такое!

Онъ говорилъ это, восторженно закатывая глаза подъ лобъ, улыбался и обѣими руками любовно гладилъ теленка. Этотъ нисколько не протестовалъ, даже напротивъ, кажется, это ему нравилось. Но восторгу Пичужки не было предѣловъ, когда рыжій теленокъ, напоминавшій ему о. Петра, промычалъ довольно густымъ баритономъ.

— Вотъ такъ голосъ! Если бы тутъ былъ о. Петръ, то непремѣнно сказалъ бы: его надо взять въ хоръ! А знаешь, я уже былъ въ конюшнѣ. Тамъ Васька, Мишка, Гнѣдко и Воронъ; Воронъ лучше всѣхъ. На немъ твой батюшка по праздникамъ въ церковь ѣздитъ. Вѣдь церковь отъ васъ порядочно, съ версту. Это все объяснилъ мнѣ Антонъ. Антонъ—славный малый. Онъ только смотритъ строго, а добрый, все объясняетъ. Только онъ бѣдный. Онъ говоритъ, что у него каждую весну чахотка открывается. Да и еще я былъ на голубятнѣ. Антонъ поставилъ мнѣ лѣстницу, я взлѣзъ и распугалъ всѣхъ голубей! Я заглянулъ въ середину, тамъ все гнѣзда, гнѣзда... Ахъ, какая досада, что теперь зима, а не лѣто! Зеленой травки нѣтъ, деревья голы... А то бы я съ ума сошелъ! Послушай, ты попроси своихъ родныхъ, чтобы мнѣ пріѣхать сюда лѣтомъ, на каникулы...

Онъ лепеталъ скороговоркой, а я дивился, какъ онъ успѣлъ всюду побывать и все узнать. Его энергія и живость поражали меня.

Впродолженіе всего времени, что мы провели въ деревнѣ (около

недѣли), Пичужку нельзя было оторвать отъ телятъ, лошадей, коровъ, голубей, куръ. Онъ съ утра отправлялся въ конюшню и чистилъ вмѣстѣ съ Антономъ лошадей, потомъ взбирался на передокъ водовозной бочки и ѣхалъ съ Антономъ же къ рѣкѣ за водой; принималъ самое дѣятельное участіе въ кормленіи птицъ и доеніи коровъ. Послѣднее обстоятельство очень смущало кухарку Степаниду, которая почему-то всякій разъ, когда Пичужко вмѣшивался въ это дѣло, краснѣла и потупляла взоры, такъ далеко заходила ея щепетильность. Особенно близко сошелся онъ съ Антономъ, который съ своей стороны оказывалъ ему большую благосклонность. Антонъ познакомилъ его со многими деревенскими преданіями, большей и меньшей достовѣрности, разсказалъ, кто въ деревнѣ старшина, кто писарь, кто церковный староста. Пичужко съ восторгомъ передавалъ мнѣ всѣ эти разсказы, между которыми многіе были мнѣ хорошо извѣстны. Онъ съ грустью разсказывалъ мнѣ также печальную повѣсть Антона о его болѣзни. Болѣзнь эта открылась у него лѣтъ пять тому назадъ, когда онъ косилъ на полѣ. Былъ сильный урожай, цѣны на косарей стояли хорошіе, Антону хотѣлось какъ можно больше заработать денегъ, и онъ черезъ силу налегалъ на косу. Ну, тогда онъ и надорвался и съ тѣхъ поръ эта болѣзнь открывается у него каждую весну. Зимой— здоровъ, все у него въ порядкѣ, и работаетъ онъ за двоихъ, а чуть наступила весна, начинаетъ его всего томить и разламывать. А узналъ онъ, что у него чахотка отъ знахарки, которая «выливала ему болѣзнь на золѣ»; тутъ-то и выяснилось, что у него чахотка; знахарка прибавила еще, что болѣзнь эта неизлѣчима, и, согласно показанію той же золы, навѣрняка сосчитала, что ему осталось жить всего на всего семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней. Такъ какъ это было назадъ тому два года слишкомъ, то онъ проживетъ еще около пяти лѣтъ. Пичужко находилъ, что это очень мало и что Антонъ заслуживаетъ лучшей участи.

— Ну, какъ бы найдти средство, чтобы его вылѣчить!—со слезами на глазахъ восклицалъ онъ и долго думалъ надъ этимъ.— Знаешь, — сказалъ онъ мнѣ однажды:—въ городѣ есть докторъ. Я самъ видѣлъ вывѣску: «докторъ». Я непремѣнно проберусь къ нему и спрошу, какъ вылѣчить Антона. Непремѣнно!

И онъ долго и очень серьезно носился съ этой мыслью. Вообще Пичужко здѣсь, въ деревнѣ, представился мнѣ совсѣмъ въ новомъ видѣ. Въ городѣ онъ имѣлъ видъ какого-то заморыша, притомъ сознающаго свое положеніе принятаго «изъ милости», только потому, что его любилъ архіерей. Только съ однимъ архіереемъ, какъ это ни странно, онъ былъ смѣлъ, передъ всѣми же остальными смотрѣлъ робко и подавленно. Почти всегда я видѣлъ его какимъ-то вялымъ, апатичнымъ и лѣнивымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояла какая нибудь игра, въ особенности, гдѣ нужно

было бѣгать или драться, онъ отказывался принимать участіе Казалось, онъ ничего не любилъ, кромѣ душной комнаты, въ которой мы жили, и своей жесткой кровати, на которой постоянно валялся. Казалось, его нисколько не привлекали ни солнце, свѣтившее надъ архіерейскимъ дворомъ, ни мягкая травка, зеленѣвшая на узкой площадкѣ позади развалинъ стараго дома; и всегда онъ былъ сдержанъ, ровенъ, невозмутимъ.

А въ дѣйствительности оказалось, что ничего онъ такъ не любитъ, какъ степь, зелень, солнце, воздухъ, телятъ, лошадей, птицъ, что эта среда способна совсѣмъ приковать его къ себѣ, овладѣть имъ, оживить его и держать въ непрерывномъ волненіи. У Пичужки оказалась поэтическая натура, которая развернулась въ чуть-чуть подходящей обстановкѣ.

Бѣгая цѣлые дни на вольномъ воздухѣ, мы нагуливали великолѣпный аппетитъ, отлично питались, и мой другъ въ какихънибудь три-четыре дня пріобрѣлъ румянецъ щекъ и видимо поправился. На всѣхъ моихъ домашнихъ онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, всѣ очень скоро сроднились съ нимъ, онъ сталъ, какъ свой, какъ членъ семьи, и это такъ уже осталось навсегда.

Однажды, когда мы съ Пичужкой сидѣли за воротами, на деревенской дорогѣ показался городской извозчичій экипажъ, который видимо направлялся къ намъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе, мы узнали, что ѣдетъ Василій Макарычъ. Я обрадовался, а Пичужко нахмурился. Очевидно, всякое напоминаніе о бурсѣ было ему тягостно. Такъ какъ я громко выражалъ свою радость, то Пичужко мрачно спросилъ меня.

— Чему-жъ ты обрадовался? Эко удовольствіе! Еще, пожалуй, начнетъ щелчки давать!

— Что ты? Василій Макарычъ? Здѣсь, у насъ? Да онъ такой добрый!..

— Ну, ужъ... Добрый!.. Какъ это онъ можетъ быть добрымъ!..

Пичужко поднялся и хотѣлъ попросту удрать. Но это было поздно. Бричка подъѣхала къ воротамъ, лошади остановились, и Василій Макарычъ ловко соскочилъ на землю. Онъ подбѣжалъ къ намъ, приподнялъ меня обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ губы.

— А!—промолвилъ онъ весело, увидавъ Пичужку:—вотъ кто здѣсь! Вишь, какимъ ты молодцомъ сталъ на свѣжемъ воздухѣ! Браво!

И онъ совсѣмъ подружески потрепалъ моего друга по плечу. Пичужко даже немного опѣшилъ и стоялъ молча, въ изумленіи. Василій Макарычъ разспрашивалъ насъ о родныхъ, всѣ ли здоровы, дома ли сестра, и затѣмъ, взявъ насъ обоихъ за руки, повелъ въ домъ. Его встрѣтили, разумѣется, съ радостью, такъ какъ онъ

былъ всегда желаннымъ гостемъ. Онъ былъ веселъ, разсказывалъ намъ множество потѣшныхъ исторій, хохоталъ съ нами, бѣгалъ взапуски и вообще былъ совсѣмъ не похожъ на помощника инспектора, всюду и на каждомъ шагу раздававшаго щелчки.

Пичужко долго не поддавался. По лицу его я видѣлъ, что онъ ко всему этому относился осторожно, съ сомнѣніемъ. Очевидно, онъ не довѣрялъ Василью Макарычу и каждую минуту ждалъ отъ него щелчка. Но, наконецъ, тотъ таки побѣдилъ его своей искренностью, и Пичужко пересталъ смотрѣть исподлобья и съ увлеченіемъ отдался веселью.

— Совсѣмъ другой онъ человѣкъ здѣсь!—съ изумленіемъ сообщилъ онъ мнѣ вечеромъ, когда мы ложились спать.—Совсѣмъ какъ будто бы не тотъ! Вотъ настоящее чудо! И всегда онъ такой у васъ?

— Всегда!

— Ей-Богу, чудо!

Когда на деревнѣ стало извѣстно, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы, приходили смотрѣть на насъ. Приходилъ церковный староста, сотскій, нѣсколько бабъ и мужиковъ, и всѣ дивились моему сюртуку, въ которомъ я казался имъ необыкновенно важнымъ. Церковный староста, мужикъ зажиточный, по этому случаю посулилъ моему отцу два мѣшка пшеницы и въ тотъ же вечеръ прислалъ, а какая-то баба принесла цѣлую колбасу,—все по случаю того, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы.

Когда мы явились въ деревенскую церковь и взошли на клиросъ, дьякъ и двое мѣстныхъ любителей церковнаго пѣнія изъ крестьянъ отнеслись къ намъ съ необыкновенной почтительностью и во всемъ, что касалось пѣнія, обращались къ намъ, какъ къ авторитетамъ. Мы пѣли, и гусиный голосъ Пичужки показался имъ восхитительнымъ. Бабы, слушавшія насъ, потомъ разсказывали своимъ знакомымъ, будто мы пѣли совершенно такъ, какъ поютъ ангелы на небѣ.

Но вотъ праздникъ нашъ кончился; о. Петръ строго-на-строго приказалъ не опоздать, а этотъ почтенный человѣкъ шутить не любилъ. Пичужко утратилъ всю свою живость, опустилъ голову и глядѣлъ мрачно.

— Опять лямку тянуть!—чуть не плача, промолвилъ онъ:—опять! Вотъ, если-бъ можно было вовсе туда не ѣздить, а всю жизнь прожить тутъ съ телятами да съ курами! Ахъ, какъ бы хорошо это было!

Но ѣхать, всетаки, было надо. Уже Антонъ выкатилъ изъ сарая бричку и сталъ закладывать лошадей. Мы стояли на дворѣ; я видѣлъ, какъ Степанида съ мѣшкомъ въ рукѣ рысцой побѣжала въ погребъ, и мать пошла туда же, а черезъ нѣсколько минутъ изъ погреба вынесли мою торбу, доверху наполненную всякой

живностью. Тутъ я вдругъ вспомнилъ чрезвычайно важное обстоятельство, о которомъ чуть было не забылъ.

При одной мысли, что я могъ совсѣмъ выпустить это изъ виду, у меня краска выступила на лицѣ. Вѣдь я же поклялся привезти особую торбу моему покровителю Остапову, и эта клятва право же для меня была святѣе многихъ другихъ. И это вовсе не потому, чтобы я боялся его кулака, нѣтъ, я представлялъ себѣ, какъ онъ, изголодавшійся на жалкой праздничной пищѣ Працовскаго, нетерпѣливо и жадно ждалъ этой торбы, и сколько она доставитъ ему высокаго, истиннаго наслажденія. Я побѣжалъ къ матери въ погребъ и сталъ умолять ее снарядить еще одну торбу. Мнѣ стоило большихъ трудовъ объяснить ей тонкую роль Остапова въ моей жизни. Такъ, кажется, она и не поняла, въ какомъ смыслѣ онъ мой защитникъ и покровитель, и если и согласилась исполнить мою просьбу, то больше потому, что вѣрила мнѣ на слово.

Тѣмъ не менѣе торба для Остапова была вынесена въ бричку. По сравненію съ нашей она была совсѣмъ тощая, но все же и въ ней было довольно добра.

Мы съ грустью оглядѣли комнаты и дворъ, отецъ благословилъ насъ, мы сѣли въ бричку и укатили.

Прежде чѣмъ проѣхать въ архіерейскій дворъ, мы подъѣхали къ дому Працовскаго и остановились. Насъ рѣшительно поразило то обстоятельство, что теперь, какъ и тогда, когда мы уѣзжали изъ города, голова Остапова торчала въ форточкѣ, словно съ тѣхъ поръ онъ и не вынималъ ея оттуда, а такъ и замеръ на цѣлую недѣлю въ страстномъ ожиданіи торбы. Завидѣлъ ли онъ и узналъ нашу бричку издали, или просто сердцемъ почуялъ наше приближеніе,—неизвѣстно. Но въ ту минуту, какъ мы остановились, голова уже исчезла изъ форточки, и Остаповъ, запыхавшись, стрѣлой вылетѣлъ изъ двери на улицу.

Мы дружными усиліями вытащили торбу и торжественно вручили ему. Онъ позабылъ даже поблагодарить и, какъ хищный звѣрь, послѣ долгихъ исканій нашедшій, наконецъ, добычу, съ жадными глазами потащилъ ее къ себѣ. Эта картина произвела сильное впечатлѣніе на Пичужку. Онъ хохоталъ до упаду и, когда минуты черезъ двѣ мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, онъ былъ очень веселъ.

Въ тотъ же день мы уже драли глотки въ спѣвочной, готовясь къ завтрашнему празднику, а вечеромъ, когда въ соборѣ зазвонили къ вечернѣ, мой другъ Пичужко съ печальнымъ видомъ несъ по улицѣ тяжелыя нотныя тетради въ церковь.

Я замѣтилъ потомъ, что послѣ поѣздки въ деревню онъ сталъ апатичнѣе прежняго и еще больше привязался къ своему любимому занятію—лежанью на кровати, причемъ онъ задумчиво глядѣлъ въ потолокъ.

XV.

Борьба самолюбій.

Если бы меня спросили, чему мы учились въ школѣ въ тотъ періодъ, когда я былъ пѣвчимъ, то я затруднился бы отвѣтить. Чему? Да учились ли мы чему нибудь? Мы были пѣвчіе, и на насъ смотрѣли, какъ на пѣвчихъ, это было наше главное назначеніе, а остальное такъ себѣ, между прочимъ. Въ классѣ, въ то время, какъ съ другихъ требовали точнаго знанія «отсюда и досюда», на насъ махали рукой и говорили: «да это пѣвчіе», иными словами, это такой народъ, которому наука—лишнее бремя.

И не было никакой возможноести учиться. Даже наиболѣе прилежные, у которыхъ была большая склонность къ ученію, оставаясь пѣвчими, въ концѣ концовъ переходили въ разрядъ «ословъ», съ той только разницей, что обыкновенныхъ «ословъ» оставляли сидѣть въ одномъ классѣ по три двухлѣтія, а привиллегированныхъ «ословъ» изъ пѣвчихъ благополучно переводили изъ класса въ классъ. Если намъ удавалось три дня въ недѣлю побывать въ классѣ, какъ слѣдуетъ, то это было хорошо. Но бывали случаи, когда пѣвчіе покидали школу на нѣсколько недѣль, и ужъ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобъ идти наряду съ товарищами.

Такой случай выпалъ и на мою долю. Было объявлено, что архіерей поѣдетъ по епархіи. Какъ я уже сказалъ, онъ не былъ епархіальнымъ, а только викаріемъ, но какъ разъ въ это время епархіальный архіерей продолжительно болѣлъ, и всѣ его обязанности были возложены на нашего.

Отъѣздъ былъ назначенъ черезъ двѣ недѣли, но ужъ теперь начались настоящія интриги. По епархіи ѣздили рѣдко, и всякому хотѣлось попасть въ архіерейскую свиту. Пѣвчіе, да и прочій штатъ, смотрѣли на это, какъ на увеселительную поѣздку; но былъ еще и другой интересъ—матеріальный; причтъ посѣщаемыхъ и ревизуемыхъ церквей обыкновенно страшно трусилъ пріѣзда архіерейскаго и, такъ какъ архіерей самъ былъ строгъ и безкорыстенъ, старался всячески угодить всей его свитѣ, наивно приписывая вліяніе въ дѣлахъ каждому изъ членовъ этой свиты, до мальчишекъ-пѣвчихъ включительно. Предлагалось обильное угощеніе и благое даяніе.

А комплектъ ѣдущихъ, между тѣмъ, былъ незначителенъ. Ну, протодіаконъ былъ единственный, ему нечего было бояться, но, напримѣръ, иподіаконовъ было два, а къ поѣздкѣ назначенъ былъ только одинъ. И вотъ между ними, до сихъ поръ бывшими чуть не закадычными друзьями, началась борьба. Каждый старался по-

чаще попадаться архiерею на глаза, причемъ поражалъ своею исполнительностью, аккуратностью и даже грацiозностью при исполненiи своихъ обязанностей.

Изъ пѣвчихъ предполагалось взять шесть взрослыхъ и шесть мальчиковъ. Больше всѣхъ волновался о. Павелъ, который отъ путешествiя ждалъ великой жатвы во всѣхъ отношенiяхъ. Однажды о. Петръ сказалъ ему:

— Вы, о. Павелъ, не поѣдете!

— Это какъ? А почему бы я не поѣхалъ?—спросилъ о. Павелъ, весь вспыхнувъ.

— А потому, что вы состоите на приходѣ и одинъ дьяконъ тамъ. Нельзя же бросить приходъ на цѣлый мѣсяцъ!

— Ну, ужъ это извините!.. Это... это не причина! Я поѣду!

— Нѣтъ, вы не поѣдете!—съ ядовитымъ спокойствiемъ промолвилъ о. Петръ, которому доставляло высокое удовольствiе сдѣлать какую нибудь непрiятность о. Павлу.

— А я вамъ говорю, что поѣду! Приходъ, эка важность! На приходъ я могу поставить замѣстителя. Я найду iеродiакона... Вамъ, конечно, не желательно, чтобы я поѣхалъ; вы рады мнѣ пакость сдѣлать, я васъ знаю, о. Петръ!..

— Не мнѣ, а преосвященному. Такъ преосвященный сказалъ, чтобы приходскихъ не брать. Спросите самого...

— Сказалъ?—съ какимъ-то выраженiемъ безнадежности спросилъ о. Павелъ.

— А разумѣется, сказалъ! Что же, я врать буду, что ли?..

О. Павелъ замолчалъ, подавленный и убитый. Съ преосвященнымъ спорить нельзя, тѣмъ болѣе, что о. Павелъ, за которымъ числилось множество упущенiй, боялся его, какъ огня. Но примириться съ этимъ сразу у него тоже не было силъ. Всю спѣвку онъ просидѣлъ молча съ блѣднымъ и мрачнымъ лицемъ, а послѣ спѣвки подошелъ къ о. Петру и сказалъ тихо, покорно и просительно:

— О. Петръ! Ужъ вы похлопочите, чтобы мнѣ поѣхать! Ужъ я такъ буду благодаренъ, такъ буду благодаренъ! Ей-Богу, о. Петръ, будьте милостивы, похлопочите!

О. Петръ, разумѣется, не пропустилъ случая повеличаться передъ нимъ.

— Знаю я вашу благодарность, о. Павелъ, знаю! Это вы такъ говорите, когда вамъ круто пришлось. А чуть возьмете верхъ, сейчасъ носъ подымаете!—промолвилъ онъ.

— Ну, что тамъ, о. Петръ, старое вспоминать! У всякаго человѣка есть грѣхи!.. Конечно, я не опровергаю... У меня горячiй характеръ. Такъ я же въ томъ не виноватъ...

— Ага, то-то и оно! Не мѣшало бы вамъ вашъ горячiй характеръ охладить, о. Павелъ!

О. Павелъ еще выдерживалъ явное издѣвательство, но въ душѣ у него уже видимо подымалась буря. Лице его то блѣднѣло, то краснѣло.

— Но я же васъ прошу, о. Петръ! Прошу-у!

— Да я вижу, что просите, когда вамъ приспичило, когда о. Петръ вамъ нуженъ.

Тутъ о. Павелъ вскипѣлъ.

— Ну, и не надо! И не надо! И чортъ съ вами! Больше просить не стану!—закричалъ онъ злобнымъ голосомъ:—только помните это, помните, о. Петръ!.. Придетъ коза до воза... Когда нибудь и я вамъ понадоблюсь, такъ ужъ не пеняйте!...

— Да вы напрасно горячитесь, о. Павелъ!—спокойно промолвилъ регентъ, сознававшій превосходство своего положенія.—Если бы я еще могъ что нибудь сдѣлать, то былъ бы другой разговоръ, а то вѣдь это приказъ преосвященнаго...

Изъ взрослыхъ пѣвчихъ только одинъ Ѳедоръ не волновался. Онъ твердо зналъ, что безъ него никакъ нельзя обойтись. Архіерей не можетъ слышать хора, когда въ основаніи его нѣтъ октавы; а такъ какъ онъ, Ѳедоръ, единственный октавистъ во всемъ хорѣ и даже, кажется, въ цѣломъ городѣ, то для него путешествіе обезпечено. Притомъ же у него не было никакого прихода, ни семьи; онъ ничѣмъ не былъ связанъ и жилъ, какъ птица небесная.

Среди мальчиковъ-пѣвчихъ интриги поднялись въ неменьшей, если не въ большей степени. Такъ какъ здѣсь большая часть давно уже перешла въ рангъ «ословъ», то важнымъ побужденіемъ была возможность цѣлый мѣсяцъ совсѣмъ не заниматься науками. Но были и другія соображенія.

Путешествіе по епархіи, какъ увидимъ дальше, было веселое путешествіе, и всякому хотѣлось провести мѣсяцъ не дурно. Кромѣ того, ѣдущимъ дѣлали новую одежду, потому что нельзя же было развозить по губерніи оборванцевъ, какіе попадались среди насъ. Но чуть ли не самымъ капитальнымъ побужденіемъ было самолюбіе. Выбирали «лучшихъ», или, по крайней мѣрѣ, мы такъ думали, и всякій невыбранный для поѣздки этимъ самымъ разъ навсегда признавался «худшимъ». А самолюбіе, чисто пѣвческое, у насъ было развито сильно.

Начались скверныя исторіи. Мальчики, до сихъ поръ жившіе болѣе или менѣе мирно, стали смотрѣть другъ на друга исподлобья, придирались другъ къ другу, обвиняли товарищей въ разныхъ, никогда не существовавшихъ преступленіяхъ. Но что всего хуже, начались тайные доносы.

Мальченко, бывшій прежде «исполатчикомъ», теперь развѣнчанный по той причинѣ, что онъ «переросъ», имѣлъ мало шансовъ на поѣздку и рѣшительно не могъ снести этого. Онъ уже нѣсколько дней ходилъ въ задумчивости, а потомъ разразился

тѣмъ, что сталъ придираться къ Пегасову, бывшему его замѣстителемъ и конкурентомъ. Однажды Пегасовъ въ разговорѣ отозвался объ экономѣ не особенно лестно, сказавъ, что онъ даетъ намъ гнилую кашу, а деньги тратитъ на ромъ, который пьетъ съ Иваномъ Яковлевичемъ. Это было въ порядкѣ вещей, и мы часто такъ говорили въ своемъ кругу, хотя намъ достовѣрно было извѣстно, что экономъ, одинокій вдовецъ, честный человѣкъ, да и воровать-то ему не изъ чего. Но вдругъ Мальченко возвысилъ голосъ.

— А ты какъ смѣешь такую гадость про эконома говорить?— спросилъ онъ.

— А ты что за защитникъ? — спросилъ тотъ: — тебѣ какое дѣло?

— Защитникъ не защитникъ, а ты не смѣй!..

Насъ это удивило, но мы скоро забыли объ этомъ. Въ другой разъ Мальченко замѣтилъ, что Пегасовъ утромъ всталъ, одѣлся, умылся и не помолившись прямо сѣлъ за столъ и началъ ѣсть булку, которая полагалась намъ на завтракъ.

— А ты чего не молишься?—спросилъ онъ.

— Да что ты, Мальченко? Тебѣ какое дѣло? Можетъ, я въ душѣ помолился?

— Гм... Въ душѣ!.. Разсказывай!..

И всѣ видѣли, что Мальченку что-то мутитъ и тревожитъ. Но вотъ его скорбь дошла до такихъ предѣловъ, что онъ уже не могъ болѣе выдержать. Однажды, когда уже почти навѣрное стало извѣстно, что онъ не поѣдетъ, а вмѣсто него возьмутъ Пегасова, онъ отправился къ эконому и выпалилъ:

— О. экономъ! Пегасовъ говорилъ, что вы намъ гнилую кашу даете, а деньги на ромъ тратите съ Иваномъ Яковлевичемъ... И тоже онъ по утрамъ не молится...

— Что такое?—спросилъ экономъ, сразу не разобравшій, въ чемъ дѣло.

Мальченко повторилъ слово въ слово.

— Ага, вотъ что! — сказалъ экономъ, какъ-то странно улыбаясь.—Вотъ что! Такъ это говорилъ Пегасовъ? а?

— Пегасовъ! Онъ это говорилъ при всѣхъ насъ, всѣ слышали!

— А какъ онъ тебѣ приходится, Пегасовъ? а?

— Онъ... Никакъ!

— Какъ? Развѣ онъ тебѣ не товарищъ?

— Товарищъ!

— Такъ ты это на него доносъ дѣлаешь, наушничаешь и думаешь, что я тебя за это по головкѣ поглажу? а? А ты самъ, небось, никогда не бранилъ о. эконома? И всегда молился Богу нелицемѣрно? Ахъ, ты дрянцò этакое, мерзецъ и поганецъ!..

Экономъ поднялся и подошелъ къ нему.

— Поди-ка сюда!—промолвилъ онъ и, взявъ его за ухо, повелъ

въ свою спальню. Тамъ у него на стѣнѣ висѣла ремянная плетка, и этой плеткой онъ изрядно отодралъ бѣднягу Мальченку.

— Ну, теперь ступай и больше наушничествомъ не занимайся.

Мальченко съ подавленной злобой въ сердцѣ, скрывая слезы, вышелъ и прошелъ прямо въ глубину развалинъ стараго дома, куда мы вообще нерѣдко уносили всѣ свои тайныя радости и скорби. Дѣло его было окончательно проиграно.

Экономъ позвалъ Пегасова.

— Послушай, дружище, — сказалъ онъ ему строгимъ, внушительнымъ голосомъ:—ты что тамъ разглагольствуешь, будто я васъ обкрадываю и на ваши деньги ромъ пью? а?

Пегасовъ поблѣднѣлъ и весь задрожалъ. Вопросъ этотъ такъ поразилъ его, такъ онъ былъ неожиданъ, что у Пегасова не нашлось въ отвѣтъ ни одного слова.

— Что-жъ ты молчишь, свинья? Значитъ, это правда!? Такъ видишь ли, въ чемъ дѣло: я знаю, что вы тамъ между собой всякія гадости говорите не только про о. эконома, а и про самого архіерея, знаю это, самъ былъ когда-то сорванцомъ и такъ же поступалъ... Ну, что же, за глаза и царя ругаютъ. Да только все-же надо быть разборчивѣй и чести другаго человѣка не касаться. Я ничего у васъ не ворую, это знай и впредь не клевещи, свинья! А чѣмъ это ты досадилъ Мальченкѣ, что онъ пошелъ на тебя наушничать? Я за нимъ прежде не замѣчалъ...

— Такъ это Мальченко?—почти съ ужасомъ воскликнулъ Пегасовъ:—это онъ злобствуетъ...

— За что?

— Что его не возьмутъ по епархіи, а меня будто бы возьмутъ...

— Ахъ, вотъ что! Ну, ступай, да только впредь будь разборчивѣй!...

Когда у Мальченки прошло увлеченіе, онъ самъ страшно негодовалъ на себя за свой поступокъ и просилъ прощенія у Пегасова. Въ сущности онъ не былъ злымъ мальчикомъ, всегда считался хорошимъ товарищемъ и такимъ остался, за исключеніемъ этого случая.

Не избѣжалъ общаго увлеченія и Пичужко. Ему тоже хотѣлось попасть въ число избранниковъ, но самолюбіе у него въ этомъ случаѣ не играло никакой роли. Онъ хорошо зналъ себѣ цѣну, какъ пѣвчему; его «гусиный голосъ» вошелъ въ поговорку, и онъ самъ не меньше другихъ потѣшался надъ этимъ. Ему просто хотѣлось какой нибудь перемѣны, движенія. Кромѣ того, онъ сильно привязался ко мнѣ, и ему грустно было бы разставаться. Вопросъ же о томъ, поѣду ли я, самъ собою разрѣшался утвердительно.

— А меня ужъ ни за что не возьмутъ!—со вздохомъ говорилъ онъ мнѣ:—придется киснуть тутъ! Что бы такое придумать, чтобы взяли?! Давай-ка, подумаемъ!

Мы думали, но ничего не могли изобрѣсти. Единственная роль, которую Пичужко исполнялъ блестящимъ образомъ, была роль носителя нотъ, но для нея во время поѣздки не было мѣста. Мы уже почти примирились съ мыслью, что Пичужкѣ придется остаться, но тутъ вышелъ случай, неожиданно повернувшій это дѣло иначе.

Какъ-то мы играли съ нимъ во дворѣ и не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ прогуливавшійся въ это время архіерей.

— А, здравствуй, философъ!—по обыкновенію съ улыбкой произнесъ архіерей, увидавъ Пичужку.—Ну, что, какъ твои дѣла?

Въ головѣ моего друга вдругъ промелькнула смѣлая, почти дерзкая мысль—воспользоваться этимъ случаемъ, и онъ сказалъ:

— Скверно, ваше преосвященство!

— Какъ такъ?—спросилъ архіерей, не ожидавшій такого отвѣта.

— Не берутъ по епархіи!

— О, только-то?! А я думалъ, что нибудь поважнѣе. А развѣ очень тебѣ хочется?

— Страшно хочется, ваше преосвященство!

— Ну, и поѣзжай, коли хочется! Скажи о. Петру, что я прошу его взять тебя.

Пичужко едва удержался, чтобы не подпрыгнуть на мѣстѣ. Онъ въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ о. Петру.

— Тебя?—спросилъ тотъ съ изумленіемъ.—Что ты тамъ будешь дѣлать?

— Не знаю. Преосвященный велѣлъ.

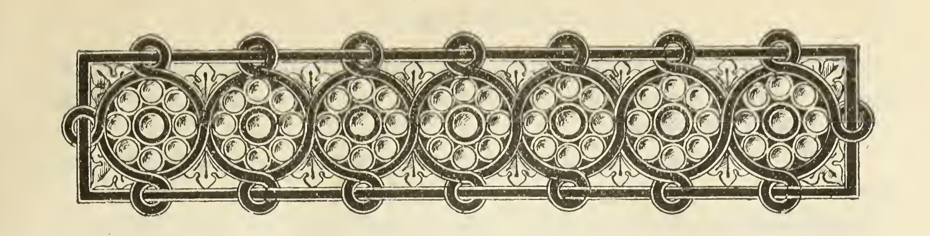
— Ну, и пролаза же ты, Пичужко, ей-Богу!

Но Пичужко не обидѣлся. Онъ торжествовалъ. Скоро мы узнали, что отъѣздъ совершится черезъ два дня.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1]).

II.

Капитонъ изъ Веретья.

I.

ПРЕЖДЕ всего позвольте мнѣ описать его наружность. Капитонъ — совсѣмъ плюгавый мужичонка, небольшаго роста, борода мочальнаго цвѣта торчкомъ, волоса постоянно взлохмочены, и мудрено сказать, какого они цвѣта. Носъ—пуговкой, подвижной, точно онъ ходитъ по лицу, что-то обнюхивая. Выраженіе сѣрыхъ запавшихъ глазъ—безпокойное; красное лицо все въ мелкихъ морщинкахъ, которыя словно лучами окружаютъ глаза. Голосъ — тонкій, съ какими-то выкриками. «Въ одну точку долбитъ»,—говорили про него. Это вѣрно и мѣтко сказано. Манеры у Капитона—то размашистыя, въ особенности, когда онъ подъ хмѣлькомъ, а то какія-то крадущіяся, онъ вдругъ весь съеживается и становится похожимъ на притаившуюся рысь, готовую броситься на добычу.

Я съ нимъ познакомился случайно. Онъ самъ пришелъ ко мнѣ. Я жилъ недалеко отъ Веретья, деревни, гдѣ была у Капитона полуразвалившаяся «избенка на курьихъ ножкахъ», какъ смѣялись крестьяне.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 416.

Стоялъ жаркій, лѣтній день, и я работалъ въ саду, въ бесѣдкѣ. Вдругъ является сынишка лавочника, у котораго я нанималъ дачу.

— Что тебѣ, Митя?

— Да васъ, кажись, мужикъ тутъ спрашиваетъ... можно ему сюда?

— Какой мужикъ?

— А и не знаю... Пришелъ и говоритъ: мнѣ сочинителя повидать надо, на дачѣ у васъ живетъ, изъ Питера.

— Позови его сюда,—сказалъ я, заинтересованный мужикомъ, спрашивающимъ не «Ликсандра Василича», не барина или дачника, какъ обыкновенно спрашивали крестьяне, предлагавшіе что нибудь, а сочинителя.

— Позвать?

— Позови, Митя!

Мальчикъ стрѣлой понесся изъ сада, а я оставилъ работу и сталъ дожидаться незнакомца.

Минуты черезъ двѣ явился и онъ. Онъ былъ въ стоптанныхъ сапоженкахъ, въ какомъ-то рыжемъ пиджакѣ, болѣе похожемъ на бабью кацавейку, чѣмъ на настоящій пиджакъ, и въ пестрыхъ штанахъ, забранныхъ въ сапоги.

Онъ снялъ рваную шапченку, поклонился и опять надѣлъ ее.

— Что тебѣ, любезный, надо?—спросилъ я его.

Онъ опять поклонился, подвинулся ко мнѣ шага на два, но ничего не отвѣтилъ.

— Зачѣмъ ты хотѣлъ меня видѣть?—снова спросилъ я.

— А видишь... какъ тебя звать, не знаю, — началъ онъ не то несмѣло, не то осторожно:—сказывали мнѣ, что у Ѳедотыча баринъ живетъ, въ газетахъ пишетъ... стало, это—ты... такъ вѣдь говорю?

— Пишу, что-жъ тебѣ?—отвѣтилъ я, стараясь угадать, о чемъ онъ поведетъ рѣчь дальше.

— А-а... ну, вотъ! — обрадовался онъ и заговорилъ какъ бы смѣлѣе:—такъ вотъ я къ тебѣ, значитъ, къ тебѣ: помоги!

Я былъ удивленъ.

— Помочь? Да чѣмъ же?..

— А напиши!.. Все, какъ есть, всю правду правденскую напиши. Я тебѣ разскажу, какъ передъ истиннымъ Христомъ, ни чуточки не совру, а ты опиши... Пускай министры и всякіе на̀большіе прочитаютъ и увидятъ, какой онъ такой есть злодѣй и мошенникъ, какъ я терплю отъ него, обиду всякую...

Онъ произнесъ все это быстрымъ, крикливымъ тономъ, и при послѣднемъ словѣ выразительно махнулъ рукою.

— Я ничего не понимаю, голубчикъ,—сказалъ я:—кто онъ? что онъ такое сдѣлалъ? что написать? Ты сядь да растолкуй хорошенько.

— Ничего, я постою...

Онъ помолчалъ недолго, пошевелилъ зачѣмъ-то на головѣ шапченку и выкрикнулъ:

— Ужели злодѣя нашего не знаешь: Ѳедьку Сохатаго? Эдакаго разбойника да не знаешь!

— Не знаю. Кто такой?

— Да одинъ онъ—аспидъ, Іюда Скаріотскій: нашъ старшина, чтобы ему ни дна, ни покрышки!

Я теперь припомнилъ, что слышалъ какъ-то разъ о Сохатомъ, который будто бы прижимаетъ крестьянъ, дѣлаетъ гешефты съ крестьянскимъ овсомъ... Но все это было неопредѣленно, сбивчиво, и неизвѣстно, сколько въ ходившихъ разсказахъ правды и сколько выдумки... Я уразумѣлъ только изъ словъ мужика, что Сохатый его обидѣлъ, и онъ пришелъ жаловаться на старшину. Но развѣ я судья?

— Ты къ мировому иди,—сказалъ я.

— Какъ мнѣ не жалиться! Нельзя не жалиться, если онъ меня изводитъ!—принялся опять выкрикивать мужикъ. — Аспидъ онъ, Іюда Скаріотскій... Ты думаешь—вру? Вотъ тѣ Крестъ Господень, Мать Святая Богородица... Отсохни мой языкъ!..

Я остановилъ его.

— Я вѣрю тебѣ... Но я-то при чемъ? Пожалуйся мировому!... или въ крестьянское присутствіе.

— А, ты думаешь, я не жалился?

— И что же?

— А что! Извѣстно—старшина!.. Развѣ не знаешь? Ну, да я правду найду... Я пойду дальше... Что мнѣ!.. Ужли правды не стало на свѣтѣ?

— Но что же тебѣ отъ меня надо?

— А помочи!.. Въ газетахъ опиши... Такъ и такъ-де: Сохатый обижаетъ неправосудно Капитона Картошкина... Это я—Капитонъ Картошкинъ... въ Веретьѣ я живу... Слыхалъ Веретье?

— Слыхалъ.

— Ну, вотъ... Обижаетъ де... творитъ всякія безчинства, а Капитонъ—это я-то—ничего ему худаго не сдѣлалъ; если и загналъ свинью, то вправѣ, срубилъ березки—опять въ правѣ: я хозяинъ своей земли... Такъ и опиши... Узнаютъ въ Питерѣ набольшіе чины—и сотворятъ правду... А я тебя чѣмъ ни на есть отблагодарю.

Я объявилъ ему, что писать не буду, это не мое дѣло, что и писать, о чемъ онъ проситъ, нельзя.

— А мнѣ сказали, что ты можешь!—произнесъ онъ недовѣрчиво.— Ты сочинитель, такъ и опиши... Прижми ихъ!.. Они тебя боятся.

Я улыбнулся.

— Думаешь, нѣтъ? Э, страсть, какъ боятся! Я, какъ про тебя-то узналъ, такъ сейчасъ евонной дочерѣ Матрешкѣ и сказалъ, а

она ему... Такъ онъ съ лица смѣнился... А я еще нарочно: пропечатаетъ, говорю, сочинитель, будетъ Ѳедькѣ шапка... А ты вотъ и... не хочешь!

Онъ сталъ упрашивать, но я наотрѣзъ отказался... По правдѣ сказать, изъ его словъ я ничего и не понялъ. Онъ ругалъ старшину аспидомъ, «Іюдой», упоминалъ о свиньѣ, о березкахъ, примѣшалъ еще что-то, а когда я его сталъ разспрашивать, онъ только повторялъ одно и то же.

Капитонъ ушелъ отъ меня не то обиженный, не то огорченный.

Часа два спустя, я встрѣтился съ хозяиномъ, который любилъ послѣ обѣда посидѣть у воротъ на лавочкѣ.

— А у васъ сегодня никакъ кліентъ былъ? — промолвилъ съ улыбкой хозяинъ, отвѣчая на мой поклонъ.

— Какой кліентъ? — удивился я, забывъ совсѣмъ о Капитонѣ.

— А Капитонъ-то изъ Веретья?

— Ахъ, да! Вы его знаете?

— Какъ же!.. Судейскій мужикъ!

— Почему вы его такъ назвали? Развѣ онъ часто судится?

— Скажите, когда онъ не судится!—промолвилъ хозяинъ.

Онъ улыбнулся и добавилъ:

— Поди, и къ вамъ за этимъ же дѣломъ приходилъ? Ругалъ Сохатаго?

Я отвѣтилъ уклончиво, не зная отношеній хозяина къ старшинѣ и не желая подводить Капитона.

— Да вы не бойтесь,—разсмѣялся хозяинъ:—я и такъ все знаю... Вѣдь вы же не говорили мнѣ о старшинѣ, а я ужъ и знаю, что Капитонъ его ругалъ... Онъ не боится, не скрывается и ругаетъ его при всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Но какъ же онъ не боится? — замѣтилъ я, увидѣвъ, что скрывать дальше дѣйствительно нечего.

— А что ему?

— Ну, старшина можетъ...

— Э, развѣ захочетъ кто съ нимъ связываться!... Старшинѣ и зазорно, а другому... да онъ всякаго замучаетъ судьбищемъ. Его хлѣбомъ не корми, а дай посудиться. Онъ, кажись, съ тоски бы умеръ, если-бъ не судился: вѣчно съ кѣмъ нибудь тягается... Иное дѣло и плевка-то не стоитъ, а онъ судиться!

— Въ волостномъ?

— Всюду. Онъ и съ господами любитъ тягаться... Вотъ, чего добраго,—засмѣялся хозяинъ:—васъ притянетъ!

— Меня? Да за что же?

— А за что почтешь!... Ему что надо? Ему это удовольствіе доставляетъ: сейчасъ прошеніе (у него и аблакатъ имѣется, писарь тутъ живетъ изъ выгнанныхъ), и пошло дѣло въ судъ! Вызовутъ... Говорить онъ любитъ: не останови — цѣльный день будетъ бобы

разводить, хошь и безтолково, а бойко... Особливо если въ пылъ войдетъ: подвизгиваетъ, руками машетъ, тутъ ему все ни почемъ... Его чуть въ тюрьму не засадили за балясы-то...

— Какъ такъ?

— А замолодся больно... Мировой, видите, не по немъ рѣшилъ, такъ онъ и скажи на судѣ-то: гдѣ, говоритъ, правда? Царь-то по правдѣ велѣлъ, а ты какъ?... Ну, его и пошугали!

— Засадили?

— Нѣтъ, а острастку дали!

— А чѣмъ его обидѣлъ старшина?

— Кто ихъ разберетъ!... Началось у нихъ съ самаго что ни на есть плеваго дѣла... Старшина загналъ его корову... то-есть, не загналъ, а заарестовалъ, такъ сказать, потому она въ поле къ нему зашла. Ну, штрафъ! Капитонъ какъ ни какъ, а долж̀онъ былъ заплатить. Вотъ хорошо. Вскорѣ онъ старшинову свинью поймалъ у себя и загналъ... Старшина выкупилъ... Ну, извѣстно оба обозлобились. Тутотка старшина двѣ березы посадилъ возлѣ дома... а домъ-то его рядомъ съ Капитоновой избой. Капитонъ возьми и сруби: на моей землѣ, говоритъ. Стали судиться: оказалось, что Капитонъ-то не правда... Такъ нашли... А онъ кричитъ: врешь! неправда!.. Всетаки его, голубчика, на высѣдку... Ну, и пошло, и пошло...

— А дѣйствительно въ этомъ случаѣ онъ не правъ?

— Кто знаетъ... не могу удостовѣрить васъ, — уклонился хозяинъ.—Да вѣдь это что, если-бъ онъ только съ Ѳедоромъ Осиповичемъ судился: ну, обидѣлъ тотъ, мало ли случается... А то онъ со всѣми... всѣ его обижаютъ... Онъ что чайка: та рыбу наслѣживаетъ, а онъ—кого притянуть бы... Недалеко взять... Живетъ тутъ отъ насъ по близости баринъ, Погуляевъ фамилія его... Баринъ хорошій, только крутенекъ... Порядились мужики у него лѣсъ возить, и Капитонъ средь нихъ... Только споръ вышелъ. По глупости мужики не поняли... Баринъ осерчалъ: «Ничего, говоритъ, не получите, если такъ!» Подумали мужики, обсудили, видятъ, въ самомъ дѣлѣ одно глупство, а дѣло выгодное... Пришли къ барину и просятъ извиненья. Ну, получили свое, на водку даже баринъ прибавилъ, и опять принялись за работу. А Капитонъ барина къ суду! Я ему, говоритъ, покажу, нешто можно обижать такъ бѣднаго человѣка! Ему и говорятъ: да какая-жъ обида? Вѣдь всѣ вы ошиблись, вонъ поняли и работаютъ другіе... Сами вы напутали и разсердили барина. А онъ свое: пущай мировой разсудитъ, а я такъ и денегъ не приму! И подалъ въ судъ.

— Чѣмъ же кончилось?

— А тѣмъ же и кончилось: то и присудилъ мировой, что баринъ безъ суда давалъ!...

— Работу, конечно, онъ потерялъ?

— Извѣстное дѣло!... Баринъ его и на дворъ пускать не велѣлъ... А работа хорошая!

— Значитъ, онъ не мало теряетъ? — спросилъ я.

— И даже очень не мало! Развѣ хожденье-то по судамъ ничего не стоитъ? И за прошенье заплати, и то, другое, а время-то? Гдѣ бы ему работать, а онъ въ горячее-то время по судамъ шляется!... Здѣсь не рѣшатъ по евоному, онъ и дальше, въ городъ пѣхтурой претъ, харчится... А семья нужду терпитъ... Шалый совсѣмъ...

— Онъ плохо живетъ?

— Гдѣ-жъ тутъ жить хорошо? Да вотъ съѣздите когда нибудь: отсюда до Веретья-то всего верстъ девять, десять... Посмотрите на его житье-бытье!

— Но зачѣмъ же онъ такъ? — удивился я.

— А спросите его!... Правды ищетъ... Обиды не сноситъ. Онъ и другихъ-то тому-жъ учитъ... Гдѣ ссора, онъ ужъ тутъ: «въ судъ надо,—науськиваетъ,—чего такъ оставлять!»... И радъ, если по немъ выйдетъ... А нѣтъ—ругается: «дураки, кричитъ, не ищутъ судомъ обиды... и пущай... дураки!»... Совсѣмъ шалая заноза!... Нѣтъ, вы, право, съѣздите въ Веретье, посмотрите... поговорите о немъ: интересно, а для газетъ даже и очинно забавно будетъ.

Хозяинъ съ улыбкой раскланялся и отправился въ лавку.

II.

Я рѣшилъ непремѣнно побывать въ Веретьѣ, но разныя дѣла, а затѣмъ поѣздка въ Петербургъ, помѣшали мнѣ въ скоромъ времени выполнить свое намѣреніе. А потомъ какъ-то невольно я забылъ про Капитона. Но вотъ однажды, возвращаясь верхомъ отъ знакомаго помѣщика, я вдругъ вспомнилъ о Картошкинѣ. «Заѣхать развѣ?»—задалъ я самъ себѣ вопросъ. До Веретья было всего версты четыре. Подумалъ и поѣхалъ.

Веретье—деревня не богатая, но растянулась чуть не на версту. Когда я подъѣхалъ къ о̀тводу, изъ крайней избы выбѣжалъ бѣлоголовый мальчикъ въ одной рубашонкѣ и едва смогъ отворить о̀тводъ.

Я бросилъ малышу мелкую монету и спросилъ:

— Гдѣ живетъ Капитонъ Картошкинъ?

Но малышъ или не понялъ меня, или не нашелъ нужнымъ отвѣтить мнѣ, и умчался въ ворота своей избы.

Я поѣхалъ впередъ и черезъ нѣсколько саженъ встрѣтилъ старика, шедшаго съ ведромъ, вѣроятно, на рѣчку.

Онъ поклонился мнѣ.

— Гдѣ здѣсь живетъ Капитонъ Картошкинъ?—спросилъ я его.

— А-а, Картошкинъ?—промолвилъ старикъ:—а прямо поѣзжай... прямо... Тутъ будетъ большой, баской такой домъ... это старшининъ домъ, а рядомъ и избушка Капитона... Только его вѣдь нѣту дома-то.

— А гдѣ же онъ?

— Въ городъ ушелъ, родной, въ городъ.

— Зачѣмъ? Неужели въ судъ?

— Въ судъ, батюшка, и какъ есть угадалъ... И къ архіерею, слышь, хотѣлъ...

— Къ архіерею? — изумился я.

— Да, родной: на дьякона, вишь, жалиться хочетъ... Онъ у насъ безстрашный! — съ улыбкой добавилъ старикъ.

— А что у него съ дьякономъ?

— И Господь вѣдаетъ, Господь вѣдаетъ,—вздохнулъ старикъ.— Что-то промежъ нихъ вышло... Сказываютъ, будто дьяконъ-то семитку его не принялъ и бросилъ на полъ, говоритъ, мало, больше надоть за поминъ сродственниковъ, стало... Ну, Капитонъ и вошелъ въ сердце... Въ церкви, говоритъ, развѣ такъ можно?... И сейчасъ къ благочинному, да тотъ во вниманіе не взялъ его словъ, вотъ онъ теперь къ архіерею... Охъ, грѣхи, грѣхи!... Такъ ты прямо поѣзжай, родной, будетъ тутъ домъ баской, а рядомъ и Капитонова изба...

И, крехтя, старикъ поплелся дальше.

Я поѣхалъ впередъ. Доѣхалъ я до «баскаго дома», миновалъ его и остановился въ изумленіи. Да гдѣ же изба Картошкина? Неужели вотъ эта развалина, которая даже среди бѣдныхъ деревенскихъ лачугъ казалась жалкою, а, благодаря сосѣдству съ домомъ Сохатаго, выглядѣла просто какой-то кротовой норой. Вся она покосилась, точно сейчасъ упасть собралась; стекла повыбиты наполовину, воротъ нѣтъ: прямо крыльцо, полусгнившее и развалившееся. Около избенки телѣжка объ одномъ колесѣ и кадка безъ дна.

Я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колу, вбитому въ землю вблизи избы, и направился въ хату, но она оказалась «заложенной», то-есть запертой палочкой. Значитъ, никого дома нѣтъ. Я осмотрѣлся вокругъ—тоже никого. Я хотѣлъ ужъ ѣхать обратно, какъ изъ избы, стоявшей напротивъ, черезъ дорогу, показался благообразный мужикъ, уже сѣдой, но еще крѣпкій, здоровый, съ бородой патріарха.

— Вамъ кого надобно-то? — промолвилъ онъ.

— Капитона... или кого нибудь изъ его семьи.

— Никого нѣту... Капитонъ въ городъ ушелъ, а хозяйка евонная ушедши на мызу стирать.

— А другіе?

— Да кто-жъ другіе-то: онъ, хозяйка да сынъ и дочь—и вся семья...

— Гдѣ же тѣ? дочь и сынъ?

— Сынъ утресь ушелъ куды-то, а Дунька къ фершалу въ сельцо... рука у нея разболѣлась.

Я былъ недоволенъ: зачѣмъ же сдѣлано столько верстъ?

— А вамъ почто надо-то, дѣло нешто какое? — спросилъ мужикъ, внимательно оглядывая меня и какъ бы удивляясь, зачѣмъ это барину понадобился Картошкинъ.

— Да такъ... ѣхалъ и заѣхалъ!.. Хотѣлъ посмотрѣть его житье-бытье!...

— Хм! — ухмыльнулся мужикъ: — да чего смотрѣть-то?... Изъ животовъ—одна кляча, заморенннаго клопа тоще, а изъ посуды — черепки да обломки... Вотъ тутъ и все хозяйство.

Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и прибавилъ:

— Може, вамъ чего требуется: молочка, аль самоварчикъ, такъ это можно, милости просимъ ко мнѣ...

Жара истомила меня, и предложеніе мужика съ бородой патріарха мнѣ показалось привлекательнымъ.

— Спасибо... Если есть молоко, дайте криночку!—согласился я.

— Можно! Пожалуйте въ домъ, а то я вотъ сюды вынесть велю... въ тѣни на холодкѣ лучше еще,—сказалъ онъ, указывая мнѣ на задворокъ, гдѣ отъ трехъ рябинъ дѣйствительно была тѣнь.

Пока я переводилъ лошадь и привязывалъ ее, старуха, должно быть, жена гостепріимнаго мужика, принесла кринку молока, чашку и деревянную ложку. Я сѣлъ на поставленный табуретъ, а мужикъ помѣстился на крыльцѣ, невдалекѣ отъ меня.

Я рѣшилъ поразспросить о Капитонѣ.

— Что это онъ у васъ какой странный,—замѣтилъ я, кивнувъ головой на избу Картошкина:—все онъ судится!

— Эхъ!—только и произнесъ мужикъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе.

— Что же?—продолжалъ я.

— Да что... лучше и не говорить про него... Надоѣлъ всѣмъ... Смутьянецъ онъ... такого смутьянца выслать бы надоть!

— Да развѣ онъ кому мѣшаетъ?

— А то нѣтъ? Сутяга!.. Кого-кого только онъ не тягалъ! Вона на дьякона пошелъ жалиться... Пустой человѣкъ!... Никто его и работать-то не хочетъ брать... дѣла имѣть съ нимъ!...

— Онъ себѣ и вредитъ, никому другому...

— Себѣ! Какъ бы только себѣ!

Мужикъ сошелъ съ крыльца, подошелъ ко мнѣ и опустился на толстое бревно, лежавшее на землѣ, между деревьями.

— Всѣмъ вредный человѣкъ! — заговорилъ снова онъ, проводя рукой по бородѣ: — съ нимъ маяты не мало!... Его и стегали, и все такое—неймется! Замѣсто того, чтобы работать да жить хозяйственно, онъ тяжбы заводитъ... Весь въ недоимкахъ... раззорился!... Себѣ вредитъ! Гдѣ-жъ себѣ, коли всему міру смутой вредитъ... О прошлое лѣто какую баламуту поднялъ: прошенье уже

составили, а онъ ходокомъ выискался, въ Питеръ, стало... къ самому министру—вона куды!

— И что же?

— Да Господь отвелъ грозу, а то бы всѣмъ бѣда бѣдущая... Его бы, баламута, упрятали за рѣшетки!... И жаль, что не упрятали, стоило бы... Только вотъ другихъ-прочихъ жаль!..

— Почему же не пошелъ онъ въ Питеръ?

— А становой сдогадался... ну, и... вразумилъ!.. Благодаренье Господу!... Да, и человѣкъ!—сокрушенно и въ то же время пренебрежительно продолжалъ мужикъ: — какъ ни уговариваешь его, не дѣйствуетъ. Мировой надысь разсердился и закричалъ даже: убирайся, я отъ тебя больше и прошеній не буду принимать: надоѣлъ! Эхъ, баловство нонѣ, вотъ что!—закончилъ мужикъ.

— Какое баловство?

— А такое... Какъ открылись эти суды самые, мировые, стало возможно за всякимъ вздоромъ начальство безпокоить, вотъ такіе паршивцы-кляузники, какъ Капитошка, и полѣзли... Допрежь строже было!... Ну, а тутъ слободно... Бывало, баринъ и ругнетъ, куда идтить? Или невзначай что... мало ли... гдѣ судиться!... А теперь къ мировому!... Ты думаешь, одинъ такой сахаръ медовичъ Капитонъ-то? Есть ихъ! Вона на Горкахъ Максимъ, въ Погулянкѣ—Савелій... не лучше! Одного поля ягоды!... Только Максимъ не такой занозистый, поменьше попустому судится, а тоже охочъ!.. Ну, у Савелья—баба попалась, дюже въ рукахъ держитъ. Онъ слабнякъ, а она король-баба... Порой и затрещину дастъ ему, ну, и угомонитъ.

— А развѣ у Капитона плохая жена?

— Не, что хаять, баба — работящая, изъ силъ выбивается... Коли-бъ не она съ дѣвкой, все бы давно по всѣмъ швамъ расползлось... Онѣ однѣ и правятъ работу... А только обѣ онѣ смирны больно... Плачутъ да надрываются въ работѣ... Особливо сама-то: безгласная баба... Онъ ее и бьетъ еще! Робка!..

— А сынъ?

— Сынъ-то больше въ Питерѣ, по извозчичьей части... Избаловался парень... Одначе, подати справляетъ, и все платитъ за себя... Только тоже не радость... Давноль заявился, а ужъ и опять норовитъ въ Питеръ!

— Зачѣмъ его пускаютъ?—замѣтилъ я.

— А кто не пуститъ?... И онъ умѣетъ: угоститъ, употчуетъ всѣхъ, ну, и смякнутъ...

Мимо насъ, по улицѣ, прошла худая, сгорбленная женщина. Она поклонилась мужику, съ которымъ я бесѣдовалъ, и назвала его Семеномъ Петровичемъ.

— А-а!...—промолвилъ онъ:—да вотъ и хозяйка Капитона вернулась... Вотъ, коли угодно... Эй, Татьяна!—крикнулъ онъ.

Женщина вернулась и остановилась неподалеку отъ насъ.

— Вона баринъ къ вамъ пріѣхалъ... принимай!

Она не то удивленно, не то пугливо посмотрѣла на меня.

— Чего глядишь-то... Не вру!... Самъ скажетъ, спроси!..

Я всталъ и подошелъ къ Татьянѣ. Она низко поклонилась мнѣ.

— Твой мужъ былъ у меня какъ-то,—сказалъ я ей... Вотъ и я завернулъ... навѣстилъ его... а онъ ушелъ куда-то!

— Нѣту его, нѣту, — захныкала Татьяна: — въ городъ онъ ушедши!

— Да что же ты на улицѣ разговариваешь... ты къ себѣ пригласи... эхъ, Татьяна!—причмокнулъ Семенъ и покачалъ головою.

— Куда ужъ намъ къ себѣ звать, Семенъ Петровичъ,—со вздохомъ отвѣтила женщина: — у насъ такъ соро̀мно, что и принимать-то хорошихъ людей не годится! А, впрочемъ, если твоей милости угодно, такъ что же,—обратилась ко мнѣ баба...

Она пошла черезъ дорогу къ себѣ, я послѣдовалъ за нею.

— Ужъ не осудите только... бѣдно̀ у насъ, совсѣмъ бѣдно̀...

Не только бѣдно̀, а настоящая нищета царила въ избѣ...

— И самовара у насъ нѣтъ, и чайку и сахарку не водится,— промолвила съ болью Татьяна: нечѣмъ и угостить добраго человѣка... Сморишься ино̀, и сама испила бы чашку, да нѣту!

Я пробылъ въ избѣ не больше минутъ пяти: въ ней было душно и грязно. Я вышелъ на крыльцо, за мной вышла и Татьяна. Я съ трудомъ убѣдилъ ее, что я не начальникъ, а живу на дачѣ и просто заѣхалъ посмотрѣть житье Капитона.

— Ахъ, батюшка, и что смотрѣть... стыдъ одинъ и маята!...— сказала она, повѣривъ наконецъ мнѣ.

— Да что онъ все судится?

— Изводитъ онъ насъ и себя, — перебила Татьяна... Такъ ли жить-то бы можно... а гдѣ тутъ: ни тебѣ работать, ни тебѣ что сберечь!... Раззоренье!...

— Ты бы его уговорила!—замѣтилъ я.

— И какъ же, гдѣ его уговорить!.. Съ лица перемѣнится весь... того гляди шибонетъ!... Ужъ такой, значитъ, предѣлъ опредѣленъ ему... отъ Господа!

— Всегда онъ такой былъ?

— Извѣстно, помоложе не тотъ былъ... Жили ничего... Батюшка-свекоръ живъ былъ... Онъ не любилъ этого... А умеръ батюшка,—воля ему стала... Суды новые эти, да и что старше, то упрямѣй сталъ... Норовистъ всегда былъ... И видитъ ино̀ — не правъ, а не уступитъ!... Гдѣ уговорить... Вона хоть: къ архіерею пошелъ... Говорила: «не ходи», нѣтъ, пошелъ! Куды вѣдь: выговорить-то боязно, а онъ идетъ... Архіерей, говоритъ, отъ Господа, правду соблюдаетъ... и дьякону достанется... А я вотъ смекаю, что ничего не достанется... самому бы не вышло худо!..

На ея глазахъ навернулись слезы.

— И что будетъ, что будетъ!—сказала она, уже всхлипывая и утирая подоломъ фартука сначала носъ, а потомъ лице.

— Что же можетъ быть?—спросилъ я.

— Съѣстъ теперь его дьяконъ... да и отецъ Павелъ осерчалъ... Общество тоже... ну, какъ на грѣхъ, да выселятъ... что тогда?... А тутъ дѣвка...

— Дочь твоя?

— Дочь, батюшка, Дунька!...

— Что же она-то?

— А кто ее возьметъ голую-то, безъ скруты!... А гдѣ что̀ у насъ?...

Она заплакала.

Я далъ ей рубль на чай и сахаръ; она начала благодарить... Я уѣхалъ поскорѣе.

Тяжело было у меня на душѣ, когда я возвращался домой... Хотѣлось помочь, а чѣмъ? гдѣ средство?...

Въ селѣ, гдѣ я жилъ, есть почтовое отдѣленіе. Подъѣзжая къ нему, я увидѣлъ у воротъ тарантасъ мироваго судьи, котораго немного зналъ.

«Вотъ кого спросить о Капитонѣ»,—подумалъ я и завернулъ на почту.

— Катаетесь?—встрѣтилъ меня судья, видѣвшій изъ окна, какъ я подъѣхалъ верхомъ.

— Да, немножко... Увидѣлъ вашъ тарантасъ и завернулъ... Хочется мнѣ васъ спросить объ одномъ человѣкѣ.

— Не судиться ли хотите?

— Славу Богу, нѣтъ... А вотъ скажите вы мнѣ: что за человѣкъ Капитонъ Картошкинъ?

— Онъ васъ тянетъ въ судъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... А онъ меня очень интересуетъ!

— Ну, дорогой мой, васъ онъ интересуетъ, а я не знаю, куда отъ него дѣваться, имени его слышать не могу... Хуже рѣдьки горькой надоѣлъ!.. Я ужъ думаю мѣры принять... Эдакъ, скоро только одни его дѣла и придется разбирать!...

— Какъ вы объясняете ѳакое явленіе, Нилъ Африкановичъ?

— Да какъ объяснять! Натура такая сутяжная! Въ крови, видно..! А, впрочемъ, что же: отецъ его не любилъ судиться, дѣльный былъ мужикъ!... При немъ жили хорошо... Знаете что,—вдругъ промолвилъ судья, вставая: — вотъ эти адвокаты-шушера, что̀ по деревнямъ засѣли... вотъ что язва!... Они и распложаютъ такихъ сутягъ!...

— Вы полагаете?

— Непремѣнно!... Гдѣ бы иной и махнулъ рукой, а тутъ соблазнъ, піявка услуги предлагаетъ!.. На такую натуру, какъ Капитонъ, имъ повліять легко!..

— Да, но не все же такіе?

— Что бы и было тогда! Ложись и умирай! А все же не онъ одинъ. Есть ихъ... надоѣли мнѣ!.. Хотя бы вотъ — Сократъ... Богатый... все судится!.. Денегъ не жалѣетъ... Только онъ не такой тошный, какъ Капитонъ... Этотъ ужъ очень... какъ бы сказать...

— Ершистъ—вставилъ, улыбаясь, почтмейстеръ.

— Вотъ, вотъ! Именно!—засмѣялся судья... А и тотъ и другой—братцы по любви къ сутяжничеству!

— А не думаете вы, Нилъ Африкановичъ, что легкость судиться расплодила Капитоновъ?

— Легкость судиться?—переспросилъ судья въ раздумьѣ.

— Да?

— А что же, — вдругъ произнесъ онъ:—въ этомъ есть доля правды... И большая... Однако, досвиданья, тороплюсь на поѣздъ!...

— Въ городъ?

— Да, на съѣздъ!...

— А нельзя ли его исправить какъ нибудь, урезонить?—сказалъ я, прощаясь съ судьею.

— Это Капитона-то?—разсмѣялся онъ:—э, батенька, горбатаго могила одна исправитъ! Ему подъ 50 лѣтъ... гдѣ тутъ!

III.

Прошло два года.

Въ началѣ осени, по дѣлу, я попалъ въ городъ N., одинъ изъ скучнѣйшихъ губернскихъ городовъ... Я умиралъ съ тоски. Вдругъ совершенно случайно я узналъ, что въ N—скомъ судѣ служитъ мой гимназическій товарищъ. Я обрадовался и поспѣшилъ къ нему на квартиру. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ судъ. Я—туда.

Первый, кто попался мнѣ въ коридорѣ, это былъ Капитонъ. Я его сразу, пожалуй бы, и не узналъ, но онъ поклонился мнѣ, и этимъ обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ сильно измѣнился: похудѣлъ, выглядѣлъ совсѣмъ изнуреннымъ, сгорбился, въ волосахъ пробивалась замѣтная сѣдина.

— Здравствуй!—сказалъ я, подходя къ нему.—Да что съ тобой? Боленъ ты былъ что ли?

— Какое боленъ... Это они меня извели, аспиды, Іюды Скаріотскіе!

— Кто они?

— Старшина и его пріятели... Вѣдь я въ тюрьмѣ сидѣлъ... въ тюрьмѣ!

— За что же?

— А все черезъ нихъ! Искалъ я на нихъ правды, не могъ найти... Меня же и прижали!.. Описали все, все до нитки: корову послѣднюю увели, Машку—это кобыла у меня, и ее взяли. Да что

кобыла: избу раскрыли, крышу поснимали! Каковы аспиды, каковы Іюды Скаріотскіе? Ну, я не стерпѣлъ и сказалъ все, при самомъ становомъ и сказалъ, такъ прямо и сказалъ Ѳедькѣ: ты, говорю, не старшина, а разбойникъ, хуже разбойника, который на большой дорогѣ грабитъ.. ты, говорю, плутъ и подлецъ, и всяко-то его, всяко ихъ всѣхъ! Отвелъ душеньку! Ну, а меня и засадили!

Его голосъ сталъ будто еще крикливѣе, а носъ попрежнему «ходилъ» по лицу. Но весь онъ выглядѣлъ болѣе жалкимъ, чѣмъ раньше, хотя и тогда былъ неказистый мужичонка.

— Да развѣ можно такъ-то, Капитонъ, что ты! — сказалъ я ему...

— А что же такое?

— То, что засадили.

— И пущай!—выкрикнулъ онъ какъ-то особенно пискливо:— пущай! Я еще посижу, а ужъ имъ не уступлю!

— Неужели ты опять будешь судиться?

— А то какъ же? Уступать имъ? Ни!.. Ни въ жисть! Я и сюда за тѣмъ пришелъ: тутотка есть человѣкъ одинъ, онъ ужъ все понимаетъ, всѣ законы, какъ свои пять пальцевъ, изучалъ... дошлый, его никто не проведетъ... шалишь! Онъ все устроитъ!... Какъ можно оставить! Такое беззаконіе со мной они учинили, а я оставить!.. Что здѣшній судъ... я и выше управу найду... ужъ онъ обѣщалъ!

— Кто?

— Самый этотъ человѣкъ...

— И надуетъ онъ тебя.

— Онъ? Николи! Его слово вѣрно... Онъ не молодый... старый воробей... его на мякинѣ не проведешь!

— Да онъ-то тебя проведетъ!

— Ни!.. И я смекаю тоже... сдѣлай милость—человѣка видать! Ужъ онъ сказалъ, такъ и будетъ!

— Что же онъ сказалъ?

— Что? А то, что слетитъ Ѳедька... въ яму его засадятъ, анаѳему, вотъ что. Онъ думаетъ, что засадили—и капутъ! Подожди, миленькой... я еще ему носъ утру... всѣ евоныя пакости на свѣтъ Божій выведу... На-ка, недавно онъ старика чуть не запоролъ, а за что? Шапку ему не снялъ!.. Каковъ аспидъ? Дураку тому въ судъ бы... а онъ спужался и на рублѣ мировую покончилъ!.. Дуракъ шалый! А я не такой... я добьюсь своего!

«Да, его одна могила исправитъ!»—вспомнилъ я слова судьи.

— А что твоя семья?—спросилъ я.

— Семья?.. ничего... что ей!.. Я землю свою сдалъ...

— Сдалъ?

— Сдалъ, мужичку одному сдалъ... въ аренду, значитъ! То за меня и взноситъ, что слѣдуетъ!

— А дѣти что же?

— Сынъ померши... въ Питерѣ жилъ и померъ... Дунька замужъ вышла, за воспитанника, парень былъ тутъ... они оба на мызѣ живутъ... служатъ тамъ, значитъ.

— А жена?

— И Татьяна служитъ... на селѣ, гдѣ ты жилъ... у купца Зернушкина въ куфаркахъ... Я теперь что бобыль... А вотъ погоди: все верну... такое хозяйство поведу, что на поди, Ѳедька лопнетъ съ досады!.. Неужели правоты нѣтъ на свѣтѣ?

— Послушай-ка,— вдругъ вспомнилъ я:—а что твое дѣло съ дьякономъ?

Капитонъ мгновенно сдѣлалси пасмурнымъ: я задѣлъ его больную рану.

— Не пустили меня!—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.—Извѣстно, свои люди... служка и все такое... ну, и не допустилъ архирей до себя!

Въ эту минуту дверь, близь которой мы стояли, отворилась и на порогѣ показался мой товарищъ.

— Батюшки! кого я вижу!—воскликнулъ онъ, подходя ко мнѣ...— Какъ здѣсь? по какому дѣлу?

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки, видимо, обрадовавшись неожиданной встрѣчѣ. Мы пошли, разговаривая, по коридору... Капитонъ куда-то исчезъ.

Спустя два дня я былъ снова въ судѣ, но его уже не встрѣтилъ. Въ N. я прожилъ болѣе двухъ недѣль, но ни разу не видѣлъ Картошкина. Онъ, вѣроятно, ушелъ въ деревню, а то, можетъ быть, и въ Петербургъ.

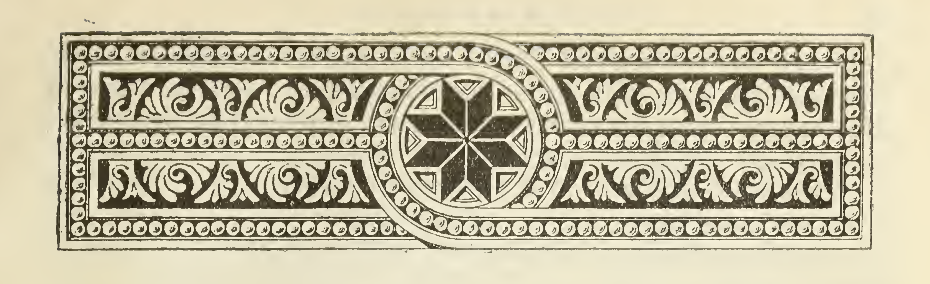
И гдѣ онъ теперь, что съ нимъ, я не знаю. Если живъ и имѣетъ возможность судиться, навѣрное продолжаетъ тягаться. Такіе люди упрямы.

Одно несомнѣнно: хозяйство возстановить ему навѣрное не удалось!

«Одна могила его исправитъ»,—смѣясь, сказалъ судья.

Это вѣрно: могила или въ крайнемъ случаѣ тѣ горки крутыя, что укатываютъ и сивку. Но, когда я вспоминаю Капитона, мнѣ не хочется смѣяться, а грустно и тяжело становится у меня на душѣ.

А. Кругловъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА [1]).

III.

ЛѢБОВА Лермонтовъ увелъ къ себѣ, и тамъ друзья еще долго толковали о случившемся казусѣ [2]). Столыпинъ выслушалъ сооообщенное ему извѣстіе о предстоявшемъ поединкѣ серьезно и прочиталъ Лермонтову по обыкновенію строгую нотацію.

— Я говорилъ тебѣ, — обратился онъ къ нему съ упрекомъ:—что безъ этого дѣло не обойдется. Такъ и есть. Не успѣлъ еще избавиться отъ послѣдствій Барантовской дуэли, и вотъ опять новая!

— Ничего, мой милый, — отшучивался Михаилъ Юрьевичъ: — еще почтенный Панглосъ говорилъ, что все на свѣтѣ къ лучшему.

— Что тутъ хорошаго, когда тебя могутъ разжаловать за это.

— Да, разжалуютъ, если я убью или изувѣчу Мартышку. Но успокойся, другъ мой, я не только этой глупости не сдѣлаю, но и стрѣлять въ него не буду.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 700.

[2]) П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416) говоритъ: Мартыновъ, вернувшись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть его секундантомъ. Это заявленіе не вѣрно. Глѣбовъ въ то время не былъ дома. На стр. 413 той же біографіи г. Висковатовъ, перечисляя лицъ, находившихся у Верзилиныхъ на вечерѣ, упоминаетъ и Глѣбова. Онъ былъ тамъ

— Не въ этомъ дѣло! У тебя масса враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ... Всякій твой шагъ истолковывается иначе... Произойдетъ шумъ, начнутся сплетни, сдѣлаютъ донесеніе въ Петербургъ, и возбудятъ переписку... а чѣмъ она кончится?.. И какъ перенесетъ все это бабушка?.. Ты совсѣмъ не жалѣешь ее!.. Нельзя ли какъ нибудь уладить все это миролюбиво...

— Я далъ Мишѣ (и Лермонтовъ указалъ глазами на Глѣбова) картъ-бланшъ и надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ, что можно.

— Хорошо, пусть секунданты дѣлаютъ свое дѣло, а я повидаюсь съ Мартыновымъ и постараюсь повліять на него. Поэтому мнѣ нужно будетъ остаться здѣсь, и тебѣ придется уже поѣхать въ Желѣзноводскъ одному. Возьми съ собой на всякій случай дядьку [1]) и жди тамъ увѣдомленія. Мы тебѣ сообщимъ, что сдѣлаемъ.

На другой день весь городъ зналъ о сдѣланномъ Мартыновымъ вызовѣ на дуэль Лермонтову. У источниковъ, на бульварѣ и въ казино, извѣстіе объ этомъ возбудило оживленные разговоры. Всѣ, кому поэтъ казался не по плечу, кого когда либо отмѣтилъ острымъ словомъ или погладилъ не по шерсти, обрадовались случаю позлословить и бросить комомъ грязи въ «сочинителя» и «гнуснаго виршеплета». Мерлинисты торжествовали. На ихъ улицѣ былъ праздникъ. Они появлялись тамъ и здѣсь и старались, при случаѣ, подлить въ огонь масла. Мартыновъ былъ принятъ гласно подъ ихъ покровительство. За нимъ признали обиженную сторону и право вызова. «Онъ иначе поступить не могъ,—восклицали они авторитетно:—вѣдь нужно же, наконецъ, кому нибудь и образумить этого зарвавшагося мальчишку!». При появленіи «счастливаго несчастливца» въ обществѣ его привѣтствовали, пожимали ему руки и укрѣпляли въ рѣшимости довести дуэль до конца. У Верзилиныхъ онъ былъ принятъ весьма предупредительно и внимательно. M-lle Эмилія соизволила благосклонно выслушать его разсказъ о вызовѣ и, не безъ нѣкотораго самодовольствія, одобрила его рыцарскій пылъ въ дѣлѣ истребованія удовлетворенія оскорбленной чести [2]). Когда же онъ появился позднимъ вечеромъ въ казино,

---

вмѣстѣ съ другими, одновременно со всѣми вышелъ, былъ лично свидѣтелемъ вызова и остатокъ вечера, или, лучше сказать, ночи, провелъ у Лермонтова. Слѣдовательно Мартыновъ не могъ ему ничего разсказывать и приглашать въ секунданты.

[1]) Соколова, камердинера.

[2]) Можетъ быть, она шутила съ нимъ, можетъ быть, говорила сердечно, но только послѣ дуэли, когда Николай Соломоновичъ съумѣлъ показать себя во всей красотѣ своей, состоя подъ слѣдствіемъ и судомъ, она отвернулась отъ него. Вообще эта женщина, въ жилахъ которой текла польская кровь (по матери), держала себя, по словамъ Чиляева, весьма загадочно и неровно. Какъ особа весьма красивая, она не знала себѣ цѣны, мечтала о рыцаряхъ безъ страха и упрека и снисходила до простаго смертнаго, потомъ опять возносила

l'armée russe сдѣлала ему шумную овацію. Его встрѣтили съ бокалами вина и качали на рукахъ. Причемъ случился маленькій казусъ: подпившая толпа, качая героя дня, подбросила его выше своихъ головъ, и болтавшійся при подбрасываніи длинный кинжалъ его, задѣвъ за что-то, выпалъ изъ ноженъ и поранилъ одного стоявшаго вблизи грузина въ ногу.

— Ну, Мартыновъ,—сказалъ ему раненый грузинъ,—вы ранили меня, не думая о томъ; это дурной знакъ: вы на дуэли прольете кровь вашего противника, тоже, быть можетъ, не думая объ этомъ.

— А вы что же хотите, что бы пролилъ я, воду, что ли?—отвѣтилъ горделиво Мартыновъ. И всеобщій хохотъ покрылъ эту хвастливую браваду.

Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, пославъ въ Желѣзноводскъ утромъ камердинера своего Соколова, самъ отправился изъ Пятигорска послѣ обѣда, часовъ въ 6 дня. Садясь на лошадь, онъ былъ молчаливъ и серьезенъ. Но едва выѣхалъ изъ воротъ и взглянулъ на домъ Верзилиныхъ, какъ лицо его мгновенно приняло обычную веселую физіономію, и какая-то не то нервная, не то ироническая улыбка зазмѣилась на устахъ. Глѣбову, провожавшему его, онъ сказалъ: «Не хмурься, Миша, не стоитъ!» и, кивнувъ слегка головою, далъ шпоры своему «Черкесу» и исчезъ въ поднятомъ имъ облакѣ пыли.

Глѣбова обезкуражила неудача первыхъ попытокъ къ примиренію соперниковъ. Столыпинъ, Безобразовъ, Манзей, Зельмицъ, Пушкинъ и другіе друзья Лермонтова, всѣ вмѣстѣ и порознь, обращались къ Мартынову съ предложеніями покончить возникшее недоразумѣніе примиреніемъ, но онъ гордо и непреклонно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Довольно,—говорилъ онъ,—посмѣялся Лермонтовъ надо мною, но всему есть мѣра: чаша долготерпѣнія моего исполнилась, и я хочу возстановить свою честь не иначе, какъ поставивъ своего оскорбителя подъ пулю». На дальнѣйшія настоянія онъ отвѣтилъ: «я уполномочилъ вести переговоры по сему дѣлу князя Александра Илларіоновича Васильчикова, обра-

---

свои взоры горѣ и снова ниспускалась на землю. Сегодня она была слишкомъ горда, завтра—слишкомъ снисходительна. Однихъ манила, къ другимъ бѣжала. Умъ жаждалъ князя, сердце—юношу. Русскій былъ терпимъ, но стоялъ на заднемъ планѣ. Борьба велась долго, но несчастливо, и кончилась тѣмъ, что она послѣ долгихъ сердечныхъ блужданій была рада, что могла, наконецъ, пристроиться за Акима Павловича Шанъ-Гирея, родственника и товарища дѣтскихъ лѣтъ М. Ю. Лермонтова. Бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе (газета «Кавказъ», 1891 г., № 185), говоритъ: «Въ семействѣ Верзилиныхъ Лермонтовъ довольно часто бывалъ, а въ послѣднее время сильно ухаживалъ за одной изъ дочерей Верзилина, хорошенькой 18-ти-лѣтней дѣвушкой Эмиліей, которая была предметомъ поклоненія и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей. Но болѣе всѣхъ неравнодушенъ къ ней былъ отставной драгунскій маіоръ Мартыновъ, часто и одновременно съ Лермонтовымъ бывавшій у нихъ въ домѣ».

титесь, пожалуйста, господа, къ нему, и что вы сообща постановите, тому я подчинюсь безпрекословно». Была сдѣлана попытка привлечь къ посредничеству между друзьями-соперниками Эмилію Александровну, но она съ наивностью институтки отвѣчала весьма уклончиво, что рада сдѣлать все возможное для Михаила Юрьевича, но боится своимъ вмѣшательствомъ въ такое ужасное дѣло, какъ дуэль, повредить ему еще болѣе. Помоему, всего лучше бы было,—закончила она свою лукавую рѣчь,—если бы вы обратились съ вашей просьбой къ maman».

Пришлось вести переговоры оффиціальные съ секундантомъ. «Князь Ксандръ» не даромъ считался «умникомъ» и «дипломатомъ не у дѣлъ». Окунувшись съ первыхъ дней службы въ канцелярскую казуистику и пройдя всѣ степени крючкотворства и кляузничества, присущихъ вообще тогдашнему гражданскому дѣлопроизводству, онъ увѣрялъ обѣ стороны въ своемъ дружескомъ расположеніи и безпристрастіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы разстроить миролюбивое соглашеніе безъ дуэли. Самъ онъ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [1]), говоритъ: «Мы истощили втеченіе трехъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что слова Лермонтова: «потребуйте отъ меня удовлетвореніе», заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію». Вопросы эти ставилъ онъ же, «князь Ксандръ», и онъ же настаивалъ на предварительномъ ихъ разрѣшеніи. А такъ какъ Лермонтовъ и не говорилъ даже: «потребуйте отъ меня удовлетворенія», а сказалъ: «не хочешь ли требовать удовлетворенія?», то переговоры секундантовъ, не касаясь существа дѣла, скользили по немъ въ видѣ глубокомысленныхъ упражненій въ элоквенціи, и, конечно, «Донъ-Кихотъ іезуитизма», какъ болѣе ловкій діалектикъ, одолѣвалъ своего оппонента М. П. Глѣбова, соединявшаго въ себѣ, по словамъ «князя Ксандра» [2]), отважную храбрость и самое любезное и сердечное добродушіе. Мерлинисты могли ликовать: ихъ инструкціи были исполнены въ точности—миролюбиваго соглашенія не состоялось.

Пятигорское начальство, услышавъ о вызовѣ, встрепенулось было; комендантъ Ильяшенковъ испугался, вскипѣлъ, по фигуральному выраженію В. И. Чиляева, какъ самоваръ, и потребовалъ Лермонтова къ себѣ, съ намѣреніемъ тотчасъ же его, какъ окончившаго курсъ леченія, отправить въ полкъ. Но посланный вѣ-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

[2]) Тамъ же.

стовой вернулся съ отвѣтомъ, что «поручикъ Лермонтовъ изволятъ быть выбымши въ Желѣзноводскъ», а нѣкоторые влiятельные мерлинисты успокоили старика, увѣривъ его, что «ночной вызовъ на дуэль»—не что иное, какъ шутовство, которое приведетъ только къ распитiю дюжинъ двухъ шампанскаго, но отнюдь не къ дуэли. Старикъ сдался на эти увѣренiя, но чтобы не казаться безучастнымъ къ дѣлу, отдалъ приказанiе, чтобы Лермонтовъ, если онъ вернется въ Пятигорскъ, тотчасъ по прибытiи явился къ нему.

Но вотъ наступило и 15-е iюля. Мартыновъ еще съ утра обезпокоилъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ Глѣбова лаконическимъ вопросомъ: «когда ожидается возвращенiе отсутствующаго путешественника?» и заявилъ, что было бы желательно поскорѣе разрѣшить вопросъ объ его удовлетворенiи. Глѣбовъ тотчасъ отправился къ князю Васильчикову, и они рѣшили назначить дуэль въ тотъ же день, въ шесть часовъ, послѣ обѣда, за городскимъ кладбищемъ, на взгорьѣ, у подошвы Машука, лежащемъ на полпути между Пятигорскомъ и колонiей Шотландка (Каррасъ), по Желѣзноводской дорогѣ. Къ Лермонтову тотчасъ былъ отправленъ ѣздовой съ увѣдомленiемъ объ этомъ и приглашенiемъ прибыть къ назначенному времени. Причемъ Глѣбовъ присовокупилъ, что онъ выѣдетъ его встрѣтить въ колонiю Каррасъ. Столыпину онъ послалъ записку съ увѣдомленiемъ о времени и мѣстѣ дуэли. Деньщикъ Глѣбова, не найдя дома Столыпина, отдалъ записку его слугѣ-грузину, который положилъ ее къ нему на столъ, гдѣ она, непрочитанная, такъ и пролежала до вечера.

Въ этотъ же день, то-есть 15-го iюля, князь Владимiръ Сергѣевичъ Голицынъ былъ именинникъ. У него для избраннаго общества назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ—тотъ пресловутый праздникъ въ Ботаническомъ саду, о которомъ весь городъ говорилъ уже нѣсколько дней. Утромъ онъ прислалъ приглашенiе на обѣдъ и праздникъ Столыпину и Лермонтову. Было ли то особенное вниманiе къ представителямъ свѣтской молодежи, или просто любезность стоящаго выше личныхъ счетовъ вельможи, была ли то великодушная месть за неприглашенiе его молодежью на пикникъ въ гротѣ Дiаны, или же коварный умыселъ — лишить Лермонтова въ самый моментъ разстрѣла поддержки самыхъ близкихъ друзей [1]), а, слѣдовательно, и примиренiя, — осталось покрыто мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только одно, что Столыпинъ, получивъ сказаннное приглашенiе, поѣхалъ поздравить князя и поблагодарить за вниманiе. А такъ какъ въ этотъ день (не зная о назначенiи дуэли) онъ ожидалъ возврата Лермонтова изъ Желѣзноводска, для окончательныхъ распоряженiй о переѣздѣ туда, то и оставилъ ему записку о томъ, чтобы онъ, по прiѣздѣ, явился

---

[1]) Мартыновъ приглашенiя не получилъ.

къ коменданду Ильяшенкову, а послѣ приходилъ къ князю Голицыну. У именинника Столыпинъ нашелъ большое общество, всѣ выдающіеся его представители были въ сборѣ. Князь Владиміръ Сергѣевичъ принялъ его съ особеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Освѣдомился о Лермонтовѣ и, узнавъ, что онъ ждетъ его изъ Желѣзноводска, выразилъ надежду, что онъ, вѣроятно, также не побрезгуетъ хлѣбомъ-солью старика. Наконецъ, при дальнѣйшихъ разговорахъ такъ расположилъ къ себѣ Алексѣя Аркадьевича, что онъ изъявилъ согласіе провести у князя весь день. Князь С. В. Трубецкой получилъ также приглашеніе и находился тутъ же. Около четырехъ часовъ начался обѣдъ, и вотъ, когда лилось шампанское рѣкой, а на дворѣ бушевали стихіи: гремѣлъ громъ, зигзагами вилась молнія и хляби небесныя разверзлись потоками дождя,—было получено извѣстіе о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова. Нужно ли говорить, какъ поразило оно пирующихъ!

Но возвратимся къ событіямъ.

Михаилъ Юрьевичъ, получивъ увѣдомленіе отъ Глѣбова о назначеніи секундантами времени и мѣста дуэли, тотчасъ собрался и выѣхалъ въ колонію Шотландку (Каррасъ), гдѣ въ ресторанчикѣ услужливой нѣмки Анны Ивановны Рошке (имѣвшей, по словамъ Н. П. Раевскаго, двухъ молоденькихъ и премиленькихъ прислужницъ, Мильхенъ и Гретхенъ, погибель для l'armée russe) его долженъ былъ встрѣтить Глѣбовъ для сообщенія ему условій, при которыхъ должна состояться дуэль съ Мартыновымъ. Друзья встрѣтились и порѣшили пообѣдать у Рошке, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда отправиться на мѣсто поединка. Въ это время проѣзжала изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ сосѣдка Верзилиныхъ, помѣщица Прянишникова, съ племянницею, дѣвицей Быховецъ (извѣстной болѣе по данному ей Лермонтовымъ прозванію «la belle noire»). Онѣ также остановились у Рошке. Слово за́ слово, любезность за любезность, — составился семейный обѣдъ. Передъ грозой стояла страшная жара и духота, ѣхать въ полуденное время оказалось утомительнымъ, и дамы съ удовольствіемъ согласились раздѣлить скромную трапезу двухъ друзей, тѣмъ болѣе, что онѣ еще дорогою предполагали также пообѣдать у Рошке. За обѣдомъ разговоръ оживился. Дамы разсказывали о великолѣпіи устроеннаго княземъ Голицынымъ вечера, о выписанномъ изъ Ставрополя оркестрѣ музыки, о роскошномъ убранствѣ павильона, о лицахъ, получившихъ приглашеніе. Лермонтовъ слушалъ, смѣялся и острилъ по обыкновенію. О себѣ сказалъ, что ѣдетъ на бой съ гигантомъ-Мартышкой. Замѣтивъ улыбку недовѣрчивости на устахъ m-lle Быховецъ, онъ попросилъ позволенія разсказать подробности и сочинилъ цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, какъ въ дебряхъ кавказскихъ горъ, за Кубанью, Лабой и Бѣлой, на прибрежьяхъ Чернаго моря, живутъ люди-обезьяны съ длинными лапами и хвостами,

и какъ они похищаютъ молодыхъ казачекъ для игръ и пляски въ лѣсу.

— Да развѣ въ Россіи есть обезьяны? — перебила его со смѣхомъ m-lle Быховецъ.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ серьезно Лермонтовъ,—конечно, нѣтъ, но на Кавказѣ, въ непокоренныхъ еще нами горахъ, есть.

— Ну, ну, разсказывайте!—продолжала смѣяться дѣвушка, откинулась на спинку кресла, сняла съ головы золотую фероньерку и, играя ею, потребовала какъ можно скорѣе сути разсказа.

И Лермонтовъ самымъ серьезнымъ тономъ продолжалъ фантазировать, какъ онъ весною, командуя вольнымъ отрядомъ своихъ нукеровъ и джигитовъ, проникъ въ кокосовые лѣса, заселенные людьми-обезьянами, какъ онъ бился тамъ съ цѣлымъ легіономъ мартышекъ, какъ освободилъ плѣненную ими одну красавицу и какъ предводитель ихъ, исполинъ-мартышка, розыскивалъ его и, наконецъ, найдя здѣсь, требуетъ ея возврата, въ противномъ случаѣ вызываетъ на дуэль.

— И вы будете драться? — спросила участливо дѣвушка.

— Мое правило: отъ счастья и отъ дуэли не отказываться! — отвѣчалъ поэтъ.

— На чемъ же вы будете драться?

— На дубинкахъ.

— Какъ же это?... Да разсказывайте скорѣе! Вы видите, что я интересуюсь, — лепетала раскраснѣвшаяся m-lle la belle noire.

— Извольте! — отвѣчалъ съ покорнымъ наклоненіемъ головы поэтъ.—Дуэль на дубинкахъ весьма оригинальна. Она стоитъ того, чтобы цивилизованныя страны ее приняли. Во-первыхъ, противники мѣряются физическою силой. На проведенной между ними чертѣ становятся лицомъ другъ къ другу, берутъ за концы поданную имъ секундантами дубинку обѣими руками и, по сдѣланному ими знаку, начинаютъ тянуть другъ друга къ себѣ. Кто кого перетянетъ за черту или вырветъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ считается побѣдителемъ. Во-вторыхъ, противники испытываются въ искусствѣ метанія дубинки. Для этого они становятся рядомъ и, по данному знаку, бросаютъ дубинки. Чья дубинка будетъ брошена дальше, тотъ — побѣдитель. Въ-третьихъ, соперники испытываются въ ловкости—они дерутся на дубинкахъ. Кто первый нанесетъ ударъ, или вышибетъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ— побѣдитель. Одолѣвшій противника въ двухъ состязаніяхъ признается тріумфаторомъ и получаетъ отъ побѣжденнаго условленное вознагражденіе или беретъ предметъ, изъ-за котораго произошелъ поединокъ.

— Что же тутъ страшнаго?!—воскликнула съ удивленіемъ дѣвушка.—Это игра, а не поединокъ!

— Страшнаго, какъ вездѣ и всюду,—отвѣчалъ съ улыбкой Лер-

монтовъ,—ничего нѣтъ. Но бываетъ, что соперники, разгорячась, не довольствуются однимъ ударомъ, схватываются серьезно, и одинъ убиваетъ другаго.

— Значитъ, и васъ могутъ убить?—заинтересовалась уже болѣе серьезно дѣвица Быховецъ, продолжая играть фероньеркой.

— Не думаю!—улыбнулся снова Михаилъ Юрьевичъ.—Въ особенности, если я буду имѣть талисманъ. Дайте мнѣ вашу фероньерку. Она мнѣ будетъ вмѣсто талисмана. Съ нею меня, навѣрно, не убьютъ.

— Возьмите!—и дѣвушка подала фероньерку.—А если убьютъ васъ?...—и, сконфузясь, она не докончила вопроса.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ самоувѣренно поэтъ:—завтра я буду имѣть честь доставить ее вамъ въ Желѣзноводскѣ лично и вмѣстѣ съ тѣмъ разскажу вамъ о послѣдствіяхъ моей битвы съ гигантомъ-Мартышкой [1]).

Глѣбовъ, между тѣмъ, взглянулъ на часы и шепнулъ ему: «пора!». Лермонтовъ извинился передъ дамами, всталъ и откланялся. «Можно ли было думать,—говорилъ потомъ Глѣбовъ:—чтобы надъ этимъ веселымъ, беззаботнымъ и обаятельнымъ человѣкомъ рѣяла уже невидимая смерть!»

Всю дорогу изъ Шотландки до мѣста дуэли Лермонтовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Никакихъ предсмертныхъ разговоровъ, никакихъ посмертныхъ распоряженій отъ него Глѣбовъ не слыхалъ. Онъ ѣхалъ какъ будто на званый пиръ какой нибудь. Все, что онъ высказалъ за время переѣзда, это—сожалѣніе, что онъ не могъ получить увольненія отъ службы въ Петербургѣ, и что ему въ военной службѣ едва ли удастся осуществить задуманный трудъ. «Я выработалъ уже планъ,—говорилъ онъ Глѣбову,—двухъ романовъ: одного—изъ временъ смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи и подъ Парижемъ и развязкой въ Вѣнѣ, и другаго—изъ Кавказской жизни, съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмиреніемъ Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоѣдовъ въ Тегеранѣ, и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда вернемся!»...

Подъѣзжая къ Машуку и увидя въ кустахъ на взгорьѣ лошадь въ дрожкахъ Мартынова, онъ сказалъ: «Смотри, Миша, они уже

[1]) Бандо это, по словамъ Э. А. Шанъ-Гирей, было возвращено ей послѣ дуэли, а Н. П. Раевскій занесъ въ свой разсказъ, что оно найдено въ боковомъ карманѣ сюртука убитаго поэта все въ крови, и что m-lle Быховецъ въ день похоронъ его прибѣжала, какъ сумасшедшая, и взяла свою фероньерку, какъ она была, даже вымыть, не то что починить, не позволила. («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6, и «Нива», 1885 года, № 8).

здѣсь!» и помчался галопомъ. Поднявшись на взгорье, друзья остановились у дрожекъ, слѣзли и привязали лошадей къ кустамъ. Поднимаясь выше къ стоявшимъ на маленькой и довольно покатой, въ формѣ неправильнаго треугольника, площадкѣ противникамъ, Лермонтовъ шепнулъ Глѣбову: «Пожалуйста, Миша, кончай скорѣе всю эту комедію, и мчимся въ городъ!» Подойдя къ князю Васильчикову, друзья обмѣнялись рукопожатіями, а съ Мартыновымъ вѣжливо раскланялись. Секунданты приступили къ окончательнымъ переговорамъ и осмотру привезенныхъ «княземъ Ксандромъ» пистолетовъ.

Н. П. Раевскій передаетъ о дуэли слѣдующее [1]). На другой день, 15-го іюля, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ выѣзжаютъ изъ воротъ на дрожкахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома пиръ готовимъ, шампанскаго накупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значитъ, и кончится ничѣмъ. Когда они всѣ сошлись на заранѣе выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и спиной къ Машуку, Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ, — онъ такой тонкій, длинноногій былъ, — подошелъ да и оттолкнулъ ее ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась. «Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ»,—сказалъ онъ Мартынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возраженій. Больше 30-ти шаговъ—не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты-то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояніи не попасть. А къ тому-жъ еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртукъ разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ-то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, навылетъ. И послѣднія свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ: «Миша, умираю»... Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ: «Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!», потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ ногу, а не въ грудь цѣлилъ.

Въ статьѣ князя А. И. Васильчикова [2]) мы находимъ такое описаніе: «Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній баръ-

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

еръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10-ть шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я—другой Лермонтову, и скомандовали: сходись! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣлъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Этимъ воспоминаніямъ соотвѣтствуетъ въ главныхъ чертахъ и разсказъ В. И. Чиляева. Но въ разсказѣ послѣдняго есть одна существенная деталь, заключающаяся въ томъ, что Мартыновъ, подойдя къ барьеру, такъ долго цѣлилъ въ Лермонтова, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «стрѣляйте!.. или я разведу васъ!..». Выстрѣлъ раздался, и поэтъ опустился на землю безъ крика, стона и движенія [1]).

Между тѣмъ, покрывшая небо, при началѣ дуэли, темная громовая туча вдругъ разразилась страшнымъ ливнемъ и грозой, и долго-долго на горизонтѣ змѣились молніи, раздавались удары грома и стонали горы подъ его неумолкаемыми раскатами. Герои дня въ трепетѣ спѣшили убраться домой. Первыми ускакали на

---

[1]) Въ «Біографіи Лермонтова» описаніе его дуэли сдѣлано П. А. Висковатовымъ согласно вышеприведенному разсказу князя Васильчикова. Но къ нему добавлены біографомъ и сдѣланныя ему сказаннымъ княземъ личныя дополненія. Къ числу сихъ дополненій относится, что при дуэли присутствовали Столыпинъ и князь Трубецкой, какъ секунданты, что длинноногій Столыпинъ увеличилъ пространство отмѣренныхъ шаговъ, откинувъ брошенную на барьерѣ Глѣбовымъ шапку еще на нѣсколько шаговъ и что Столыпинъ же крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!» (стр. 424 и 425). Но это не вѣрно. Ни Столыпинъ, ни князь Трубецкой при дуэли не присутствовали, такъ какъ находились, какъ выше приведено, на обѣдѣ у князя Голицына, и секундантами не были, хотя и участвовали въ попыткахъ къ примиренію соперниковъ дома. Увеличилъ разстояніе, какъ видно изъ разсказа Раевскаго, не «длинноногій Столыпинъ», который длинноногимъ и не былъ, а самъ дѣйствительно «длинноногій» «князь Ксандръ», и крикнулъ: «стрѣляйте!.. или я васъ разведу!» по разсказу В. И. Чиляева, записаннаго со словъ Глѣбова, не Столыпинъ, а Глѣбовъ. Далѣе въ «Біографіи» приводятся догадки, что присутствовало еще нѣсколько лицъ, но эти догадки совершенно произвольныя—балластъ, собранный для увеличенія числа листовъ «Біографіи», возражать противъ которыхъ не невозможно, но не стоитъ.

дрожкахъ Васильчиковъ и Мартыновъ, а за ними, прикрывъ тѣло Лермонтова своею шинелью, поѣхалъ и Глѣбовъ. Брошенное тѣло разстрѣляннаго поэта лежало подъ дождемъ до поздняго вечера, когда, по распоряженію пятигорскихъ властей, была прислана телѣга съ людьми, которые и перевезли его въ городъ.

Н. П. Раевскій въ своемъ разсказѣ [1]) заявляетъ: «Мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоновичъ никому ни слова не сказалъ и, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенкову и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: «убитъ!» и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности, всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полковникъ же Зельмицъ, какъ услышалъ,—бѣгомъ къ Марьѣ Ивановнѣ Верзилиной и кричитъ: «о-то! ваше превосходительство, на повалъ!». А та, ничего не зная, ничего не поняла сразу, а когда уразумѣла, въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась [2]). Барышни ея услышали,—и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. Пріѣхалъ Глѣбовъ, сказалъ, что покрылъ тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять безпрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржеваго за тѣломъ, такъ онъ съ полудороги вернулся: колеса вязнутъ, ѣхать не возможно. И пришлось намъ телѣгу нанять».

Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года, № 96, «О дуэли маіора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», мы находимъ слѣдующія бумаги: а) отношеніе пятигорскаго окружнаго начальника (онъ же и комендантъ), отъ 16-го іюля за № 1353, въ Пятигорскій земскій судъ: «лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ вчерашняго числа въ вечеру, пришедъ ко мнѣ въ квартиру, объявилъ, что отставной маіоръ Мартыновъ убилъ на дуэли Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре отъ города, у подошвы горы Машука. Нарядивъ для производства слѣдствія плацъ-маіора подполковника Унтилова, предлагаю оному суду, для нахожденія при ономъ, командировать со стороны земскаго суда засѣдателя и пригласить, для бытности

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) Э. А. Шанъ-Гирей, въ возраженіяхъ по поводу воспоминаній Н. П. Раевскаго, говоритъ: «Внезапность этого извѣстія и растерянный видъ Зельмица насъ всѣхъ сильно поразили и перепугали, но матушка моя на полу не валялась, а просила Дмитревскаго, бывшаго въ то время у насъ, пойти узнать суть дѣла». («Нива», 1885 года, № 27). Въ Воспоминаніяхъ же пишетъ: «Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить». («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6). Вотъ образецъ ея правдивости.

при томъ, окружнаго стряпчаго», и б) рапортъ пятигорскаго коменданта, полковника Ильяшенкова, отъ 16-го іюля за № 1357, командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-адъютанту Граббе: «Вашему превосходительству имѣю честь донести, что находившіеся въ г. Пятигорскѣ, для пользованія болѣзней кавказскими минеральными водами, уволенный отъ службы изъ Гребенскаго казачьяго полка маіоръ Мартыновъ и Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, сего мѣсяца 15-го числа, въ четырехъ верстахъ отъ города, у подошвы горы Машука, имѣли дуэль, на коей Мартыновъ ранилъ Лермонтова изъ пистолета въ бокъ навылетъ, отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ. Секундантами были у нихъ находящіеся здѣсь для пользованія минеральными водами: лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во 2-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи въ чинѣ титулярнаго совѣтника князь Васильчиковъ. По сему происшествію производится законное слѣдствіе, а маіоръ Мартыновъ, корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиковъ арестованы. О чемъ и донесено государю императору за № 1356».

Документы эти свидѣтельствуютъ, что секундантами при дуэли были только Глѣбовъ и Васильчиковъ и что съ заявленіемъ къ начальству о дуэли явился Глѣбовъ, а не Мартыновъ [1]).

---

[1]) Теперь обратимъ вниманіе на то, что писалъ князь Васильчиковъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ» («Русскій Архивъ», 1872 года, № 1) о концѣ дуэли. «Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ наотрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ, около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню страшный эпизодъ этого роковаго вечера, наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости господъ докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался. Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять, отъ этого движенія, какъ обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры». Все это вошло въ біографію поэта,

Вечеромъ, часовъ въ 7, по разсказу В. И. Чиляева, явился къ коменданту Глѣбовъ, весь мокрый и въ грязи. Когда онъ доложилъ ему, что явился прямо съ дуэли и что Лермонтовъ раненъ смертельно, полковникъ Ильяшенковъ совершенно потерялся. Онъ бѣ-

---

да еще съ большими прикрасами со словъ того же Васильчикова, объяснявшаго этотъ эпизодъ спустя много лѣтъ лично біографу. Прислушаемся кстати и къ пѣснямъ біографа. «Въ смерть не вѣрилось,—пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 426 и 427),—какъ растерянные стояли вокругъ павшаго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка презрѣнія. Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. (Это уже взято изъ сказокъ Э. Шанъ-Гирей; въ розсказняхъ Васильчикова говорится, что Глѣбовъ со Столыпинымъ уѣхали въ городъ). Тѣло быстро холодѣло. Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ; Мартыновъ доложилъ коменданту о случившемся и отдалъ себя въ руки правосудія. Мы ничего не знаемъ о другихъ! Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрылъ глаза любимаго имъ и любившаго его человѣка? (Онъ въ это время обѣдалъ у князя Голицына и закрывать глазъ поэту не могъ). Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли. Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. (Если ужъ «князь Ксандръ» молчалъ, то, значитъ, ничего не было)... Между тѣмъ, въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привезти доктора, но никого не могъ уговорить ѣхать къ сраженному. Медики отвѣчали, что на мѣсто поединка при такой адской погодѣ они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блистаніемъ непрерывной молніи при страшныхъ раскатахъ грома. Дороги размокли. Съ большимъ усиліемъ и за большія деньги, кажется, не безъ участія полиціи, удалось, наконецъ, выслать за тѣломъ дроги. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Столыпинъ. Князь Васильчиковъ, ни до чего не добившись, пріѣхалъ на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа. Тѣло Лермонтова все время лежало подъ проливнымъ дождемъ, накрытое шинелью Глѣбова, покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить ее, чтобы поправиться,—онъ промокъ до костей,—изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался не то вздохъ, не то стонъ, и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый мыслью, что, быть можетъ, въ похолодѣломъ тѣлѣ еще кроется жизнь... Наконецъ, появился долго ожидаемый экипажъ въ сопровожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся». Какъ это все прекрасно, чувствительно и человѣчно! Цѣлая эпопея доблестей. Товарищи окружаютъ трупъ поэта подъ грозой и страшнымъ ливнемъ, голова его покоится у одного изъ нихъ на колѣняхъ, сопернигъ, совершивъ земной поклонъ убитому, спѣшитъ отдаться въ руки правосудія, одинъ секундантъ скачетъ за докторомъ (къ мертвецу), другой—за экипажемъ и, ничего не найдя, возвращаются и сидятъ вокругъ тѣла, пока не прибываетъ телѣга, посланная полиціей, и на ней они везутъ его на квартиру. Какая преданность! какое самоотверженіе! Сотни тысячъ людей прочитали эту эпопею и умилялись надъ нею. И что же вдругъ оказывается? Во всей этой Ксандріадѣ нѣтъ ни слова правды! Тѣло поэта (а, можетъ быть, онъ былъ еще и живъ?) было брошено, друзья ускакали, къ коменданту явился не Мартыновъ, а Глѣбовъ, и тѣло привезли въ городъ не товарищи, а слуги: это ли не самое горькое и злое издѣвательство и глумленіе надъ памятью одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ предъ всей Россіей?!!

галъ изъ одной комнаты въ другую, хватался за волосы и плакалъ, причитывая: «Мальчишки, мальчишки, что вы надо мной надѣлали?» Потомъ, немного оправясь, онъ закричалъ: «Послать ко мнѣ плацъ-маіора!» и едва подполковникъ Унтиловъ показался въ дверяхъ, бросился къ нему на встрѣчу и выпалилъ: «Подъ арестъ! сейчасъ подъ арестъ! всѣхъ, всѣхъ подъ арестъ!» Плацъ-маіоръ поманилъ за собой Глѣбова и хотѣлъ выйдти. «Постойте!—остановилъ онъ Унтилова,—корнетъ Глѣбовъ еще ничего не разсказалъ о дуэли, гдѣ, что и какъ происходило. Пусть разскажетъ, а вы прислушайтесь, составьте краткое конфиденціальное увѣдомленіе начальнику штаба, и сейчасъ же отправьте его по эстафетѣ!» Глѣбовъ разсказалъ, что зналъ, о событіяхъ дня, и донесеніе было въ тотъ же вечеръ отправлено. Мартыновъ, по приказанію коменданта, былъ арестованъ плацъ-адъютантомъ и помѣщенъ, какъ отставной, въ городской тюрьмѣ [1]). Глѣбовъ же и князь Васильчиковъ арестованы домашнимъ арестомъ на квартирахъ [2]). Доставленное съ мѣста дуэли тѣло Лермонтова, согласно приказанію коменданта—«арестовать всѣхъ», было отвезено на гауптвахту, но тамъ возникъ вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Разумѣется, оказалось, что тѣлу на гауптвахтѣ не мѣсто, повезли его къ церкви и положили на паперти. Тутъ оно лежало нѣсколько времени, и только позднимъ вечеромъ, по чьему-то внушенію, тѣло отвезли на квартиру покойнаго и тамъ подвергли его медицинскому освидѣтельствованію [3]).

---

[1]) Въ дѣлѣ комендантскаго управленія 1841 года, № 96, имѣются: отношеніе коменданта, отъ 22-го іюля за № 1451, къ начальнику Кавказской области о разрѣшеніи перемѣстить маіора Мартынова изъ городской тюрьмы на гауптвахту; отношеніе этого начальника, отъ 24-го іюля за № 251, съ изъявленіемъ на то согласія, и отношеніе строительной коммиссіи при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, отъ 26-го іюля за № 643, что ею предписано отвести для содержащагося въ городовомъ острогѣ маіора Мартынова въ домѣ Орлова, гдѣ помѣщается гауптвахта, особую комнату, куда онъ и былъ переведенъ 26-го іюля.

[2]) Въ томъ же дѣлѣ имѣются разрѣшенія начальника Кавказской области, отъ 28-го іюля за № 389, и начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, отъ 29-го іюля за № 94, перевести князя Васильчикова и корнета Глѣбова, для леченія болѣзней въ Кисловодскъ, гдѣ они и находились на пользованіи, но подъ домашнимъ арестомъ, и возвращены въ Пятигорскъ 11-го сентября, при рапортѣ кисловодскаго коменданта за № 216.

[3]) Освидѣтельствованіе производилъ 17-го іюля ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли, въ присутствіи слѣдственной коммиссіи. Актъ, составленный объ этомъ (№35), гласитъ слѣдующее: «Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго военнаго госпиталя, отъ 16-го іюля за № 504, основаннаго на отношеніи пятигорскаго окружнаго начальника, полковника Ильяшенкова, отъ того же числа за № 1352, свидѣтельствовалъ я, въ присутствіи изслѣдователей: а) пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, б) пятигорскаго земскаго суда засѣдателя Черепанова, в) и исправляющаго должность пятигорскаго стряпчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за депутата корпуса жандармовъ подполковника Кувшинникова, тѣло убитаго на дуэли Тен-

«Когда тѣло привезли,—разсказываетъ Н. П. Раевскій [1]),—мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закоченѣли. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась [2]). Нужно было сюртукъ на спинѣ распороть, и тутъ всѣ мы видѣли, что навылетъ пуля проскочила, да и фероньерка de la belle noire въ правомъ карманѣ нашлась вся въ крови... Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публики никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойдти тѣлу поклониться, дойдетъ до подъѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ 11 ночи пріѣхалъ къ намъ Ильяшенковъ, сказалъ, что гробъ онъ заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойдти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомольная, никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику, единственной въ то время, православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, поплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру... Вернулись домой, а народу много набралось: и пріѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазетомъ обили. Мы собрались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ, да у кого-то изъ прислуги нашлась. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли: «Святый Боже, Святый крѣпкій», и покрестились, но полагали, что этого не достаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подушку въ гробъ сшили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣмъ крепъ на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться».

гинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. При осмотрѣ оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при сращеніи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкія, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ, іюля 17-го дня 1841 года».

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) Въ локтѣ согнутая и прижатая къ груди, съ сведенными пальцами, что доказываетъ, что дуло пистолета въ моментъ смерти было обращено не къ противнику, а вверхъ.

Изъ многописаній Э. Шанъ-Гирей [1]) объ этомъ днѣ мы узнаемъ не много. Она пишетъ: «Мы собирались на балъ къ князю Голицыну, но когда пошелъ проливной дождь и началась сильнѣйшая гроза, то должны были остаться дома. Приходитъ Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать этихъ господъ всѣхъ сюда и устроить свой балъ. Не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «одинъ наповалъ, а другой подъ арестомъ!». Мы бросились къ нему: что такое, кто наповалъ, гдѣ? Лермонтовъ убитъ. Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить. Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого треволненія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ, позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту [2]). Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ коихъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Къ 9-ти часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила, какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. Дуэль— неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шепотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульварѣ и музыка два дня не играла».

«Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнья на устахъ, въ «исторической» канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью,—восклицаетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта [3]), — лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Вмѣсто веселаго ужина, приготовленнаго для встрѣчи счастливо возвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые подъ кровъ сраженнаго пѣвца.

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 20, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Этого онѣ видѣть не могли, потому что Васильчиковъ пріѣхалъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а Глѣбовъ не былъ посаженъ на гауптвахту, но арестованъ домашнимъ арестомъ.

[3]) Стр. 430.

Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настойчивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!»

16-го іюля, за № 83, въ отвѣтъ на сдѣланное донесеніе, комендантъ получилъ увѣдомленіе отъ начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, полковника Траскина, что въ слѣдственную коммиссію имъ назначается депутатомъ присланный для секретнаго надзора корпуса жандармовъ подполковникъ Кувшинниковъ. Коммиссія образовалась подъ предсѣдательствомъ пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, изъ засѣдателя земскаго суда Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго и исправлявшаго должность стряпчаго Ольшанскаго 2-го [1]), и слѣдствіе началось.

Въ тотъ же день, по распоряженію коменданта, произведена опись вещамъ, оставшимся послѣ смерти Лермонтова. Производили опись: командиръ кавказскаго линейнаго баталіона № 2-й, подполковникъ Монаенко, плацъ-адъютантъ Сидери и квартальный надзиратель Марушевскій, въ присутствіи протоіерея Павла Александровскаго, городскаго головы Рыжкова и словеснаго судьи Тупикова [2]).

---

[1]) Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96.

[2]) Послѣ Лермонтова осталось слѣдующее имущество, какъ видно изъ описи, составленной упомянутыми выше лицами, и находящейся въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96: 1) образъ маленькій св. Архистратига Михаила въ серебряной вызолоченной ризѣ—1; 2) образъ небольшой св. Іоанна Воина въ такой же ризѣ—1; 3) образъ побольше св. Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ—1; 4) образъ маленькій—1; 5) крестъ маленькій серебряный, вызолоченный, съ мощами—1; 6) собственныхъ сочиненій покойнаго на разныхъ лоскуточкахъ бумаги, кусковъ—7; 7) писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ—17; 8) книга на черновыя сочиненія, подаренная покойному княземъ Одоевскимъ, въ кожаномъ переплетѣ—1; 9) карманная книжка маленькая—1; 10) бумажникъ сафьянный—1; 11) шкатулка орѣховаго дерева съ бронзою—1; 12) денегъ ассигнаціями двѣ тысячи шестьсотъ десять рублей (2.610 р.); 13) ножикъ перочинный съ ножницами и другой небольшой сломанный—2; 14) бритвъ въ черныхъ черенкахъ въ футлярѣ—2; 15) кисть для бритья съ ручкою нейзильберъ—1); 16) ремень для точенія бритвъ съ ручкою—1; 17) гребешокъ складной роговой—1; 18) лорнетка съ двумя стеклами золотая, складная, въ перламутровыхъ черенкахъ—1; 19) погребецъ, обитъ тюленевою кожею съ жестяною оковкою и внутреннимъ замкомъ—1; 20) въ немъ рюмка стеклянная—1; 21) солонка таковая-жъ—1; 22) банокъ стеклянныхъ съ крышками—3; 23) тарелокъ фаянсовыхъ—5; 24) ложекъ серебряныхъ столовыхъ—3; 25) ложекъ серебряныхъ чайныхъ — 3; 26) ситечко чайное серебряное — 1 27) ложка суповая серебряная—1; 28) ножей простыхъ съ вилками паръ—3 29) сюртуковъ суконныхъ, форменныхъ, поношенныхъ, съ красною подкладкою—2; 30) сюртукъ лѣтній шерстянаго ластику—1; 31) сюртукъ суконный, форменный, на калмыцкомъ мѣху—1; 32) мундиръ поношенный—1; 33) брюкъ: одни—новые, другіе—поношенные, суконныхъ форменныхъ—2; 34) шаровары поношенные—1; 35) таковые же верблюжьи, старые—1; 36) таковые же сѣраго сукна, поношенные—1; 37) эполетъ мишурныхъ паръ—3; 38) черкеска простаго темнаго сукна—1; 39) жилетъ черный, шелковый, поношенный—1; 40) бешметъ

17-го іюля прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ. Получивъ отъ коменданта донесеніе о дуэли Лермонтова и его смерти, онъ, по словамъ В. И. Чиляева, сильно перетрусилъ, такъ какъ разрѣшеніе Михаилу Юрьевичу на леченіе Пятигор-

---

бѣлый коленкоровый—1; 41) халатъ бухарскій кашемировый—1; 42) халатъ термаламовый на мѣху крымскихъ мерлушекъ—1; 43) шинель свѣтло-сѣраго сукна съ краснымъ воротникомъ, лѣтняя, на демикатоновой подкладкѣ — 1; 44) таковая же на ватѣ свѣтло-сѣраго сукна, съ бобровымъ воротникомъ, подкладка таковая-жъ—1; 45) персидскій войлокъ цвѣтной двойной—1; 46) подушекъ пуховыхъ малыхъ—3; 47) одѣяло фланелевое—1; 48) калмыцкій ергакъ—1; 49) шапка шерстяная вязаная синяго цвѣта, старая съ краснымъ околышкомъ—1; 50) рубашекъ канаусовыхъ старыхъ—7; 51) шаровары лѣтніе бѣлые—1; 52) рубахъ холщевыхъ бѣлыхъ, старыхъ—2; 53) подштанниковъ холщевыхъ старыхъ—7; 54) подштанниковъ холстинковыхъ—1; 55) платковъ носовыхъ цвѣтныхъ, шелковыхъ—8; 56) батистовыхъ бѣлыхъ платковъ—5; 57) полотенцевъ личныхъ ткацкаго полотна—8; 58) фуфаекъ фланелевыхъ три и лѣтняя канифасовая одна—4; 54) рубашка длинная фланелевая—1; 60) подштанники фланелевые—1; 61) салфетокъ бѣлыхъ разной величины—15; 62) скатертей—3; 63) носковъ нитяныхъ паръ—12; 64) носковъ шерстяныхъ паръ—3; 65) фуфайка и подштанники лосинные—2; 66) банное полотенце—1; 67) наволочекъ на подушки холщевыхъ—6; 68) наволочекъ на подушки ситцевыхъ—6; 69) простынь—2; 70) шарфъ шерстяной красный—1; 71) стирочныхъ полотенецъ—13; 72) шейныхъ косынокъ шелковыхъ черныхъ—3; 73) платокъ бумажный шейный—1; 74) портупей—4; 75) темляковъ мишурныхъ—2; 76) шапочекъ вязаныхъ бумажныхъ—2; 77) перчатокъ бѣлыхъ замшевыхъ паръ—5; 78) мыльница аплике—1; 79) головная щеточка двойная—1; 80) печать гербовая стальная съ ручкой—1; 81) одѣяло персидское, на подобіе скатерти, пестрое, большое—1; 82) папахъ форменныхъ съ приборомъ, изъ коихъ одна старая,—2; 83) полусабля съ серебрянымъ темлякомъ—1; 84) шарфъ мишурный—1; 85) фуражка суконная бѣлая съ краснымъ околышкомъ—1; 86) пистолетъ черкескій въ серебряной отдѣлкѣ, съ золотою насѣчкою, въ чахлѣ ахатскомъ—1; 87) кинжалъ съ ножикомъ съ бѣлою ручкою и при немъ поясокъ съ серебрянымъ подъ чернью приборомъ въ 16 штукъ, и жирничка серебрянная же—1; 88) шашка въ серебряной подъ чернью оправѣ, съ портупеею, на коей 12 пуговицъ серебряныхъ же подъ чернью—1; 89) перстень англійскаго золота съ бирюзою—1; 90) кольцо червоннаго золота — 1; 91) подсвѣчниковъ аплике малыхъ—2; 92) оловянныхъ тарелокъ—6; 93) оловянныхъ мисокъ—2; 94) кастрюль красной мѣди небольшихъ—4; 95) самоваръ желтой мѣди складной—1; 96) желѣзная кровать складная безъ прибора—1; 97) чемоданъ кожаный—1; 93) сундуковъ колясочныхъ, обтянутыхъ кожею—2; 99) сѣдло черкесское простое съ приборомъ—1; 100) лошадей: меринъ масти темно-сѣрой, грива на правую сторону, лѣтъ 4, на лѣвомъ боку, на передней и задней ногѣ тавро О, и другой меринъ же, масти свѣтло-сѣрой, лѣтъ 10, грива на правую сторону, на лѣвой задней ногѣ тавро Θ—2, и 101) крѣпостныхъ людей: Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ—2. Опись эта, по словамъ В. И. Чиляева, вторичная и составлена 17-го іюля, такъ какъ въ первую, составленную въ отсутствіе Столыпина, были включены многія Столыпинскія вещи, его столовая, чайная и кухонная посуда, бѣлье и серебро, а также Чиляевскія кастрюли, большой самоваръ и посуда, сданные при квартирѣ. Даже самые пистолеты, на которыхъ противники стрѣлялись, были взяты не тѣ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій рапортъ коменданту коммиссіи военнаго суда, отъ 3-го октября за № 9: «Въ послѣдствіе предписанія вашего высоко-

скими минеральными водами было дано лично имъ. Не зная, какъ взглянутъ на эту дуэль въ Петербургѣ, онъ поспѣшилъ въ Пятигорскъ, чтобы на мѣстѣ лично разузнать причины дуэли и степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, и распорядиться произвести формальное разслѣдованіе сего дѣла коммиссіею, какъ можно наипоспѣшнѣе, чего обыкновенно, при существовавшихъ тогда порядкахъ въ дѣлопроизводствѣ, ожидать было нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предполагалъ личнымъ появленіемъ въ Пятигорскѣ предупредить могущее возникнуть въ разношерстномъ водяномъ обществѣ недовольство и порицанія и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствіямъ [1]).

Въ этотъ же день вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду.

Н. П. Раевскій пишетъ [2]): «На другой день опять мы со Столыпинымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ всеже не сразу согласился. Батюшка все настаивалъ на томъ, что по такой-то де главѣ Стоглава дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «Вотъ если бы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ донесеніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Ильяшенкова эту записку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить [3]). Сказали мы это

благородія, отъ 29-го сентября сего года, № 2232, эта коммиссія имѣетъ честь донести, что препровожденные въ оную два пистолета, принадлежащіе убитому на дуэли поручику Лермонтову, изъ которыхъ онъ стрѣлялся съ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, въ коммиссіи получены, а имѣющіеся въ оной таковые же пистолеты, принадлежащіе ротмистру Столыпину, взятые частною управою по ошибкѣ при описи имѣнія Лермонтова, при семъ къ вашему высокоблагородію коммиссія обратно представляетъ». На рапортѣ этомъ росписка: «значащіеся въ этомъ рапортѣ два пистолета для доставленія 5-го октября 1841 года получилъ. Корнетъ Глѣбовъ».

[1]) А не для высылки изъ Пятигорска лечившихся на водахъ офицеровъ, какъ повѣствуетъ гадательно П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 391).

[2]) «Нива», 1885 года, № 8.

[3]) Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96, имѣется слѣдующая переписка. Протоіерей Павелъ Александровскій, отъ 16-го іюля, за № 60, пишетъ коменданту: «Въ выданномъ свидѣтельствѣ сего числа, за № 34, отъ лекаря, Пятигорскаго военнаго госпиталя ординатора, титулярнаго

батюшкѣ, а онъ опять заартачился, однако обѣщался придти. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Наконецъ, священникъ пришелъ, но, увидавъ музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя. Весь народъ былъ въ трауре. И кого только не было на этихъ похоронахъ. Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ, на который пригодилось наше угощеніе, приготовленное за два дня передъ тѣмъ съ совсѣмъ иною цѣлію. Нѣмецкій художникъ нарисовалъ портретъ съ Михаила Юрьевича въ гробу. Съ него и я сдѣлалъ копіи для себя и для М. И. Верзилиной, а послѣ акварелью и для Е. А. Арсеньевой».

У г-жи Шанъ-Гирей [1]) мы находимъ такую замѣтку о похоронахъ Лермонтова. На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ князя Васильчикова [2]) и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народу. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но зато много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище. Гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи! Это меня пора-

---

совѣтника Барклая-де-Толли, доставленномъ ко мнѣ лично военнымъ офицеромъ Столыпинымъ, прописано: Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, православнаго вѣроисповѣданія, застрѣленъ противникомъ на полѣ, близь горы Машука, 15-го числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Не имѣя отъ начальства мѣстнаго города Пятигорска особеннаго свѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтельствующихъ лицъ за общимъ подписомъ вѣдѣнія: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду поручика Лермонтова, и не имѣется ли къ этому препятствія по силѣ законовъ?» Вслѣдствіе сего, комендантъ, отъ того же числа за № 1367, сообщилъ слѣдователю, плацъ-маіору подполковнику Унтилову: «пятигорскій городской протоіерей Александровскій, отношеніемъ отъ 16-го числа сего мѣсяца, за № 60, проситъ моего распоряженія о доставленіи ему свѣдѣнія совмѣстно съ прочими находящимися при слѣдствіи объ убитомъ на дуэли поручикѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла помянутаго убитаго Лермонтова. О доставленіи просимаго протоіереемъ Александровскимъ свѣдѣнія предлагаю вашему высокоблагородію». Что отвѣчалъ Унтиловъ, неизвѣстно, но тѣло Лермонтова погребено по христіанскому обряду по внушительной просьбѣ прибывшаго въ Пятигорскъ флигель-адъютанта Траскина.

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Не Васильчикова, а Столыпина. Васильчиковъ находился уже подъ арестомъ.

жало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ былъ шорохъ сухой травы подъ ногами. Похоронили и положили небольшой камень, съ надписью: Михаилъ, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли; мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовый, помолились и отправили его въ путь).

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію Лермонтова [1]) еще слѣдующія подробности. На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и онѣ были накрыты простыней. Вѣки все открывались, и глаза, полные думъ, смотрѣли чуждыми земнаго міра. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ онъ на постели въ своей небольшой комнатѣ, куда перенесли его. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками. Съ утра домъ и дворъ, гдѣ жилъ поэтъ, были переполнены народомъ. Многіе плакали... Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать [2]). Друзья на это уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, старались задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство!» Сообщили о затрудненіяхъ полковнику Траскину, и онъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день, 17-го іюля, около 6-ти часовъ вечера [3]). На плечахъ то-

---

[1]) Стр. 430—435.

[2]) Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, одинъ изъ двухъ священниковъ, бывшихъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году, въ разговорѣ со мной, объяснялъ обстоятельство это тѣмъ, что во время похоронъ Лермонтова на водахъ было нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили поэта за его нещадившій никого юморъ. Они старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея, въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху «ядовитаго покойника», какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Говорили, что убитый на дуэли — тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно. Вотъ откуда происходило колебаніе духовенства, боявшагося отвѣтственности, и, только благодаря энергіи друзей покойнаго, дѣло устроилось такъ, что тѣло любимаго поэта не было лишено послѣдняго благословенія церкви. Сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Отецъ же Василій соучаствовать не могъ, такъ какъ выносъ тѣла назначенъ былъ въ четыре часа по полудни, именно въ то время, когда въ городской церкви обыкновенно служили обѣдню. («Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10).

[3]) П. А. Висковатовъ говоритъ, что друзья поэта, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было. Это не вѣрно. При погребеніи служащаго офицера, по воинскому уставу, тогда обязательно назначались команды нижнихъ чиновъ. Что же ка-

варищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи. Понятно, что почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ коихъ волею или неволею служилъ Лермонтовъ: полковникъ Безобразовъ — представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди—Гродненскаго гусарскаго, Тиранъ—лейбъ-гвардіи гусарскаго. Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все такъ же спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.

Еще двѣ-три детали можно почерпнуть изъ разсказа В. И. Чиляева. Онъ говорилъ: позднимъ вечеромъ привезли тѣло Лермонтова въ квартиру; домъ и дворъ мгновенно переполнилиеь народомъ, дамы плакали, а нѣкоторыя мочили платки свои въ крови убитаго, сочившейся изъ неперевязанныхъ ранъ. Все, что называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебывало втеченіе трехъ дней, пока покойникъ лежалъ въ квартирѣ. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, бо̀льшимъ числомъ, оправдывала Лермонтова. Были слышны даже такіе озлобленные голоса противъ перваго, что не будь онъ арестованъ, ему бы не сдобровать. Хоронили поэта при торжественной обстановкѣ. Было начальство и былъ нарядъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона. Гробъ несли друзья и почитатели таланта покойнаго на рукахъ. Погода стояла великолѣпная. Почти полгорода вышло проводить поэта. Дамы были въ траурѣ. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно, въ виду раздраженія массы не позволили [1]).

Оставшіеся послѣ Лермонтова вещи, деньги 2,610 р., двѣ лошади и два крѣпостные человѣка были переданы Столыпину, который выданнымъ коменданту реверсомъ обязался доставить ихъ къ родственникамъ [2]) и чрезъ нѣкоторое время отправилъ къ бабушкѣ поэта Е. А. Арсеньевой.

сается трубачей, то они могли быть приглашены друзьями поэта и удалены по настоянію отца Павла.

[1]) К. І. Карповъ сообщаетъ («Русскія Вѣдомости», 1891 года, № 5): Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста: «Для облегченія моей преступной скорбящей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и, вмѣсто отвѣта, поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Въ такомъ видѣ записка эта была доложена начальнику штаба, который, прочитавъ ее и ни слова не говоря, поставилъ ниже подписи коменданта три восклицательные знака и написалъ: «Нельзя. Траскинъ».

[2]) Реверсъ Столыпина: «Я нижеподписавшійся даю сей реверсъ пятигорскому коменданту, г. полковнику и кавалеру Ильяшенкову, въ томъ, что оставшіеся п слѣ убитаго отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ на дуэли двоюрод-

Вечеръ князя В. С. Голицына состоялся 18-го іюля, по отзыву Э. Шанъ-Гирей [1]), фантастично, хорошо, но скучно, потому что всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Она плясала — что ей было за дѣло до схороненнаго наканунѣ поэта!.. Ей нужны были новые живые люди...

Между тѣмъ, Унтиловская слѣдственная коммиссія, подъ строгимъ контролемъ полковника Траскина, повела дѣло быстро и энергично, 30-го іюля она его закончила и представила коменданту. Отъ 4-го августа, за № 5.456, военный министръ по высочайшему повелѣнію предписалъ кавказскому начальству: Мартынова, Глѣбова и Васильчикова судить военнымъ судомъ не арестованными. Въ октябрѣ въ Пятигорскѣ учреждена была для производства надъ ними суда военно-судная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ командира кавказскаго линейнаго баталіона № 2, подполковника Монаенки [2]). Сія послѣдняя коммиссія, по словамъ В. И. Чиляева, вела дѣло безъ всякихъ придирокъ, но и безъ всякаго упущенія и послабленія [3]). Въ нѣсколько засѣданій

наго брата моего, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, поясненные въ описи: деньги 2,610 рублей ассигнаціями, разныя вещи, двѣ лошади и два крѣпостныхъ человѣка Ивана Вертюкова и Ивана Соколова, я обязуюсь доставить въ цѣлости къ родственникамъ его, Лермонтова. Въ противномъ же случаѣ, предоставляю поступить со мною по законамъ. Іюля 23-го дня 1841 года, городъ Пятигорскъ. Подписалъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Столыпинъ. О томъ, что капитанъ Столыпинъ оставшіеся послѣ убитаго поручика Лермонтова деньги, вещи, лошадей и крѣпостныхъ людей доставитъ къ родственникамъ Лермонтова, поручаемся: Нижегородскаго драгунскаго полка командиръ полковникъ Безобразовъ и камеръ-юнкеръ Н. Атрѣшковъ». (Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96).

[1]) «Нива», 1885 года, № 20.

[2]) Рапортъ коменданту полковника Унтилова за № 64 и отношеніе управляющаго Кавказской областью за № 1910. (Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96).

[3]) Мартыновъ показывалъ на судѣ, что съ самаго пріѣзда его въ Пятигорскъ Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что либо непріятное: остроты, колкости,—однимъ словомъ, все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, показывалъ Лермонтову, какъ могъ, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ этого. Недѣли три тому назадъ, во время бала Лермонтова, онъ высказалъ ему все откровенно и просилъ перестать насмѣхаться, но Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, а предлагалъ ему, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ (у Верзилиныхъ) за два дня до дуэли, Лермонтовъ вывелъ его изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывая явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ удержалъ Лермонтова за рукавъ и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки, и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ

участь подсудимыхъ была рѣшена [1]). Судъ, признавая подсудимыхъ виновными, маіора Мартынова — въ произведеніи дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуэли, а корнета Глѣбова и титулярнаго совѣтника князя Висильчикова въ

ему кончить, сказалъ, что ему его проповѣди не нравятся, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе добавилъ: «вмѣсто пустыхъ рѣчей, ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что, въ такомъ случаѣ, пришлетъ къ нему своего секунданта. Князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показывали, что всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ. Но, такъ какъ они не могли сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуэль состоялась. Условлено было сойдтись на мѣстѣ въ 6½ часовъ по полудни. Мартыновъ выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ, бѣговыя дрожки свои далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ тоже пріѣхали верхомъ. По прибытіи на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику. При дуэли никто, кромѣ секундантовъ, не присутствовалъ. Верзилина показала подъ присягою, что Лермонтовъ и Мартыновъ у нея въ домѣ 13-го числа вечеромъ были, но непріятностей между ними она не слыхала и не замѣчала. Объ обстоятельствахъ дуэли князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показали сосласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуэли, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуэли, оставить сдѣланнаго имъ вызова не согласился.

[1]) П. А. Висковатовъ не доволенъ дѣйствіями слѣдственной и военно-судной коммиссій. Можно ли полагаться на нихъ! — восклицаетъ онъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 435—437.)—Признавшіе себя оффиціально единственными свидѣтелями дуэли, князь Васильчиковъ и Глѣбовъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Не былъ упомянутъ даже служитель Чаловъ, державшій лошадей, а заявлено, что лошади были привязаны къ кустамъ. Выгородили и Верзилиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе. Арестованные имѣли полную возможность собираться и заранѣе сговариваться или списываться относительно того, что показывать. Причемъ приводитъ посланное секундантами Мартынову письмо, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т (рубецкаго) и С (толыпина), которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ». Почтенному біографу, во что бы то ни стало, хочется доказать, что секундантами на дуэли, кромѣ Васильчикова и Глѣбова, были также Столыпинъ и Трубецкой, что при дуэли присутствовали Дороховъ и другія лица и что, наконецъ, слѣдственная и судная коммиссіи это скрыли. При существовавшей въ Николаевское время строгости, никакая слѣдственная, а тѣмъ болѣе судная коммиссія не осмѣлилась бы рѣшиться на подобное дѣло, а тѣмъ болѣе коммиссія по Лермонтовской дуэли, въ которой засѣдалъ нарочно присланный изъ Ставрополя жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Кувшинниковъ, — это «царево око», по тогдашнему времени. Скрыть же отъ коммиссій, то-есть обмавуть ихъ, едва ли было возможно, когда о дуэли зналъ весь городъ, и при устраненіи отъ слѣдствія и суда прикосновенныхъ лицъ нашлись бы люди, которые довели бы объ этомъ до свѣдѣнія высшей власти. Да и сами Столыпинъ и князь Трубецкой не такіе были люди, чтобы скрываться отъ отвѣтственности, если бы они дѣйствительно принимали участіе въ дуэли. Въ доказательство чего приведу то обстоятельство, что въ Барантовской дуэли Столыпинъ, не спрошенный при производствѣ дознанія, самъ подалъ рапортъ о своей

томъ, что они не донесли начальству о намѣреніи Лермонтова и Мартынова драться на дуэли и находились при оной секундантами, приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ лишенію чиновъ и правъ состоянія [1]). Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, во вниманіе прежней безпорочной службы Мартынова, отличія, оказаннаго имъ въ 1837 году въ экспедиціи противъ горцевъ, а Глѣбова и князя Васильчикова, во вниманіе ихъ молодости, хорошей службы и бытности перваго въ экспедиціи противъ горцевъ и полученной раны, полагалъ: вмѣнить имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, Мартынова, лишивъ чиновъ и орденовъ, записать въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяцъ, а Глѣбова пе-

---

прикосновенности къ дѣлу и заявилъ, что онъ участвовалъ въ ней, какъ секундантъ. Все же пресловутое выгораживаніе Верзилиныхъ, Дорохова и другихъ, а также «отклоненіе отъ правды секундантовъ по отношенію Трубецкаго и Столыпина», заявленное въ письмѣ, на которое такъ побѣдоносно ссылается біографъ, есть не что иное, какъ умолчаніе о предполагавшейся дуэли, такъ какъ знаніе о имѣющей быть дуэли и недонесеніе о томъ начальству, по военно-уголовному кодексу, составляетъ преступленіе, строго наказуемое. (Глѣбову и Васильчикову главною виною поставлено судомъ недонесеніе начальству о знаніи предполагавшейся дуэли). Очевидно, почтенный біографъ введенъ въ заблужденіе. Не даромъ по всему его разсказу о послѣднихъ дняхъ жизни поэта красной нитью проходятъ слѣды его личныхъ бесѣдъ съ «княземъ Ксандромъ». Но сей послѣдній, подъ видомъ обѣлѣнія Мартынова, старался болѣе всего о гарантіяхъ собственнаго обѣлѣнія. Оба они были сообщниками и оба хоронили концы: одинъ—своимъ упорнымъ молчаніемъ, другой—изворотливыми розсказнями. Статья послѣдняго въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, есть не что иное, какъ длинный рядъ неправдъ, инсинуацій и макіавелистическихъ уязвленій покойнаго поэта. Его увѣренія въ ней о дружбѣ съ Лермонтовымъ—извѣстный риторическій пріемъ, съ цѣлью расположить съ себѣ читателя. Его характеристика поэта—ловкій казуистическій вывертъ съ намѣреніемъ затушевать его достоинства, какъ человѣка, выставленіемъ на видъ дѣтскихъ шалостей, заносчивости и задора. Его свидѣтельство о нерасположеніи къ поэту при дворѣ и неблагопріятномъ отзывѣ о немъ высокопоставленнаго лица — ложь, имѣвшая цѣлью санкціонировать высказанное имъ дурное о поэтѣ мнѣніе. Разсказъ его о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ у Верзилиныхъ, даже по сравненію съ показаніемъ послѣдняго на судѣ, которое не могло не быть ему извѣстно, неточенъ и направленъ къ обвиненію поэта. Его толкованія о невозможности примиренія — канцелярское крючкотворство, направленное къ разсчету съ поэтомъ на барьерѣ. Его описаніе дуэли, начиная съ посвященія въ секунданты Столыпина и Трубецкаго, и кончая розсказнями о поѣздкахъ за докторомъ и экипажемъ, сидѣньемъ у трупа подъ ливнемъ и грозою и сопровожденіемъ его на квартиру, — такое искаженіе фактовъ, такое сцѣпленіе лжи, бравадъ и фанфаронства, что нужно только развести руками. Недостаточно этого, при личныхъ объясненіяхъ съ біографомъ, онъ къ сдѣланнымъ заявленіямъ присовокупляетъ новыя, говоритъ, что при дуэли даже не было опредѣлено, кто чей секундантъ былъ, и старается объ одномъ — о признаніи за его розсказнями исторической достовѣрности... Voila comme on écrit l'histoire!

[1]) Тамъ же.

ревесть изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ. По докладѣ этого дѣла государю императору, въ 3-й день января 1842 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе: «маіора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію; титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго — во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго — по уваженію полученной тяжелой раны».

Въ мартѣ 1842 года прахъ поэта былъ перевезенъ изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Е. А. Арсеньевой, село Тарханы, и погребенъ на фамильномъ кладбищѣ. Надъ могилой поэта, по словамъ Э. Шанъ-Гирей, посѣтившей Тарханы нѣсколько лѣтъ спустя [1]), выстроена маленькая часовня. Въ ней стоитъ большой образъ и въ ящикѣ подъ стекломъ в ѣ т к а П а л е с т и н ы, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ. Рядомъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ похоронена и его бабушка, Арсеньева [2]).

Мѣсто могилы Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ уничтожено рукой времени. Никакихъ признаковъ о немъ ни мѣстный причтъ, ни родственники покойнаго (изъ числа которыхъ Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей съ супругою, пресловутой «Верзиліей», жили долго въ Пятигорскѣ) не сохранили. Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по сему предмету, далъ мнѣ уклончивый отвѣтъ. Могила, по вынутіи гроба Лермонтова, его родными зарыта, говоритъ онъ, но знака никакого не оставлено по приказанію начальства. Мѣсто, гдѣ была могила, я указать не могу, такъ какъ на кладбищѣ, вблизи этого мѣста, построенъ новый храмъ, и затѣмъ всякій признакъ могилы утратился. Знаю только, добавилъ онъ, что мѣсто это не занято храмомъ, но находится почти что у самой стѣны церкви. Поручикъ же Куликовскій, бывшій въ 1870 году воинскимъ начальникомъ, говорилъ мнѣ, что ранней весной 1842 года онъ посѣтилъ какъ-то разъ могилу Лермонтова, на ней лежалъ простой, узкій, продолговатый камень, съ надписью: «П о р у ч и к ъ Т е н г и н с к а г о п ѣ х о т н а г о п о л к а М и х а и л ъ Ю р ь е в и ч ъ Л е р м о н т о в ъ, р о д и л с я и у м е р ъ т о г д а-т о» [3]).

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Часовня въ селѣ Тарханахъ, гдѣ покоится прахъ Лермонтова вмѣстѣ съ останками его матери, бабки и дѣда, какъ передаютъ посѣтившіе ее въ 1891 году, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Слова тропаря: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», начертанныя по карнизу внутри часовни, наполовину отъ сырости почернѣли. Намогильный памятникъ изъ чернаго лабрадора слишкомъ скроменъ для великаго поэта, и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ, въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никогда никто не заходитъ и не заглядываетъ. («Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182).

[3]) Э. Шанъ-Гирей говоритъ, что надъ могилою поэта положили послѣ похоронъ небольшой камень съ надписью: «М и х а и л ъ», какъ временный знакъ

Камень этотъ, по вырытіи праха поэта, лежалъ рядомъ съ могилой, которая оставалась незакопанною. Вдругъ пронесся слухъ, что кто-то хочетъ взять этотъ камень, и распорядительное начальство приказало зарыть его въ могилу. Чрезъ нѣсколько дней по увозѣ тѣла Лермонтова изъ Пятигорска, въ одну изъ родительскихъ субботъ я самъ видѣлъ,—говорилъ упомянутый выше офицеръ,—камень былъ сброшенъ въ могилу и стоялъ въ ней торчкомъ, гдѣ его послѣ и зарыли. Теперь нѣтъ никакого слѣда могилы, немногіе старожилы узнаютъ это мѣсто по углубленію въ землѣ или по сосѣднимъ могиламъ, но я уже указать вамъ не могу, закончилъ почтенный поручикъ. Отъ В. И. Чиляева я тоже ничего не могъ добиться. Со старческимъ упрямствомъ, онъ толковалъ одно: «Могу ошибиться!... навру!... ну, что-жъ тутъ хорошаго!...» [1]).

Немного болѣе удачи было у меня по отысканію мѣста дуэли Лермонтова. Ѣздилъ я розыскивать въ обществѣ одного бывшаго въ то время на водахъ молодаго врача Александровскаго. Нанявъ у собора извозчика, знавшаго, по его увѣренію, мѣсто дуэли, мы отправились. Оставивъ за собой городское кладбище и проѣхавъ версты три-четыре по Желѣзноводской дорогѣ, мы остановились у подошвы Машука. Извозчикъ отвелъ экипажъ немного въ сторону отъ дороги, и мы стали подниматься по отлогой покатости къ болѣе крутому изгибу горы, съ сѣверо-восточной ея стороны, въ предшествіи нашего Автомедона. Поднявшись шаговъ полтораста на довольно пологую изложину подножія горы, нашъ возница остановился, снялъ шапку и, указавъ на два недалеко другъ отъ друга стоявшихъ куста, сказалъ намъ внушительно: «вотъ здѣсь!»... При этихъ словахъ я невольно вздрогнулъ и внимательно обвелъ глазами окружающую мѣстность. Солнце свѣтило въ полномъ блескѣ. Опоясанная густымъ кустарникомъ, кудрявая голова Машука, съ ея голымъ обнаженнымъ черепомъ, склоняется какъ будто предъ ослѣпительнымъ, невыносимымъ блескомъ полуденныхъ лучей солнца и задумчиво глядитъ на свое подножіе, орошенное кровью поэта. Направо, изъ-за ея плеча-уступа, горятъ кресты на главахъ городскаго собора и разстилается живописная панорама Пятигорска, лѣвѣе бѣжитъ, извиваясь узкой желтой лентой, упавшая за лѣсъ, излучистая, холмистая Желѣзноводская дорога, а супротивъ съ нахмуреннымъ челомъ, какъ олицетворенный упрекъ въ кровавомъ

его могилы. Камень этотъ, вѣроятно, впослѣдствіи замѣненъ камнемъ, о которомъ упоминаетъ поручикъ Куликовскій, иначе трудно допустить, чтобы надъ прахомъ поэта лежалъ камень съ однимъ именемъ. Вѣдь онъ же былъ не монахъ, не бродяга безъименный, а русскій офицеръ, надъ могилой котораго, по воинскому обычаю, должно быть означено: мѣсто служенія, чинъ, имя, отчество и фамилія и годъ смерти.

[1]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 495) заявилъ, что онъ также пытался розыскать мѣсто могилы Лермонтова, но не могъ найдти.

злодѣяніи, стоитъ Бештау, а тамъ, на дальнемъ горизонтѣ, виднѣются хребты-утесы снѣжныхъ горъ и высится, какъ юная чета въ серебряныхъ вѣнцахъ, Эльбрусъ двуглавый и дружно-дѣвственный Казбекъ. «Здѣсь, — продолжалъ между тѣмъ словоохотливый нашъ чичероне, — положенъ былъ для отлички мѣста, бѣлый, не очень большой камень, а теперь вотъ нѣту, понадобился, знать, кому нибудь, утащили»... Я внимательно осмотрѣлъ показанное мѣсто—ни малѣйшаго признака былаго роковаго событія: покатая изложина горы, трава, колючія растенія и два куста, нѣмые свидѣтели жестокаго убійства, одиноко и уныло стоящіе діагонально по изложинѣ горы,—вотъ все, что мы нашли тутъ, и я съ нѣмою скорбію склонился къ землѣ, напоенной кровію поэта, и сломилъ на память вѣтку съ одного изъ кустовъ, свидѣтелей дуэли, трепетавшихъ подъ легкимъ дуновеньемъ вѣтерка точно также, какъ и тогда, при видѣ безчеловѣчнаго и гнуснаго разстрѣла величайшаго изъ русскихъ поэтовъ [1]).

Увѣдомленіе въ петербургскія газеты о смерти поэта сдѣлано Атрѣшковымъ и появилось въ такой формѣ: 15-го іюля, около шести часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе о кончинѣ поэта, выразился такъ: «Получено съ Кавказа горестное извѣстіе: Лермонтовъ убитъ на дуэли. Жалѣю его. Это—поэтъ, подававшій великія надежды» [2]). Сожалѣніе государя о безвременной смерти поэта горячо раздѣляла находившаяся тогда въ Петербургѣ великая герцогиня веймарская Марія Павловна [3]). Появленіе въ прессѣ такого милостиваго отзыва царя о поэтѣ опровергаетъ, заявленное княземъ А. И. Васильчиковымъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [4]), съ такимъ апломбомъ и нашедшее въ нѣкоторыхъ кругахъ сочувственные отклики [5]), утвержденіе, что Лермонтовъ вообще былъ нелюбимъ въ гвардіи и петербургскихъ салонахъ, что при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и по фрунту дурнымъ офицеромъ, что, когда его убили, государь сказалъ: «Туда ему и дорога!», и что все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ

[1]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

[2]) «Русскій Архивъ», 1891 года, № 7, стр. 402.

[3]) «Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182.

[4]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

[5]) Князь П. П. Вяземскій, въ статьѣ «Лермонтовъ и г-жа Омеръ де-Гелль» («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9), со словъ Лужина, повторилъ слухъ, что государь, узнавъ о смерти Лермонтова, будто бы сказалъ: «Собакѣ собачья и смерть!» Но слухъ этотъ опровергнутъ флигель-адъютантомъ А. И. Философовымъ («Лермонтовъ», Воспоминанія Акима Шанъ-Гирей, «Русское Обозрѣніе», 1890 года, № 10).

рукой, повторило это надгробное слово. Этимъ опроверженіемъ мы закончимъ наше сказаніе о «князѣ Ксандрѣ». Но здѣсь, мнѣ кажется, умѣстно будетъ сказать два-три заключительныхъ слова о Н. С. Мартыновѣ. Отбывъ срокъ заключенія и покаянія въ Кіевѣ, онъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ прежнюю жизнь [1]), влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принялъ на себя расходы развода и женился на ней. Затѣмъ, перебрался въ Москву и жилъ скромно частнымъ человѣкомъ [2]). До самой смерти онъ не сказалъ ни одного слова въ свое оправданіе открыто и гласно, кромѣ извѣстной въ письмѣ къ М. И. Семевскому [3]) буффонады, что: «именно потому, что злой рокъ судилъ ему быть орудіемъ воли провидѣнія въ смерти Лермонтова, онъ не считаетъ себя вправѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя не въ силахъ». Но изъ-за угла и шепотомъ, въ кружкахъ пріятелей и знакомыхъ, онъ не стѣснялся распространять слухи о причинахъ своей дуэли съ Лермонтовымъ, противные истинѣ. Въ статьяхъ и письмахъ Костенецкаго [4]), Пирожкова и Бетлинга [5]) мы находимъ слѣды этихъ слуховъ. По ихъ удостовѣреніямъ, онъ говорилъ, что причиной дуэли были не остроты и эпиграммы поэта, а задержка имъ писемъ и дневника сестры его и денегъ 300 руб., посланныхъ ему отцомъ его, что ссору раздули пріятели [6]), и что Лермонтовъ на мѣстѣ дуэли не стоялъ съ поднятымъ къ верху дуломъ пистолета, какъ извѣстно изъ показаній секундантовъ и по освидѣтельствованію тѣла покойнаго, но держалъ пистолетъ съ мѣста на полномъ прицѣлѣ, медленно подвигался къ барьеру и, пріостановясь на ходу, продолжалъ цѣлить, такъ что онъ вспылилъ и спустилъ курокъ [7]). Мы затрудняемся даже подыскать соотвѣтственное названіе подобной, боящейся дневнаго свѣта, клеветѣ. Инсинуація о письмахъ

[1]) Кстати два слова о розсказняхъ Э. Шанъ-Гирей. Она говоритъ, что Мартыновъ былъ приговоренъ къ 15-ти лѣтнему покаянію (экъ, вѣдь хватила!), и что они (но кто они, неизвѣстно) видѣлись съ нимъ въ Кіевѣ, а потомъ, въ 1847 году, и въ Петербургѣ, куда онъ былъ посланъ зачѣмъ-то отъ монастыря (!?!). «Нива», 1885 года, № 27.

[2]) «Нива», 1885 года, № 20.

[3]) «Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова», изданные М. И. Семевскимъ въ 1870 году.

[4]) «Русскій Архивъ», 1887 года, № 1.

[5]) «Нива», 1885 года, № 27.

[6]) По отношенію «князя Ксандра» это, можетъ быть, и справедливо, но только не по отношенію прочихъ друзей поэта.

[7]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 440—442) называетъ заявленіе о письмахъ и деньгахъ «извѣтомъ» и свидѣтельствуетъ, что дѣлать сообщенія другимъ лицамъ не въ пользу Лермонтова Мартыновъ не стѣснялся. (Прим. 1 на стр. 441). Послѣднія же два сообщенія опровергаетъ И. А. Арсеньевъ («Нива», 1885 года, № 27).

и деньгахъ есть уже посягательство на честь поэта и, по существу, болѣе убійственна, чѣмъ всѣ извѣты «князя Ксандра», высказанные имъ открыто и гласно, подъ видомъ безпристрастія и дружбы къ поэту. Но маски долой! Еще Державинъ говорилъ: «Нельзя же вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться!» Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти М. Ю. Лермонтова, и время исторіи наступило. Разобраться во всемъ этомъ нагроможденіи лжи на ложь, клеветъ на клевету и извѣтовъ на извѣты и возстановить во всей естественной чистотѣ, величіи и блескѣ геніальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени»—дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историку въ дѣлѣ выясненія истины.

Взаключеніе считаю не излишнимъ указать, что иниціатива постановки памятника поэту въ Пятигорскѣ приписана бывшему арендатору Кавказскихъ минеральныхъ водъ, А. М. Байкову, неправильно [1]). Я первый высказалъ эту мысль въ статьѣ «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ» [2]) въ слѣдующихъ словахъ: Петербургъ и Кронштадтъ ставятъ памятники Крузенштерну и Беллинсгаузену, Кіевъ—Богдану Хмѣльницкому и графу Бобринскому, Смоленскъ — Глинкѣ, почему бы Пятигорску, съ его тысячами посѣтителей водъ, не принять иниціативы въ дѣлѣ сооруженія памятника М. Ю. Лермонтова. Или же геніальный человѣкъ, гордость и слава русской поэзіи, въ силу принциповъ, руководившихъ извѣстную часть общества въ 1841 году, и донынѣ не считается à la hauteur des circonstances!...

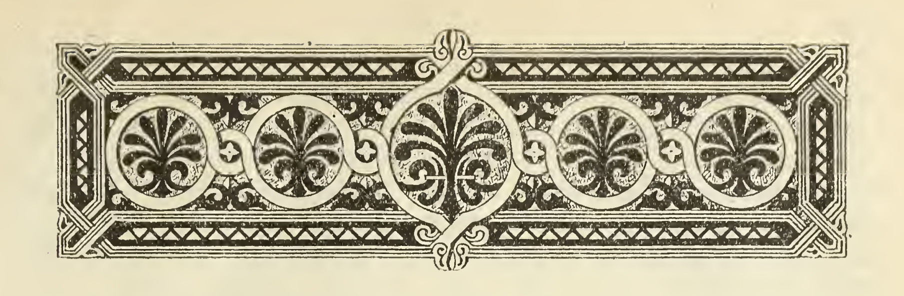
П. Мартьяновъ.

---

[1]) «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ», 1874 года, № 13, и 1875 года, № 7, а за нимъ «Терскія Вѣдомости» и нѣкоторыя столичныя газеты.

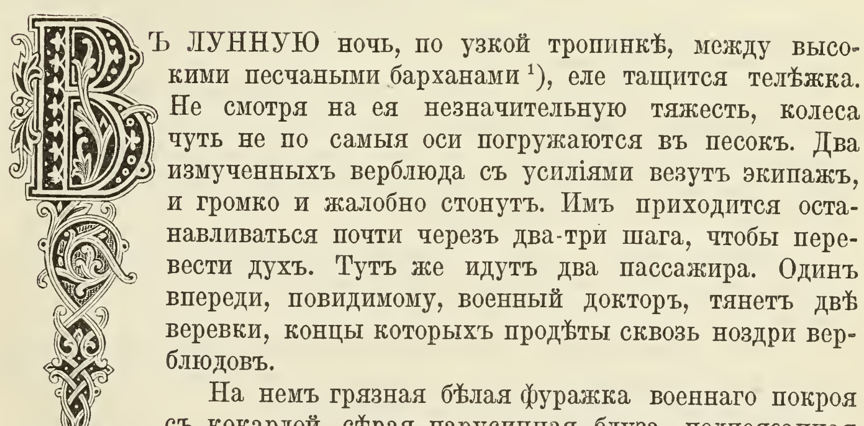
[2]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

ШУКУРЪ.

(Картинка средне-азіатскихъ нравовъ).

I.

ВЪ ЛУННУЮ ночь, по узкой тропинкѣ, между высокими песчаными барханами [1]), еле тащится телѣжка. Не смотря на ея незначительную тяжесть, колеса чуть не по самыя оси погружаются въ песокъ. Два измученныхъ верблюда съ усиліями везутъ экипажъ, и громко и жалобно стонутъ. Имъ приходится останавливаться почти черезъ два-три шага, чтобы перевести духъ. Тутъ же идутъ два пассажира. Одинъ впереди, повидимому, военный докторъ, тянетъ двѣ веревки, концы которыхъ продѣты сквозь ноздри верблюдовъ.

На немъ грязная бѣлая фуражка военнаго покроя съ кокардой, сѣрая парусинная блуза, подпоясанная ремнемъ, на которомъ виситъ револьверъ въ чехлѣ, засаленные малиновые чамбары [2]) и худые охотничьи сапоги.

Другой идетъ около переднихъ колесъ телѣжки и безпощадно хлещетъ нагайкой по худымъ бокамъ несчастныхъ животныхъ. Онъ тоже въ блузѣ, тоже въ высокихъ сапогахъ, но на головѣ надѣта мягкая войлочная шапка, какую носятъ сарты.

---

[1]) Барханъ—холмъ.

[2]) Чамбары—замшевые штаны.

На противоположной сторонѣ экипажа, рядомъ съ верблюдомъ, ѣдетъ хивинецъ верхомъ на тощемъ саврасомъ конѣ. Огромная баранья шапка совсѣмъ закрыла голову до самыхъ плечъ; только глаза глядятъ изъ-подъ густаго пушистаго края. Онъ одѣтъ въ синій халатъ и подпоясанъ узкимъ ремнемъ. Въ рукахъ тоже нагайка. Всадникъ съ такимъ же озлобленіямъ, какъ и пассажиръ, колотитъ верблюдовъ и издаетъ ужасные крики, означающіе азіатское понуканіе.

Телѣжка остановилась. Господинъ, тащившій верблюдовъ, снялъ фуражку и отеръ потъ съ краснаго загорѣлаго лица.

— Ну, Шукуръ, гдѣ же мы станемъ ночевать?—обратился онъ къ всаднику.

— А вотъ сейчасъ будутъ кудуки [1])... Вонъ за этимъ бархономъ! — отвѣчалъ синій халатъ и указалъ нагайкой въ правую сторону.

— Чтобъ чортъ побралъ эту дорогу!—проворчалъ докторъ.—Просто жизни не радъ, голоденъ какъ собака, усталъ до невозможности, а доѣхать никакъ не можемъ... Ну, дыхлятина, трогай!

И онъ сильно потянулъ за веревку. Верблюды завертѣли головой, фыркнули и, издавши жалобный стонъ, снова натянули постромки; у одного изъ ноздрей закапала кровь: острый деревянный крючекъ началъ рвать живое мясо.

— Өедоръ, подгоняй!... жарь хорошенько!—покрикивалъ докторъ.

Өедоръ озлобленно щелкалъ нагайкой, поддерживаемый съ другой стороны Шукуромъ.

Наконецъ, выбрались на небольшую площадку. Песокъ здѣсь былъ плотно утоптанъ, вездѣ валялись кучи лошадинаго и верблюжьяго навоза. Чернѣлось большое отверстіе кудука. Въ одномъ мѣстѣ лежала даже кучка саксауловыхъ дровъ, и бѣлымъ пятномъ свѣтлѣлась зола потухшаго костра.

— Здѣсь, тюра [2]), здѣсь! — закричалъ Шукуръ. Онъ слѣзъ съ своей лошади и съ наслажденіемъ потянулся, расправляя отекшіе члены.

— Ну, слава Богу! — обрадовался докторъ и бросилъ веревки, за которыя тянулъ верблюдовъ.—Өедоръ, давай кошму, давай воды, давай кунчанъ [3]), будемъ скорѣе варить чай.

Мрачный и сонливый деньщикъ Өедоръ медленно подошелъ къ телѣгѣ и не спѣша вынулъ все необходимое. Шукуръ распрягъ верблюдовъ и пустилъ ихъ отыскивать себѣ пропитаніе, гдѣ и какъ имъ угодно.

---

[1]) Кудукъ—колодецъ.

[2]) Тюра—господинъ.

[3]) Кунчанъ—высокій мѣдный кувшинъ, съ узкимъ и длиннымъ горлышкомъ. Въ немъ обыкновенно кипятятъ воду для чая.

Было уже далеко за полночь. Полная луна стояла высоко на чистомъ небѣ и обливала песчаные барханы голубоватымъ свѣтомъ.

Докторъ, чтобы не жариться на солнцѣ и выиграть время, старался, по возможности, ѣхать болѣе ночью. Днемъ всякое передвиженіе стоило огромныхъ усилій, верблюды и сами пассажиры буквально изнывали подъ жгучими лучами средне-азіатскаго свѣтила; дышать было трудно, въ глаза летѣла горячая песчаная пыль... Надо, однако, замѣтить, что остановки не всегда зависѣли отъ желанія путниковъ. Дѣло въ томъ, что давать воду животнымъ можно было только изъ кудуковъ, а они чрезвычайно рѣдки въ пустынѣ Кизылъ-Кумъ и отстоятъ другъ отъ друга на 50, 60 и даже 70 верстъ. Слѣдовательно, надо было всегда разсчитывать такъ, чтобы извѣстное пространство дѣлить пополамъ: первую половину проходить днемъ, вторую—ночью. Конечно, на первомъ привалѣ ни верблюдовъ, ни лошадь не поили, такъ какъ приходилось останавливаться гдѣ попало. Варился чай, ѣли сухари, спали, а животныя оставались безъ капли воды и почти безъ всякой пищи. Для лошади, на всякій случай, былъ запасъ ячменя, и Шукуръ отъ времени до времени давалъ ей небольшія порціи, но о верблюдахъ никто не заботился. Бѣдные «корабли пустыни» бродили между барханами и щипали ту жалкую травку, которая выглядывала изъ трещинъ разсохшейся солонцеватой почвы, или обрывали зеленые побѣги саксауловыхъ деревьевъ.

Понятно, что путешествіе съ такимъ комфортомъ не служило на пользу всѣмъ: лошадь еле передвигала ноги, верблюды исхудали, а люди казались оборванцами-нищими.

Докторъ съ деньщикомъ ѣхалъ изъ Петро-Александровска, скучной крѣпости на Аму-Дарьѣ, отстоящей верстахъ въ 30-ти отъ Хивы. Онъ получилъ отпускъ и спѣшилъ въ Петербургъ, отслужа цѣлыхъ пять долгихъ лѣтъ на далекой окраинѣ.

Шукуръ, въ качествѣ джигита, взялся провести пассажировъ въ Казалинскъ, то-есть на берегъ Сыръ-Дарьи. Огромное пространство, раскинутое между двумя величайшими рѣками Средней Азіи, какъ извѣстно, занято страшной безводной пустыней «Кизылъ-Кумъ». Вотъ ее-то надо было пересѣчь, останавливаясь около кудуковъ; сбившись съ дороги, свернувъ вправо или влѣво, можно было легко погибнуть отъ голода и жажды.

Только киргизы да хивинцы, сроднившіеся съ этимъ песчанымъ моремъ и знающіе каждый барханъ, каждую лощину, могутъ тамъ не только переѣзжать съ мѣста на мѣсто, но перекочевывать съ своими стадами. Правда, что стада можно встрѣтить на недалекихъ разстояніяхъ отъ Аму или Сыра, но, во всякомъ случаѣ, однимъ туземцамъ извѣстны безчисленныя тропинки, по которымъ изрѣдка пройдетъ небольшой караванъ и которыя носятъ громкое названіе «дорогъ».

Шукуръ взялся провести доктора въ Казалинскъ въ восемь дней. Уже пять сутокъ, какъ выѣхали они изъ Петро-Александровска, а оставалось еще много впереди, такъ много, что бѣдные путешественники готовы были, кажется, плакать.

Днемъ жаръ, ночью — боязнь потерять верблюдовъ, которыхъ легко могутъ угнать волки, не давали возможности отдохнуть, какъ слѣдовало бы... А верблюды были собственностью доктора; онъ недавно вылѣчилъ богатаго хивинца, и благодарный мусульманинъ, узнавши, что урусъ [1]) ѣдетъ на родину, подарилъ ему пару молодыхъ и здоровыхъ верблюдовъ. Подарокъ былъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ финансы доктора оказывались не въ особенно хорошемъ положеніи. Потерять этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ въ Кизылъ-Кумахъ было бы равносильно смертному приговору. Что можетъ, въ самомъ дѣлѣ, предпринять въ такомъ случаѣ бѣдный путникъ? Оставалось бы ждать какого нибудь случайнаго проѣзжающаго, который, быть можетъ, возьмется принять въ свою компанію брошенныхъ на произволъ судьбы. Но путешественники въ этихъ мѣстахъ бываютъ рѣдко. Иногда пройдетъ цѣлая недѣля, а иногда и двѣ, прежде чѣмъ кто нибудь соберется двинуться изъ Казалинска въ Петро-Александровскъ или наоборотъ. А между тѣмъ съѣстные припасы уменьшаются быстро, и въ перспективѣ голодная смерть. Вотъ почему докторъ, Ѳедоръ и Шукуръ, по очереди, караулили ночью свой бивуакъ, поддерживали огонь и изрѣдка стрѣляли изъ ружей, чтобы отгонять степныхъ хищниковъ.

Когда кошма была разложена, докторъ бросилъ на нее кожаную подушку и съ наслажденіемъ растянулся.

— Ѳедоръ,—сказалъ онъ деньщику,—можешь теперь спать; я пока буду караулить, а потомъ, часа черезъ два, разбужу тебя.

Мрачный Ѳедоръ раздувалъ огонь. Шукуръ взялъ изъ телѣжки топоръ и скрылся за барханомъ, чтобы поискать дровъ.

Безоблачное небо такъ величественно раскинулось надъ пустыней. Въ яркомъ свѣтѣ мѣсяца потонули звѣзды. Тишина была невозмутимая, какая можетъ быть только въ этихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ человѣческаго жилья...

Докторъ лежалъ навзничь, закинувъ руки подъ голову. Его черные, огромные глаза смотрѣли вверхъ, стараясь проникнуть въ глубокую синюю пустоту. Онъ забылъ, что онъ далеко отъ цивилизованнаго міра. Онъ былъ уже тамъ, въ шумной столицѣ, куда стремился всѣмъ своимъ существомъ.

---

[1]) Урусъ—русскій.

II.

Грезится ему громадный Питеръ. Онъ еще студентъ, онъ полонъ вѣры въ людей и въ свои собственныя силы... Передъ нимъ развертывается картина маскарада: суета, безтолковая интрига, пискъ масокъ. Одно голубое домино совсѣмъ сбило съ толку молодаго человѣка: она его знаетъ, знаетъ, гдѣ онъ живетъ, чѣмъ занимается, у кого проводитъ субботы, и проч. На другой день — свиданіе на набережной Невы. Она оказывается очень миловидной блондинкой, съ чудными сѣрыми глазами; она—жена отвратительнаго бѣлобрысаго адвоката, съ очень сомнительной репутаціей; у г. адвоката на первомъ планѣ—однѣ деньги. Семейнаго счастья не существуетъ у интересной дамочки; два года замужества совсѣмъ разрушили идеалы, сложившіеся въ нѣсколько сантиментальномъ сердечкѣ... Пошла она подъ вѣнецъ такъ же, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ, не любя и не размышляя, но по совѣту добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, видящихъ въ женихѣ человѣка, у котораго впереди блестящая будущность. Сначала жизнь казалась сносною; катанья, вечера, театръ, наряды, не давали опомниться, не давали возможности заглянуть внутрь себя и задать вопросъ: «довольна ли судьбой молодая барынька? счастлива ли она?» И вотъ въ одинъ прекрасный день она какъ-то сразу почувствовала всю пустоту, ее окружающую, весь ужасъ ея положенія. Оказалось, что съ мужемъ у нея не было ничего общаго, исключая крыши, прикрывающей обоихъ вмѣстѣ, и исключая квартиры, гдѣ они жили...

Всѣ интересы супруга вертѣлись на одномъ словѣ—деньги. Онъ былъ знакомъ только съ вліятельными лицами, но не гнушался принимать для веденія такія дѣла, которыя хотя и были позорны, но давали огромный заработокъ.

Все это поняла бѣдная Марья Ивановна и рѣшила: не думать ни о чемъ, вертѣться, кружиться, не давая себѣ времени задавать такіе жгучіе вопросы. Однажды, она съ одной изъ своихъ знакомыхъ отправилась въ маскарадъ, въ дворянское собраніе. Шумное веселье и блескъ газа подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на нервы молодой дамочки, и она скоро замѣшалась въ пестрой толпѣ, подцѣпивъ какого-то стройнаго офицера. Нѣсколько въ сторонѣ, скрестивъ руки à la Napoleon, стоялъ бѣлобрысый супругъ, улыбаясь мимо проходящимъ маскамъ.

— Скажи, пожалуйста,—обратилась Марья Ивановна къ своему кавалеру:—кто этотъ господинъ? Вонъ, видишь, стоитъ у колонны?

— Это Z., здѣшній адвокатъ.

— Ты почему его знаешь?

— А кто его не знаетъ!?

— Что же онъ хорошій господинъ?

— Подлецъ первой степени!

И пришлось услышать про близкаго человѣка такія вещи, что волосы стали дыбомъ. Марья Ивановна въ первый разъ имѣла случай узнать оцѣнку того, съ кѣмъ связана на всю жизнь! Такимъ образомъ, все рухнуло. Не только любви, но даже спокойнаго равнодушія нельзя было чувствовать къ этому карьеристу.

И еще сильнѣе завертѣлась барыня, и еще чаще появлялась она на всѣхъ пикникахъ, маскарадахъ. Супругъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что его Marie производитъ эффектъ, и сильно старался о томъ, чтобы денежные тузы обращали на нее свое вниманіе.

Такъ прошло два года. Дѣтей у Марьи Ивановны не было, не было и людей, къ которымъ бы могло привязаться молодое сердце. О чемъ же тутъ размышлять, о чемъ философствовать? Прожигай жизнь, вотъ и все!

На этомъ хотѣлось успокоиться. И вотъ въ маскарадѣ встрѣтился студентъ-медикъ Павелъ Петровичъ Вяхиревъ. Онъ былъ красивый брюнетъ, съ бархатными черными глазами, волнистыми кудрями и правильными чертами лица. Онъ не выдѣлялся своими способностями, но много пережилъ, много передумалъ. Поступивъ въ медицинскую академію, жилъ уроками и изрѣдка, увлекаемый товарищами, позволялъ себѣ нѣкоторыя удовольствія: то пойдетъ въ оперу, то въ маскарадъ... Но все это дѣлалось самымъ экономнымъ образомъ.

Встрѣтившись съ Марьей Ивановной, Вяхиревъ по уши влюбился въ нее. Былъ у нея съ визитомъ, на супруга не произвелъ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, и сталъ постояннымъ посѣтителемъ розоваго будуара, гдѣ такъ мила и интересна казалась ему «хозяйка».

Содержательная жизнь молодаго медика показалась Марьѣ Ивановнѣ необыкновенной; она не ожидала, что въ трудѣ можно найдти наслажденіе, что, имѣя цѣль въ жизни, видишь все въ какомъ-то осмысленномъ свѣтѣ. Для нея жизнь была забава, а здѣсь—трудъ.

Павелъ Петровичъ не былъ «развивателемъ» молодыхъ дамъ и дѣвицъ, онъ терпѣть не могъ этотъ типъ болтуновъ, но онъ такъ просто толковалъ, такъ хорошо и прямо относился ко всѣмъ и ко всему, что... пустая барыня втупикъ стала. Теперь она совсѣмъ иначе объясняла многое, надъ чѣмъ никогда не задумывалась. А главное—въ Павлѣ Петровичѣ она нашла то, чего ей не доставало, у нея теперь былъ человѣкъ, къ которому она могла обратиться за совѣтомъ, у нея оказался другъ, какого никогда не было; даже больше, чѣмъ другъ, дороже...

Все это потомъ, спустя много времени послѣ знакомства, узналъ Вяхиревъ отъ самой Марьи Ивановны, и, Боже, какъ ему пріятно было все это слышать!

III.

Громъ выстрѣла прервалъ воспоминанія доктора. Онъ вскочилъ на ноги и осмотрѣлся.

Костеръ весело пылалъ въ сторонѣ. На углахъ стоялъ мѣдный кунчанъ съ кипящей водой для чая. Ѳедоръ спалъ крѣпкимъ сномъ, укрывшись своимъ тулупомъ съ головой. Въ нѣсколькихъ шагахъ, на барханѣ рѣзко выдѣлялась фигура Шукура, съ дымящимся ружьемъ въ рукахъ.

— Ты чего палишь? — закричалъ докторъ, не видя никакой опасности.

— А вонъ чакалки [1]) бѣгаютъ! Попугать захотѣлъ, а то къ намъ придутъ, хлѣбъ таскать будутъ... Спи, тюра, спи!... Я караулить стану. Ложись, еще рано вставать...

Вяхиревъ подошелъ къ огню, взялъ горячую воду, приготовилъ чай и, потягивая съ наслажденіемъ не особенно вкусный (отъ соленой воды колодца) напитокъ, снова замечтался.

... Помнится ему одинъ зимній вечеръ. Въ розовомъ будуарѣ такъ тепло и уютно. Бѣлобрысый супругъ уѣхалъ къ какимъ-то жидамъ, которымъ онъ обязательно проигрывалъ въ карты (взятокъ они не брали!)... Павелъ Петровичъ былъ въ ударѣ и разсказывалъ живо, съ увлеченьемъ... Говорилъ онъ о своемъ дѣтствѣ, о шалостяхъ и проказахъ, которыя продѣлывалъ въ гимназіи... Незамѣтно разговоръ коснулся и старушки-матери, живущей въ Казанской губерніи. Потомъ рѣчь зашла о петербургской жизни, потомъ о первой встрѣчѣ съ Марьей Ивановной въ маскарадѣ, когда она куталась въ свое голубое домино, и... неизвѣстно, какъ студентъ схватилъ маленькую ручку и началъ цѣловать... Ему не сопротивлялись...

Промелькнуло еще нѣсколько недѣль, и влюбленные начали мечтать, какъ бы было хорошо жить вмѣстѣ, трудиться вмѣстѣ, уѣхать подальше... Онъ врачевалъ бы тѣлесные недуги (какъ любилъ выражаться), а она жила бы только для него одного. Но такія мечты считались обоими пока совсѣмъ несбыточными, такъ какъ все тутъ зависѣло отъ денегъ. Надо было сначала кончать курсъ и отыскивать службу.

Помнитъ также Вяхиревъ чудный майскій день. Онъ уѣхалъ съ Марьей Ивановной (съ разрѣшенія супруга) за городъ, въ березовый лѣсъ. Весна стояла теплая, все цвѣло, все звало къ жизни... Гуляя по тропинкѣ, они вышли на лужайку, гдѣ изумрудная трава была, какъ снѣгомъ, покрыта множествомъ ландышей. Оба кинулись рвать букеты и весело хохотали. Павелъ Петровичъ сравнилъ

---

[1]) Чакалки—шакалы.

себя съ аркадскимъ пастушкомъ, а Марью Ивановну съ пастушкой; они у свѣтлаго ручья плетутъ вѣнки и стерегутъ милыхъ козочекъ и овечекъ!... Это сравненіе еще больше развеселило счастливцевъ...

День прошелъ незамѣтно, надо было подумать объ обратномъ пути. Нехотя собрались въ путь, гдѣ-то отпустили своего извозщика и медленно пошли пѣшкомъ по улицамъ шумной столицы.

— А вотъ и моя квартира!—сказалъ Вяхиревъ, указывая на огромный домъ, съ вывѣской «меблированныя комнаты».

— Неужели? Зайдемте отдохнуть! — сорвалось у Марьи Ивановны.

Черезъ полчаса оба сидѣли уже на старенькомъ диванчикѣ холостой студенческой квартиры. Какъ хороша казалась Павлу Петровичу молодая гостья, когда она сняла свою шляпку, и свѣтлые волосы густыми кудрями разсыпались по плечамъ!... Какъ ярко пылалъ румянецъ, какъ свѣтились сѣрые глазки!...

Сумерки становились все темнѣе. Въ противоположномъ домѣ, въ окнѣ вспыхнулъ красноватый огонекъ зажженной лампы. А на диванчикѣ сидѣли и бесѣдовали два существа, забывъ обо всемъ на свѣтѣ...

— Господи, какая вы хорошенькая!—шепотомъ сказалъ наивный Павелъ Петровичъ.

Она вскинула на него глазами и отвернулась. Бѣлая шейка такъ изящно охватывалась воротничкомъ и такъ плѣнительно сверкала своей нѣжной кожей, что юноша закрылъ глаза... онъ не смѣлъ, онъ боялся...

Вдругъ Марья Ивановна быстро обернулась, обхватила его шею своими изящными ручками и начала цѣловать въ лобъ, глаза, губы...

...Молодая женщина нисколько не скрывала передъ мужемъ своихъ отношеній къ Вяхиреву. Сначала бѣлобрысый хотѣлъ было сдѣлать женѣ сцену, но ничего не вышло, а затѣмъ махнулъ рукой: ему въ это время было не до того, такъ какъ онъ выигралъ огромный процессъ богатому жиду и получилъ порядочный кушъ, слѣдовательно, онъ былъ счастливъ!...

Марья Ивановна часто бывала на квартирѣ у Павла Петровича, познакомилась даже съ нѣкоторыми изъ его товарищей и почти перестала выѣзжать. Тутъ наступили экзамены. Вяхиревъ началъ уже мечтать о мѣстѣ, о томъ, какъ бы пристроиться къ больницѣ, въ качествѣ ординатора.

Вдругъ онъ узнаетъ, что его милая «Маруся» должна сдѣлаться матерью. Какое-то странное чувство сжало сердце; теперь какъ будто самыя ихъ отношенія сдѣлались серьезными, законными. Маруся стала выше въ его глазахъ, дороже. Онъ ее ни за что не уступитъ мужу, увезетъ куда нибудь подальше... Марья Ивановна

вполнѣ положилась на Павла Петровича. Казалось, никакого облака не было на горизонтѣ.

Послѣдній, самый трудный экзаменъ кончился. Нѣсколько десятковъ молодыхъ врачей прямо изъ залы академіи двинулись въ гостинницу, гдѣ обыкновенно устроивается прощальная товарищеская трапеза, и пропировали тамъ до разсвѣта. Когда уже безчисленные тосты прекратились, когда изобрѣтательность распорядителей въ этомъ отношеніи изсякла, одинъ товарищъ Вяхирева, знакомый съ его романомъ, налилъ вина и вполголоса сказалъ Павлу Петровичу:

— Ну, дружище, позволь пожелать тебѣ и твоей Марусѣ полнѣйшаго счастья!... Вы оба, кажется, сошлись не по разсчету, стало быть, залогъ на возможное благополучіе существуетъ. Дай Богъ вамъ всего хорошаго!—Вяхиревъ осушилъ стаканъ и съ чувствомъ пожалъ руку товарища; онъ былъ даже нѣсколько растроганъ такимъ вниманіемъ, и на глазахъ появились слезы.

Совсѣмъ ужъ было свѣтло, когда Павелъ Петровичъ вернулся въ свою квартиру.

— Завтра,—думалъ онъ,—пойду къ Марусѣ и скажу, что я готовъ теперь начать новую жизнь. Какъ нарочно, приглашаютъ врача въ Сыръ-Дарьинскую область, и никто не рѣшается ѣхать въ такую даль. Какъ только все кончится, махнемъ въ Азію! То-то заживемъ!

Онъ сѣлъ на диванчикъ, на то мѣсто, гдѣ такъ часто сиживала Марья Ивановна, и началъ обдумывать всѣ подробности предстоящаго дальняго путешествія. Машинально взглянулъ онъ на столъ, стоявшій тутъ же, сбоку около дивана, и увидѣлъ на немъ письмо. Предчувствуя что-то недоброе, Вяхиревъ схватилъ конвертъ и, подойдя къ окну, въ которое брызнули первые лучи восходящаго солнца, дрожащими пальцами развернулъ листокъ.

На хорошенькой бумажкѣ, съ буквою М въ углу, стояло слѣдующее:

«Павелъ Петровичъ! Третьяго дня утромъ у меня родился сынъ. Когда мнѣ положили на руки маленькое, безпомощное существо, я сама не знаю, что со мной сдѣлалось. Я такъ полюбила сразу это красненькое тѣльце, оно стало для меня дороже всего на свѣтѣ! И я поклялась заботиться о немъ и посвятить всю мою жизнь на его воспитаніе. Я долго думала и пришла къ такому выводу: мнѣ необходимо остаться навсегда у нелюбимаго мужа, онъ дастъ мнѣ необходимыя средства, я буду жить, какъ прежде, не испытывая никакихъ лишеній. Если бы я, въ самомъ дѣлѣ, переѣхала къ вамъ на квартиру, что бы я получила? Отсутствіе всякаго комфорта, къ которому такъ привыкла, и безконечный трудъ впереди, котораго я никогда не испытывала. Богъ вѣдаетъ еще, когда вы получите мѣсто, а для того, чтобы жить съ ребенкомъ втроемъ, тре-

буются большія траты. Вы не можете содержать меня такъ, какъ я этого желаю; поэтому простимся навсегда и пойдемъ разными дорогами. Пожили, повеселились, испытали возможное счастье... чего же больше? Вѣдь у другихъ и этого не было! Итакъ, прощайте.

«P. S. Сынъ ужасно похожъ на васъ. Пишу на подушкѣ, поэтому простите за невозможный почеркъ».

Павелъ Петровичъ прочелъ разъ, прочелъ другой, и сразу не могъ сообразить: видитъ ли онъ все наяву, или это страшный кошмаръ. Неужели бездушное письмо, которое онъ держитъ въ рукахъ, писано его Марусей? Можно ли такъ хладнокровно и безсердечно взвѣшивать жизнь съ богатымъ нелюбимымъ мужемъ и жизнь съ нимъ, котораго она боготворила, ласкала? Неужели все было только одно притворство? Что же это за женщина?

И чѣмъ больше онъ вдумывался, тѣмъ безотраднѣе казалось ему его положеніе. Цѣлый день Вяхиревъ ходилъ какъ потерянный.

Послѣ долгихъ размышленій было рѣшено немедленно же ѣхать въ Азію.

И дѣйствительно, черезъ недѣлю поѣздъ мчалъ разочарованнаго медика далеко отъ холодной столицы, гдѣ живутъ такія холодныя сердца.

Прошло пять лѣтъ. Вяхиревъ работалъ, трудился... Наконецъ, выхлопоталъ отпускъ въ Питеръ, и, странное дѣло, опять какое-то щемящее чувство заговорило въ немъ, опять ему захотѣлось взглянуть на Марусю и своего сына, котораго еще ни разу не видѣлъ.

А тутъ, какъ нарочно, путь такъ безконечно длиненъ!

Наконецъ, мечты стали путаться, Павелъ Петровичъ положилъ голову на кожаную подушку и забылся крѣпкимъ сномъ человѣка, измученнаго дорогой въ средне-азіатскихъ пустыняхъ.

Предразсвѣтный вѣтерокъ налетѣлъ на бивуакъ. Потухавшій огонекъ заметался, задымилъ... Какая-то бумажка покатилась по песку и запуталась въ брошенной веревкѣ. Стреноженная лошадь шумно вздохнула и еще ниже наклонила голову.

Шукуръ, сидя на барханѣ, плотнѣе завернулся въ свой синій халатъ.

IV.

Шукуръ тоже мечталъ, тоже думалъ. И ему припомнилась вся короткая, быстро промелькнувшая жизнь.

Онъ не зналъ ни отца, ни матери. Съ самаго ранняго дѣтства жилъ онъ у одного сарта въ Самаркандѣ и исполнялъ всякую тяжелую работу, какъ закабаленный рабъ, какъ вьючное животное. Какимъ образомъ попалъ мальчикъ къ сарту, никто никогда не говорилъ, а самъ Шукуръ этимъ не интересовался: къ чему? не

все ли равно жить, зная своихъ предковъ, или нѣтъ? развѣ онъ не станетъ пасти овецъ, убирать дворъ, ходить за лошадьми, если ему скажутъ имя отца, матери, мѣсто родины?

Однимъ словомъ, Шукуръ былъ азіатъ въ полномъ значеніи этого слова и вѣрилъ въ судьбу. Чему быть, того не миновать, значитъ, приходится покоряться и меньше думать.

Только вотъ теперь, въ настоящую минуту не думать онъ не могъ. Причина была очень важная.

Помнитъ Шукуръ тотъ ужасный день, когда русскія войска заняли Самаркандъ. Его хозяинъ былъ убитъ въ рядахъ нестройной конницы, которая набиралась изъ горожанъ и туземцевъ вообще, способныхъ носить оружіе. Необученная военному дѣлу, не дисциплинированная, она при первомъ же выстрѣлѣ непріятеля разсѣялась, оставивъ на полѣ битвы десятки убитыхъ. Въ числѣ труповъ оказался и сартъ, пріютившій Шукура.

Семья убитаго, жившая въ саклѣ на окраинѣ города, куда-то исчезла, и пока гремѣла пальба, Шукуръ сидѣлъ въ кукурузѣ, на огородѣ. Наступилъ вечеръ. Русскіе солдатики свободно гуляли по городу, крѣпость превратилась въ казармы, гдѣ веселились и отдыхали «бѣлыя рубахи». Многіе горожане пожелали остаться на своихъ мѣстахъ, остался и Шукуръ въ пустой саклѣ.

Скоро бо̀льшая часть войска ушла въ Бухарскія владѣнія, оставивъ небольшой гарнизонъ. Тутъ-то самаркандцы поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и кинулись на горсть русскихъ. Какой-то смѣльчакъ солдатикъ съумѣлъ выбраться изъ города и поскакалъ къ своимъ дать знать объ опасности и просить выручки. И дѣйствительно, часть войска вернулась, городъ былъ вторично взятъ приступо́мъ и отданъ на расправу побѣдителямъ. Что тутъ было— передать невозможно! Притаившись въ высокой башенкѣ, какія обыкновенно строятъ на огородахъ для того, чтобы оттуда обозрѣвать засѣянную кукурузу и джугару, Шукуръ видѣлъ, какая бойня началась на улицахъ. Озлобленные вѣроломствомъ солдаты не щадили ни старыхъ, ни малыхъ... Рѣзали мужчинъ, душили дѣтей, рубили женщинъ... Со смѣхомъ тащили плѣнниковъ и кидали ихъ въ пылающія зданія... Грабежъ считался дѣломъ самымъ невиннымъ: каждый тащилъ что попало — лошадь, дѣвушку, серебро, ковры и всякую рухлядь и тутъ же продавалъ желающимъ... Кругомъ подымался дымъ черный и смрадный, горѣли склады клевера, магазины хлѣба, товары, сложенные въ лавкахъ... Слышны были крикъ, плачъ, хохотъ, рыданія...

Шукуръ не участвовалъ въ защитѣ города. Онъ больше всего заботился о своей безопасности. Когда хозяинъ сѣлъ на лошадь и вооружился мултукомъ [1]), кинжаломъ и саблей, молодому и силь-

---

[1]) Мултукъ—фитильное ружье.

ному парню поручено было охранять саклю; но, какъ только стало извѣстнымъ, что русскіе уже въ городѣ, онъ сообразилъ, что напрасна будетъ попытка сопротивляться, и запрятался въ кукурузу на огородѣ. Такъ же поступилъ Шукуръ во время вторичнаго взятія Самарканда.

Когда грабежъ и насиліе побѣдителей прекратились, онъ вылѣзъ изъ своей засады и, какъ голодное животное, кинулся въ хозяйскіе склады. Тамъ все было цѣло. Онъ досталъ сыръ, кукурузныя лепешки и съ остервенѣніемъ утолилъ голодъ.

Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ: что же теперь дѣлать? Чувствуя къ русскимъ паническій страхъ и ни малѣйшей симпатіи, молодой азіатъ рѣшился уйти, куда глаза глядятъ, но только чтобъ не служить гяурамъ.

Въ одну темную ночь, ползкомъ, прячась за камни и строенія, Шукуръ выбрался изъ Самарканда и пошелъ по дорогѣ. На пути встрѣчались русскіе солдаты, но никто не обращалъ вниманія на бѣглеца, такъ какъ онъ былъ безъ всякаго оружія и ничего воинственнаго или подозрительнаго своею фигурой не представлялъ.

Скоро онъ набрелъ на разрушенный кишлакъ [1]). Въ обгорѣвшихъ и изломанныхъ зданіяхъ пріютились сарты, тоже бѣжавшіе изъ Самарканда. Они приняли Шукура, и всѣ вмѣстѣ, черезъ много дней, очутились въ Хивѣ.

Здѣсь Шукуръ нанялся къ одному богатому купцу ходить за лошадьми. Сдѣлавшись такъ неожиданно «джигитомъ» именитаго горожанина, нашъ юноша считалъ себя вполнѣ счастливымъ, и каждый вечеръ на молитвѣ благодарилъ Аллаха за ниспосланное счастье.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

V.

Однажды Мустафа (такъ звали хивинца, у котораго служилъ Шукуръ) ѣхалъ по улицѣ, направляясь въ чай-хана [2]) выпить чашку кокъ-чая [3]) и выкурить кальянъ.

Купецъ сидѣлъ молодцомъ на своемъ жирномъ бѣломъ конѣ. Не смотря на нѣкоторую тучность и шестьдесятъ лѣтъ, онъ не считалъ себя старикомъ и не пропускалъ нигдѣ ни одной тамаши [4]), гдѣ танцовали бачи [5]). Гаремъ его постоянно обновлялся

---

[1]) Кишлакъ—деревня, поселокъ.

[2]) Чай-хана—нѣчто въ родѣ гостинницы или клуба, гдѣ собираются правовѣрные потолковать и посплетничать.

[3]) Кокъ-чай—зеленый чай.

[4]) Тамаша—собраніе, вечерника, празднество.

[5]) Бача—красивый мальчикъ, танцоръ.

новыми невольницами, а тѣхъ, которыя ему казались постарше, умѣлъ пристроивать къ кому нибудь.

День былъ базарный. Народъ толкался, шумѣлъ. Ишаки [1]) кричали во все горло, точно съ нихъ сдирали кожу. Верблюды ревѣли. Визгливо выкрикивали продавцы воды, которая колыхалась въ большихъ турсукахъ, переброшенныхъ черезъ сѣдло лошади. Пыль густымъ красноватымъ туманомъ носилась надъ площадью.

Мустафа еле пробирался въ толпѣ. Шукуръ трусилъ на своей савраскѣ за хозяиномъ.

На поворотѣ къ чай-хана имъ встрѣтился молодой хивинецъ, сынъ очень влiятельнаго бека. Онъ былъ также верхомъ, на золотисто-рыжемъ аргамакѣ, сбруя котораго сверкала серебромъ и бирюзой. Мустафа подъѣхалъ вплотную къ всаднику, взялъ его руку въ обѣ свои, подержалъ нѣсколько секундъ и прiятно улыбнулся. Затѣмъ оба заговорили такъ громко, какъ будто оба страдали глухотой.

— Куда ѣдешь? Куда путь держишь?—кричалъ Мустафа.

— На базаръ, къ жиду Ибрагиму,—отвѣчалъ сынъ бека.

— Что у него хорошаго?

— Много хорошаго! Ахъ, какъ много хорошаго!

— Что же такое?

— Плѣнниковъ отъ тюркменъ привели, много красавицъ продаетъ!

— А!? Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ, авось, что нибудь и купимъ.

Мустафа завернулъ своего бѣлаго жеребца и, проѣхавши площадь, оба хивинца очутились въ узкомъ переулкѣ, передъ запертой калиткой.

Надъ глинянымъ сѣрымъ заборомъ свѣшивалась могучая крона карагача; рядомъ стояло нѣсколько стройныхъ пирамидальныхъ тополей.

— Эй, Шукуръ, стучи хорошенько!—крикнулъ Мустафа.

Джигитъ соскочилъ съ савраски и ударилъ кулакомъ нѣсколько разъ въ калитку. Почти тотчасъ же она отворилась, и сѣдой еврей, въ полуазiатскомъ костюмѣ, показался на порогѣ.

— Товаръ есть?—спросилъ купецъ.

— Есть. Войдите и посмотрите, — отвѣчалъ Ибрагимъ, низко кланяясь передъ знакомыми покупателями, съ которыхъ получилъ уже не мало золота за разный товаръ, преимущественно же—живой.

Всѣ вошли на дворикъ, и калитка опять очутилась на запорѣ.

Въ особомъ домикѣ съ широкой дверью, но безъ оконъ, и состоящемъ только изъ одной просторной комнаты, разостланъ коверъ, лежатъ сартовскiя пестрыя подушки, сшитыя въ видѣ толстыхъ упругихъ валиковъ изъ канауса. Пугливой толпой жмутся

---

[1]) Ишакъ—оселъ.

въ углу шесть женщинъ. Всѣ онѣ еще очень молоды, старшей не болѣе 15—16 лѣтъ. Черные глаза съ недовѣріемъ смотрятъ на гостей, миловидныя личики блѣдны, темныя и длинныя косы въ безпорядкѣ лежатъ по плечамъ.

Вся одежда плѣнницъ состоитъ изъ бѣлой рубашки безъ рукавовъ, сшитой на подобіе халата, то-есть съ разрѣзомъ на переди, сверху до низу. Полы запахнуты и подвязаны узкимъ темно-синимъ поясомъ.

Подобный костюмъ, конечно, нисколько не скрываетъ античныхъ формъ женщинъ; когда покупщикъ разсматриваетъ товаръ, то и эти покровы сбрасываются, и каждый членъ тѣла подвергается самому тщательному осмотру. Однимъ словомъ, поступаютъ такъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, при покупкѣ лошади.

Глаза у сына бека разгорѣлись. Онъ подошелъ къ одной дѣвушкѣ и взялъ ее за подбородокъ, чтобы лучше всмотрѣться въ черты ея лица.

— Якши! копъ якши!—твердилъ онъ.

Мустафа тоже любовался красавицами.

— А гдѣ же еще одна?—спохватился жидъ.—Ахъ, вонъ она! Посмотрите-ка туда.

Покупатели и Шукуръ, стоявшій у дверей все время, розиня ротъ, взглянули въ отдаленный уголъ.

Тамъ, съежившись и завернувшись въ огромное сартовское одѣяло, сидѣла на коврѣ фигура. Издали можно было принять ее за какой нибудь узелъ,—до такой степени она была неподвижна.

— Нѣтъ, вы хорошенько посмотрите!—повторилъ Ибрагимъ и, подойдя къ плѣнницѣ, сильно рванулъ за одѣяло. Пестрыя складки раскрылись, и глазамъ покупателей представилась совершенно голая женщина, покрытая сверху до низу роскошной волной своихъ черныхъ, блестящихъ волосъ.

— Вотъ такъ волосы!—невольно прешепталъ Мустафа.

Ибрагимъ взялъ женщину за руку и заставилъ встать на ноги. Сконфуженная и робкая, нехотя выпрямилась красавица. Стыдливо куталась она въ распущенные волосы и только изрѣдка вскидывала на посѣтителей чудными темно-сѣрыми очами.

Мустафа совсѣмъ остолбенѣлъ. Онъ не могъ оторваться отъ этого стройнаго стана, изящныхъ членовъ, идеально-прекрасной головки и пожиралъ глазами смуглое молодое тѣло.

— Отчего же на ней никакого платья нѣтъ?—спросилъ сынъ бека, которому также понравилась красавица съ такими великолѣпными волосами.

Ибрагимъ засмѣялся и разсказалъ слѣдующее.

— Ее такъ и привезли туркмены третьяго дня. Она совсѣмъ было захворала; вѣдь ночи холодныя, а ей дали только лошадиную попону для покрышки. Мужчинъ въ караванѣ всѣхъ пере-

били, а ее насилу могли взять. Никакъ нельзя было сладить, всѣхъ кусаетъ, царапаетъ... Ну, вотъ во время борьбы на ней все и изорвали. Везли совсѣмъ голую, только здѣсь дали какую-то дрянь прикрыть наготу. Ужасно, должно быть, характерная дѣвка! Какъ сѣла вчера въ уголъ, окуталась въ одѣяло, такъ вотъ все время и сидитъ, не ѣстъ и не пьетъ. Конечно, вышколить можно!

— Вотъ вѣдь какая!... а ужъ какъ хороша!... якши, копъ-якши!—твердилъ сынъ бека.

— Я ее у тебя покупаю!—рѣшилъ Мустафа.

— Нѣтъ, Мустафа, уступи мнѣ, пожалуйста, уступи! — обратился къ купцу молодой хивинецъ.

— Ни за что! Ибрагимъ, она—моя! Сколько хочешь за нее?

Сынъ бека сверкнулъ глазами, проворчалъ что-то, должно быть, не особенно лестное по адресу старика и, быстро повернувшись, направился къ калиткѣ.

Жидъ пошелъ слѣдомъ, задвинулъ засовъ и вернулся къ Мустафѣ, который не могъ отойдти отъ плѣнницы.

Шукуръ, стоя у дверей, превратился въ статую: онъ никогда не бывалъ въ гаремахъ, никогда не видалъ столько женщинъ, и вдругъ—здѣсь цѣлый рай Магомета! У него замирало сордце, темнѣло въ глазахъ.

— Ну, говори же скорѣй цѣну, старый чортъ! — крикнулъ Мустафа, выведенный изъ терпѣнія медленностью жида.

— Сто золотыхъ.

— Ты съ ума сошелъ! Хочешь пятьдесятъ?

— Ни копѣйки меньше!

Ибрагимъ подошелъ къ красавицѣ и сталъ ей поправлять волосы на головѣ такъ, чтобы можно было лучше разглядѣть идеальный профиль, пунцовыя губки и точно нарисованныя брови.

— Вотъ что!—предложилъ купецъ, входя въ азартъ все болѣе и болѣе:—хочешь, сдѣлаемъ такъ: я дамъ тебѣ пятьдесятъ золотыхъ и всѣхъ трехъ моихъ рабынь изъ гарема. Ты ихъ хорошо знаешь,—вѣдь у тебя купилъ! Развѣ онѣ не хороши? а?... бери ихъ всѣхъ, а мнѣ отдай одну эту.

Жидъ постоялъ, подумалъ и пощипалъ кончикъ своей длинной сѣдой бороды.

— Ну, для тебя только, Мустафа, соглашаюсь на такую невыгодную сдѣлку!... Вѣдь сынъ бека придетъ, навѣрно, сегодня вечеромъ и двѣ сотни дастъ, а то, пожалуй, и всѣ три.

— Ну, что же, пусть приходитъ! Ты ему какую нибудь изъ моихъ продашь. Развѣ онѣ дурны? старшей всего 15 лѣтъ! а какія онѣ у меня теперь жирненькія да бѣленькія стали, просто прелесть!

— Пусть будетъ такъ,—рѣшилъ Ибрагимъ.—Только какъ же ты возьмешь отъ меня вотъ эту штучку? Вѣдь не повезешь же ее

голою? Я вотъ что придумалъ: у меня есть хорошенькій костюмъ (по случаю купилъ); ей онъ будетъ какъ разъ въ пору. Купи для нея!

— Давай скорѣе.

— Сію минуту достану.

И жидъ стремглавъ бросился къ себѣ на задній дворикъ, гдѣ помѣщалась кладовая.

Мустафа, какъ бы чувствуя уже нѣкоторое право хозяина, сталъ гладить по головѣ и плечамъ свою новую рабыню.

— Какъ тебя зовутъ, мой соловей?—спросилъ онъ, придавая самый ласковый оттѣнокъ своему голосу.

Красавица молчала, потупивъ очи и закрывая лице волосами.

— Ну, скажи, скажи, мой лепестокъ розы, какъ тебя зовутъ?

— Юлдузъ,—еле прошептала она.

— Юлдузъ! какое прекрасное имя [1]), оно такъ идетъ къ тебѣ!.. Ты откуда?

— Изъ Мерва.

— У кого жила?

— У одного купца, онъ меня недавно купилъ въ Афганистанѣ.

Въ это время прибѣжалъ жидъ. Онъ принесъ не только рубашку, но даже шелковый халатъ и черную волосяную сѣтку, которою закрываютъ лице женщины, даже красные сафьяновые сапоги съ калошами и другія принадлежности костюма...

— Вотъ это хорошо, ай да Ибрагимъ!—твердилъ Мустафа, помогая одѣвать красавицу.—Эй, Шукуръ, бѣги сейчасъ, найми арбу, и мы увеземъ покупку домой.

Черезъ четверть часа Юлдузъ вскарабкалась у калитки на арбу, Мустафа расплатился съ Ибрагимомъ, и вмѣстѣ съ Шукуромъ усѣлись на своихъ коней.

Высочайшія колеса арбы громыхали по выбоинамъ и ямамъ улицы и взбрасывали легкое облачко пыли.

На базарѣ стояла та же толкотня, тотъ же гамъ. Въ воздухѣ сильно парило. Издалека доносились слабые раскаты грома.

Сидя на савраскѣ, Шукуръ не могъ сообразить, видѣлъ ли онъ чудный сонъ, или же это дѣйствительность. Неужели онъ будетъ такъ близко жить около Юлдузъ? Неужели онъ будетъ имѣть возможность хоть изрѣдка, украдкой видѣть это чудное существо?

Бѣдный малый совсѣмъ одурѣлъ и не спускалъ глазъ съ фигуры невольницы, которая сидѣла подъ навѣсомъ арбы, закрытая съ головой синимъ халатомъ. Онъ почти не помнилъ, какъ доѣхали домой, какъ Мустафа распорядился посадить на ту же арбу своихъ трехъ красавицъ, не ожидавшихъ такого сюрприза, и какъ Юлдузъ исчезла въ узкомъ проходѣ, ведущемъ въ гаремное помѣщеніе.

---

[1]) Юлдузъ—звѣзда.

VI.

На заднемъ дворикѣ стараго купца находилось гаремное помѣщеніе. Оно состояло изъ нѣсколькихъ совершенно отдѣльныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались часто мѣняющіяся невольницы Мустафы. Теперь всѣ эти уютные и прохладные пріюты опустѣли, и только въ одномъ жила Юлдузъ.

Тутъ же возвышалось узкое двухъ-этажное зданіе; въ верхнемъ этажѣ жили и плодились голуби, въ нижнемъ—куры. До этихъ птицъ Мустафа былъ великій охотникъ и развелъ ихъ видимо-невидимо. Огромныя тучи турмановъ цѣлыми днями кружились въ голубомъ небѣ надъ саклей, а отъ воркованья и шума крыльевъ, когда вся эта крылатая команда спускалась на землю клевать кормъ, стонъ стоялъ въ воздухѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Крики пѣтуховъ, кудахтанье куръ, особенный какъ бы плачущій хохотъ египетскихъ голубей способствовали еще большему оживленію задняго дворика богатаго купца.

Всѣмъ пернатымъ царствомъ завѣдывала глухая кухарка съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ, одѣтая въ длиную синюю рубаху, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Одинъ конецъ этого тюрбана окутывалъ шею старухи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней лежала еще обязанность вести строгій надзоръ надъ гаремомъ. Она носила странное имя «Анвасиль», которое есть искаженное—Анна Васильевна. Много лѣтъ тому назадъ ее привезли плѣнницей изъ-подъ Оренбурга и продали Мустафѣ. Въ качествѣ жены пробыла она, однако, не долго, такъ какъ лишилась глаза, оглохла и вообще быстро поблекла, тоскуя по родной сторонѣ. И вотъ Анвасиль дѣлается кухаркой, которой пребываетъ уже чуть не двадцать лѣтъ.

Какъ-то разъ Мустафы не было въ Хивѣ. Стоялъ невыносимый полуденный зной; все живое попряталось. Даже голуби и куры притихли. Шукуръ, не зная куда дѣваться отъ тоски, тихонько направился на задній дворикъ. Маленькая площадка, окруженная со всѣхъ сторонъ строеніями, сверкала подъ яркими лучами солнца. Короткія тѣни отъ навѣсовъ казались темно-лиловыми.

Отважный джигитъ сунулся въ одну дверь—заперта, въ другую—тоже, въ третью—тоже. Всѣ маленькія каморки оказались накрѣпко закрытыми: въ однѣхъ хранились хозяйственныя принадлежности, другія оставались пустыми послѣ того, какъ три женщины, составлявшія гаремъ Мустафы, отправлены были къ жиду.

Шукуръ, конечно, предполагалъ заглянуть въ отдѣленіе, гдѣ помѣщалась Юлдузъ. Ему хотѣлось хоть однимъ глазкомъ увидѣть спящую красавицу.

Только въ дальнемъ углу дворика темнѣла полуотворенная дверца. Тихонько заглянулъ туда Шукуръ и увидѣлъ Анвасиль, спящую

на толстомъ сартовскомъ одѣялѣ, разостланномъ на полу. Благодаря своей глухотѣ, она, конечно, не могла слышать легкихъ шаговъ джигита и продолжала сладко похрапывать. Цѣлый рой мухъ вертѣлся надъ ея раскрытымъ ртомъ. Кругомъ, по стѣнамъ, стояли разной величины сундуки, помѣщались большіе стѣнные часы съ одной гирей, остановившіеся на девяти, а въ углу висѣлъ деревянный крестъ.

Равнодушно посмотрѣлъ на все это Шукуръ и, огорченный неудачей, побрелъ къ себѣ въ конюшню.

Надъ конюшней находились обширные сѣновалы, гдѣ почти всегда было запасено много клевера и вообще сѣна. Въ одномъ мѣстѣ въ стѣнѣ образовалась трещина, черезъ которую можно было видѣть гаремный дворикъ и наблюдать, что тамъ происходитъ.

И странное дѣло, прежде нашему джигиту никогда и въ голову не приходило заглядывать въ эту щель; теперь же все пошло по иному. Съ тѣхъ поръ какъ Юлдузъ поступила въ вѣдѣніе Анвасиль, не проходило часа, чтобы любопытные глаза влюбленнаго молодца не устремлялись на рѣзную дверь, ведущую въ комнату красавицы. Притаивъ дыханіе, онъ слѣдилъ за появленіемъ и исчезаніемъ миловиднаго личика, за тѣмъ, какъ она разговаривала съ Анвасиль, за тѣмъ, какъ она несетъ воду въ мѣдномъ кунганѣ. Однимъ словомъ, почти каждый шагъ молодой женщины былъ Шукуру извѣстенъ.

Изъ своего обсерваціоннаго пункта онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ линіи крышъ, колоннъ, дверей; ему сталъ извѣстенъ каждый камень, каждая выбоина, каждая ямочка на дворѣ. Какимъ знакомымъ казался ему довольно обширный четырехъугольный бассейнъ, расположенный посреди двора. Изъ бассейна шли арыки для поливки сада, хотя и небольшаго, но наполненнаго старыми тутовыми деревьями, карагачами, тополями. Шукуръ зналъ чуть не каждый сучекъ, выдѣлявшійся на голубомъ небѣ.

Зато какою ревностью горѣло сердце, когда Мустафа появлялся здѣсь. Анвасиль съ поклономъ скрывалась въ кухнѣ, а хозяинъ властно направлялся въ комнату Юлдузъ.

Шукуръ сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами.

— Проклятый старый шайтанъ, — ворчалъ онъ. — Не бывать этому! Нѣтъ, не бывать!

Какіе ужасные дни потянулись для джигита! Онъ до сихъ поръ не можетъ вспомнить о нихъ безъ содроганія.

Онъ придумывалъ разныя хитрости, чтобы повидаться съ красавицей, но все выдуманное сказывалось несбыточнымъ. Главное, онъ не зналъ, какъ отнесется Юлдузъ къ его признанію, даже просто — къ свиданію. Быть можетъ, она разскажетъ хозяину о

дерзости влюбленнаго, и, безъ дальнихъ церемоній, ему влѣпятъ сотню на чаекъ въ спину... Это—еще самое легкое изъ наказаній!

Думалъ также Шукуръ обратиться къ Анвасиль, прося ея помощи, но... проклятая старуха строга и, пожалуй, задастъ ему такого трезвону, что не найдешь дороги къ себѣ въ конюшню. Ко всему этому, съ ней почти невозможно разговаривать, вѣдь она совсѣмъ почти глуха, а о такихъ вещихъ нельзя же кричать на весь дворъ.

Время шло, любовь разгоралась, и надо было на что нибудь рѣшиться. Рѣшеніе послѣдовало такого рода: надняхъ у Мустафы будетъ большая тамаша. Какъ хозяину, Мустафѣ предстоитъ много дѣла, народу соберется пропасть. Вотъ въ самый разгаръ танцевъ можно проникнуть къ Юлдузъ и излить передъ ней все, что наболѣло на сердцѣ. Неужели она не захочетъ выслушать? На этомъ пока остановился Шукуръ.

А что дальше?—не хотѣлось заглядывать въ будущее, не хотѣлось подводить итоги. Неугомонное сердце трепетало и не думало подчиниться голосу благоразумія.

VII.

Наконецъ, наступилъ вечеръ тамаши. Небольшая площадка передъ крыльцомъ, выходившимъ въ садъ изъ большаго дома стараго хивинца, устлана коврами. Кругомъ висятъ разноцвѣтные фонарики; по угламъ стоятъ высокіе деревянные поставцы со свѣчами, дымятся смоляные длинные факелы. Однимъ словомъ, Шукуръ никогда не видывалъ такого великолѣпнаго и праздничнаго освѣщенія.

Народу собралась масса. Переулокъ передъ входомъ въ усадьбу Мустафы запруженъ верховыми лошадьми въ богатыхъ сѣдлахъ и толпою джигитовъ, которые остались караулить коней, а надъ самой входной калиткой, на высокомъ шестѣ, болтался огромный красный фонарь изъ промасленнаго кумача.

На устланную площадку явились музыканты. Одинъ со скрипкой, конецъ которой во время игры упирается въ колѣни, другой — съ огромнымъ бубномъ, а третій — съ горшкомъ внушительныхъ размѣровъ, съ отверстіемъ, затянутымъ кожей.

Когда они усѣлись подъ деревьями, передъ ними поставили жаровню. Тотъ изъ музыкантовъ, у котораго въ рукахъ былъ горшокъ, тщательно сталъ нагрѣвать натянутую кожу надъ угольями, изрѣдка ударяя въ нее пальцами. Раздавались глухіе звуки, похожіе на звуки турецкаго барабана.

Наконецъ, всѣ приготовленія кончились, и, по знаку Мустафы, грянула музыка, дикая, нестройная.

Публика засуетилась. Каждому захотѣлось занять получше мѣстечко; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на узкую дверь, за которой скрывался бача, извѣстный во всей Хивѣ за самаго искуснаго танцора, и о красотѣ котораго слышалъ даже самъ всемогущій ханъ. Слава Аллаху! обѣ узорчатыя створки распахнулись, и изъ темнаго четырехугольника развязно вышелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати.

Стройная фигурка скрывалась въ широкихъ складкахъ краснаго шелковаго халата, на головѣ надѣтъ былъ парикъ, заплетенный въ сотню мелкихъ и длинныхъ черныхъ косъ, и красивая желтая повязка съ блестками. Серебряный поясокъ стягивалъ талію. Ноги оставались босыми, но на нихъ звенѣли браслеты съ бубенчиками. Въ общемъ бача представлялъ изъ себя красивую дѣвушку.

Толпа заревѣла отъ восторга. Танцоръ снисходительно поклонился, кивнувъ головкой, и усѣлся посреди ковра. Небрежно развалясь на мягкихъ подушкахъ, онъ окинулъ взглядомъ всю эту толпу, и въ черныхъ глазахъ его сверкнуло сознаніе силы своей чарующей красоты.

Музыка играла все громче и громче. Хозяинъ и гости суетились и наперерывъ подносили этому кумиру душистый, горячій чай въ голубой китайской чашкѣ. Мальчикъ важно лежалъ и принималъ всѣ знаки вниманія, какъ нѣчто должное, необходимое.

Но вотъ онъ всталъ. Десятки рукъ потянулись и сняли съ него халатъ. Бача остался въ бѣлой, длинной, полупрозрачной рубашкѣ съ широкими рукавами и подпоясанной голубой лентой.

Хивинцы совсѣмъ остервенѣли, музыка участила темпъ. Мальчикъ прошелся по краю большаго ковра, медленно и плавно разводя руками, потомъ, слегка припрыгивая въ тактъ, ускорилъ шагъ и, наконецъ, остановившись посрединѣ, сразу опрокинулся назадъ, голова съ косами почти коснулась земли, а торсъ изогнулся въ дугу.

Этотъ меневръ вызвалъ у зрителей взрывъ неистовыхъ криковъ одобренія.

Бача неспѣша выпрямился, перевелъ духъ и началъ крутиться. Движенія становились быстрыми, страстными, порывистыми. Онъ то вертѣлся, то изгибался змѣей. Выхоленное бѣлое тѣло трепетало и, казалось, каждую минуту готово было сбросить съ себя легкую рубашку. Иногда мальчикъ останавливался и громко произносилъ речитативъ, на что толпа отвѣчала хоромъ, ударяя въ ладоши и въ тактъ музыки. Потомъ слѣдовало опять круженіе, прерываемое небольшими антрактами. Тогда со всѣхъ сторонъ протягивались руки съ чашками чая; бача нехотя бралъ, отпивалъ глотокъ и отдавалъ обратно какому нибудь наиболѣе вліятельному и богатому гостю.

Отличіе это возбуждало всеобщую зависть и слышались громкіе возгласы:

— Счастливецъ!... ты получилъ жизнь отъ цвѣтка востока!

Послѣдній танецъ кончился тѣмъ, что мальчикъ, стоя на мѣстѣ, завертѣлся до такой степени быстро, что вся его фигура превратилась въ какой-то туманный столбъ; сверкали только бѣлыя руки и ноги, обнажившіяся выше колѣнъ.

Когда послѣ такого эффектнаго финала танцоръ, обезсиленный, упалъ на подушки, всѣ кинулись къ нему: одни цѣловали его руки, другіе—ноги, третьи—край рубашки.

Всѣ хвалили искусство, каждый старался сѣсть поближе къ «небесному цвѣтку», «майскому соловью», «дыханію жизни».

Самъ Мустафа поглаживалъ себя по брюшку и самодовольно осклаблялся.

Кончились танцы, началось угощеніе. Огромныя блюда съ пилавомъ разставили на коврахъ. Гигантскія чаши съ кумысомъ, подносы съ красными яйцами, изюмомъ, фисташками и пряниками, спеченными на бараньемъ салѣ, исчезали быстро и замѣнялись новыми.

Все, однако, группировалось около бачи. Мустафа сидѣлъ около него по правую руку, а сынъ бека по лѣвую. Оба смотрѣли на мальчика посоловѣлыми глазами и нашептывали ему комплименты.

Утренняя заря разгоралась на востокѣ, когда стали гости разъѣзжаться.

Мустафа взялъ двѣ свѣчи и съ поклонами проводилъ бачу до калитки. Толпа почтительно разступалась и тоже низко кланялась.

Ушелъ послѣдній хивинецъ. Калитка заперлась на засовъ.

Шукуръ, блѣдный и мрачный, появился на площадкѣ и молча сталъ убирать фонарики, снимать ковры, класть на мѣсто подушки.

Свѣжій вѣтерокъ зашелестилъ листьями тополей и погасилъ догоравшую свѣчу.

VIII.

На плоской крышѣ сакли, на которую низко надвинулась могучая вѣтка карагача, расположились посмотрѣть на тамашу Анвасиль и Юлдузъ. Густая листва дѣлала женщинъ совсѣмъ незамѣтными; сюда почти не доходилъ свѣтъ фонарей а имъ, между тѣмъ, представлялась полнѣйшая возможность наблюдать все, что происходило тамъ, внизу.

Сначала Анвасиль смотрѣла безстрастно своимъ единственнымъ глазомъ; ее нисколько это не интересовало, все было слишкомъ знакомо, все пріѣлось... Ни шумъ движенія, ни звуки музыки, ни крики толпы, не существовали для бѣдной женщины.

Но вдругъ, неизвѣстно почему, сверкнула у нея въ головѣ, точно молнія, мысль, потомъ—другая, третья... Мгновенно, съ поразительной ясностью, развернулась картина далекаго прошлаго... Обрывки воспоминаній, отдѣльные эпизоды прожитаго — все связалось въ длинную цѣпь чудныхъ, дорогихъ мгновеній. Какъ будто сказочный волшебникъ силою своихъ чаръ превратилъ ее, бѣдную, старую, слѣпую Анвасиль, въ молодую, красивую, прежнюю Анну Васильевну.

Другая, не азіатская, картина видится ей.

На берегу Урала, въ темной рощѣ, собралось нѣсколько семействъ русскихъ офицеровъ. Горятъ костры, взвиваются ракеты, играетъ военная музыка. Солнце садится яркое, свѣтлое. Небо чистое.

Она тоже, какъ и другіе, хлопочетъ надъ угощеньемъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ мужемъ; они всего мѣсяцъ какъ обвѣнчаны. Какимъ прекраснымъ казался ей весь окружающій Божій міръ. Всѣ такіе добрые, всѣ къ ней внимательны, предупредительны... А какъ красивъ ея Сережа! онъ лучше всѣхъ!... а ужъ какъ любитъ ее, и сказать нельзя, слова этого не выразятъ!

Передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ расположился пикникъ молодежи, на той сторонѣ, громоздится высокій берегъ Урала. На немъ идетъ дѣятельная постройка, воздвигаются каменныя постройки Оренбурга. Но вотъ отъ города отчалила небольшая душегубка; къ нимъ переправляется солдатикъ. Всѣ смотрятъ и начинаютъ высказывать различныя предположенія о причинѣ, вызвавшей посылку къ нимъ этого вѣстника радости или горя.

Душегубка пристаетъ къ камышамъ. Солдатикъ, вытянувшись, маршируетъ къ старшему офицеру и, взявши подъ козырекъ, вручаетъ пакетъ съ большою красною печатью. Всѣ смолкли, всѣ ждутъ...

— Господа, послѣзавтра въ походъ! Киргизы опять бунтуютъ!—раздается громкій голосъ.

Всякое веселье моментально рушилось, музыка перестала играть, рѣчи затихли. Гдѣ-то послышалось рыданіе.

Боже! какіе ужасные часы пережила Анна Васильевна. Проводила она въ походъ мужа, и, прощаясь съ нимъ, простилась навѣки!

Войско расположилось въ одномъ изъ укрѣпленныхъ лагерей, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ Оренбурга. Письма оттуда приходили не часто. Безконечно долго тянулась зима, наступила весна... Вдругъ, о счастье! семействамъ офицеровъ разрѣшено ѣхать въ лагерь, такъ какъ, повидимому, киргизы успокоились.

Сборы были недолги, и вотъ десятки телѣгъ, бричекъ и тарантасовъ, запряженные верблюдами и лошадьми и нагруженные всякимъ скарбомъ, потянулись длиннымъ караваномъ по зеленѣю-

щей степи. Сколько надеждъ зашевелилось въ груди Анны Васильевны! Скоро, скоро она увидитъ снова своего милаго, ненаглядннаго Сережу!

Помнится темная ночь. Всѣ спятъ вокругъ догорающихъ огней. Караульные тоже задремали, завернувшись въ бараньи тулупы. Вдругъ — выстрѣлы, страшный визгъ, стоны, крики. Анна Васильевна вскочила и обмерла. Звѣрскія лица въ мохнатыхъ шапкахъ, страшныя фигуры съ копьями, верхомъ на быстрыхъ коняхъ, выскакивали изъ темноты со всѣхъ сторонъ... Черезъ часъ все было кончено. Весь караванъ достался киргизамъ; кто старался защищаться, тѣхъ перебили, а нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ и Анна Васильевна, очутились связанными на землѣ. Подѣливъ то, что можно было захватить, разбойники помчались восвояси. Страшная боль отъ веревокъ, которыми прикручена была Анна Васильевна къ сѣдлу взятой въ караванѣ русской лошади, заставляла ее часто терять сознаніе.

А разбойники неслись все дальше и дальше... Сколько времени прошло въ такой бѣшеной скачкѣ, Анна Васильевна уяснить себѣ не могла. Она совсѣмъ одеревенѣла, какъ будто лишилась способности сознавать, что кругомъ дѣлается.

Точно во снѣ видѣла она аулы, народъ, рѣки, наконецъ, городъ. Здѣсь Анна Васильевна очутилась отдѣленною отъ другихъ плѣнницъ въ какомъ-то сараѣ. Съ нея сняли платье, или, правильнѣе, тѣ лохмотья, которые прикрывали ея тѣло, и облекли въ длинную рубашку и халатъ. Помнитъ также, какъ явился какой-то не то хивинецъ, не то сартъ, и купилъ ее.

Что было потомъ, она боится даже вспоминать; она цѣлые годы старалась искоренить даже проблески воспоминаній объ этомъ ужасномъ времени... Образованная, воспитанная женщина, считавшая себя всегда человѣкомъ, превратилась въ какую-то неодушевленную тварь, хуже рабы, хуже всякой вещи. Анна Васильевна не могла помириться съ своимъ положеніемъ и, между тѣмъ, переходила отъ одного хозяина къ другому; ее перевозили съ мѣста на мѣсто, и вотъ она у Мустафы, въ Хивѣ... Бѣдная женщина продолжала не думать, не сознавать своего положенія, и хотѣла поскорѣе превратиться въ машину.

Конечно, такая ломка не прошла безслѣдно для организма, и Анна Васильевна стала хворать. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ того, какъ ея силы слабѣли и красота увядала, она теряла расположеніе Мустафы. Покупать тоже никто не соглашался больную невольницу. Случайно открывшееся умѣнье Анны Васильевны готовить кушанья рѣшило ея участь: она сдѣлалась кухаркой.

Въ одну изъ холодныхъ зимъ обрушились на плѣнницу еще два несчастья заразъ: она ослѣпла на одинъ глазъ и почти оглохла; и хотя трудно было объяснять ей что либо, Мустафа, по

своему добросердечію, оставилъ «Анвасиль» при исполненіи своихъ обязанностей.

Суровая судьба, физическія и нравственныя страданія, пережитыя за долгіе годы, измѣнили бывшую офицершу, она ожесточилась, со злобой смотрѣла на всѣхъ и не могла видѣть чужаго счастья.

— Почему все это не для меня? — думала она, глядя на веселыхъ, здоровыхъ и полныхъ жизни людей.—Гдѣ справедливость Промысла? Чѣмъ я прогнѣвила Бога, за чьи грѣхи я страдаю?...

Мустафа изъ состраданія разрѣшилъ Аннѣ Васильевнѣ повѣсить въ своей комнаткѣ крестъ, сдѣланный изъ двухъ деревянныхъ брусочковъ. И сколько горькихъ невѣдомыхъ слезъ пролила кухарка Анвасиль, стоя на колѣняхъ передъ этой незатѣйливой работой своихъ собственныхъ рукъ. Но кончалась молитва, и опять она превращалась въ ворчливую старуху, озлобленную и угрюмую.

За самое послѣднее время Анвасиль какъ будто перестала вспоминать давнопрошедшее счастливое время. Сердце спокойно билось въ груди, мозгъ медленно работалъ, потребности удовлетворялись не спѣша... Чего же лучше?... Даже злоба какъ будто стихла. И вдругъ сегодня почему-то вся эта суета, освѣщеніе напомнили былое счастье!

Сѣдая голова старухи поникла, мускулы лица дрогнули, и крупная горячая слеза медленно скатилась по морщинистой щекѣ.

IX.

Юлдузъ смотрѣла совсѣмъ иначе на тамашу, на дымные факелы, фонари и свѣчи! Ей все это нравилось. Какая пестрота, движеніе, какое веселье! Какъ хорошо жить на свѣтѣ!

Она обыкновенно ни надъ чѣмъ не задумывалась и не любила вспоминать прошлое. Къ чему? не все ли равно кому принадлежать, гдѣ жить, гдѣ дышать воздухомъ? лишь бы была одѣта, сыта и могла бы ни о чемъ не заботиться. Она вѣдь сильно отбивалась, когда ее въ плѣнъ брали послѣдній разъ, кусала, щипала, царапала... Но, разъ ее одолѣли, она покорилась. Вѣдь противъ судьбы не пойдешь?

Вдругъ что-то сзади стукнуло. Красавица оглянулась и увидѣла около себя тѣнь. Она быстро закрылась халатомъ и готова была уже прибѣгнуть къ помощи Анвасиль, какъ чья-то рука схватила ее за тонкіе бѣлые пальцы. Голосъ, который казался ей знакомъ, тихо проговорилъ:

— Послушай меня, Юлдузъ. Не зови старуху. Я хочу тебѣ что-то сказать. Ради Аллаха!

Юлдузъ остановилась и со страхомъ смотрѣла на фигуру.

— Кто ты? Что тебѣ надобно?

— Я Шукуръ, джигитъ Мустафы.

— Ну, такъ что же тебѣ надобно, я спрашиваю.

Джигитъ не находилъ словъ, робѣлъ и вертѣлъ въ рукахъ концы своего кушака. Затѣмъ онъ рѣшился задать какой-то незначительный вопросъ. Получивъ отвѣтъ, Шукуръ задалъ другой, и бесѣда завязалась смѣлѣе, подъ звуки барабана и вой восторженной толпы.

Сильно билось сердце влюбленнаго джигита, когда дѣло коснулось красоты его собесѣдницы и когда въ самыхъ пылкихъ и страстныхъ выраженіяхъ, на которыя такъ способенъ восточный человѣкъ, джигитъ раскрылъ свою душу, свою любовь, о которой онъ не говорилъ до сихъ поръ ни слова только потому, что не представлялся случай.

Юлдузъ вся поблѣднѣла отъ такихъ рѣчей. Испуганно оглянулась она кругомъ и на Анвасиль.

Но старуха ничего не слышала и ничего не видѣла, ея мысли были далеко.

— Уйди отъ меня!... уйди!... насъ услышатъ!—шептала красавица, отодвигаясь дальше отъ искусителя.

— Никто не услышитъ, радость души моей!—страстно продолжалъ Шукуръ.—Скажи мнѣ что нибудь въ отвѣтъ.

— Уходи, уходи, а то я позову Анвасиль!

— Еще хоть одну минутку! Отчего ты не скажешь мнѣ какого нибудь ласковаго слова? Развѣ твой старикъ-хозяинъ можетъ любить тебя такъ, какъ я? Смотри, вонъ онъ какъ увивается около бачи! Видишь?... сама своими глазами видишь?

Дѣйствительно, внизу Мустафа какъ разъ въ эту минуту страстно цѣловалъ ножку мальчика и съ жадностью допивалъ изъ чашки остатки его чая.

Что-то похожее на ревность шевельнулось въ сердцѣ Юлдузъ. Она вся вспыхнула.

— А ужъ я бы тебя какъ любилъ!—продолжалъ джигитъ.— Уѣхали бы куда нибудь подальше!... Скажи, моя роза, хоть одно словечко!

— Ради Аллаха, уходи! Насъ увидятъ вмѣстѣ, и Мустафа убьетъ тебя! Онъ ревнивъ, должно быть!

— Мустафа убьетъ? А посмотри, что онъ тамъ дѣлаетъ? Развѣ ты не видишь, что онъ забылъ тебя?

Юлдузъ молчала.

— Ты молчишь, сердце души моей! Старикъ завтра же можетъ прогнать тебя такъ, какъ прогналъ недавно трехъ своихъ женъ! Стоитъ ему найти кого нибудь получше, и ты будешь выброшена за порогъ.

Разговоръ смолкъ. Внизу опять вертѣлся бача, опять визжала скрипка и гудѣлъ барабанъ.

Шукуръ подвинулся впередъ.

— Итакъ, какое будетъ твое послѣднее слово,ароматъ розы?

— Никакого. А вотъ что ты знай: Мустафа богатый, а ты — байгушъ [1]). Къ чему вести такіе разговоры? Если бы у тебя было много денегъ, ну... тогда разговоръ, пожалуй, былъ бы иной, а то теперь... даже смѣшно!

— Но, солнце очей моихъ! у меня могутъ быть деньги; я могу достать ихъ, сколько хочешь. Только прикажи, только обѣщай... У меня есть...

Юлдузъ засмѣялась.

— Если у тебя есть деньги, зачѣмъ же ты служишь джигитомъ у Мустафы? Развѣ пріятно убирать навозъ, когда въ карманахъ звенятъ золотые? Перестань, пожалуйста!

И опять раздался смѣхъ язвительный, ужасный.

— Ну, а если я на самомъ дѣлѣ достану? — закричалъ Шукуръ, точно ужаленный.

По счастью Анвасиль была глуха.

Однако Юлдузъ, всетаки, отшатнулась отъ джигита при такомъ возгласѣ и закутала голову поплотнѣе въ халатъ.

— Ну, ну, что же? — допытывался джигитъ.

— Вѣдь я тебѣ сказала уже, что тогда будетъ разговоръ иной! Отстань!

— Обѣщаешь ли тогда жить со мной? Обѣщаешь ли тогда уѣхать отсюда подальше и бросить Хиву, Мустафу?...

— Хорошо, хорошо! Уйди ты отъ меня, ради Аллаха! Ты совсѣмъ съ ума сошелъ!

Шукуръ стоялъ на мѣстѣ, опустивъ голову, и что-то соображалъ.

— Ну, Юлдузъ, помни! — проговорилъ онъ медленно. — Аллахъ тебя накажетъ, если обманешь! Помни свое слово!

Красавица хотѣла что-то возразить, но, когда обернулась, джигитъ уже исчезъ.

X.

Въ 30 верстахъ отъ Хивы, на берегу Аму-Дарьи, русскіе начали строить крѣпость.

Понаѣхало туда много всякихъ мастеровъ, пришли войска и рабочіе, и на развалинахъ какого-то незначительнаго глинянаго укрѣпленія воздвигли цѣлый городъ съ большимъ домомъ для начальника, лазаретомъ для больныхъ и казармами.

Шукуръ съ Мустафой не разъ уже побывали тамъ на базарѣ и дивились, какъ это все у урусовъ скоро дѣлается, должно быть, денегъ у нихъ много, очень много...

Это убѣжденіе укрѣпилось у всѣхъ хивинцевъ.

---

[1]) Байгушъ — нищій.

Наконецъ, самъ всемогущій ханъ съ блестящей свитой явился въ новый городъ и сдѣлалъ визитъ живущему здѣсь важному начальнику. Завязались сношенія самыя безцеремонныя; офицеры пріѣзжали въ Хиву прямо во дворецъ, привозили вино, какія-то веселыя картинки, свою военную музыку... Веселились иногда нѣсколько дней подъ рядъ, пока великій ханъ не сваливался на подушки подъ вліяніемъ усталости и винныхъ паровъ.

Черезъ два дня послѣ тамаши, Шукуръ отпросился у своего хозяина въ новый городъ къ урусамъ; тамъ войска будутъ встрѣчать Ярынъ-Падишаха [1]), который пріѣдетъ, говорятъ, изъ Ташкента осматривать выстроенную крѣпость.

— Урусы всѣ люди богатые!—думалъ джигитъ, подъѣзжая по пыльной дорожкѣ къ свѣтлой и широкой Аму-Дарьѣ.—Я достану денегъ, непремѣнно достану! Безъ нихъ не вернусь! А ужъ Юлдузъ будетъ моя!

Въ русской крѣпости было шумно. Войска стройно двигались по огромной площади, гремѣла военная музыка, развѣвалось знамя. Густое облако пыли подымалось слѣдомъ за мчавшимися пушками. Гремѣло «ура».

Народъ живымъ кольцомъ охватывалъ со всѣхъ сторонъ площадь. Вездѣ виднѣлись пестрые костюмы хивинцевъ, сартовъ, бухарцевъ; было даже много тюркменъ. Меньше всего оказывалось русскихъ—они терялись въ массѣ азіатовъ, какъ капля въ морѣ.

Когда парадъ кончился, Шукуръ поѣхалъ къ своему единственному здѣсь знакомому сарту, у котораго на концѣ новаго города стояла небольшая сакля. Низенькое строеніе совсѣмъ почти было незамѣтно, теряясь между развалинами какой-то древней башни.

Калитка оказалась отворенною; на дворикѣ, огороженномъ высокой глиняной стѣной, суетился хозяинъ, разбиралъ волосяныя веревки, связывалъ мѣшки, наполненные ячменемъ, заколачивалъ ящики.

— Да будетъ милость Аллаха надъ тобою!—проговорилъ Шукуръ, поднося руку ко лбу и сердцу.

— Да пошлетъ Пророкъ и твоему дому всего хорошаго!—отвѣчалъ сартъ, копошась около большаго сундука.—Поставь лошадь въ конюшню и будь желаннымъ гостемъ!

Шукуръ привязалъ коня подъ прохладный навѣсъ, бросилъ ему снопикъ зеленаго клевера и вернулся къ хозяину.

— Въ какія страны собираешься?—началъ онъ, садясь на корточки.

---

[1]) Ярынъ-Падишахъ—полу-царь. Такъ называли туземцы генерала К. П. фонъ-Кауфмана.

— Охъ, далеко, очень далеко! добрая недѣля пути. На Сыръ-Дарью, въ Казалу.

— Развѣ есть дѣло какое?

— Нанялся уруса вести, завтра ѣдемъ. Поклажи почти никакой; урусъ — табибъ, лечитъ отъ всякихъ болѣзней, поихнему — докторъ. Съ нимъ — его джигитъ. Такъ вотъ я хочу взять своихъ верблюдовъ, навьючить ячменемъ; въ Казалѣ продамъ, деньги получу. У табиба своя пара верблюдовъ; мы на перемѣнныхъ скоро доѣдемъ.

— Что же ты взялъ за такое дѣло?

— Пятьдесятъ серебряныхъ рублей, ни копѣйки меньше... Пожалуй, оно и недорого, вѣдь у этихъ гяуровъ денегъ много. Да и ѣхать ему отсюда хочется, родныхъ увидать. Сейчасъ же и согласился! Я думалъ, что бранить и кричать будетъ, пожалуй, нагайкой приколотитъ. Куда тебѣ! сейчасъ же и задатокъ далъ. Табибъ зналъ, что я не уступлю, а больше не къ кому обратиться! Завтра утромъ ѣдемъ. Урусъ здѣсь не далеко живетъ, на новой улицѣ.

Шукуръ съ завистью смотрѣлъ на сарта. Что если-бъ ему самому взяться за такое дѣло? Въ Кизылъ-Кумахъ онъ бывалъ нѣсколько разъ, съ Мустафой ѣздилъ въ Казалу. Дорога извѣстна хорошо... У уруса денегъ должно быть много...

Скверныя мысли зашевелились въ мозгу у джигита. Надо сдѣлать такъ, чтобы табибъ поѣхалъ съ нимъ, а не съ сартомъ. Это первое. А второе... второе устроится само собою. Вотъ въ самомъ дѣлѣ!... Какъ бы было хорошо, если-бъ такъ вышло!... Ну, а если не удастся?... Что тогда дѣлать?

Шукуръ даже задрожалъ отъ своего плана, отъ возможности удачи.

— Ну, да будетъ тебѣ путь пріятенъ! Я мѣшать не стану! — скороговоркой пробормоталъ онъ, направляясь къ своей лошади.

Хлопотавшій сартъ машинально взглянулъ на удаляющагося гостя и снова принялся за ящикъ.

Ведя своего коня въ поводу, Шукуръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, быстро оглянувшись, юркнулъ въ развалины башни.

Здѣсь, въ нижнемъ этажѣ, куда вело огромное отверстіе обвалившейся стѣны вмѣсто двери, оказалось на столько просторно, что могли бы помѣститься даже четыре всадника совершенно свободно. Мрачныя стѣны и своды были закопчены; въ большія амбразуры развертывался далекій горизонтъ, сверкала Аму-Дарья. На полу валялись кучи мусора, обломки брусьевъ.

Никто никогда сюда не заглядывалъ. Башня стояла совсѣмъ въ сторонѣ отъ поселка. Шукуръ рѣшилъ спрятаться въ этомъ укромномъ мѣстѣ и ждать. Онъ нѣсколько разъ внимательно осмотрѣлъ свой псякъ—острый небольшой ножъ, съ которымъ никакой азіатъ не разстается ни днемъ, ни ночью, и который всегда ви-

ситъ у нихъ на поясѣ, въ красивыхъ ножнахъ. Мало этого. Ему удалось еще разъ сходить на дворикъ къ сарту, взять там нѣсколько снопиковъ клевера и, вернувшись незамѣтно, дать ихъ лошади. Сартъ какъ разъ въ это время бѣгалъ зачѣмъ-то къ доктору, и калитка оставалась отпертой. Никого въ саклѣ не было, караванъ-баши [1]) жилъ бобылемъ.

Какъ медленно потянулось время до вечера! Солнце такъ лѣниво спускалось къ горизонту!.. Но вотъ наступили, наконецъ, сумерки. Даль посинѣла. Съ Сыръ-Дарьи пахнуло холодкомъ. Заблестѣла вечерняя звѣздочка. Изъ-за лиловаго тумана поднялась луна.

Шукуръ вышелъ изъ засады и осторожно подкрался къ калиткѣ.

На дворикѣ приготовлены вьюки; они стоятъ рядкомъ, связанные аккуратно волосяными арканами. Подъ навѣсомъ лежатъ, одинъ около другаго, четыре верблюда и поглядываютъ по сторонамъ, пережевывая жвачку. Какъ разъ посрединѣ, на землѣ, разостлана бѣлая кошма, и на ней растянулся сартъ. Онъ лежитъ навзничъ, по поясъ прикрытый халатомъ. Лицо еле выдѣляется въ голубоватой тѣни, падающей отъ высокаго забора.

Шукуръ дотронулся до калитки. Она безшумно отворилась; ее завязали изнутри одной тонкой полусгнившей бичевкой, и никакихъ другихъ запоровъ не оказалось. Повидимому, ложась спать, сартъ не разсчитывалъ на чье нибудь посѣщеніе. Кому придетъ охота забраться къ нему? Вора урусы поймаютъ и повѣсятъ... Сколько разъ такъ бывало!

И, успокоившись на этомъ, караванъ-баши крѣпко заснулъ.

Войдя на дворъ, джигитъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ спящему. Сартъ храпѣлъ самымъ безпечнымъ образомъ. Шукуръ осторожно приблизился; онъ чувствовалъ, какъ сердце бьется сильно и часто. Стало жарко; онъ сбросилъ баранью шапку, растегнулъ воротъ своей рубахи. Въ глазахъ вертѣлись зеленые круги.

Наконецъ, еще шагъ, и нога джигита стала на кошму; онъ нагнулся надъ сартомъ, прислушался къ ровному дыханію. Затѣмъ, дрожащей рукой вынулъ изъ ноженъ псякъ и вонзилъ его прямо въ сердце караванъ-баши...

XI.

На другое утро Шукуръ тихонько выбрался изъ башни и, какъ ни въ чемъ не бывало, направился къ новой улицѣ, гдѣ разсчитывалъ найти доктора.

---

[1]) Караванъ-баши—тотъ, кто ведетъ караванъ, показываетъ дорогу.

Проѣзжая мимо калитки убитаго сарта, онъ замѣтилъ толпу любопытныхъ и нѣсколькихъ русскихъ солдатиковъ.

Какъ будто нисколько не интересуясь этой суматохой, джигитъ двинулся дальше.

Около длиннаго строенія лазарета, у самаго крыльца, стояла небольшая телѣжка. Безъ шапки, съ сердитымъ лицомъ и всклокоченными черными волосами, ходилъ здѣсь молодой господинъ и разговаривалъ съ нѣсколькими туземцами, которые сидѣли тутъ же на корточкахъ.

Шукуръ остановилъ лошадь.

— Больше не съ кѣмъ ѣхать, тюра! — говорилъ сѣдобородый хивинецъ.—Всѣ караванъ-баши ушли въ разныя стороны. Откуда ихъ достанешь?

— Что же мнѣ умирать здѣсь, что ли? — окрысился сердитый господинъ.

Всѣ молчали.

— А вамъ куда надо?—рѣшился ввернуть свое словечко Шукуръ, не слѣзая съ сѣдла.

— Въ Казалу!—въ одинъ голосъ закричали туземцы.

Затѣмъ сѣдобородый хивинецъ пояснилъ:

— Вотъ тюра совсѣмъ сторговался съ караванъ-баши, а его кто-то сегодня ночью зарѣзалъ. Тюра черезъ это долженъ остаться.

Докторъ ходилъ взадъ и впередъ около телѣжки и нервно вертѣлъ усъ.

— Я могу въ Казалу проводить, если хочешь!—нехотя процѣдилъ сквозь зубы джигитъ и даже отвернулся въ сторону, какъ будто разсматривая какой-то очень интересный предметъ.

— Маршъ! — кинулся радостно докторъ. — Вези сейчасъ, сію минуту! У меня верблюды выкормлены, все уложено... Насъ двое: я, да деньщикъ. Поклажи не много. Мнѣ ничего не надо, надо только одного проводника...

— Что же, я согласенъ...

— А сколько возьмешь? Говори скорѣе!

Шукуръ посмотрѣлъ на доктора и промолчалъ.

— Ну, говори же, чортъ тебя возьми, сколько возьмешь?

— Тюра не обидитъ.

— Пятьдесятъ серебряныхъ рублей хочешь? За эту сумму я уже сторговался, и теперь столько же дамъ. Хочешь?

— Якши...

— Ну, слава Богу! Иди ко мнѣ въ комнаты, тамъ напьемся чая, закусимъ и маршъ! Слѣзай съ своей лошади, живо!

Шукуру много усилій стоило, чтобы не выдать своей радости. Какъ все удается, какъ все уладилось! Ну, теперь надо доводить дѣло до конца!

Черезъ часъ, докторъ, напутствуемый пожеланіемъ товарищей

и солдатиковъ, медленно отъѣхалъ отъ своего крыльца. Два сытыхъ верблюда шли тихимъ и мѣрнымъ шагомъ, таща легкую телѣжку, какъ игрушку. Въ ней сидѣли докторъ и сонливый Ѳедоръ-деньщикъ. Сбоку на своей савраскѣ молодцевато вертѣлся Шукуръ въ синемъ халатѣ; ему удалось даже достать у кого-то ружье, которое болталось за спиной.

Офицеры провожали путниковъ до выѣзда изъ города; здѣсь еще разъ выпили, разцѣловались, пожелали счастливаго пути и скораго свиданія въ Питерѣ.

— Ну, теперь трогай!—весело крикнулъ докторъ, усаживаясь поудобнѣе.

Какъ разъ въ это время изъ калитки караванъ-баши, около которой происходило прощанье, выносили носилки съ мертвымъ тѣломъ. Изъ-подъ бѣлой простыни ясно обрисовывалась голова, острый кончикъ носа, грудь...

Толпа туземцевъ молча разступалась.

— Ну, не къ добру эта встрѣча!—пробурчалъ Ѳедоръ.

— Глупости!.. айда!

Шукуръ отвернулся въ сторону и смотрѣлъ на сверкающую поверхность многоводной Аму-Дарьи.

Проѣхали развалину башни. Горячимъ воздухомъ пахнуло на встрѣчу. Горизонтъ дрожалъ... На небѣ ни облачка.

Все это до мельчайшихъ подробностей припомнилъ Шукуръ, сидя на вершинѣ песчанаго бархана и карауля бивуакъ во время сна доктора и деньщика.

XII.

Вотъ уже пять сутокъ ѣдутъ путники по Кизылъ-Кумамъ. Всѣ измучились, обносились, съѣстные припасы на исходѣ, верблюды и лошадь исхудали. А все довести дѣло до конца джигиту не удается.

То-есть, говоря по правдѣ, онъ бы могъ давно уже раздѣлаться съ урусами и забрать все ихъ имущество, но... рука не подымается. Шукуръ закололъ сарта и до сихъ не можетъ забыть того ощущенія, когда лезвіе ножа входило въ грудь, между ребрами. Ему въ первый разъ случилось убить человѣка, и вотъ постоянно и вездѣ, особенно ночью, чудится убійцѣ караванъ-баши: онъ стоитъ передъ нимъ въ бѣлой рубахѣ и съ огромнымъ кровавымъ пятномъ на груди. А тутъ еще надо расправиться съ двумя!..

Шукуръ даже мысленно нѣсколько разъ давалъ себѣ слово бросить всѣ эти намѣренія, но передъ глазами являлся образъ очаровательной Юлдузъ во всей своей чарующей красѣ, и джи-

гитъ опять готовъ былъ не только двумъ, но сотнѣ урусовъ перерѣзать горло.

Сегодня вечеромъ, когда тюра и Ѳедоръ задремали, было легко покончить съ обоими. Шукуръ даже попробовалъ пустить пулю въ голову доктора съ высоты бархана, но... промахнулся. Тюра вскочилъ невредимымъ, а джигитъ долженъ былъ соврать, объяснивъ выстрѣлъ желаніемъ попугать чакалокъ. А никакихъ чакалокъ не было!

Тѣмъ не менѣе, надо кончать... непремѣнно!.. чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Шукуръ рѣшилъ сегодня же развязать себѣ руки.

Солнце взошло. Стало очень прохладно, какъ это всегда бываетъ въ пустынѣ. Путешественники сонливо и молча спѣшили пить чай. Верблюды нехотя подошли къ телѣжкѣ и дали себя запрячь.

Черезъ два часа около кудуковъ еле дымился брошенный костеръ. Вдали виднѣлись, какъ черныя точки, удаляющіеся путники, долетали крикливыя понуканія Шукура и громкіе стоны верблюдовъ.

Наконецъ, все затихло. Пустыня молчала, а солнце опять начало нагрѣвать безплодный песокъ.

Въ полдень—необходимая остановка. Надо дать отдохнуть животнымъ и своимъ мускуламъ, надо хоть что нибудь поѣсть. Ѳедоръ занялся приготовленіемъ какой-то болтушки, а докторъ ушелъ собирать дрова для костра.

Кругомъ виднѣлся полузасохшій тальникъ, торчали уродливыя деревья саксаула.

Шукуръ взялъ топоръ изъ телѣжки и пошелъ тоже какъ будто за сучьями. Онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Павла Петровича и, прячась за кусты, подкрадывался сзади.

Стояла такая духота, что дышать почти что было невозможно. Отъ песка несло жаромъ, какъ изъ открытой печки... Ни одного живаго существа кругомъ—ни птицы, ни звѣря. Все попряталось.

Докторъ сѣлъ въ тѣни бархана, которая прикрывала только его голову, снялъ фуражку и принялся закуривать папироску.

Шукуръ выскользнулъ изъ засады и со всего размаха ударилъ его сзади по головѣ. Беззвучно упало тѣло ничкомъ, взмахнувъ руками... Джигитъ поднялъ снова топоръ и также сильно ударилъ еще разъ по черепу. Нѣсколько судорожныхъ подергиваній въ пальцахъ, чуть слышное хрипѣніе—и все было кончено.

На сѣромъ фонѣ песка грузно лежало тѣло съ широкой спиной. Блуза мѣстами потемнѣла отъ выступившаго пота. Изъ проломленнаго черепа вытекала алая кровь, виднѣлась бѣлая масса

мозга. Маленькій сакъ-вояжъ, висящій через плечо, сверкалъ стальнымъ замочкомъ.

Не помня себя отъ волненія, Шукуръ кинулся къ этой сумкѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, лежали деньги. Замокъ не открывался... пальцы не слушались. Пришлось разрѣзать дно и вынуть оттуда всѣ бумаги.

— Потомъ разберу! Теперь скорѣе отсюда! — шепталъ убійца, пряча бумаги въ необъятный карманъ своего синяго халата и поспѣшая къ тому мѣсту, гдѣ паслась лошадь. Онъ быстро вскочилъ въ сѣдло и рысью пустился на югъ, въ обратную сторону, предоставляя Өедору дѣлать, что угодно.

Отъѣхавши съ версту, джигитъ поскакалъ... Ему чудилось, что слѣдомъ за нимъ мчатся караванъ-баши и убитый урусъ... Онъ боялся оглянуться, хлесталъ своего коня и летѣлъ все впередъ и впередъ. Только горячій вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ.

Приближался вечеръ; не отдохнувши самъ и не давши лошади корма въ полдень, Шукуръ сообразилъ, что при такихъ условіяхъ далеко не уѣдешь. Онъ остановился... Но съ нимъ не было ни куска хлѣба, ни воды, ни ячменя, все это осталось на бивуакѣ. До колодцевъ—далеко, да и мѣстность оказывается совершенно незнакомою. Что дѣлать?

Усталый конь жалобно посматривалъ вокругъ себя; онъ поводилъ потными боками и усиленно дышалъ, покачиваясь всѣмъ тѣломъ.

Шукуръ совсѣмъ растерялся, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

При каждомъ движеніи въ карманѣ халата шелестили бумаги и деньги, взятыя у убитаго, но онѣ пока не были нужны.

— Не вернуться ли къ Өедору? — вдругъ пришло въ голову джигиту.

Но мысль была совсѣмъ глупою. Для чего онъ вернется? Чтобы заявить о своемъ поступкѣ?

А главное—онъ чувствовалъ, что сбился съ дороги, что выбраться онъ скоро не можетъ на караванную тропинку. Голодъ давалъ о себѣ знать весьма сильно. Даже ружье не было захвачено!.. нечѣмъ будетъ застрѣлить хоть какую нибудь птицу.

Между тѣмъ наступила ночь. Лошадь, окончательно обезсиленная, легла, не найдя себѣ никакой пищи, пить ей также не давали съ самаго ранняго утра.

Взошла луна. По землѣ побѣжали голубыя тѣни, барханы и кусты колючихъ растеній приняли какія-то фантастическія очертанія.

Мучимый голодомъ, Шукуръ не могъ найти себѣ мѣста; онъ то садился, то вытягивался во весь ростъ на пескѣ, то ходилъ взадъ и впередъ... Ему казалось, что изъ-за каждаго бугорка смотрятъ черные глаза уруса, а караванъ-баши, въ бѣлой рубашкѣ

съ кровавымъ пятномъ на груди, машетъ рукой и какъ будто зоветъ къ себѣ.

Вдругъ, дремавшій конь быстро вскочилъ на ноги, навострилъ уши и звонко захрапѣлъ. Потомъ моментально повернулся и кинулся въ сторону, ломая на пути кусты джузгеновъ. Въ ту же минуту два волка промчались мимо испуганнаго и озадаченнаго Шукура.

Топотъ становился все менѣе и менѣе слышенъ, и скоро опять наступила мертвая тишина. Луна также спокойно и величественно стояла на чистомъ небѣ. Барханы точно дремали, затянутые голубоватой дымкой.

Джигитъ стоялъ какъ окаменѣлый. Его глаза смотрѣли все туда, гдѣ исчезла лошадь... Послѣдняя надежда на спасеніе пропала!

XIII.

Жаркій день. Все оцѣпенѣло подъ знойнымъ, убивающимъ все живое, солнцемъ. Воздухъ горячій, раскаленный. Небо сѣрое. Пески огромными неподвижными волнами уходятъ вдаль и сверкаютъ своими крутыми склонами.

Какъ разъ на припекѣ лежитъ Шукуръ. Онъ не помнитъ, сколько дней бродитъ здѣсь, стараясь какъ нибудь попасть на торную тропинку.

Силы окончательно ему измѣнили. Муки жажды доводили до отчаянья; за каплю воды онъ готовъ бы былъ отдать жизнь! Губы растрескались, языкъ казался какимъ-то деревяннымъ, совершенно сухимъ. Онъ лизалъ себѣ вспотѣвшія руки, въ надеждѣ этимъ хоть нѣсколько освѣжиться, но все напрасно!

Синій халатъ давилъ плечи, сталъ тяжелымъ и былъ сброшенъ гдѣ-то уже давно... Въ одномъ оборванномъ бѣльѣ, исхудалый до невозможности, джигитъ казался выходцемъ съ того свѣта: глаза сдѣлались огромными, окружились черной каймой, кожа какъ бы присохла къ костямъ, щеки ввалились...

Вдругъ Шукуръ вскочилъ: ему послышалось журчаніе ручья. Черезъ силу взобрался онъ на барханъ и взглянулъ въ даль. Нечеловѣческій крикъ радости вырвался изъ груди.

Да, дѣйствительно, вонъ тамъ, недалеко, сверкаетъ огромное озеро. Дальніе холмы отражаются въ его кристальныхъ струяхъ. А, кромѣ того, за этимъ кустомъ шумитъ ручей. Онъ слышитъ очень ясно.

Боже! Скорѣе туда!

Спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ пустился бѣгомъ, не желая терять ни одной секунды. Голыя распухшія ноги тонули въ горячемъ пескѣ, но это ничего! сейчасъ будетъ вода, сейчасъ можно напиться, освѣжить свое горло...

Шукуръ спѣшилъ, шагалъ. Вотъ и тотъ огромный кустъ краснаго джузгена, который, какъ было видно, долженъ стоять на самомъ берегу, но воды нѣтъ. Должно быть, опять сбился съ дороги.

Джигитъ собралъ послѣднія силы и снова взобрался на ближній барханъ, чтобы оглядѣть мѣстность. Вода исчезла, кругомъ раскрывалась перспектива сыпучихъ песковъ, и ничего больше. Въ отчаяніи Шукуръ схватилъ себя за голову и громко зарыдалъ. Все кончено, смерть близка!

Обезсиленный онъ впадаетъ въ забытье. Ему представилась Хива съ разноцвѣтными старинными башнями. Вотъ тѣнистый садикъ Мустафы, вотъ бассейнъ, обсаженный карагачами. На берегу стоитъ Юлдузъ и снимаетъ свою легкую одежду, собираясь купаться... Боже, какъ похорошѣла за это время ненаглядная красавица!

Шукуръ застоналъ.

Юлдузъ освѣжилась, беретъ кувшинъ, зачерпываетъ воды и подходитъ къ джигиту.—«На, вотъ, напейся, мой милый!» И съ какою любовью она смотритъ въ потухающіе глаза несчастнаго своего поклонника.—«Пей и скорѣе возвращайся! Мы уѣдемъ отъ старика Мустафы, уѣдемъ въ Коканъ! Пей на здоровье!» Какая холодная вода! Живительная струя льется въ пересохшее горло. Шукуръ протягиваетъ руки, чтобы схватить кувшинъ, чтобы не отрывали его отъ горячихъ губъ, и... просыпается.

Прямо въ глаза бьетъ свѣтъ яркій, невыносимый! Во рту—огонь, въ груди—тоже. Голова какъ будто хочетъ разлетѣться отъ страшной боли.

Какая-то тѣнь пронеслась близко надъ лицомъ, обдала легкимъ вѣтеркомъ. Вотъ она опять набѣжала.

Шукуръ сдѣлалъ усиліе, чтобы сообразить, въ чемъ дѣло, и понялъ, что надъ нимъ кружатся два степныхъ орла. Обманутые неподвижностью тѣла, они приняли его за трупъ и уже давно спускались съ высоты большими кругами; наконецъ, убѣдившись, что лежитъ въ самомъ дѣлѣ мертвецъ, и что можно поживиться, оба хищника готовы были сѣсть, какъ вдругъ мнимый трупъ зашевелился.

Шукуръ приподнялся. Онъ понялъ, что орлы почуяли добычу; но защититься у него уже не хватаетъ силъ. Неужели ему, еще живому, выклюютъ глаза? Боже, что дѣлать?...

Слабыя руки уперлись въ песокъ; тѣло сначала качнулось на одну сторону и потомъ медленно сползло къ подножію бархана. Здѣсь недалеко стоитъ кустъ тальника; можно доползти какъ нибудь до него и укрыться отъ солнца и птицъ; по крайней мѣрѣ, возможно спрятать лице подъ вѣтки, которыя касаются почвы.

Съ большимъ трудомъ передвинулся Шукуръ въ зеленую тѣнь. Какъ разъ противъ него, весь малиновый, съ огромнымъ ко-

личествомъ розовыхъ колючихъ плодовъ, стоялъ вѣтвистый кустъ кизилъ-джузгена.

Онъ чувствовалъ себя, повидимому, очень хорошо, погрузивши длинные корни въ раскаленный песокъ. Для него мертвящій жаръ ничего не значилъ.

Лежа неподвижно, джигитъ сталъ смотрѣть на это странное растеніе. Онъ уже ни о чемъ не думалъ. Прошлое не отличалось отъ настоящаго. Всѣ страданія прекратились, даже желаніе жить изсякло.

Вдругъ кустъ джузгена началъ двигаться. Какъ живыя, заколыхались ярко-красныя вѣтки, закачалась верхушка.

Шукуръ этому уже не могъ удивляться. Онъ апатично наблюдалъ, что будетъ дальше.

Нѣтъ, это—не кустъ, это—караванъ-баши. Вонъ краснѣетъ огромное кровавое пятно на его бѣлой рубашкѣ. Какъ попалъ сюда убитый? Развѣ онъ могъ догнать джигита?

Между тѣмъ, зарѣзанный сартъ подходитъ все ближе и ближе, какъ-то странно присѣдая; онъ то становится очень маленькимъ, то раздувается въ огромную фигуру. Глаза смѣются, ротъ открытъ; онъ хохочетъ тихо, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ.

Подойдя къ Шукуру, караванъ-баши сразу отскакиваетъ въ сторону и указываетъ пальцемъ на какую-то другую тѣнь, которая прячется за нимъ.

Нѣтъ, это не тѣнь, а урусъ. Глазъ его не видно, черные волосы закрываютъ все лицо... Черепъ покрытъ красной корой запекшейся крови. На бородѣ и усахъ тоже висятъ алыя сосульки... Дорожная блуза вся испачкана красными пятнами...

Урусъ держитъ въ правой рукѣ пачку бумажныхъ денегъ и подаетъ ихъ Шукуру, а караванъ-баши продолжаетъ смѣяться, то съеживаясь, то расширяясь.

Джигитъ не можетъ поднять руки, даже не въ состояніи пошевельнуть пальцемъ, онъ только ждетъ, что будетъ дальше.

Урусъ близко наклонился къ Шукуру и надвинулъ на его голову свою раскрытую дорожную сумку. Стало темно... душно... воздуха не хватаетъ... дышать нечѣмъ... Слышно, какъ смѣется караванъ-баши и кладетъ свою холодную руку на голую грудь затрепетавшаго убійцы... Боже, какъ сильно давитъ!..

Вдругъ что-то страшное почувствовалъ Шукуръ. Онъ какъ будто сталъ падать въ темную, огромную яму... Все смѣшалось, завертѣлось... Кругомъ, точно густыя, черныя облака стали охватывать его со всѣхъ сторонъ, надвигаться... и, какъ молнія, сверкнуло сознаніе, что все кончено!...

Изъ-подъ опавшей листвы тальника выскользнула большая ящерица. Она сѣраго цвѣта, съ длиннымъ хвостомъ и розовыми

бакенбардами, изрѣзанными по краямъ, на подобіе бахромы. Огромная пасть открыта, животное усиленно дышетъ.

Ящерица возвращается съ очень неудачной охоты: ни одного насѣкомаго не удалось поймать, все попряталось отъ жары. Разсерженная она рѣшается немного отдохнуть около своей норки и возобновить поиски, когда солнце станетъ садиться. Но что это? Тамъ, гдѣ должно находиться убѣжище всей семьи ящерицъ, лежитъ человѣкъ... Храбрый охотникъ хотѣлъ было улизнуть поскорѣе, пока есть время, однако тѣло не двигается, опасаться очень не стоитъ...

Мало этого, на голой груди человѣческаго тѣла помѣстилась хвостатая подруга ящерицы!... Она сидитъ очень важно и поглядываетъ свѣтлыми глазками, какъ бы приглашая и своего супруга занять мѣсто около себя.

Черезъ минуту обѣ расположились надъ сердцемъ Шукура, которое уже не билось. Надъ краснымъ кустомъ джузгена низко летали два степныхъ орла.

XIV.

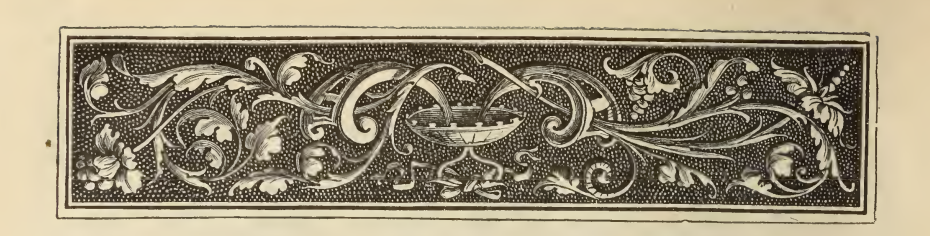
Опять свѣтитъ луна, но ужъ не полная, а какая-то урѣзанная. Слабый, мерцающій свѣтъ озаряетъ небольшую долинку, между песчаными холмами. Подъ кустомъ тальника, раскинувши руки, лежитъ на спинѣ трупъ. Мутные, сморщенные глаза смотрятъ прямо передъ собою; вѣки полузакрыты. Верхняя почернѣвшая губа нѣсколько приподнята и видны бѣлые крѣпкіе зубы.

По гребню бархана гуськомъ бѣгутъ пять штукъ шакаловъ. Вдругъ передній остановился, насторожилъ уши, поднялъ острую мордочку. Онъ почуялъ запахъ разлагающагося тѣла и радостно взвизгнулъ. Ему отвѣтили тѣмъ же его спутники и всѣ, помахивая пушистыми хвостами, стали спускаться въ долинку.

Передовой остановился, сѣлъ... Сѣли и остальные. Въ двухъ шагахъ виднѣлось тѣло... Жалобные звуки, похожіе на плачъ больнаго ребенка, огласили пустыню, шакалы затянули погребальный концертъ.

Набѣжавшее темное облако закрыло луну, и густая мгла затянула все... Не стало видно ни трупа, ни шакаловъ...

Н. Сорокинъ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГЕНЕРАЛА И. С. ЖИРКЕВИЧА.

ПРИ РАЗБОРѢ бумагъ дѣда моего, генерала Жиркевича [1]), я нашелъ нѣсколько набросанныхъ имъ замѣтокъ, имѣющихъ несомнѣнный бытовой и историческій интересъ, которыя и привожу здѣсь въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны самимъ дѣдомъ.

I.

Въ 1837 году, я былъ вызванъ въ Петербургъ въ коммиссію для разсмотрѣнія проектовъ объ управленіи государственными имуществами. Коммиссія состояла изъ нѣсколькихъ губернаторовъ; предсѣдательствовалъ въ ней генералъ Киселевъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я видѣлся съ генералъ-губернаторомъ Дьяковымъ. Государь уже выѣхалъ въ Вознесенскъ и оттуда проѣхалъ черезъ Одессу и Чернымъ моремъ

[1]) И. С. Жиркевичъ родился въ 1789 году; въ составѣ гвардейской артиллеріи сдѣлалъ всѣ походы противъ Наполеона. Затѣмъ, былъ адъютантомъ у графа Аракчеева; въ послѣдніе годы службы состоялъ сначала симбирскимъ, а потомъ витебскимъ губернаторомъ. Печатаемыя замѣтки относятся ко времени его пребыванія въ Витебскѣ. Жиркевичъ умеръ въ 1848 году, оставивъ послѣ себя обширные мемуары, которые печатались въ «Русской Старинѣ» въ періодъ 1874—1890 годовъ. Служба въ гвардіи, дружба съ многими историческими лицами и благоволеніе императора Николая дали Жиркевичу возможность видѣть и знать много интереснаго, а въ Витебскѣ онъ принималъ участіе въ дѣлѣ присоединенія уніатовъ, къ которому и относится приводимый здѣсь разговоръ его съ Блудовымъ.

въ Грузію. Въ Петербургъ государь вернулся 9-го декабря. Генералъ Дьяковъ, разсказывая о предположенномъ государемъ вояжѣ, сообщилъ мнѣ: «Вотъ какъ дѣла дѣлаютъ! Государь сперва не хотѣлъ ѣхать въ Одессу, говоря, что онъ не можетъ видѣть Содома и Гоморры. Дали подъ рукой знать Воронцову. Тотъ прискакалъ въ Петербургъ, и государь будетъ въ Одессѣ». Не знаю, справедливо ли это, но послѣдствія оправдали настоянія Воронцова, который въ Одессѣ былъ осыпанъ милостями, а жена его пожалована статсъ-дамою.

По пріѣздѣ, я посѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ Блудова, который принялъ меня съ особенной благосклонностью. Поблагодаривъ за Симбирскую губернію, Блудовъ насчетъ Витебской сказалъ:

— Я удивляюсь вамъ, любезный Иванъ Степановичъ, какъ вы всегда дѣйствуете въ превратномъ противу другихъ положеніи! Я еще ни отъ кого не слыхалъ, чтобы кто похвалилъ Витебскую губернію. Ваши замѣчанія меня вполнѣ радуютъ, и тѣмъ болѣе, что мои мнѣнія согласуются вполнѣ съ вашими. Между прочимъ, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе насчетъ политическаго характера обывателей этой губерніи. Какими глазами они смотрятъ на распоряженія нашего правительства?

— Скажу вамъ откровенно, ваше высокопревосходительство,— отвѣчалъ я:—что всѣ усилія раздражить дворянъ Витебской губерніи тщетою своею доказываютъ спокойствіе оной. Я не слѣпъ! Знаю, что въ такъ называемыхъ Инфлендскихъ уѣздахъ [1]) есть дòма 3—4, душою преданныхъ польскому дѣлу. Но эти лица всѣ наперечетъ и, дорожа болѣе имуществомъ своимъ, нежели призракомъ свободы, они осторожно и молчкомъ сидятъ у себя дома. Но есть у меня одинъ Лепельскій уѣздъ, гдѣ множество дворянъ преисполнены польскаго духа. По обыкновенному своему легкомыслію, они много, иногда даже черезчуръ много, болтаютъ; но ни одинъ изъ нихъ не подымется ни на какія возстанія иначе, какъ если буря, по несчастію, дойдетъ до нихъ самихъ, чего и ожидать невозможно. Прочіе же уѣзды всѣ, если можно такъ сказать, обрусѣли совершенно. Но дѣйствія мѣстнаго православнаго духовенства [2]) напомнили имъ прежнюю отчизну, которая почти у всѣхъ вышла изъ памяти, и я признаюсь, что въ послѣднія 6—7 лѣтъ, не будь частыхъ голодныхъ годовъ, послѣдствія могли бы быть важныя!.. Витебскій крестьянинъ—не человѣкъ [3]). Онъ ни чувствъ,

---

[1]) Рѣжецкій, Люцинскій, Динабургскій и Дриссенскій уѣзды Витебской губерніи.

[2]) Въ своихъ мемуарахъ Жиркевичъ доказываетъ, что православное духовенство въ западныхъ губерніяхъ, въ эпоху присоединенія уніатовъ, часто злоупотребляло своей властью и значеніемъ.

[3]) Жиркевичъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что витебскій крестьянинъ забитъ и неразвитъ.

ни религіи не имѣетъ. Слушаетъ всякаго, кто передъ его глазами. Ксендзъ, чиновникъ, помѣщикъ, дѣйствуютъ имъ, какъ машиною, и я могу удостовѣрить ваше высокопревосходительство, что въ теперешнемъ положеніи крестьянина прикажи ему не только перейти въ православіе, но и въ магометанство, онъ и это безпрекословно сдѣлаетъ, и опомнится въ новомъ законѣ только тогда, когда его накормятъ. Не было примѣровъ, чтобы занимались религіозными вопросами, когда въ животѣ вмѣсто хлѣба—древесная кора и мохъ, какъ у витебскаго крестьянина. Накормятъ его, говорю я, и онъ сочтетъ это благимъ послѣдствіемъ перемѣны и навсегда подчинится оной. Я не знаю и не понимаю, что такъ много церемонятся съ ними...

— Какъ же вы предполагаете докончить присоединеніе уніатовъ?—спросилъ меня Блудовъ.

— Всѣхъ вдругъ, однимъ разомъ, и рѣшительно безъ всякихъ колебаній.

— Но что же заговорятъ объ этомъ за границей?!

— Неужели вы думаете, ваше высокопревосходительство, что теперь ничего не говорятъ и не пишутъ? Всѣ наши проволочки, нерѣшительность, колебанія, даютъ только поводъ газетчикамъ и недоброжелающимъ намъ правительствамъ лаять на насъ шавками... Мы, вмѣсто того, чтобы презирать и не обращать вниманія на этотъ лай, какъ сильное и могущественное правительство, останавливаемся, прислушиваемся и, страшно вымолвить, какъ будто боимся!!... Кому нужна унія? Ровно никому! Развѣ только одному Риму, да и ему она безполезна и даже въ тягость, ибо денегъ туда не отправляетъ—не изъ чего. Остаются однѣ хлопоты, которыя могутъ поссорить съ такимъ лицомъ, со стола котораго часто перепадаютъ крупинки, служащія для другихъ цѣлымъ обѣдомъ. Быть можетъ, и весьма вѣроятно, папа поворчитъ въ секретномъ конклавѣ, а потомъ и замолчитъ. Неужели какое нибудь правительство будетъ серьезно обращать вниманіе на ворчанье или даже на гнѣвъ папы?!

— Но попы уніатскіе, наконецъ, всѣ католики, будутъ ли молчать?!

— Точно также! Съ ними-то и нужно дѣйствовать напрямикъ. Изъ поповъ найдутся упорные: человѣка два-три. Переведите ихъ для вида въ другія губерніи или въ другіе приходы, и, по прибытіи ихъ туда, приходовъ имъ не давайте, а замѣните двойной или тройной пенсіей и все дѣло пойдетъ своимъ чередомъ.

— Мы и думали это сдѣлать, но все опасались потрясеній... Ваши теперешнія слова меня много подвинули впередъ. Скажу вамъ одну важную новость: надняхъ состоялся здѣсь указъ, что всѣ церковныя дѣла уніатовъ подчиняются непосредственно канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Вмѣстѣ съ этимъ мы хотимъ поднять нѣсколько уніатскихъ епископовъ. Вашему Лужин-

скому думаемъ дать ленту. Какъ вы полагаете, хорошо ли мы дѣлаемъ и въ нашемъ ли духѣ онъ будетъ дѣйствовать?

— Я ручаюсь за него,—отвѣчалъ я:—Смарагдъ [1]) только что не билъ его, а ругалъ и въ глаза, и за глаза нестерпимо... И вдругъ Лужинскій получитъ такую награду, которая возвыситъ его въ глазахъ тѣхъ, которые, быть можетъ, были не разъ свидѣтелями его униженій!.. Я увѣренъ, что это будетъ ему великой радостью.

— Мы предполагали еще,—добавилъ министръ:—повременя нѣсколько, предложить уніатскимъ священникамъ черезъ ихъ архіереевъ присоединеніе съ оставленіемъ имъ прежней ихъ одежды и тѣхъ допущеній, которыя уже вкрались въ ихъ обряды богослуженія отъ католицизма.

Я замѣтилъ Блудову, что это слѣдуетъ допустить только современемъ.

II.

Кромѣ Блудова, я посѣтилъ Клейнмихеля, бывшаго въ это время дежурнымъ генераломъ и находившагося до конца октября или начала ноября въ отъѣздѣ съ государемъ. На другой же день по пріѣздѣ Клейнмихеля, я, соблюдая военный порядокъ, отправился къ нему для представленія. Пріѣхалъ въ 9 часовъ утра. Въ пріемной комнатѣ нашелъ ординарцевъ и дежурнаго адъютанта, сидѣвшаго въ углу съ книгою, обернувшись рѣшительно ко всѣмъ спиною. Подойдя къ нему, спросилъ: «Принимаетъ ли генералъ?»—Получилъ въ отвѣтъ: «Принимаетъ». Просилъ доложить о себѣ; мнѣ отвѣтили: «Здѣсь не докладываютъ! Генералъ кончитъ свои занятія—самъ выйдетъ!» Нечего дѣлать, пришлось дожидаться. Впродолженіе часа времени прибыло еще человѣкъ 5 генераловъ, въ полной формѣ, какъ и я. Между ними я встрѣтилъ короткаго моего пріятеля, Боклеса, начальника штаба внутренней стражи. На вопросъ послѣдняго: «Давно ли дожидаюсь?»—отвѣтилъ: «Болѣе часу!» — «Всегда одно и то же свинство!—замѣтилъ Боклесъ:—ждешь иногда часа по два, а выйдетъ—ни слова не скажетъ... А дѣлать нечего, должно ждать!» Мы прождали еще съ ½ часа. Наконецъ Клейнмихель вышелъ. Не обращая вниманія ни на кого, кромѣ меня, котораго тотчасъ узналъ, взялъ меня за руку и повелъ въ свой кабинетъ. Войдя туда, обнялъ меня и припомнилъ старую нашу службу вмѣстѣ при графѣ Аракчеевѣ. Посадивъ меня подлѣ себя на диванъ, Клейнмихель началъ мнѣ разсказывать, что онъ возвратился только вчера изъ вояжа и сильно утомился; жалѣлъ, что не можетъ познакомить меня съ своей женою, которая только что родила, о чемъ онъ узналъ въ Смоленскѣ; хвалилъ дорогу по Витебской губерніи, выразившись: «Видно, что тутъ хозяинъ управ-

---

[1]) Архіепископъ полоцкій и виленскій—Смарагдъ Крыжаневскій.

ляетъ; совсѣмъ не то, что въ Псковской губерніи, гдѣ ѣдешь, кажется, все по горбамъ Пещурова» [1]). Далѣе, Клейнмихиль спросилъ, знакомъ ли я съ Пещуровымъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что мы вмѣстѣ теперь засѣдаемъ въ комитетѣ, замѣтилъ: «Хитеръ старикъ и низкопоклончивъ: отъ того и спина вся въ горбахъ!»— Сталъ еще разспрашивать о Муравьевѣ и Гамалѣѣ, другихъ моихъ сотрудникахъ въ комитетѣ, и всячески старался добиться моего о нихъ мнѣнія. Потомъ обратилъ разговоръ на генералъ-губернатора Дьякова, упомянулъ, что онъ вовсе дѣла не понимаетъ, и что его просто можно назвать «штемпелемъ», который прикладываетъ свою подпись, какъ печать, не зная самъ, зачѣмъ и для чего. На замѣчаніе мое, что Дьяковъ благородный человѣкъ и если не ознакомился еще съ дѣлами, то, всетаки, ими занимается, во все вникаетъ самъ и здраво судитъ, Клейнмихель отвѣтилъ мнѣ, что спорить со мною не хочетъ, но что говоритъ, какъ самъ его понимаетъ, и въ проѣздъ черезъ Смоленскъ видѣлся тамъ съ губернаторомъ Рославцевымъ, человѣкомъ ему вполнѣ знакомымъ и благороднымъ, который показалъ ему нѣкоторыя бумаги, писанныя не только глупо, но даже дерзко, къ человѣку новому, слѣдовательно, еще не заслужившему нареканій, и отъ этого Рославцевъ уже просится вонъ. За симъ Клейнмихель разспрашивалъ меня подробно о Витебской губерніи; вспомнилъ свою стоянку тамъ въ 1831 году во время польскаго возмущенія, не оставилъ безъ разспросовъ или своихъ замѣчаній ни одного изъ тамошнихъ значительныхъ лицъ, коснулся Смарагда и присоединенія уніатовъ... Однимъ словомъ, говорилъ со мной, какъ государственный человѣкъ, испытывающій меня въ малѣйшихъ подробностяхъ. Провожая меня, Клейнмихель сказалъ, что надѣется со мною еще часто видѣться, и простился, какъ старый пріятель. Черезъ два дня государь вызвалъ его въ Москву, и мы съ нимъ свидѣлись уже въ декабрѣ, послѣ пожара Зимняго дворца, новая постройка котораго была на него возложена. Я обѣдалъ у него и познакомился съ его женою.

III.

Работы коммиссіи по управленію государственными имуществами первоначально происходили въ IV-мъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, и первое присутствіе открылъ самъ Киселевъ. Пробывъ съ нами отъ восьми часовъ утра до четырехъ по полудни, онъ прочелъ намъ въ этотъ день исторію учрежденій управленія казенными крестьянами въ Россіи съ самаго начала и до настоящаго времени. Это изложеніе было составлено начальни-

---

[1]) Въ то время псковскій губернаторъ былъ дѣйствительно горбатый.

комъ отдѣленія, статскимъ совѣтникомъ Клоковымъ, и заключало въ себѣ болѣе 600 писанныхъ листовъ. Государь въ Москвѣ, возвращаясь съ Кавказа, имѣлъ терпѣніе прочесть этотъ фоліантъ отъ доски до доски, и, какъ разсказывалъ намъ Киселевъ, прибывъ къ государю часу въ десятомъ, онъ засталъ его уже при послѣднихъ страницахъ. Государь сказалъ ему: «Смотри, съ четвертаго часа за твоимъ дѣломъ: все прочелъ!» Потомъ тѣмъ же Клоковымъ читаемы были намъ ежедневно, отъ восьми до трехъ часовъ, справки новаго положенія, и каждый пунктъ онаго обсуждался присутствующими въ самыхъ рѣзкихъ и, можно сказать, даже предосудительныхъ выраженіяхъ, такъ что меня удивляло терпѣніе г. Клокова!..

Въ перерывѣ одного изъ засѣданій, Киселевъ разсказывалъ мнѣ, что когда въ прошломъ году, по докладу его, государь подписалъ указъ о томъ, чтобы раздачу арендъ пріостановить на пять лѣтъ, въ тотъ же самый день государь, по докладу Канкрина, подписалъ другой указъ о назначеніи мнѣ аренды. Киселевъ спросилъ его, какого указа держаться. Государь же отвѣтилъ: «Самъ разсуди!» И Киселевъ поддержалъ мою выгоду: я получилъ аренду.

IV.

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Петербургъ, я часто видѣлся съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Алекс. Мих. Гедеоновымъ, директоромъ императорскихъ театровъ.

Гедеоновъ разсказывалъ мнѣ, что когда до Петербурга дошли слухи о волненіи удѣльныхъ крестьянъ въ Симбирской губерніи [1]), то князь Волконскій, увидѣвшись съ нимъ, сказалъ: «Ну, хорошъ же твой хваленый братецъ! Какую кутерьму надѣлалъ!» Гедеоновъ полагалъ, что я навѣрно пропалъ и буду смѣщенъ съ должности губернатора. Но на другой день Блудовъ и Бенкендорфъ совершенно его успокоили, объявивъ, что государь, прочтя донесеніе мое, выразился: «Молодецъ! онъ все устроитъ!»

Гедеоновъ же, вернувшись изъ дворца, разсказалъ мнѣ однажды: «О тебѣ былъ сейчасъ разговоръ у государя. Онъ изволилъ отозваться: «Вотъ у меня такъ губернаторъ! Но только его надо каждый день обливать холодной водою! Горячъ до неимовѣрности!»»

V.

Для представленія государю я былъ въ штабѣ у гр. Чернышова, и онъ приказалъ при мнѣ сдѣлать объ этомъ докладную

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ», 1890 года, іюль, описаніе усмиренія губернаторомъ Жиркевичемъ бунта Лашманъ.

записку, а на другой день я получилъ отъ него письмо, что «государь императоръ, не имѣя теперь свободнаго времени, меня принять для представленія ему не можетъ, а когда улучитъ свободное время, то дастъ знать о томъ прямо отъ себя».

Наканунѣ новаго года, поутру, въ десять часовъ, пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ государя фельдъегерь и словесно объявилъ мнѣ, что «государь проситъ меня пожаловать къ нему въ 12 часовъ утра въ Аничковъ дворецъ». Когда я пріѣхалъ туда, то нашелъ уже другихъ губернаторовъ, а именно: курскаго — Муравьева, смоленскаго — кн. Трубецкаго, волынскаго—Попова и костромскаго — Приклонскаго. Тутъ же я увидѣлъ статсъ-секретаря Лонгинова, который со всею любезностью упрекалъ меня за то, что я до сихъ поръ у него не былъ, и грозился со мною разсориться за это. Мы прождали до двухъ часовъ. Въ это время прибылъ еще генералъ-губернаторъ Эссенъ, митрополитъ Серафимъ и все почетнѣйшее духовенство изъ Троицко-Сергіевской лавры и Невскаго монастыря. При этомъ случаѣ узналъ я впервые объ обыкновеніи нашихъ монарховъ принимать поздравленіе съ новымъ годомъ и молитвы на сей день отъ духовенства не въ самый день, то-есть 1-го января, а наканунѣ.

Вышелъ камердинеръ его величества и, обратясь къ намъ, губернаторамъ, сказалъ: «Государь проситъ извинить, что сегодня онъ не можетъ принять гг. губернаторовъ. Очень сожалѣетъ, что отнялъ у нихъ время, которое, конечно, они могли бы употребить съ бо̀льшей пользою. Но въ оправданіе свое онъ беретъ ихъ же въ свидѣтели, на сколько онъ занятъ, и проситъ пожаловать къ нему въ воскресенье, 2-го числа, во время обѣдни, и послѣ оной онъ ихъ первыхъ къ себѣ допуститъ».

Въ новый годъ, на Эрмитажной половинѣ Зимняго дворца, я имѣлъ счастье на общемъ представленіи облобызать руку императрицѣ, которая, по докладѣ ей моего имени, изволила сказать: «Вы—недавно въ Витебскѣ, а прежде были въ Симбирскѣ». Тутъ же я встрѣтилъ пріятное себѣ напоминаніе по Симбирску, а именно бывшаго до меня губернатора Загряжскаго, который уже пріѣзжалъ ко мнѣ и, не заставъ меня дома, просилъ доложить объ его ко мнѣ пріѣздѣ, съ поясненіемъ, что билета онъ мнѣ не оставляетъ, ибо пріѣзжалъ ко мнѣ не съ визитомъ, а съ благодареніемъ.

Затѣмъ, тутъ же я встрѣтилъ симбирскаго губернскаго предводителя дворянства Бестужева и жандармскаго окружнаго генерала графа Апраксина, котораго я въ Симбирскѣ ни разу не видѣлъ, ибо онъ жилъ въ Казани и оттуда завѣдывалъ своею частью по Симбирску. Вотъ слова Апраксина: «Завидую, ваше превосходительство, славѣ вашей по Симбирску! У меня сыновей нѣтъ— одна дочь, а потому могу имѣть желаніе, чтобы хоть одинъ внукъ мой былъ столько счастливъ своей репутаціей, сколько досталось

на долю вашу въ Симбирскѣ! Тамъ нѣтъ ни одного лица, которое не вспомнило бы о васъ безъ сокрушенія!.. Преемникъ вашъ не по васъ пошелъ!»

Съ новымъ симбирскимъ губернаторомъ Хомутовымъ я видѣлся въ день своего представленія у Блудова. Онъ ругалъ губернію и тамошнее дворянство и укорялъ меня, что я ввелъ его въ большое заблужденіе на ихъ счетъ. Само собою разумѣется, что я, оправдываясь, защищалъ ихъ. Послѣ узналъ я, что и губернія, и дворяне, Хомутову отплатили взаимность сторицею.

Въ воскресенье, едва мы успѣли собраться во дворецъ, государь прежде всѣхъ призвалъ къ себѣ сибирскаго генералъ-губернатора кн. Горчакова, стариннаго моего сослуживца, съ которымъ я не видѣлся болѣе 20-ти лѣтъ, потомъ новаго генералъ-кригсъ-комиссара Храпачева. Прошло съ $^1/_4$ часа, и насъ позвали. Мы стали въ томъ же порядкѣ, какъ сказано выше. Государь прежде всѣхъ обратился къ Муравьеву:

— Что это значитъ, Муравьевъ, что ты просишь увольненія?

— Слабость здоровья вынуждаетъ, государь, — отвѣтилъ тотъ, видимо изнуренный болѣзнью.

— Не согласенъ я на это, — возразилъ его императорское величество: — возьми отпускъ на годъ, если нужно! Я отпущу тебя въ Россію, за границу — куда хочешь, а въ отставку не выпущу (Муравьевъ поклонился). Я вчера получилъ просьбу отъ брата твоего [1]),—продолжалъ государь:—просьбу такого рода, въ которой я не привыкъ никому отказывать. Онъ дурачится: это прямое мое слово о его поступкѣ. Что онъ скоро вышелъ въ люди, этому я нѣсколько виною; я за него и отвѣчать долженъ отечеству, а онъ — мнѣ! Я былъ недоволенъ его корпусомъ — что дѣлать! Ему слѣдовало потерпѣть: дѣло бы уладилось въ свою пору. Онъ не выдержалъ, прислалъ просьбу объ отставкѣ, а я ему сегодня и далъ ее! Еще разъ прошу тебя, напиши ему, что онъ сдѣлалъ большое дурачество!

Обратившись къ кн. Трубецкому, государь сказалъ:

— Я слышалъ, князь, что ты недоволенъ переводомъ въ Смоленскъ?!..

— Я, государь, готовъ служить, гдѣ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ Трубецкой.

— И я полагаю, что такъ и должно быть! Служить — такъ служить вездѣ, а не по выбору!... Но я постигнуть не могу, что такъ сильно привязываетъ тебя къ Харькову?

— Воспитаніе дѣтей, государь: тамъ университетъ и болѣе способовъ къ ученью, нежели въ другомъ мѣстѣ.

— И это неправда!—сказалъ государь:—Смоленская губернія

---

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ—командиръ гренадерскаго корпуса.

смежна съ Москвою — только рукой подать, и ты всегда можешь быть тамъ. Ты знаешь, мы съ тобою—свои. Если ты желаешь помѣстить своихъ дѣтей куда на воспитаніе, ты всегда могъ обратиться прямо ко мнѣ. Что у тебя—сыновья или дочери?

— Я болѣе думаю теперь о сыновьяхъ,—сказалъ Трубецкой.

— Какихъ лѣтъ они и куда ты ихъ думаешь?

— Одному четырнадцать, а другому — двѣнадцать лѣтъ. Я бы просилъ, государь, помѣстить ихъ въ пажи.

— Въ пажи? Такихъ нѣтъ! Это дòлжно прежде справиться, могутъ ли быть тотчасъ приняты. Дочерей всѣхъ, сколько есть, давай! Я поручу ихъ женѣ моей. Теперь поговоримъ о губерніи, куда я тебя назначилъ. Для Смоленска собственно мы много сдѣлали, и городъ въ большомъ порядкѣ; нужно только его поддерживать. Дворянство тамъ — ко всему доброму расположенное; нужно умѣть только имъ руководить и распоряжаться, и тебѣ немного будетъ хлопотъ!

— Ну, Жиркевичъ! А ты какъ поживаешь?—сказалъ государь, подойдя ко мнѣ: — мы давно уже съ тобою не видѣлись!

— Въ это время, государь,—отвѣчалъ я:—на мою душу легло столько долгу благодарности за ваши милости, что я не найду словъ ее выразить!...

— За что?!—сказалъ государь:—я благодарю тебя! Я доволенъ твоей службою... Продолжай служить, какъ служилъ до сихъ поръ!... Но что у тебя Полоцкъ? Поправляется?!

— Я скоро послѣ пожара выѣхалъ изъ губерніи, и ничего не могу сказать объ этомъ.

— Гдѣ же ты былъ все это время?

— Здѣсь, въ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Киселева, объ устройствѣ управленія казенными крестьянами...

— Мнѣ Киселевъ сказалъ, что это дѣло уже кончено...

— Точно, государь, о западныхъ губерніяхъ кончено надняхъ, и я скоро отправляюсь въ губернію.

— Съ Богомъ! Но смотри, чтобы Полоцкъ былъ русскимъ городомъ!... Онъ и прежде былъ русскимъ...

— Скоро выѣдете къ вашему мѣсту?—спросилъ государь Попова.

— Дня черезъ три или четыре.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ вашей губерніи жиды много шалятъ! Я сейчасъ съ графомъ Бенкендорфомъ читалъ записку о новыхъ ихъ продѣлкахъ... Поѣзжайте, уймите ихъ!...

Со всѣми нами государь говорилъ съ кроткимъ выраженіемъ лица, а тутъ принялъ серьезный видъ и только спросилъ Приклонскаго: «А какъ идутъ работы Ипатьевскаго монастыря?» [1]).

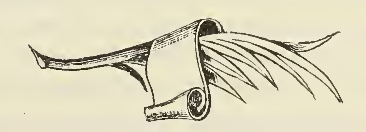
[1]) Ходили слухи, что Приклонскій, подъ чужимъ именемъ, вошелъ въ подрядъ на работы по этому монастырю; дополнительныя смѣты слѣдовали одна

Тотъ замѣтно оробѣлъ, сталъ отвѣчать что-то; но государь, не дождавшись конца его рѣчи, поклонился намъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько времени, весьма скоро, Приклонскій былъ смѣненъ.

Выйдя на лѣстницу, ведущую изъ бель-этажа внизъ, мы стали спрашивать стоявшаго на лѣстницѣ лакея, куда идти въ покои къ наслѣднику. — «Къ вашимъ услугамъ, — перебилъ наши разспросы самъ цесаревичъ, всходившій къ намъ на встрѣчу:— позвольте мнѣ васъ проводить къ себѣ!» Мы пошли вслѣдъ за его высочествомъ. Въ корридорѣ повстрѣчалась какая-то дама пожилыхъ лѣтъ. Великій князь, съ утонченной вѣжливостью, поцѣловалъ у нея руку и проводилъ нѣсколько шаговъ мимо насъ. Потомъ, когда мы взошли въ покои, по предварительному докладу черезъ адъютанта Кавелина фамиліи каждаго изъ насъ, цесаревичъ сказалъ всякому нѣсколько привѣтливыхъ словъ: «Вы, ваше превосходительство, до Витебска были, кажется, въ Симбирскѣ? Я слыхалъ о васъ!» Затѣмъ, раскланявшись, обратился ко всѣмъ съ извиненіемъ, что крайне сожалѣетъ, что время не дозволяетъ ему долѣе заняться съ нами, ибо онъ имѣетъ свой назначенный часъ у государя и опасается, что уже пропустилъ оный, но имѣетъ достаточно уважительную причину къ извиненію себя—наше посѣщеніе.

Передъ отъѣздомъ я представлялся великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она, между прочимъ, спрашивала меня, правда ли, что генералъ Дьяковъ все еще боленъ (очевидно, разумѣя его ипохондрію). Я отвѣчалъ, что послѣднее извѣстіе о немъ имѣлъ благопріятное. «Но часто ли возобновляются у него припадки этой болѣзни, ломота ноги и подагра?»—спросила великая княгиня.— «Возобновляются», — отвѣчалъ я, съ уклончивостью отъ прямаго отвѣта.

И. С. Жиркевичъ.

за другой; работы производились небрежно и изъ худаго матеріала; рабочихъ совсѣмъ не разсчитывали. Жаловались губернатору: тотъ, конечно, бралъ сторону подрядчика, то-есть свою. Все это стало извѣстнымъ и было доложено государю.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ВРЕМЕНЩИКЪ.

Въ минувшемъ году, 5-го октября, исполнилось ровно сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ среди глухой Бессарабской степи, подъ открытымъ небомъ, умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Екатерининскаго царствованія, человѣкъ, втеченіе 18-ти лѣтъ пользовавшійся почти неограниченной властью, ни до, ни послѣ него никѣмъ не достигнутою. Въ жизни и характерѣ его долгое время многое представлялось загадочнымъ. Современные ему писатели, одержимые извѣстною страстью того вѣка дѣлать изъ исторіи своего времени хронику придворныхъ скандаловъ, постарались загромоздить біографію Потемкина массою разсказовъ анекдотическаго характера, въ которыхъ крайне трудно, а иной разъ и совершенно невозможно, разграничить правду отъ лжи.

Но исторія на многое смотритъ иначе, чѣмъ современники. Въ настоящее время мы уже можемъ составить себѣ представленіе о Потемкинѣ гораздо болѣе близкое къ дѣйствительности, чѣмъ то, которое находимъ въ панегирикахъ и памфлетахъ прошлаго и начала этого вѣка [1]).

---

[1]) 5-го октября прошлаго года, въ годовщину смерти Потемкина, вышла біографія его, написанная профессоромъ Брикнеромъ. Это чуть ли не первая монографія о знаменитомъ временщикѣ, въ которой собранъ весь обширный, въ послѣднее время такъ разросшійся, историческій матеріалъ. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы главнымъ образомъ основывались на этомъ трудѣ.

Эпоха полновластныхъ временщиковъ, которая является въ нашей исторіи почти весь XVIII вѣкъ, получила, можно сказать, завершеніе въ лицѣ Потемкина, наиболѣе ясно воплотившаго въ себѣ главныя черты «полудержавныхъ властелиновъ», десятки лѣтъ державшихъ въ рукахъ судьбы нашего отечества. Такимъ завершителемъ является онъ и по той мѣрѣ власти, которою былъ облеченъ, и по тому ничѣмъ неограниченному произволу, съ которымъ ею пользовался, придавая исполненію своихъ личныхъ причудъ и капризовъ не меньшее значеніе, чѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. На ряду съ этимъ, однако, и въ характерѣ, и въ дѣлахъ этого человѣка было много такого, что заставляетъ насъ удѣлить ему особое мѣсто, признать его стоящимъ несравненно выше многочисленныхъ фаворитовъ того времени, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ заслугамъ скорѣе личнаго, чѣмъ государственнаго характера.

Сынъ небогатаго помѣщика Смоленской губерніи, Потемкинъ еще съ раннихъ лѣтъ, на ряду съ выдающимися способностями, отличался непомѣрнымъ честолюбіемъ и страстью къ разнаго рода грандіознымъ проектамъ. Въ его дѣтскихъ мечтахъ то мелькала мысль, что онъ будетъ министромъ, добьется высокихъ чиновъ и почестей, то представлялось ему, что онъ приметъ постриженіе, сдѣлается архіереемъ, а то и митрополитомъ, и будетъ «командовать попами»; въ иную же минуту онъ мечталъ собрать огромныя богатства, скупить гдѣ нибудь массу домовъ, снести ихъ всѣ и построить чудовищныхъ размѣровъ дворецъ. Поступивъ, послѣ переселенія матери (отецъ его умеръ рано) въ Москву, въ гимназію при университетѣ, онъ вначалѣ напряженно занимался. Его дарованія и успѣхи обратили на себя вниманіе начальства, и вскорѣ Потемкинъ въ числѣ лучшихъ учениковъ удостоивается чести быть представленнымъ государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Но тутъ сказалась черта характера, которую мы и потомъ часто замѣчаемъ у Потемкина. Страстно предавшись какой нибудь мысли, онъ вначалѣ всѣ свои старанія употребляетъ на достиженіе цѣли, потомъ, однако, вдругъ охладѣваетъ къ своей мечтѣ, впадаетъ въ хандру, или же всѣ свои силы сразу устремляетъ на что либо другое. Такъ было и теперь. Онъ бросаетъ занятія наукою, по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ дому, запоемъ читая разныя «душеспасительныя» книги, и, наконецъ, исключается изъ числа учениковъ «за лѣность и нехожденіе». Достигнувъ такого результата на научномъ поприщѣ, Потемкинъ рѣшается посвятить себя военной службѣ. Онъ добываетъ кое-какія средства, переѣзжаетъ въ Петербургъ, и здѣсь поступаетъ въ гвардію, въ которой, какъ тогда водилось, онъ былъ записанъ чуть ли не съ тринадцати лѣтъ.

Это случилось въ 1761 году.

Время было какъ разъ очень счастливое для человѣка, только

и жаждавшаго того, чтобы выдвинуться. При дворѣ происходила борьба двухъ партій, причемъ гвардія поддерживала ту, во главѣ которой стояла молодая великая княгиня, а вскорѣ императрица, Екатерина Алексѣевна, быстро съумѣвшая окружить себя толпою горячихъ приверженцевъ. Потемкинъ примкнулъ къ этой партіи, и при переворотѣ 26-го іюня ему удалось обратить на себя вниманіе монархини. Всѣ знаютъ разсказъ о темлякѣ, благодаря которому будто бы молодой сержантъ сдѣлался лично извѣстенъ государынѣ; но случай этотъ, хотя, какъ говорили, разсказанный впослѣдствіи самимъ княземъ, едва ли вполнѣ достовѣренъ: по крайней мѣрѣ, вѣрность его отрицаетъ родной племянникъ Потемкина. Такъ или иначе, однако, первый шагъ къ единственному тогда возможному возвышенію былъ сдѣланъ. Государыня запомнила Потемкина и отзывалась объ его участіи въ государственномъ переворотѣ въ томъ смыслѣ, что онъ «направлялъ все благоразумно, смѣло и дѣятельно». Бывшій сержантъ былъ произведенъ въ подпоручики и камеръ-юнкеры, получилъ денежное вознагражденіе и, что для него было важнѣе всего, доступъ ко двору.

Существуютъ различные разсказы о томъ, какъ воспользовался Потемкинъ этимъ дозволеніемъ. Одинъ современникъ разсказываетъ, что, «стараясь нравиться императрицѣ, онъ ловилъ ея взгляды, вздыхалъ, имѣлъ дерзновеніе дожидаться въ коридорѣ и, когда она проходила, упадалъ на колѣни и, цѣлуя ей руку, дѣлалъ нѣкотораго рода изъясненія» и т. д. Другой сообщаетъ, что онъ забавлялъ государыню своимъ умѣньемъ поддѣлываться подъ чужой голосъ и этимъ будто бы заслужилъ ея расположеніе. Третій приводитъ факты, свидѣтельствующіе, что главною его цѣлью было оттѣсненіе братьевъ Орловыхъ: на это были направлены всѣ его усилія, но они не увѣнчались успѣхомъ, и въ придачу еще однажды Григорій и Алексѣй Орловы страшно избили его палками. Къ величайшему отчаянію своему, Потемкинъ въ это время лишился еще и одного глаза, какимъ именно образомъ — неизвѣстно: одни винили въ томъ дѣлѣ Орловыхъ, другіе всю вину сваливали на неумѣлыя припарки какого-то мужика-знахаря (по преданію, того же самаго, который изобрѣлъ знаменитый напитокъ «Ероѳеичъ»). Потемкинъ захандрилъ, заперся безвыѣздно и сталъ, какъ въ дѣтствѣ, подумывать о постриженіи. Отъ этого рѣшенія его удержала сама императрица.

Потемкинъ опять остается при дворѣ, медленно подвигаясь вверхъ по лѣстницѣ чиновъ и почетныхъ должностей; онъ послѣдовательно производится въ поручики, камергеры, отчисляется по особой волѣ императрицы ко двору и, наконецъ, назначается опекуномъ отъ иновѣрцевъ въ «Большую Коммиссію» 1767 года. Мало извѣстно вообще о жизни Потемкина за эти пять лѣтъ, но мы видимъ, что за все это время императрица благоволитъ къ нему,

держитъ его при дворѣ, хотя пока еще не считаетъ нужнымъ или не находитъ возможнымъ облекать его властью. Честолюбивый нравъ будущаго свѣтлѣйшаго князя Таврическаго не могъ выносить такого положенія. Ему хотѣлось поскорѣе выдвинуться чѣмъ нибудь, заставить говорить о себѣ и добиться, наконецъ, желанной цѣли.

Въ это время какъ разъ шла война съ Турціей, одна изъ наиболѣе славныхъ, когда либо веденныхъ нами. Григорію Александровичу пришла мысль принять въ ней участіе, чтобы добытою на полѣ битвы славою обратить на себя большее вниманіе. Онъ пишетъ государынѣ прошеніе, въ которомъ проситъ снять съ себя обязанности опекуна, чтобы онъ могъ «для славы ея величества кровь пролить» на войнѣ. Онъ получаетъ дозволеніе и поступаетъ въ армію «волонтиромъ».

Дѣйствія его на войнѣ были удачны, по крайней мѣрѣ, по донесеніямъ фельдмаршала Румянцева, онъ разбилъ турокъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, принималъ участіе въ главныхъ сраженіяхъ, причемъ иногда отличался, взялъ въ плѣнъ нѣсколько судовъ турецкихъ и т. д. Пробывъ около года на войнѣ, Потемкинъ въ 1770 году возвращается въ Петербургъ, но лишь на короткое время. Между нимъ и государыней происходятъ какіе-то переговоры, о содержаніи которыхъ намъ почти ничего неизвѣстно. Мы знаемъ лишь, что съ этихъ поръ онъ состоитъ съ нею въ перепискѣ.

Проходитъ еще два года съ небольшимъ, въ теченіе которыхъ Потемкинъ принимаетъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ получаетъ чинъ генералъ-маіора, потомъ генералъ-поручика. Не военные подвиги, однако, должны были выдвинуть его, а обстоятельства совершенно иного рода.

Въ концѣ 1773 года Потемкинъ получилъ небольшое собственноручное письмо Екатерины. Выражая здѣсь свою увѣренность въ полной преданности ей Григорія Александровича, государыня просила его «попустому не вдаваться въ опасности» и не заниматься черезчуръ «глазѣньемъ на Силистрію». Заключалось письмо слѣдующими словами:

«Вы, читавъ сіе письмо, можетъ статься, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей о васъ, ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна».

Получивъ это письмо, Потемкинъ тотчасъ уѣхалъ изъ арміи и въ началѣ 1774 года былъ уже въ Петербургѣ.

Въ его судьбѣ произошла рѣшительная перемѣна.

Императрица чувствовала необходимость въ близости преданнаго человѣка. Внутреннія дѣла въ государствѣ въ это время приняли плохой оборотъ: въ народѣ недовольство, бунты, въ придворномъ кругу постоянныя интриги; молодой государынѣ положи-

тельно не на кого было опереться. Въ Потемкинѣ она предполагала создать себѣ такого рода опору. Григорій Александровичъ тотчасъ послѣ пріѣзда былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и повышенъ въ чинъ генералъ-аншефа.

Новый генералъ-адъютантъ сталъ однимъ изъ лицъ, которыхъ чаще всего можно было встрѣтить при дворѣ. Онъ почти постоянно находился при особѣ императрицы, бывалъ съ нею въ театрѣ, часто бесѣдовалъ съ нею и, по словамъ современницы, «постоянно дежурилъ у нея вмѣсто другихъ». Почести, одна за другой, посыпались на фаворита, оттершаго отъ двора всѣхъ прежнихъ любимцевъ. Непріятнѣе всего происшедшая перемѣна должна была отразиться на братьяхъ Орловыхъ, до сихъ поръ пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ. Вражда между Потемкинымъ и Орловыми существовала уже раньше, но тогда первый долженъ былъ уступить. Теперь судьба перемѣнилась. Гр. Алексѣй Орловъ находился съ эскадрою на югѣ, а князю Григорію не подъ силу было отстаивать свое прежнее положеніе. По поводу отношеній обоихъ фаворитовъ, бывшаго и настоящаго, разсказывался при дворѣ слѣдующій анекдотъ. Однажды, какъ-то случилось, что Потемкинъ подъѣхалъ ко дворцу какъ разъ въ то время, когда князь Орловъ собирался уходить. На лѣстницѣ, ведущей въ покои государыни, оба соперника встрѣтились. Потемкинъ, смущенный неожиданной встрѣчей и не зная, о чемъ заговорить, обратился къ князю съ привѣтомъ и спросилъ его: «Нѣтъ ли чего новаго при дворѣ?» — «Ничего,—отвѣчалъ сухо Орловъ:—только вы поднимаетесь, а я опускаюсь».

Всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла государственныя мало по малу сосредоточились въ рукахъ Потемкина. Возведенный въ графское достоинство по случаю заключенія выгоднаго мира съ Турціею, назначенный генералъ-губернаторомъ Новороссійской губерніи, а затѣмъ и вице-президентомъ военной коллегіи, онъ сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ. Императрица не скупилась на награды своему любимцу: кромѣ значительныхъ денежныхъ подарковъ, онъ получилъ и всѣ почти русскіе ордена. Могущество фаворита обратило на него вниманіе иностранныхъ дворовъ. Короли шведскій, датскій, прусскій и польскій посылаютъ Потемкину черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ высшіе знаки отличій; австрійскій императоръ возводитъ его въ князья Священной Римской имперіи. Потемкинъ достигъ цѣли своихъ желаній. Въ средѣ придворной его окружало полное раболѣпіе, сами бывшіе его соперники льстили ему во всемъ; университетъ, не такъ давно исключившій его, посвящалъ ему вирши на латинскомъ языкѣ, поэты Сумароковъ и Херасковъ славили его какъ своего Мецената, а нѣкій протоіерей Алексѣевъ даже сочиненный имъ «Церковный словарь» счелъ за лучшее посвятить и преподнести его сіятельству.

Недюжинная натура князя наиболѣе ясно сказывается въ той дѣятельности, изумительной по своему разнообразію, которую онъ проявлялъ въ это время, когда казался современникамъ совершенно поглощеннымъ погонею за почестями и придворными интригами.

Оставаясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, Потемкинъ, все-таки, напряженно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на немъ, онъ завѣдывалъ отправкою новыхъ полковъ и руководилъ мирными переговорами. Его настойчивости Екатерина впослѣдствіи приписывала успѣшное заключеніе мира при Кучукъ-Кайнарджи, чуть ли не единственнаго въ нашей многовѣковой борьбѣ съ Турціею, гдѣ дѣйствительно русская дипломатія достигла намѣченныхъ ею цѣлей. Онъ принималъ участіе въ вопросахъ финансоваго управленія, подавалъ совѣты и составлялъ докладныя записки по поводу Пугачевскаго бунта, крестьянскихъ волненій и т. п. Наиболѣе интересовали его, однако, вопросы внѣшней политики, и изъ нихъ особенно в о п р о с ъ в о с т о ч н ы й.

Екатерининское царствованіе было временемъ, когда ожили и сильно заявили о себѣ интересы Россіи на Востокѣ. Оживилась память о частыхъ просьбахъ единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ прійти имъ на помощь, содѣйствовать ихъ освобожденію; вспомнили планы Петра Великаго и памятный своимъ печальнымъ исходомъ походъ его; стали съ большею настойчивостью стремиться къ осуществленію тѣхъ плановъ относительно сѣвернаго побережья Чернаго моря, которые уже со временъ Іоанна Грознаго питались нашимъ правительствомъ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, крайне выгодный для Россіи и богатый по своимъ результатамъ, остановился какъ бы на полпути. Татарскія области на сѣверѣ Чернаго моря были отняты у Турціи, но не были присоединены и къ Россіи: онѣ оставались въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи, колеблющемся между русскимъ и турецкимъ вліяніемъ, что̀ не могло, конечно, продолжаться долго. Отношенія къ единовѣрцамъ нашимъ, славянамъ и грекамъ, въ особенности же къ дунайскимъ княжествамъ, оставались также неопредѣленными: въ мирныхъ условіяхъ было установлено, и притомъ въ весьма неясныхъ чертахъ, лишь право покровительства Россіи ея единовѣрцамъ.

На этомъ, конечно, нельзя было остановиться; эта мысль представлялась наиболѣе ясно Потемкину. Еще будучи на первой турецкой войнѣ,—разсказываетъ намъ его племянникъ (Самойловъ),—онъ неоднократно вспоминалъ о походахъ первыхъ князей на Царьградъ, сравнивалъ татаръ съ половцами, разсуждалъ о тѣхъ путяхъ, которыми теперь Россія могла бы прійти къ осуществленію своихъ вѣковыхъ стремленій. У него уже въ это время былъ составленъ планъ отдѣлить татаръ отъ турокъ и привести Крымъ

и всѣ турецкія крѣпости сѣвернаго побережья Чернаго моря подъ власть Россіи. «Тогда,—разсуждалъ онъ,—Новороссія будетъ вся въ нашихъ рукахъ, и мы будемъ, наконецъ, послѣ столькихъ вѣковъ покойны на счетъ нашихъ южныхъ границъ. Черное море будетъ въ нашихъ рукахъ, оно будетъ нашимъ моремъ и отъ насъ будетъ зависѣть, захотимъ ли мы запирать ходъ туркамъ, кормить ли ихъ или морить съ голоду». Фантазія князя разъигрывалась и далѣе, и принимала подчасъ довольно причудливыя формы. Онъ видѣлъ уже цѣлый рядъ богатыхъ торговыхъ городовъ и военныхъ портовъ по всему сѣверному побережью Чернаго моря. Русскій флагъ гордо развѣвается и на цитаделяхъ крѣпостей, и на массѣ грозныхъ военныхъ фрегатовъ и торговыхъ кораблей, покрывающихъ море. Русскія суда безпрепятственно плаваютъ повсюду, проходятъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное море, всюду разнося славу русскаго имени и накопляя въ родной сторонѣ огромныя богатства. На мѣстѣ татарскихъ улусовъ, гдѣ собирались шайки грабителей, втеченіе вѣковъ безпокоившія русскія предѣлы, глазамъ его представлялись многолюдные города съ прекрасными зданіями, гдѣ вмѣсто мечетей возвышаются православные храмы, величіемъ и блескомъ затмевающіе величайшія произведенія западнаго искусства. Планы, или, вѣрнѣе, мечты князя не останавливались ни передъ чѣмъ. «Порта,—думалъ онъ,—покорится нашему оружію. Единовѣрцамъ нашимъ послѣ долгаго рабства, наконецъ, будетъ возвращена свобода. Царьградъ, колыбель православія, снова станетъ столицею христіанскаго государства, и надъ Св. Софіею будетъ сіять крестъ вмѣсто полумѣсяца». Послѣдняя мысль до того ясно представлялась ему, что при рожденіи великаго князя Константина Павловича по его плану была выбита медаль, на которой изображался Софійскій храмъ въ Константинополѣ и звѣзда, озарявшая своими лучами Черное море: какъ самъ Потемкинъ, такъ и императрица, были убѣждены, что носитель имени послѣдняго византійскаго императора будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обновителемъ Греческой имперіи и положитъ въ ней основаніе новой династіи.

Прежде всего Потемкинъ рѣшилъ обратить вниманіе свое на Новороссію, но и здѣсь планы его принимали нѣсколько фантастическій характеръ. Весь край предполагалось заселить массою выходцевъ изъ Балканскаго полуострова: сербовъ, болгаръ, грековъ, румынъ и др. Центромъ этой населенной области предполагалось сдѣлать большой городъ на правой сторонѣ Днѣпра. Въ городѣ долженъ былъ основаться университетъ, куда могла бы стекаться массами молодежь изъ Польши, Греціи, Румыніи и т. д. Эта столица Новороссійскаго края должна была украситься массою великолѣпныхъ зданій: предполагались «судилища на подобіе древнихъ базиликъ», лавки «на подобіе Пропилей въ Аѳинахъ», музы-

кальная консерваторія и двѣнадцать огромныхъ фабрикъ, для самыхъ различныхъ производствъ: шерстянаго, шелковаго, суконнаго и т. д. Пространство города было опредѣлено въ триста квадратныхъ верстъ, для пастбищъ городскаго скота предназначалось до восьмидесяти тысячъ десятинъ, улицы предполагались шириною въ 30 саженей. Въ самомъ центрѣ города долженъ былъ находиться храмъ, по внѣшнему виду схожій съ храмомъ св. Петра въ Римѣ, но только,—фантазіи князя подчасъ были довольно странныя,—на аршинъ выше этого послѣдняго.

Таковы были мечты и планы, роившіеся въ головѣ этого «князя Тьмы», какъ называетъ его современный памфлетъ, котораго тогда и позже весьма многіе считали человѣкомъ исключительно преданнымъ мелочному честолюбію, обжорству и всевозможнымъ инымъ порокамъ. Личное честолюбіе, правда, играло не маловажную роль во всѣхъ этихъ планахъ, и не совсѣмъ неправы какъ современники, такъ и новѣйшіе историки, подозрѣвавшіе, что Потемкинъ мечталъ о царскомъ вѣнцѣ для себя въ томъ государствѣ, которое онъ предполагалъ создать силою русскаго оружія. Нельзя, однако, не придать большаго значенія тому обстоятельству, что въ сущности главная часть этихъ плановъ, особенно, что касается сѣвернаго побережья Чернаго моря, отношеній къ славянамъ Балканскаго полуострова и пр., носятъ характеръ далеко не личный: ихъ выработало съ давнихъ временъ наше народное самосознаніе, и они въ той или другой формѣ сказывались какъ задолго до Потемкина, такъ и не разъ послѣ него.

Надѣясь дѣйствительно достигнуть исполненія своихъ начертаній, Потемкинъ внимательно слѣдилъ за ходомъ русской политики и за событіями на Востокѣ. Преданные агенты доносили ему обо всемъ, что дѣлалось въ дунайскихъ княжествахъ, на Кавказѣ, въ Грузіи, Персіи и Константинополѣ. Князь состоялъ въ секретной перепискѣ съ посломъ нашимъ въ Константинополѣ, сообщавшимъ ему о настроеніи умовъ въ столицѣ османли; по его плану составлялись записки о нападеніи на Дарданеллы, завладѣніи Очаковымъ и т. д.

Обращая вниманіе на дѣятельность князя въ это время, мы во многомъ можемъ уяснить себѣ характеръ его. Во всѣхъ его планахъ видна погоня за грандіознымъ, выходящимъ изъ ряду, причемъ мало обращается вниманія на близкое, на тѣ мелочи, безъ которыхъ ничто не можетъ быть достигнуто. Когда эти планы приходилось приводить въ исполненіе, мелочи, упущенныя изъ виду, давали себя знать, тормозили ходъ дѣла и зачастую выводили изъ себя князя, разсчитывавшаго на быстрое исполненіе своихъ замысловъ. Размашистая натура Потемкина, любившаго строить гигантскіе планы, не имѣла достаточно настойчивости для приведенія ихъ въ исполненіе. Поэтому, рьяно принявшись сначала за дѣло,

онъ въ концѣ концовъ довольствовался какимъ либо чисто внѣшнимъ успѣхомъ и переходилъ къ чему нибудь новому.

Была и еще одна черта въ характерѣ его, которая не могла не отразиться на его дѣятельности: твердая вѣра въ себя и въ свое счастіе, лишь въ рѣдкія минуты покидавшая его. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ всегдашнемъ счастіи, называлъ себя enfant gâté de Dieu, которому нечего опасаться какихъ бы то ни было опасностей. Когда въ 1785 году ко двору былъ приближенъ Ермоловъ, и всѣ прихлынули къ этому новому любимцу, оставивъ совершенно безъ всякаго вниманія Потемкина, паденіе котораго ожидалось съ часу на часъ, князь и не думалъ о томъ, чтобы ему могла угрожать какая нибудь опасность. Французскій дипломатъ графъ Сегюръ напомнилъ князю о ней и получилъ отвѣтъ такого рода: «Я знаю,—сказалъ ему Потемкинъ:—про меня говорятъ, что я погибну. Не безпокойтесь: меня не погубитъ этотъ мальчикъ, и вообще нѣтъ никого, кто бы осмѣлился это сдѣлать. Я слишкомъ презираю моихъ враговъ, чтобы бояться ихъ». Князь былъ правъ. Прошло нѣсколько времени, Ермоловъ былъ удаленъ, и прежняя власть снова находилась въ рукахъ Потемкина. Та же самоувѣренность высказывалась временщикомъ и въ виду опасностей чисто стихійнаго характера, которыхъ личными усиліями нельзя было устранить. Когда на глазахъ его взлетѣлъ на воздухъ со всѣмъ экипажемъ корабль, на который онъ только что хотѣлъ сѣсть, онъ съ вполнѣ серьезнымъ видомъ обратился къ сопровождавшему его австрійскому военно-дипломатическому агенту, принцу де-Линю, и сказалъ съ увѣренностью и той набожностью, которою онъ любилъ иногда щеголять: «То же самое воспослѣдовало бы и съ нами, но небо оказываетъ мнѣ особенную милость и печется денно и нощно о моемъ сохраненіи». Другой разъ, осаждая Бендеры, Потемкинъ въ первой линіи лично указывалъ, гдѣ слѣдуетъ заложить осадныя батареи. Турки узнали его, масса орудій была направлена на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, причемъ одно ядро упало недалеко отъ князя и забросало его землею. Онъ вполнѣ спокойно замѣтилъ: «Турки цѣлятъ въ меня», постоялъ еще нѣкоторое время на томъ мѣстѣ и медленно проѣхалъ потомъ по линіи, не обращая никакого вниманія на учащенные выстрѣлы. Эта увѣренность въ своемъ счастіи, доходившая до фатализма, по временамъ прерывалась въ характерѣ князя мгновенными, всегда непродолжительными приступами меланхоліи, хандры. По временамъ онъ, повидимому, тяготился своимъ положеніемъ, сознавалъ, что власть его основана на шаткой почвѣ, что вся она покоится на одномъ лишь, можетъ быть, временномъ расположеніи государыни. Отъ этихъ же мыслей, или же отъ пресыщенія властью, часто, по его собственному выраженію, на него «черною тучею находила грусть», онъ впадалъ въ полнѣйшее уныніе. Въ такія минуты онъ затворялся въ своемъ

кабинетѣ, приказывалъ не допускать до себя никого, ничего не дѣлалъ, лежалъ на софѣ въ халатѣ, босой и нечесанный, и лишь грызъ ногти и потиралъ лобъ. Такія минуты, однако, быстро проходили, и онъ спѣшилъ вознаградить себя за нихъ потворствомъ разнаго рода причудамъ, приходившимъ ему въ голову. Тѣшась раболѣпствомъ окружавшихъ его, онъ позволялъ себѣ неслыханныя вещи. Находясь при войскѣ въ качествѣ главнокомандующаго, онъ то посылалъ своихъ адъютантовъ въ Парижъ за башмаками для Прасковьи Андреевны Потемкиной, то цѣлыми десятками разсылалъ своихъ курьеровъ въ разныя стороны: за огурцами въ Сибирь, за сладкимъ тѣстомъ въ Калугу и т. д., а то еще залпомъ изъ сотенъ орудій приказывалъ торжествовать побѣду надъ сердцемъ одной изъ своихъ многочисленныхъ возлюбленныхъ. Сюда же относятся его роскошныя празднества и пиры, гдѣ иногда одно какое либо блюдо стоило тысячи, а на фейерверкахъ число ракетъ считалось сотнями тысячъ.

Вся Европа говорила о подобныхъ затѣяхъ князя, которыя досужая фантазія разнаго рода памфлетистовъ увеличивала еще до самыхъ грандіозныхъ размѣровъ. Можемъ указать одинъ изъ такихъ разсказовъ, который характеризуетъ ихъ всѣхъ. По словамъ одного иностранца-современника, во время путешествій князя впереди ѣхалъ всегда англичанинъ-садовникъ съ шестью стами помощниковъ. Если князю хотѣлось гдѣ нибудь отдохнуть, онъ отдавалъ приказаніе англичанину, и тотъ съ невѣроятною быстротою разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ, даже если бы остановка продолжалась не дольше дня. Однако же, многое изъ того, что разсказывалось про прихоти временщика, пожалуй, даже большинство разсказовъ, было вполнѣ справедливо, и враги его имѣли за себя очень много фактовъ, утверждая, что Потемкинъ только и дѣлаетъ, что «дуритъ, обжирается и дѣлаетъ проказы, нимало съ его саномъ несообразныя».

Глубоко ошибались, однако, тѣ, которые думали, что этимъ ограничивалось все времяпровожденіе фаворита. Прикрываясь этимъ вѣчнымъ праздникомъ, вѣчнымъ пиршествомъ и всякаго рода затѣями, Потемкинъ въ то же время былъ неутомимо дѣятеленъ по различнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и усердно старался о приведеніи въ исполненіе тѣхъ своихъ начертаній, о которыхъ мы говорили выше.

Дѣятельность его въ началѣ почти исключительно была направлена на устроеніе Новороссійскаго края, подчиненнаго его управленію. Вся эта мѣстность въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка представляла собою безлюдную пустынную степь, немногіе жалкіе поселки которой въ одинаковой степени терпѣли отъ набѣговъ татаръ и не менѣе ихъ любившихъ пограбить запорожцевъ. Кое-гдѣ по этой степи были разбросаны небольшія крѣ-

постцы съ довольно разношерстнымъ составомъ гарнизоновъ: главную массу ихъ составляли выходцы изъ Сербіи, Болгаріи, Греціи и др. странъ Балканскаго полуострова.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Потемкина было уничтоженіе Запорожской Сѣчи, теперь уже ненужной для защиты нашихъ границъ отъ татаръ. Самъ князь былъ сторонникомъ казаковъ, онъ предпочиталъ ихъ всякому другому конному войску, и впослѣдствіи его обвиняли даже въ желаніи всю конницу превратить въ казаковъ. Въ данномъ случаѣ онъ, однако, считалъ совершенно невозможнымъ дольше оставить Сѣчь, въ которой смута смѣняла смуту. Запорожцы были весьма запуганы этими планами и отправили къ Потемкину, который самъ былъ записанъ въ сѣчевыхъ казакахъ подъ именемъ «Грицка Нечеса», депутацію, во главѣ которой находился полковой старшина Головатый.

Головатый тотчасъ явился къ князю и подалъ ему проектъ о реформѣ Сѣчи, могшій бы внести больше порядка въ ея внутреннее управленіе. Потемкинъ выслушалъ рѣчь Головатаго, бумаги его съ проектомъ бросилъ въ уголъ и сказалъ довольно сердито:

— «Право! Не можно вамъ оставаться. Вы крѣпко расшалились и ни въ какомъ видѣ не можете уже принести пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла».

При этихъ словахъ онъ сунулъ Головатому толстую тетрадь, въ которой одни противъ другихъ были размѣщены всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожскаго войска. Головатый посмотрѣлъ въ тетрадь и потомъ о ней отзывался слѣдующимъ образомъ: «Все было написано вѣрно, никакое обстоятельство изъ обоихъ дѣйствій не осталось скрытымъ или ослабленнымъ, но писарь-то хитрый какую штуку придумалъ? Худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца въ два словами величиною въ воробьевъ, а что добраго сдѣлала Сѣчь, то было написано часто и мелко, точно макомъ усыпано. Отъ того наши худыя дѣла занимали больше мѣста, нежели добрыя». Головатый, конечно, здѣсь выражался гиперболически. Черезъ нѣсколько дней старшина опять зашелъ къ Потемкину, но было уже поздно: все было сдѣлано. Полковникъ Текелли, по порученію князя, овладѣлъ безъ выстрѣла всѣми укрѣпленіями Сѣчи и положилъ конецъ вольному устройству Запорожья. Потемкинъ встрѣтилъ Головатаго словами: «Все кончено. Текелли доноситъ, что исполнилъ полученіе. Пропала ваша Сѣчь». Головатый какъ громомъ былъ пораженъ этою вѣстью и, не помня себя, съ горечью замѣтилъ: «Пропали же и вы, ваша свѣтлость!» — «Что ты врешь?—закричалъ на него Потемкинъ:—и притомъ,—разсказывалъ Головатый,—такъ взглянулъ на меня, что я на лицѣ его ясно прочелъ мой маршрутъ въ Сибирь и потому крѣпко струсилъ. Надо было поспѣшить смягчить гнѣвъ всемогущаго вельможи, и я, не смотря на сильную горесть, поразившую

меня, скоро нашелся и отвѣчалъ ему: «Вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ; такъ коли Сѣчь уничтожена, то и ваше казачество кончилось».—«То-то же, ври, да не завирайся!»—сердито сказалъ князь. Депутаты, вскорѣ послѣ этого, были переименованы въ армейскіе чины и отпущены. Большая часть запорожцевъ была принята въ дѣйствующую армію, въ войско «вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ», и потомъ они не разъ во время войны оказывали большія услуги главнокомандующему.

Вторымъ важнымъ дѣломъ Потемкина въ первые же годы управленія южнымъ краемъ было присоединеніе Крыма, событіе первостепенной важности въ исторіи распространенія владѣній Россіи на югѣ. Что этотъ шагъ давно уже входилъ въ програму дѣйствій Потемкина, мы видѣли выше.

Въ это же время шли дѣятельно работы по водворенію порядка въ Новороссіи. На сѣверномъ берегу Чернаго моря, у устья Днѣпра, былъ основанъ Херсонъ, куда черезъ два года по закладкѣ перваго строенія уже ходили корабли съ грузомъ и подъ русскимъ флагомъ; здѣсь селились колонисты изъ разныхъ краевъ, частью сербы и волохи, частью русскіе старообрядцы; строились храмы, присутственныя мѣста, фабрики. Не прошло и восьми лѣтъ съ начала управленія Потемкина въ южномъ краѣ, какъ онъ уже представлялъ совсѣмъ иной видъ. Тамъ, гдѣ простиралась пустынная степь, гдѣ очень недавно лишь кое-гдѣ виднѣлись разсѣянныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга избушки, теперь, проѣзжая изъ Кременчуга въ Херсонъ, путешественникъ встрѣчалъ цѣлый рядъ селеній, отстоявшихъ другъ отъ друга не далѣе двадцати, тридцати верстъ. Въ самомъ Херсонѣ находилось, ежедневно увеличивавшееся, множество каменныхъ зданій, крѣпость съ цитаделью, адмиралтейство съ строившимися или уже построенными кораблями; около крѣпости простиралось обширное предмѣстье съ домами купечества и мѣщанъ и казармами, вмѣщавшими до 10,000 солдатъ. На островкѣ въ лиманѣ, находившемся противъ города, находился карантинъ, у котораго постоянно толпилась масса греческихъ купеческихъ кораблей. Немало должны были возбуждать изумленіе современниковъ и другіе вновь построенные города: Николаевъ и особенно же Екатеринославъ, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росъ и украшался. Многіе города, правда, были еще только въ зачаточномъ состояніи. Путешественники встрѣчали такіе изъ нихъ, гдѣ не было улицъ, или были улицы, но безъ домовъ, дома же безъ крышъ, безъ дверей и и безъ оконъ; работа, однако, шла дѣятельно, и эти города мало по малу получали приличный видъ. На Днѣпрѣ, въ нижней части его теченія, шло довольно оживленное судоходство. Для облегченія его Потемкинъ думалъ взорвать Ненасытецкіе пороги, но это благое намѣреніе привело къ довольно печальному результату: взрывъ

только загромоздилъ русло рѣки новыми обломками камней. Въ степи во многихъ мѣстахъ разводились виноградники, рощи и цѣлые лѣса; въ городахъ учреждались школы, даже началось возводиться зданіе для Екатеринославскаго университета, въ который изъ-за границы были приглашены нѣкоторые преподаватели; строились фабрики и мастерскія.

Новоприсоединенный Крымъ подъ управленіемъ Потемкина также принялъ совершенно иной видъ. Татарскіе города и деревни исчезли, и на мѣстѣ ихъ появились зданія европейскаго образца, русское населеніе и т. д. Не обошлось при этомъ, конечно, безъ притѣсненій прежняго населенія, но, по всей вѣроятности, отзывы иностранныхъ памфлетистовъ объ этомъ дѣлѣ въ сильной степени преувеличены. Главною причиною послѣдовавшаго вскорѣ послѣ присоединенія Крыма выселенія татаръ были интриги со стороны Турціи, заставлявшія татаръ массами уходить въ земли прежняго своего владыки. Самымъ удачнымъ изъ начатыхъ здѣсь Потемкинымъ дѣлъ было основаніе Севастополя на мѣстѣ, представляющемъ превосходныя условія для морскаго порта на всемъ сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Здѣсь была устроена гавань для военныхъ судовъ, въ которой уже черезъ два года послѣ присоединенія полуострова находилась небольшая эскадра изъ линейныхъ кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ, зародышъ славнаго впослѣдствіи Черноморскаго флота. Этимъ флотомъ болѣе всего гордился Потемкинъ, на него онъ просилъ государыню главнымъ образомъ обратить вниманіе.

«Я,—писалъ онъ ей,—матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто (Севастопольскую гавань), какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ не слѣдуешь по стезямъ другаго».

Нужно, однако, обратить вниманіе и на другую сторону медали. Препятствія, съ которыми приходилось бороться при выполненіи всѣхъ этихъ замысловъ, были огромны, и князь, во что бы то ни стало желавшій поставить на своемъ, тратилъ огромныя суммы денегъ, часто не видя отъ нихъ никакой пользы. Многіе изъ грандіозныхъ плановъ Потемкина, какъ, напримѣръ, мысль о сооруженіи собора въ Екатеринославѣ и университета съ обсерваторіею тамъ же, потребовали массу и трудовъ, и издержекъ и, всетаки, не могли быть приведены въ исполненіе. Для предполагавшагося собора былъ возведенъ лишь фундаментъ, который теперь служитъ оградою позже построенной въ этомъ мѣстѣ церкви. Человѣческихъ жизней, при приведеніи въ исполненіе плановъ Потемкина, потребовалось также немало. Французскій посолъ при нашемъ дворѣ, графъ Сегюръ, приводитъ намъ отзывъ о работахъ, веденныхъ Потемкинымъ, данный императоромъ Іосифомъ II, который лично осмотрѣлъ преобразованный княземъ Новороссійскій край. Отзывъ

этотъ даетъ дѣйствительно ужасающія подробности. «Мы,—говорилъ императоръ,—въ Германіи и Франціи не смѣли бы предпринимать того, что здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ, рабы работаютъ; имъ вовсе не платятъ или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются, и я знаю, что впродолженіе трехъ лѣтъ въ этихъ вновь пріобрѣтенныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе утомленія и вреднаго климата болотистыхъ мѣстъ, умерло около 50,000 человѣкъ; никто не жаловался, никто даже и не говорилъ объ этомъ». Невозможно допустить, чтобы здѣсь были крупныя преувеличенія.

Не смотря на такое презрѣніе къ человѣческимъ жизнямъ, когда дѣло шло объ исполненіи разнаго рода реформъ, Потемкину, всетаки, нельзя отказать въ извѣстнаго рода гуманности. Эта черта его характера, кромѣ массы мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ, замѣтна и въ той дѣятельности, которую онъ проявилъ, будучи въ описываемое нами время вице-президентомъ военной коллегіи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было измѣненіе солдатской формы, значительно облегчившее службу рядовыхъ, въ то время и безъ того достаточно тяжелую. Со времени Семилѣтней войны солдаты наши носили прусскую форму, уродливую и крайне неудобную. Затянутые въ узкія брюки, которыя можно было надѣвать лишь съ чужою помощью, въ кафтанахъ съ массою клапановъ, обшлаговъ и проч., съ напудренными головами и косичками, въ странной формы треуголкахъ, солдаты мало того, что сами испытывали мученія, были еще до крайности стѣснены въ своихъ движеніяхъ и не могли отличаться требуемою скоростью. Князь совершенно измѣнилъ форму: уродливыя треуголки замѣнилъ легкими касками, пудру и косицы, развивавшія лишь накожныя болѣзни у солдатъ, отмѣнилъ совершенно, вмѣсто неудобныхъ высокихъ сапоговъ ввелъ штиблеты, одѣлъ солдатъ въ удобные шаровары и кафтаны безъ всякихъ лишнихъ придатковъ. Въ то же время онъ старался о сокращеніи времени, до сихъ поръ употреблявшагося на обученіе ружейнымъ артикуламъ, ратовалъ за болѣе гуманное отношеніе къ солдатамъ со стороны ихъ ближайшаго начальства. Солдаты цѣнили его старанія и сложили даже особую пѣсню въ память освобожденія ихъ отъ ненавистной пудры и косицъ, въ которой повторялся припѣвъ: «Дай Богъ тому здоровья, кто выдумалъ сіе», и такъ далѣе.

Труды Потемкина по преобразованію Новороссіи сильно интересовали государыню, и она нѣсколько разъ собиралась посѣтить этотъ край. Въ 1787 году, наконецъ, состоялось это путешествіе, въ которомъ принимали участіе и императоръ германскій Іосифъ II, и представители разныхъ другихъ державъ. Эта знаменитая поѣздка, казавшаяся участникамъ ея страницей изъ «Тысячи и одной ночи», надѣлала шуму во всей Европѣ и дала поводъ къ са-

мымъ разнообразнѣйшимъ толкамъ о дѣятельности всемогущаго временщика. Раззолоченныя галеры, вмѣщавшія до 3,000 человѣкъ, спустились отъ Кіева до Кременчуга, вездѣ по берегамъ вмѣсто пустынной, безлюдной степи, встрѣчая живописныя селенія, толпы крестьянъ, маневрирующія войска. Въ Кременчугѣ путешественниковъ встрѣтили пятнадцать тысячъ вновь созданнаго войска, поразившаго всѣхъ своимъ видомъ и легкостью на маневрахъ. Подобнаго же рода и еще большіе сюрпризы оказались въ Екатеринославѣ и Херсонѣ. По великолѣпной дорогѣ, «на подобіе римскихъ», путешественники направились въ Крымъ, гдѣ ихъ встрѣтили торжественныя депутаціи татаръ и кабардинцевъ. Болѣе всего эффектныхъ сценъ встрѣтилось въ Крыму, всего три года тому назадъ покоренномъ: прекрасные дворцы, сады съ фонтанами, на морѣ сорокъ судовъ подъ русскимъ военнымъ флагомъ, созданные княземъ новые полки, и къ тому же вездѣ, на всѣхъ остановкахъ, празднества, фейерверки, торжественныя встрѣчи. Уже во время самаго путешествія находилось немало скептиковъ, видѣвшихъ во всемъ лишь одинъ фокусъ князя, но блестящія картины, развернутыя имъ, не могли не удивить всѣхъ и каждаго. Евграфъ Александровичъ Чертковъ, человѣкъ не привыкшій льстить кому бы то ни было, слѣдующимъ образомъ отзывался о путешествіи императрицы: «Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея императорское величество попустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явилися. Чертъ знаетъ, откуда явились строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ что... Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ — ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я иногда ходилъ, какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Ну! надобно правду сказать: ему-ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Кажется, не видно было, чтобы онъ въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами.., ну, подлинно удивилъ». И дѣйствительно, необходимо признать, что Потемкинъ съ замѣчательною ловкостью съумѣлъ во время этого путешествія скрыть всѣ недостатки своего управленія, хотя далеко не въ той степени, въ какой это представляли нѣкоторые иностранные памфлетисты. Не заслуживаютъ, напримѣръ, никакого вниманія разсказы о театральныхъ декораціяхъ, будто бы замѣнявшихъ собою села и деревни, о базарахъ, представлявшихъ собою искусственныя драматическія представленія, и т. п. Большая часть того, что показывалъ Потемкинъ импе-

ратрицѣ, существовало дѣйствительно; его ухищренія состояли лишь въ томъ, что онъ обращалъ ея вниманіе лишь на казовыя вещи, старался, чтобы она не прогуливалась пѣшкомъ, маскировалъ недостатки разнаго рода торжественными встрѣчами, празднествами и т. д. Справедливо, однако, то, что многія изъ показанныхъ Потемкинымъ государынѣ чудесъ были лишь временны и послѣ ея отъѣзда скоро исчезли; великолѣпные сады въ Кременчугѣ и другихъ городахъ были тотчасъ же запущены и превратились въ прежнюю голую степь, всѣ почти дворцы, построенные по поводу путешествія Екатерины, раздѣлили ту же участь.

Путешествіе 1787 года, съ сопровождавшими его манифестаціями, было принято Портою, какъ вызовъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Сборы войскъ, черноморскій флотъ, прочія сооруженія Потемкина давно уже возбуждали недовѣріе и опасеніе турокъ, знавшихъ о намѣреніяхъ князя и боявшихся ихъ. Обаяніе князя въ Османской имперіи было довольно велико, особенно среди христіанъ въ Константинополѣ. Когда еще въ 1784 году Потемкинъ собирался посѣтить турецкую столицу, ему писалъ по этому случаю русскій посолъ въ Константинополѣ: «Здѣсь почитаютъ вашу свѣтлость нашимъ верховнымъ визиремъ. Прибытіе ваше сюда не можетъ быть утаено и произведетъ суматоху въ народѣ, коей и еще Сераль и Порта опасаются, ибо думаютъ, что духи еще не успокоились», и т. д. Турецкое правительство рѣшило скорѣе предупредить этого опаснаго человѣка и, пользуясь совѣтами французскаго посла, объявило войну въ тотъ моментъ, когда врагъ еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ подготовиться. У насъ общество было настроено въ пользу войны: надѣялись на армію, собранную Потемкинымъ въ южныхъ предѣлахъ Россіи и по спискамъ доходившую до 100,000, возлагали большія надежды и на черноморскій флотъ. Всѣ были твердо увѣрены, что тотчасъ будетъ предпринята осада Бендеръ и Очакова, русская эскадра подступитъ къ Константинополю, и намъ удастся покончить кампанію въ первый же годъ. Во всемъ этомъ, однако, пришлось горько разочароваться. Разсчетъ турокъ оказался вѣренъ. Русское войско, находившееся подъ начальствомъ Потемкина, было далеко не въ блестящемъ положеніи; значительная часть солдатъ была занята разнаго рода работами и т. д. Весь первый годъ пришлось вести войну лишь оборонительную. Черноморская эскадра, любимое дѣтище Потемкина, не успѣвъ еще ничего сдѣлать, едва не погибла въ самомъ началѣ кампаніи. По плану Потемкина, она должна была найдти и аттаковать турецкій флотъ гдѣ бы то ни было; но на пути къ Варнѣ корабли были застигнуты страшной бурею, продолжавшеюся нѣсколько дней, и потерпѣли сильныя поврежденія. Эта неудача страшно разстроила князя; въ письмахъ его къ государынѣ выражается сильное отчаяніе, онъ нѣсколько разъ просилъ объ

отставкѣ, писалъ, что необходимо сдѣлать уступки туркамъ, даже пожертвовать Крымомъ. Эти приступы отчаянія были, однако, кратковременны.

Слѣдующій 1788 годъ внесъ нѣкоторое оживленіе въ ходъ военныхъ дѣйствій. Русскій флотъ, оправившись отъ своихъ поврежденій, разбилъ турецкій у Очакова и заставилъ его удалиться отъ крѣпости. Потемкинъ рѣшилъ обложить городъ, чтобы блокадою заставить его сдаться. Брать крѣпость штурмомъ князь считалъ рискованнымъ: Очаковъ былъ сильно укрѣпленъ французскими инженерами, снабженъ многочисленнымъ гарнизономъ, и занятіе его стоило бы громадныхъ жертвъ. Сбереженіе солдатъ было всегда главною задачею Потемкина; онъ предпочиталъ приводить къ рѣшенію дѣло либо голодомъ, либо переговорами, боясь пуще всего излишняго пролитія крови. Про него разсказывали, что видъ крови приводилъ его въ какое-то оцѣпенѣніе, и онъ плакалъ всякій разъ, когда получалъ извѣстіе о потеряхъ. Благодаря этому свойству своего характера, онъ и ждалъ теперь, обложивъ Очаковъ съ суши, капитуляціи крѣпости. Проходила недѣля за недѣлею безъ всякихъ перемѣнъ; осаждающіе и осажденные все время ограничивались одною перестрѣлкою и канонадою. Солдаты были недовольны бездѣятельнымъ ожиданіемъ. Армія, не смотря на всѣ старанія князя, чтобы она была одѣта и снабжена пищею, сильно страдала и терпѣла большой ущербъ отъ болѣзней; въ Петербургѣ ходили слухи, что треть арміи Потемкина уже не существуетъ. Императрица стала довольно явно выражать свое неудовольствіе. Тогда рѣшенъ былъ штурмъ, и князь въ награду за взятіе крѣпости обѣщалъ солдатамъ отдать имъ Очаковъ на разграбленіе. Началось ужасное кровопролитіе... Есть преданіе, что Потемкинъ будто бы во все время штурма сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукою, и повторялъ постоянно: «Господи, помилуй». Послѣ страшныхъ усилій и потерь, русскіе утвердились, наконецъ, въ крѣпости. Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня. Добыча была громадна...

Взятіе Очакова произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе. Императрица была въ восторгѣ и въ письмахъ своихъ къ князю высказывала свою признательность ему и приглашала его въ столицу. Путешествіе князя въ Петербургъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Вездѣ готовились торжественныя встрѣчи, города при проѣздѣ его украшались, знать толпилась у его порога. Въ Царскомъ Селѣ къ пріѣзду князя была устроена иллюминація, гдѣ, между прочимъ, на транспарантѣ красовались стихи, выбранные изъ оды на взятіе Очакова, сочиненной Петровымъ.

Потемкинъ пробылъ въ Петербургѣ недолго и вскорѣ вернулся въ армію, получивъ отъ государыни щедрыя награды: фельдмаршалскій жезлъ, похвальную грамоту и т. п. Война тѣмъ време-

немъ продолжалась, нисколько, однако, не оправдывая тѣхъ великихъ надеждъ, которыя на нее возлагались. Самъ Потемкинъ попрежнему боялся уроновъ для войска и чаще всего старался заставить крѣпости сдаваться ему безъ боя, выморивъ ихъ голодомъ или подкупивъ начальниковъ гарнизоновъ. Такъ сдались ему Аккерманъ и Бендеры. Турки вполнѣ сознавали это и были поэтому не очень высокаго мнѣнія о военныхъ талантахъ Потемкина. «Сожалѣю,—говорилъ послѣ смерти князя о немъ турецкій полномочный министръ русскому драгоману,—сожалѣю, что я не видалъ сего страннаго человѣка, который всѣ дѣла дѣлалъ языкомъ; да и подлинно онъ думалъ, что ѣдкій и бранчивый языкъ такъ, какъ и обычай его грозить, надъ всѣми дѣйствовать могъ. Впрочемъ, гдѣ же храбрость видна была? Гдѣ случалась драка въ равныхъ или меньшихъ съ вашей стороны силахъ, тамъ онъ не присутствовалъ. Взялъ Аккерманъ и Бендеры, приведши съ собою 80,000 одной пѣхоты и многія сотни пушекъ. Люди испугались и сами отдалися».

Послѣ взятія Бендеръ военныя дѣйствія опять пошли вяло, а затѣмъ, съ наступленіемъ зимы, армія Потемкинымъ была распущена. Самъ онъ находился въ Яссахъ, а потомъ въ Бендерахъ, утопая въ невиданной роскоши. Мѣстопребываніе его походило не на стоянку главнокомандующаго, а на блистательный дворъ какого нибудь восточнаго сатрапа. Вокругъ него толпились знатные и богатые иностранцы, разсыпавшіеся передъ нимъ въ комплиментахъ; его окружали люди знатныхъ и вліятельныхъ фамилій, налетѣвшіе изъ столицы за дешевыми лаврами; вокругъ жужжалъ рой красавицъ, вращался легіонъ прихлебателей и проходимцевъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, но среди этой постоянной folle journée у Потемкина шла дѣятельная работа; онъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, велъ дѣятельно переговоры о мирѣ съ Турціею, переписывался съ государынею по различнымъ вопросамъ.

Мы видѣли выше, какъ далеко заходили планы Потемкина относительно завоеванія и раздѣленія Османской имперіи. Въ это время, однако, дѣла сложились такъ, что осуществленія этихъ плановъ пока нечего было и ожидать. Положеніе Россіи было крайне трудное; Австрія колебалась въ своемъ союзѣ съ нами, прочія государства Европы были противъ насъ. Берлинскій дворъ заключилъ формальный договоръ съ Турціею, въ которомъ гарантировалъ послѣдней неприкосновенность всѣхъ ея владѣній. Шведскій король, думая, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ Россіи, возвратить отнятыя Петромъ I провинціи, объявилъ намъ войну. Война эта продолжалась недолго, велась больше съ успѣхомъ съ нашей стороны, но, всетаки, она надѣлала немало тревоги. Шведская граница проходила тогда близко къ Петербургу, морскія битвы

происходили почти на виду столицы, жителямъ ея не разъ со страхомъ приходилось прислушиваться къ гулу орудій, отдававшемуся на берегахъ Невы.

Изъ всѣхъ этихъ затрудненій, благодаря твердости нашего правительства, удалось выйти довольно счастливо, хотя не безъ нѣкоторыхъ уступокъ. Конференціи европейскихъ державъ тщетно дожидались депутатовъ отъ Россіи; наше правительство рѣшилось не обращать вниманія на иностранное вмѣшательство, но, всетаки, значительно сократило свои требованія: рѣшено было при заключеніи мира съ Турціею главнымъ образомъ требовать лишь границу по Днѣстру и облегченіе участи дунайскихъ княжествъ. Со Швеціей дѣло уладилось скоро. Густавъ III, фуфлыга-богатырь, какъ его называла Екатерина, скоро угомонился и заключилъ лѣтомъ 1790 года миръ, въ которомъ онъ если и не потерялъ ничего, то также остался и безъ всякихъ пріобрѣтеній. На ряду съ этимъ и дѣла наши на югѣ пошли съ большимъ успѣхомъ. Адмиралъ Ушаковъ одержалъ съ черноморской флотиліей блестящую побѣду надъ турецкимъ флотомъ. И сухопутныя войска вышли изъ своего состоянія бездѣйствія. Потемкинъ рѣшилъ штурмъ Измаила и для приведенія этого плана въ исполненіе далъ Суворову неограниченныя полномочія. Энергія Суворова въ короткое время привела въ исполненіе то, что считалось почти невозможнымъ. Послѣ отчаяннѣйшей рѣзни палъ Измаилъ, сильнѣйшая изъ турецкихъ крѣпостей при устьѣ Дуная, въ ночь 11 декабря 1790 года. При этомъ штурмѣ, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ военной исторіи, нашихъ погибло до десяти тысячъ, а изъ турецкаго гарнизона, доходившаго до двадцати тысячъ человѣкъ, спасся только одинъ: Дунай былъ закрашенъ кровью, шесть дней съ утра до вечера валявшіеся на улицахъ трупы выбрасывались въ рѣку, прежде чѣмъ успѣли очистить городъ.

Война была близка къ окончанію: еще нѣсколько удачныхъ ударовъ, и Турціи можно было бы предписать выгодныя условія мира. Тутъ, однако, Потемкинъ совершаетъ поступокъ довольно неожиданный: онъ рѣшается оставить армію и, испросивъ позволеніе императрицы, выѣзжаетъ изъ Яссъ въ Петербургъ. Это послѣднее пребываніе князя въ Петербургѣ возбудило въ свое время много толковъ, и до сихъ поръ еще остается довольно много сомнѣній насчетъ его. Предполагаемой причиною поѣздки было желаніе временщика свергнуть новаго любимца государыни—Зубова, который втеченіе одного года изъ секундъ-ротмистра конной гвардіи сдѣлался флигель-адъютантомъ государыни, генералъ-маіоромъ и кавалеромъ четырехъ орденовъ. Говорили, что положеніе этого фаворита было бѣльмомъ на глазу у Потемкина, и онъ своимъ личнымъ присутствіемъ думалъ устранить его отъ двора и одержать надъ нимъ такую же побѣду, какъ раньше надъ другими. Быстрый

отъѣздъ князя изъ Петербурга толковали въ смыслѣ полной неудачи этого плана.

Внѣшнія обстоятельства мало, однако, заставляютъ предполагать измѣненіе въ положеніи князя Таврическаго въ этомъ году. Онъ попрежнему считался всесильнымъ. «Положеніе Потемкина,—писалъ герцогъ Ришелье въ 1790 году,—превосходитъ все, что можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства. Онъ располагаетъ неимовѣрными сокровищами; имѣнія его доставляютъ ему доходы въ размѣрѣ отъ четырехъ до пяти милліоновъ франковъ. Къ тому же онъ по усмотрѣнію беретъ сколько хочетъ изъ разныхъ кассъ имперіи» и пр. Его путешествіе изъ Яссъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи огромной блестящей свиты, было похоже, по словамъ очевидца, на пріѣздъ царя; вездѣ, какъ въ прошлую поѣздку, его встрѣчали съ огромнымъ торжежествомъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ столицѣ, навстрѣчу ему выѣхала императрица, и онъ во все время его пребыванія тамъ былъ окруженъ громаднымъ почетомъ. Всѣ сношенія съ иностранными дворами велись съ его вѣдома, также какъ и большая часть дѣлъ по внутреннему управленію: онъ готовилъ отпоръ Пруссіи, грозившей начать военныя дѣйствія, велъ переговоры съ императоромъ Леопольдомъ, рѣшалъ финансовыя затрудненія, пререканія между Екатериною и «молодымъ дворомъ». На ряду съ этимъ, однако, отношенія фаворита къ государынѣ стали какъ будто иными, чѣмъ они были въ прежнее время. Они омрачались нерѣдко размолвками довольно серьезнаго характера, о причинахъ которыхъ мы имѣемъ довольно мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Лѣтъ съ десять тому назадъ былъ опубликованъ разсказъ нѣкоего Ѳеодора Секретарева, бывшаго у Потемкина камердинеромъ, въ которомъ даются интересныя свѣдѣнія объ одной изъ такихъ размолвокъ. «У князя съ государыней,—разсказываетъ Секретаревъ,—нерѣдко бывали размолвки. Мнѣ случалось видѣть, какъ князь кричалъ въ гнѣвѣ на горько плакавшую императрицу, вскакивалъ съ мѣста и скорыми, порывистыми шагами направлялся къ двери, съ сердцемъ отворялъ ее и такъ ею хлопалъ, что даже стекла дребезжали, и тряслась мебель. Они меня не стѣснялись, потому что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть такія сцены; на меня они смотрѣли, какъ на ребенка, который ничего не понимаетъ. Однажды, князь, разсердившись и хлопнувъ по своему обыкновенію дверью, ушелъ, а императрица вся въ слезахъ осталась глазъ на глазъ со мною въ своей комнатѣ. Я притаился и не смѣлъ промолвить слова. Очень мнѣ жаль ея было; она горько плакала, рыдала даже; видѣть ее плачущею для меня было невыносимо; я стоялъ, боясь пошевельнуться. Кажется, она прочла на лицѣ моемъ участіе къ ней. Взгля-

нувъ на меня своимъ добрымъ, точно заискивающимъ взоромъ, она сказала мнѣ: «Сходи, Ѳедя, къ нему; посмотри, что онъ дѣлаетъ, но не говори, что я тебя послала». Я вышелъ и, войдя въ кабинетъ князя, гдѣ онъ сидѣлъ задумавшись, началъ что-то убирать на столѣ. Увидя меня, онъ спросилъ: «Это она тебя прислала?». Сказавъ, что я пришелъ самъ по себѣ, я опять началъ что-то перекладывать на столѣ съ мѣста на мѣсто. «Она плачетъ?» — «Горько плачетъ, — отвѣчалъ я... — Развѣ вамъ не жаль ея? Вѣдь она будетъ нездорова». На лицѣ князя показалась досада. «Пусть реветъ, она капризничаетъ»,—проговорилъ онъ отрывисто.—«Сходите къ ней, помиритесь», — упрашивалъ я смѣло, нисколько не опасаясь его гнѣва; и не знаю, задушевность ли моего дѣтскаго голоса и искренность моего къ нимъ обоимъ сочувствія, или сама собой прошла его горячка, но только онъ всталъ, велѣлъ мнѣ оставаться, а самъ пошелъ на половину къ государынѣ. Кажется, что согласіе возстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвкѣ не было помину».

Этотъ свидѣтель, очевидно совершенно безпристрастный, ничего не говоритъ о причинахъ размолвки. Другіе современники сообщаютъ, что главною причиною ихъ было положеніе Зубова при дворѣ, которое мучило Потемкина. При дворѣ разсказывали, что Потемкинъ сильно разстроенъ, что онъ часто съ горечью жаловался своимъ приближеннымъ, что «зубъ у него болитъ», что не можетъ успокоиться, пока не выдернетъ его съ корнемъ.

Громадныя суммы, которыя князь тратилъ на свои грандіозные торжественные праздники, обѣды,—все это, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, дѣлалось лишь для того, чтобы поддержать свое падающее значеніе при дворѣ. Сообщаютъ также, что Потемкинъ сильно желалъ остаться въ Петербургѣ, и выѣздъ его изъ города совершился противъ его воли. «Ходили слухи о личномъ столкновеніи между Екатериною и княземъ наканунѣ отъѣзда послѣдняго. Императрица старалась уговорить его къ отъѣзду ради скорѣйшаго окончанія войны; Потемкинъ желалъ оставаться въ Петербургѣ. Наконецъ, императрица черезъ Зубова или черезъ Безбородко хотѣла приказать ему уѣхать. Никто изъ вельможъ не пожелалъ пойдти къ князю съ столь опаснымъ порученіемъ. Тогда она самолично пошла къ князю и объявила ему въ рѣшительномъ тонѣ, что ему пора ѣхать, что дѣла требуютъ этого. Потемкинъ изъ своенравнаго, строптиваго, упрямаго, сдѣлался совершенно скромнымъ, послушнымъ, кроткимъ и повиновался желанію Екатерины, такъ что всѣ удивлялись въ послѣдніе дни и часы пребыванія Потемкина въ столицѣ его кротости, мягкости, крутой перемѣнѣ его нрава». Наиболѣе вѣроятности имѣетъ за себя то мнѣніе, что князя заставили выѣхать изъ столицы успѣхи Репнина.

Репнинъ одержалъ надъ турками блестящую побѣду при Мачинѣ и началъ отъ себя вести переговоры о мирѣ. Потемкинъ могъ бояться, что утратитъ значеніе побѣдителя на войнѣ, начатой имъ, если Репнину удастся заключить миръ. Исходя изъ этихъ соображеній, онъ рѣшился скорѣе выѣхать.

Отношенія его къ государынѣ за это время не ухудшились; онъ попрежнему переписывался съ нею, и письма Екатерины къ нему выражаютъ одну лишь дружбу и привязанность. Самъ князь, однако, въ это время находился далеко не въ хорошемъ расположеніи духа, и на это имѣлось немало причинъ. Ему, съ одной стороны, не могли быть пріятны успѣхи Репнина, съ другой—условія мира, предложенныя послѣднимъ туркамъ, нисколько не сообразовались съ его собственными планами; потомъ ему не могло быть пріятно, конечно, и сознаніе того, что теперь въ столицѣ полновластный повелитель Зубовъ, и, наконецъ, въ довершеніе всего у него открылась тяжелая внутренняя болѣзнь, которую онъ еще усилилъ своей обычной неумѣренностью во всемъ рѣшительно, какъ въ пищѣ и образѣ жизни, такъ и въ дѣятельности по военному управленію. Его обыкновенные, часто и прежде, но лишь на непродолжительное время посѣщавшіе припадки меланхоліи усилились. Онъ мечталъ, какъ и прежде иногда, о постриженіи въ монахи.

Чувствуя усиленіе болѣзни, Потемкинъ все чаще и чаще предавался мысли о монашествѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей былъ сочиненъ княземъ цѣлый «Канонъ Спасителю» въ девяти пѣсняхъ, въ тонѣ и духѣ псалмовъ. Онъ какъ бы хотѣлъ передъ смертью очиститься покаянною молитвою. Привычка къ чтенію «божественныхъ» книгъ, которому онъ предавался съ юности, воспитала въ немъ особаго рода религіозность, проявлявшуюся, однако, лишь временно, въ «черныя» минуты.

Въ концѣ іюля Потемкинъ выѣхалъ изъ Царскаго Села, но уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года болѣзнь его приняла безнадежный характеръ. «Отъ 21 сентября,—писалъ Екатеринѣ изъ Яссъ секретарь его Вас. Степ. Поповъ,—князь подверженъ былъ безпрестаннымъ и жестокимъ страданіямъ. Всѣ признаки открывали тяжкую и мучительную болѣзнь. Горестныя его стенанія сокрушали всѣхъ окружавшихъ его. Когда только боли унимались, то его свѣтлость начиналъ говорить о безнадежности своей жизни и со всѣми прощался, не внемля никакимъ нашимъ вопреки его увѣреніямъ». 2 октября, когда боли сдѣлались нестерпимыми, князь рѣшилъ ѣхать въ Николаевъ, свое собственное твореніе, чтобъ здѣсь, въ мѣстѣ болѣе здоровомъ, получить нѣкоторое облегченіе. «Не взирая на свою слабость,—пишетъ далѣе Поповъ,—его свѣтлость непремѣнно требовалъ, чтобы везли его отсюда. На 4-е число его свѣтлость проводилъ ночь довольно покойно, и хотя сна совсѣмъ почти

не было, но не было и тоски. Какъ выѣздъ изъ Яссъ назначенъ былъ по утру, то князь поминутно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва только разсвѣтало, то, не смотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его нѣсколько часовъ, пока бы разошелся бывшій тогда густой туманъ. Его свѣтлость приказалъ положить себя въ большія кресла и на оныхъ снести къ шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ великимъ трудомъ и положили. Тутъ князь подписалъ письмо къ вашему императорскому величеству и въ 8 часовъ по полуночи пустился въ путь свой къ Николаеву». Это послѣднее письмо Потемкина къ государынѣ сохранилось; оно состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ, небольшой приписки графини Браницкой, любимой племянницы князя, и наконецъ изъ приписки самого Потемкина: «я для спасенія уѣзжаю». Къ вечеру 4-го числа князь долженъ былъ остановиться на пути у командира Таврическаго гренадерскаго полка, нѣкоего Кнорринга. Здѣсь приготовили ему торжественную встрѣчу, но изъ кареты у подъѣзда слышали лишь болѣзненный, нерадостный голосъ князя: «жарко, душно». Потемкину удалось, однако, еще войти въ домъ. Здѣсь онъ улегся на диванъ, все время повторяя: «жарко, душно!». Ночь была тихая, лунная, свѣжая. Что ни дѣлалъ докторъ, чего только ни давалъ ему для прохлажденія, князь все повторялъ, что ему душно, и метался отъ нестерпимыхъ мукъ на диванѣ. Выѣздъ былъ назначенъ между семи и восьми часовъ утра, и князь съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Лишь только показался свѣтъ, онъ велѣлъ сейчасъ же заложить лошадей; ему отвѣчали, что ихъ повели поить. Онъ примѣтилъ, что его обманываютъ... нечего было дѣлать, усадили его въ коляску, хотя не было и трехъ часовъ еще, и повезли. Отъѣхавъ семь верстъ, онъ вдругъ велѣлъ остановить коляску. «Будетъ теперь,—сказалъ онъ,—некуда ѣхать, я умираю; выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ». Постлали коверъ, принесли подъ голову кожаную подушку, уложили его. Онъ попросилъ спирту намочить себѣ голову, и затѣмъ около трехъ четвертей часа, не говоря ни слова, спокойно лежалъ на травѣ на чистомъ утреннемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Затѣмъ онъ вдругъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Казакъ изъ конвойныхъ первый замѣтилъ, что князь отходитъ и закрыть бы ему глаза. Поповъ того же числа писалъ Екатеринѣ: «Ударъ совершился, всемилостивѣйшая государыня! Свѣтлѣйшаго князя нѣтъ болѣе на свѣтѣ».

На императрицу смерть князя оказала чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Дневникъ Храповицкаго сообщаетъ подъ 12-мъ октября: «Курьеръ къ пяти часамъ по полудни, что Потемкинъ умеръ... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустили кровь; въ 10 часовъ легли въ постель». 13-го октября: «Проснулись въ огорченіи и слезахъ.

жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться». Горе императрицы отзывалось и на дворѣ; Екатерина мало выходила, увеселеній обычныхъ не было, и все, хотя лишь съ внѣшней стороны, облеклось въ скорбь. Похороны князя, отложенныя на нѣсколько недѣль, были произведены съ большою торжественностью въ Яссахъ: полки, разставленные по этому случаю въ двѣ шеренги, стояли прямой линіею, занимавшей болѣе пяти верстъ. Ему былъ сооруженъ мраморный памятникъ въ соборной церкви города Херсона, въ честь его выбита медаль и т. д. Государыня долго не могла забыть Потемкина; прошелъ почти годъ послѣ его смерти, но все еще мы слышимъ отзывы такого рода: «его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде».

Видя настроеніе государыни, при дворѣ всѣ прикидывались печальными. Однако, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что большинство придворныхъ радовалось смерти временщика, привѣтствовали «удачный ударъ смерти». Князь былъ мало любимъ; его ненавидѣли не только соперники его, но и многіе, повидимому, безпристрастные свидѣтели. Нерѣдко были такіе отзывы о его дѣйствіяхъ, какъ слѣдующій относящійся къ 1788 году: «Потемкинъ ворочалъ всѣмъ государствомъ; онъ родился во вредъ оному: ненавидѣлъ свое отечество и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностью своею къ богатству; отъ него ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы». Другой современникъ давалъ такого рода характеристику князя: «Властолюбіе, пышность, подобострастіе ко своимъ всѣмъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь на столѣ, лесть, сребролюбіе, захвальчивость и всѣ другіе зіяемые въ свѣтѣ пороки». Подобные отзывы встрѣчаются нерѣдко и у другихъ современниковъ.

Были ли, однако, эти отзывы справедливы? Намъ кажется, уже изложенные нами выше факты даютъ намъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ. Мы видѣли планы Потемкина, свидѣтельствующіе о дѣйствительно выдающемся умѣ его, видѣли и то, что онъ успѣлъ выполнить, его неусыпныя заботы объ устроеніи ввѣреннаго ему южнаго края, его участіе въ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ этого времени. Всего этого нельзя отрицать, во всемъ этомъ дѣятельность его была несомнѣнно плодотворна, хотя онъ и гнался слишкомъ часто лишь за внѣшностью и не щадилъ средствъ для исполненія своихъ прихотей. Его обвиняли въ высокомѣріи, въ расточительности, въ страсти къ женщинамъ, въ томъ что онъ состоялъ въ связи съ своими родными племянницами. Всѣ эти обвиненія справедливы, но кто изъ вельможъ того времени не отличался тѣми же свойствами, не имѣя за себя къ тому же тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, на которыя могъ бы сослаться въ свое оправданіе Потемкинъ. Въ личномъ обращеніи князь, хотя и от-

талкивалъ многихъ отъ себя своей грубостью, доходившей до неприличія, но въ то же время онъ отличался рѣдкимъ добродушіемъ; сохранилось много разсказовъ, характеризующихъ его съ этой стороны. По словамъ людей, коротко знавшихъ его, онъ былъ «немстителенъ и незлобенъ», что можно было сказать о рѣдкомъ изъ царедворцевъ того времени. Многія мѣропріятія его отличались рѣдкою въ то время гуманностью. Онъ раздѣлялъ съ государынею мнѣніе о необходимости смягчить наказанія, ненавидѣлъ Шешковскаго, начальника тайной канцеляріи, про котораго говорили, что онъ тѣлесными наказаніями вынуждалъ признанія у подсудимыхъ. Встрѣчаясь съ нимъ, Потемкинъ обыкновенно его спрашивалъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ: «Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?». Въ своихъ польскихъ имѣніяхъ онъ велѣлъ сломать построенныя тамъ для устрашенія крестьянъ висѣлицы, «не оставляя и знаку оныхъ». Наказанія солдатъ были имъ также смягчены; въ народѣ и въ войскѣ онъ былъ весьма популяренъ, о чемъ можно судить по сочиненнымъ въ честь его народнымъ и солдатскимъ пѣснямъ.

Со смертью высокой покровительницы Потемкина на память о немъ обрушилось гоненіе. Императоръ Павелъ Петровичъ, можетъ быть, изъ личной непріязни, на всякомъ шагу старался поступать напротивъ его планамъ. Многія изъ начинаній Потемкина на югѣ были заброшены, основанный имъ Екатеринославъ получилъ было другое названіе, воздвигнутый ему въ Херсонѣ памятникъ былъ разрушенъ, были приняты даже мѣры противъ восхваленія его въ печати. Павелъ видѣлъ во всей дѣятельности князя одинъ лишь вредъ. Однажды, разсказываютъ, скоро послѣ вступленія на престолъ, Павелъ, бесѣдуя съ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ, разговорился о Потемкинѣ, обвинялъ его въ разстройствѣ финансовъ и затѣмъ, постепенно возвышая голосъ, трижды поставилъ вопросъ: «Какъ поправить все зло, которое Потемкинъ причинилъ Россіи?». Будучи вынужденъ отвѣчать, Поповъ сказалъ: «Отдать туркамъ южный берегъ!». Эта смѣлая выходка бывшаго правителя Потемкинской канцеляріи такъ взволновала государя, что онъ бросился за шпагою; Поповъ, однако, въ это время успѣлъ выйти изъ дворца. Онъ былъ сейчасъ же высланъ изъ столицы.

Императоръ былъ и правъ, и не правъ. Зло дѣйствительно было причинено Россіи, но вина за него падала не на одного человѣка...

А. Л.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ И СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Я разумѣю правильное отношеніе къ традиціямъ, которое несомнѣнно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ общественнаго воспитанія. Работа человѣческаго духа преемственна».

Н. К. Михайловскій.

Утверждаютъ, что нигдѣ не существуетъ такой тѣсной связи между беллетристикою и публицистикою, какъ у насъ, въ Россіи. Если это такъ, — а серьезно оспоривать это мнѣніе трудно, какъ и нечего пояснять очевидныя причины этого явленія,—то слѣдовало бы думать, что публицисты не могутъ у насъ относиться равнодушно къ беллетристикѣ, а напротивъ изучаютъ ее внимательно, чтобы уяснить себѣ политическія и соціальныя теченія, господствующія въ нашемъ обществѣ, и что журналы и газеты подчиняютъ весь беллетристическій матеріалъ общественнаго значенія своимъ руководящимъ политическимъ воззрѣніямъ или началамъ.

Все это дѣйствительно было такъ еще весьма недавно, но все это теперь измѣняется. Быстро мы живемъ. Какимъ далекимъ уже кажется то время, когда Катковъ заставлялъ Тургенева или Л. Толстого измѣнять ихъ безсмертныя произведенія: «Отцы и дѣти», «Анна Каренина», потому что они въ нѣкоторыхъ деталяхъ не соотвѣтствовали тенденціи его журнала! Теперь большинство журналовъ выше такого предразсудка, и вы напрасно стали бы искать политическаго единства въ беллетристическомъ и пу-

блицистическомъ матеріалѣ этихъ органовъ. До извѣстной степени старой традиціи придерживаются еще органы такъ называемаго консервативнаго толка. Тутъ выдержанность въ направленіи еще не окончательно сдана въ архивъ. Но органы либеральнаго толка становятся все индиферентнѣе въ этомъ отношеніи, и мы видимъ, напримѣръ, что изданія, придерживающіяся въ публицистическихъ своихъ статьяхъ традицій шестидесятыхъ годовъ, помѣщаютъ рядомъ съ ними беллетристическія произведенія, въ которыхъ надъ этими традиціями произносится приговоръ, или же онѣ даже прямо осмѣиваются. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что публицисты начинаютъ относиться равнодушно къ беллетристикѣ, и что никто изъ нихъ не подвергаетъ ее обстоятельному и серьезному анализу для уясненія тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя теперь господствуютъ въ нашемъ обществѣ. Правда, въ послѣднемъ отношеніи разница между прошлымъ и настоящимъ, быть можетъ, не такъ ощутительна; но это имѣетъ свою особую причину. Въ сущности у насъ публицисты, въ истинномъ значеніи этого слова, почти никогда не занимались критикою политическаго содержанія художественныхъ или псевдо-художественныхъ произведеній, которыми, какъ извѣстно, обилуетъ наша изящная литература. Художественные критики у насъ по большей части исполняли одновременно и амплуа цѣнителей политическаго содержанія художественныхъ произведеній. Конечно, выдающійся критикъ не можетъ не располагать политическимъ міросозерцаніемъ, такъ какъ политическіе вопросы занимаютъ большинство художниковъ и поэтовъ. Но точка зрѣнія такого критика отличается обыкновенно широтою и историческою перспективою, ибо только въ этомъ случаѣ онъ можетъ быть компетентнымъ цѣнителемъ безсмертныхъ произведеній геніальныхъ художниковъ. Кто не въ состояніи самъ оцѣнить и главное выяснить другимъ художественныхъ красотъ и глубокихъ мыслей Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, тотъ названія художественнаго критика не заслуживаетъ. Странно было бы предположить, что Гервинусъ или Тэнъ оцѣниваютъ Шекспира или Лафонтена съ точки зрѣнія принциповъ 1848 года, или идеаловъ противниковъ второй имперіи. Нѣтъ, для правильной оцѣнки генія требуется широкій горизонтъ, а его никогда не раскрываетъ злоба даннаго дня: онъ раскрывается только тому, кто вдумывался въ прошлое и видитъ настоящее не только съ точки зрѣнія интересовъ своего кружка или партіи, а съ высшей точки зрѣнія блага своего народа и человѣчества.

Все это элементарно. Но широкая русская натура не любитъ стѣсняться азбучными истинами. Вотъ и выходитъ, напримѣръ, что, конечно, ни одинъ нѣмецъ не сомнѣвается въ геніальности Гете и Шиллера, а у насъ бывали моменты, когда величайшій поэтъ Россіи признавался отсталымъ человѣкомъ, не заслуживаю-

щимъ вниманія аристократикомъ-поэтомъ, и даже все искусство въ міровыхъ его представителяхъ признавалось чуть ли не совершенно ненужною дребеденью. Объяснить себѣ подобное явленіе можно только тѣмъ, что въ сущности у насъ истинной художественной критики не было и что наша критика оказалась въ рукахъ публицистовъ, но,—и это особенно странно,—публицистовъ безъ всякой публицистической подготовки. Мы тутъ не дѣлаемъ исключенія и для Каткова. Правда, Катковъ былъ далекъ отъ низведенія Пушкина съ его «нерукотворнаго» пьедестала; но и онъ, какъ извѣстно, не имѣлъ публицистической подготовки; когда же сдѣлался публицистомъ, проявилъ не меньшую, а, быть можетъ, и большую нетерпимость къ свѣтиламъ русской поэзіи, чѣмъ Добролюбовъ, Писаревъ и ихъ эпигоны.

Какъ бы то ни было, въ умственной жизни нашего общества произошло такимъ образомъ чрезвычайно прискорбное по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣніе. Художественными критиками оказались непризванные публицисты. Возможно было подобное явленіе только вслѣдствіе низкаго политическаго ценза нашего общества. Его, конечно, за это винить нельзя, потому что гдѣ же ему и было набраться политической зрѣлости? Но, тѣмъ не менѣе, фактъ оставался фактомъ и, продолжая развиваться, привелъ къ тому, что между художественною критикою и публицистикою произошло полное смѣшеніе, такъ что у насъ трудно опредѣлить, гдѣ начинается первая, кончается вторая и наоборотъ. Съ другой стороны, получился такой результатъ, что серьезные публицисты стали чуждаться области, въ которой происходилъ на потѣху мало развитого читателя маскарадъ, совершенно спутавшій истинный характеръ дѣйствующихъ лицъ. Словомъ, мы дошли до такого положенія, что въ этой области очень трудно разобраться читателямъ, не посвященнымъ въ закулисный міръ нашей журналистики. Но для всѣхъ очевиденъ отмѣченный уже нами фактъ, что между публицистикою и беллетристикою произошло какое-то отчужденіе, что въ журналахъ беллетристическій матеріалъ часто находится въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ ихъ политическимъ направленіемъ, что художественные критики добролюбово-писаревской школы не знаютъ, какъ отнестись къ появляющимся беллетристическимъ произведеніямъ въ виду неопредѣленной ихъ политической тенденціи и даже приходятъ къ выводу, что имъ и критиковать-то нечего, что беллетристы пишутъ чортъ знаетъ о чемъ, только фотографируютъ дѣйствительность, никакою руководящею идеею не располагаютъ. Вообще между критикою и беллетристикою происходитъ теперь сильнѣйшій разладъ или, точнѣе говоря, устанавливается взаимное непониманіе, доходящее до того, что публицистика, критика и беллетристика какъ бы смотрятъ въ разныя стороны и рѣшились исполнять свои задачи каждая на собственную руку, не

обращая вниманія на то, что творится въ сосѣднемъ родственномъ лагерѣ. Такимъ образомъ происходитъ расколъ не только во всей арміи единомышленниковъ, но даже въ каждомъ полку, и понятно, что отъ этого дѣло только страдаетъ, а врагу облегчается побѣда. Мы тутъ имѣемъ въ виду не какой нибудь опредѣленный политическій лагерь, а вообще всѣ лозунги, за которые представители общества ведутъ между собою борьбу въ печати. Вслѣдствіе указаннаго разлада между публицистикою, критикою и беллетристикою получается крайняя неясность и сбивчивость цѣлей. Эта сбивчивость деморализуетъ читателя, не имѣющаго досуга или возможности разобраться во всей этой прискорбной разноголосицѣ. Мы дошли до того, что читатель вмѣстѣ съ критиками какъ бы махнулъ рукою на всѣ направленія, увѣренный, что какихъ либо ясныхъ и устойчивыхъ идеаловъ въ печатномъ словѣ искать нечего, что одни опошлились и утратили свое значеніе, другіе еще не народились, и что поэтому лучше всего жить такъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Такъ смотрятъ на дѣло многіе. Эпигоны добролюбово-писаревской школы тщетно стараются поддержать обаяніе своихъ идеаловъ и, чувствуя, что это имъ плохо удается, сѣтуютъ на наступившее безвременіе. Неужели, — спрашиваютъ они, — мы прожили даромъ длинный періодъ отъ того момента, когда Бѣлинскій признавалъ «все существующее разумнымъ»? Можемъ ли мы вернуться къ этому идеалу или, лучше сказать, къ этому отсутствію всякаго идеала? Не возмущается ли наша душа противъ этого? Мы имѣли извѣстные идеалы. Положимъ, что жизнь требуетъ теперь новыхъ; но гдѣ же они? Кто ихъ намъ указываетъ? Всѣ попытки этого рода совершенно несостоятельны; никакихъ новыхъ идеаловъ нѣтъ: есть простое признаніе дѣйствительности, и это признаніе оказывается очень удобнымъ, потому что оно даетъ полный просторъ своекорыстнымъ, мелкимъ и грязнымъ инстинктамъ. Отсутствіе идеаловъ нигдѣ не выражается такъ ясно, какъ въ беллетристикѣ. Народился рядъ беллетристовъ, и притомъ даже даровитыхъ, въ произведеніяхъ которыхъ нельзя уловить никакой руководящей идеи. Эти беллетристы просто списываютъ съ натуры, и они-то главнымъ образомъ читаются широкою публикою, утратившею вѣру во всякіе идеалы.

Эти сѣтованія и жалобы раздаются теперь поминутно. Въ критическихъ фельетонахъ, журнальныхъ статьяхъ и сборникахъ статей, выходящихъ отдѣльными изданіями, вы то и дѣло натолкнетесь на подобнаго рода разсужденія. У иныхъ сторонниковъ этого взгляда на вещи, напримѣръ, у г. Михайловскаго, въ его книгѣ «Литература и жизнь», звучитъ, кромѣ того, и бравурная нота, какъ бы вызовъ, брошенный противникамъ. Въ полемикѣ съ «Недѣлею» и «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» онъ обращается къ нимъ съ предложеніемъ раскрыть свои карты и указать на тѣ новые идеалы,

которые названныя изданія могутъ противопоставить традиціямъ шестидесятыхъ годовъ. «Произнесите, наконецъ, ваше новое слово; быть можетъ, оно и окажется дѣльнымъ и заслуживающимъ вниманія,—иронизируетъ г. Михайловскій,—но только не довольствуйтесь общими мѣстами, въ родѣ какого-то «обнаженнаго новаго угла души» и какой-то «новой мозговой линіи». Эта «новая мозговая линія» дѣйствительно очень потѣшна и объясняется манерничаніемъ и литературною неопытностью критика «Сѣвернаго Вѣстника»; но и бравурный тонъ г. Михайловскаго врядъ ли можетъ вызвать сочувствіе. Г. Михайловскій посѣдѣлъ въ литературномъ трудѣ, и если онъ сѣтуетъ на отсутствіе идеаловъ, то онъ не можетъ и не долженъ относиться свысока къ попыткамъ установить ихъ согласно вынесенному нами опыту и требованіямъ даннаго времени. Какъ бы ни были незрѣлы эти попытки, все же онѣ заслуживаютъ вниманія, поощренія и доброжелательныхъ указаній. Въ особенности это надо сказать относительно молодыхъ силъ, искренно тяготящихся отсутствіемъ идеаловъ и жадно ихъ отыскивающихъ.

Но г. Михайловскій заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, еще другаго, болѣе серьезнаго упрека. Онъ иронизируетъ надъ всякими «новыми словами»; онъ утверждаетъ, что всѣ эти «новыя слова» сводятся къ «реабилитаціи дѣйствительности», къ голому преклоненію передъ силою фактовъ, въ лучшемъ случаѣ, и къ обдѣлыванію болѣе или менѣе темныхъ дѣлишекъ, въ худшемъ. Г. Михайловскій несомнѣнно отчасти правъ; но его огульный судъ представляется намъ большою неправдою, и если мы вникнемъ въ причину совершаемой имъ несправедливости, то придемъ къ заключенію, что г. Михайловскій, не смотря на критическія свои дарованія, проявляетъ въ данномъ случаѣ большой недостатокъ объективнаго и многосторонняго анализа. Жизненные факты бросаются въ глаза; нѣтъ сколько нибудь внимательнаго наблюдателя, который не замѣтилъ бы, что въ міросозерцаніи русскаго общества произошелъ за послѣднія десять лѣтъ коренной переломъ. Г. Михайловскій самъ это признаетъ, но какъ-то странно, съ разными ужимками, не договаривая своей мысли. Прежде,—говоритъ онъ,—все было ясно: Катковъ, такъ Катковъ; Салтыковъ, такъ Салтыковъ. А теперь пошелъ разбродъ и разладъ. Читатель не знаетъ, «кому вѣрить, за кѣмъ идти».

Очень странное, даже непонятное разсужденіе. Неужели г. Михайловскій можетъ выставлять удовлетворительнымъ такое положеніе, когда читатель слѣдуетъ слѣпо за тѣмъ или другимъ авторитетомъ? Какъ это соотвѣтствуетъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ! По нашему мнѣнію, это только признакъ умственной незрѣлости. Къ тому же мы сильно сомнѣваемся, чтобы у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, вообще было время, когда публицистъ или беллетристъ создавалъ то или другое общественное теченіе. Г. Ми-

хайловскій не долженъ былъ бы заблуждаться на этотъ счетъ. Гораздо вѣрнѣе перевернуть вопросъ и сказать, что и Катковъ, и Салтыковъ, и всѣ другіе писатели, были только продуктомъ своего времени, иначе они не могли бы имѣть обширнаго круга читателей. Это взаимодѣйствіе между писателемъ и читателемъ слишкомъ хорошо выяснено въ капитальныхъ трудахъ, чтобъ о немъ стоило распространяться, и самостоятельная дорога, избранная современною нашею беллетристикою, не смотря на всѣ усилія эпигоновъ добролюбово-писаревской школы не дать ей сбиться съ истиннаго, по ихъ мнѣнію, пути, показываетъ, на сколько это взаимодѣйствіе подтверждается фактами.

Можно даже сказать болѣе. Собственно такъ называемыя традиціи шестидесятыхъ годовъ никогда въ нашей беллетристикѣ не были сколько нибудь виднымъ моментомъ, опредѣлявшимъ ея направленіе. Въ псевдо-художественной литературѣ, въ разныхъ, давно уже забытыхъ, повѣстяхъ и романахъ эти традиціи играли очень существенную роль, но въ произведеніяхъ корифеевъ нашей художественной мысли добролюбово-писаревскія воззрѣнія никогда не были въ почетѣ. Какъ на исключеніе, указываютъ на Салтыкова, но, конечно, только по великому недоразумѣнію. Если вдуматься въ его произведенія, то не трудно будетъ убѣдиться, что и онъ принялъ на себя наслѣдіе всей нашей литературы со временъ Кантемира вплоть до Гоголя. Что Салтыковъ думалъ въ тиши своего кабинета, этого мы здѣсь касаться не будемъ, ибо для откровеннаго разъясненія этого вопроса не настало еще время. Но его сочиненія у всѣхъ передъ глазами, и основная ихъ мысль, основное ихъ содержаніе, сводится къ усугубленному приговору надъ русскимъ обществомъ, къ осмѣянію его представителей, гдѣ бы они ни дѣйствовали: въ администраціи, печати, помѣщичьей усадьбѣ, земствѣ, собраніяхъ «свѣдущихъ людей». Чтобы ослабить истинное значеніе этого смѣха, говорятъ, что Салтыковъ былъ сатирикъ. Но сатира можетъ приносить пользу только тогда, когда читатель твердо знаетъ, ради какихъ идеаловъ сатирикъ осмѣиваетъ жизнь. Возьмемъ ли мы Ювенала, Раблэ, Свифта, мы знаемъ, къ чему они стремились не только въ общечеловѣческомъ смыслѣ, но и по отношенію къ той средѣ, въ которой они жили и дѣйствовали. Ювеналъ боролся съ развращенностью римскаго общества, Раблэ—съ католическимъ духовенствомъ, Свифтъ—для доставленія торжества вигамъ. Относительно Салтыкова этого сказать нельзя. Онъ высоко ставилъ такъ называемыя «забытыя слова», но изъ всѣхъ его сочиненій вы не выведете сколько нибудь ясныхъ указаній относительно вопроса, какъ онъ представлялъ себѣ выходъ изъ окружавшей его, столь безпросвѣтной, по его мнѣнію, дѣйствительности. Свобода—величайшее благо; хорошо было бы, если-бъ на Руси вывелись всѣ подлецы, мерзавцы, если-бъ «свинья не тор-

жествовала», а честный человѣкъ не подвергался бы ежеминутно незаслуженнымъ невзгодамъ. Вотъ приблизительно весь положительный багажъ Салтыкова, а большой его талантъ проявился въ изображенiи отрицательныхъ сторонъ нашего общества, какъ генiй Гоголя проявился въ томъ же. Салтыковъ застылъ на этой работѣ и до какихъ нибудь положительныхъ идеаловъ не додумался: у него не было пригодныхъ для жизни (не въ отвлеченномъ, а въ конкретномъ смыслѣ) идеаловъ. Была ли эта его задача—другой вопросъ. Я, какъ публицистъ, склоненъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣло въ томъ, что на Салтыкова смотрѣли не просто, какъ на писателя-сатирика, а какъ на вождя политической партiи. Это признаетъ и г. Михайловскiй, говоря, что прежде читатель зналъ, кого придерживаться: «Катковъ, такъ Катковъ; Салтыковъ, такъ Салтыковъ». Но глава политической партiи не можетъ ограничиваться голымъ протестомъ; онъ долженъ имѣть положительную программу, иначе онъ можетъ претендовать только на славу Рошфора, превратившагося изъ врага Наполеона III въ друга г. Буланже; а у Салтыкова такая программа только предполагалась. Относительно Гоголя нельзя сказать, что онъ къ этой другой сторонѣ своей задачи не стремился всѣми силами своей чуткой души. Да, Гоголь провелъ многiе тяжелые часы, дни, мѣсяцы, годы, надъ разрѣшенiемъ мучительной и, можетъ быть, сведшей его преждевременно въ могилу загадки, въ чемъ заключается высшее этическое, общественное и государственное значенiе его «смѣха». И, къ стыду нашему, мы должны признать, что именно тамъ, гдѣ начиналась эта мучительная работа прекрасной, возвышенной и отчизно-любивой души, мы переставали понимать Гоголя и кощунственною рукою ставили надъ нимъ крестъ. Быть можетъ, въ этомъ отношенiи наши критики-публицисты писаревской школы больше всего виноваты. Только писатели, поддѣлывавшiеся подъ ихъ камертонъ, признавались честными гражданами Русской земли, а всѣ остальные подвергались ихъ осужденiю: и надъ Пушкинымъ, и надъ Тургеневымъ, и надъ Достоевскимъ, и надъ Гончаровымъ они ставили и ставятъ свой крестъ. Кто изъ нашихъ великихъ писателей избѣгъ этой участи? Развѣ они не довели Тургенева почти до того, что тотъ готовъ былъ бросить навсегда перо? Развѣ они не осмѣивали Достоевскаго? Развѣ они не окрестили Гончарова «буржуазнымъ» писателемъ? Почему? Потому что всѣ эти великiе наши художники не хотѣли и не могли по совѣсти служить имъ, потому что они несли службу въ тысячу разъ болѣе почетную и дорогую,—службу предъ всею нашею родиною, службу, опредѣляемую всѣмъ ходомъ нашего государственнаго и общественнаго развитiя съ его преемственными задачами, которыя представители шестидесятыхъ годовъ въ нашей псевдо-художественной критикѣ, должно быть, оцѣ-

нили не совсѣмъ вѣрно, если ни одинъ изъ нашихъ крупныхъ писателей въ своихъ произведеніяхъ ихъ не одобрилъ. Писемскій, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ произнесли суровый приговоръ надъ критико-литературнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ: Писемскій въ «Взбаламученномъ морѣ», Тургеневъ въ «Нови», Достоевскій въ «Бѣсахъ», косвенно въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Гончаровъ въ «Обрывѣ»; а что касается до Некрасова, котораго эпигоны добролюбово-писаревской школы причисляютъ къ своимъ людямъ, то въ его музѣ звучатъ, конечно, болѣе широкія и возвышенныя ноты, а нерѣдко звучало и сомнѣніе въ вѣрности пути, избраннаго такъ называемымъ передовымъ лагеремъ:

Захватило насъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно.
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Мнѣ, какъ простому публицисту, а не критику-публицисту, хотѣлось бы указать еще на логику событій, крупныхъ историческихъ фактовъ, которые подтверждаютъ, что правы въ этомъ вопросѣ были не эпигоны добролюбово-писаревской школы, а корифеи нашей художественной мысли. Надо, однако, предпослать оговорку, надо условиться относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Г. Михайловскій очень склоненъ, не смотря на проявляемый имъ въ другихъ вопросахъ тонкій анализъ, разсматривать это движеніе, такъ сказать, огуломъ, не разграничивая отдѣльныхъ его проявленій. Эту, какъ мнѣ кажется, нѣсколько преднамѣренную ошибку онъ раздѣляетъ со многими другими. А между тѣмъ она представляетъ глубокую историческую фальшь, имѣвшую весьма печальныя послѣдствія. Шестидесятые годы сильно теперь дискредитированы, именно вслѣдствіе этого смѣшенія. Оно, къ прискорбію, поддерживается не только съ консервативной стороны, которой оно очень удобно, но и съ прогрессивной, съ либеральной. На самомъ дѣлѣ разница между движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, охватившимъ почти все русское общество, и движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, какъ его понимали наши критики-публицисты, огромная. Она чрезвычайно мѣтко выражена Гончаровымъ въ его извѣстной статьѣ: «Лучше поздно», гдѣ онъ оправдывается противъ взведеннаго на него обвиненія, будто бы онъ въ лицѣ Марка Волохова хотѣлъ изобразить молодое поколѣніе. «Волоховъ,—восклицаетъ онъ:—новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформамъ и туда уложило всѣ силы! Даровитые дѣятели крестьянской реформы, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это—Волоховы!» Нѣтъ, это—не Волоховы.

Искреннее увлеченіе было и тамъ, и здѣсь; но было и глубокое различіе во взглядахъ и въ стремленіяхъ, заставившее корифеевъ нашей художественной мысли: Писемскаго, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, всей душой сочувствовавшихъ освободительному движенію, отнестись отрицательно къ собирательному типу Волохова или Нежданова, не смотря на ихъ честность и искренность, и выставить на ряду съ ними положительные типы въ лицѣ Тушина или Соломина. Но эти положительные типы, въ которыхъ такъ ясно выразилось стремленіе лучшихъ людей, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ практическими требованіями жизни, съ рѣшеніемъ самого существеннаго вопроса, какъ приблизить русскую дѣйствительность къ тѣмъ идеаламъ добра, правды, честности и просвѣщенія, которыми жива всякая русская душа,—эти-то положительные типы подверглись неодобренію со стороны нашихъ критиковъ-публицистовъ. И установилась, и пошла гулять по міру вопіющая неправда, будто бы на Руси нѣтъ другихъ передовыхъ людей, кромѣ людей закала Волохова и Нежданова, будто русскій либерализмъ сводится къ фантасмагоріямъ этихъ господъ. Они сами прокричали Тургенева, Гончарова и многихъ другихъ лучшихъ русскихъ дѣятелей въ области литературы, публицистики, государственнаго управленія, общественной дѣятельности, ретроградами и обскурантами; имъ охотно повѣрили на слово (это было многимъ такъ удобно), и такимъ образомъ установилось въ корнѣ фальшивое и крайне опасное по своимъ послѣдствіямъ мнѣніе, будто бы либерализмъ совпадаетъ съ рискованными стремленіями и теоріями Волоховыхъ и Неждановыхъ. Историческія событія громадной важности пришли на помощь нашимъ критикамъ-публицистамъ и какъ бы подтвердили ихъ точку зрѣнія. Это—одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей исторіи, потому что она вызвала предубѣжденіе, будто бы между разными факторами государственной жизни происходитъ самый сильный разладъ въ тѣ моменты, когда Россія вступаетъ на путь реформъ.

Конечно, въ изображеніи нашихъ критиковъ-публицистовъ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Они склонны утверждать, что только вслѣдствіе уклоненія русскаго общества отъ ихъ идеаловъ насъ въ настоящее время грозятъ потопить «мутныя волны дѣйствительности», какъ выражается г. Михайловскій. Не разладъ между основными факторами государственной жизни,—нѣтъ, слишкомъ слабое проявленіе этого разлада вызвало «наплывъ мутныхъ волнъ». Главные носители нашей художественной мысли съ тревогою и болью въ сердцѣ спрашивали себя, окажется ли общество на высотѣ великой задачи, выпавшей на его долю, проявитъ ли оно послѣ николаевскихъ временъ достаточную зрѣлость, чтобъ увѣковѣчить новый путь, на который вступила Россія. Они предостерегали вдохновенными образами общество отъ увлеченій; они

старались по мѣрѣ силъ и средствъ выставить положительные типы,—и не ихъ вина, если эти типы выходили сравнительно блѣдными: жизнь не давала имъ тѣхъ сочныхъ красокъ на ихъ изображеніе, какія она давала для изображенія той галлереи героевъ печальнаго образа, которая начинается съ Фонвизинскаго Недоросля и кончается Тургеневскимъ Неждановымъ. Но они съ напряженнымъ страстнымъ вниманіемъ искали положительныхъ типовъ, способныхъ двинуть русскую жизнь и ослабить тотъ жестокій приговоръ, который они, смѣясь сквозь кровавыя слезы, произносили надъ русскимъ обществомъ. Найдутся ли, наконецъ, эти типы, найдутся ли, наконецъ, въ Россіи не одни донъ-кихоты и гамлеты, а люди дѣла, дѣла жизненнаго,—люди, которые привели бы насъ, наконецъ, къ осуществленію въ «мутной дѣйствительности» высокихъ идеаловъ добра, правды, свободы, которые указали бы намъ практическіе пути приближенія русскаго общества къ этимъ идеаламъ? Вотъ огромный вопросъ, который носители нашей художественной мысли оставили неразрѣшеннымъ; вотъ вопросъ, на который должна отвѣтить современность; вотъ наслѣдіе, завѣщанное русскому обществу людьми, составляющими нашу славу и гордость.

Мы видимъ, слѣдовательно, что тутъ не въ одной литературѣ дѣло, что вопросъ стоитъ гораздо шире, что онъ обнимаетъ собою всю нашу общественную и государственную жизнь. Но наши критики-публицисты, какъ извѣстно, не любятъ заниматься изученіемъ Россіи, ея прошлымъ, нуждами и чаяніями громаднаго большинства ея населенія. Что въ ней хорошаго? Развѣ только идеи такъ называемыхъ передовыхъ людей. То ли дѣло Западъ, эта обѣтованная ихъ земля. О, конечно, на Западѣ много хорошаго, и многому мы тамъ можемъ научиться. Но всякій сѣятель знаетъ, что самое лучшее зерно можетъ и должно погибнуть на несвойственной ему почвѣ. Слѣдовательно, изученіе западныхъ «послѣднихъ словъ» и порядковъ не избавляетъ насъ отъ необходимости изучать почву, на которой мы хотимъ взростить излюбленные нами западные плоды и цвѣты. Много ли мы сдѣлали въ этомъ отношеніи? Знаемъ ли мы нашу родную почву? Стремимся ли мы ее изучить? Никто не станетъ отрицать, что Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ лучше ее знали, чѣмъ наши критики-публицисты, и если первые пришли къ выводамъ, часто оскорбляющимъ и возмущающимъ послѣднихъ, то не потому ли, что критикъ-публицистъ, занимаясь общественными или политическими построеніями, можетъ витать въ эмпиреяхъ, а беллетристъ долженъ стоять на реальной почвѣ? Всѣ наши беллетристы, творившіе по рецепту нашихъ критиковъ-публицистовъ, не создавали ничего, что по своимъ достоинствамъ выдерживало бы и отдаленное сравненіе съ великими твореніями русской художественной мысли.

Жизнь крупными фактами и чудными литературными произведеніями краснорѣчиво указала на ложность пути, которому мы слѣдовали, подчиняясь традиціямъ шестидесятыхъ годовъ въ смыслѣ нашихъ критиковъ-публицистовъ. И вотъ мы видимъ, что и современная беллетристика, въ лицѣ сколько нибудь талантливыхъ своихъ представителей, ихъ указаніямъ слѣдовать не желаетъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, возьмемъ наиболѣе пригоднаго свидѣтеля, А. М. Скабичевскаго, какъ извѣстно, составившаго «Исторію новѣйшей русской литературы» съ точки зрѣнія ея соотвѣтствія идеаламъ шестидесятыхъ годовъ. Чѣмъ же кончилось это движеніе по словамъ автора? «Мрачною реакціею,—говоритъ онъ,—обнаружившеюся не въ однѣхъ правительственныхъ сферахъ, но и во всемъ обществѣ». Авторъ не поясняетъ намъ, чѣмъ собственно вызвана была эта «реакція». Это какъ бы само собою разумѣется. Но онъ указываетъ намъ на послѣдствія этой «реакціи» въ области беллетристики. Явился новый герой времени, котораго авторъ называетъ «кающимся дворяниномъ», или, точнѣе говоря, «обнищалымъ дворяниномъ». «Изъ полуразрушенныхъ усадьбъ, изъ голодныхъ дворянскихъ семей, проѣвшихъ всѣ выкупныя свидѣтельства, вышло новое поколѣніе, худосочное, тщедушное, словно несущее на своихъ плечахъ всѣ грѣхи отцовъ и дѣдовъ, и обреченное расплачиваться за нихъ». Вотъ беллетристы восьмидесятыхъ годовъ будто бы и рисуютъ намъ это худосочное, тщедушное поколѣніе. Намъ кажется, что эта характеристика по существу своему не совсѣмъ вѣрна. Неужели подобное отрицательное отношеніе русскихъ беллетристовъ къ ихъ героямъ началось въ упомянутую эпоху «мрачной реакціи»? Мы только что указывали, что и во время расцвѣта движенія шестидесятыхъ годовъ наши выдающіеся беллетристы: Писемскій, Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ, Салтыковъ, относились столь же отрицательно къ своимъ героямъ, представляли ихъ такими же дряблыми и несостоятельными, какъ только заходила рѣчь о дѣлѣ, а энергичными, талантливыми развѣ на словахъ, въ области отвлеченныхъ разсужденій. Что же! Значитъ идеалы шестидесятыхъ годовъ оказались безсильными: они не создали новаго, лучшаго поколѣнія. Мало того, если корифеи нашей художественной мысли относились отрицательно къ движенію шестидесятыхъ годовъ, то эта черта еще рѣзче обозначена въ произведеніяхъ современныхъ беллетристовъ. Такимъ образомъ, послѣдніе въ полной мѣрѣ приняли на себя наслѣдіе своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, приняли вопреки всѣмъ указаніямъ критиковъ-публицистовъ и проявили въ этомъ отношеніи полную самостоятельность. Мы это имъ не ставимъ въ заслугу; мы хотимъ только показать, что беллетристъ, подчиняясь духу времени или, точнѣе говоря, окружающей дѣйствительности, воспроизводя образы, встрѣчаемые имъ въ жизни, желая оставаться художникомъ, до-

рожащимъ только жизненною правдою и отвѣчающимъ только за нее предъ высшимъ своимъ судьей, предъ собственною совѣстью,— что такой беллетристъ, говорю я, не можетъ, если-бъ даже хотѣлъ, подчинять свое творчество принципамъ, почерпнутымъ изъ области отвлеченной мысли. Ужъ какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, П. Д. Боборыкинъ, благоговѣлъ и благоговѣетъ передъ Западомъ и его модными словечками, но, какъ наблюдательный художникъ, онъ поминутно пишетъ страницы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ этими словечками, и эти-то страницы и возбуждаютъ живой интересъ русскаго читателя. Г. Михайловскій, какъ умный человѣкъ, останавливается подчасъ съ явнымъ недоумѣніемъ надъ вопросомъ: отчего тотъ или другой изъ современныхъ беллетристовъ вдругъ пріобрѣтаетъ извѣстность и всѣми охотно читается? Это недоумѣніе объясняется съ публицистической точки зрѣнія тѣмъ, что критикъ вѣритъ въ заслуженный успѣхъ только такихъ произведеній, въ которыхъ основная идея соотвѣтствуетъ его политическимъ и соціальнымъ идеаламъ. А тутъ вдругъ г. Чеховъ, г. Потапенко! Что они Гекубѣ, и что она имъ? Однако, они имѣютъ успѣхъ, мало того, печатаются въ такихъ органахъ, которые признаются приличными самимъ г. Михайловскимъ; надо же объяснить читателямъ, почему они имѣютъ успѣхъ.

Мы остановимся на одной чрезвычайно характерной страничкѣ въ критическомъ этюдѣ, посвященномъ г. Михайловскимъ выясненію основной идеи беллетристическихъ произведеній г. Потапенка. «Вездѣ, — говоритъ нашъ критикъ, — дѣйствующія лица ставятъ себѣ извѣстныя цѣли, крупныя или мелкія, хорошія или дурныя, и вездѣ успѣхъ или неуспѣхъ, по задачѣ автора, зависитъ отъ расчета пущенныхъ въ ходъ силъ... Самыя цѣли, къ которымъ стремятся дѣйствующія лица г. Потапенка, представляютъ для него второй вопросъ. Его занимаетъ торжествующая или гибнущая сила сама по себѣ, процессъ достиженія или недостиженія цѣли».

Это очень мѣткое замѣчаніе. Но удивительно, что критикъ такъ близко подошелъ къ самому существенному вопросу, подошелъ, повертѣлся около него и отошелъ. А между тѣмъ такъ естественно было спросить себя: почему же г. Потапенко занятъ не столько цѣлью, сколько средствами ея достиженія, — и такъ легко было отвѣтить, что въ созданіи цѣлей самыхъ широкихъ, самыхъ прекрасныхъ, мы всегда были сильны, а вотъ въ средствахъ для достиженія не только этихъ широкихъ, но даже самыхъ крошечныхъ цѣлей мы всегда проявляли замѣчательную несостоятельность. И если это—характеристическая черта нашего общества, если это — больное его мѣсто, вызвавшее, быть можетъ, главнымъ образомъ ту «мрачную реакцію», о которой упоминаетъ г. Скабичевскій, то что же удивительнаго, если современные беллетристы возвращаются

постоянно къ этому вопросу и стараются выяснить своимъ читателямъ, что прежде всего для успѣха въ жизни надо соразмѣрять средства съ цѣлью, что недостаточно поставить себѣ возвышенную и благородную цѣль, но надо, кромѣ того, вдуматься въ средства, которыя могутъ привести къ ея достиженію?

Относительно г. Чехова г. Михайловскій ужъ совсѣмъ не знаетъ, что сказать. Онъ никакъ не можетъ уяснить себѣ руководящей идеи его произведеній. А, между тѣмъ, если вдуматься въ нихъ безъ предубѣжденія, безъ предвзятыхъ тенденцій, то не трудно будетъ придти къ выводу, что по мѣрѣ того, какъ беллетристъ старается осмыслить богатый жизненный матеріалъ, собранный его рѣдкою наблюдательностью, въ его произведеніяхъ начинаетъ все сильнѣе звучать однородная нотка съ тою, которую мы только-что отмѣтили въ произведеніяхъ г. Потапенка. И г. Чеховъ, наблюдая жизнь, приходитъ къ выводу, что русское общество проявляетъ большую несостоятельность въ общественныхъ дѣлахъ, именно вслѣдствіе нравственной несостоятельности или вслѣдствіе той же неспособности соразмѣрять средства съ цѣлью. Эта нотка рѣзко уже звучала въ комедіи г. Чехова: «Ивановъ»; она стала доминирующею въ двухъ послѣднихъ его произведеніяхъ: «Дуэль» и «Жена».

Не видимъ ли мы, слѣдовательно, что современная беллетристика идетъ по стопамъ корифеевъ нашей художественной мысли? Она всецѣло приняла ихъ наслѣдіе и по мѣрѣ силъ и средствъ старается примѣнить завѣщанныя ими традиціи къ современной намъ жизни. Во всякомъ ея сколько нибудь значительномъ произведеніи чувствуется эта преемственность задачъ. Можетъ быть, она дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи не вполнѣ сознательно; но ее приводятъ на этотъ путь съ одной стороны замѣчательные образцы предшествующей нашей литературы, съ другой,—и этотъ импульсъ, понятно, еще сильнѣе,—сама жизнь съ ея реальными требованіями, которымъ не можетъ не подчиниться ни одинъ художникъ, если онъ только заслуживаетъ этого названія. Въ общемъ, надо сказать, что дряблость, несостоятельность, такъ сказать, житейская неспособность является основнымъ мотивомъ современной беллетристики, какъ эти отрицательныя качества нашего общества были и основнымъ мотивомъ всей нашей художественной литературы, начиная съ Кантемира и кончая Тургеневымъ и Салтыковымъ. Различіе между писателями заключалось,—не касаясь ихъ художественнаго дарованія, которое мною, какъ публицистомъ, оставляется въ сторонѣ,—только въ томъ, что каждый изъ нихъ отмежевывалъ себѣ, согласно житейскому своему опыту, ту или другую сферу наблюденій, и въ этомъ отношеніи можно группировать всѣхъ нашихъ писателей большихъ, среднихъ и малыхъ, по сословіямъ или общественнымъ классамъ, которые они преимущественно изображали. Какъ Тургеневъ изображалъ главнымъ образомъ помѣщика сред-

ней руки, Толстой—высшую аристократію, помѣщичью и чиновную, Салтыковъ—мѣстную администрацію, Лѣсковъ—духовенство, такъ и въ современной беллетристикѣ Успенскій создалъ себѣ извѣстность изображеніемъ сѣрыхъ людей провинціальныхъ городковъ и крестьянъ, Лейкинъ—купеческаго быта, Альбовъ и Баранцевичъ—мелкихъ городскихъ разночинцевъ и т. д. Даже независимо отъ всякаго идейнаго содержанія, эта бытописательная сторона нашихъ беллетристовъ имѣетъ громадное значеніе: она раскрываетъ намъ русскую дѣйствительность во всѣхъ ея уголкахъ и даетъ намъ общую картину, столь сочную, наглядную и глубокую по замѣчательной наблюдательности и дару пластическаго изображенія, какою ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ похвалиться. Эта сторона дѣятельности прежнихъ и современныхъ беллетристовъ составляетъ силу нашей литературы. И въ самомъ дѣлѣ пора было бы нашимъ критикамъ-публицистамъ вспомнить, что если они хотятъ съ успѣхомъ служить своимъ идеямъ, то имъ также надо соразмѣрять средства съ цѣлями, и что для этого прежде всего требуется знакомство съ дѣйствительностью, въ которой имъ приходится дѣйствовать, что эту дѣйствительность имъ раскрываютъ и современные беллетристы съ несомнѣннымъ дарованіемъ, и что поэтому они должны были бы до извѣстной степени преложить гнѣвъ на милость, меньше брюзжать на нихъ за то, что они не хотятъ подчиняться такъ называемымъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, а благодарить ихъ за то, что они по мѣрѣ силъ и средствъ помогаютъ намъ уяснить себѣ среду, въ которой мы живемъ и дѣйствуемъ.

Но не этою, такъ сказать, бытописательною стороною творчества современныхъ беллетристовъ исчерпывается наслѣдіе, которое они приняли отъ великихъ своихъ предшественниковъ. Конечно, очень комическое впечатлѣніе производятъ усилія нашихъ критиковъ-публицистовъ найти въ томъ или другомъ беллетристѣ ихъ лагеря идейное содержаніе, которое въ нихъ отсутствуетъ. Смѣшно причислять, напримѣръ, гг. Альбова и Баранцевича къ убѣжденнымъ представителямъ передовыхъ идей. Это не только смѣшно, но и крайне опасно для ихъ значительнаго дарованія, потому что это заставляетъ ихъ «топорщиться, пыхтѣть и надуваться», какъ въ баснѣ Крылова лягушку, которая хотѣла сравняться съ воломъ. Заслуга беллетристовъ этой категоріи заключается въ томъ, что они съ большою непосредственностью, убѣдительностью и пластичностью изображаютъ намъ горе и радости среды, которую они изучили. Въ этомъ отношеніи ихъ труды и поучительны, о интересны. Больше отъ нихъ нечего и требовать, потому что и это ужъ очень, очень много. Надо, дѣйствительно, слишкомъ увлекаться традиціями шестидесятыхъ годовъ, чтобъ не признать, какую огромную услугу приноситъ обществу тотъ писатель, кото-

рый, не мудрствуя лукаво, съумѣетъ въ цѣльномъ образѣ раскрыть намъ тотъ или другой уголокъ русской дѣйствительности. Такой на видъ безхитростный разсказъ, такой золотникъ серебра стоитъ иногда многихъ пудовъ трескучихъ фразъ самаго передоваго содержанія, и, чтобъ дать такой разсказъ, требуется гораздо больше ума, чувства, наблюдательности и проникновенія въ тайники человѣческой души, чѣмъ для критическихъ упражненій по одобреннымъ тѣмъ или другимъ лагеремъ трафареткамъ. Ужъ какъ разносили нѣкоторые критики Тургенева или Салтыкова, о нихъ давно забыли, а Тургеневъ и Салтыковъ блестятъ на нашемъ небосклонѣ и будутъ еще долго, если не всегда, блестѣть. Съ другой стороны, какъ ужъ нападали критики прогрессивнаго толка на г. Лѣскова, а дождался онъ того, что его печатаютъ и въ «Русской Мысли», и въ «Вѣстникѣ Европы», потому что нападки этихъ критиковъ и даже поводы, ихъ вызвавшіе, забываются, а «Соборяне» и «Мелочи архіерейской жизни» увѣковѣчили заслуги г. Лѣскова предъ роднымъ словомъ. Является ли г. Лѣсковъ въ этихъ произведеніяхъ писателемъ по шаблону нашихъ критиковъ, бѣлыхъ или красныхъ, или же просто тонкимъ и необыкновенно одареннымъ наблюдателемъ извѣстной среды? Отвѣтъ очевиденъ. Такъ зачѣмъ же ставить другія требованія болѣе молодымъ беллетристическимъ силамъ? Но у послѣднихъ, какъ я уже отчасти указывалъ, есть и идейная сторона, и, надо сказать, эта идейная сторона находится въ полномъ соотвѣтствіи съ переживаемымъ нами фазисомъ нашего общественнаго самосознанія. И тутъ современная беллетристика является вѣрною хранительницею завѣтовъ творцовъ нашей художественной мысли.

Если взглянуть на основную ея тенденцію,—общественную, потому что ее я исключительно имѣю въ виду,—то окажется, что современная беллетристика твердо идетъ по стопамъ прежней. Я и тутъ особенной какой нибудь заслуги со стороны современныхъ беллетристовъ не вижу; я даже сомнѣваюсь, на сколько самостоятельно они избираютъ этотъ путь. Можетъ быть, тутъ играетъ существенную роль простое желаніе угождать читателямъ, дать имъ то, чего они требуютъ, чѣмъ интересуются. Не даромъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ беллетристовъ упрекаютъ за ихъ многописательство, за желаніе выработать по возможности большій гонораръ. Этотъ упрекъ равносиленъ упреку въ стремленіи находить широкій сбытъ своимъ произведеніямъ, въ желаніи поддѣлываться подъ вкусы и настроеніе читающей публики. Но многописательствомъ грѣшили и Александръ Дюма, и Крашевскій, кто больше—трудно рѣшить, кажется второй, потому что онъ однихъ романовъ написалъ болѣе 400 томовъ,—и г. Боборыкинъ. Однако, многописательство это не исключало своеобразности этихъ писателей въ выборѣ темъ, въ способахъ заинтересовывать читателя.

Относительно же Крашевскаго и Боборыкина можно сказать, что въ различные періоды ихъ дѣятельности они затрогивали весьма различныя темы. Это вполнѣ понятно, потому что всякій день имѣетъ свою злобу, а беллетристъ невольно прислушивается къ этимъ злобамъ, даетъ имъ выраженіе въ своихъ образахъ. То же мы видимъ и въ современной беллетристикѣ. Желая быть занимательною, она прислушивается къ жизни, просто воспроизводитъ ее или старается дать отвѣтъ на запросы, ею предъявляемые. Такимъ образомъ беллетристика сознательно или безсознательно отражаетъ жизнь, даже въ лицѣ тѣхъ изъ своихъ представителей, которые не обладаютъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, то-есть которые просто болѣе или менѣе талантливо фотографируютъ жизнь въ ея характерныхъ проявленіяхъ. Словомъ, жизнь неизбѣжно вліяетъ на беллетристику, даетъ ей содержаніе и направленіе, и если мы взглянемъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, то намъ не трудно будетъ убѣдиться, что и современная беллетристика вполнѣ подчиняется окружающей насъ дѣйствительности.

Прежде всего мы тутъ наталкиваемся на почти общее отрицаніе традицій шестидесятыхъ годовъ. Было время, когда со стороны русскаго беллетриста требовалось большое мужество, чтобъ выразить свое несочувствіе къ этимъ традиціямъ. Дѣйствительно, популярнѣйшіе писатели утрачивали значительную долю своей популярности вслѣдствіе этого рода попытокъ. Вспомнимъ «Взбаламученное море» Писемскаго, «Обрывъ» Гончарова, «Бѣсы» Достоевскаго, «Новь» Тургенева. Но постепенно для русскаго писателя явилась возможность относиться отрицательно къ увлеченіямъ шестидесятыхъ годовъ безъ утраты популярности. Въ восьмидесятые годы этотъ процессъ окончательно завершился, и мы теперь дожили до того, что сомнѣнія въ плодотворности идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, прямое ихъ отрицаніе или даже осмѣяніе встрѣчается у всѣхъ современныхъ беллетристовъ, къ какому бы журнальному кружку они ни принадлежали. Недавно много говорили о появленіи разсказа г. Лѣскова на страницахъ «Вѣстника Европы». Нѣкоторые критики выразили по этому поводу недоумѣніе или даже неудовольствіе. Но въ чемъ же грѣхъ г. Лѣскова? Конечно, главнымъ образомъ, въ романѣ «Некуда», то-есть въ томъ, что онъ осмѣялъ увлеченія шестидесятыхъ годовъ. Но развѣ Гончаровъ и Тургеневъ не осмѣивали ихъ на страницахъ того же «Вѣстника Европы»? Развѣ г. Боборыкинъ въ своемъ большомъ романѣ «На ущербѣ» еще такъ недавно не пропѣлъ имъ отходную въ томъ же «Вѣстникѣ Европы»? Тутъ эти увлеченія ужъ прямо называются «предразсудками», и авторъ произноситъ надъ «направленцами»,—какъ онъ ихъ называетъ,— рѣзкій приговоръ. «По моему мнѣнію, лучше познать себя, чѣмъ жить въ самообманѣ и въ безсильной тоскѣ по живому дѣлу... Такіе, какъ онъ (одинъ

изъ «направленцевъ»), проиграли свою партію, жили миражами, дождались повсемѣстной опалы и должны ждать смерти въ тѣни, укутавшись въ саванъ, какъ схимники, охраняя свою совѣсть и свое человѣческое достоинство». Въ жизни имъ ужъ мѣста нѣтъ. Но и въ другихъ журналахъ болѣе передового оттѣнка постоянно помѣщаются повѣсти, свидѣтельствующія о полномъ разладѣ между публицистическимъ и беллетристическимъ матеріаломъ въ смыслѣ отрицанія традицій шестидесятыхъ годовъ. Г. Бѣлинскій-беллетристъ, воспріемникомъ котораго были «Отечественныя Записки», то и дѣло возвращается къ этой темѣ. Возьмемъ наудачу первую попавшуюся сценку, какихъ можно набрать сколько угодно въ произведеніяхъ этого беллетриста.

«... Я относительно идеи. Въ настоящее время какія-то все непонятныя идеи пошли. Въ шестидесятыхъ годахъ идеи были ясны. Мы чего тогда хотѣли? Свободы личности — разъ. Допущенія женщинъ въ университетъ — два. Свободы...

— «Свободы любви—три,—подхватилъ студентъ.—Свободы пустословія—четыре. Вы требовали пять свободъ. Пятая свобода заключалась въ предоставленіи гимназистамъ курить въ классахъ во время уроковъ. Гимназистки тоже задумывались надъ этимъ, волновались и составляли сходки... Такъ-то, гг. шестидесятовцы.

— «Безпринципная тварь!—вскричалъ врачъ и посмотрѣлъ на сына взглядомъ, полнымъ презрѣнія».

Но оказывается, что и самъ врачъ-отецъ всѣ традиціи шестидесятыхъ годовъ растерялъ и представляетъ собою субъекта, склоннаго къ спиртнымъ напиткамъ и совершенно равнодушнаго къ здоровью своихъ паціентовъ, а настоящіе принципы, торжествующіе въ повѣсти, именно тѣ, которые отрицались «шестидесятовцами»,—вѣра и искусство («Новая жизнь», «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 года).

Такое отрицательное отношеніе къ шестидесятымъ годамъ мы встрѣчаемъ и у г. Потапенка. Его послѣдній большой романъ «Не-герой» является по основному своему замыслу и по многимъ детальнымъ сценамъ протестомъ противъ безпочвеннаго умствованія и призывомъ къ жизненному практическому дѣлу. Всѣ герои, воспитанные на традиціяхъ шестидесятыхъ годовъ, вырождаются въ дряблыхъ, неспособныхъ субъектовъ, съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ (публицистъ Ползиковъ, дантистка Зоя Ѳедоровна, отчасти беллетристъ Баклановъ); наоборотъ всѣ симпатіи автора на сторонѣ практическихъ дѣятелей, дѣлающихъ непосредственно дѣло въ жизни. Калымовъ (издатель, заботящійся практическими средствами о распространіи просвѣщенія, энергическій дѣятель, совершенно ушедшій въ свое дѣло), «не-герой» Рачеевъ (всецѣло посвятившій себя своему хозяйству и сосѣднимъ крестьянамъ, такъ что въ его округѣ голода быть не можетъ, даже если-бъ голодала вся Россія),—вотъ дѣятели, которые прельщаютъ г. Потапенка. Для

нихъ онъ не щадитъ положительныхъ красокъ, какими только располагаетъ его палитра. Даже самъ г. Короленко, котораго авторъ «Исторіи новѣйшей русской литературы» чуть ли не боготворитъ за его мнимую преданность традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, который, какъ говоритъ г. Скабичевскій, «по широтѣ сферы наблюдательности и по міросозерцанію стоитъ вполнѣ въ уровнѣ вѣка по своему образованію», а въ сущности, говоря проще, является талантливымъ жанристомъ, открывшимъ намъ нѣкоторые новые уголки русской жизни,—и тотъ въ произведеніи, помѣщенномъ въ «Русской Мысли», въ очеркѣ: «Съ двухъ сторонъ», высказываетъ сомнѣніе, чтобы сторона, которую мы называемъ традиціями шестидесятыхъ годовъ, была спасительною стороною, хотя, правда, у него продолжаетъ еще довольно сильно звучать отживающая свое время нотка особаго пристрастія ко всему, что безсильно и безполезно протестуетъ противъ существующихъ порядковъ, потому что неспособно къ какому нибудь жизненному дѣлу. Это, какъ извѣстно, было модною темою нѣкоторыхъ нашихъ беллетристовъ, съ особеннымъ сочувствіемъ относившихся къ пропойцамъ и ко всякаго рода свихнувшимся людямъ и изображавшихъ ихъ жертвами несчастныхъ условій, при чемъ беллетристамъ и въ голову не приходилъ простой силлогизмъ: если пропойца или воръ—продуктъ окружающихъ его условій, то вѣдь трезвый и добронравный человѣкъ—тоже продуктъ окружающихъ его условій; другими словами, если мы свободной воли не признаемъ, то всякое этическое начало утрачиваетъ свое значеніе, и намъ не на что негодовать и нечѣмъ возмущаться. И пропойца, къ которому всегда такъ сочувственно относится, напримѣръ, г. Гл. Успенскій, и будочникъ, который всегда возбуждаетъ его гнѣвъ,—одинаково продукты окружающихъ насъ условій, и поэтому, разъ признавъ эту теорію, исключающую дѣйствіе свободной воли, мы должны съ одинаковымъ чувствомъ относиться и къ пропойцѣ, и къ будочнику.

Силлогизмъ этотъ такъ непреложенъ, что современная беллетристика въ лицѣ большинства своихъ представителей не могла не отрѣшиться отъ ложной сентиментальности по отношенію къ своимъ героямъ, загубленнымъ будто бы средою. Давно уже возникъ вопросъ о томъ, на сколько въ крушеніи, постигающемъ такъ часто русскаго человѣка, виновата среда или онъ самъ?

Тутъ мы встрѣчаемся съ третьимъ основнымъ общественнымъ мотивомъ нашей современной беллетристики. Если она, слѣдуя завѣтамъ корифеевъ русской художественной мысли, старается безпощадно раскрывать язвы русскаго общества; если она въ своемъ анализѣ русской дѣйствительности раскрываетъ намъ все новые уголки, постоянно расширяетъ сферу своихъ наблюденій и распространяетъ ихъ на все новыя общественныя группы или разновидности русскаго интеллегентнаго человѣка; если она, разносторонне

наблюдая жизнь, приходитъ къ выводу, что общественные идеалы такъ называемыхъ передовыхъ русскихъ дѣятелей страдали безпочвенностью, чрезмѣрною отвлеченностью и поэтому въ жизни положительныхъ результатовъ дать не могли; если она причисляетъ къ этому разряду идеаловъ и такъ называемыя традиціи шестидесятыхъ годовъ въ смыслѣ, который имъ придаютъ Писаревъ и Добролюбовъ и ихъ эпигоны; если она, согласно традиціямъ нашей литературы въ самыхъ видныхъ ея представителяхъ, казнитъ неспособность русскаго интеллигентнаго человѣка къ практической дѣятельности, къ устраненію самыхъ насущныхъ несовершенствъ русской дѣйствительности,—то она въ то же время жадно и подчасъ страстно бросается въ поиски за такими дѣятелями, которые, не теряя пустыхъ словъ, принимались бы умѣло и энергично за дѣло, конечно, не за то дѣло, надъ которымъ подтруниваетъ г. Михайловскій, не за своекорыстныя дѣлишки подъ предлогомъ отсутствія въ нашемъ обществѣ идеаловъ, а за осуществленіе въ самой жизни завѣтнѣйшихъ преданій и идеаловъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, за доставленіе фактическаго торжества «забытымъ словамъ». Идеалы правды, добра, честности, свободы, остаются неизмѣнными; они будутъ жить, пока живъ человѣкъ; но теперь недостаточно только провозглашать ихъ; необходимо осуществлять ихъ въ жизни примѣнительно къ умственному развитію, общественнымъ воззрѣніямъ, нуждамъ и стремленіямъ той среды, въ которой современному поколѣнію приходится дѣйствовать. Эта истина властно предстала предъ сознаніемъ русскаго общества, которое всѣми своими фибрами чувствуетъ, что пока она не войдетъ въ нашу плоть и кровь, Русская земля будетъ рождать попрежнему однихъ гамлетиковъ и донъ-кихотиковъ.

Преемственность задачъ русской беллетристики бросается и тутъ съ неотразимою силою въ глаза. Уже Гоголь въ той части своего великаго творенія, которая нашла себѣ меньше всего отзвука, во второй части своихъ «Мертвыхъ душъ», пытался указать на существующіе въ нашемъ обществѣ положительные типы. Костанжогло, Муразовъ и генералъ-губернаторъ являются такими типами, въ которыхъ воплощается до извѣстной степени умѣніе служить народу и осуществлять въ дѣйствительности идеи правды, добра, честности. Наболѣвшая душа Гоголя не могла примириться съ тою отрицательною картиною русской жизни, которую онъ самъ такъ геніально изобразилъ. И онъ началъ подходить къ положительнымъ типамъ, онъ началъ ихъ изображать, къ сожалѣнію, слабѣющею рукою, но у этого великаго художника и слабѣющая рука была еще очень сильна. Если его положительные типы не были оцѣнены по достоинству нашею критикою, то только потому, что онъ искалъ ихъ въ средѣ, откуда русское общество перестало искать чего либо хорошаго, убѣжденное, что только обновленное поколѣніе можетъ обновить рус-

скую жизнь. А бѣда-то заключалась въ томъ, что это обновленное поколѣніе русской жизни совсѣмъ не знало, что, воспитанное вдали отъ нея на «прекраснодушіи», какъ выражался Бѣлинскій, оно не въ состояніи было справиться съ трудною задачею водворенія правды и добра въ средѣ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей. Но приступъ былъ сдѣланъ, и рука Гоголя указала всѣмъ послѣдующимъ русскимъ беллетристамъ на эту сторону ихъ отвѣтственной задачи. Нѣтъ большого русскаго писателя въ по-гоголевскомъ періодѣ, который не пытался бы принять и въ этомъ отношеніи на себя его наслѣдіе, за исключеніемъ развѣ одного Салтыкова, который довелъ гоголевскій смѣхъ до послѣдней крайности. Тургеневъ далъ намъ Соломина и Инсарова, этого дѣятеля, который, живя всецѣло, до полнаго забвенія своей личности, любовью къ родинѣ, умѣетъ воплощать эту любовь въ дѣлѣ. Гончаровъ противопоставилъ Обломову Штольца, обломовщинѣ—жизнерадостное, увѣренное, дѣловитое служеніе тому, въ чемъ наиболѣе, быть можетъ, нуждается наше отечество; Марку Волохову онъ противопоставилъ Тушина и т. д. Я не могу прослѣдить всѣ детали этой стороны художественнаго творчества нашихъ великихъ писателей, но и указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ понять мою мысль. И что же мы видимъ въ современной беллетристикѣ? Она и тутъ продолжаетъ дѣло корифеевъ нашей художественной мысли. Она старается въ живыхъ образахъ указать на несоотвѣтствіе средствъ и цѣлей, выяснить, что герои, ищущіе подвиговъ, оказываются у насъ почти всегда несостоятельными, именно вслѣдствіе внутренней или внѣшней невозможности пріискать средства для совершенія предположенныхъ подвиговъ. Взвинченный высокими идеями облагодѣтельствованія всей родины или даже всего человѣчества, герой бросается, очертя голову въ бой, и скоро оказывается, что онъ ведетъ борьбу съ вѣтренными мельницами или расшибаетъ себѣ голову о первый встрѣчный камень, не замѣченный имъ, не смотря на всю внушительность его размѣровъ. «Въ извѣстные годы (я говорю о юности),—мы цитируемъ г. Потапенка,—насъ подавляетъ потребность подвига, великаго дѣла, міровового, великой жертвы. Мы еще тогда слишкомъ неопытны и не знаемъ, что «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ», и не болѣе, кипитъ кровь, которая съ нашимъ вступленіемъ въ практическую жизнь, благодаря различнымъ охлаждающимъ вліяніямъ, мало по малу пріобрѣтаетъ умѣренную температуру, избытокъ силъ, который тою же практическою жизнью такъ просто и незамѣтно распредѣляется на разные неизбѣжные пустяки. Но мы этого знать не хотимъ, потому что сознать это — значитъ признать себя средними людьми, и рвемся къ подвигу, дѣлаемъ ложные шаги и кончаемъ либо пьянствомъ, либо выстрѣломъ, либо, что хуже того и другаго, реакціей въ другую сторону. Но я, слава Богу, во время сознаъ, что я не

болѣе, какъ средній человѣкъ, и не сдѣлалъ ложнаго шага. Я сказалъ себѣ: нѣтъ, подвига я совершить не способенъ, а буду жить по совѣсти, и то хорошо. И, когда я твердо сказалъ себѣ это, все мое отчаяніе, происходившее отъ безплоднаго исканія путей, прошло, и въ душѣ моей водворилась полная гармонія» («Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 г., «Не-герой», стр. 73). Нельзя удивляться, что герои прежняго пошиба не соблазняютъ современныхъ беллетристовъ. Рудины, Базаровы, Неждановы остаются, не смотря на положительную сторону ихъ идеаловъ, на возвышенность ихъ порывовъ, типами отрицательными. Костанжогло, Инсаровы, Штольцы, Соломины являются типами положительными, можетъ быть, блѣдными, но въ этомъ, какъ я уже замѣтилъ, невиноваты великіе наши художники, въ этомъ виновата сама жизнь, и мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы русская, столь одаренная, столь богатая натура не создала въ концѣ концовъ матеріала пригоднаго для сильнаго положительнаго типа въ искусствѣ. Вопросъ этотъ сложный, котораго здѣсь не мѣсто касаться; но мы видимъ, что общество наше жаждетъ такихъ типовъ, что его герои прежняго закала болѣе не удовлетворяютъ, что оно ищетъ именно такихъ дѣятелей, которыхъ г. Вас. Немировичъ-Данченко [1]) первый назвалъ «незамѣтными героями», которыхъ г. Потапенко демонстративно назвалъ «не-героями» и о которыхъ Тургеневъ пророчески говорилъ: «Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ *лучшіе люди*».

И вотъ что заслуживаетъ вниманія. Положительные типы, вышедшіе изъ-подъ рѣзца такихъ художниковъ, какъ Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, не произвели въ свое время особеннаго впечатлѣнія: они затмевались яркими отрицательными типами, созданными тѣми же великими художниками. Но вотъ въ настоящее время стоило одному почти начинающему беллетристу не изобразить положительнаго типа, а просто болѣе или менѣе ясно и рѣзко выставить въ беллетристической формѣ одного изъ тѣхъ «только полезныхъ людей», которыхъ Тургеневъ называлъ «лучшими людьми» наступающей эпохи,—достаточно было этому начинающему писателю изобразить намъ не Богъ вѣсть какими густыми красками... кого? — сельскаго священника, готоваго положить душу, чтобы придти на помощь ближнему въ сферѣ реальныхъ страданій, реальнаго горя, — и этотъ начинающій писатель сразу сталъ извѣстностью. Почти одновременно, нѣсколько раньше появленія разсказа этого беллетриста, одинъ изъ нашихъ губернаторовъ говорилъ въ циркулярахъ, разосланныхъ по губерніи, о священникѣ, монахинѣ, сельской учительницѣ, тюремномъ смотрителѣ, распространившихъ въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ съ изнывав-

---

[1]) В. Немировичъ-Данченко, «Незамѣтные герои». Спб., 1889 г.

шимъ отъ бѣдности и невѣжества населеніемъ духовное и матеріальное благосостояніе, и называлъ этихъ дѣятелей «истинно великими людьми». Это не случайное совпаденіе: и тамъ, и здѣсь,—въ разсказѣ начинающаго беллетриста и въ циркулярахъ саратовскаго губернатора, — говорили съ нами не занимательный разсказчикъ, не мѣстный администраторъ,—говорила съ нами сама жизнь. Она заставляетъ насъ прислушиваться съ жаднымъ вниманіемъ къ голосу администратора и къ голосу разсказчика; она со всѣми своими злобами и назрѣвшими вопросами возбуждаетъ нашъ интересъ къ одному слову и заставляетъ насъ равнодушно пропускать мимо ушей другое; она нами руководитъ; она—наша учительница, а тѣ учителя, которые почерпаютъ свое вдохновеніе въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ иноземнаго происхожденія, въ разсужденіяхъ, порожденныхъ иною почвою, иными людьми, какъ бы возвышенны ни были стремленія этихъ учителей, какъ бы горячо они ни любили вмѣстѣ съ нами родину, — нѣтъ, эти учителя возбуждаютъ наше вниманіе лишь по старой доброй памяти, лишь въ силу вѣры въ ихъ искренность; но время ихъ вліянія проходитъ, если уже не прошло. Достаточно у насъ было провозвѣстниковъ правды; намъ теперь нужны люди, осуществляющіе ее, а только жизнь въ союзѣ съ наукою можетъ научить насъ, какъ ее осуществлять.

У г. Потапенка сорвалось вѣрное слово, въ которомъ выразилась основная злоба нашихъ дней. Онъ озаглавилъ доставившій ему извѣстность разсказъ «На дѣйствительной службѣ». Да, намъ нужна эта «дѣйствительная служба». Порывъ шестидесятыхъ годовъ былъ только порывомъ людей неопытныхъ, не искушенныхъ въ житейской борьбѣ, и кончился, какъ выражаются гг. Михайловскій и Скабичевскій, «наплывомъ мутныхъ волнъ дѣйствительности» и «мрачною реакціею». И теперь предсталъ предъ нами грозный вопросъ: захлебнемся ли мы въ этихъ «мутныхъ волнахъ», одолѣетъ ли насъ «сѣрый мракъ», или же мы одержимъ надъ ними побѣду? Не могутъ же все только въ столицѣ «гремѣть витіи», а тамъ, «во глубинѣ Россіи», не можетъ и впредь царить «вѣковая тишина». Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ эта тишина давно уже нарушена. Зашевелился огромный муравейникъ, заколыхалось великое море, но всплыло изъ него на поверхность вовсе не то, чего мы ожидали. Пока мы «прекраснодушничали», пока въ столицахъ «гремѣли витіи», тамъ, въ медвѣжьихъ углахъ нашего отечества, поднялся другой шумъ, робкій, неясный, но, все-таки, уже опредѣленный, и когда мы къ нему прислушиваемся, что же мы слышимъ? Немолчный припѣвъ: «кулакъ—кабакъ, кабакъ—кулакъ». Это монотонный, но душу раздирающій припѣвъ, и когда мы его слышимъ, мы не можемъ не спросить себя: что же нами сдѣлано втеченіе тридцати лѣтъ для того, чтобъ покончить съ этимъ припѣвомъ? Гдѣ мы были, мы, интеллигентная Русь?

Мы «гремѣли» въ столицахъ, мы увѣряли себя и другихъ, что дѣлаемъ настоящее дѣло; а жизнь намъ теперь кричитъ: «нѣтъ, вы только «прекраснодушничали»; вы ублажали себя однихъ; дайте мнѣ людей, состоящихъ на моей «дѣйствительной службѣ», а вы служите не мнѣ, а себѣ». Мы до сихъ поръ не желаемъ прислушиваться къ этому голосу. Намъ говорятъ люди, задыхающіеся отъ «мутныхъ волнъ дѣйствительности» тамъ, «во глубинѣ Россіи»: «необходимо, чтобъ всѣ, кто сохраняетъ въ своей душѣ идеи правды и добра, въ комъ бьется сердце и живетъ стремленіе ко всему благому и возвышенному, кто истинно любитъ свою родину, шли бы на работу въ провинцію, чтобы общими силами вывести народъ на торную дорогу»; намъ представляютъ въ живыхъ образахъ примѣры того, что это возможно, но мы остаемся глухи къ этимъ голосамъ, потому что они намъ неудобны, потому что мы сами не привыкли трудиться въ этой области, потому что мы жаждемъ подвиговъ и гнушаемся работы въ сѣрой и мутной дѣйствительности. Мы только нарекаемъ на нее, пожимая плечами, и даемъ разными алегоріями чувствовать, что все это происходитъ по «независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ».

Нѣтъ, обстоятельства зависятъ не отъ кого другаго, какъ отъ насъ. Вдумаемся въ приговоръ всей нашей литературы. Перечитаемъ сатиры Кантемира, вспомнимъ Простаковыхъ, Недорослей, Фамусовыхъ, Чацкихъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ, Обломовыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ, пройдемся по этой галлереѣ живыхъ лицъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Нужна ли намъ болѣе яркая картина нашей общественной несостоятельности? Къ чему винить во всемъ другихъ, когда мы сами такъ много виноваты? Или наши великіе художники ошибались и взвели напраслину на наше общество? Кто рѣшится это утверждать? Но если наше общество дѣйствительно таково, если общественные дѣятели въ лучшемъ смыслѣ этого слова составляютъ у насъ такую рѣдкость, что ни одинъ художникъ, какъ бы великъ ни былъ его талантъ, не въ состояніи изобразить ихъ намъ выпукло и ярко, то надо войти въ себя, надо призадуматься надъ вопросомъ, почему «волны дѣйствительности такъ мутны»? Слегка измѣняя извѣстное изрѣченіе, можно сказать, что всякій народъ имѣетъ тотъ общественный строй, какого онъ заслуживаетъ. Когда всякій изъ насъ будетъ на своемъ мѣстѣ въ борьбѣ съ окружающею насъ неправдою, она скоро исчезнетъ. Но быть на своемъ мѣстѣ, проявить выдержку въ борьбѣ съ прозою жизни, подавать примѣръ цѣльности характера во всѣхъ мелочахъ жизни, дрязгахъ, повседневныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ, работать неустанно и настойчиво надъ преодолѣніемъ всевозможныхъ препятствій, противопоставляемыхъ нашимъ возвышеннымъ идеаламъ и порывамъ,—это также своего рода подвигъ, незамѣтный, но тѣмъ

болѣе великій. Такіе люди, такіе «незамѣтные герои» встрѣчаются, — объ этомъ также свидѣтельствуетъ наша литература, начиная съ Кантемира и доходя до беллетристовъ нашихъ дней. Этимъ «незамѣтнымъ героямъ» надо оказывать поддержку, ибо они ее въ высшей мѣрѣ заслуживаютъ. Ради Бога, не будемъ ихъ смѣшивать съ «мутными волнами дѣйствительности». Наоборотъ, будемъ на нихъ указывать, протягивать имъ руку, отводить имъ почетное мѣсто, потому что они—истинные работники на родной нивѣ, потому что они—надежда земли Русской.

Р. Сементковскій.

АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ[1].

ВЪ СТѢНАХЪ кронверка Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, размѣщены, единственные въ ряду прочихъ по своему обилію и исторической законченности, памятники артиллерійскаго дѣла въ Россіи за періодъ пяти вѣковъ. Излишне говорить что либо о полезности коллекцій подобнаго характера, почти живыми словами разсказывающихъ намъ исторію своего далеко уже отошедшаго отъ насъ прошлаго. Настоящее же древнехранилище представляетъ особо широкій интересъ въ данномъ отношеніи, такъ какъ, рисуя передъ нами строго спеціальную картину движенія отъ эпохи къ эпохѣ усовершенствованій артиллерійскаго искусства, оно въ то же время захватываетъ не менѣе широкими штрихами и богатую исторію общаго развитія технической промышленности на Руси. При ближайшемъ ознакомленіи съ коллекціями артиллерійскаго музея, растянувшимися сотнями экземпляровъ: отъ неуклюжей закованной въ дубовую колоду желѣзной пищали XIV вѣка до грандіозной 11 дюймовой береговой пушки нашихъ дней, открывается много любопытныхъ страницъ и не для однихъ спеціалистовъ; каждый, даже мало интересующійся указанными вопросами, найдетъ здѣсь обильную пищу для своей любознательности.

---

[1]) Основаніемъ сообщаемыхъ ниже свѣдѣній послужили: «Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея» и «Отчетъ музея за 1872—1882 годы», составленные г. Бранденбургомъ; «Историческое описаніе вооруженія войскъ», Висковатова; инвентарныя описи музея и нѣсколько документовъ архива артиллерійскаго музея.

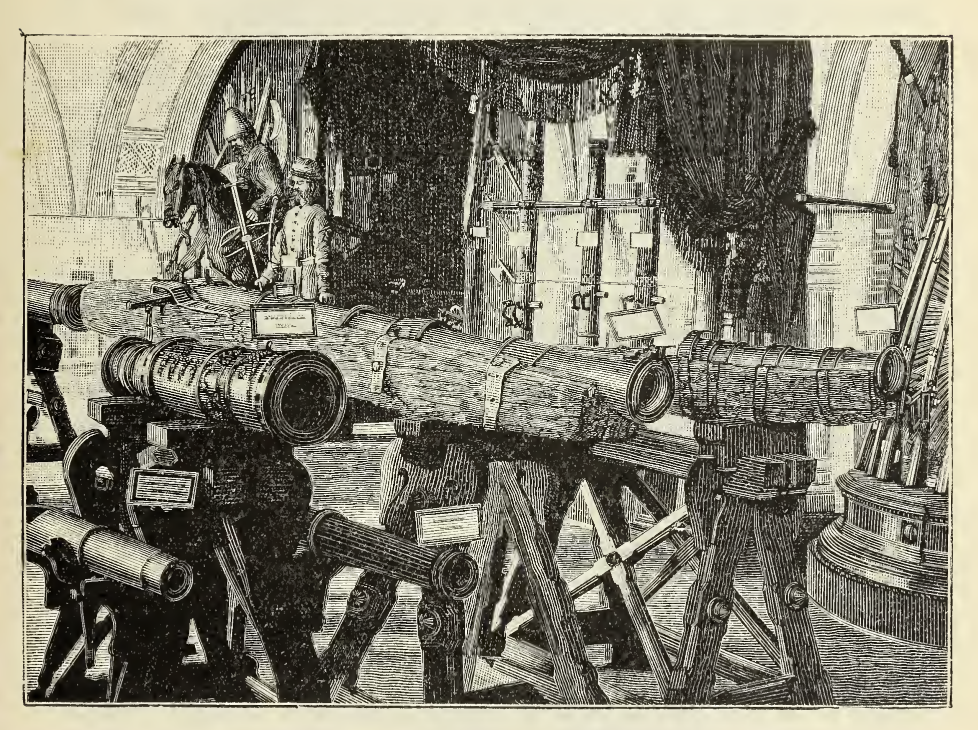
Мы не говоримъ уже о конструктивной оригинальности нѣкоторыхъ боевыхъ орудій нашихъ предковъ, нерѣдко поражающей курьезностью своей идеи и назначеніемъ тѣхъ или другихъ деталей, чему особенно широкое мѣсто въ отдѣлѣ такъ называемыхъ «инвенцій» и «прожектовъ». Здѣсь, начиная отъ представителей неусыпнаго стремленія древнихъ артиллеристовъ къ ускоренію боевой стрѣльбы, отъ всевозможныхъ: «оргàновъ», пушки-револьвера, скорострѣльнаго ящика, пушки на подобіе мельничнаго колеса съ десятками мортирокъ по окружности и т. п., цѣлою серіей тянутся, подчасъ лишенныя даже всякаго смысла, абсурдныя творчества досужихъ прожектеровъ прошлаго времени, претендовавшихъ, напримѣръ, замѣною снаряда въ орудіи двумя желѣзными палками, для чего и послѣднее передѣлывалось въ двуствольное, поражать однимъ выстрѣломъ если и не всю непріятельскую армію, то во всякомъ случаѣ не менѣе 36 человѣкъ, какъ обѣщаетъ самъ, увлекшійся своимъ изобрѣтеніемъ, инвенторъ. Но на ряду съ этимъ приходится нерѣдко становиться лицомъ къ лицу и передъ такими вопросами, какъ, напримѣръ, сознаніе того обстоятельства, что почти все, чѣмъ мы пользуемся въ наши дни подъ громкимъ девизомъ послѣдняго слова артиллерійской науки, не было новостью и для нашихъ очень древнихъ предковъ. Мысль о томъ, что то только ново, что хорошо забыто, находитъ въ стѣнахъ артиллерійскаго музея самое широкое разоблаченіе. Заряжаніе съ казенной части, скрѣпленіе орудій кольцами, нарѣзы въ пушкахъ, разрывные снаряды и многое другое, что видимъ мы въ наше время, слѣпо считая открытіями и изобрѣтеніями лишь недавнихъ дней, все это видѣли и наши сѣдые предки XVII, XVI и даже XIV вѣковъ; если же идея умирала, не переживая ихъ и возвращаясь къ намъ подъ формою чего-то новаго, то только благодаря тому, что собою она значительно опережала общее состояніе современной ей техники и не имѣла нынѣшнихъ богатыхъ средствъ послѣдней. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ условіяхъ, техника старыхъ временъ съумѣла создать многое, что бы могло сдѣлать честь и техникѣ нашего времени, особенно въ отношеніи желѣзоковательнаго искусства, далеко нелегкаго вообще. Въ числѣ памятниковъ музея имѣется, напримѣръ, выкованная изъ желѣза пищаль XVII столѣтія, вѣсящая въ отдѣлкѣ, кстати замѣтимъ, чрезвычайно щеголеватой [1]), болѣе 62 пудовъ, слѣдовательно вчернѣ металлъ, который при отсутствіи машинъ приходилось ковать въ ручную, вѣсилъ еще болѣе. Другой рѣдкій экземпляръ подобнаго рода, это— орудіе Петровской эпохи, выкованное туляками изъ желѣзной проволоки на манеръ такъ называемой дамасской стали.

Не менѣе любопытна и рѣдка своею исторической древностью

---

[1]) Сверху орудіе покрыто серебряною чеканкой и рѣзьбою.

группа нѣсколькихъ орудій, поставленныхъ во главѣ коллекцій артиллерійскаго музея. Это — самые сѣдые представители артиллерійскаго искусства, какіе только могла сохранить намъ наша старина. Два правыхъ орудія, примитивностью своей конструкціи и грубостью отдѣлки какъ самаго орудія, такъ и вмѣщающей ихъ деревянной колоды, наглядно знакомятъ насъ, между прочимъ, съ тѣми первыми на Руси пушками, которыя были вывезены къ намъ съ Запада въ княженіе Димитрія Іоанновича Донкаго, и о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, отмѣчая подъ 1389

Древнѣйшія орудія, мѣдныя и желѣзныя, съ XIV по XVI вѣкъ.

годомъ, что «лѣта 6897 вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». По виду, орудіе представляется грубо выкованнымъ изъ листоваго желѣза, скрѣпленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ такими же кольцами. Каналъ орудія сквозной, что̀ указываетъ намъ, что оно заряжалось сзади, или, какъ принято говорить на языкѣ артиллеристовъ, съ казенной части, для чего къ ней приспособленъ и особый механизмъ, состоящій изъ отдѣльной отъ орудія вкладной цилиндрической каморы, съ помѣщенною наверху рукоятью. Камора, по укладкѣ въ нее пороховаго заряда и снаряда, вкладывалась въ

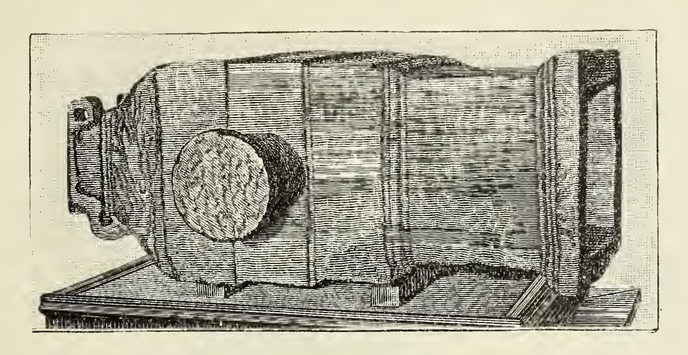
каналъ орудія, гдѣ плотно зажималась помѣщавшимся сзади нея желѣзнымъ клиномъ. Все это наглядно можно видѣть на рисункѣ втораго отъ края орудія. Этотъ рѣдкій памятникъ былъ поднятъ со дна Балтійскаго моря и впослѣдствіи подаренъ императору Николаю I датскимъ королемъ Фридрихомъ VII; другой—найденъ у береговъ Ревеля; оба находились подъ водою болѣе двухъ вѣковъ. Видныя въ этой же группѣ только наполовину своей длины орудія принадлежатъ также къ весьма древней эпохѣ; судя по конструкціи, выдѣлка ихъ никакъ не позже начала XV столѣтія. И то и другое найдены въ области Донскаго войска: одно — въ Новочеркасскѣ, другое пріобрѣтено генераломъ Саблуковымъ въ Лугани.

Пятый и послѣдній памятникъ, представленный на рисункѣ, есть щеголеватый представитель артиллеріи грознаго царя Руси Іоанна IV. Это—«гафуница», типъ орудія, извѣстнаго впослѣдствіи подъ названіемъ гаубицы, назначеніемъ которой была стрѣльба каменными ядрами и каменною картечью, «дробомъ». По всей поверхности орудіе разукрашено литыми травами съ любопытнымъ, между прочимъ, изображеніемъ у дула большаго вѣнка и оленя, чешущаго себѣ ногой голову. Вдоль гафуницы тянется славянскою вязью надпись: «Іоаннъ Божьею милостью государь всея Руси въ лѣто 7050 (1542 г.) дѣлалъ Игнатій».

Къ разряду орудій съ такимъ же боевымъ назначеніемъ относится и другой экземпляръ, представляющій собою мѣдный камнеметъ XVI столѣтія. Особенности его конструкціи составляютъ пирамидальная камора и форма всего орудія, обдѣланнаго въ паралепипедъ.

Между указанными уже нами памятниками ютятся или, наоборотъ, рѣзко выдѣляются грандіозностью своихъ размѣровъ многіе десятки другихъ представителей прошлаго русской артиллеріи, если и не составляющихъ особеннаго рельефа въ общей, вырисовывающейся ими картинѣ пятивѣковаго прогресса артиллерійскаго дѣла, то во многихъ случаяхъ представляющихъ большое сокровище по своей общеисторической цѣнности. Таковы, напримѣръ, мортиры, отлитыя: одна—на иждивеніе извѣстнаго гетмана Мазепы и всего войска Запорожскаго, другая — въ кратковременное царствованіе Лжедимитрія, бывшаго большимъ охотникомъ до пушечной стрѣльбы и литья пушекъ. Еще Петръ Великій подмѣтилъ цѣнность послѣдняго памятника, увѣковѣчивъ свой интересъ къ нему сохранившеюся доселѣ чеканною на орудіи надписью: «великій государь по имянному своему указу сего мортира переливать не указалъ». Невдалекѣ отъ этихъ двухъ помѣщается не менѣе интересный представитель артиллеріи царя Михаила Ѳедоровича, съ весьма двусмысленнымъ и любопытнымъ посвященіемъ въ надписи по ободу казенника. Была ли таковая продуктомъ скрытой иро-

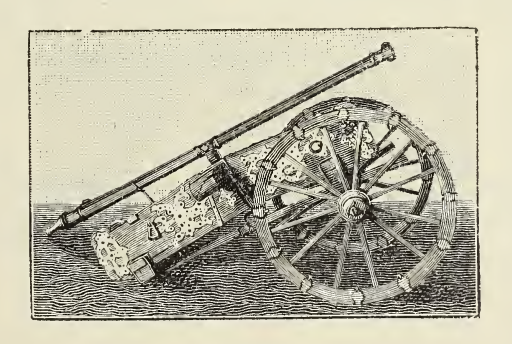
ніи иностраннаго мастера, если полагать отливку орудія за границею, или же попросту ошибкою нашего литейщика, перещегольнувшаго своимъ полуграмотнымъ знакомствомъ съ латинскимъ языкомъ, трудно сказать съ достовѣрностью; курьезно же то, что, въ латинскомъ посвященіи этого орудія Михаилу Ѳедоровичу слово

Мѣдный камнеметъ XVI вѣка.

«russorum» замѣщено, благодаря перестановкѣ двухъ первыхъ буквъ, словомъ «ursorum», чтò въ общемъ переводитъ всю надпись къ титулованію русскаго царя «великимъ предводителемъ всѣхъ медвѣдей». Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ памятникъ представляетъ собою древнѣйшее нарѣзное орудіе, которое до сихъ поръ извѣстно не только въ Россіи, но и въ заграничныхъ музеяхъ.

Другой экземпляръ того же типа, относящійся къ царствованію Алексѣя Михайловича, представленъ нами на рисункѣ.

Древняя нарѣзная пищаль XVII вѣка.

Это—заряжающаяся съ казенной части, болѣе сажени длиною, пищаль съ правильно расположенными внутри ея канала 16 полукруглыми нарѣзами. По поверхности орудіе изящно украшено серебромъ и позолотою, чтò, между прочимъ, указываетъ на ихъ особую службу въ рядахъ артиллеріи Московскаго государства.

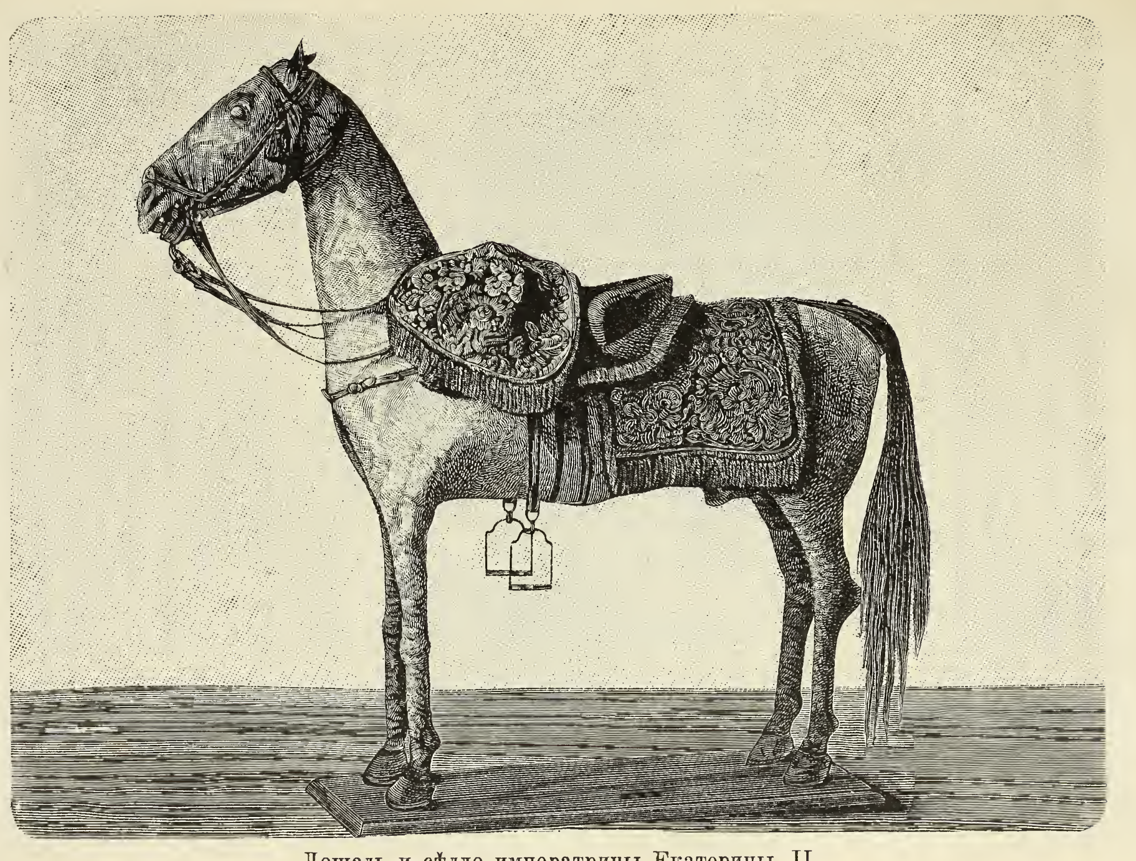
По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, орудія этого рода, которыхъ имѣется числомъ двѣнадцать, употреблялись при торжественныхъ церемоніяхъ встрѣчи въ Москвѣ иноземныхъ пословъ, находясь въ постоянномъ храненіи въ пушкарскомъ приказѣ. Отъ времени эти орудія успѣли сильно поблекнуть; во многихъ мѣстахъ не осталось и слѣдовъ какой либо позолоты. Любопытно, что еще въ 1775 году оружейная канцелярія выражала желаніе реставрировать попорченныя украшенія, но потребовавшаяся на то громадная сумма въ 12,900 рублей заставила отказаться отъ всякихъ попытокъ привести орудія въ ихъ прежній видъ.

Подъ орудіемъ современный двухколесный лафетъ, окрашенный красною краскою и со множествомъ узорчатыхъ оковокъ.

Перейдя затѣмъ въ залъ памятниковъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, посѣтитель артиллерійскаго музея встрѣтитъ и здѣсь не мало любопытныхъ экземпляровъ. Грандіозная, украшенная рѣзьбою колесница XVIII вѣка, съ помѣщеннымъ на ней единственнымъ представителемъ артиллерійскаго знамени; самодѣльныя пушки Емельяна Пугачева; орудіе, участвовавшее въ битвѣ 1806 года подъ Прейсишъ-Эйлау и не разряженное съ тѣхъ поръ, благодаря пораненію французскимъ ядромъ его канала; «секретная» гаубица, инвентованная графомъ Шуваловымъ; пушка съ метательною силою пара вмѣсто пороха и много другихъ, не говоря уже о рѣдкихъ памятникахъ спеціально артиллерійскаго интереса.

Сотни знаменъ и развѣшаннаго по стѣнамъ залъ ручнаго оружія, вмѣстѣ съ образчиками боевой аммуниціи русскихъ войскъ за разныя эпохи, придаютъ полную законченность этой живой картинѣ исторіи общаго состоянія военнаго дѣла на Руси, съ далекихъ временъ XIV вѣка, до самыхъ послѣднихъ дней. Но, выполняя прямую цѣль своего назначенія, какъ спеціальнаго древнехранилища отечественныхъ памятниковъ, артиллерійскій музей въ то же время служитъ хранилищемъ многочисленныхъ трофеевъ, отбитыхъ нами въ разные періоды войнъ у войскъ почти всѣхъ государствъ Европы и Азіи. Размѣщенные по верхнему этажу, частью же, по недостатку помѣщенія, внѣ стѣнъ музея, памятники нашихъ войнъ съ Австріей, Германіей, Франціей, Англіей, Италіей, Швеціей, Турціей и другими государствами представляютъ уже по одному обилію ихъ богатый интересъ, возростающій еще болѣе при ближайшемъ ознакомленіи. Рядомъ съ этими главными отдѣлами коллекцій музея, отведенъ небольшой, но нарядный уголокъ собранію предметовъ совершенно общаго характера, къ описанію которыхъ мы еще вернемся. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи самаго древнехранилища.

Прошлое артиллерійскаго музея восходитъ въ очень отдаленное отъ насъ время. До нашихъ дней сохранились хотя и немногія, но весьма цѣнныя указанія въ этомъ отношеніи, дающія возмо-

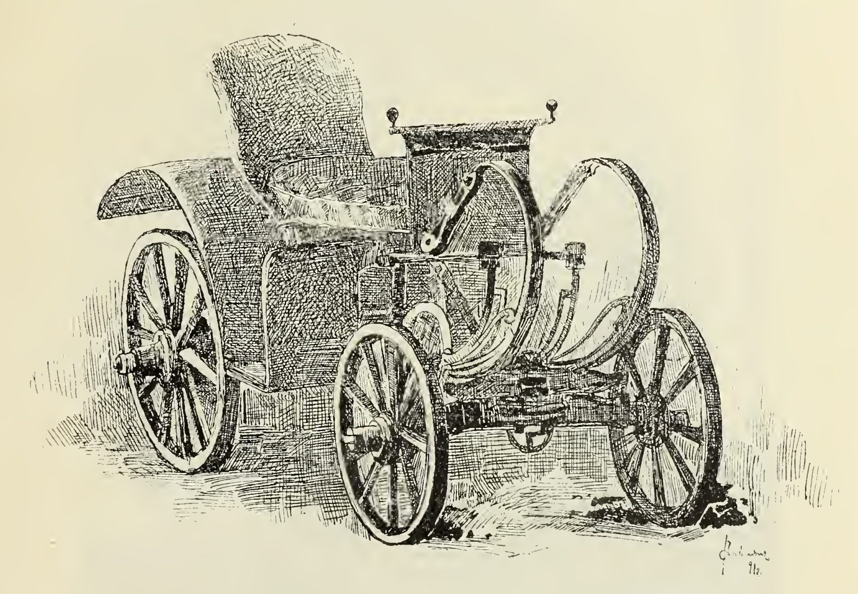
Лошадь и сѣдло императрицы Екатерины II.

жность съ достаточнымъ основаніемъ полагать однимъ изъ начальныхъ моментовъ проявленія интереса нашихъ предковъ къ сохраненію представителей отдаленныхъ эпохъ прошлаго артиллеріи время уже знакомой намъ чеканки на мортирѣ Лжедимитрія, помѣченной 1703 годомъ. Порождая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рядъ другихъ мѣръ подобнаго характера, интересъ этотъ успѣлъ окрѣпнуть въ форму вполнѣ сознательнаго уваженія къ этимъ безмолвнымъ свидѣтелямъ славныхъ, подчасъ и полныхъ несчастья, страницъ боевой жизни Руси. Въ 1719 году, мы видимъ, напримѣръ, что восемь пушекъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ царскимъ указомъ велѣно «за ихъ службы» взять отъ полковъ и поставить на храненіе въ цейхгаузъ «въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ-бъ мочи не было и отъ пожара опасности». Далѣе передъ нами цѣлая серія распоряженій о пріобрѣтеніи отъ иностранныхъ и русскихъ купцовъ вывезенныхъ ими изъ Швеціи старинныхъ русскихъ орудій[1]); въ 1724 году опубликовано повсемѣстное для Россіи запрещеніе переливки старыхъ пушекъ, мотивируемое надобностью таковыхъ въ артиллерію «для курьезу» и т. д. То же прослѣживаемъ мы и въ послѣдующихъ царствованіяхъ. Всѣ собираемые далѣе памятники складывались на храненіе «вмѣстѣ съ прочими старинными пушками» въ тотъ же Петербургскій цейхгаузъ, образовавъ съ теченіемъ времени, своимъ все болѣе и болѣе обогащавшимся собраніемъ, ядро того будущаго зачатка артиллерійскаго музея, которому окончательно окрѣпнуть суждено было лишь благодаря случайному интересу къ хранимому имъ имуществу. Генералъ-фельдцейхмейстеръ и извѣстный въ свое время неусыпный изобрѣтатель графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, натолкнувшись на археологическія богатства помянутаго цейхгауза, понялъ всю важность, какую могли бы играть таковыя въ сферѣ его инвенторскихъ измышленій, давая собой богатый матеріалъ къ ознакомленію съ изобрѣтеніями прошлыхъ дней а вмѣстѣ съ тѣмъ и канву для новыхъ проектовъ. Въ виду чего, желая возможно шире пополнить коллекціи цейхгауза и не довольствуясь уже прежнимъ, подчасъ вполнѣ случайнымъ приростомъ новыхъ патятниковъ, онъ рѣшился вывести это дѣло на путь спеціальныхъ и энергичныхъ розысковъ, не безъ основанія намѣтивъ мѣстами ихъ главнымъ образомъ старые монастыри. Слѣдствіемъ этой незабвенной въ хроникѣ музея иниціативы Шувалова, 14-го ноября 1756 года состоялся высочайшій указъ, предоставившій возможность «разобранія имѣющихся по монастырямъ старинныхъ военныхъ орудій и протчаго» и взятія ихъ въ

---

[1]) Утерянныхъ въ роковой для артиллеріи день первой Нарвской битвы въ 1700 году, когда Карломъ XII была захвачена наша артиллерія, болѣе 150 орудій.

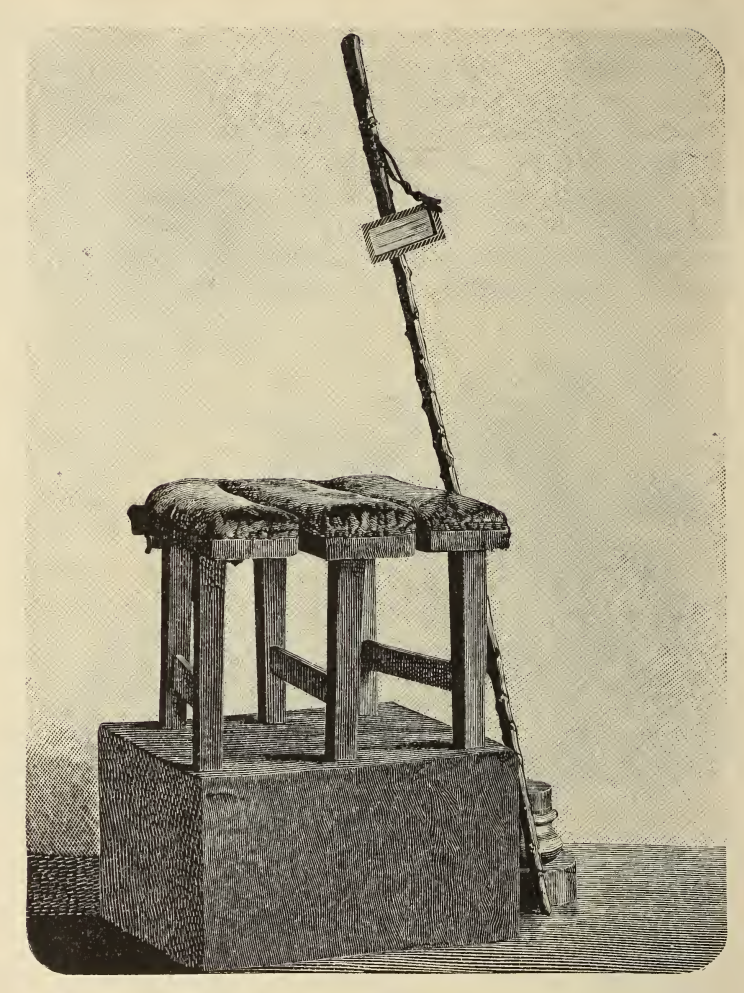
артиллерію, съ каковою миссіею и былъ командированъ подпоручикъ Семеновскаго полка Кропотовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ прочимъ учрежденіямъ, у которыхъ почему либо могли оказаться тѣ или другіе «курьезные» памятники помянутаго характера, было предписано, разобравъ и составивъ возможно подробное описаніе имъ, хранить таковые въ особыхъ помѣщеніяхъ. Съ теченіемъ времени весь этотъ матеріалъ, обильно почерпаемый изъ монастырей и другихъ мѣстъ и концентрируемый въ двухъ главныхъ пунктахъ—Москвѣ и Петербургѣ, образовалъ въ послѣднемъ обширное собраніе «инвенторскихъ и достопамятныхъ вещей», размѣ-

Походныя дрожки императора Александра I.

щенное въ томъ же году подпоручикомъ Миллеромъ въ одномъ изъ зданій Новаго Пушечнаго двора.

Но, подбирая эти памятники, Шуваловъ, какъ мы видѣли, имѣлъ въ виду лишь исключительное назначеніе ихъ служить матеріаломъ для временнаго изученія состоянія артиллерійской техники въ предшествовавшія эпохи; почему, по выполненіи собранными коллекціями означенной роли, родился естественно вопросъ объ ихъ дальнѣйшей участи, и въ виду того, что «во оныхъ нужды болѣе не состояло», какъ доносилъ о томъ помянутый Миллеръ, въ 1761 году послѣдовало распоряженіе о передачѣ ихъ къ имуществу С.-Петербургскаго арсенала; частью же коллекцій, главнымъ образомъ ручнымъ оружіемъ, предположено было вооружить иррегулярныя войска. Тѣмъ не менѣе, съ этихъ поръ за помянутымъ собраніемъ, не смотря на какъ будто попатнувшійся инте-

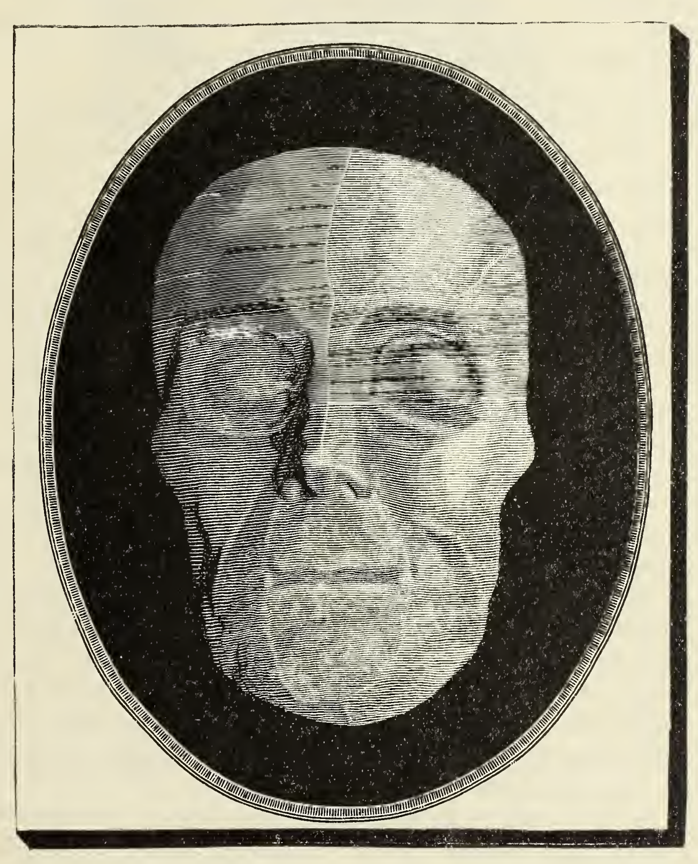
Табуретъ и трость Стеньки Разина.

ресъ къ нему, утвердилось вполнѣ опредѣленное значеніе спеціальнаго хранилища памятниковъ артиллерійскаго искусства, и сюда же четыре года спустя была доставлена изъ Москвы и съ Сестрорѣцкаго завода многочисленная серія старинныхъ орудій, числомъ до 250-ти, готовыхъ было погибнуть въ переливкѣ на монету для уплаты числящагося въ артиллеріи двухмилліоннаго долга.

Обезпеченныя еще болѣе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи указомъ слѣдующаго 1765 года, коллекціи артиллерійскихъ памятниковъ Москвы и Петербурга начали постепенно стягивать къ себѣ таковые со всѣхъ концовъ Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшая роль въ этомъ отношеніи установилась за Петербургомъ, на

столько, напримѣръ, что въ 1786 году мы встрѣчаемся съ фактомъ передачи изъ Московскаго арсенала въ Петербургскій весьма драгоцѣннаго памятника XVII столѣтія—12 желѣзныхъ высеребренныхъ пищалей, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше.

Въ перечнѣ поступленій въ Петербургскій арсеналъ, производившихся нерѣдко и отъ постороннихъ артиллеріи вѣдомствъ, особенно выдѣляется обиліемъ доставленныхъ памятниковъ проме-

Гипсовая маска Суворова.

жутокъ 1778 и 1779 годовъ, когда изъ Ораніенбаумской конторы и С.-Петербургской крѣпости было передано ему въ общей сложности до 700 экземпляровъ, изъ которыхъ на долю русскихъ памятниковъ приходилась цифра 470, остальное дополняла группа иностранныхъ. Въ это же время арсеналомъ были сдѣланы и такія рѣдкія пріобрѣтенія, какъ, напримѣръ, коллекція орудій, бывшихъ въ отрядѣ Шеина при памятной въ лѣтописяхъ исторіи осады Смоленска 1632—1634 годовъ, масса иностранныхъ знаменъ съ

нѣмецкимъ знаменемъ 1542 года во главѣ и многіе другіе предметы. Здѣсь же становится замѣтна вполнѣ оффиціальная роль арсенала, на ряду съ фактомъ постановки въ немъ 13-го января 1797 года въ личномъ присутствіи императора Павла I-го тринадцати знаменъ царствованія Екатерины Великой. Цѣлыми группами шли съ разныхъ концовъ Россіи высылки въ Петербургскій арсеналъ достопамятныхъ предметовъ, причемъ характеръ его, какъ центральнаго хранилища ихъ, окончательно выясняется передачею въ 1795 году съ Тульскаго оружейнаго завода коллекціи нарѣзныхъ орудій времени Елизаветы на храненіе въ Петербургъ, а не въ Москву, какъ того можно было ожидать въ виду значительной близости послѣдней къ Тулѣ. Всѣ болѣе любопытные и цѣнные памятники направлялись уже исключительно въ Петербургскій арсеналъ, за массою которыхъ во все время ихъ поступленій мы, однако, отказываемся слѣдить непрерывно, изъ опасенія значительно уклониться отъ прямой цѣли настоящаго сообщенія [1]).

Отмѣтимъ лишь наиболѣе любопытныя пріобрѣтенія, какъ, напримѣръ, переданные въ 1827 году изъ Казанскаго артиллерійскаго гарнизона 16 русскихъ мортиръ и пушекъ XVII столѣтія; отъ министра императорскаго двора 13 предметовъ личнаго гардероба Петра Великаго; въ 1828 году изъ главнаго штаба и отъ придворной конторы коллекція болѣе 150 предметовъ, лично принадлежавшихъ государямъ: Петру I-му, Петру III-му, Екатеринѣ Второй, Александру I-му, Фридриху Великому и Францу I-му; въ 1838 году изъ арсенала великаго князя Константина Павловича собранія ручнаго вооруженія XVIII и XIX вѣковъ; въ 1839 году изъ Московскаго арсенала 11 предметовъ очень рѣдкаго холоднаго оружія XVII столѣтія и, между прочимъ, единственный, на сколько до сихъ поръ извѣстно, экземпляръ особой конструкціи артиллерійскаго орудія, упоминаемаго въ лѣтописяхъ прошлаго подъ названіемъ «сороки», и, наконецъ, въ 1871 году изъ арсенала Аничковскаго дворца многочисленная коллекція древняго вооруженія иностранныхъ войскъ. Не малую роль въ обогащеніи арсенала играли также пріобрѣтенія случайныя, являвшіяся отчасти продуктомъ пожертвованій частныхъ лицъ, но, въ большей массѣ, благодаря открывавшимся, время отъ времени, находкамъ, изъ которыхъ особенно любопытна коллекція желѣзныхъ кованыхъ пищалей XV—XVI столѣтій, найденная въ 1856 году въ Устюжнѣ-Желѣзнопольской.

Въ общемъ, весь приростъ, вмѣстѣ съ имѣвшимся уже въ арсеналѣ военно-археологическимъ имуществомъ, выразился къ 1872

---

[1]) Интересующіеся могутъ найдти подробныя указанія на страницахъ составленнаго г. Бранденбургомъ «Отчета артиллерійскаго музея», откуда почерпнуты и настоящія свѣдѣнія.

Стутая Нептуна.

году въ солидной цифрѣ итога до 8,000 предметовъ, не считая здѣсь свыше 400 различныхъ памятниковъ общеисторическаго значенія и собранія ружей, вошедшихъ въ его коллекціи только опредѣленнымъ количествомъ экземпляровъ.

При взглядѣ на приведенный выше перечень предметовъ поступленій, рельефно вырисовывается, между прочимъ, самый характеръ, носимый въ то время хранилищемъ ихъ. При организаціи этого собранія не проводилось, повидимому, никакой опредѣленной идеи, такъ какъ составившія его коллекціи отличаются

крайнимъ разнообразіемъ; помѣщенныя на ряду съ тѣми или другими представителями артиллерійскаго искусства, вещи, въ родѣ игрушечной лошадки Павла I-го, придворной похоронной колесницы [1]), верстомѣрной коляски и т. п., придавали организованному собранію видъ скорѣе какого-то общаго склада достопамятныхъ рѣдкостей, нежели спеціальнаго древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ, почему является и вполнѣ соотвѣтствующимъ, приданное, впослѣдствіи, этому учрежденію, обширное по своему значенію, названіе «достопамятнаго зала».

Помѣщаясь долгое время въ стѣнахъ зданія нынѣшняго окружнаго суда [2]), «достопамятный залъ» въ 1869 году былъ переведенъ, къ сожалѣнію, не безъ ущерба и даже утраты многихъ памятниковъ, въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, гдѣ три года спустя для него наступила совершенно новая эра существованія.

Широкая программа устроивавшейся въ 1872 году въ Москвѣ политехнической выставки вызвала, между прочимъ, необходимость участія въ историческихъ отдѣлахъ технической промышленности представителей артиллерійскаго дѣла Россіи за все время своего развитія. Высланные сюда, главною массою изъ коллекцій «достопамятнаго зала», памятники помянутаго характера, вмѣстѣ съ богатою серіею доставленныхъ изъ разныхъ другихъ учрежденій, образовали собою обширное собраніе, давшее полную возможность организаціи на выставкѣ цѣлаго историческаго музея. Назначеннымъ къ тому спеціально лицамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалось придать послѣднему строго научный характеръ, гдѣ памятники того или другаго фазиса развитія артиллерійскаго искусства, тѣсно подобранные въ извѣстной хрононогической послѣдовательности, составили собою наглядную картину историческаго хода его движенія въ Россіи. Спеціально составленный каталогъ, съ небольшими, но основательными руководящими замѣтками по общимъ вопросамъ прошлаго артиллеріи, вмѣстѣ съ указанною выше классификаціей, давали возможность каждому посѣтителю выставки, даже и неспеціалисту, суммировать впечатлѣнія обзора ея артиллерійскаго отдѣла не сотнями отрывочныхъ представленій о тѣхъ или другихъ памятникахъ, а въ формѣ цѣльной, вполнѣ законченной картины постепенности развитія русскаго артиллерійскаго дѣла отъ эпохи къ эпохѣ, съ древнѣйшихъ временъ его зарожденія вплоть до послѣднихъ дней.

Этотъ-то образцово-организованный временный музей и далъ собою образецъ музею постоянному, продолжавшему оставаться

---

[1]) Нынѣ, впрочемъ, изъятой вмѣстѣ съ прочими аттрибутами похоронныхъ церемоній изъ имущества музея.

[2]) На Литейной. Ранѣе здѣсь былъ, такъ называемый, старый арсеналъ.

Портретъ Ермака.

все тѣмъ же «достопамятнымъ заломъ». Тотчасъ послѣ выставки, благодаря горячему участію со стороны покойнаго товарища генералъ-фельдцейхмейстера Баранцова, было приступлено къ коренной реорганизаціи древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ. Вслѣдъ за переименованіемъ его въ «артиллерійскій музей», къ завѣдыванію коллекціями былъ назначенъ одинъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ помянутаго выставочнаго музея г. Бранденбургъ[1]), которому и было поручено привести все имущество музея въ полный научный порядокъ. На первыхъ же порахъ обнаружились всѣ недостатки прежняго положенія коллекцій, причемъ самымъ существеннымъ явилось обстоятельство, указывавшее на значительный пробѣлъ въ подборѣ памятниковъ ихъ по эпохамъ, въ особенности же за эпохи болѣе древнія. Доставленные изъ разныхъ учрежденій на выставку представители той или другой отрасли артиллерійскаго искусства, явившись во многихъ случаяхъ образцами единственными, породили вопросъ о небезосновательной возможности существованія гдѣ либо и другихъ неизвѣстныхъ пока цѣнныхъ памятниковъ. Въ виду чего были предприняты, съ одной стороны, широкія ходатайства артиллерійскаго управленія о передачѣ въ артиллерійскій музей отъ всѣхъ вѣдомствъ, высланныхъ ими на выставку, помянутыхъ памятниковъ, съ другой — повтореніе мѣры 1756 года, энергичные розыски по древнимъ монастырямъ и отдаленнымъ угламъ Россіи. На ряду съ этимъ, возникъ вопросъ объ отсутствіи среди коллекцій музея представителей артиллеріи новѣйшихъ дней, безъ чего таковой утрачивалъ, не говоря уже объ ущербѣ хронологической послѣдовательности, одно изъ главнѣйшихъ назначеній — служить вмѣстѣ съ историческими цѣлями и цѣлямъ общеобразовательнымъ. Здѣсь горячее вниманіе генерала Баранцова позволило присоединить къ коллекціямъ музея не только всѣ виды полевыхъ и болѣе легкихъ орудій, но даже и такого гиганта, какимъ является грандіозная 11 дюймовая береговая пушка, вѣсящая почти 2,000 пудовъ.

Вслѣдъ за посильнымъ обогащеніемъ военно-археологическаго имущества музея, давшимъ къ 1882 году значительный приростъ почти 1,000 предметовъ, оставалось разрѣшить нелегкую задачу— придать всему собранію научную систематизацію, намѣченную, въ настоящемъ случаѣ на основаніяхъ не погоднаго нанизыванія памятниковъ, безъ всякой внутренней связи, а на группировкѣ однородныхъ представителей артиллерійскаго искусства по эпохамъ, рѣзко раздѣляющимся исторіей послѣдняго. Таковыхъ согласно историческимъ датамъ было намѣчено пять: а) эпоха до-

---

[1]) Позднѣйшимъ предмѣстникомъ былъ извѣстный беллетристъ А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Петровская, б) отъ Петра I до Шуваловскихъ преобразованій, в) отъ времени Шувалова до воцаренія Павла I, г) съ начала XIX столѣтія до введенія нарѣзныхъ орудій и д) артиллерія но-

Гардеробъ Петра Великаго.

вѣйшихъ временъ. Но для выполненія указанной классификаціи памятниковъ артиллерійскій музей почти не давалъ никакихъ средствъ; существовавшія инвентарныя описи, по большей части, страдали невѣрностью и анахронизмомъ сообщаемыхъ ими свѣ-

дѣній; приходилось снова обращаться непосредственно къ самимъ памятникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть подъ руками историческія указанія для возможно точной классификаціи. Съ этою цѣлью историческій архивъ главнаго артиллерійскаго управленія былъ переданъ въ артиллерійскій музей и, какъ необходимое пособіе, заведена небольшая библіотека спеціальныхъ историческихъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе, не мало труда и времени было потрачено на коренное переустройство музея, и только благодаря внимательному отношенію къ его нуждамъ со стороны высшей артиллерійской администраціи, послѣднее достигло того образцоваго устройства, которое мы видимъ въ наши дни, и которому, замѣтимъ кстати, во многомъ могли бы позавидовать его иностранные собратья. Ни въ одномъ заграничномъ музеѣ нѣтъ, напримѣръ, такой полноты артиллерійскихъ памятниковъ главнымъ образомъ за древній періодъ, какъ въ нашемъ.

При настоящемъ устройствѣ артиллерійскій музей носитъ характеръ спеціальнаго, строго научнаго учрежденія, призваннаго къ выполненію исключительной задачи—служить основаніемъ къ изученію исторіи тѣхъ или другихъ вопросовъ прошлаго артиллерійскаго дѣла въ Россіи, и на сколько музей въ состояніи выполнить ее, можно судить уже по одному богатству его средствъ. Къ настоящему дню музей насчитываетъ въ своихъ обширныхъ коллекціяхъ до 10.000 предметовъ и не однихъ только спеціальныхъ представителей артиллерійскихъ войскъ, но и большія собранія ручнаго и холоднаго орудія, а равно предохранительнаго вооруженія и боевой аммуниціи [1]). Богатый архивъ старыхъ дѣлъ, включающій въ себѣ болѣе 8,000 связокъ, даетъ возможность найти самыя цѣнныя, а въ большинствѣ случаевъ и единственныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ исторіи артиллеріи, оставившей въ сотнѣ тысячъ дѣлъ непрерывную нить своей жизнедѣятельности за все прошлое столѣтіе и за начало текущаго. Включая же въ кругъ своего вѣдомства подчасъ области совершенно ей чуждыя, что въ особенности имѣло широкій просторъ въ началѣ XVIII вѣка, артиллерія въ своихъ актахъ оставила множество документовъ и по другимъ историческимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, по горному дѣлу, лѣсному хозяйству, по почтовой части, по колокольнымъ дѣламъ, по вопросамъ учебно-школьнымъ и т. п. Спеціальная библіотека музея не оставляетъ съ каждымъ годомъ обогащаться пріобрѣтеніями новыхъ капитальныхъ сочиненій на всѣхъ языкахъ, достигнувъ въ настоящее время въ своемъ каталогѣ до 600 слишкомъ томовъ. Въ видахъ возможно широкаго ознакомле-

[1]) Въ самое послѣднее время музей обогатился еще двумя обширными витринами съ предметами вооруженія такъ называемаго «курганнаго» періода.

нія общества съ оберегаемымъ артиллерійскимъ музеемъ археологическимъ собраніемъ, издано нѣсколько трудовъ, посвященныхъ изученію какъ самыхъ памятниковъ, такъ равно и открывающихся съ ними страницъ общей исторіи русской артиллеріи. При

Знамя Лейбъ-Кампаніи.

всемъ томъ не забыта и внѣшняя сторона благоустройства музея и, на сколько то позволяли его незначительныя средства, артиллерійскій музей достигъ своею декоративною частью даже нѣкоторой щеголеватости.

Единственно, чего остается еще пожелать нашему военно-историческому древнехранилищу, это—скорѣйшаго перевода всѣхъ его памятниковъ въ болѣе удобное помѣщеніе; настоящее, помимо главнѣйшаго недостатка—отсутствія достаточнаго количества свѣта, становится съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ прироста коллекцій, все тѣснѣе и тѣснѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, располагаясь вдали отъ центра столичной жизни и не имѣя до сихъ поръ вполнѣ легальнаго существованія, артиллерійскій музей далеко не пользуется надлежащею извѣстностью и особенно—въ нашемъ же отечествѣ! Трудно вѣрить, напримѣръ, тому факту, что музей гораздо болѣе знакомъ посѣщающимъ Петербургъ иностранцамъ, чѣмъ самимъ петербуржцамъ. Подобная аномалія еще шире сказывается при сравненіи нашего военнаго музея съ заграничными.

При новомъ переустройствѣ древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ, памятники общаго характера были выдѣлены въ совершенно самостоятельную группу, занявъ своимъ собраніемъ свободное помѣщеніе нарядно убраннаго пріемнаго зала. Нѣкоторымъ изъ особенно интересныхъ памятниковъ этой категоріи, въ связи съ приложенными здѣсь иллюстраціями, мы предпошлемъ болѣе подробное описаніе, объ остальныхъ же замѣтимъ, что, не связывая съ собою воспоминаній объ особенно крупныхъ историческихъ событіяхъ, они, тѣмъ не менѣе, представляютъ весьма любопытный интересъ въ общемъ ихъ обозрѣніи.

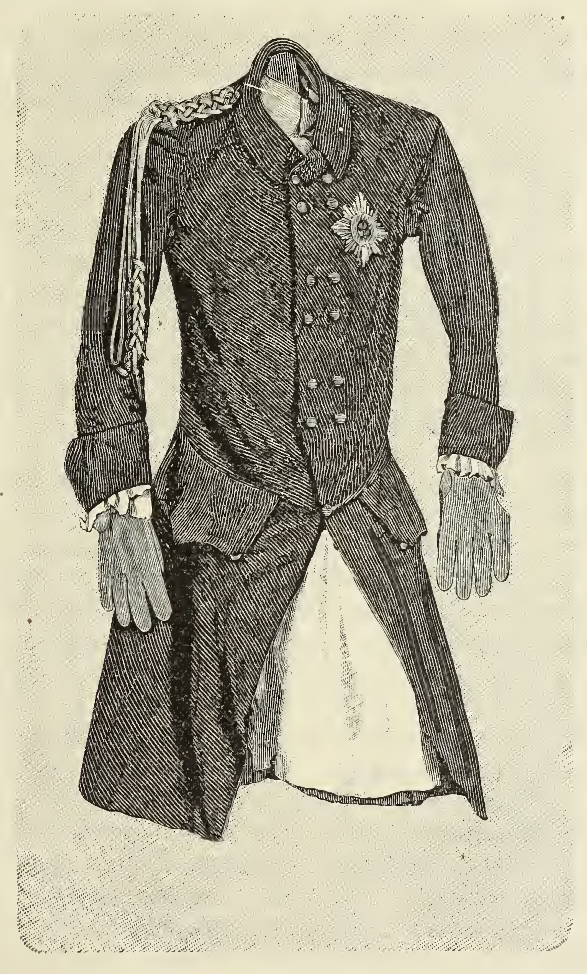
При входѣ въ пріемный залъ артиллерійскаго музея, въ лѣвомъ углу его рѣзко бросается въ глаза чучело осѣдланной лошади сѣрой масти. Это — собственная лошадь Екатерины Великой, называвшаяся «Брилліантъ», въ богатомъ конскомъ уборѣ, лично принадлежавшемъ императрицѣ. По конструкціи совершенно мужское, съ двумя стремянами, сѣдло красиво зашито по малиновому бархату серебромъ и золотомъ. На этой лошади, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Екатерина верхомъ ѣхала при Преображенскомъ полку въ Петергофъ въ день своего восшествія на престолъ. Лошадь, ставшая съ тѣхъ поръ историческою, жила 30 лѣтъ; затѣмъ сдѣланное изъ нея чучело со всѣмъ сѣдельнымъ уборомъ поступило въ придворный конюшенный музей, а оттуда въ 1783 году было передано на храненіе въ Петербургскій арсеналъ.

По происхожденію лошадь—Нормандской породы.

Рядомъ съ лошадью помѣщаются на массивномъ чугунномъ постаментѣ турецкіе солнечные часы XV вѣка, съ высѣченными на мраморной доскѣ арабскими названіями знаковъ зодіака. Взяты эти часы въ Адріанопольскомъ арсеналѣ въ войну 1828—1829 годовъ. Сзади нихъ двое серебряныхъ съ позолотою литавръ, подаренныхъ императрицею Елизаветою своему любимцу, графу Алексѣю Разу-

мовскому, въ 1751 году. Тутъ же наверху боковой стѣны зала виситъ овальный темной бронзы барельефъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, съ нѣмецкою надписью по краю. Взятъ этотъ барельефъ изъ Берлинскаго арсенала въ Семилѣтнюю войну.

По правую сторону широкаго, съ бронзовымъ бюстомъ императора Александра I на срединѣ, стола, помѣщается оригинальной

Гардеробъ Фридриха II.

конструкціи оглобельный экипажъ, напоминающій собою типъ, еще недавно лишь исчезнувшей въ Замоскворѣчьѣ, такъ называемой «гитàры». Поддерживаемый весьма эластичными высокими рессорами, кузовъ этого экипажа имѣетъ по бокамъ широкія крылья съ подножками для помѣщенія ногъ и сзади для облокачиванія мягко обитую спинку, сидѣньемъ же служитъ волосяная, во всю

длину кузова, подушка. Садились на него обыкновенно верхомъ, причемъ кучеръ, располагавшійся спереди, свѣшивалъ ноги на деревянную прокладку надъ осью. На сколько удобны къ продолжительному путешествію экипажи подобнаго рода, судить не трудно, почему нельзя не выразить удивленія, что настоящій экземпляръ могъ служить императору Александру Павловичу для разъѣздовъ его по Германіи и Франціи въ походахъ 1813—1814 годовъ.

Дрожки эти поступили въ арсеналъ въ 1853 году изъ придворнаго конюшеннаго музея, куда, въ свою очередь, онѣ были доставлены въ 1828 году изъ Ямской части. Происхожденіе настоящаго памятника относится къ 1811 году.

Впереди дрожекъ, на небольшомъ основаніи стоитъ весьма любопытный свидѣтель исторіи извѣстной Поволжской смуты XVII вѣка. Это — собственные табуретъ и трость Стеньки Разина, неразлучные спутники его воровскихъ дѣяній. Кожаное съ двумя прорѣзами сидѣніе табурета поддерживается шестью невысокими ножками, приспособленными для помѣщенія на рѣчномъ суднѣ; весь табуретъ деревянный, весьма грубой отдѣлки. Суковатая трость украшена гвоздевыми мѣдными шляпками; въ верхнемъ концѣ продѣтъ небольшой ремешокъ; длина трости два съ половиною аршина.

Памятникъ этотъ доставленъ въ 1778 году изъ Ораніенбаумской конторы.

Здѣсь же, надъ витриною собственныхъ вещей императора Александра I, въ стекляномъ ящикѣ положена на бархатной подушкѣ посмертная маска, снятая гипсомъ съ лица умершаго генералъ-фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Сохраненіемъ этихъ дорогихъ Россіи чертъ лица ея славнаго военнаго генія, мы обязаны бывшему правителю дѣлъ церемоніальнаго департамента Ахлопкову, сдѣлавшему распоряженіе, при погребеніи Суворова, о снятіи таковаго слѣпка въ двухъ экземплярахъ. Одинъ былъ имъ переданъ семьѣ Суворова, другой, оставленный Ахлопковымъ для себя, впослѣдствіи перешелъ къ его сыну, который въ 1847 году поднесъ свой слѣпокъ въ даръ военно-учебнымъ заведеніямъ; но въ силу высочайшаго повелѣнія для военно-учебныхъ заведеній оставлена лишь вновь изготовленная со слѣпка копія, подлинный же слѣпокъ былъ переданъ на храненіе въ Петербургскій арсеналъ, куда онъ и поступилъ въ 1848 году.

Въ проходѣ двухъ отдѣленій зала поставлены двѣ небольшія витрины съ орденами, принадлежавшими императорамъ Александру Павловичу и Николаю I, гдѣ среди иностранныхъ имѣется весьма рѣдкій англійскій орденъ «Подвязки». Здѣсь же помѣщаются, собранныя на манекенѣ, латы нѣмецкаго рыцаря 1547 года, покрытыя красной краскою съ позолотою и гравировкою различныхъ

изображеній и нѣмецкихъ надписей. При латахъ имѣется закрытый шлемъ. Между витринами съ орденами находится еще небольшая витрина съ древнимъ ветхимъ сѣдломъ времени Іоанна Грознаго, представляющимъ собою весьма рѣдкій экземпляръ этого рода.

Слѣдующимъ изъ общеисторическихъ памятниковъ укажемъ на бронзовую статую человѣка, установленную на кубическомъ основаніи. Статуя эта, по недавно найденнымъ въ архивѣ артиллерійскаго музея свѣдѣніямъ, представляетъ собою «штатунную фигуру Нептуна», отлитую въ артиллеріи, по государеву приказу въ 1714 году, для постановки во дворецъ. Судя по сохранившейся перепискѣ, отливка статуи интересовала многихъ лицъ того времени, но, тѣмъ не менѣе, она не была закончена, и изображеніе Нептуна вмѣсто дворца попало на Пушечный дворъ, гдѣ зачисленное въ разрядъ негоднаго имущества было даже представлено въ 1759 году къ уничтоженію переливкою въ мѣдныя деньги и навсегда погибло бы для насъ, если бы не явился его спасителемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа. Любопытно, что исторію этого памятника сопровождала до сихъ поръ легенда, называвшая статую новгородскимъ купцомъ Аникіевымъ. По словамъ преданія, она якобы была отлита повелѣніемъ Петра помянутому Аникіеву въ воспоминаніе его патріотическаго поступка, относящагося къ исторіи извѣстнаго захвата Карломъ XII подъ Нарвою въ 1700 году у нашихъ войскъ артиллеріи. Аникіевъ, успѣвъ выкупить нѣсколько орудій, вывезъ ихъ обратно изъ Швеціи въ Россію и передалъ артиллеріи. Объ этомъ фактѣ, между прочимъ, имѣются свѣдѣнія и въ архивѣ музея, но что могло послужить основаніемъ отнести къ нему и происхожденіе настоящей статуи, трудно объяснить.

По внѣшнему виду статуя представляетъ голаго бородатаго человѣка средняго роста, прикрытаго лишь однимъ поясомъ. Вѣситъ статуя почти 25 пудовъ.

Направо отъ статуи, въ большомъ шкафу развѣшано форменное военное платье Екатерины Второй: Кирасирскаго, Коннаго, Семеновскаго и другихъ полковъ. Далѣе—портретъ бывшаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича и стеклянная витрина съ тѣмъ мундиромъ, въ которомъ покойный графъ былъ смертельно раненъ въ день бунта 14-го декабря 1825 года. По другую сторону два большихъ шкафа съ форменнымъ разныхъ частей войскъ гардеробомъ, лично принадлежавшимъ императорамъ: Петру III, Александру Павловичу и Николаю I. Здѣсь же сбоку праваго шкафа небольшая деревянная осѣдланная лошадка, бывшая игрушкою Павла I въ дни его дѣтства. Надъ лѣвымъ шкафомъ помѣщается поясной писанный масляными красками портретъ, съ надписью поверху красными буквами: «Завоеватель Сибири Ермолай, 1666 года. П. А. К.». Памятникъ этотъ весьма

рѣдокъ, какъ представитель старинной живописи. Изъ имѣющихся сзади портрета надписей видно, что онъ долгое время находился въ городѣ Тобольскѣ, хранимый въ «Сборномъ мѣстѣ» (?), гдѣ въ сентябрѣ 1820 года его осматривалъ, между прочимъ, сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій въ сопровожденіи тобольскаго губернатора Ф. А. фонъ-Брина и другихъ лицъ. Въ 1872 году этотъ портретъ былъ высланъ изъ Тобольска на Московскую политехническую выставку, а отсюда въ томъ же году былъ переданъ въ артиллерійскій музей. Живопись портрета сильно попорчена временемъ.

По серединѣ втораго отдѣленія зала, въ двухъ большихъ шкафахъ и стекляной витринѣ размѣщены собственныя вещи императора Петра Великаго. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены на рисункѣ. Это—полковничій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка свѣтло-синій, съ красными обшлагами и золотыми пуговицами, мундиръ императора, его трехугольная черная пуховая шляпа, пробитая пулею, серебряный вызолоченный нагрудный знакъ съ изображеніемъ на эмали распятія св. Андрея Первозваннаго [1]) и шпага съ вызолоченнымъ эфесомъ, надѣтая на кожаную съ серебряными пряжками портупею. Помянутые предметы были на Петрѣ Великомъ въ Полтавскомъ сраженіи 27-го іюня 1709 года [2]). Изъ прочихъ вещей его замѣчателенъ лосиновый колетъ [3]), въ которомъ Петръ работалъ въ Саардамѣ подъ именемъ плотника Петра Михайлова.

Весь этотъ гардеробъ доставленъ въ арсеналъ въ 1827 году отъ министра императорскаго двора.

Здѣсь же широко растянулся между двумя стѣнами другой особенно любопытный и рѣдкій памятникъ той же эпохи. Это — громадное, почти двѣ сажени въ поперечникѣ, четыреугольное стрѣлецкое знамя 1696 года, съ нарисованной золочеными травами по шелковой матеріи картиною «Страшнаго Суда» и по борту аллегорическихъ изображеній градаціи адскихъ мукъ грѣшниковъ. Весьма характерною является, между прочимъ, идея, вложенная художникомъ въ изображенный имъ сюжетъ. Помѣстивъ наверху въ ореолѣ множество святыхъ и ангеловъ, Святую Троицу, художникъ ниже въ ту и другую сторону уставилъ небольшими группами: налѣво—грѣшниковъ и направо — праведниковъ. Первыхъ, отмѣченныхъ сверху каждой изъ группъ надписями: «Жиди», «Турки», «Татаре», «Нѣмцѣ», «Арапи» и т. д., ожидаетъ дорога въ адъ, полный ужаснѣйшихъ мученій, куда повергаютъ уже разныхъ

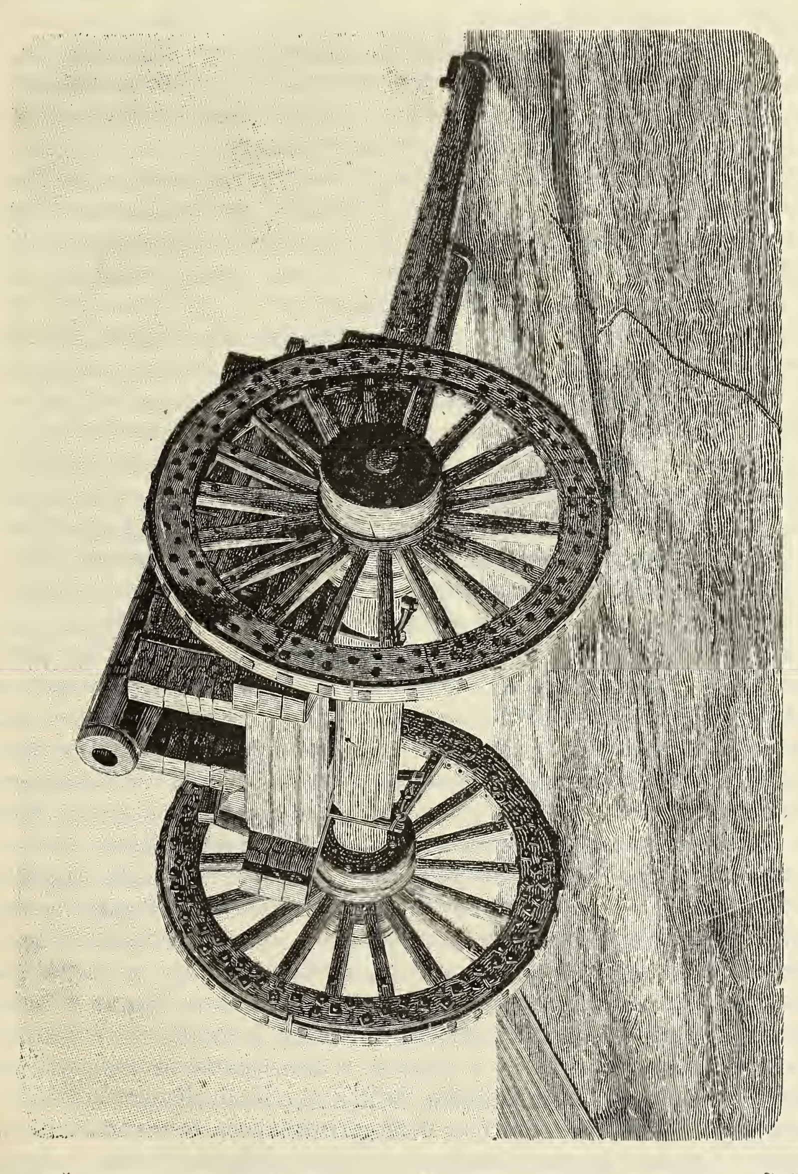
---

[1]) Имѣвшаяся сверху корона нынѣ, къ сожалѣнію, утрачена.

[2]) Бѣляевъ, Кабинетъ Петра Великаго. Здѣсь же помѣщено подробное весьма любопытное описаніе этихъ предметовъ, см. отдѣленіе первое, стр. 29—45.

[3]) Родъ кафтана.

грѣшниковъ длинными вилами три ангела. Самый адъ изображенъ въ видѣ огнедышащаго чудовища съ широко разинутою пастью, въ глубинѣ которой помѣщается самъ сатана и на колѣняхъ у него Іуда-предатель. Внѣ адскаго пламени нарисована нагая фигура

Китайская пушка XVIII вѣка.

человѣка, привязаннаго къ дереву, съ надписью наверху: «Сей человѣкъ милостыню творяй, а блудъ... оста(вя)... того ради: рая—лишенъ, муки—избавленъ», и какъ бы вѣчнымъ напоминовеніемъ ему о лучшей участи, возлѣ поставленъ ангелъ, указывающій про-

тянутою рукою на собранный по другую сторону сонмъ праведниковъ. Здѣсь — мѣсто только христіанамъ, ожидающимъ входа въ рай; рай же изображенъ художникомъ небольшимъ плодовымъ садомъ, обнесеннымъ кругомъ стѣною, у золотыхъ воротъ котораго съ ключемъ въ рукѣ стоитъ святой Петръ; здѣсь же и надпись: «идутъ праведніи въ жизнь вѣчную». Внутри рая нѣсколько отроковъ обрываютъ яблоки съ деревьевъ, а въ разныхъ мѣстахъ расположены ложи для отдохновенія. Трудно представить себѣ болѣе реальное понятіе ученія о загробной жизни.

Описанное нами составляетъ только малую часть всѣхъ изображеній, помѣщенныхъ на знамени; подробное же ознакомленіе съ рисунками его обѣихъ сторонъ можетъ доставить большой интересъ, поражая, напримѣръ, на первыхъ же порахъ замѣчательною для своего времени художественностью кисти.

Другой экземпляръ того же рода представляетъ знамя, данное въ томъ же 1696 году Петромъ I Архангелогородскому стрѣлецкому полку; размѣры его: въ длину—9 фут. 6 дюйм., въ ширину—8 фут. 5,5 дюймовъ. Построено оно изъ малиновой камки съ голубою каймою и бортомъ желтаго цвѣта; съ обѣихъ сторонъ на знамени имѣются изображенія и надписи, вышитыя шелками, серебромъ и золотомъ. Съ лицевой стороны—въ серединѣ государственный гербъ (двуглавый орелъ), сверху его образъ Знаменія Пресвятой Богородицы, помѣщающійся въ облакахъ, внизу—рисунокъ какого-то укрѣпленія съ башнями. По бокамъ герба изображены во весь ростъ: справа—св. апостолъ Петръ съ ключемъ въ лѣвой рукѣ и небольшою хартіею съ надписью: «Яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою и врата адова», слѣва—св. Алексѣй, человѣкъ Божій. Вокругъ середины знамени тянется вышитая вязью славянская надпись: «Благоволеніемъ всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога и споспѣшеніемъ Единороднаго Его Сына и содѣйствіемъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, благоволи въ настоящее сіе время по Своей Божественной волѣ въ лѣто міросозданія нынѣшняго 7204 года, а отъ воплощенія Божія Слова, сирѣчь Его Сына, 1696 года, при державѣ пресвѣтлѣйшаго и высокодержавнѣйшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя присно Августу купно, и при наслѣдникѣ его царскаго пресвѣтлаго величества сынѣ и благороднѣйшемъ великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, а при бытности въ тая времена бывшаго на Двинѣ при ближнемъ стольникѣ и воеводѣ при Ѳедорѣ Матвѣевичѣ Апраксинѣ, а при военачальникѣ при полковникѣ при Семенѣ Димитріевичѣ Ружинскомъ въ то время и при пятидесятникахъ того Архангелогород-

скаго полка и всего того регимента стрѣлецкихъ шти сотъ восьми человѣкъ».

По краямъ знамени вышито нѣсколько звѣздъ и изображеній херувимовъ.

На оборотной сторонѣ—вмѣсто герба вышитъ образъ Рождества Христова и изображенія: выше образа—въ облакахъ Бога Саваоѳа, а ниже—той же крѣпости. Съ правой стороны—образъ Архистратига Михаила, съ лѣвой—преподобнаго Сергія. По борту середины—продолженіе вышеприведенной надписи: «Построено сіе знамя изъ его великаго государя казны по имянному его великаго государя указу съ вышитыми святыми образы золотомъ и серебромъ и разными изрядными шелки, а которые образы шиты на знамени надписано надъ тѣми святыми образы надъ главами ихъ, а между тѣхъ святыхъ иконъ вышитъ золотомъ и серебромъ и разными шелки царскаго его пресвѣтлаго величества гербъ, превысокопаривый двоеглавный орелъ съ пресвѣтлосіятельною его царскою короною съ треми вѣнцы во образъ Пресвятой Троицы, а въ когтѣхъ его, въ десней—скипетръ, а въ шуей державу, иже значитъ тои орелъ на вся ему враги, а въ серединѣ того орла на персѣхъ его вышитъ во образѣ царскаго его пресвѣтлаго величества воинъ, сѣдящій на конѣ, а въ руцѣ имѣетъ копіе и тѣмъ копіемъ своимъ попираетъ змія, а тои воиѣ попраніе своего коня того змія значитъ попраніе и прогнаніе и всеконечное агарянское погубленіе и вѣчное ихъ въ родствѣ огненномъ мученіе. А сей орелъ православнаго царя двоеглавный, отъ востока солнца даже до запада славный благочестіемъ вѣры, силы державы враговъ души и тѣла побѣждаетъ главы, а вышиты тѣ святые образы, на томъ знамени, на поклоненіе всѣмъ православнымъ христіаномъ и на воспоминаніе впредь будущимъ родамъ на побѣжденіе и пораженіе всѣхъ безбожныхъ и богомерзкихъ агарянъ, иже бранемъ хотящихъ».

Настоящій экземпляръ переданъ въ арсеналъ въ 1790 году изъ коммиссаріатской конторы, куда знамя, въ свою очередь, поступило изъ Астраханскаго цейхгауза.

Знаменъ, подобныхъ описаннымъ, имѣется въ артиллерійскомъ музеѣ нѣсколько, но, къ сожалѣнію, своею громадою они представляютъ массу техническихъ препятствій къ воспроизведенію хотя бы одного изъ нихъ въ иллюстраціи, почему отъ таковой и пришлось отказаться.

Любопытный памятникъ того же времени представляетъ собою небольшой значекъ, современный исторіи извѣстнаго Кожуховскаго похода 1694 года. Характеръ военной потѣхи похода отразился, между прочимъ, и на надписи значка, къ слову замѣтимъ, крайне нецензурной,—обстоятельство, указывающее, что значекъ этотъ не имѣлъ назначеніемъ служить серьезнымъ представителемъ воинской регаліи, а принадлежалъ, о чемъ говоритъ сама надпись, царскому

шуту Якову Тургеневу, командовавшему, какъ извѣстно, въ помянутой военной потѣхѣ ротою «пѣвчихъ», дѣйствовавшей противъ такой же, составленной изъ подьячихъ.

Среди памятниковъ прошлаго вѣка имѣется также знамя, пожалованное императрицею Елизаветою ротѣ бывшихъ гренадеровъ Преображенскаго полка, переименованной въ «Лейбъ-Кампанію», въ благодарность за извѣстное пособничество гренадеръ подъ руководствомъ Лестока возведенію ея на престолъ, 25 ноября 1741 года. Сдѣлано это знамя, величиною около 4 футовъ въ поперечникѣ, изъ бѣлой съ серебряными ткаными уборами шелковой матеріи, сложенной вдвое. И та и другая стороны имѣютъ одинаковое шитье и надписи. Въ рединѣ вышитъ чернымъ шелкомъ двуглавый орелъ, держащій въ лѣвой лапѣ свѣтло-зеленую пальмовую вѣтвь и золотой скипетръ, а въ правой—обнаженный мечъ, обвитый лавровою вѣтвью. На груди орла—въ сіяніи изъ кованыхъ золоченныхъ лучей серебряной парчи четырехконечный крестъ съ распятіемъ и у подножья послѣдняго Адамовой головою съ костями. По концамъ креста вышиты, въ верхнемъ—Всевидящее Око, а въ боковыхъ—Богородица и св. Іоаннъ. Выше и ниже орла нашиты двѣ ленты съ надписями, на одной: «Силою креста победила», на другой: «Ноября 25 дня 1741 году»; кромѣ того, въ углахъ—пылающія гранаты. По борту знамя украшено богатымъ серебрянымъ шитьемъ и такою же бахрамою.

Любопытный памятникъ этотъ поступилъ въ арсеналъ въ 1798 году отъ генералъ-фельдцейхмейстера Зубова.

Въ коллекціяхъ артиллерійскаго музея находится, между прочимъ, одно польское знамя, принадлежавшее времени революціи польскихъ инсургентовъ подъ предводительствомъ Костюшки. По виду оно малиновое шелковое и чрезвычайно ветхое, такъ что съ трудомъ можно разобрать имѣющуюся на немъ надпись въ трехъ строкахъ: «Wolno... całos... Y...», представляющую собою остатокъ слѣдующихъ словъ: «Wolnosć, całosć y niepodległosć» [1]). Знамя укрѣплено на копьѣ, наверху котораго имѣется небольшая высеребренная дощечка, съ надписью: «Powstanie narodu dn. 24-te mar. pod Tadeuszem Kosciuszki».

Взято это знамя въ битвѣ у деревни Селище въ 1794 году.

Съ описаніемъ послѣдняго памятника мы уже перешли въ помѣщеніе памятниковъ иностраннаго отдѣла, расположенныхъ въ верхнемъ этажѣ музея. Внизу, у лѣстницы для подъема на послѣдній находится небольшая статуя барабанщика XVII столѣтія, приводящаяся въ движеніе механизмомъ, скрытымъ внутри: по заводѣ его, барабанщикъ бьетъ по подвѣшенному у него барабану.

---

[1]) Свобода, цѣлость и независимость.

Любопытнымъ памятникомъ среди иностранныхъ является, между прочимъ, сѣдло XVII вѣка, съ чрезвычайно массивными аксессуарами. Размѣры, напримѣръ, имѣющагося къ сѣдлу мундштука поражаютъ своею огромностью; трудно подъискать лошадь нашего времени, которой бы мундштукъ этотъ былъ впору. Также массивны фигурныя рыцарскія шпоры. По преданіямъ, сѣдло это принадлежало шведскому королю Густаву-Адольфу.

Между трофеями, отбитыми нами въ Семилѣтнюю войну у пруссаковъ, въ музеѣ имѣется интересная коллекція предметовъ личнаго гардероба короля Фридриха Великаго. Изъ нихъ на рисункѣ представленъ его мундиръ синяго сукна на красной подкладкѣ и съ такого же цвѣта обшлагами, на немъ серебряный аксельбантъ и шитая звѣзда ордена Чернаго Орла. Изъ-подъ воротника и рукавовъ мундира выглядываютъ кружева манжетовъ полотняной рубашки, поддѣтой подъ мундиръ; здѣсь же его пара замшевыхъ перчатокъ.

Гардеробъ поступилъ на храненіе въ арсеналъ отъ главнаго штаба въ 1826 году.

Въ отдѣлѣ восточныхъ памятниковъ, обратимъ вниманіе на курьезнаго представителя артиллеріи китайцевъ, особенно выдѣляющагося своею уродливостью. Пушка эта, изготовленная въ 1759 году, сконфузила бы собою европейскихъ артиллеристовъ даже XVII и XVI вѣковъ; помѣщается она на еще болѣе уродливомъ лафетѣ, представляющемся скорѣе какою-то неуклюжею арбою, съ двумя толстыми оглоблями. Отлито орудіе изъ мѣди, на поверхности его имѣются надписи китайскими и маньчжурскими іероглифами, изъ которыхъ мы узнаемъ, что пушка эта титуловалась китайцами: «Проявляющая воинственность, великая, чудесная пушка», и была отлита «въ счастливое утро 7-й луны 23 года (правленія) Цянъ-Луна».

Курьезный экземпляръ этотъ позднѣе принадлежалъ уже туркестанцамъ и былъ отбитъ нашими войсками у нихъ, по всей вѣроятности, во время Кульджинской экспедиціи. Въ артиллерійскій музей доставлена эта пушка въ 1874 году отъ генерала Кауфмана.

Невдалекѣ отъ нея имѣются другіе памятники китайской національности: это манекены пѣшаго и коннаго китайцевъ XVIII вѣка. Послѣдній, по преданіямъ, состоялъ въ конвоѣ императрицы Елизаветы Петровны, сопровождая ее при выѣздахъ. Здѣсь же поставлены манекены: пѣшаго турецкаго аскера, времени султана Мустафы III, и японскаго воина XVIII столѣтія. Въ числѣ турецкихъ памятниковъ укажемъ на нѣсколько изсѣченныхъ надписями мраморныхъ плитъ отъ фонтановъ, среди которыхъ имѣются весьма древнія; тутъ же двѣ главы съ куполовъ крымскихъ мечетей прошлаго столѣтія, и ключи: Дербента, Керчи, Ѳеодосіи, Шемахи и другихъ крѣпостей.

Въ коллекціяхъ иностраннаго отдѣла имѣются также ключи прусскаго города Мемеля, взятые въ Семилѣтнюю войну.

Въ заключеніе настоящаго сообщенія, остается добавить, что артиллерійскій музей открываетъ вполнѣ свободный доступъ для личнаго обозрѣнія его историческихъ коллекцій [1]), причемъ беремъ смѣлость увѣрить каждаго, кому попадутся на глаза эти строки, что непосредственное ознакомленіе съ памятниками музея въ состояніи доставить много любопытныхъ впечатлѣній даже и неспеціалистамъ. Здѣсь же могутъ быть пріобрѣтаемы и каталоги для подробнаго изученія коллекцій.

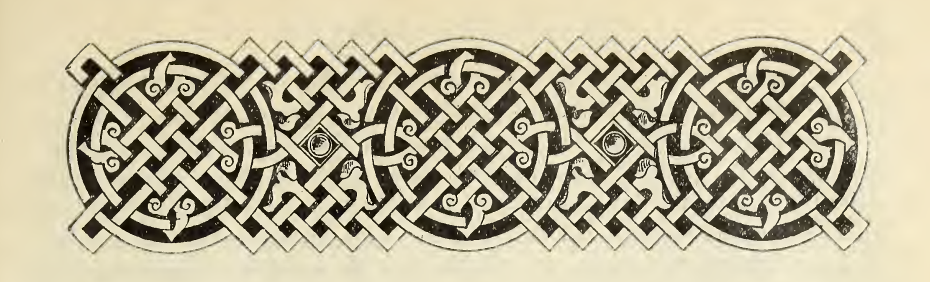
Напомнимъ также, что въ 1889 году артиллерійскій музей удостоился высочайшаго посѣщенія, въ день приснопамятной 500-лѣтней годовщины русской артиллеріи, торжественно отпразднованной среди непосредственныхъ сѣдыхъ свидѣтелей ея славнаго прошлаго.

Д. Струковъ.

---

[1]) Музей открытъ для посѣтителей по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 11 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА М. И. СУХОМЛИНОВА.

(6-го марта 1852—6-го марта 1892 г.).

АРТА шестаго исполнилось сорокъ лѣтъ ученой дѣятельности академика М. И. Сухомлинова. Дѣлаемъ краткій очеркъ трудовъ маститаго русскаго ученаго.

Сынъ профессора Харьковскаго университета, М. И. Сухомлиновъ родился и первоначальное образованіе получилъ въ Харьковѣ; здѣсь же въ 1848 году онъ окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ, а въ 1850 году защитилъ, на степень магистра русской словесности, диссертацію: «Взглядъ на историческій ходъ русской драмы». Въ 1852 году, 6-го марта, онъ назначается адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы въ Петербургскій университетъ, и навсегда переселяется въ Петербургъ. Въ 1856 году за диссертацію: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», получаетъ въ Петербургскомъ университетѣ степень доктора славяно-русской филологіи.

Учено-литературная дѣятельность Сухомлинова начинается съ 1852 года и съ самаго начала обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ. Уже въ 1854 году второе отдѣленіе академіи наукъ только-что назначенному въ С.-Петербургскій университетъ адъюнкту Сухомлинову—выражаетъ свою признательность за его участіе въ составленіи академическаго словаря русскаго языка. Наиболѣе ранними напечатанными трудами Сухомлинова были двѣ статьи:

«Вассіанъ, современникъ Іоанна III» и «О древне-русскихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ»; обѣ были помѣщены въ «Извѣстіяхъ II отдѣленія академіи наукъ», за 1852 годъ. Болѣе обширнымъ, и по объему, и по содержанію, было изслѣдованіе: «О языкознаніи въ древней Россіи» («Ученыя Записки академіи наукъ», I, 1854 г.), трактующее о вопросѣ особенно важномъ какъ въ отношеніи къ исторіи древне-русской литературы, такъ и вообще въ отношеніи къ исторіи древне-русской образованности. Въ высшей степени важнымъ трудомъ молодого ученаго было новое изслѣдованіе, явившееся въ слѣдующемъ (1855) году: «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» («Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ», IV, 1855 годъ, стр. 117—159). Изслѣдователь впервые ставитъ здѣсь вопросъ о подложности многихъ древне-русскихъ произведеній, приписывавшихся, по заглавіямъ, тѣмъ или другимъ отцамъ церкви, чаще всего Іоанну Златоусту, въ дѣйствительности же бывшихъ оригинальными русскими произведеніями; статья впервые затрогивала научнымъ изученіемъ, остававшійся до того времени совершенно непочатымъ, обширнѣйшій отдѣлъ древне-русской письменности— сочиненій переводныхъ, патристическихъ и оригинальныхъ русскихъ, вызванныхъ ихъ вліяніемъ. Всѣ названныя статьи были весьма невелики по объему, но представляли столько научной цѣнности, что уже въ этомъ же 1855 году Сухомлиновъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ [1]).

Въ 1856 году въ III томѣ «Ученыхъ Записокъ II отдѣленія академіи наукъ» явился первый монументальный трудъ Сухомлинова, упомянутая его докторская диссертація: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» (Спб., 1856). Ни одинъ памятникъ нашей древней письменности не имѣлъ и не имѣетъ столь обширной литературы изученія, какъ наша начальная, кіевская лѣтопись. Исторія ея изученія идетъ съ Татищева († 1750 г.) и Миллера († 1783 г.) и продолжается въ трудахъ Шлецера (дошедшаго въ своемъ изученіи до 980 года), Карамзина, Строева, Перевощикова, Бѣляева, Кубарева, Соловьева, Казанскаго, Розенкампфа, скептиковъ Каченовскаго и его послѣдователей, Погодина, Буткова, Иванова; позднѣйшими, явившимися послѣ труда Сухомлинова, изслѣдованіями въ этой сферѣ были труды Полѣнова, Срезневскаго, Лавровскаго, Бестужева-Рюмина, Костомарова... Труды, болѣе ранніе, были бо̀льшею частью или отрывочными, касались отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, или столь обширными, что иногда оканчивались на началѣ; но, что главное, всѣ вообще чаще всего разсматривали лѣтопись почти исключи-

---

[1]) См. Григорьева, «Императорскій С.-Петербургскій университетъ втеченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», Спб., 1870 года, стр. 240—241.

тельно съ исторической точки зрѣнія, игнорируя значеніе ея, какъ памятника литературнаго, искали въ ней исключительно указаній историческихъ, забывая о живомъ лицѣ ея автора, составителя, и даже цѣлаго ряда ихъ. Трудъ Сухомлинова впервые подвергнулъ нашу древнюю лѣтопись изученію съ этой стороны. Сухомлиновъ впервые вполнѣ прочнымъ образомъ ввелъ нашу начальную лѣтопись въ общую область нашей начальной кіевской литературы, впервые поставилъ ее на ту литературную почву, на которой она выросла и которая ее создала. Впервые точно и обстоятельно были указаны литературные источники лѣтописи и вся ея литературная генеалогія. Позднѣе, въ отдѣльной статьѣ онъ первый коснулся и вопроса о народныхъ преданіяхъ въ нашей начальной лѣтописи (О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, «Основа», 1864, № 4). Изысканія послѣдующихъ ученыхъ значительно подвинули дальше вопросъ изученія нашихъ лѣтописей, но ничего не измѣнили въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришелъ изслѣдователь, и результаты эти навсегда вошли въ учебники по исторіи русской словесности.

Черезъ два года, въ 1858 году, вышелъ другой обширный трудъ Сухомлинова въ области древне-русской литературы — изданіе сочиненій Кирилла Туровскаго, съ обширнымъ введеніемъ о литературной дѣятельности этого писателя [1]). Открытый Калайдовичемъ Кириллъ Туровскій впервые былъ изданъ имъ же, но изданъ не полно и безъ историко-литературнаго обслѣдованія рукописей. Въ томъ и другомъ отношеніи новое изданіе неизмѣримо превзошло прежнее. Открытъ былъ цѣлый новый рядъ неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній Туровскаго проповѣдника, и совершенно новымъ свѣтомъ освѣщены были не только самыя произведенія этого древне-русскаго писателя, но весь обширный отдѣлъ нашей древнерусской проповѣдной письменности, къ которому они принадлежали. Въ своемъ введеніи издатель впервые фактически указываетъ на значительность византійскаго вліянія въ сочиненіяхъ нашихъ первыхъ писателей, характеръ и отличительныя свойства этого вліянія; впервые съ документами въ рукахъ, сближаетъ нашу древнюю письменность съ византійской. Указанія на эти отношенія дѣлались и раньше, но большею частью въ формѣ гаданій, ни на чемъ не основанныхъ предположеній, и безъ всякаго непосредственнаго детальнаго изученія, почему высказывались иногда въ этомъ отношеніи мнѣнія болѣе чѣмъ крайнія и совершенно голословныя; такъ, нѣкоторые изслѣдователи того же Кирилла Туровскаго называли лишь переводчикомъ, чуть не переписчикомъ сочиненій Златоуста. Вслѣдъ за немногими другими изслѣдователями того времени, Сухомлиновъ впервые рѣшился

[1]) Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, вып. I, Спб., 1858 года.

разобраться среди массы византійскихъ памятниковъ и точными фактами указать ихъ отношеніе къ нашей письменности. Вслѣдъ за Востоковымъ и одновременно съ знаменитыми розысканіями Горскаго и Невоструева, Сухомлиновъ вопросъ о византійскомъ вліяніи въ нашей древней письменности ставитъ на прочную почву непосредственнаго, реальнаго изученія, выводя его изъ сферы чаяній и гаданій... Позднѣе, продолжая свои изысканія въ области древней русской литературы, Сухомлиновъ одно время останавливается на изученіи другаго весьма важнаго факта нашей древней письменности — вліянія на нее семитическаго востока. На литературной судьбѣ нашей народной повѣсти о судѣ Шемяки изслѣдователь доказываетъ всю силу этого вліянія[1]), оставаясь, однако, и здѣсь на строго научной почвѣ и не увлекаясь въ область фантазіи...

Академикъ Сухомлиновъ не замыкался въ какой либо одной области своего предмета. Изученіе древнерусской литературы шло рядомъ съ изученіемъ нашей литературы новаго періода. Уже въ 1855 году, по поводу одной вышедшей монографіи о Сумароковѣ, въ «Извѣстіяхъ» II отдѣленія академіи наукъ Сухомлиновымъ напечатана была небольшая замѣтка, гдѣ онъ справедливо указываетъ на одну черту литературной дѣятельности нашего сатирика XVIII вѣка, оставленную безъ вниманія изслѣдователемъ. Болѣе поздніе труды Сухомлинова окончательно сосредоточиваются въ области русской литературы и русскаго образованія XVIII — XIX вѣковъ. Съ 1865 года въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» стали печататься его статьи по исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го, обратившія на себя вниманіе. Выйдя особымъ изданіемъ, статьи составили обширный томъ, каждая страница котораго является въ высшей степени драгоцѣнной для изученія исторіи нашего образованія и общественнаго развитія за время еще столь недавнее. Статьи составлены исключительно по даннымъ, совершенно новымъ и ранѣе неизвѣстнымъ, извлеченнымъ изслѣдователемъ изъ архива министерства и сгруппированнымъ съ большой тщательностью и умѣніемъ. У насъ мало было историколитературныхъ трудовъ, которые бы, при своей научной документальности, представляли столь живой общественный интересъ, бросали бы такой яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и настоящее...

Въ 1871 году Сухомлиновъ былъ избранъ членомъ академіи наукъ, и съ этого же времени предпринимается имъ, по порученіе

---

[1]) Повѣсть о судѣ Шемяки, Записки академіи наукъ, XXII, 1873 года. Укажемъ здѣсь еще замѣтку академика Сухомлинова: Два семитическихъ сказанія, встрѣчающіяся въ памятникахъ русской литературы, Сборникъ II отдѣленія академіи наукъ, X.

нію академіи, новый обширный трудъ—Исторія Россійской академіи. Основанная, какъ извѣстно, Екатериною II въ 1783 году, Россійская академія просуществовала до 1841 года, когда была присоединена къ академіи наукъ, съ наименованіемъ вторымъ ея отдѣленіемъ, или отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Трудъ Сухомлинова состоитъ изъ 7-ми томовъ [1]), представляющихъ глубокій научный интересъ, не только въ смыслѣ изложенія дѣятельности ученаго учрежденія, но всей исторіи нашего образованія и литературы конца XVIII — начала XIX вѣковъ. Какъ въ самомъ началѣ учрежденіе Россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи, являлось осуществленіемъ мысли, издавна занимавшей русскихъ писателей, и вызывало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества, такъ и во все дальнѣйшее время существованія исторія академіи, вся ея дѣятельность, является неразрывно связанной со всей исторіей русскаго образованія и литературы указаннаго періода. Въ составъ академіи входили всѣ наличныя наши научныя и литературныя силы— отъ Державина и Фонъ-Визина въ XVIII столѣтіи до Карамзина и Востокова въ XIX столѣтіи. И подъ перомъ изслѣдователя исторія ученаго учрежденія является дѣйствительно исторіей всего нашего образованія и литературы за періодъ конца XVIII—начала XIX вѣка. Передъ нами цѣлый рядъ обширныхъ и блестящихъ монографій дѣятелей академіи, съ массою въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ приложеній. Не говоря о чисто литературномъ достоинствѣ, трудъ представляетъ неисчерпаемый научный интересъ по множеству тѣхъ новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ, данныхъ, по обилію тѣхъ новыхъ матеріаловъ, которыми пользуется изслѣдователь, извлекая изъ многочисленныхъ архивовъ—академическаго, государственнаго, святѣйшаго синода, архива II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, Московскаго архива министерства юстиціи; библіотекъ—императорской Публичной, академіи наукъ, Московскаго университета, С.-Петербургской духовной академіи и мн. др.; изъ иностранныхъ — между прочимъ, изъ архива Лейпцигскаго университета, въ которомъ учились нѣкоторые изъ будущихъ академиковъ.

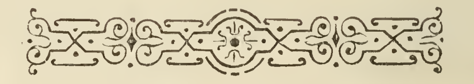
Къ труду надъ исторіей Россійской академіи непосредственно примыкаетъ другой громадный трудъ Сухомлинова: «Матеріалы для исторіи академіи наукъ», являющійся какъ бы отчасти дополненіемъ, отчасти продолженіемъ труда академика Пекарскаго: «Исторія академіи наукъ» (вышло 2 тома, Спб., 1870—

[1]) См. Сборникъ II отд. академіи наукъ, XI, 1—427; ib., XIV, 1—584; ib., XVI, 1—453; ib., 1—522; ib., XXII, 1—432; ib., XXXI, 1—512; ib. XXXVII, 1—648.

1873). «Матеріалы» въ подлинныхъ документахъ представляютъ исторію дѣятельности нашего высшаго ученаго учрежденія, съ самаго начала его возникновенія, съ собственноручныхъ замѣтокъ Петра Великаго, знакомящихъ насъ со взглядами его на дѣло учреждаемой имъ въ Россіи академіи, и за все дальнѣйшее время. До сихъ поръ вышло 6 томовъ матеріаловъ, доходящихъ до 1743 года.

Все перечисленное, однако, не исчерпываетъ вполнѣ всѣхъ трудовъ маститаго академика. Рядомъ съ позднѣйшими, сейчасъ названными, трудами по исторіи русской науки и образованія продолжались прежніе труды ученаго въ области собственно историко-литературной. Мы не станемъ перечислять этихъ мелкихъ его монографій и статей послѣдняго времени, хотя изъ нихъ каждая являлась написанной на основаніи новыхъ, неизвѣстныхъ ранѣе матеріаловъ, или представляла новое освѣщеніе предмета [1]); мы укажемъ лишь на болѣе обширную монографію о Радищевѣ [2]) и въ заключеніе на только что надняхъ вышедшій первый томъ изданія сочиненій Ломоносова, начало новаго монументальнаго труда почтеннаго академика.

А. А.

[1]) Отмѣчаемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ:

Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.

Кн. П. А. Вяземскій.

Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.

Полемическія статьи Пушкина.

Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.

Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.

Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ».

Три повѣсти Павлова.

И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ.

[2]) А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Всѣ названныя статьи, вмѣстѣ съ другими, вошли въ два тома изданныхъ г. Суворинымъ «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомлинова».

МЕМУАРЫ ИСЧЕЗНУВШАГО.

Новый семидесятишестилѣтній писатель. — Слѣдуетъ ли дѣлаться литераторомъ-придворнымъ, не смѣющимъ высказывать своихъ мнѣній. — Обер-шталмейстеръ и его нескромныя воспоминанія. — Что говорятъ о немъ другіе и что говоритъ онъ самъ о себѣ. — Мѣсто префекта за умѣнье льстить. — Табакерка и пустая касса. — Казакъ въ Парижѣ. — Императорскіе долги, уплачиваемые народомъ. — Охотникъ въ лѣсу и на зеленомъ полѣ. — Писатель-плебей и аристократическій псевдонимъ. — Похожденія Коссада. — Анекдоты про Дюма-отца. — Переворотъ 2-го декабря. — Благочестивый генералъ и игрокъ. — Принцъ Камерата и историческія легенды. — Дворъ Луи-Наполеона. — Сынъ Массены — предводитель краснокожихъ. — Сипріани и графъ д'Орсе. — Англичане въ Парижѣ. — Какъ трудно узнать правду и отъ современниковъ. — Потерянная брошка и проигранные милліоны. — Русскіе въ Монако. — Бѣгство императрицы Евгеніи. — Демидовъ Сан-Донато. — Неудачный обвинитель и защитникъ. — Война 1870 года. — Нѣмцы и французы. — Кухонная латынь.

СТРАСТЬ къ обнародованію своихъ мемуаровъ до того распространилась на Западѣ въ послѣднее время, что съ ними являются въ публику даже такія лица, которымъ впору писать развѣ только свои завѣщанія. Правда, вспоминать о прежней жизни приличнѣе всего старикамъ, но для этого необходимо, чтобы они втеченіе этой жизни подготовляли какіе нибудь матеріалы для того времени, когда, удалясь отъ дѣлъ, примутся приводить въ порядокъ свои воспоминанія. Но когда въ литературѣ является 76-тилѣтній писатель, никогда ничего не печатавшій и откровенно сознающійся, что у него нѣтъ никакихъ замѣтокъ, никакихъ документовъ, относящихся къ прожитой имъ эпохѣ, а пишетъ онъ только по памяти да по совѣту друзей, увѣрившихъ его, что онъ «неистощимый разсказчикъ», — читатель и критикъ имѣютъ полное основаніе отне-

стись съ недовѣрчивостью къ такому лицу. Вотъ почему появившаяся недавно въ Парижѣ книга «Воспоминанія и нескромности исчезнувшаго» (Souvenirs et indiscrétions d'un disparu) встрѣчена была журналистикою безъ отзыва. Это одно уже доказывало, что авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ господствующихъ партій и имя его неизвѣстно въ литературѣ. Дѣйствительно, до нынѣшняго года она была вовсе незнакома съ барономъ де-Планси. Имени его нѣтъ даже во всеобъемлющемъ словарѣ Ларусса, а званіе выставленное въ заголовкѣ его книги «бывшій обер-шталмейстеръ короля Іеронима и бывшій депутатъ» говорило только о его общественной, а не литературной дѣятельности. Званіе указывало только на то, что онъ бонапартистъ, но между тѣмъ ни всемірное библіографическое обозрѣніе «Polybiblion», ни монархистскій «Correspondant» не давали отчета о книгѣ, отзывавшейся рекламою въ своемъ заглавіи. Но безъ этихъ «нескромностей» и «исчезновеній» книгу, о которой молчала періодическая печать, никто не сталъ бы читать, а это не входило въ разсчетъ издателя, извѣстнаго парижскаго книгопродавца Оллендорфа. И вотъ, благодаря, можетъ быть, даже этой рекламѣ, книга проникла въ публику, которая если не нашла въ ней особыхъ нескромностей, то, всетаки, прочла не безъ интереса воспоминанія автора, болѣе полувѣка вращавшагося въ кругу извѣстныхъ и историческихъ лицъ. Ничего новаго авторъ не сообщаетъ объ этой эпохѣ, но въ книгѣ его, гдѣ, какъ во всѣхъ старческихъ произведеніяхъ, гораздо больше лишняго, чѣмъ существеннаго, встрѣчаются, всетаки, любопытные факты и анекдоты, характеризующіе его время. Мы приведемъ тѣ изъ нихъ, которые могутъ занять русскихъ читателей, провѣривъ тамъ, гдѣ въ этомъ встрѣтится надобность, показанія автора воспоминаніями другихъ писателей объ эпохѣ, хотя и близкой къ намъ, но отошедшей уже въ область легендъ. Авторъ слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ, но мы посмотримъ прежде, что о немъ говорятъ другіе.

Фамилія Планси принадлежитъ къ числу старинныхъ дворянскихъ родовъ и получила свое прозваніе отъ небольшой деревни близъ города Арсиса, въ департаментѣ Оба. Въ «Словарѣ современниковъ», Ваперо, выходящемъ теперь шестымъ изданіемъ, показанъ виконтъ Шарль де-Планси, родившійся въ 1809 году. Онъ былъ внукомъ Лебрена, бывшаго консуломъ Французской республики и потомъ главнымъ казначеемъ первой имперіи, но служилъ очень усердно Луи-Филиппу съ 1835 года и потомъ еще усерднѣе Наполеону III. Нѣсколько разъ выбираемый въ палату, онъ былъ въ то же время меромъ и членомъ генеральнаго совѣта департамента Уазы. Братъ его, авторъ «Воспоминаній», баронъ Августъ, родился въ 1815 году и былъ четыре раза избираемъ въ палату второй имперіи, но послѣ революціи 1870 года три раза являлся кандидатомъ своего округа въ парламентъ и каждый разъ былъ

забаллотированъ. Немудрено, что послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ вернуться къ политической жизни, онъ назвалъ себя «исчезнувшимъ» и сталъ писать свои мемуары. Посвящаетъ онъ ихъ вылечившему его отъ опасной болѣзни доктору Ласковскому, профессору Женевскаго университета, и сознается, что, принадлежа по рожденію къ классу если не виверовъ, то праздныхъ людей, хотя и вращался въ политическихъ сферахъ въ молодости и видѣлъ и слышалъ много любопытнаго, но изъ лѣни или изъ деликатнаго желанія не обнаруживать закулисной стороны жизни общественныхъ дѣятелей, не собиралъ никакихъ автографовъ, писемъ, замѣтокъ, не записывалъ чиселъ и подробностей разныхъ событій и, найдя подъ старость себѣ занятіе въ составленіи мемуаровъ, пишетъ ихъ подъ диктовку своей памяти, оставшейся такою же свѣжею, какъ была въ молодости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приписываетъ большое значеніе своимъ воспоминаніямъ, говоритъ, что они объясняютъ причины многихъ историческихъ фактовъ, упоминаетъ даже о томъ, что онъ родился въ пятницу, 13-го іюля, и въ пятницу же, 13-го ноября 1891 года, кончилъ свои мемуары, какъ будто кого нибудь могутъ интересовать эти кабалистическія цифры. Очень много распространяется онъ также о своихъ родственникахъ, своихъ подвигахъ во всѣхъ родахъ спорта, о своихъ политическихъ взглядахъ. Все это мы, конечно, оставимъ въ сторонѣ и остановимся только на характеристикѣ его современниковъ и событій той эпохи, хотя и тутъ онъ высказываетъ съ первыхъ строкъ предисловія самыя обер-шталмейстерскія мнѣнія о лицахъ, которымъ служилъ. Такъ, отставленный вестфальскій король Іеронимъ—«совершенный джентльменъ, привѣтливый, патріархальный и несомнѣнной честности въ денежныхъ дѣлахъ», а принцъ Наполеонъ—«умный, отличавшійся прямотою взглядовъ, великій политикъ и финансистъ, не игравшій роли претендента». Но такія крайнія мнѣнія, высказанныя въ порывѣ вѣрноподданническаго усердія не подтверждаются даже въ мемуарахъ самого автора, нерѣдко проговаривающагося и забывающаго свое намѣреніе—сглаживать щекотливыя подробности въ поступкахъ историческихъ лицъ. Напрасно также онъ старается блеснуть своимъ слогомъ: его постоянныя потуги къ остроумничанью производятъ непріятное впечатлѣніе.

Планси родился въ годъ паденія имперіи и отмѣчаетъ этотъ роковой годъ только анекдотомъ, какъ отецъ его, бывшій префектомъ Сены-и-Марны, долженъ былъ получить мѣсто префекта Парижа, но оно досталось Шабролю, префекту Пюи-де-Дома, бывшему въ это время въ Парижѣ и явившемуся въ Тюльери, когда префектъ Фрошо былъ отставленъ послѣ заговора генерала Мале.

— Ужъ не думаете ли вы проситься у меня въ парижскую префектуру?—спросилъ Наполеонъ.

— Отчего же и нѣтъ, ваше величество? — развязно отвѣчалъ Шаброль.

— Но сколько же вамъ лѣтъ?—продолжалъ императоръ.

— Въ мои года вы, государь, были уже главнокомандующимъ и одерживали блестящія побѣды, — возразилъ находчивый придворный и на другой же день былъ уже парижскимъ префектомъ.

«Вѣроятно, это мѣсто очень понравилось ему, — замѣчаетъ Планси, — такъ какъ онъ сохранилъ его и при Бурбонахъ». Онъ замѣчаетъ также, что, вопреки утвержденія газетъ, на бульварахъ Парижа не кричали во время вступленія иностранныхъ армій: «да здравствуютъ наши друзья-непріятели!» (nos amis les ennemis) и не повторяли каламбура о Людовикѣ XVIII: rendez nous notre père de Gand (paire de gants). Наполеонъ, во время Ста дней, занявъ въ Тюльери кабинетъ Людовика XVIII, нашелъ въ немъ табакерку короля изъ папье-маше въ 15 сантимовъ и пустую кассу. Когда король вернулся опять въ свой кабинетъ, касса въ немъ была пуста попрежнему, но табакерки не было. Отецъ автора мемуаровъ за приверженность къ императору былъ приговоренъ къ смертной казни, но по ходатайству министра Деказа высланъ только изъ Парижа въ свое помѣстье Планси, подъ надзоръ полиціи, и отправился туда въ сопровожденіи своего вѣрнаго камердинера, получавшаго также жалованье отъ полиціи за доставленіе отчетовъ о занятіяхъ своего господина. Тамъ графъ де-Планси—отъ скуки что ли—попробовалъ зарѣзаться и выброситься изъ окна, но неудачно, и разбитый и израненый привезенъ былъ въ Парижъ для леченья. Въ помѣстьѣ остался отрядъ казаковъ, расквартированныхъ при занятіи Франціи чужеземными войсками и истреблявшихъ дичь въ лѣсахъ и рыбу въ прудахъ владѣльца. Казаки, конечно, ѣли сальныя свѣчи, по увѣренію автора мемуаровъ, и одинъ изъ нихъ запорожецъ Федоръ (zaporogue) остался въ услуженіи у автора, при конюшнѣ. На немъ ребенокъ ѣздилъ верхомъ и, благодаря этимъ первымъ урокамъ верховой ѣзды, сдѣлался королевскимъ первымъ конюхомъ. Впослѣдствіи казакъ, получивъ пенсію отъ Планси, поступилъ швейцаромъ въ церковь св. Роха и подавалъ святую воду святой королевѣ Маріи-Амаліи. Se non e vero...

Съ первыхъ страницъ своихъ воспоминаній Планси горячо защищается отъ обвиненій въ бонапартизмѣ. Онъ всегда былъ независимымъ гражданиномъ, поклонникомъ свободы, только симпатизировалъ наполеонистамъ, и если принялъ придворную должность, то потому, что Луи-Наполеонъ объяснилъ ему, что въ качествѣ друга онъ не можетъ являться во фракѣ на придворныхъ церемоніяхъ и быть на войнѣ безъ мундира. Авторъ былъ всегда пламеннымъ поклонникомъ равенства, «идея котораго роковымъ образомъ должна непремѣнно въ латинской расѣ воплощаться въ

одномъ человѣкѣ». Для него это воплощеніе представляетъ Наполеонъ, «синонимъ либерализма, увѣнчаннаго властью». Поэтому Планси называетъ себя бонапартистскимъ республиканцемъ. Отчего же не республиканскимъ бонапартистомъ? Вся эта игра громкими словами, конечно, не доказываетъ ничего, кромѣ шаткости убѣжденій автора, убаюкивающаго себя напыщенными фразами, ровно ничего не доказывающими. Планси восхваляетъ, напримѣръ, слѣдующій поступокъ Луи-Наполеона. Когда дядя его вернулся съ Эльбы и нашелъ въ кабинетѣ Тюльери только одну табакерку, онъ послалъ воззваніе къ королямъ, герцогамъ и принцамъ своего дома, приглашая ихъ заложить свои имѣнія, брилліанты, драгоцѣнности и пополнить государственную кассу. «Это не будетъ подаркомъ,—писалъ императоръ:—Франція ихъ не принимаетъ; это заемъ, который будетъ гарантированъ». Внесли до 80-ти милліоновъ франковъ и взамѣнъ ихъ получили облигаціи, обезпеченныя государственными лѣсами. Людовикъ XVIII перемѣнилъ цвѣтъ этихъ облигацій и, вмѣсто зеленыхъ, сталъ выдавать розовые билеты, но полученіе по нимъ капитала производилось такъ туго, что уже вначалѣ второй имперіи король Іеронимъ предлагалъ барону Планси пріобрѣсти на шесть милліоновъ этихъ облигацій за шесть тысячъ, но баронъ отказался. Когда вторая имперія окончательно водворилась, къ новому императору явились со старыми претензіями. Онъ назначилъ комисію изъ юристовъ, сбавившую претензіи на 30 милліоновъ. (Были, между прочимъ, претенденты и на Елисейскій дворецъ, обмѣненный еще при Наполеонѣ I за какую-то провинцію въ Иллирійскомъ королевствѣ). Наполеонъ III еще уменьшилъ эту сумму до 12-ти милліоновъ и объявилъ, что, «не желая, чтобы его домъ воспользовался деньгами Франціи, уплачиваетъ этотъ долгъ изъ своихъ собственныхъ суммъ, разложивъ его по годамъ». А практическій Людовикъ XVIII не уплатилъ ничего,—замѣчаетъ Планси. Развѣ это не однѣ громкія фразы? Откуда же, какъ не у Франціи, взялъ свои собственныя суммы авантюристъ, захватившій престолъ и жившій въ Лондонѣ жалованьемъ констебля и на содержаніи у миссъ Говардъ?

О своихъ школьныхъ годахъ Планси говоритъ очень мало и только называетъ нѣкоторыхъ товарищей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными. За то онъ передаетъ множество нисколько не интересныхъ разсказовъ о похожденіяхъ разныхъ гулякъ его круга. По поводу своей женитьбы онъ приводитъ только то обстоятельство, что обманулъ свою будущую тещу, увѣривъ ее въ Баденѣ, что онъ не играетъ въ рулетку, и въ тотъ же день отправился въ игорный домъ. Въ своемъ помѣстьѣ онъ велъ праздную жизнь, охотясь и объѣзжая лошадей, и очень доволенъ, что въ книгѣ «Охоты второй имперіи» его назвали хорошимъ стрѣлкомъ. Въ Планси онъ дѣлалъ, впрочемъ, кое-что для улучшенія своего имѣ-

нія и копалъ колодцы по указаніямъ знакомаго аббата, имѣвшаго способность открывать подземные источники даже на значительной глубинѣ. Эта способность, доказанная опытомъ, хотя и не объясненная научно, зависитъ отъ нервной воспріимчивости подобнаго субъекта и, такъ сказать, отъ его электропроводимости, потому что въ шелковыхъ чулкахъ и въ перчаткахъ и на глинистой почвѣ такіе люди теряютъ свою способность. Даже новая обувь мѣшаетъ имъ производить ихъ открытія и для успѣшнаго дѣйствія необходимо, чтобы подошвы ихъ сапоговъ были достаточно потерты во время ходьбы. До извѣстной степени все это объясняется физическими законами, но Планси, какъ клерикалъ, видитъ въ этомъ чудодѣйственную силу и подтверждаетъ открытіе одного колодца письмомъ 1767 года, гдѣ разсказывается о томъ, что на этомъ мѣстѣ былъ старый, засыпанный колодезь... Мемуары наполнены случаями разныхъ предчувствій, предсказаній, предзнаменованій. Вотъ одинъ изъ нихъ. Маркиза Контада спросили однажды въ клубѣ: счастливо ли онъ играетъ?—Да, я счастливъ, слишкомъ счастливъ,—отвѣчалъ Контадъ:—всѣ дѣла мнѣ удаются; жена моя — красавица и любитъ меня одного (она вышла потомъ за герцога Люиня), я выдалъ дочь свою за перваго дворянина Франціи—герцога Шевреза; въ картахъ, на билліардѣ я постоянно въ выигрышѣ. Но Тарпейская скала близь Капитолія, я предчувствую, что со мной случится несчастіе». Онъ вышелъ изъ клуба въ холодную январьскую ночь и пошелъ домой пѣшкомъ. У государственнаго совѣта окрикъ часового испугалъ его, онъ отскочилъ, поскользнулся на тротуарѣ и упалъ такъ несчастливо, что переломилъ руку. Доктора нашли только утромъ. Съ больнымъ сдѣлалась сначала лихорадка, потомъ тетаносъ, отъ котораго онъ и умеръ. Все это, можетъ быть, вѣрно до мельчайшихъ подробностей, но что же это доказываетъ? И сколько случаевъ ожиданія бѣды или неудачи не оправдываются, сколько предсказаній забывается и остаются неисполненными? Можно ли выводить какія нибудь заключенія изъ совершенно случайныхъ событій? Климатическія и гигіеническія условія, дурное расположеніе духа, тысяча мелкихъ обстоятельствъ нерѣдко наводятъ насъ на самыя мрачныя мысли, но неужели вслѣдъ за всякимъ разстройствомъ желудка мы должны ждать неминуемыхъ несчастій? Отчего же намъ поэтому не вѣрить гаданью на кофейной гущѣ или заговорамъ знахаря?..

Революція 1848 года застигла Планси въ Руанѣ, гдѣ онъ былъ назначенъ капитаномъ національной гвардіи, но уѣхалъ въ свое помѣстье и былъ выбранъ депутатомъ въ палату отъ департамента Оба. О послѣднихъ часахъ Іюльской монархіи онъ разсказываетъ только сцену, когда маршалъ Бюжо явился въ кабинетъ Луи-Филиппа съ извѣстіемъ, что народъ идетъ на Тюльери, и предложилъ въ полчаса усмирить возстаніе.

— Что же вы сдѣлаете, маршалъ?—спросилъ король.

— А я пущу въ ходъ картечь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Луи-Филиппъ,—я не хочу, чтобы изъ-за меня пролилась хоть капля крови.

— Это ваше послѣднее слово?—переспросилъ Бюжо и, видя, что король молчитъ, ушелъ съ непечатнымъ ругательствомъ. Въ Планси авторъ мемуаровъ покровительствовалъ внучкамъ и брату Дантона, заботился о сохраненіи надгробной плиты съ могилы Вольтера въ Сельерскомъ абатствѣ и не пускалъ къ себѣ въ зàмокъ писателя, родившагося въ Планси и подписывавшаго свои произведенія названіемъ этого мѣстечка въ соединеніи со своимъ простонароднымъ именемъ: Колленъ-де-Планси. Этотъ литературный кондотьеръ дѣйствительно не заслуживаетъ уваженія: онъ началъ свое поприще республиканскими, атеистическими и спекулятивными изданіями, какъ «Словарь ада», «Живописная біографія іезуитовъ», «Чортъ, самъ себя изображающій», «Феодальный словарь», «Такса грѣховъ въ папской лавочкѣ»; потомъ бѣжалъ въ Бельгію, восхвалялъ короля Леопольда и военные подвиги бельгійцевъ и въ 1837 году отправился въ Римъ, гдѣ принесъ покаяніе папѣ въ своихъ литературныхъ и иныхъ грѣхахъ и сталъ издавать легенды пресвятой Богородицы, смертныхъ грѣховъ, Господнихъ заповѣдей, вѣчнаго жида, словарь атеистовъ, вольнодумцевъ и еретиковъ, житія святыхъ и т. п. Этихъ благочестивыхъ произведеній онъ издалъ 25 томовъ, но умеръ въ бѣдности наборщикомъ у типографщика Плона. Но Колленъ-де-Планси былъ, всетаки, настоящимъ литераторомъ и писалъ, надо сознаться, гораздо лучше барона де-Планси, который могъ бы и помягче отнестись къ своему однофамильцу.

Оставивъ свое помѣстье, баронъ отправился въ Парижъ и поступилъ на службу къ экс-королю Іерониму, у котораго пробылъ 12 лѣтъ въ должности главнаго конюшаго. Онъ рисуетъ портреты придворныхъ, преимущественно бонапартистовъ, между которыми было, впрочемъ, мало выдающихся лицъ. Одинъ изъ нихъ Коссадъ, служившій сначала по почтовому вѣдомству, оказалъ большія услуги Луи-Наполеону, когда его избирали въ президенты республики. Генералъ Кавеньякъ, бывшій также кандидатомъ на этотъ постъ, надѣялся восторжествовать надъ своимъ конкурентомъ, такъ какъ онъ уже спасъ однажды Францію, употребивъ въ дѣло совѣтъ, данный его парижскимъ товарищемъ, маршаломъ Бюжо, Луи-Филиппу: усмирить бунтъ картечью. Перестрѣлявъ въ Парижѣ во время трехъ дней іюньскаго возстанія массу соціалистовъ и захвативъ власть въ свои руки, Кавеньякъ, конечно, не церемонился и со своимъ соперникомъ по кандидатурѣ и просто приказалъ остановить на почтѣ отправку въ разные департаменты воззваній и прокламацій Луи-Наполеона къ народу. Видя, что главный директоръ почтъ Араго разсылаетъ только воззванія Кавеньяка, Коссадъ съ

заряженными пистолетами сталъ у тюковъ съ прокламаціями и требовалъ одновременнаго ихъ отправленія, что и принуждены были исполнить, хотя и съ большою неохотою. Тотъ же Коссадъ сказалъ однажды своему начальнику, генералу Гопулю, грубо обращавшемуся съ нимъ, какъ и со всѣми подчиненными:

— Генералъ, вы были, сколько мнѣ помнится, во время реставраціи въ Тулузѣ командиромъ гусарскаго полка?—и на утвердительный отвѣтъ прибавилъ:

— Припомните, что въ театрѣ давали тогда оперу «Пещера разбойниковъ». Предводителя ихъ убиваютъ, и разбойники спрашиваютъ: кого выберемъ мы нашимъ атаманомъ?—Наполеона Бонапарте!—вскричалъ въ то время, поднявшись въ партерѣ, одинъ гусарскій офицеръ. Но сзади его сидѣлъ молодой студентъ, который при этихъ словахъ также всталъ со своего мѣста и закатилъ гусару здоровую пощечину. На другое утро мы дрались, и я прокололъ насквозь офицера. И теперь я хоть и не молодъ, но также горячъ и не переношу грубыхъ выходокъ.

— Ага,—сказалъ Гопуль, кисло улыбаясь:—такъ это вы убили моего гусара? И куда же вы потомъ пропали? Я искалъ васъ по всему городу и даже за городомъ.

— Еще бы! Но я предпочелъ отправиться подальше, чтобы имѣть теперь удовольствіе бесѣдовать съ вами.

Этотъ же Коссадъ былъ зачѣмъ-то въ Варшавѣ, гдѣ княгиня Чарторыйская поручила ему отвезти князю Адаму, жившему въ Парижѣ, ея письма и сорокъ свертковъ золота, которые Коссадъ спряталъ въ подушкахъ своей кареты. Сбираясь оставить Варшаву, онъ явился къ князю Меншикову, «бывшему, кажется, директоромъ полиціи» (?), и сказалъ ему: «князь, я завтра уѣзжаю...—И увозите съ собою письма княгини Чарторыйской къ ея сыну и сорокъ свертковъ золота, спрятанныхъ въ вашемъ экипажѣ,—добавилъ князь:—но завтра же васъ остановили бы у городской заставы и арестовали. Однако, такъ какъ вы увѣдомили меня о вашемъ отъѣздѣ, я разрѣшаю вамъ продолжать путешествіе и исполнить данное вамъ порученіе». Удивляясь точнымъ свѣдѣніямъ русской полиціи, Коссадъ выѣхалъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ еврейскимъ банкиромъ Френкелемъ, но анекдотъ, который Планси разсказываетъ объ этомъ евреѣ, носившемъ лапсердакъ (la lévite) и забывшемъ однажды въ Страсбургѣ надѣть подъ эту хламиду необходимую часть одежды, въ то время, когда онъ отправлялся въ соборъ слушать ночную обѣдню, гдѣ и былъ арестованъ,—грязенъ и неправдоподобенъ. Вообще анекдоты, разсказанные авторомъ, не отличаются особеннымъ остроуміемъ, хотя онъ часто приписываетъ ихъ извѣстнымъ писателямъ. Такъ, Александръ Дюма-отецъ разсказывалъ ему будто бы о посѣщеніи имъ въ Лондонѣ знатнаго лорда. Дюма ждалъ его въ великолѣпной пріемной, уставленной тропическими

растеніями, и вдругъ почувствовалъ сильную боль въ ногѣ: огромный красный ара незамѣтно слѣзъ съ клѣтки и укусилъ его за икру. Взбѣшенный писатель ударомъ ноги положилъ его на мѣстѣ, но, заслышавъ шаги хозяина, забросилъ птицу въ дальній уголъ залы, подъ развѣсистую пальму. Черезъ годъ Дюма пришлось сдѣлать визитъ тому же лорду, въ той же пріемной, но какъ удивился онъ, увидя на прежнемъ мѣстѣ того же краснаго ара. Пока онъ разсматривалъ его, вошелъ хозяинъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ посѣтителю:

— Это чучело. Я убѣдился въ прошломъ году, что попугаи, какъ лебеди, умирая удаляются въ самыя уединенныя мѣста. Этого ара нашли мертвымъ въ далекомъ углу подъ пальмою.

Въ другой разъ писатель былъ съ визитомъ у богатаго графа и ждалъ хозяина въ его кабинетѣ, гдѣ подъ кушеткой лежали двѣ левретки. Вдругъ обѣ онѣ бросились къ двери и стали такъ настойчиво ломиться въ нее, что Дюма отворилъ имъ дверь. Въ то же время въ другую дверь вошелъ хозяинъ и объявилъ гостю причину внезапнаго бѣгства собакъ. «Онѣ у меня почти постоянно въ кабинетѣ,—сказалъ онъ,—но по временамъ позволяютъ себѣ... маленькое неприличіе. Затрудняясь найти, кто изъ нихъ виноватъ, я обыкновенно награждаю обѣихъ ударомъ хлыста, и поэтому онѣ уже всегда вмѣстѣ стараются убѣжать и спрятаться».

О государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 года Планси разсказываетъ слѣдующія подробности.

Перваго декабря онъ былъ въ палатѣ, гдѣ депутаты ждали отъ Шангарнье, командовавшаго парижскою арміею, извѣстія о томъ, что Луи-Наполеонъ арестованъ, но генералъ, взойдя на трибуну, произнесъ только: «представители Франціи, продолжайте спокойно ваши пренія!..». Изумленіе палаты было неописанное, поднялся страшный шумъ, и президентъ Дюпенъ, привыкнувъ къ тому, что тишину нарушалъ всегда ярый радикалъ Міо, аптекарь изъ Кламеси, вскричалъ:

— Господинъ Міо, я призываю васъ къ порядку!

Въ то же время со скамьи опозиціи раздался чей-то голосъ:

— Но, господинъ президентъ, Міо боленъ и уже болѣе недѣли не посѣщаетъ палату.

Гомерическій смѣхъ раздался въ залѣ, его прервалъ звонокъ и голосъ Дюпена:

— Я поддерживаю мое призваніе къ порядку.

Смѣхъ, конечно, продолжался, но не до смѣху было въ этотъ день Луи-Наполеону и заговорщикамъ. На пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, куда отправился Планси послѣ засѣданія въ палатѣ, было множество народа. Всѣ съ безпокойствомъ ждали, что будетъ дѣлать президентъ республики, видя враждебное противъ него настроеніе палаты. Луи-Наполеонъ бесѣдовалъ очень любезно, особенно

съ военными, когда къ нему подошелъ одинъ генералъ и сказалъ, улыбаясь:

— А что, ваша свѣтлость, вѣдь нашъ маленькій заговоръ удался!

Мертвое молчаніе встрѣтило эти странныя слова. Можно представить себѣ положеніе заговорщика, у котораго въ карманѣ, конечно, лежалъ уже декретъ о государственномъ переворотѣ и захватѣ солдатами всѣхъ его противниковъ, совершившемся въ ту же ночь.

— Я послѣдовалъ вашему совѣту, — продолжалъ генералъ, — и представилъ военному министру записку о заслугахъ офицера, которому вы не соглашались дать орденъ безъ согласія министра, и нашъ протеже получилъ сегодня красную ленточку.

Тогда только Луи-Наполеонъ глубоко вздохнулъ и благосклонно улыбнулся, но не сказалъ ни слова.

На другой день камердинеръ Планси сказалъ ему, подавая одѣваться:

— Если г. баронъ собирается въ палату, это напрасно: палата закрыта и распущена.

Планси, всетаки, отправился знакомою дорогою, но на площади Согласія отрядъ солдатъ не пустилъ его дальше.

— Какъ! вы останавливаете меня, — вскричалъ баронъ: — но вѣдь я депутатъ!

— Именно потому, что вы депутатъ, вы и не пройдете дальше, — отвѣчалъ спокойно безъусый подпоручикъ. — Пришлось повиноваться. Планси отправился по бульварамъ, но и они были заняты войсками. У Сенжерменскихъ воротъ онъ встрѣтилъ знакомаго генерала Котта, прохаживавшагося передъ своимъ отрядомъ.

— Ба! депутатъ! Не разстрѣлять ли намъ его, чѣмъ стоять безъ дѣла? — Солдаты съ непріязненнымъ видомъ опустили ружья къ ногѣ. Планси взялъ подъ руку Котта и сказалъ: «генералъ, это уже переходитъ границы шутки!» Коттъ сдѣлалъ нервную гримасу и далъ знакъ, чтобы пропустили барона. Это былъ чрезвычайно набожный генералъ и въ то же время страстный игрокъ, замѣчаетъ Планси. Когда его спрашивали, какъ же онъ соединяетъ благочестіе со страстью къ картамъ, онъ отвѣчалъ: мнѣ разрѣшилъ играть мой духовникъ. Онъ говоритъ, что игра не грѣхъ, а только заблужденіе. Заигравшись въ клубѣ до утра, генералъ нерѣдко по воскресеньямъ отправлялся прямо изъ-за баккара въ церковь причащаться. Планси не описываетъ, однако, убійствъ въ столицѣ, когда, чтобы навести страхъ на парижанъ и удержать ихъ отъ постройки барикадъ, Луи-Наполеонъ приказать дать вдоль бульваровъ залпъ картечью, положившій на мѣстѣ множество женщинъ, дѣтей и фланеровъ, проходившихъ по улицамъ. Планси говоритъ только, что «революцію, какъ яичницу, нельзя сдѣлать безъ того, чтобы не перебить яицъ». Очень утѣшительное остроуміе, особенно для

тѣхъ, изъ кого состряпали эту яичницу. Для суда надъ захваченными живьемъ «бунтовщиками» была назначена особая комисія, отправлявшая въ ссылку и въ тюрьмы лицъ, осмѣлившихся протестовать противъ будущаго императора. Въ числѣ осужденныхъ было немало и такихъ лицъ, которыя при Бурбонахъ и Орлеанахъ были бонапартистами, потому что стояли за свободу, а при захватѣ власти Луи-Наполеономъ сдѣлались его противниками.

Говоря о дворѣ Луи-Наполеона и близкихъ къ нему лицахъ, Планси доказываетъ, что бывшій агентъ полиціи Клодъ сплошь и рядомъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ невѣрныя извѣстія. Такъ онъ пишетъ: «Принцъ Камерата влюбился въ императрицу, и Луи-Наполеонъ велѣлъ, изъ ревности, одному корсиканцу заколоть его кинжаломъ». Во-первыхъ, Камерата былъ не принцемъ, а графомъ, и влюбленъ былъ въ актрису бульварнаго театра Марту, которая отравилась послѣ того, какъ Камерата застрѣлился изъ пистолета. Планси видѣлъ трупъ его тотчасъ послѣ самоубійства. Мать графа, принцеса Элиза Бачіоки отличалась энергичнымъ характеромъ: выйдя замужъ, она приказала разломать свое фортепіано и бросить въ огонь всѣ ноты, по которымъ ее учили музыкѣ и пѣнію. Въ 1830 году она пыталась освободить герцога Рейхштадтскаго и увезла его тайно изъ Шенбруна, но ее остановили въ Вѣнѣ. Чтобы заставить своего мужа согласиться на разводъ, она пригласила его однажды въ свой замокъ Вивье, гдѣ она жила подлѣ своего обожателя Іоахима Клари, и тамъ мужъ, садясь за завтракъ, нашелъ подъ салфеткой своего прибора пару заряженныхъ пистолетовъ. Это предостереженіе или приглашеніе такъ на него подѣйствовало, что онъ далъ ей полную свободу. Клодъ, дѣйствительно, много сочинялъ въ своихъ мемуарахъ, но кто же поручится за непогрѣшимость и мемуаровъ «исчезнувшаго»? Представляя характеристики придворныхъ второй имперіи, онъ разсказываетъ про нихъ иногда весьма интересные анекдоты. Старому наполеоновскому генералу Лакроссу Луи-Наполеонъ сказалъ однажды:—«Вы не зашли вчера ко мнѣ въ ложу, генералъ, и хорошо сдѣлали: у меня былъ сильный насморкъ, а онъ прилипчивъ».—«Я не зналъ этого,—отвѣчалъ Лакроссъ,—и былъ бы счастливъ, получивъ насморкъ отъ вашего величества». Итальянецъ, корсиканецъ или американецъ Сипріани появился въ Тюльери послѣ своихъ экскурсій въ Калифорнію. Тамъ онъ, съ отрядомъ изъ сорока инсургентовъ 1848 года, дрался съ краснокожими и однажды, въ главѣ каравана, сопровождалъ транспортъ быковъ въ двѣ тысячи головъ изъ Сан-Франсиско въ Нью-Іоркъ черезъ прерію въ 500 миль. На этомъ пути онъ встрѣтилъ племя команчей, и предводитель ихъ прислалъ свою сквау (жену) пригласить европейца переночевать въ вигвамъ. Дикарь отлично говорилъ пофранцузски, и изъ разспросовъ его Сипріани увидѣлъ ясно, что его хозяинъ отлично знаетъ Парижъ и

Европу. При разставаніи вождь команчей признался, что онъ—сынъ маршала Массены и давно уже охотно промѣнялъ цивилизованную жизнь на роль главы дикарей и очень доволенъ ею, обладая дюжиною ребятъ и огромными стадами. Во время итальянской войны Сипріани оказалъ большія услуги Луи-Наполеону и Виктору-Эммануилу, и они предлагали ему разныя должности, но корсиканецъ предпочелъ жизнь независимаго авантюриста. Графъ д'Орсе былъ представителемъ моды въ Парижѣ и прямымъ наслѣдникомъ Бруммеля, законодателемъ всякаго рода спорта, изобрѣтателемъ мужскихъ костюмовъ. Онъ и умеръ въ шелковой жакеткѣ цвѣта блохи, въ голубыхъ панталонахъ въ обтяжку, въ жилетѣ изъ бѣлаго пике, въ вышитой рубашкѣ, лакированныхъ ботинкахъ, съ завитыми бакенбардами. «Апостолъ Петръ,—прибавляетъ Планси,—долженъ былъ удивиться, впуская его въ рай въ такомъ костюмѣ». Но этотъ д'Орсе былъ въ то же время хорошимъ скульпторомъ и сдѣлалъ очень схожій бюстъ Луи-Наполеона. Въ Лондонѣ онъ былъ такимъ же царемъ моды, и богатые лорды говорили, что съ удовольствіемъ дали бы тысячу франковъ, если-бъ д'Орсе подалъ имъ руку и прошелся съ ними по Пикадилли. «Въ наше время протягиваютъ руку только банкирамъ съ цѣлью попросить у нихъ денегъ». Въ Парижѣ во время второй имперіи жило много англичанъ. Маркизъ Гертфордъ, бывшій сначала англійскимъ посланникомъ, прожилъ тамъ лѣтъ двадцать. По праву маіоратства, онъ обладалъ милліонами, тогда какъ братъ его Сеймуръ не получилъ въ наслѣдство ни шиллинга, что̀ не мѣшало ему, живя также въ Парижѣ, относиться съ почтеніемъ къ старшему брату. Сеймуръ отличался физическою силою и доставлялъ себѣ по временамъ удовольствіе отправляться на рынокъ, вызывая тамъ охотниковъ бороться, и, побѣдивъ ихъ, угощалъ роскошнымъ обѣдомъ. Гертфордъ былъ большой эксцентрикъ. Кромѣ множества замковъ, въ Лондонѣ у него былъ великолѣпный отель, гдѣ ему каждый день былъ готовъ обѣдъ, на случай его пріѣзда, хотя онъ десятки лѣтъ не покидалъ континента. Въ Парижѣ у него были обширныя конюшни съ богатыми экипажами и удивительными лошадьми, но онъ ходилъ часто въ клубъ пѣшкомъ, въ калошахъ и съ зонтикомъ подъ мышкой, а въ дождливое время нанималъ фіакръ. Онъ подарилъ въ 1851 году Луи-Наполеону севрскій сервизъ королевы Гортензіи, пріобрѣтенный имъ еще во время республики за десять тысячъ франковъ. Изъ русскихъ, игравшихъ въ Тюльери видную роль, Планси называетъ молодого графа Медема, сына дипломата; его убилъ потомъ на дуэли во Флоренціи генералъ Калерджи. Но что за общество являлось при этомъ странномъ дворѣ! Планси передаетъ немного случаевъ изъ жизни этихъ авантюристовъ, не называя ихъ, а обозначая только иниціалами да титулами: герцогъ К., графъ Л. Одинъ бѣднякъ, потерявшій все состояніе, застрѣ-

лившись, назвалъ, въ своемъ завѣщаніи, наглымъ шулеромъ объигравшаго его навѣрняка вельможу. Тотъ спросилъ у Верона совѣта, какъ поправить дѣло? — «Очень просто,—отвѣчалъ журналистъ:—найдите лицъ, которыя играли бы съ вами и засвидѣтельствовали, что вы остались въ проигрышѣ». Вельможа, однако, напрасно искалъ такихъ лицъ. Разсказываетъ также авторъ объ одной оргіи между четырьмя придворными и ихъ знатными подругами. Графы и герцоги такъ перепились подъ конецъ ужина, что потребовали отъ своихъ дамъ, чтобы тѣ явились передъ ними въ костюмѣ, въ какомъ богини предстали на судъ Париса. Три дамы тотчасъ же исполнили игривое желаніе своихъ партнеровъ, но четвертая заупрямилась, и хозяинъ дома, не помня себя отъ пьянства, сорвалъ со стѣны своего кабинета, украшеннаго оружіемъ, пистолетъ и застрѣлилъ сначала графиню, потомъ себя. Передавая этотъ случай, Планси не ручается, однако, за его достовѣрность и говоритъ, что вообще о происшествіяхъ, случившихся во время второй имперіи, ходитъ очень много легендъ, въ которыхъ трудно добиться правды. Такъ, хроникеры разсказываютъ, что генералъ Корнемюзъ былъ кѣмъ-то убитъ при выходѣ съ бала въ Тюльери, а Планси говоритъ, что онъ былъ на этомъ балу съ генераломъ, и оба они вмѣстѣ простояли съ полчаса въ холодныхъ сѣняхъ дворца, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, ожидая своихъ пальто и экипажей. Планси схватилъ сильный насморкъ, а Корнемюзъ воспаленіе въ легкихъ, отчего и умеръ черезъ недѣлю. На этомъ же балу съ баронесой Планси произошелъ странный случай. Утромъ лакей подалъ барону брошку, найденную имъ у дверей будуара. Рѣшили, что эта брошь потеряна одною изъ дамъ, танцовавшихъ на балу, и какъ нибудь прицѣпилась къ длинному шлейфу баронессы, которая и привезла ее домой. Написали въ придворное вѣдомство, спрашивая, что дѣлать съ находкой. Получился отвѣтъ: «у насъ цѣлый шкафъ такихъ найденныхъ драгоцѣнностей; все это стразы и поддѣльные камни; никто ихъ не требуетъ обратно и не заявляетъ объ нихъ». Планси послалъ, однако, брошку къ ювелиру, и тотъ оцѣнилъ ее въ десять тысячъ франковъ. Баронеса стала тогда показывать находку всѣмъ пріѣзжавшимъ къ ней знакомымъ дамамъ, и недѣли черезъ три одна изъ нихъ сказала: «эти брилліанты съ опалами—графини Сен-Поль. Отчего эта брошь до сихъ поръ у васъ?» Планси отправилъ ее тотчасъ же графинѣ съ необходимыми объясненіями, и она прислала сто франковъ лакею, нашедшему драгоцѣнность. Но подруга баронесы не упустила случая посплетничать въ кругу знакомыхъ о странномъ случаѣ съ брошкою, такъ крѣпко прицѣпившеюся къ платью, что не потерялась ни при разъѣздѣ, ни въ экипажѣ, ни на лѣстницахъ...

Болѣе половины мемуаровъ наполнены описаніемъ подвиговъ автора, какъ охотника, наѣздника и игрока. Мы, конечно, не бу-

демъ слѣдить за его похожденіями на этихъ скользкихъ аренахъ. Сколько зайцевъ и тетеревовъ онъ подстрѣлилъ, сколько лошадей выѣздилъ и сколько денегъ проигралъ въ баккара и рулетку, это можетъ интересовать только его самого и подобныхъ ему героевъ. Отмѣтимъ, однако, что Планси выигрывалъ и проигрывалъ огромныя суммы въ клубахъ и игорныхъ домахъ Бадена, Гомбурга, Монако. Онъ не приводитъ цифръ своихъ огромныхъ потерь и прибылей, но нѣсколько разъ цитируетъ газетныя извѣстія, говорившія о его милліонныхъ выигрышахъ. Конечно, газеты охотно преувеличиваютъ всякіе факты, но Планси приводитъ сцену и съ цифрами въ одномъ, клубѣ, гдѣ онъ игралъ съ турецкимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Халиль-беемъ въ пикетъ по полутораста франковъ пуэнтъ и выигралъ, въ шесть королей, 2.500 пуэнтовъ. «Сосчитайте, сколько это!»--прибавляетъ онъ. Въ другой разъ онъ «имѣлъ глупость», какъ самъ сознается, предложить Ротшильду держать какое-то пари въ милліонъ франковъ, но банкиръ отвѣчалъ спокойно: «я не такъ богатъ, чтобы держать подобныя пари». Не сознается онъ прямо, но изъ словъ его видно, что онъ кончилъ, всетаки, сильнымъ проигрышемъ въ Монако, гдѣ имъ очерчены, впрочемъ, очень поверхностно, нѣсколько русскихъ типовъ: Нарышкинъ, Абаза, князь Петръ Голицынъ и какой-то Ерашевскій (Yeracheski), выигравшій два милліона въ экарте, но тотчасъ же спустившій ихъ въ пари на скачкахъ. Какъ настоящій игрокъ, Планси говоритъ, что запрещать игорные дома значитъ лишать человѣка необходимой для него свободы дѣйствій. Онъ заступается также за Эмиля Оливье и увѣряетъ, что этотъ министръ «съ легкимъ сердцемъ» не хотѣлъ войны. Но тогда зачѣмъ же онъ остался министромъ, когда война была объявлена? При описаніи возстанія 4-го сентября 1870 года Планси разрушаетъ одну изъ легендъ, относящихся къ бѣгству императрицы Евгеніи изъ Парижа. Извѣстно, что въ сопровожденіи посланниковъ Меттерниха и Нигры она, оставивъ Тюльери, прошла галерею Лувра и вышла на площадь Сен-Жермень д'Оксеруа, гдѣ сѣла въ фіакръ, который отвезъ ее за городъ. На площади ее узнали нѣсколько лицъ, но фіакръ быстро умчалъ ее. Легенда прибавляетъ, что отъѣздъ ея былъ до того поспѣшный, что она успѣла захватить съ собой только маленькій саквояжъ, и толпа, вторгнувшаяся во дворецъ, нашла въ ея комнатахъ забытый ею носовой платокъ и приготовленный для нея завтракъ. Планси, въ опроверженіе этого преданія, приводитъ слѣдующій документъ, сохранившійся въ его бумагахъ, написанный на бланкѣ со штемпелемъ министерства двора и подписанный обер-гофмаршаломъ императрицы:

«Списокъ вещей, заключающихся въ ящикѣ, врученномъ Анджель-Подриго-Вивару, по приказанію ея величества императрицы, для передачи ихъ въ Мадридѣ графинѣ де-Монтихо. Бриліанто-

вое ожерелье съ жемчугомъ и изумрудами, съ эмальированнымъ медальономъ и иниціалами Л. Н.—Два браслета, двѣ пары серегъ и брошь—бриліантовые. — Драгоцѣнный крестъ, подарокъ его величества русскаго императора.—Чаша, украшенная бриліантами, данная на память русскимъ великимъ княземъ Константиномъ.— Пятьсотъ тысячъ франковъ банковыми билетами. Все вмѣстѣ на сумму въ четыре милліона франковъ. Парижъ, 4-го сентября 1870 года. Вальянъ».

Если Евгенія и дѣйствительно забыла свой платокъ, то потому, что думала о болѣе серьезныхъ вещахъ.

Планси говоритъ, что во время вторженія народа въ палату депутатовъ, онъ, вмѣстѣ съ Тьеромъ и другими товарищами, подвергался большой опасности, но это врядъ ли справедливо. Во время осады Парижа онъ вступилъ въ отрядъ волонтеровъ и участвовалъ въ сраженіи при Баньё, но подвиги свои описываетъ какъ-то вскользь и жалуется только, что его несправедливо вычеркнули изъ списка лицъ, получившихъ медаль за храбрость. Во время комуны онъ оставилъ Парижъ и хорошо сдѣлалъ, прибавляетъ онъ, такъ какъ комунары два раза навѣдывались къ нему въ квартиру, чтобы взять его заложникомъ. Съ 1871 года онъ не возвращался во Францію и жилъ въ Италіи, а послѣднее время въ Женевѣ. Живя на озерѣ Комо, онъ былъ приглашенъ Демидовымъ погостить въ его виллѣ Пратолино, близь Сан-Донато, и провелъ тамъ недѣлю. Его управляющій въ Пратолино устроивалъ охоту и получалъ фельдмаршальское жалованье. Анатолій Демидовъ продавалъ тогда картины и рѣдкости Сан-Донато и говорилъ, что его музей, канцелярія, содержаніе всего дома, конюшни стоятъ ему 500,000 франковъ въ годъ, но изъ нихъ 200,000 идетъ на столъ. Его обѣды и завтраки были дѣйствительно лукуловскіе. Ходили легенды, что онъ проигрывалъ и выигрывалъ милліоны, играя съ Шуваловымъ въ карты, но Планси говоритъ, что однажды онъ проигралъ ему въ пикетъ двадцать луидоровъ, и на этомъ остановился, заплативъ итальянскими асигнаціями, ходившими тогда ниже курса, а когда его гость написалъ ему изъ Ниццы письмо, прося о небольшой ссудѣ на короткій срокъ, князь Сан-Донато отвѣчалъ, что онъ самъ въ настоящее время находится въ стѣсненномъ положеніи. Тогда Планси предложилъ къ его услугамъ свой кредитъ, но тотъ отказался. «Впрочемъ,—прибавляетъ авторъ,—милліонеровъ такъ часто эксплуатируютъ, что они совершенно основательно отклоняютъ всякія денежныя просьбы». Въ Женевѣ семидесятипятилѣтній старикъ началъ писать свои мемуары, изъ которыхъ мы извлекли все существенное; остальное могло бы и не являться въ печати, особенно въ такомъ неотдѣланномъ и безпорядочномъ видѣ, какъ оно является изъ-подъ пера человѣка, непривыкшаго къ литера-

турному и систематическому изложенію своихъ воспоминаній. Мы не упоминали еще о множествѣ совершенныхъ пустяковъ, разсказываемыхъ имъ съ серьезнымъ тономъ и встрѣчавшихся не разъ въ разныхъ «не любо не слушай». Таковъ, напримѣръ, разсказъ о татуированномъ матросѣ, бывшемъ королемъ у дикарей, и на тѣлѣ котораго былъ искусно награвированъ полный генеральскій мундиръ со всѣми галунами, погонами, пуговицами, эполетами и, сверхъ того, множествомъ девизовъ и сценъ на рукахъ и ногахъ,—или о продажѣ капитаномъ комерческаго судна королю африканскихъ дикарей огромной партіи клизопомпъ, причемъ дикаря увѣрили, что посредствомъ этого новаго изобрѣтенія въ Европѣ не иначе пьютъ вино, какъ въ этомъ инструментѣ.

Съ береговъ Женевскаго озера Планси посылалъ во французскія газеты замѣтки о ловлѣ рыбы и о своихъ политическихъ взглядахъ: наставленія, какъ ловить форелей, щукъ и окуней, можетъ быть, и очень практичны,—объ этомъ могутъ судить спеціалисты, но политикъ Планси очень плохой и его измышленія могли явиться только въ провинціальной газетѣ Обскаго департамента. Въ ней «исчезнувшій» съ политическаго горизонта, на которомъ онъ игралъ незавидную роль, возстаетъ противъ настоящихъ историческихъ дѣятелей и тѣхъ эпитетовъ, съ какими соединяются ихъ имена. Такъ, по его мнѣнію, Тьеръ далеко не «знаменитый старикъ и освободитель територіи». Если и согласиться въ этомъ съ авторомъ, то слѣдуетъ доказать это фактами, а не тѣмъ, что въ палатѣ Тьеръ выругалъ цинически министра Руэра и помѣшалъ маршалу Ніелю развить учрежденіе мобилей, съ которыми «результатъ войны могъ быть иной». Возставая противъ Гамбеты, Планси сознается только, что онъ былъ умнѣе своихъ помощниковъ; «замѣтьте: я не говорю, что онъ былъ менѣе глупъ, чѣмъ они», прибавляетъ авторъ. Дешевое остроуміе стараго игрока-конюха объ умѣ Гамбеты ровно ничего не доказываетъ. Онъ вступается и за Базена и, замѣчая, что онъ не могъ быть продажнымъ, разсказываетъ, какія гимнастическія способности выработалъ въ себѣ этотъ тучный маршалъ, чтобы спуститься съ балкона своей тюрьмы, во время побѣга изъ нея. Графа Шамбора авторъ защищаетъ отъ обвиненія въ стремленіи къ власти и доказываетъ это тѣмъ, что онъ дважды отказывался отъ предложенной ему короны, не желая замѣнить бѣлое знамя Бурбоновъ трехцвѣтнымъ, принятымъ страною. Но корону ему предлагала горсть монархистовъ, не имѣвшихъ никакихъ корней въ народѣ, и Шамборъ очень хорошо зналъ это, почему и не рѣшался на рискованное предпріятіе: явиться во Францію безъ призванія народомъ. У Мак-Магона была подъ начальствомъ вся армія, однако, и онъ не рѣшился произвести переворотъ въ пользу Шамбора, или въ свою собственную, понимая, что армія не пойдетъ за нимъ по этому

пути. Планси увѣряетъ, что и принцъ Наполеонъ никогда не былъ претендентомъ и не пытался захватить власть. Но и это потому, что у него никогда не было приверженцевъ ни между народомъ, ни въ арміи. «Исчезнувшій» кончаетъ свои мемуары панегерикомъ этому принцу, котораго онъ восхваляетъ больше, чѣмъ его отца, но не говоритъ ничего о его ссорѣ со своимъ старшимъ сыномъ, лишеннымъ наслѣдства и политическихъ правъ по завѣщанію, признаваемому, однако, незаконнымъ. Зато Планси распространяется о храбрости принца, хотя тотъ въ Крыму и въ Италіи доказалъ, что ко многимъ непривлекательнымъ свойствамъ его характера принадлежала и трусость. Что онъ былъ недоволенъ войною, объявленною Пруссіи, и предсказывалъ печальный исходъ ея—этому можно повѣрить, такъ какъ, ненавидя Евгенію, онъ всегда былъ противникомъ всѣхъ плановъ ея и императора, совершенно подчинившагося въ послѣднее время ея вліянію. Вспоминая объ этой войнѣ, Планси приводитъ, между прочимъ, три относящіеся къ ней факта. Въ 1867 году, на парижской выставкѣ, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ былъ и адъютантъ короля, графъ Лендорфъ, префектъ полиціи въ Берлинѣ. Онъ обѣдалъ у Планси, и хозяинъ спросилъ гостя за столомъ: доволенъ ли онъ своею поѣздкою въ Парижъ?

— Я былъ бы въ высшей степени неблагодарнымъ, если бы остался недоволенъ, — отвѣчалъ начальникъ прусской полиціи:— мнѣ показали все, начиная съ катакомбъ и подземныхъ клоаковъ до картъ и плановъ военнаго министерства. Я все осмотрѣлъ до мельчайшимъ подробностей. Надо признаться, что вы ничего не скрываете отъ вашихъ друзей. Вернувшись въ Берлинъ, я постараюсь устроить его по образцу, данному вашимъ префектомъ Гаусманомъ.

Нѣсколько позже, когда прошелъ слухъ о введеніи во французской арміи скорострѣльныхъ ружей, прусскій военный министръ Роонъ говорилъ: «намъ незачѣмъ озабочиваться успѣхами этого новаго рода оружія. Французы горячаго темперамента и менѣе насъ дисциплинированые, тотчасъ разстрѣляютъ всѣ заряды, тогда какъ наши холодные нѣмцы, послушные приказаніямъ, въ то же время употребятъ съ пользою только половину своихъ зарядовъ». Это «употребленіе съ пользою» особенно утѣшительно.

Наконецъ, вотъ слова, сказанныя, по свидѣтельству Планси, одному изъ его знакомыхъ генераловъ, уже по заключеніи мира, наслѣдникомъ короны, будущимъ императоромъ Фридрихомъ III.

— Республика должна погубить Францію. Если бы мы не имѣли этого въ виду, то неужели позволили бы установить тамъ этотъ родъ правленія?..

По счастью, не всѣ предсказанья сбываются и не всѣ расчеты— хотя бы и императорскіе—оправдываются.

Вотъ все, что можно извлечь безъ всякихъ «нескромностей» изъ «мемуаровъ исчезнувшаго». Чтеніе ихъ, кромѣ множества совершенно неинтересныхъ подробностей и пустой, старческой болтовни, затрудняетъ особенно тяжелый языкъ, который авторъ напрасно старается сдѣлать литературнымъ, уснащая его плохими каламбурами, остротами дурного тона и латинскими цитатами, перевираемыми самымъ безпощаднымъ образомъ. Изъ страсти блеснуть своею ученостью авторъ искажаетъ даже самыя общеупотребительныя поговорки. Такъ извѣстное выраженіе: ablata causa tollitur effectus, онъ передаетъ самою кухонною латынью: cessante causa cessat effectus. Другихъ примѣровъ приводить не стоитъ: ab ano disce omnes.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе академіи наукъ. Спб. 1892.

НАША АКАДЕМІЯ въ послѣднее время (какъ бы не сглазить!) обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность. Вслѣдъ за первымъ выпускомъ «Словаря» она издала первый томъ сочиненій Ломоносова, до 850-ти страницъ въ большую четверку. Оба изданія напечатаны по распоряженію академіи, какъ значится на помѣткѣ непремѣннаго секретаря, въ декабрѣ 1891 года. Объявлено также о подготовленіи академическаго изданія Пушкина. Будемъ надѣяться, что между появленіемъ въ свѣтъ трудовъ нашего перваго по своему значенію поэта и перваго основателя тоническаго стиха въ нашей поэзіи пройдетъ меньше двадцати лѣтъ, которыя прошли между изданіемъ академіею Державина и Ломоносова. Какъ ни хороши эти изданія, но если на каждое изъ нихъ потребуется чуть не четверть вѣка, сколько же лѣтъ употребитъ академія на собраніе сочиненій всѣхъ нашихъ классическихъ писателей? И что если въ средѣ ея не найдется такихъ удивительныхъ по своему трудолюбію членовъ, какъ М. И. Сухомлиновъ? Только что окончивъ «Исторію академіи», онъ принялся за такой огромный трудъ, какъ собраніе всего, что написалъ Ломоносовъ. Правда, трудъ этотъ былъ во многихъ частяхъ значительно подготовленъ изслѣдованіями его предшественниковъ, да и самъ М. И. напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года большой этюдъ: «Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета». Мы очень богаты мо-

нографіями объ этомъ Петрѣ Великомъ русской литературы, какъ его называлъ Бѣлинскій: его разбирали, въ числѣ другихъ русскихъ самородковъ, Перевлѣскій, Щаповъ, Ремезовъ, Пятковскій, Новаковскій, даже Д. В. Григоровичъ въ своемъ, впрочемъ, довольно слабомъ изданіи «Русскіе знаменитые простолюдины». Его изслѣдовали какъ писателя: Погодинъ, Штелинъ, Тихонравовъ, Кулишъ, Пономаревъ, Пекарскій, Куникъ, Лонгиновъ, Никитенко, Билярскій, какъ историка: Соловьевъ, Вороновъ, какъ филолога: Будиловичъ, В. Ламанскій и др. Со временъ Екатерины нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго русскаго писателя, который не отозвался бы съ почетомъ и уваженіемъ объ этомъ высокоталантливомъ дѣятелѣ русскаго слова. Наше общество дважды откликнулось на призывъ почтить память рыбака-академика, первый разъ въ 1855 году, въ годовщину изданія Ломоносовымъ первой русской граматики и основанія Московскаго университета, когда Куникъ отъискалъ въ архивѣ академіи первую оду молодого студента, присланную изъ Марбурга. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого юбилея вся Россія сочувственно отозвалась на торжественныя поминки по Ломоносовѣ, въ столѣтнюю годовщину его кончины. Не было почти ни одного города въ Россіи, который не сказалъ бы по поводу этого дня добраго слова о почившемъ дѣятелѣ. Невозможно перечислить всѣхъ біографій, рѣчей, статей, воспоминаній, стихотвореній, вышедшихъ къ этому дню. Въ библіографической исторіи литературы Межова приведены далеко не всѣ источники по этой части. Въ словарѣ Геннади они перечислены гораздо подробнѣе, съ указаніемъ на содержаніе многихъ отзывовъ, съ подраздѣленіемъ на напечатанные до юбилея 1865 года и послѣ него, на критическія статьи, характеристики и панегирики, статьи по поводу юбилея, сборники и юбилейныя рѣчи. Редактору полнаго собранія сочиненій Ломоносова не легко будетъ разобраться въ этомъ огромномъ матеріалѣ, но мы увѣрены, что онъ извлечетъ изъ него все необходимое для полной и вѣрной оцѣнки писателя и ученаго. Въ первомъ вышедшемъ нынѣ томѣ онъ является только какъ поэтъ впродолженіе первыхъ 14-ти лѣтъ его дѣятельности. Остается, стало быть, еще столько же лѣтъ до окончанія его славнаго поприща. Стихотворнымъ трудамъ Ломоносова предпослано очень короткое предисловіе, въ которомъ говорится не о значеніи стиховъ писателя,—критическая оцѣнка явится, вѣроятно, позже, вмѣстѣ съ біографіей,—а о прежнихъ изданіяхъ его сочиненій. Редакторъ упоминаетъ только о пяти изданіяхъ: двухъ выпущенныхъ при жизни автора, двухъ академическихъ (послѣднее 1840 года) и одномъ лучшемъ—архимандрита Дамаскина въ Москвѣ.

Въ новомъ изданіи стихи помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, по подлиннымъ рукописямъ, сохранившимся въ академіи; варіанты, объяснительныя примѣчанія и приложенія отнесены въ конецъ тома, имѣютъ особую пагинацію и занимаютъ слишкомъ 500 страницъ. Здѣсь собрано множество любопытныхъ фактовъ и подробностей, большею частью являющихся въ первый разъ. Казалось бы, что послѣ столькихъ статей о лучшихъ произведеніямъ Ломоносова трудно сказать объ нихъ что нибудь новое, а между тѣмъ оказывается, что всѣ наши курсы литературы, учебники и критическіе отзывы повторяютъ только общія мѣста о сочиненіяхъ Ломоносова, на основаніи первоначальныхъ показаній, къ тому же еще нерѣдко ошибочныхъ. Такъ, долгое время первою русскою одою, написанною тоническимъ размѣромъ, считалась «Ода на взятіе Хотина» 1739 года, пока

академикъ Куникъ не отъискалъ, черезъ 118 лѣтъ послѣ присылки Ломоносовымъ, дѣйствительно первой его оды, переведенной изъ Фенелона, и не издалъ это произведеніе. Г. Сухомлиновъ не только приводитъ въ подлинникѣ французскую оду со всѣми ея варіантами по разнымъ изданіямъ, но цитируетъ для чего-то не имѣющія никакого отношенія къ ней мѣста изъ «Телемака», представляющія очень скромныя и туманныя выходки прелата противъ своего монарха. Тутъ же г. Сухомлиновъ приводитъ другую оду Фенелона въ подлинникѣ и въ переводѣ Тредьяковскаго, чтобы доказать, вмѣстѣ съ Пекарскимъ и Куникомъ, что стихи Ломоносова, при всей ихъ шероховатости, благозвучнѣе, чѣмъ у Тредьяковскаго. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться: стихи автора Телемахиды, конечно, неуклюжи, но онъ переводитъ такъ, что его можно понять, тогда какъ у Ломоносова, во многихъ строфахъ его перевода, нельзя добиться смысла. Тредьяковскій пишетъ: «Съ мнѣніемъ другихъ всегда будь согласенъ прямо. Никогда въ твоемъ стоять не изволь упрямо. Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ. Больше умнымъ не кажись, нежели тя знаютъ». Ломоносовъ выражается такъ въ 5-й строфѣ, взятой наудачу: «Гдѣ два острова прекрасны, какъ щастливы вѣтьвми рясны Зраку могутъ радость дать, Сердце каковой желаетъ: Лѵра что моя не знаетъ, Пѣснь тебѣ боговъ вспѣвать». Такими безсмыслицами полны почти всѣ 14 строфъ перевода. И между тѣмъ въ этомъ неумѣломъ переводчикѣ была, всетаки, искра настоящаго поэтическаго дарованія, до котораго никогда не достигалъ бездарный труженикъ Тредьяковскій. Въ слѣдующей же одѣ «На взятіе Хотина» марбургскій студентъ достигнулъ такого высокаго одушевленія, что оно должно было поразить даже тѣхъ членовъ академіи, которые сколько нибудь мараковали порусски. Штелинъ, одинъ изъ первыхъ біографовъ Ломоносова, говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что эта ода была напечатана при академіи, поднесена императрицѣ и роздана при дворѣ, гдѣ всѣ читали ее, удивляясь новому размѣру. Академическое изданіе Ломоносова 1784 года прибавляетъ даже, что оду напечаталъ камергеръ Корфъ. Съ тѣхъ поръ всѣ исторіи литературы повторяли это извѣстіе, описывая яркими красками впечатлѣніе, произведенное одою рыбака на высшее петербургское общество. И что же оказывается? Ода никогда не была напечатана ни отдѣльно, ни въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, и присланная въ 1739 году появилась впервые въ печати только черезъ 12 лѣтъ, въ собраніи сочиненій Ломоносова, изданномъ имъ самимъ. Онъ отправилъ ее въ академію тотчасъ послѣ взятія Хотина, но не одну, а вмѣстѣ съ «разсужденіемъ о нашей версификаціи». Тредьяковскій сознается, что студентъ прислалъ письмо, «которымъ опровергалъ правила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ», но не говоритъ, что, вѣроятно, убѣдилъ академиковъ не издавать стиховъ своего конкурента, а добрые нѣмцы, конечно, были рады, что русскій же человѣкъ подставляетъ ногу своему соотечественнику. Такимъ образомъ, придворные Анны Ивановны и петербургское общество никакъ не могли восхищаться произведеніемъ дѣйствительно удивительнымъ по тому времени. Опроверженія подобныхъ общепринятыхъ и между тѣмъ ложныхъ фактовъ приводятся и въ другихъ случаяхъ, но мѣстами такіе коментаріи уже черезчуръ подробны и излишни даже для академическаго изданія. Такъ, разобравъ оду не съ критической, а только съ риторической стороны, на основаніи мнѣній Сумарокова, Державина, Шевырева, г. Сухомлиновъ приводитъ не только мнѣ-

нія нѣмецкихъ писателей объ одѣ Гюнтера на миръ съ Турціею 1718 года, но и цѣликомъ въ подлинникѣ всю невыносимо скучную оду въ 50 строфъ, то-есть въ 500 стиховъ, только для того, чтобы доказать, что Ломоносовъ заимствовалъ изъ нея только форму четырехстопной ямбической строфы да нѣсколько риторическихъ пріемовъ, общихъ всѣмъ сочиненіямъ такого рода. Смѣемъ увѣрить редактора, что нѣмецкую оду прочтутъ развѣ только онъ самъ, да коректоръ,.. Онъ приводитъ также изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1739 года подробное официальное извѣстіе о взятіи турецкой крѣпости, занимающее въ книгѣ 14 страницъ мелкаго шрифта. Кому и на что это нужно? Для исторіи литературы было бы гораздо важнѣе, если бы вмѣсто всѣхъ этихъ нѣмецкихъ одъ, россійскихъ реляцій и писемъ Анны къ саксонскому королю, приведенъ былъ разборъ оды, но сдѣланный не съ риторической, а съ эстетической стороны лучшими нашими критиками. Между тѣмъ, коментаріи ограничиваются немногими короткими цитатами Буслаева, Радищева, Куника, Мерзлякова, Бѣлинскаго, и самою содержательною изъ нихъ является историческая оцѣнка Соловьева.

Послѣ блестящей оды 1739 года Ломоносову пришлось, конечно, по порученію академіи, писать оды на день рожденія императора Ивана Антоновича и «первые трофеи» полуторагодового ребенка. Немудрено, что эти официальныя произведенія были очень слабы, но, воспѣвая по обязанности разные торжественные «иллуминаціи и фейэрверки» того времени, Ломоносовъ никогда не унижался, какъ нѣмецъ Штелинъ и русскій Тредьяковскій, до восхваленій Бирона, а напротивъ заклеймилъ его правленіе рѣзкой строфой въ первой изъ этихъ одъ. Въ коментаріяхъ къ ней г. Сухомлиновъ приводитъ чрезвычайно рѣдкій манифестъ, «Божіею милостью Іоанна III, императора и самодержца всероссійскаго», отъ 18-го апрѣля 1741 года. Въ ноябрѣ того же года императоръ былъ низвергнутъ Елисаветою и сенатъ повелѣлъ: «учиненныя принцу Іоанну присяги сжечь, тако-жъ манифесты, печатные указы, регламенты, кои публикованы въ народѣ, сколько найдется, не оставливая ничего съ титуломъ принца Іоанна». Академія, чтобы доказать свое вѣрноподданическое усердіе, не сожгла, а представила въ сенатъ: «о продажѣ Бироновыхъ пожитковъ 10 листовъ, прибавленіевъ печатныхъ къ вѣдомостямъ—90 и одъ или похвальныхъ рѣчей, изданныхъ адъюнктомъ Ломоносовымъ—12». Всѣ онѣ являются въ новомъ изданіи, полномъ любопытныхъ подробностей и заставляющемъ желать скорѣйшаго появленія послѣдующихъ томовъ, такъ добросовѣстно и полно редактируемыхъ М. И. Сухомлиновымъ.

Вл. З.

Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1892.

Подъ этимъ названіемъ профессоръ Загоскинъ выпустилъ въ свѣтъ свою рѣчь, прочитанную имъ въ годичномъ собраніи Казанскаго университета 5-го ноября 1891 года. Такимъ образомъ, книжка г. Загоскина представляетъ изъ себя популярный очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, начиная съ удѣльно-вѣчеваго періода и до нашихъ дней. Авторъ ея вполнѣ основательно исходитъ изъ той мысли, что смертная казнь была всегда чужда правовому міровоззрѣнію русскаго народа, какъ чуждо ему и суровое отношеніе къ преступнику вообще. Доказательствомъ истинности этого мнѣнія служитъ тотъ

фактъ, что смертная казнь долго не признавалась памятниками древне русскаго свѣтскаго права и оставалась имъ чуждою вплоть до конца XIV столѣтія. Только съ этого времени она получила свою законодательную санкцію, продолжая оставаться наказаніемъ заноснымъ, привитымъ извнѣ и вынужденнымъ вести долгую борьбу съ основами русскаго правового міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе и русскому народу довелось пройдти въ своей исторической жизни черезъ мрачную эпоху господства устрашительныхъ наказаній со смертною казнью во главѣ. Случилось это, благодаря византійскому вліянію, глубоко отразившемуся на всѣхъ сторонахъ жизни русскаго народа и далеко еще не вполнѣ оцѣненному русскою наукою. Благодаря этому вліянію, смертная казнь уже въ удѣльно-вѣчевую эпоху стала примѣняться на практикѣ. Извѣстно лѣтописное повѣствованіе о совѣтѣ епископовъ Владиміру Святому относительно казни разбойниковъ: «Умножились разбои,—говорили епископы великому князю,—почему ты не казнишь ихъ?»—«Боюсь грѣха»,—отвѣчалъ князь.—«Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ,—убѣждали епископы, — тебѣ достоитъ казнить разбойниковъ, но съ испытомъ». Владиміръ послушался, отмѣнилъ денежныя пени (виры), которыми карались по русскому праву разбойники, и началъ ихъ казнить. Такимъ образомъ (заключаетъ профессоръ Загоскинъ), византійскій законъ (Номоканонъ, или Кормчая, примѣнявшійся у насъ со времени принятія христіанства въ церковныхъ судахъ) побѣдилъ русскій законъ и получилъ практическое примѣненіе. Но эта побѣда продолжалась не долго: Владиміръ вскорѣ снова возвратился къ системѣ денежныхъ пеней и отмѣнилъ смертную казнь, не прививавшуюся къ русской жизни. Другіе князья удѣльно-вѣчеваго періода также высказывались противъ этого вида наказанія и примѣняли его сравнительно рѣдко. «Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, — говорилъ въ завѣщаніи своимъ дѣтямъ одинъ изъ лучшихъ князей удѣльно-вѣчевой Руси — Владиміръ Мономахъ, и не повелѣвайте убивать таковаго; хотя бы кто и былъ повиненъ смерти, не губите христіанской души».

Впервые законодательную санкцію смертная казнь получила въ 1398 г. съ изданіемъ Двинской уставной грамоты, предписавшей за третью кражу карать преступника смертью чрезъ повѣшеніе. Разъ санкція смертной казни оффиціально проникла въ карательную систему, усвоеніе русскимъ законодательствомъ этого вида наказанія быстро пошло впередъ. Минуло еще 69 лѣтъ, и въ Псковской судной грамотѣ 1467 года, этомъ грандіозномъ памятникѣ вѣчеваго законодательства, смертная казнь уже играетъ видную роль въ лѣстницѣ наказаній. Апогея своего развитія этотъ видъ наказанія достигаетъ въ московскомъ законодательствѣ: въ Судебникахъ 1497 и 1550 года, дополнительныхъ къ нимъ указахъ, Уложеніи 1649 года и новоуказныхъ статьяхъ. Въ одномъ Уложеніи смертная казнь примѣняется въ 60 случаяхъ, причемъ масса всевозможныхъ преступленій и проступковъ, многіе изъ которыхъ могутъ быть отнесены къ категоріи совершенно безразличныхъ дѣяній, караются смертью. Самая смертная казнь дѣлится на восемь видовъ, причемъ многіе изъ нихъ имѣютъ квалифицированный характеръ. Видами смертной казни въ это время были: отсѣченіе головы, повѣшеніе, утопленіе, четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе заживо въ землю, посаженіе на колъ, колесованіе и сожженіе. Этотъ, по выраженію перваго изслѣдователя Уложенія Строева, «чудовищный, кровожадный и до невѣроятности свирѣпый» характеръ московскаго законода-

тельства долженъ быть отнесенъ на счетъ вліянія Кормчей (въ особенности «градскихъ законовъ», то-есть памятниковъ свѣтскаго византійскаго права) и Литовскаго статута, бывшихъ одними изъ главныхъ источниковъ Уложенія. Петровское законодательство сдѣлало еще значительный шагъ впередъ въ сторону жестокости, такъ что область примѣненія смертной казни значительно расширилась сравнительно съ XVII столѣтіемъ. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что по Воинскому уставу 1716 года смертная казнь назначалась въ 122 случаяхъ, причемъ увеличивается число квалификацій, долженствовавшихъ еще болѣе усилить мученія преступниковъ, напримѣръ, рванье тѣла клещами при четвертованіи, сожженіе на медленномъ огнѣ съ обкуриваніемъ преступника какимъ-то ѣдкимъ составомъ, отъ котораго у него вылѣзали всѣ волосы на тѣлѣ, и т. п. Однако, на ряду съ этою мрачною устрашительною системою, съ этимъ кровавымъ господствомъ смертныхъ казней въ царствованіе Петра I, мы встрѣчаемъ и первую попытку ограниченія ужасовъ уголовной практики той эпохи. Такъ, въ 1703, 1704 и 1705 году издаются указы, которыми фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено въ несравненно болѣе тѣсныя рамки сравнительно съ тѣмъ почти безграничнымъ просторомъ, который предоставляется этому виду кары Воинскимъ уставомъ и указною дѣятельностью.

Эпоха реакціи противъ смертной казни наступаетъ со времени вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. По словамъ извѣстнаго историка прошлаго столѣтія князя Щербатова, дочь Петра I, «идучи на сверженіе съ престола Іоанна III Антоновича, гдѣ крайняя ей опасность представлялась», усердно молилась передъ этимъ Богу и дала обѣтъ во все свое царствованіе, если ей удастся взойдти на престолъ, никого не лишать жизни. Дѣйствительно, Елизавета Петровна во все свое двадцатилѣтнее царствованіе проявляла полное отвращеніе къ смертной казни и сдѣлала весьма рѣшительные шаги къ пріостановкѣ дѣйствія ея въ Россіи, въ свое время заставившіе говорить о себѣ всю Европу. Такъ, 7-го мая 1744 года былъ изданъ знаменательный въ исторіи русскаго уголовнаго права указъ, фактически пріостановившій дѣйствіе смертной казни въ Россіи. Имъ было предписано присылать въ сенатъ «обстоятельныя перечневыя выписки», то-есть экстракты изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ сената соотвѣтствующихъ указовъ въ исполненіе этихъ приговоровъ не приводить. Указъ былъ подтвержденъ въ 1753 году. Такимъ образомъ, втеченіе цѣлаго десятилѣтія систематически и настойчиво пріостанавливается повсемѣстно въ Россіи дѣйствіе смертной казни. Въ результатѣ оказалось, что сенатъ былъ заваленъ массою присланныхъ въ него экстрактовъ изъ дѣлъ о присужденіи смертной казни, остававшихся здѣсь по повелѣнію императрицы безъ разсмотрѣнія, а тюрьмы были переполнены присужденными къ казни преступниками, цѣлыми годами содержавшимися въ ожиданіи дальнѣйшаго сенатскаго указа. И вотъ 30-го сентября 1754 года появляется этотъ сенатскій указъ, которымъ предписывается подвергнуть названныхъ преступниковъ «жестокому» наказанію кнутомъ, вырвать имъ ноздри, заклеймить словомъ «воръ» и сослать въ разныя мѣста, преимущественно на работы въ Рогервикъ, то-есть Балтійскій портъ. Пріостановивъ дѣйствіе смертной казни, Елизавета Петровна желала ея окончательной отмѣны, о чемъ свидѣтельствуетъ словесный указъ государыни законодательной коммиссіи, составлявшей въ это время проектъ новаго Уложенія: «въ

ономъ новосочиняемомъ Уложеніи за подлежащія вины смертныя казни не писать».

Екатерину II также занималъ вопросъ о смертной казни и въ своемъ извѣстномъ Наказѣ, составленномъ для законодательной коммиссіи 1767 года, она высказалась за примѣненіе этого вида наказанія только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи. «При спокойномъ же царствованіи законовъ,—читаемъ въ Наказѣ,—не можетъ быть въ томъ никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина». «Опыты свидѣтельствуютъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Наказа императрица,—что частое употребленіе казней никогда людей не дѣлало лучшими», такъ какъ «не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывоое продолженіе наказанія». Впрочемъ, въ одной статьѣ Наказа императрица противорѣчитъ себѣ, говоря, что «гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять; смертная казнь есть нѣкоторое лекарство больнаго общества». Такимъ образомъ, взгляды Екатерины на смертную казнь отличались неопредѣленностью. На практикѣ, въ ея царствованіе, хотя и было нѣсколько случаевъ смертной казни надъ политическими преступниками, но въ общемъ все осталось постарому.

При Александрѣ I вопросъ о смертной казни снова былъ поставленъ на очередь. Дѣло въ томъ, что въ 1813 году законодательная коммиссія, учрежденная еще въ 1801 году, составила проектъ уголовнаго Уложенія, въ которомъ были допущены два вида смертной казни: повѣшеніе и отсѣченіе головы. Хотя проектъ значительно смягчилъ прежнюю сферу примѣненія этого вида наказанія какъ качественно, такъ и количественно, тѣмъ болѣе, что ни одинъ смертный приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его государемъ, однако, при обсужденіи проекта въ 1824 году въ государственномъ совѣтѣ, онъ вызвалъ довольно сильную оппозицію. Ярымъ противникомъ внесенія въ проектъ смертной казни выступилъ извѣстный дѣятель той эпохи адмиралъ графъ Н. С. Мордвиновъ. «Когда благодѣтельными самодержцами Россіи,—говорилъ адмиралъ въ своемъ письменномъ мнѣніи, представленномъ въ государственный совѣтъ,—отмѣнена смертная казнь, то возстановленію ея въ новоиздаваемомъ уставѣ при царствованіи Александра I невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе. Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію». Продолжая свои доводы противъ смертной казни, Мордвиновъ ставитъ вопросъ и на нравственно-теологическую точку зрѣнія. «Имѣетъ ли человѣкъ право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить?»—вопрошаетъ онъ.—«Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе, не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему непринадлежащее? Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни—самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ его величества неумолчное, меня не допускаетъ!» Какъ извѣстно, проектъ 1813 года не получилъ законодательной санкціи.

При составленіи нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ 1845 года, графъ Блудовъ, одинъ изъ главныхъ руководителей трудовъ особаго коми-

тета, составлявшаго Уложеніе, хотя и призналъ, что смертная казнь «есть въ нѣкоторомъ смыслѣ зло уголовнаго законодательства, крайность, которую иные философы-моралисты не совсѣмъ несправедливо почитаютъ противною религіи», однако, включилъ ее въ Уложеніе, въ силу чего смертная казнь по общему законодательству примѣняется теперь только за важнѣйшія государственныя и за нѣкоторыя карантинныя преступленія.

Все сказанное по исторіи смертной казни въ Россіи профессоръ Загоскинъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ, къ которымъ мы вполнѣ присоединяемся: «оставаясь вполнѣ чуждыми патріотическаго фрондерства, неумѣстнаго ни въ чемъ, а тѣмъ болѣе въ области науки, мы, русскіе, можемъ съ національною гордостью указать на то, что въ вопросѣ объ ограниченіи смертной казни мы за послѣдніе полтораста лѣтъ не только не отставали отъ цивилизованныхъ народовъ Западной Европы, но даже шли въ этомъ направленіи впереди ихъ». «Все (сказанное) заставляетъ насъ думать, что Россія идетъ по вѣрному пути къ окончательной отмѣнѣ у себя смертной казни. Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣнчаетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ: «не казните ни праваго, ни виновнаго—не губите души христіанской».

В. Латкинъ.

Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе Сергѣя Бѣлокурова. Часть первая. Біографія Суханова. Съ 3 фототипическими снимками. Москва. 1892.

Благодаря прекрасному изслѣдованію г. Бѣлокурова, мы имѣемъ теперь обстоятельную и почти полную біографію Арсенія Суханова, одного изъ замѣчательныхъ людей XVII столѣтія, автора «Проскинитарія», два раза ѣздившаго на Востокъ и собравшаго драгоцѣнныя греческія рукописи, составляющія достояніе Московской Синодальной Библіотеки. Изслѣдованіе г. Бѣлокурова состоитъ изъ шести главъ.

Въ первой главѣ, авторъ обозрѣваетъ въ хронологическомъ порядкѣ всю существующую литературу о Сухановѣ, начиная съ предисловія къ служебнику 1655 года и кончая изданіемъ, профессоромъ Ивановскимъ, Арсеніева «Проскинитарія», и затѣмъ говоритъ объ источникахъ своего изслѣдованія и его планѣ. Глава эта, показывающая основательное знакомство г. Бѣлокурова съ литературой объ Арсеніи Сухановѣ, могла бы, однако, быть гораздо короче и много выиграла бы, если бы авторъ исключилъ изъ нея придирчивыя выходки противъ своихъ предшественниковъ.

Во второй главѣ излагается начальная жизнь Арсенія Суханова до путешествія на востокъ въ 1649 году, говорится о происхожденіи и родинѣ его, объ его жизни въ молодыхъ годахъ, архидіаконствѣ при патріархѣ Филаретѣ, книжныхъ занятіяхъ, нѣкоторомъ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ и объ изученіи имъ греческаго языка; объ его поѣздкѣ въ Грузію въ числѣ членовъ отправленнаго въ послѣднюю духовнаго посольства и о прохожденіи имъ должности строителя принадлежавшаго Троицкому Сергіеву монастырю московскаго Богоявленскаго монастыря. Не смотря на самые

старательные розыски, автору не удалось напасть на такого Суханова, который бы положительнымъ образомъ могъ быть принятъ за отца Арсеніева, но его основанное на извѣстныхъ данныхъ предположеніе, что отцомъ Арсенія былъ мелкій служилый человѣкъ изъ нынѣшней Тульской губерніи, по имени Путила Сухановъ, должно быть признано за весьма вѣроятное. О жизни Арсенія до его архидіаконства при патріархѣ Филаретѣ авторъ также не успѣлъ отыскать положительныхъ свѣдѣній; но его предположенія, что Сухановъ былъ сначала мірскимъ дьячкомъ, а потомъ принялъ монашество въ Коломенскомъ Голутвиномъ монастырѣ и предъ архидіаконствомъ у патріарха Филарета былъ іеродіакономъ московскаго Чудова монастыря, представляются столько же вѣроятными. Что Арсеній былъ когда-то у какого-то архіерея архидіакономъ, объ этомъ доказываютъ его подписи на принадлежавшихъ ему и сохранившихся до настоящаго времени книгахъ. Найденные г. Бѣлокуровымъ документы вполнѣ разъясняютъ вопросъ объ его архидіаконствѣ, именно, что онъ былъ недолгое время архидіакономъ при патріархѣ Филаретѣ въ послѣдній годъ его жизни. Памятникомъ книжныхъ занятій Суханова служатъ упомянутыя нами рукописи, которыя авторъ и обозрѣваетъ въ отношеніи ихъ содержанія. Подробно излагаемое авторомъ путешествіе Суханова въ Грузію является въ печати въ первый разъ: всѣ документы, касающіеся этого посольства, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго, открыты г. Бѣлокуровымъ. Говоря о строительствѣ Арсенія Суханова въ принадлежавшемъ Троицкому Сергіеву монастырю московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, авторъ, на основаніи найденныхъ имъ новыхъ документовъ, сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ и указываетъ тотъ промежутокъ времени, къ которому должно быть относимо назначеніе Арсенія въ его строители.

Въ главѣ третьей авторъ говоритъ о побужденіяхъ, которыя заставили московское правительство послать Арсенія Суханова на востокъ, и о задачахъ, которыя были ему при этомъ даны; объ его отправленіи изъ Москвы и путешествіи до Молдавіи съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ; объ его двукратномъ возвращеніи въ Москву изъ Молдо-Валахіи для государевыхъ дѣлъ и его преніяхъ о вѣрѣ съ греками, спутниками патріарха Паисія, происходившихъ во время его проживанія при патріархѣ Паисіи въ Торговищѣ. Когда авторъ, считающій побужденіемъ для посылки Арсенія Суханова на востокъ то обстоятельство, что въ Москвѣ измѣнили взглядъ на грековъ, оставивъ прежнее противъ нихъ предубѣжденіе, приписываетъ эту перемѣну взгляда на грековъ вліянію «Книги о вѣрѣ», которая издана была въ Москвѣ въ 1648 году, и которая настойчиво говоритъ о неповрежденности у грековъ православія, то можно съ нимъ спорить; относительно же всего остальнаго, фактическаго, слѣдуетъ сказать, что авторъ, при помощи архивныхъ документовъ, отчасти ставшихъ извѣстными прежде него, отчасти же имъ самимъ найденныхъ, приводитъ эту часть путешествія Суханова, бывшую дотолѣ весьма недостаточно извѣстною, въ совершенную ясность. Статейный списокъ Арсенія и его преніе съ греками о вѣрѣ, содержаніе котораго подробно передается авторомъ, не составляютъ его (автора) открытія, но ему мы обязаны ихъ напечатаніемъ.

Въ главѣ четвертой авторъ разсказываетъ о новомъ отправленіи Суханова въ путешествіе на востокъ (послѣ вторичнаго возвращенія въ Москву изъ Молдо-Валахіи), объ его остановкѣ въ Константинополѣ, его пути

изъ Константинополя на Александрію и о вопросахъ къ александрійскому патіарху, объ его семимѣсячномъ пребываніи въ Іерусалимѣ, возвращеніи назадъ сухимъ путемъ на Кавказъ и Астрахань; излагаетъ содержаніе представленнаго имъ правительству, по возвращеніи въ Москву, обстоятельнаго отчета, названнаго имъ «Проскинитаріемъ», и подвергаетъ своему разбору упреки, которые дѣлаются ему за «Проскинитарій». Относительно этой части путешествія Суханова автору не было нужды хлопотать объ открытіи матеріала, потому что весь матеріалъ содержится въ «Проскинитаріи». По этому послѣднему авторъ излагаетъ путешествіе обстоятельнымъ образомъ, причемъ, прекрасно изучивъ текстъ памятника, указываетъ, гдѣ слѣдуетъ, его неисправности въ печатныхъ изданіяхъ. Защита Суханова отъ упрековъ, которые дѣлаются ему за «Проскинитарій», должна быть признана доказательною и убѣдительною.

Въ главѣ пятой г. Бѣлокуровъ говоритъ о поѣздкѣ Арсенія Суханова въ 1653 — 1655 гг. на Аѳонъ за греческими рукописями. Здѣсь авторъ, во-первыхъ, обстоятельно излагаетъ исторію поѣздки, по найденнымъ имъ документамъ; во-вторыхъ, представляетъ полный списокъ рукописей, привезенныхъ Арсеніемъ съ Аѳона, на сколько этотъ списокъ можетъ быть возстановленъ въ настоящее время.

Въ главѣ шестой авторъ сообщаетъ объ остальной жизни Арсенія Суханова до его смерти, именно—о назначеніи его въ келари Троицкаго-Сергіева монастыря, о назначеніи его въ начальники печатнаго двора и о дѣятельности его въ этомъ послѣднемъ званіи, а также рѣшаетъ вопросъ о третьей поѣздкѣ Арсенія на востокъ за моделью іерусалимскаго храма Воскресенія. Что Арсеній былъ начальникомъ Печатнаго Двора, прежде вовсе не было извѣстно, и свѣдѣнія объ этомъ принадлежатъ нашему автору. Отрицаніе авторомъ третьей поѣздки Суханова на востокъ за моделью іерусалимскаго храма можно признать основательнымъ.

Отдавая г. Бѣлокурову справедливость за усердіе въ розысканіи матеріала, мы должны вмѣнить ему въ заслугу также и то, что онъ не только нашелъ матеріалъ, но и значительнѣйшую долю его напечаталъ (частію отдѣльно, прежде изданія разбираемой нами монографіи, частію въ приложеніи къ ней).

Изученіе архивовъ для отысканія матеріала объ Арсеніи Сухановѣ составляло для автора главное. Но онъ не ограничился только этимъ главнымъ, но въ равной мѣрѣ обратилъ вниманіе и на все другое, относящееся къ дѣлу. Списковъ «Проскинитарія» Арсеніева и его «Пренія» съ греками розыскана и сличена имъ цѣлая масса. Все печатное, такъ или иначе касающееся предмета изслѣдованія, прочтено или просмотрѣно и указывается съ библіографической полнотой. Е. Г.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. Москва. 1892.

Если, положившись на заглавіе, читатель вообразитъ, что, пріобрѣтая эту книгу почти въ 400 страницъ, онъ будетъ имѣть солидный томъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, то онъ сильно ошибется. Матеріаловъ въ строгомъ смыслѣ, т. е. новыхъ, никому до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ о Гоголѣ, въ книгѣ очень немного. Устные разсказы друга Го-

голя А. С. Данилевскаго, отрывки изъ дневника А. О. Смирноной (рожденной Россетъ), нѣсколько писемъ самого Гоголя и его матери, четыре документа, касающіеся жизни отца Гоголя, Василія Аѳанасьевича, отрывки изъ дневника одного изъ товарищей Гоголя о Нѣжинской гимназіи, вотъ и всѣ матеріалы въ книгѣ г. Шенрока, заключающіе maximum 30 стр. Остальныя 350 стр. представляютъ біографическій трудъ о Гоголѣ самого г. Шенрока, въ которомъ исчисленные матеріалы помѣщены частію въ текстѣ, частію въ приложеніи, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Слѣдовательно, не ими опредѣляется содержаніе книги г. Шенрока, что сознавалъ и самъ авторъ, снабдившій свою книгу «краткимъ обзоромъ литературы о Гоголѣ» и заявившій въ этомъ обзорѣ (стр. 22—23) о «настоятельной необходимости разобраться въ накопившемся о Гоголѣ матеріалѣ». Не задаваясь «самоувѣреннымъ притязаніемъ» привести въ исполненіе «намѣченную» очень нелегкую задачу, авторъ заявляетъ, что онъ беретъ на себя смѣлость «предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ». Далѣе онъ еще подробнѣе опредѣляетъ содержаніе своего труда, говоря, что цѣлью его было собрать и свести въ одно цѣлое, по возможности, весь накопившійся печатный матеріалъ о Гоголѣ, «высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ, и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ» и, наконецъ, «по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ». Очевидно, слѣдовательно, что передъ нами не просто «матеріалы» для біографіи Гоголя, а самостоятельный (въ какомъ смыслѣ и въ какой степени, это другой вопросъ) біографическій трудъ о Гоголѣ, или, вѣрнѣе сказать, начало такого труда, потому что, по заявленію автора, все сочиненіе его будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, содержаніе книги не соотвѣтствуетъ ея заглавію. А въ данномъ случаѣ это весьма важно, ибо приходится остановиться на вопросѣ: съ какими требованіями отнестись къ книгѣ г. Шенрока: какъ къ матеріаламъ только для біографіи Гоголя, или какъ къ біографіи Гоголя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ и оцѣнка разсматриваемой книги. Полагаю, что въ данномъ случаѣ всего правильнѣе будетъ, не останавливаясь на заглавіи книги, принять во вниманіе то опредѣленіе содержанія и цѣли книги, какое дано самимъ авторомъ, и отнестись къ ней съ тѣми же требованіями, какимъ должна удовлетворять всякая біографія. Вкратцѣ требованія эти можно формулировать такимъ образомъ: біографія должна отличаться хронологической и фактической достовѣрностью и должна дать ясное и опредѣленное представленіе объ основныхъ нравственныхъ свойствахъ той личности, чья біографія пишется.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что съ точки зрѣнія этихъ требованій въ книгѣ г. Шенрока оказывается не мало пробѣловъ. Къ хронологической и фактической достовѣрности своей книги авторъ отнесся такъ небрежно, что полагаться на его трудъ въ этомъ отношеніи не представляется возможнымъ. Въ доказательство этого укажемъ только на тѣ неточности, которыя допущены авторомъ въ вопросѣ о службѣ Гоголя и о знакомствѣ его со Смирновой.

По первому вопросу онъ принялъ во основаніе замѣтку о службѣ Гоголя, помѣщенную въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго универси-

тета» (вып. 1-й), но воспользовался ею очень своеобразно. Во всякой біографіи найдутся годы вполнѣ достовѣрные, окончательно установленные, которые, поэтому необходимо помнить и по нимъ, какъ по вѣхамъ, опредѣлять хронологію другихъ событій. И хотя въ вопросѣ о службѣ Гоголя у насъ еще не установлено окончательно время, съ котораго началось его служебное поприще, ибо въ этомъ случаѣ у насъ имѣется нѣсколько противорѣчивыхъ показаній, разобраться въ которыхъ довольно трудно; тѣмъ не менѣе и теперь уже есть факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію, ибо они удостовѣрены оффиціально. Къ числу ихъ принадлежатъ свѣдѣнія о службѣ Гоголя въ департаментѣ удѣловъ. Изъ выданнаго ему 25-го января 1832 года аттестата объ оставкѣ изъ этого департамента (помѣщеннаго въ «Сборникѣ студентовъ») мы знаемъ какъ время его поступленія въ департаментъ (10-го апрѣля 1830 года), такъ и время увольненія (9-го марта 1831 года). Между тѣмъ, г. Шенрокъ сообщаетъ (стр. 232), будто 9-го марта 1831 года (т. е. въ день своего увольненія) Гоголь получилъ въ департаментѣ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 года». Откуда взяты авторомъ эти неправдоподобныя хронологическія даты, — не понятно, ибо въ «Сборникѣ студентовъ», на который сдѣлана имъ ссылка, такихъ датъ нѣтъ. Да если-бъ и были, то для біографа Гоголя онѣ не могли бы быть обязательными, ибо извѣстно, что въ томъ же мартѣ 1831 года Гоголь поступилъ старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотическій институтъ и, слѣдовательно, не могъ уже оставаться на службѣ въ департаментѣ, да еще втеченіе почти цѣлаго года.

Еще рѣзче бросается въ глаза небрежность автора въ вопросѣ о знакомствѣ Гоголя съ А. О. Смирновой. Въ рѣшеніи его онъ основался на отрывкахъ изъ дневника Смирновой (стр. 319—324 и 327—328), не обративши вниманія на то, что, по его собственнымъ словамъ, въ дневникѣ «нѣсколько страницъ вырвано, годъ же выставлялся только въ началѣ, а далѣе мѣсяцы и числа бо́льшею частію не обозначены» (стр. 324). Ясно, что при такихъ условіяхъ дневникомъ надо пользоваться въ высшей степени осторожно, дополняя отсутствующія въ немъ хронологическія даты такими же датами изъ другихъ источниковъ. Тогда автору ясно было бы, что въ имѣвшихся въ его рукахъ отрывкахъ изъ дневника разсказывается о событіяхъ не одновременныхъ, а случившихся на пространствѣ трехъ лѣтъ и, слѣдовательно, пріурочивать ихъ къ одному 1830 году, какъ дѣлаетъ это авторъ, нельзя. Что касается до самаго вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой, то приведенное авторомъ мѣсто изъ дневника вовсе не подтверждаетъ мнѣнія, будто это знакомство состоялось въ 1830 году, какъ утверждаетъ г. Шенрокъ. Надо замѣтить, что вопросъ этотъ, не лишенный значенія и самъ по себѣ, интересенъ главнымъ образомъ по связи своей съ вопросомъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, ибо съ послѣднимъ Гоголь познакомился раньше, чѣмъ со Смирновой. Она сама разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ первый разъ Гоголь приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ, а это могло случиться только лѣтомъ 1831 года, такъ какъ именно въ это время Гоголь познакомился съ Пушкинымъ. До тѣхъ же поръ она только встрѣчала Гоголя въ обществѣ и знала его, какъ знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаются у знакомыхъ. О такой первой встрѣчѣ своей съ нимъ она разсказываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1830 годомъ. Но встрѣчу въ знакомомъ домѣ нельзя еще назвать знакомствомъ.

Я указалъ на самыя крупныя, существенныя хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока, пропуская нѣсколько болѣе мелкихъ. Если бы эти неточности проистекали отъ недостатка данныхъ и представляли поэтому трудно разрѣшимый вопросъ, то на нихъ и не для чего было бы останавливаться. Въ неразрѣшимыхъ вопросахъ всякій воленъ избирать тѣ данныя, которыя кажутся ему болѣе достовѣрными. Но хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока произошли не отъ затруднительности разрѣшить окончательно тотъ или другой хронологическій вопросъ, а отъ какой-то непонятной небрежности, которая обнаруживается не только въ данномъ отношеніи, а составляетъ характеристическую особенность всей его книги. Отъ этого многіе существенные въ жизни Гоголя вопросы остались у г. Шенрока безъ надлежащаго разъясненія или освѣщены невѣрно, какъ, напримѣръ, школьные годы Гоголя. И въ «Авторской исповѣди», и въ письмахъ своихъ Гоголь не разъ заявлялъ, что онъ не получилъ правильнаго воспитанія. Казалось бы, на эти заявленія Гоголя біографамъ его слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе и постараться разъяснить, что̀ именно въ воспитаніи Гоголя представлялось ему неудовлетворительнымъ, что разумѣлъ онъ подъ правильнымъ воспитаніемъ и чего, по его мнѣнію, не хватало ему въ его собственномъ воспитаніи. Вопросъ очень важный и очень трудный, который хоть нѣсколько сдѣлается для насъ яснымъ только тогда, когда мы подробно разсмотримъ тѣ условія, въ которыхъ Гоголь находился въ періодъ своего обученія въ Нѣжинской гимназіи. Въ этомъ отношеніи у насъ есть достаточно матеріала какъ въ письмахъ Гоголя, такъ и въ исторіи этой гимназіи, заключающей въ себѣ, кромѣ историческаго очерка самаго заведенія, воспоминанія ея учениковъ, ихъ біографіи, а также біографіи нѣкоторыхъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала. Если къ этому присоединить свѣдѣнія объ учебныхъ годахъ Гоголя, помѣщенныя въ «Запискахъ о жизни Гоголя» Кулиша и въ воспоминаніяхъ товарищей Гоголя, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, то окажется, что можно довольно обстоятельно разъяснить данный вопросъ. Но г. Шенрокъ почему-то мало воспользовался всѣми этими данными, и хотя въ его книгѣ школьнымъ годамъ Гоголя посвящено три главы, но изъ нихъ одна состоитъ изъ буквальной перепечатки цѣлыхъ страницъ изъ «Записокъ о жизни Гоголя» Кулиша и изъ статьи Кояловича: «Дѣтство и юность Гоголя»· помѣщенной въ «Московскомъ Сборникѣ» 1887 года, а другая передаетъ записанныя г. Шенрокомъ воспоминанія о школьной жизни Гоголя товарища его А. С. Данилевскаго. Къ этому авторъ прибавилъ отрывки изъ имѣющагося у него дневника другаго товарища Гоголя, фамиліи котораго онъ не назвалъ. Но ограничиться однимъ этимъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ невозможно. Необходимо с а м о с т о я т е л ь н о и в н и м а т е л ь н о разсмотрѣть этотъ періодъ въ жизни Гоголя и выяснить, на сколько возможно, в с ѣ тѣ условія, которыя вліяли какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ на нравственное и умственное его развитіе. Но этого-то авторъ и не сдѣлалъ, и потому нѣкоторыя весьма существенныя обстоятельства въ школьной жизни Гоголя совсѣмъ не разсмотрѣны авторомъ, какъ, напримѣръ, благотворное вліяніе на нѣжинскихъ учениковъ такихъ профессоровъ, какъ Бѣлоусовъ, Шапалинскій, Зингеръ, а также и вліяніе на нихъ тогдашней литературы и журналистики, съ которыми нѣжинскіе воспитанники были очень хорошо знакомы; нѣкоторыя же обстоятельства представлены и оцѣ-

нены авторомъ не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ, упустивъ изъ виду вліяніе на тогдашнихъ нѣжинскихъ воспитанниковъ лучшихъ профессоровъ и литературы, авторъ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію на развитіе Гоголя одного изъ товарищей его, Высоцкаго.

Съ другой стороны, имъ мало обращено вниманія на отрицательныя стороны въ жизни воспитавшаго Гоголя заведенія, напримѣръ, на такъ называемую «Нѣжинскую исторію», которая отразилась самымъ существеннымъ образомъ какъ на заведеніи, такъ и на нравственномъ развитіи тогдашнихъ его питомцевъ. Между тѣмъ, на этой исторіи, повлекшей за собою удаленіе изъ заведенія лучшихъ профессоровъ, на обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ и сопровождавшихъ, и на тѣхъ перемѣнахъ, которыя она произвела въ жизни заведенія, необходимо сосредоточить главное вниманіе, ибо исторія эта, несомнѣнно, отразилась въ высшей степени неблагопріятно на нравственномъ настроеніи тогдашнихъ нѣжинскихъ воспитанниковъ, а на Гоголѣ, можетъ быть, даже особенно.

Столь же неудовлетворительно разсмотрѣнъ авторомъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ жизни Гоголя—его первая поѣздка за границу въ 1829 году. Самъ Гоголь объясняетъ эту поѣздку (въ письмахъ къ матери) многими причинами: давно лелѣянными планами о заграничной поѣздкѣ, любовью къ неизвѣстной намъ особѣ, болѣзнью, вызванной суровымъ для Гоголя климатомъ сѣверной столицы. Авторъ отрицаетъ всѣ эти причины, стараясь, хотя и неудачно, доказать, что всѣ онѣ выдуманы Гоголемъ, что все это не болѣе, какъ искусные маневры съ его стороны передъ матерью и т. п. Такое недовѣріе возлагаетъ на него обязанность на мѣсто отвергнутыхъ показаній самого Гоголя указать какія нибудь другія причины. Но онъ этого не дѣлаетъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо никакихъ другихъ причинъ не было. Поэтому читатель остается въ полномъ недоумѣніи, что же вызвало такой поступокъ со стороны Гоголя? Наконецъ, и психологическій анализъ нравственныхъ свойствъ Гоголя на столько у автора неясенъ и неустойчивъ, что противорѣчія въ оцѣнкѣ этихъ свойствъ встрѣчаются у него довольно часто. Приписавъ, напримѣръ, Гоголю высокое о себѣ мнѣніе, авторъ тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, говоритъ о врожденной скромности (стр. 193), не обративъ вниманія на то, что эти качества взаимно исключаютъ другъ друга. Такими же противорѣчіями наполнено то, что говоритъ г. Шенрокъ объ отношеніяхъ Гоголя къ матери (стр. 109—123). Опредѣленнаго вывода о характерѣ этихъ отношеній онъ не дѣлаетъ: они оказываются въ одно и то же время и искренними, и неискренними. Ни на одномъ изъ этихъ выводовъ онъ не останавливается окончательно и сопровождаетъ каждый изъ нихъ такими оговорками, которыя въ довольно сильной степени ослабляютъ его значеніе. Ограничусь пока этими краткими замѣчаніями о книгѣ г. Шенрока. Уже изъ нихъ видно, что ее слѣдуетъ подвергнуть болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію, чего въ небольшой рецензіи сдѣлать нельзя. Поэтому, въ виду важности предмета, я надѣюсь представить вскорѣ такой разборъ книги г. Шенрока, съ указаніемъ всѣхъ заключающихся въ ней неточностей и противорѣчій.

Ф. Витбергъ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ за сезонъ 1890—91 годовъ. Спб. 1892.

Изданная Вольфомъ «Хроника Петербургскихъ театровъ» показала, въ какой мѣрѣ такого рода статистическій сводъ можетъ быть интересенъ и полезенъ для всѣхъ, занимающихся судьбами нашего театра. Книга эта сдѣлалась справочною для каждаго театрала, и будущему историку театра она послужитъ удобнымъ подспорьемъ въ его работѣ. Но книга Вольфа очень коротка, поверхностна и не безъ большаго количества ошибокъ. Первою попыткою сдѣлать въ этомъ отношеніи нѣчто болѣе подробное и вѣрное представляется вышедшій въ февралѣ нынѣшняго года «Ежегодникъ императорскихъ театровъ», составленный на основаніи точныхъ оффиціальныхъ данныхъ и обнимающій сезонъ 1890—91 годовъ. Здѣсь вы встрѣтите самую полную картину всего персонала всѣхъ императорскихъ театровъ Петербурга и Москвы, какъ артистовъ, такъ и оркестра и лицъ администраціи, причемъ всюду помѣчено, съ какого года каждый служитъ при дирекціи. Тутъ же приложенъ полный репертуаръ всѣхъ пьесъ, исполненныхъ на всѣхъ императорскихъ театрахъ: драматическихъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ), оперныхъ и балетныхъ, съ обозначеніемъ ихъ авторовъ, новыя ли пьесы, или повторенныя (прежнихъ сезоновъ), сколько разъ и когда именно играны. Обзоръ постепеннаго хода сезона сдѣланъ по рубрикамъ (по отдѣльнымъ театрамъ) и безъ всякаго критическаго разбора, только съ обозначеніемъ пьесъ и краткимъ изложеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя поставлены въ первый разъ. Кромѣ того, «Ежегодникъ» даетъ свѣдѣнія обо всѣхъ учрежденіяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи императорской дирекціи театровъ (о театральномъ училищѣ, центральной библіотекѣ, фотографіи и т. п.), а также объ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей, о филармоническомъ обществѣ и обществѣ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Къ книгѣ приложены некрологи, планы театровъ и т. п., и она роскошно украшена хорошо исполненными иллюстраціями въ количествѣ 177 рисунковъ. Они изображаютъ всѣ написанныя для новыхъ пьесъ въ обозрѣваемомъ сезонѣ новыя декораціи, портреты артистовъ (большинство въ костюмахъ), сцены изъ пьесъ и проч. Такимъ образомъ «Ежегодникъ» старается быть нагляднымъ отраженіемъ всей жизни нашихъ императорскихъ театровъ.

Чтобы показать, какіе интересные выводы можно сдѣлать изъ представленныхъ «Ежегодникомъ» данныхъ, прослѣдимъ, хотя поверхностно, одну работу русской драматической труппы за означенный сезонъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Петербургъ исполнялъ русскіе драматическіе спектакли на двухъ театрахъ (на Александринскомъ и Михайловскомъ), Москва—на одномъ (Маломъ). Петербургъ исполнилъ 248 спектаклей, Москва — 184. Стало быть, на каждыя три представленія Петербурга приходится только два спектакля московскихъ, иначе: Москва исполнила $^{2}/_{3}$ количества петербургскихъ представленій. То же видимъ мы на количествѣ исполненныхъ пьесъ. Петербургъ сыгралъ 62 большихъ и 43 одноактныхъ пьесы; Москва—всего 45 большихъ и 27 одноактныхъ. Между тѣмъ труппы, по количеству лицъ, какъ петербургская, такъ и московская, одинаковы. Въ Петербургѣ числилось 45 актрисъ и 43 актера, въ Москвѣ — 48 актрисъ и 42 актера. Ясно, что количество работы на петербургскую труппу легло значительно

большее, чѣмъ на московскую. И дѣйствительно, вглядываясь въ количество исполненій отдѣльныхъ актеровъ, мы видимъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни одного артиста, игравшаго 151 разъ, какъ игралъ въ Петербургѣ Варламовъ. Главная артистка Петербурга Савина играла 92 раза, тогда какъ Ермолова въ Москвѣ 88 разъ, Ѳедотова 59 разъ. Въ роляхъ старухъ петербургская Жулева играла 97 разъ, московская Медвѣдева 29 разъ. Далѣе въ Петербургѣ играли: Абаринова 97 разъ, Ильинская 87, Левкѣева 83, Ленская 58, Стрѣльская 107, Читау 52. Въ Москвѣ—Садовская 85 разъ, Васильева 77, Никулина 78 и т. д. Относительно главныхъ актеровъ (мужчинъ), кромѣ Варламова, работа московскихъ и петербургскихъ актеровъ количественно была почти одинакова: такъ въ Петербургѣ—Далматовъ 117 разъ, Сазоновъ 90, Свободинъ 91, Давыдовъ 96, Аполонскій 87, въ Москвѣ—Южинъ 120, Макшеевъ 108, Ленскій 98, Правдинъ 123, Музиль 88, Рябовъ 115, Садовскій 99, Горевъ 94. Но если мы взглянемъ на ихъ исполненія по количеству сыгранныхъ ролей, выйдетъ нѣчто иное: Далматовъ 27 ролей, Сазоновъ 19, Свободинъ 26, Давыдовъ 25, Аполонскій 28. Въ Москвѣ только Южинъ, Правдинъ и Рябовъ перешли 2-й десятокъ ролей (27, 29 и 23 роли), остальные всѣ менѣе 20-ти ролей: Ленскій 19 ролей, Макшеевъ 18, Музиль 18, Садовскій 19, Горевъ 17. Такимъ образомъ, хотя Аполонскій игралъ менѣе, чѣмъ Южинъ, но выучилъ больше ролей; Свободинъ и Давыдовъ играли меньше разъ, чѣмъ Макшеевъ, но выучили ролей болѣе его. Но самая крупная разница работы Петербурга отъ Москвы сказывается на вторыхъ актерахъ: такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ актеръ Ремизовъ сыгралъ 171 разъ (38 ролей), Шевченко 125 разъ (27 ролей), Шаповаленко 101 разъ (22 роли). Просматривая, какія именно роли играли тѣ и другіе артисты, мы замѣчаемъ, что актеры Ремизовъ, Шевченко и Панчинъ играли тѣ же роли, что и Давыдовъ, Варламовъ, Сазоновъ; стало быть, многія роли и въ главныхъ пьесахъ сезона передавались отъ первыхъ актеровъ труппы вторымъ. Явно изъ этого, что усиленная работа петербургской труппы вызывала какую-то трепетность и спѣшность во всемъ дѣлѣ. Съ другой стороны изъ приложенныхъ въ концѣ «Ежегодника» плановъ императорскихъ театровъ видно, что московскій Малый театръ значительно меньше по размѣрамъ петербургскихъ, не только Александринскаго, но и Михайловскаго (на одинъ и на два яруса вверхъ, на одинъ и два ряда въ глубину и на 6 и 10 креселъ въ ширину). Тѣмъ не менѣе, по приложеннымъ тутъ же цѣнамъ, полный сборъ Александринскаго театра (1,600 руб.) немного превышаетъ полный сборъ Малаго московскаго (1,300 руб.); стало быть, цѣны Александринскаго театра въ отдѣльности ниже цѣнъ московскаго Малаго. Изъ этихъ статистическихъ данныхъ дѣлаемъ слѣдующіе выводы. При условіяхъ сезона 1890—91 годовъ драматической труппѣ московскаго Малаго театра было гораздо легче работать, чѣмъ петербургской. Во-первыхъ, московская труппа работала болѣе спокойно, безъ спѣшки, безъ постоянной передачи ролей, и каждому отдѣльному актеру приходилось большее число разъ повторять одну и ту же роль; во-вторыхъ, московская труппа играла въ маленькомъ по объему театрѣ, въ которомъ не нужно такъ напрягать голосъ, какъ въ петербургскихъ; стало быть, и всѣ оттѣнки голоса и мимики могутъ быть исполнены легче и тоньше; въ-третьихъ, московская труппа играла передъ публикой болѣе интеллигентной, такъ какъ (относительно) высокія цѣны московскаго театра не допускаютъ частаго появленія въ

немъ бѣдныхъ слоевъ общества. Естественно, что при такихъ условіяхъ мы имѣемъ полное право ожидать, чтобъ московская труппа исполняла пьесы съ большимъ ансамблемъ, съ болѣе тонкой отдѣлкой, и критика, дѣлая оцѣнку представленіямъ той и другой труппы, будетъ менѣе ошибочна и безпристрастна, если заглянетъ сперва въ «Ежегодникъ» и выскажетъ свои сужденія, имѣя въ виду статистическія данныя.

Такого рода выводы очень характерны, и «Ежегодникъ» даетъ полную возможность сдѣлать ихъ по всѣмъ отраслямъ театральнаго дѣла императорскихъ театровъ.

Къ сожалѣнію, всѣ денежныя цифровыя данныя опущены въ «Ежегодникѣ». Онъ не представляетъ намъ никакихъ свѣдѣній о приходахъ и расходахъ императорскихъ театровъ, о сборахъ, о жалованіи служащимъ, о цѣнности постановокъ, о вознагражденіи авторамъ и музыкальнымъ композиторамъ. Вѣроятно, все это составляетъ до нѣкоторой степени секретъ дирекціи, опубликованіе котораго, въ виду жгучести вопроса и современности данныхъ, могло бы повлечь за собой какія нибудь неправильныя толкованія и непріятные конфликты. Мы желаемъ полнаго успѣха «Ежегоднику», конечно, если онъ будетъ выходить и впредь: одна ласточка еще весны не составляетъ. Было бы еще пріятнѣе, еслибъ «Ежегодникъ» расширилъ свою программу и, не ограничиваясь одними императорскими театрами, сдѣлался «Ежегодникомъ» всего театральнаго дѣла въ Россіи, въ родѣ таковыхъ же иностранныхъ французскихъ и нѣмецкихъ изданій. Конечно, если разработать это такъ же подробно для частныхъ театровъ, какъ сдѣлано для императорскихъ, это бы стоило очень дорого и сдѣлало бы «Ежегодникъ» мало доступнымъ по цѣнѣ; но хоть поверхностные обзоры дѣятельности частныхъ театровъ были бы очень желательны. В. К.

Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ выставки въ академіи художествъ. Спб. 1892.

Г. Булгаковъ уже шестой годъ продолжаетъ популяризировать наши художественныя выставки и художниковъ, издавая иллюстрированные каталоги картинъ, появляющихся на этихъ выставкахъ. Такъ какъ далеко не всѣ выставляемыя произведенія заслуживаютъ иллюстраціи, то г. Булгаковъ перешелъ отъ иллюстрированныхъ каталоговъ, издававшихся имъ въ былое время, къ альбомамъ, гдѣ собраны выдающіяся произведенія каждой выставки. Въ нынѣшнемъ году академическая выставка, не смотря на свое численное богатство, не представляетъ большаго интереса. Изъ всѣхъ ея номеровъ г. Булгаковъ выбралъ только тридцать семь произведеній, среди которыхъ мы находимъ имена К. Маковскаго, Виллевальде, Кившенко, Ковалевскаго, Сергѣева и др. Посмотрѣвъ этотъ альбомъ, посѣтителю легче оріентироваться на выставкѣ и найдти наиболѣе интересныя произведенія, не особенно развлекая своего вниманія массою слабыхъ вещей. Г. Булгаковъ принялъ теперь для своихъ альбомовъ очень удобный форматъ, отличающійся отъ формата его прежнихъ иллюстрированныхъ каталоговъ. Слѣдуетъ желать, чтобы ради единства цѣли онъ сохранилъ его и на будущее время. Снимки сдѣланы фотографическимъ образомъ и исполнены въ мастерской Вильборга, лучшей у насъ для подобныхъ работъ и достаточно

уже извѣстной. Изданіе г. Булгакова можетъ занять съ полнымъ правомъ мѣсто не только въ библіотекѣ любителя искусствъ, но въ любой гостинной, какъ кипсекъ. Вообще, по внѣшнему изяществу и по невысокой цѣнѣ, это изданіе, не уступающее любымъ заграничнымъ изданіямъ подобнаго рода, слѣдуетъ считать положительно лучшимъ въ Россіи. И. И.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Москва. 1892.

Бернгардъ Таннеръ, оставившій настоящія записки, чехъ по происхожденію, былъ въ Москвѣ лѣтомъ 1678 года. Прибылъ онъ сюда вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ и оставался три мѣсяца, втеченіе которыхъ могъ наблюдать московскую жизнь. Наблюдалъ онъ ее, впрочемъ, какъ это можно судить по запискамъ, мало и большую часть времени проводилъ въ нѣмецкой слободѣ, «у нѣмцевъ, съ коими онъ очень подружился» (стр. 69) и гостепріимство которыхъ очень цѣнилъ (стр. 70). Всѣ его наблюденія, относящіяся къ русской жизни, отличаются большой поверхностностью, носятъ слишкомъ случайный характеръ и ниже многихъ записокъ, оставленныхъ другими иностранцами. Помимо наблюдательности Таннера, здѣсь, конечно, не мало значенія имѣло еще то обстоятельство, что онъ оставался въ Москвѣ сравнительно недолго и, кромѣ того, не зналъ русскаго языка. Понятно, что при такихъ условіяхъ ему трудно было поглубже вглядѣться въ окружавшую его жизнь и сплошь и рядомъ приходилось ограничиваться тѣмъ, что сообщали ему поляки и его друзья изъ нѣмецкой слободы, иронически, а подчасъ и враждебно, относившіеся къ русскимъ. Впрочемъ, такого рода замѣтокъ, относящихся къ жизни русскихъ, у Таннера очень немного. Жаль, что г. Ивакинъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Какъ бы онѣ ни были поверхностны и пристрастны, но нѣкотораго вниманія заслуживаютъ, и было бы далеко не лишнимъ опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Г. Ивакинъ, однако, не счелъ нужнымъ сдѣлать этого. Онъ ограничился тѣмъ, что назвалъ Таннера «легкомысленнымъ иностранцемъ», все же свое вниманіе обратилъ на другую сторону записокъ Таонера—на чисто внѣшнее описаніе пути посольства отъ предѣловъ Польши до Москвы, описаніе посольскаго въѣзда, подворья, пріема пословъ царемъ, города Москвы, впечатлѣнія, какое производили переговоры съ боярами на самихъ пословъ и ихъ свиту, и проѣзда пословъ. Всѣ эти свѣдѣнія на столько точно сообщаются Таннеромъ, что положительно устраняется всякая необходимость ихъ провѣрки.

Въ приложеніи къ книгѣ г. Ивакинъ помѣстилъ описанія города Москвы, извлеченныя имъ изъ записокъ всѣхъ иноземцевъ, оставившихъ свои замѣтки объ этомъ городѣ, и нѣсколько довольно любопытныхъ документовъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ, относящихся къ пребыванію въ Москвѣ того же польскаго посольства. Книжка иллюстрирована пятью фототипіями. В. Б.

Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Ольгерда Вильчинскаго. Спб. 1892.

Русскую исторію обыкновенно начинаютъ со временъ призванія варяговъ. Между тѣмъ, начало Руси ведется значительно ранѣе. Записки арабскихъ, греческихъ и римскихъ писателей представляютъ намъ время до Рюрика далеко не такимъ дикимъ и ничтожнымъ, какимъ его рисуетъ нашъ монахъ-лѣтописецъ и повѣрившіе ему историки Шлецеро-Карамзинской школы. Прежде чѣмъ появиться на исторической сценѣ славянамъ и Руси подъ собственными именами, наши предки играли уже значительную роль подъ именами скиѳовъ, сарматовъ, венедовъ, антовъ, аланъ, роксоланъ и т. д. Продолжительное существованіе этихъ племенъ далеко небезъинтересно, тѣмъ болѣе, когда принято думать, что только съ усиленіемъ варяго-византійскаго элемента славяне начали цивилизоваться и крѣпнуть. Позднѣйшія изслѣдованія о началѣ Руси гг. Забѣлина, Иловайскаго и друг. ученыхъ убѣждаютъ насъ въ могуществѣ до-Рюриковскаго и до-христіанскаго періода русской исторіи, значительно помогая опредѣлить будущую роль и вліяніе на насъ Византіи и татарщины. Брошюра г. Вильчинскаго, составленная по курганнымъ изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ и сочиненіямъ мусульманскихъ и римскихъ писателей, посвящена тому же любопытному предмету. Автору ея, однако, недостаетъ талантливаго изложенія и умѣнья возстановить по извлеченіямъ картину прошлаго во всѣхъ ея существенныхъ подробностяхъ, съ необходимымъ толкованіемъ и освѣщеніемъ. Изъ брошюры мы узнаемъ, что главныя племена до-Рюрика были руссы длинно-головаго типа и славяне коротко-головаго типа; они то торговали, то воевали съ Византіей и отдаленнымъ востокомъ; придерживались жестокихъ обычаевъ при погребеніи умершихъ, и первые рюриковичи описаны такими, какими мы найдемъ ихъ въ любомъ дешевенькомъ учебникѣ... Между тѣмъ, въ брошюрѣ ничего не сказано о времени, когда еще славяне-русь не появлялись въ исторіи подъ собственнымъ именемъ; равно забытъ и вопросъ о томъ, кто были варяги-русь и какъ онъ рѣшается нашими учеными. Ничего не сказано также о формахъ общежитія нашихъ предковъ и имѣющихся объ этомъ теорій: родоваго быта (С. Соловьева, Кавелина, Чичерина, Забѣлина и др.), общиннаго (Бѣляевъ, К. Аксаковъ, Лешковъ и др.), задружно-общиннаго (К. Бестужевъ-Рюминъ, Леонтовичъ). и, наконецъ, одновременнаго существованія различныхъ соціальныхъ формъ въ бытѣ славянъ (Затыркевичъ и др).

Но, при всей неполнотѣ брошюры г. Вильчинскаго и безпорядочнаго ея изложенія, она прочтется не безъ пользы тѣми, кто мало знакомъ съ языческими временами русской исторіи и хотѣлъ бы болѣе научно представить себѣ значеніе послѣдующихъ порядковъ въ христіанской Руси.

А. Фаресовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Чѣмъ кончили 387 цареубійцъ Людовика XVI.—Роялистская печать въ періодъ французской революціи.—Изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье.

ЧѢМЪ КОНЧИЛИ 387 цареубійцъ Людовика XVI. Во Франціи поднятъ вопросъ о праздновании въ будущемъ году 21-го января 1793 г. столѣтія казни Людовика XVI. По этому поводу Эдгаръ Бурлотонъ напечаталъ въ «Correspondant» двѣ статьи о цареубійцахъ, т. е. о тѣхъ 300—400 членахъ конвента, которые голосовали смерть несчастному королю Франціи. Небезъинтересно узнать, что сталось съ этими господами.

Самый приговоръ королю состоялся вотъ при какихъ условіяхъ. Въ четвергъ 17-го января 1793 года, въ 7 часовъ вечера, послѣ засѣданія, длившагося 24 часа, президентъ конвента Верньо провозгласилъ результатъ голосованія о «казни Людовика Капета». Изъ 721 подававшихъ голоса, причемъ абсолютное большинство составляли 361 голосъ, 366 высказались за казнь. Съ слѣдующаго дня явились многочисленныя поправки къ протоколу, имѣвшія въ виду усилить это слабое большинство всего пяти голосовъ. Со всякими натяжками насчитали еще 26 депутатовъ, высказавшихся за смерть короля условно. Чѣмъ же кончили эти 387 цареубійцъ?

Лепеллетье-Сенъ-Фаржо умеръ первымъ, убитый 20-го января 1793 года парижской кордегардіей. Рука убійцы сразила Марата нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Затѣмъ начались присужденія къ смертной казни цареубійцъ такими же цареубійцами. Такимъ образомъ погибли жирондисты. 3-го сентября 1793 года застрѣлился Лидонъ (де-ла Коррезе), объявленный внѣ закона. 31-го октября гильотина отсѣкла голову Верньо и его друзьямъ, въ томъ числѣ Фонфреду 33 лѣтъ и 28-лѣтнему Дюко; Барбару 27 лѣтъ былъ захваченъ нѣсколько позднѣе въ Сентъ-Эмильонѣ (въ Жирондѣ), вмѣстѣ съ

Гаде. Трупы Бюзо и Петіона найдены были съ лицами, на половину объѣденными волками. Нѣкоторое время спустя, въ Марселѣ жирондисту Ребеккѣ пришлось съ горя броситься въ море. Затѣмъ идутъ эбертисты и дантонисты вперемежку (не преминувъ по дорогѣ захватить съ собою Филиппа Égalité). Анахарсисъ Клоотцъ, Шабо, Фабръ д'Эглантинъ, Дантонъ, Камиллъ Демуленъ и др. въ свою очередь присуждены были къ гильотинѣ... За ними послѣдовали Робеспьеръ и робеспьеристы во время термидора... Между прочимъ, англичане покончили съ двумя цареубійцами: Байлемъ въ Тулонѣ и Бове де-Прео въ Монпелье... Апрѣльскіе и майскіе мятежи и сособытія стоили жизни цареубійцѣ Феро (изъ департамента Верхнихъ Пиренеевъ); «послѣдніе монтаньяры»: Бурботтъ, Дюкенуа, Дюруа, Роммъ, Субрэни, Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ, подверглись изгнанію.

Во время 18-го брюмера во Франціи оставалось еще 307 цареубійцъ. Большинство сошедшихъ со сцены погибло въ междоусобицахъ; нѣкоторые изъ нихъ сражены были вражеской рукой, какъ, напримѣръ, Фабръ, павшій въ битвѣ съ испанцами, и Бонье д'Арко, одинъ изъ полномочныхъ министровъ, убитыхъ въ Раштадтѣ. Оба были представителями департамента Геро, куда относились также Камбонъ и Камбасересъ. Человѣкъ сто цареубійцъ вернулись къ домашнему очагу или же удалились изъ Франціи. Около двухъ сотъ остальныхъ (изъ 387), за исключеніемъ четырехъ-пяти, присоединились къ консульству. Исключеніе составляли: Шедано (изъ Шаранты), Гей де Вернонъ (изъ Haute Vienne), Лекуэнтръ (изъ Версаля), Мишо (изъ Дуба), Ларевельеръ-Лепо (изъ Maine-et-Loire).

Императорское правительство навербовало для придворной аристократіи изъ цареубійцъ одного герцога (Фуше—герцога Отрантскаго), десять графовъ, пятнадцать бароновъ и одиннадцать кавалеровъ. Въ періодъ 1805—1815 годовъ смерть сразила 101 цареубійцу на занятыхъ ими «мѣстахъ». Что собственно представляли собою эти «мѣста»? Ни одно изъ нихъ не являло жирной синекуры. Само собой разумѣется, что сенатъ, законодательный корпусъ, префектуры, главныя казначейства пріютили къ себѣ важныхъ перебѣжчиковъ. Но сколько было несчастныхъ, удрученныхъ нищетой, которые, во избѣжаніе голодной смерти для себя и для своего семейства, вынуждены были принимать, или даже искать, скромныхъ должностей въ родѣ сборщиковъ податей, чиновниковъ въ магистратурѣ, на почтѣ, въ Mont de Piété. Бурлотонъ относится къ нимъ съ большою строгостью, охотно иронизируя и негодуя по ихъ адресу. Фуше и ему подобные, какъ люди печальной извѣстности, вполнѣ того заслуживали. Но остальные, люди темные въ дѣлѣ предательства, дѣйствительно вызываютъ къ себѣ одно презрѣніе со стороны исторіи.

Вторая реставрація наказала нѣкоторыхъ изъ членовъ конвента, заявившихъ себя несвоевременнымъ усердіемъ въ пользу Наполеона, втеченіе Ста Дней. Въ 1815 году палата усугубила королевскую строгость закономъ де-ла Бурдонне, подъ названіемъ: «Проектъ амнистіи». Коммиссія дополнила этотъ законъ параграфомъ, навсегда изгонявшимъ «цареубійцъ, втеченіе Ста Дней принявшихъ какое либо назначеніе или подписавшихъ дополнительный актъ въ маѣ 1815 года». Словомъ, суровые роялисты 1815 года, очевидно, считали смертный приговоръ Людовика XVI меньшимъ преступленіемъ, нежели близкія сношенія съ правительствомъ Ста Дней. Изъ числа 189 цареубійцъ, существовавшихъ тогда, 38 человѣкъ не занимали никакой

должности въ періодъ времени между возвращеніемъ съ острова Эльбы и Ватерлоо. Нѣкоторые изъ этихъ 38 благоразумно порѣшили удалиться, и они отчасти были правы, ибо чрезмѣрно усердные префекты тревожили ихъ вполнѣ беззаконно. Камбасересъ, не смотря на то, что голосъ его за смерть короля не оказался въ числѣ большинства, 17-го марта 1793 года благоразумно добрался до Бельгіи. Онъ поселился въ отелѣ «Веллингтонъ», въ ожиданіи лучшихъ дней, которые наступили очень скоро. Впрочемъ, онъ могъ широко жить, ибо ежедневно платилъ по 100 франковъ за свою квартиру и за столъ. Однимъ изъ 38 цареубійцъ, не подлежавшихъ высылкѣ, былъ Баррасъ жившій на свою пенсію, претерпѣвшій предварительно неоднократныя преслѣдованія и изгнанія во время имперіи (онъ виновникъ удачи Наполеона!). Кромѣ того, былъ еще одинъ странный маркизъ Мальи де Шаторено (изъ Верхней Соны), умершій въ 1819 году, слабоумнымъ, 77 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя 21 законнаго ребенка, и «еще болѣе того незаконныхъ дѣтей». Состояніе его слабоумія было констатировано.

Цареубійцы, сокращенные въ числѣ своемъ голодомъ, изгнаніемъ, горемъ,—нѣкоторые, быть можетъ, дѣйствительно уступая непритворному раскаянію, — взяли обратно свои голоса о «преступной измѣнѣ», какъ они сами выражались. Такимъ образомъ, между прочимъ, они понуждались къ отмѣнѣ постановленія 21-го января. И изъ ихъ декларацій съумѣли извлечь выгоду. Такъ, ла-Примодьеръ (изъ Сарты), за пять дней до своей кончины, передалъ «актъ объ отреченіи» своему духовнику. Мѣсяцъ спустя «Gazette de France» напечатала у себя этотъ актъ. Дочь ла-Примодьера протестовала противъ подобнаго нарушенія тайны исповѣди, и священника подвергли наказанію. Дѣло заключалось въ желаніи понудить этихъ людей удаляться въ изгнаніе безотлагательно, не взирая на снѣдавшіе ихъ недуги. Такъ, напримѣръ, поступлено было съ Вине (изъ департамента Нижней Шаранты), котораго приняли, наконецъ, въ больницу de Blaye, гдѣ онъ подписалъ актъ объ отреченіи. То же самое было съ Дегруа (изъ Орнскаго департамента), страдавшимъ слѣпотой и, согласно свидѣтельству врачей, «покрытымъ неизлечимыми недугами». Въ виду замедленія его отъѣзда орнскій префектъ (Бурлотонъ почему-то обозначаетъ его только иниціаломъ: виконтъ де-Р....) приказалъ отвести его въ тюрьму, какъ ослушника. За его постель ежедневно взимали по десяти франковъ. Вскорѣ онъ впалъ въ состояніе спячки и умеръ 17-го апрѣля. Орнскому префекту было выражено оффиціальное «порицаніе». Извѣстное число цареубійцъ отправилось въ Соединенные Штаты, какъ, напримѣръ, Лаканаль, Бернаръ, Пеньеръ. Нѣкоторымъ правительство оказало пособіе, снабдивъ ихъ нѣсколькими сотнями франковъ и давъ возможность умереть въ Бельгіи, какъ, напримѣръ, Саворнэну.

Начиная съ 1818 года амнистіи давались уже королемъ, въ большинствѣ случаевъ, благодаря великодушнымъ настояніямъ графа Буасси д'Англа, бывшаго члена конвента, сдѣлавшагося пэромъ Франціи. 21 цареубійца не могли или же не хотѣли вернуться. Но нѣкоторымъ въ изгнаніи жилось совсѣмъ не такъ тяжко, какъ большинству остальныхъ; таковы: Сіейесъ и живописецъ Давидъ, удалившіеся въ Брюссель, графъ Тибодо, проживавшій въ Австріи. Единственному цареубійцѣ удалось остаться во Франціи и скрываться: это былъ Друэ, почтмейстеръ изъ Сентъ-Менегульды, заарестовавшій короля и его семейство въ Вареннѣ. Но о судьбѣ его въ «Ист. Вѣстникѣ» уже было разсказано подробно.

Въ итогѣ, согласно расчету самого Бурлотона, 32 цареубійца взошли на эшафотъ, 23 были разстрѣляны, задушены, убиты, повѣшены или покончили съ собою самоубійствомъ; 67 погибли въ изгнаніи, а «жизнь большинства остальныхъ завершилась страшными страданіями физическими и бѣдностью»...

— Роялистская печать въ періодъ французской революціи. Французскій депутатъ и сотрудникъ «République Française» Густавъ Изанберъ напечаталъ весьма любопытные этюды о литературѣ и печати въ періодъ французской революціи. Обыкновенно думаютъ, что революціонная печать разнузданностью и дикостью своего языка много содѣйствовала обостренію антагогизма и кровавымъ столкновеніямъ. Изаньеръ документально доказываетъ, что роялистская, такъ называемая, благомыслящая пресса въ этомъ отношеніи нисколько не уступала революціоннымъ органамъ. И органовъ антиреволюціонеровъ было не мало. Таковы: «Ami du Roi», «Journal de la Cour et de la Ville», листокъ »A deux liards», «Petit Journal» и др. Рѣзкостью языка особенно отличался послѣдній изъ названныхъ. Однажды онъ обѣщалъ даже хорошую награду тому, кто выдастъ союзнымъ державамъ, дѣйствовавшимъ противъ Франціи, точный списокъ всѣхъ членовъ національнаго собранія, чтобы не могло произойдти никакихъ недоразумѣній, когда имъ выпадетъ честь быть повѣшенными. По другому поводу тамъ съ радостью объявлялось о появленіи во Франціи иноземныхъ войскъ. «A deux liards» писалъ: «три съ половиною четверти народа ждетъ съ такимъ же великимъ нетерпѣніемъ, какъ и аристократы, вступленія иностранныхъ войскъ и эмигрантовъ». Въ то время, когда національное чувство было сильно возбуждено, подобныя угрозы иноземщиной должны были дѣйствовать особенно удручающе и имѣть роковыя послѣдствія. Другія газеты писали въ тонѣ болѣе умѣренномъ, но оставались на той же точкѣ зрѣнія. Таковы: «Gazette de Paris», «Gazette universelle», «Feuille du Jour», «Courrier français», «Journal de Louis XVI et de son Peuple» и пр. Столь же многочисленны, возбудительны и рѣзки были неперіодическія изданія, брошюры, памфлеты.

Однимъ изъ самыхъ яростныхъ листковъ былъ «Journal de M. Suleau», издатель котораго Сюло много писалъ въ Кобленцѣ (гдѣ проживали роялистскіе эмигранты изъ Франціи) и печаталъ въ Нейвидѣ. Однажды онъ нанаписалъ слѣдующее о національномъ собраніи: «Покойный Мирабо, проклятой памяти, сказалъ однажды, что въ государствѣ есть только взяточники, нищіе и воры. Какъ видите, онъ былъ достаточно лукавъ, чтобы обойти молчаніемъ національное собраніе, ибо иначе въ этотъ перечень попали бы и глупцы, плуты, разбойники и убійцы, и никто бы не осмѣлился его назвать лгуномъ, такъ какъ при малѣйшемъ шумѣ, при малѣйшемъ знакѣ неудовольствія, онъ обратился бы къ любой сторонѣ и воскликнулъ бы: «Кто считаетъ себя оклеветаннымъ, можетъ заявить о семъ, и если его не изобличу, то я самъ окажусь честнымъ человѣкомъ?» Подобно Мирабо, позорился и Лафайэтъ, но всѣхъ больше доставалось Филиппу Égalité, котораго называли «безстыжимъ сводникомъ, хуже Равальяка» (убійцы Генриха IV). Отъ выясненія подобныхъ пріемовъ «благомыслящей» печати становятся болѣе понятными и многія крайности противниковъ роялистовъ.

— Изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье. Въ «Nouvelle Revue» появились извлеченія изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье (род. 1767 г., † 1862 г.), великомъ канцлерѣ Франціи при Луи-Филиппѣ, которыя приготовляются

къ печати бывшимъ его секретаремъ Габріелемъ Бонне, подъ заглавіемъ «Souvenirs d'un ex-ténorino». Эти извлеченія относятся къ послѣднимъ годамъ герцога Пакье, тогда уже почти ослѣпшаго и совершенно глухаго. Обязанности Бонне состояли въ слѣдующемъ: 1) онъ долженъ былъ по утрамъ писать и отправлять въ типографію меню обѣда на каждый день, составленное главнымъ поваромъ и исправленное самимъ герцогомъ; 2) онъ обязанъ былъ пробѣгать брошюры, газеты, отчеты о засѣданіяхъ французской академіи, къ которой принадлежалъ герцогъ, какъ одинъ изъ сорока «безсмертныхъ», отчеты ученыхъ обществъ, чтобъ реферировать о нихъ герцогу раньше, чѣмъ онъ отправлялся на прогулку въ каретѣ въ Елисейскія поля, послѣ завтрака; 3) въ тѣ дни, когда герцогъ чувствовалъ себя въ духѣ работать, Бонне долженъ былъ писать подъ диктовку, въ формѣ замѣтокъ, или какія либо личныя воспоминанія, или же размышленія по поводу текущихъ событій; 4) секретарь обязывался распредѣлять помощь деньгами и порціями хлѣба бѣднымъ квартала, которые являлись въ контору герцога. «Эта обязанность,—поясняетъ Бонне, — была тѣмъ менѣе тягостна, что въ кварталѣ Madeleine не обрѣталось бѣдныхъ, а бѣднякамъ другихъ кварталовъ безжалостно отказывалось».

Бонне такъ характеризуетъ своего патрона: «Это былъ поистинѣ недюжинный человѣкъ, этотъ почти 90-лѣтній старецъ, высокаго роста, нисколько не согбенный, исхудалый, съ величавыми движеніями, съ манерами царственными! Бывшій совѣтникомъ въ парламентѣ при Людовикѣ XVI, онъ остался какъ бы отраженіемъ конца XVIII столѣтія, когда всѣ должны были вырости, чтобъ стоять во главѣ событій. Отъ этой пылкой эпохи у него сохранилась политическая страсть, твердость характера (не скажу, убѣжденій), широта взглядовъ, вольтеріанская терпимость и любезное обхожденіе подъ видомъ дипломатической суровости. Революція 1848 года удалила его отъ дѣлъ послѣ 60 лѣтъ непрерывныхъ трудовъ. Будучи поочередно членомъ государственнаго совѣта, министромъ, хранителемъ печати и, наконецъ, президентомъ палаты пэровъ, никогда еще сановникъ не подвергался больше, чѣмъ онъ, сарказмамъ, критикѣ, сатирѣ, нападкамъ въ каррикатурахъ, но ничто не могло смутить его бодрости, ослабить въ немъ духъ либерализма. Я не знаю, упоминается ли въ исторіи хоть объ одномъ преслѣдованіи, которое было бы возбуждено имъ противъ его клеветниковъ, когда онъ находился у власти».

Изъ анекдотовъ, приводимыхъ Бонне, любопытны совѣщанія герцога съ своимъ поваромъ. Главный поваръ его былъ кулинарной знаменитостью той эпохи. Раньше онъ служилъ у герцога Орлеанскаго, а затѣмъ, послѣ трагической смерти герцога, поступилъ на службу къ русскому императору. Герцогъ Пакье соблазнилъ его блестящими условіями, и поваръ покинулъ Петербургъ, чтобъ стать во главѣ кухни президента палаты пэровъ,—кухни, которая уже пользовалась почтенной репутаціей. Жалованье поваръ получалъ министерское. Онъ имѣлъ въ годъ отъ 60 до 80 тысячъ франковъ, считая вмѣстѣ съ доходами отъ покупки припасовъ и винъ, которыя онъ былъ обязанъ самъ поставлять къ столу своего богатаго барина.

Почти ежедневно у герцога обѣдали по 15—18 гостей, причемъ, кромѣ его бывшихъ коллегъ и друзей, тутъ перебывали всѣ политическія знаменитости, пріѣзжавшія въ то время въ Парижъ. Престарѣлый герцогъ съ лицомъ аскета и съ манерами старинныхъ придворныхъ умѣлъ всѣхъ очаровать своимъ остроуміемъ и любезностью.

Какъ либералъ стариннаго покроя, герцогъ ненавидѣлъ императора Наполеона III. По поводу этой ненависти Бонне разсказываетъ забавный случай. Когда родился сынъ у императора, нѣкоторымъ изъ придворныхъ и усердныхъ сановниковъ пришло на мысль поднести будущему наслѣднику престола подарокъ по національной подпискѣ. Собиралось по 5—25 сантимовъ. Въ одинъ прекрасный день подали и герцогу Пакье подписной листъ. Когда секретарь объявилъ ему, въ чемъ дѣло, герцогъ сперва отвѣтилъ ему: «не дамъ ничего!». Секретарь замѣтилъ герцогу, что вѣдь опять явятся къ нему съ тѣмъ же. Эта настойчивость разгнѣвала герцога. «Ну, хорошо!—сказалъ онъ:—дайте имъ одинъ су и пусть убираются!». Требовалось подписаться на листѣ. Но ужъ отъ этого герцогъ отказался рѣшительно. Сборщики попросили Бонне поставить свое имя вмѣсто герцога. Послѣдній этого не дозволилъ секретарю.

— Однако-жъ,—сказалъ Бонне герцогу Пакье,—надо же обозначить какую нибудь подпись, безъ этого они не уйдутъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите Жозефу, чтобъ онъ позвалъ кучера подписаться.

— Тома не умѣетъ писать.

— Тѣмъ лучше, онъ поставитъ крестъ.

Бонне спросилъ сборщиковъ, согласятся ли они на то, чтобъ кто нибудь изъ слугъ герцога подписался на сборномъ листѣ? «Вотъ все, на что соглашается герцогъ».

— Пусть подписывается кто хочетъ, только надо же покончить съ этимъ,—отвѣтили секретарю.

Секретарь позвонилъ камердинера:

— Скажите Тома, чтобъ онъ пришелъ немедля, такъ, какъ онъ одѣтъ; эти господа не могутъ ждать.

Явился Тома... въ конюшенномъ туалетѣ.

— Канцлеръ проситъ васъ подписаться на этомъ листѣ. Этотъ господинъ покажетъ вамъ мѣсто.

— Но вѣдь я же не умѣю писать,—возразилъ кучеръ.—Господинъ канцлеръ знаетъ это уже тридцать лѣтъ.

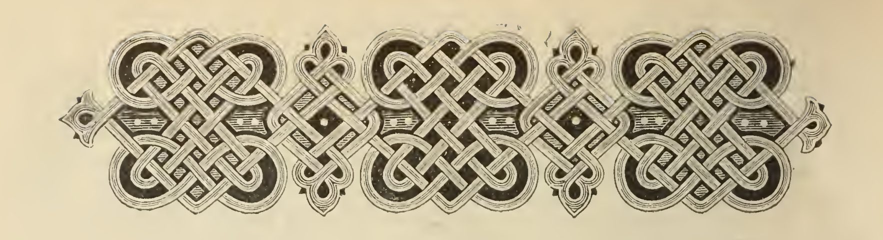
— Да, но онъ сказалъ, чтобъ вы сдѣлали крестъ.

— А, это я могу.

Кучеръ употребилъ на это пять добрыхъ минутъ и затѣмъ показалъ сдѣланный имъ крестъ секретарю. Тома взялъ черезчуръ много чернилъ, и крестъ вышелъ толстый и жирный.

Для герцога Пакье это забавное участіе кучера въ данномъ случаѣ, этотъ крестъ вмѣсто подписи, этотъ кляксъ, представлялись самой настоящей оппозиціей. Но вторая имперія едва ли и потерпѣла бы инаго сорта оппозицію.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Попытки сближенія Франціи съ Россіею передъ Крымской войною. — Братъ Наполеона III въ роли посланника и русофила. — Исторія византійскаго искусства въ миніатюрахъ.—Книга о Сибири, написанная въ опроверженіе сочиненія Кеннана.—Мемуары маршала Макдональда.—Словарь современниковъ Ваперо.—Оракулы Нострадамуса.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ архивы въ наше время перестаютъ облекаться въ непроницаемую, будто бы государственную, тайну и дѣлаются доступны для всякаго серьезнаго изслѣдователя международныхъ отношеній, хотя бы эти отношенія не только скрѣпляли дружественныя связи между державами, но и вели къ разрыву между ними. Почти въ то же время, когда г. Татищевъ, въ нашемъ журналѣ, набрасывалъ картину нашихъ дипломатическихъ переговоровъ съ Портою передъ началомъ Крымской войны, Тувенель, авторъ книгъ «Греція и король Оттонъ» и «Секретъ императора», издалъ въ Парижѣ книгу «Николай I и Наполеонъ III, предварительные переговоры передъ Крымской войною» (Nicolas I et Napoleon III, les préliminaires de la guerre de Crimée). Книга составлена по неизданнымъ бумагамъ Эдуарда-Антонія Тувенеля, дипломата временъ второй имперіи, умершаго въ 1868 году. Въ этихъ любопытныхъ документахъ, не смотря на вспыхнувшую вслѣдъ затѣмъ войну, замѣтно стремленіе двухъ народовъ къ болѣе тѣсному сближенію, которое и произошло бы еще сорокъ лѣтъ назадъ, если бы Наполеону III не была нужна война для укрѣпленія власти, захваченной вслѣдствіе насильственнаго переворота. И хотя Тувенель далеко не на сторонѣ этого сближенія и даже предостерегаетъ французовъ отъ увлеченія этой идеею, но народныя симпатіи невольно проглядываютъ почти во всѣхъ документахъ, относящихся къ этимъ переговорамъ. Самъ Луи-Наполеонъ склонялся на сторону Англіи, какъ и Персиньи, но другіе приверженцы его, какъ Морни, стояли за союзъ съ Россіей, властитель которой сочувствовалъ подавленію всякихъ возстаній

и республикъ. Архивъ англійскаго Foreign office еще строго закрытъ для публики, и потому Тувенель не приводитъ официальной переписки министровъ и посланниковъ, но пользуется ихъ частными письмами, проще и яснѣе рисующими ходъ дѣла, хотя и называющими лицъ своими именами, а не дипломатическими титулами. Такъ маркизъ Лавалетъ пишетъ къ Тувенелю объ англійскомъ повѣренномъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ: «это животное, полковникъ Розе». Занимая постъ французскаго посланника въ Турціи, Тувенель имѣлъ возможность близко слѣдить за всѣми переговорами, предшествовавшими Крымской войнѣ, и велъ дѣятельную кореспонденцію съ министромъ Друэнъ-де-Люисомъ, генераломъ Бараге д'Илье, Кастельбажакомъ, посланникомъ въ Петербургѣ, и др. Послѣдній особенно относился съ недовѣріемъ къ союзникамъ Франціи, англичанамъ, и симпатично къ ея врагамъ, русскимъ. Черезъ его руки прошли всѣ документы, окончившіеся войною, но въ нихъ видно столько сожалѣнія о разрывѣ и столько надеждъ на лучшее будущее, что этого генерала смѣло можно назвать предтечею союза. Изъ его депеши видно, что всѣ событія того времени были слѣдствіемъ недоразумѣній, неожиданностей, роковыхъ случайностей. До послѣдней минуты надѣялись, что дѣло уладится, а когда война вспыхнула, расчитывали какъ можно скорѣе покончить съ нею. Только явная ненависть Англіи къ Россіи и скрытая недоброжелательность Австріи и Пруссіи раздували распрю, которую такъ легко можно было потушить вначалѣ. Никто не предполагалъ, чтобы вопросъ о святыхъ мѣстахъ, возникшій изъ спора монаховъ о ключахъ церквей, то-есть о правѣ служить обѣдню, могъ повести къ гибели стольких тысячъ людей въ Крыму. Возбудившіе этотъ вопросъ не понимали, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ онъ можетъ привести. Тувенель объясняетъ это въ своей книгѣ. Вопросъ этотъ, интересующій только духовныхъ лицъ, всегда существовалъ въ Палестинѣ, существуетъ и теперь. Луи-Наполеону нужно было пріобрѣсти расположеніе епископовъ и ультрамонтановъ, и онъ отправилъ къ султану ноту въ защиту католическихъ притязаній. Тувенель, бывшій еще тогда посланникомъ въ Мюнхенѣ, писалъ въ Парижъ, что Россія не сдѣлаетъ уступокъ въ этомъ вопросѣ. Султанъ издалъ фирманъ въ пользу католиковъ, Россія вступилась за православныхъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ лордъ Стратфордъ Редклифъ, которому не было никакого дѣла ни до тѣхъ, ни до другихъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы возстановить Абдулъ-Меджида и всѣ державы противъ Россіи. Посольство Меншикова, такого же неумѣлаго дипломата, какъ впослѣдствіи главнокомандующаго, уничтожавшаго своею заносчивостью всякую надежду на соглашеніе, повело къ занятію русскими войсками дунайскихъ княжествъ, какъ «залога противъ двуличнаго образа дѣйствій Порты». Англійскій флотъ вошелъ въ проливы. Война началась ко всеобщему удивленію. Кастельбажакъ писалъ изъ Петербурга: «есть два вопроса, въ которыхъ императоръ Николай никогда не уступитъ: это — польское возстаніе и интересы православія. Послѣдніе очень сильны въ народѣ, въ арміи и въ купцахъ, Николай I на сторонѣ народной партіи». Тувенель говоритъ, что въ этомъ случаѣ императоръ былъ даже увлеченъ «московскою партіей, желавшею войны, какъ въ 1878 Александръ II былъ вовлеченъ въ войну панславистскою партіею». Авторъ приписываетъ огромное вліяніе какому-то Лабенскому, «ритору и плохому писателю, но предшественнику Каткова, строчившему въ петербургской канцеляріи брошюры противъ Нессельроде, раз-

жигавшія вопросъ о святыхъ мѣстахъ и возбуждавшія народъ къ священной войнѣ на защиту православія». Все это, кажется, слишкомъ преувеличено, хотя Кастельбажакъ приводитъ въ числѣ слуховъ, ходившихъ въ народѣ, разсказъ о появленіи ночью въ кабинетѣ государя видѣнія въ монашеской одеждѣ, предсказавшаго блестящій успѣхъ русскому оружію, если оно поднимется противъ Турціи единственно въ защиту религіозныхъ интересовъ. Напрасно самъ императоръ говорилъ, что съ нимъ не случилось ничего подобнаго; народъ упорно вѣрилъ созданной кѣмъ-то легендѣ. И между тѣмъ Франція, всетаки, объявила войну Россіи, «своей естественной союзницѣ противъ интригъ Англіи, на каждомъ шагу подкапывавшейся подъ французское вліяніе въ Константинополѣ,—какъ говоритъ Тувенель,—изъ-за какихъ-то ключей, до которыхъ никому не было дѣла, изъ-за упрямства Турціи, которая могла отвратить войну, сдѣлавъ справедливыя уступки. Эти бусурмане (mécréants) смѣются надъ нами, полагая, что для ихъ прекрасныхъ глазъ мы ввели нашъ флотъ въ проливы». Кастельбажакъ старался уладить вопросъ, даже когда русскіе уже заняли княжества, говорилъ, что всѣ эти освобождаемыя Россіей племена: греки, румыны, сербы,—теперь бы онъ могъ прибавить и болгаръ, — нисколько не желаютъ подчиняться вліянію Россіи и вовсе не будутъ ей благодарны за свое освобожденіе. Да на благодарность и вообще нечего расчитывать въ политикѣ, хотя въ ней всякое добро, дѣлаемое одной націей въ пользу другой, стòитъ первой громадныхъ жертвъ и потерь. «У англичанъ одинъ интересъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ,—пишетъ Тувенель:—уничтожить морскія силы всѣхъ другихъ націй и преградить русскимъ путь въ Индію». Кастельбажакъ рисуетъ довольно вѣрный портретъ Николая I. Вообще вся книга читается съ большимъ интересомъ.

— Другой дипломатъ второй имперіи, герцогъ Морни, оставилъ записки, относящіяся къ его посольству въ Россію въ 1856 году. Извлеченіе изъ нихъ издано теперь его родственниками (Une ambassade en Russie. Extrait des mémoires du duc de Morny). Это простой сборникъ писемъ съ короткимъ предисловіемъ. Онъ начинается письмомъ Нессельроде въ 1853 году къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Никол. Дмитр. Киселеву. Въ письмѣ расхваливается Морни за его умѣнье вести переговоры по признанію императорскаго титула за Наполеономъ III. Еще во время войны Морни велъ переписку съ Горчаковымъ и, по заключеніи мира, былъ отправленъ посломъ въ Петербургъ. Братъ Луи-Наполеона, онъ писалъ письма своему «любезному и доброму императору», полныя симпатій къ Россіи. Въ этомъ издатели книги видятъ «патріотизмъ полный твердыхъ принциповъ». Что касается до принциповъ, то въ своей интимной перепискѣ съ Морни Горчаковъ совѣтовалъ построже держаться ихъ. Дипломатъ онъ былъ плохой и причислялъ венгерцевъ къ славянскому племени, но, какъ умный человѣкъ, скоро освоился съ посланническими обязанностями. Еще французы не оставили Крыма, а Морни уже напоминаетъ, что «апогеемъ могущества Наполеона I была эпоха его тѣснаго сближенія съ Россіею». Горчакову онъ писалъ, что французы сражаются только изъ славы и желаютъ мира, тогда какъ англичане съ упорной ненавистью не хотятъ положить оружіе, пока не уничтожатъ русскія силы. Поэтому Морни совѣтовалъ Горчакову согласиться на ограниченіе морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ, называя это ограниченіе временнымъ, и говорилъ, что его

легко будетъ уничтожить впослѣдствіи. Этотъ ничему не вѣрившій жуиръ и денди говоритъ даже о своемъ «религіозномъ чувствѣ, заставляющемъ его спѣшить загладить ужасы войны». Принятый съ особенной любезностью въ Петербургѣ дворомъ и высшимъ кругомъ, побочный сынъ королевы Генріетты пишетъ о «магнетическомъ токѣ, соединяющемъ берега Сены съ берегами Невы, о безконечномъ рядѣ баловъ и обѣдовъ, объ илюминаціяхъ и фейерверкахъ, ослѣпляющихъ глаза, о пріемѣ французскаго посла во дворцѣ во всякое время, безъ соблюденія обычнаго этикета, о великихъ князьяхъ, просившихъ прислать модель пушки, изобрѣтенной императоромъ-артилеристомъ, о великихъ княжнахъ, съ уваженіемъ отзывавшихся объ императрицѣ Евгеніи, о министрѣ финансовъ, однимъ почеркомъ пера уничтожившемъ пошлину на привозимыя французскія вина». Во время переговоровъ о мирѣ, Морни горячо отстаивалъ интересы Россіи во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, совѣтовалъ своему брату не уступать требованіямъ Англіи, ручаясь, что Россія согласится на всякое увеличеніе Франціи. Онъ упрекалъ Англію даже въ томъ, что она даетъ у себя пріютъ революціонерамъ и эмигрантамъ и позволяетъ своимъ газетамъ писать противъ Наполеона III. Впослѣдствіи письма Морни становятся рѣже. Какъ консерваторъ, онъ безпокоится за революціонный духъ, обнаруживающійся въ Италіи и поощряемый Франціей, называетъ неаполитанскаго короля самымъ «кроткимъ реакціонеромъ», и дѣйствительно Фердинандъ II сдѣлалъ гораздо меньше вреда Франціи, чѣмъ заговорщикъ и гарибальдіецъ Криспи, сдѣлавшись министромъ. Книга оканчивается письмами, относящимися къ польскому возстанію 1863 года. Въ предпослѣднемъ письмѣ Морни уговариваетъ Горчакова согласиться на созваніе конгреса по дѣламъ Польши; въ послѣднемъ, получивъ вѣжливый, но твердый отказъ, сожалѣетъ о томъ, что это «нарушаетъ дружескія отношенія двухъ странъ». Отношенія эти, однако, не нарушились, а достигли высшей точки сближенія, когда во Франціи установилось твердое правительство, уничтожившее гнилую имперію съ ея страннымъ властителемъ, который подъ вліяніемъ своей безхарактерности велъ сумбурную политику. Сражаясь за интересы Англіи въ Крыму, онъ позволилъ потомъ своимъ генераламъ угрожать ей высадкою; освободивъ часть Италіи въ 1859 году, онъ помѣшалъ ей при Ментонѣ организоваться въ прочное королевство. Разбивъ Австрію при Сольферино, онъ послалъ ея эрцгерцога императоромъ въ Мексику, потомъ позволилъ разстрѣлять его; Пруссіи онъ совѣтовалъ округлить свои владѣнія въ Германіи, а когда она сдѣлала это, объявилъ ей войну, послѣ которой нѣмцы округлились еще болѣе, но уже на счетъ Франціи. Морни не дожилъ, впрочемъ, до этой катастрофы и умеръ въ 1865 году, 54-хъ лѣтъ, отъ слишкомъ широкой жизни.

— Въ Парижѣ вышла «Исторія византійскаго искуства, преимущественно по миніатюрамъ», изданная нашимъ соотечественникомъ г. Кондаковымъ и переведенная г. Травинскимъ (Kondakoff: Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures, édition française originale, publiée par l'auteur sur la traduction de m. Trawinski). Извѣстно, какую важную роль играютъ миніатюры рукописей въ исторіи византійскаго искуства, представляющія до паденія имперіи непрерывный рядъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, находящихся въ тѣсной связи съ культурнымъ и религіознымъ развитіемъ ихъ эпохи: въ нихъ предоставляется дарованію художника болѣе широкое поприще, чѣмъ въ созданіяхъ офиціаль-

наго искуства, и видно большее вліяніе народности и духа времени. Французская критика очень довольна появленіемъ въ переводѣ капитальнаго труда русскаго ученаго. Первый томъ, обнимавшій исторію искуства отъ его начала до конца IX вѣка, явился еще въ 1886 году. Второй томъ заключаетъ въ себѣ исторію второго періода золотого вѣка миніатюры до начала XIII столѣтія. Авторъ опредѣляетъ художественныя достоинства илюстрированныхъ псалтырей, евангелій, библій, менологовъ—поучительныхъ бесѣдъ, проповѣдей Григорія Назіанзина и др. Онъ описываетъ ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а по степени ихъ артистическаго значенія. Странно, что къ такому прекрасному изданію, заслуживающему во всѣхъ отношеніяхъ вниманіе археологовъ и художниковъ, приложено такъ мало рисунковъ, всего 13, да и изъ нихъ снимковъ съ миніатюръ только пять, остальные рисунки воспроизводятъ палермскія мозаики. Безъ хорошихъ гравюръ подобныя книги теряютъ половину своей цѣны.

— Въ Лондонѣ появилось новое сочиненіе о «Сибири въ ея настоящемъ видѣ» (Siberia as it is) де-Виндтъ, съ предисловіемъ г-жи Новиковой. Книга написана въ опроверженіе извѣстнаго памфлета объ этой странѣ, д-ра Кеннана, представившаго особенно въ мрачномъ видѣ положеніе государственныхъ преступниковъ. Основываясь на офиціальныхъ документахъ тюремнаго управленія въ Петербургѣ, авторъ доказываетъ, что Кеннанъ ввелъ въ заблужденіе англійскую публику и лжетъ преднамѣренно. Главный начальникъ этого управленія говорилъ де-Виндту: «довѣрчивость англичанъ изумительна; они повѣрили американскому журналисту и принимаютъ, какъ авторитетъ, выдумки «Century magazine» о сибирскихъ ужасахъ». Но еще изумительнѣе этой довѣрчивости англичанъ — ихъ недовѣрчивость ко всему, что говорится въ защиту Россіи, и прямое нежеланіе ихъ слышать правду объ этой странѣ. Критикъ «Атенеума», разбиравшій эту книгу въ мартовскомъ номерѣ этого журнала, говоритъ, что онъ самъ былъ въ Сибири, видѣлъ государственныхъ преступниковъ и, какъ Ландсель и др., не нашелъ никакихъ ужасовъ (atrocities), но прибавляетъ, что это ничего не доказываетъ, и Кеннанъ, всетаки, можетъ быть правъ. Имѣя дѣло съ такимъ упрямствомъ, поневолѣ вспоминаешь поговорку: нѣтъ слѣпыхъ хуже тѣхъ, которые не хотятъ ничего видѣть.

— Между множествомъ мемуаровъ вышли довольно любопытныя «воспоминанія маршала Макдональда» (Souvenirs du maréchal Macdonald). Мы имѣли недавно случай познакомиться съ характеристикой маршала въ запискахъ правдиваго, хотя и не очень дальновиднаго Марбо. Но онъ оцѣниваетъ дѣйствія Макдональда преимущественно съ точки зрѣнія его военныхъ подвиговъ, дѣйствительно не весьма блестящихъ, хотя Наполеонъ и далъ ему титулъ герцога Тарентскаго. Но объ этомъ герцогѣ весьма высокаго мнѣнія нѣмецкій историкъ Веберъ, отзывающійся въ послѣднемъ XIV томѣ своего обширнаго труда, гдѣ говорится о наполеоновскихъ войнахъ, съ большою похвалою о Макдональдѣ, особенно какъ о человѣкѣ. И хотя при этомъ панегирикѣ невольно приходитъ на память стихъ нашего баснописца: «кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ», но нельзя не согласиться съ историкомъ, что маршалъ дѣйствительно отличался прямодушіемъ, гуманностью и безкорыстіемъ, то-есть свойствами, какими далеко не обладили его товарищи по оружію. Такъ, въ первой палатѣ временъ реставраціи онъ отстаивалъ законъ о свободѣ печати, чѣмъ, конечно, возбу-

дилъ неудовольствіе Людовика XVIII, а брату короля заявилъ прямо, что онъ «обожаетъ революцію», отчего будущій Карлъ X, только что упрекавшій маршала, зачѣмъ онъ не эмигрировалъ, пришелъ въ священный ужасъ. Макдональдъ спокойно объяснилъ, что не оставлялъ Франціи потому, что у него были жена и дѣти, и что многіе офицеры бѣжали вовсе не изъ привязанности къ династіи, а отъ долговъ и грязныхъ дѣлъ. «Я презираю преступленія революціи, но армія въ нихъ не участвовала, — прибавилъ маршалъ: — да и какъ мнѣ не любить революцію? она меня воспитала, вознесла на высшую степень почестей и, благодаря ей, я имѣю честь обѣдать за королевскимъ столомъ, рядомъ съ вашимъ высочествомъ». Графъ д'Артуа отвѣчалъ, что онъ цѣнитъ такую откровенность. Правда, Макдональдъ немножко скоро призналъ перемѣну правленія во Франціи и ея превращеніе изъ имперіи въ королевство, но къ этому побудилъ его, какъ и другихъ маршаловъ, невыносимый гнетъ наполеоновскаго деспотизма, да и признавъ однажды Бурбоновъ, Макдональдъ остался имъ вѣренъ и не перешелъ опять на сторону Наполеона послѣ его возвращенія съ Эльбы. Мемуарамъ, занимающимъ 420 страницъ, предпослано обширное предисловіе почти въ сто страницъ, написанное членомъ французской академіи Камилломъ Руссе и заключающее въ себѣ подробную біографію маршала съ оцѣнкою его военныхъ дѣйствій. Почтенный академикъ, весьма мало компетентный въ вопросахъ стратегіи, отзывается, конечно, о своемъ героѣ въ тонѣ панегирика, но изъ его статьи видно, что маршалъ началъ писать свои воспоминанія въ 1825 году, когда ему было уже 60 лѣтъ, чтобы оставить наслѣднику своего имени, только что родившемуся отъ третьей жены, ясное понятіе о жизни отца. Руссе говоритъ, что мемуары не назначались къ печати, что языкъ ихъ, не претендуя на литературную обработку, часто неправиленъ, отрывистъ, изложеніе во многихъ мѣстахъ сбивчиво и требуетъ коментарій. Все это совершенно вѣрно, но тогда для чего же было ждать почти 70 лѣтъ и только теперь обнародовать записки «въ интересахъ и для большей выгоды исторіи, какъ и для доброй славы маршала». Но интересы исторіи требуютъ, чтобы документы очевидцевъ какой либо эпохи являлись своевременно, а не тогда, когда все давно уже высказано о людяхъ и событіяхъ даннаго времени. Да и слава общественнаго дѣятеля основывается не на его личныхъ разсказахъ, а на ея признаніи другими лицами. Внучка маршала, поручая Руссе издать мемуары, говоритъ, что «пришло время поднять покровъ, скрывавшій ихъ». Не пришло, а скорѣе прошло, думаемъ мы. Воспоминанія Макдональда прочтутся съ интересомъ лицами, изслѣдующими событія послѣдняго времени, но не внесутъ ничего новаго въ сокровищницу исторіи. Правдивость ихъ автора не подвержена сомнѣнію, и однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно останавливаешься и спрашиваешь себя: такъ ли все слышалъ авторъ, какъ передаетъ въ своихъ запискахъ? Послѣ взятія Парижа, Александръ I давалъ обѣдъ французскимъ маршаламъ, бывшимъ въ столицѣ, и военному министру. Никто изъ иностранцевъ, даже русскіе генералы, не были приглашены на обѣдъ; императоръ, очевидно, хотѣлъ избѣжать всякихъ столкновеній въ мнѣніяхъ и взглядахъ лицъ разныхъ національностей и хотѣлъ узнать сужденія только однихъ французовъ. Между тѣмъ, Макдональдъ разсказываетъ, что когда Александръ I благосклонно отозвался о Наполеонѣ, кто-то спросилъ, не было ли причиною разрыва между двумя императорами то обстоятельство, что Наполеонъ вдругъ прервалъ перего-

воры о своемъ бракѣ съ русскою великою княжною и обратился къ Австріи. Александръ отвѣчалъ: «я могъ бы оскорбиться этимъ разрывомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ можетъ засвидѣтельствовать герцогъ Виченцскій, сказалъ, что нахожу этотъ союзъ приличнымъ (convenable), но сестра моя еще не достигла лѣтъ замужества, и я боюсь сильной опозиціи со стороны моей матери. Но я, всетаки, постараюсь склонить ее къ этому браку и со временемъ, къ тому же необходимымъ для развитія моей сестры, надѣюсь, можетъ быть, побѣдить ея сопротивленіе. Наполеонъ принялъ мои слова за отказъ и прекратилъ переговоры, такъ какъ дѣло шло о вопросахъ семейныхъ, а не политическихъ». Сверхъ того, императоръ началъ объяснять маршаламъ, что, не смотря на свое самодержавіе, онъ не имѣетъ никакой власти надъ особами женскаго пола въ своемъ семействѣ, зависящими вполнѣ отъ своихъ матерей. Вся эта сцена, въ которой французскіе генералы толкуютъ о семейныхъ дѣлахъ русскаго императора, кажется намъ весьма неправдоподобною.

— Появились два первые выпуска шестого изданія «Всеобщаго словаря современниковъ» (Dictionnaire universel des contemporains) Ваперо. Этотъ колоссальный трудъ, издававшійся втеченіе 35 лѣтъ съ 1858 года, составитъ къ концу нынѣшняго года шесть огромныхъ томовъ біографій замѣчательныхъ европейскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ науки, искуства, литературы, политики, промышленности и вообще служенія обществу. Эти томы составятъ библіотеку въ 12.000 страницъ компактной печати въ 2 столбца, не считая пяти дополненій, выходившихъ въ разные сроки. Каждое новое изданіе являлось въ переработанномъ видѣ, такъ какъ всѣ лица, умершія въ это время, исключались изъ словаря и замѣнялись новыми дѣятелями, а біографіи оставшихся въ живыхъ пополнялись новыми свѣдѣніями о ихъ продолжающейся дѣятельности. Въ выходящемъ нынѣ изданіи принято весьма полезное нововведеніе: всѣ лица, сдѣлавшіяся чѣмъ либо извѣстными въ наше время, но умершія до 1890 года, не исключены изъ словаря, а внесены въ примѣчанія на каждой страницѣ подъ соотвѣтствующимъ алфавитомъ живыхъ людей, съ краткими указаніями на родъ ихъ дѣятельности и тѣ томы прежнихъ изданій, гдѣ помѣщены ихъ біографіи. Это возстановляетъ, такимъ образомъ, связь между всѣми дѣятелями нашего времени. Почтенный составитель словаря признается, что онъ рѣдко пользовался доставляемыми ему личными указаніями разныхъ дѣятелей, такъ какъ трудъ его имѣетъ въ виду не удовлетвореніе тщеславія отдѣльныхъ личностей, а общую пользу. И надо сознаться, что всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія, отличаясь строгою точностью фактовъ, скупы на оцѣнку значенія современныхъ лицъ. Въ концѣ предисловія авторъ замѣчаетъ, что обычныя границы человѣческихъ силъ и жизни не даютъ ему надежды на продолженіе своихъ трудовъ по послѣдующимъ изданіямъ, которыя онъ долженъ предоставить другимъ болѣе свѣжимъ силамъ. Ваперо теперь 73 года и, кромѣ своего словаря современниковъ и множества серьезныхъ статей въ большихъ энциклопедіяхъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ еще два изданія «Всеобщаго словаря литературы», гдѣ, кромѣ біографій писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, помѣщены разборы и оцѣнки главныхъ выдающихся произведеній человѣческаго ума, теорія и исторія всѣхъ родовъ литературы, академій, театровъ, журналистики, лингвистики, библіографія всѣхъ историческихъ произведеній, относящихся къ этой области творчества, и пр. Нельзя не относиться съ полнымъ уваженіемъ къ такимъ трудамъ и такимъ лично-

стямъ, особенно когда вспомнишь судьбу разныхъ словарей въ другихъ странахъ, гдѣ многотомныя изданія или не оканчиваются, или никуда не годятся, а небольшія, даже спеціальныя, въ родѣ художественныхъ энциклопедій, засѣвъ на второмъ томѣ, такъ и не выдаютъ послѣдняго третьяго, оставляя читателей съ неоконченнымъ и поэтому ни къ чему ненужнымъ словаремъ, хотя за первые томы его внесены деньги впередъ на его окончаніе.

— Для удовлетворенія стремленій конца нашего вѣка къ чудесному, Уардъ издалъ «Оракулы Нострадамуса (Oracles of Nostradamus) съ новыми коментаріями. Этотъ странный докторъ, практиковавшій въ Салонѣ, маленькомъ городкѣ между Марселемъ и Авиньономъ, и умершій въ 1566 году въ сумасшествіи, издалъ въ 1555 году свои «Центуріи» и «Предсказанія», составившія ему извѣстность ученаго, магика и астролога. Екатерина Медичи и Генрихъ II совѣтовались съ нимъ, а Карлъ IX сдѣлалъ его придворнымъ докторомъ и далъ ему богатую награду; но въ своемъ отечествѣ пророка считали помѣшаннымъ и не старались разбирать его чрезвычайно темныя предсказанія, изложенныя варварскими стихами. Зато впослѣдствіи находилось много охотниковъ истолковывать его четверостишія, наполовину наполненныя искаженными греческими и латинскими словами, и изобрѣтенными самимъ Нострадамусомъ. Пророкъ не видѣлъ въ будущемъ ничего утѣшительнаго: онъ предсказываетъ только войны, убійства, злодѣянія, горе всему человѣчеству. Уардъ горячо доказываетъ, что предсказатель не былъ обманщикомъ, но трудно повѣрить, чтобы умный и образованный человѣкъ серьезно утверждалъ, что даже пророчества перешли къ нему по наслѣдству изъ колѣна Иссахарова, такъ какъ онъ былъ еврейскаго происхожденія и только отецъ его перешелъ въ христіанство. Въ одномъ изъ его четверостишій увидѣли предсказаніе о смерти Генриха II, убитаго на турнирѣ: оно начиналось слѣдующими стихами:

«Le lion ieune le vieux surmontera
«En champ bellique par singulier duelle».

Это еще болѣе увеличило его извѣстность, но въ большей части случаевъ толкованія его коментаторовъ были натянуты и произвольны, или далеко не оправдывались. Приводимъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ его пророчествъ, отчасти и до насъ касающееся, но исполненіе котораго—еще въ далекомъ будущемъ:

«Чрезъ двѣсти лѣтъ на рогъ луны
«Поднимется медвѣдь,
«Но если быкъ, пѣтухъ дружны,
«Медвѣдю ихъ не одолѣть.

«А черезъ двадцать лѣтъ потомъ
«Исламъ пусть знаетъ страхъ:
«Возникнетъ крестъ, а рогъ луны
«Сотрется и падетъ во прахъ».

СМѢСЬ.

Годичное собраніе русскаго историческаго общества. 27-го февраля происходило въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ государя императора, при участіи наслѣдника цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича, годичное общее собраніе русскаго историческаго общества. По открытіи засѣданія, предсѣдатель общества А. А. Половцевъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества за 1890 и 1891 годы. Со дня послѣдняго общаго собранія общества изданы были 73—81 томы и, кромѣ того, приступлено къ печатанію: проф. Трачевскимъ—82-го тома о сношеніяхъ съ Франціею послѣ 1804 г., проф. Сергѣевичемъ — 83-го тома о Екатерининской комисіи 1767 г., Н. Ѳ. Дубровинымъ — 84-го тома бумагъ графа Киселева, сообщенныхъ графомъ Д. А. Милютинымъ, 85-го тома дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ и Турціею. Томъ этотъ остановился въ печатаніи, вслѣдствіе смерти Г. Ѳ. Карпова. Нынѣ членъ общества Д. Ѳ. Кобеко и профессоръ Петербургскаго университета Смирновъ приняли на себя докончить начатый покойнымъ Г. Ѳ. Карповымъ трудъ. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами общества были прочитаны изготовленные ими опыты біографій, а именно: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ «о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ», статья, назначенная для біографическаго словаря; Я. К. Гротомъ «о заслугахъ для русскаго языка филолога, академика Александра Христофоровича Востокова»; Н. Ѳ. Дубровинымъ изъ жизнеописанія императора Николая 1—два эпизода: «юность императора», а затѣмъ «распоряженія его относительно защиты Севастополя». Въ заключеніе государь императоръ выразилъ желаніе объ избраніи въ почетные члены общества великаго князя Константина Константиновича, президента академіи наукъ. Общее собраніе членовъ общества приняло къ исполненію такое выраженіе воли августѣйшаго почет-

наго предсѣдателя. Затѣмъ, на основаніи §§ 29, 31 и 45 устава общества, приступлено было къ переизбранію должностныхъ лицъ общества, окончившихъ сроки служенія, причемъ единогласно выбраны на новое трехлѣтіе, въ должность предсѣдателя—А. А. Половцевъ; вице-предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ, секретаря — Г. Ѳ. Штендманъ; казначея — Е. М. Ѳеоктистовъ и въ члены совѣта—В. И. Сергѣевичъ. Состоявшееся годовое собраніе общества, подъ предсѣдательствомъ государя, было счетомъ двадцать пятое послѣ принятія его величествомъ званія почетнаго предсѣдателя общества.

Памятникъ Н. В. Гоголю. 21-го февраля исполнилось 40 лѣтъ со дня кончины Н. В. Гоголя. Вотъ въ какомъ положеніи находится дѣло о памятникѣ великому писателю. 1-го августа 1880 года послѣдовало разрѣшеніе обществу любителей россійской словесности открыть повсемѣстную въ имперіи подписку на составленіе капитала для сооруженія памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ. Полученное разрѣшеніе помогло обществу уже къ 1 января 1885 года собрать на памятникъ 10,779 руб. 13 коп., а потомъ этотъ капиталъ постепенно возросталъ. Ко дню сорокалѣтней годовщины капиталъ, собранный на памятникъ Н. В. Гоголю, достигъ до пятидесяти восьми тысячъ. Въ эту сумму, между прочимъ, наслѣдникъ цесаревичъ, «глубоко сочувствуя мысли о сооруженіи въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю», 17-го октября 1890 г. назначилъ свой вкладъ въ тысячу рублей, который и былъ полученъ обществомъ. Въ довершеніе всего государь 27 декабря 1890 г. разрѣшилъ цесаревичу принять подъ свое покровительство учрежденный при обществѣ любителей словесности комитетъ по сооруженію памятника Гоголю. Остается отъ души пожелать, чтобы комитетъ успѣшно довелъ сборъ пожертвованій до достаточной суммы, и чтобы ко времени пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя Москва украсилась новымъ памятникомъ.

Пятидесятилѣтній юбилей проф. Благовѣщенскаго. Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Николай Михайловичъ Благовѣщенскій праздновалъ 13-го февраля полувѣковой юбилей своей учено-литературной дѣятельности. Юбиляру принадлежитъ масса филологическихъ работъ, изъ которыхъ пользуются большею извѣстностью монографія «Горацій и его время», лекціи объ Ювеналѣ, переводы изъ Горація и сатиры Персія съ историко-литературнымъ введеніемъ. Кромѣ учено-литературной извѣстности, юбиляръ извѣстенъ еще своею педагогическою дѣятельностью. Какъ профессоръ Казанскаго университета, Н. М. первый обратилъ вниманіе на художественные образы класической скульптуры, затѣмъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ подробно выяснилъ художественное значеніе греческой пластики и античной скульптуры позднѣйшихъ эпохъ. Послѣдними произведеніями Н. М. Благовѣщенскаго являются бытовой очеркъ подъ названіемъ «Римскіе кліенты Домиціанова вѣка» («Русская Мысль», 1890 г.) и характеристика «Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры», изданная отдѣльною книгою въ прошломъ году. Заботясь о распространеніи художественныхъ знаній, юбиляръ еще въ 1864 г. поднялъ вопросъ о необходимости устроивать губернскіе художественные музеи. Н. М. Благовѣщенскій родился въ Петербургѣ въ 1821 г., отецъ его былъ законоучителемъ Маріинскаго института. Окончивъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ золотою медалью, Н. М. отправился въ 1842 г. за границу, гдѣ занялся основательнымъ изученіемъ исторіи античнаго искуства подъ руководствомъ Беккера, римской литературы подъ руководствомъ Бера, древне-класической филологіей у проф. Германа и археологіей у Крейцера, автора знаменитой «Символики.» Съ 1845 по 1852 г. юбиляръ читалъ римскую словесность въ Казанскомъ университетѣ. Его первая статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» «О судьбахъ римской трагедіи» заинтересовала знатока класической литературы П. М. Леонтьева, который пригласилъ Н. М. въ число постоянныхъ сотрудниковъ сборника

«Пропилеи», издававшагося въ 50-хъ годахъ. Въ 1852 г. юбиляръ переселился въ Петербургъ и былъ приглашенъ читать лекціи римской литературы въ Петербургскомъ университетѣ и главномъ педагогическомъ институтѣ. Професорскую каѳедру Н. М. занималъ до 1872 г., когда былъ назначенъ короннымъ ректоромъ Варшавскаго университета. Въ 1883 г. онъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Какъ професоръ, Н. М. всегда былъ готовъ придти на помощь словомъ и дѣломъ своимъ слушателямъ и потому имѣетъ массу почитателей между своими многочисленными учениками. Въ день юбилея Н. М. пришлось получить болѣе сотни привѣтственныхъ телеграмъ и писемъ: изъ нихъ были телеграмы отъ Казанскаго университета, отъ историко-филологическихъ факультетовъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ редакціи «Филологическаго Обозрѣнія», отъ профессоровъ К. Н. Бестужева-Рюмина, Барсукова, Булича, Д. И. Иловайскаго, Цвѣтаева и др. Предсѣдательница московскаго археологическаго общества графиня Уварова извѣстила юбиляра объ избраніи его въ дѣйствительные члены общества. Юбилей праздновался скромно, юбиляра, между прочимъ, посѣтили директоръ Публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ, члены совѣта министра народнаго просвѣщенія, профессора Петербургскаго университета: Помяловскій, Кондаковъ, Ламанскій и др.

Диспутъ въ университетѣ. 2-го февраля, въ Петербургскомъ университетѣ кандидатъ С. М. Середонинъ защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Сочиненіе Джильса Флетчера (Of the Russian common wealth), какъ историческій источникъ», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени магистра русской исторіи. С. М. Середонинъ, сынъ священника, родился въ Петербургѣ въ 1860 г. Среднее образованіе получилъ въ 6-й Петербургской гимназіи, по окончаніи курса которой въ 1879 г. съ золотою медалью, поступилъ на историко-филологическій факультетъ здѣшняго университета. Въ 1883 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата и въ томъ же году оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Съ 1885 г. преподаетъ исторію въ гимназіяхъ: Царскосельской женской и княгини Оболенской, также въ пріютѣ принца Ольденбургскаго. Въ 1884 г. напечаталъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» переводъ нѣкоторыхъ англійскихъ извѣстій о Россіи изъ сборника Гаклюйта; въ 1885 г. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» «Обзоръ извѣстій англичанъ о Россіи второй половины XVI вѣка»; въ 1891 г. въ «Библіографѣ» «Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка». Сочиненіе, послужившее М. С. Середонину для полученія ученой степени, представляетъ интересное историческое изслѣдованіе въ области русской исторіи второй половины XVI вѣка. Какъ извѣстно, конецъ XVI столѣтія — одна изъ интересныхъ эпохъ русской исторіи; успѣхи на Востокѣ и неудачи на Западѣ, торжество государственнаго единства и монархическаго начала и зародыши грядущей смуты, преобразованія центральнаго и мѣстнаго управленія, усиленная народная колонизація и начало прикрѣпленія земледѣльца къ землѣ,—вотъ главнѣйшіе вопросы, приковывавшіе къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Иностранныя сочиненія о Россіи вообще занимаютъ не особенно высокое мѣсто среди источниковъ науки. Исключеніе изъ нихъ составляетъ сочиненіе Джильса Флетчера, занимающее столь почетное мѣсто, что нѣтъ ни одного самостоятельнаго научнаго труда по русской исторіи XVI вѣка, въ которомъ не встрѣчались бы ссылки на сочиненіе Флетчера. Дисертація г. Середонина состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) историко-географическія извѣстія, 2) извѣстія о населеніи, его бытѣ—внѣшнемъ, соціальномъ и экономическомъ; 3) извѣстія о власти, ея отношенія къ подданнымъ, къ церкви, къ думѣ боярской и 4) извѣстія объ управленіи—административномъ, церковномъ, судопроизводствѣ, финансовомъ и военномъ.

Официальными опонентами были професоръ С. Ѳ. Платоновъ и приватъ-доцентъ А. С. Лаппо-Данилевскій. Первый опонентъ, отозвавшись съ большою похвалою о трудѣ молодого ученаго, указалъ на встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности. Главнымъ образомъ промахи обраруживаются въ повтореніяхъ фактовъ, въ недостаточной строгости распредѣленія матеріала и въ подчиненности авторитету Ключевскаго, къ выводамъ котораго, иногда не совсѣмъ вѣрнымъ, дисертантъ не рѣшается отнестись критически. Было также указано на то, что дисертантъ въ трудѣ нѣкоторые вопросы не дорѣшилъ. Второй опонентъ въ своемъ возраженіи касался частностей въ дисертаціи. Самый большой недостатокъ, по мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, это часто встрѣчающаяся въ книгѣ неточность выраженій. По окончаніи диспута, который велся весьма оживленно, историко-филологическій факультетъ единогласно призналъ М. С. Середонина достойнымъ получить степень магистра русской исторіи.

Медали въ память Джона Говарда. Наше юридическое общество присудило по малой золотой медали и по тысячѣ франковъ за лучшее сочиненіе о значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы инспектору тюремъ въ Лондонѣ Артуру Гриффису и секретарю парижскаго тюремнаго общества Альберту Ривьеру. Надняхъ какъ медали, такъ и денежныя преміи отправлены по назначенію. Медали приготовлены петербургскимъ монетнымъ дворомъ. На лицевой сторонѣ изображеніе профиля Джона Говарда съ надписью кругомъ «Alios salvos fecit. Vixit propter alios» (Другихъ исцѣлялъ. Жилъ для другихъ). На оборотной сторонѣ — имя награжденнаго лица и надпись. «In memoriam Iohannis Hovardii, qui vitam suam miseris consecraiit, egregio hujus operum historici (Въ память Іоганна Говарда, посвятившаго жизнь свою несчастнымъ, искусному лѣтописцу его дѣяній). Въ настоящее время изготовляются по особому чертежу почетные отзывы и дипломы на посланныя уже медали.

Торжественное годовое засѣданіе Славянскаго общества 16-го февраля собрало многочисленную публику. На эстрадѣ была водружена хоругвь общества. Предсѣдательствовалъ Ѳеогностъ, епископъ владимірскій. Засѣданіе было открыто пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меѳодію, исполненнаго хоромъ г. Архангельскаго. Графъ Н. П. Игнатьевъ съ каѳедры прочелъ выдержки изъ отчета о дѣятельности общества за истекшій годъ. Почетныхъ членовъ было 36, пожизненныхъ — 66 и дѣйствительныхъ — 367. Втеченіе года были избраны вновь: въ почетные—г-жа Морозова и въ пожизненные—о. Іоаннъ Сергіевъ (кронштадтскій). Общество понесло утраты въ лицѣ покойныхъ почетныхъ членовъ: генерала Мирковича, проф. Кояловича, о. Наумовича, митрополита Платона, проф. Н. Попова и проф. Первольфа. Составъ совѣта общества послѣ истекшаго трехлѣтія былъ избранъ снова тотъ же. Общихъ собраній было 8, изъ нихъ 5 торжественныхъ. Попечительство надъ славянами, обучающимися въ Москвѣ, выдавало пособія пятнадцати молодымъ людямъ и израсходовало на нихъ 2.967 руб. Есть основаніе думать, что средства этого попечительства увеличатся и улучшатся на столько, что можно будетъ скоро открыть общежитіе для молодыхъ учащихся славянъ. Издательская дѣятельность общества продолжается. Особая комисія, учрежденная обществомъ для наблюденія за поведеніемъ славянской молодежи, живущей въ Петербургѣ, и для призрѣнія славянъ прибывающихъ, дала возможность нѣсколькимъ молодымъ людямъ подготовиться въ высшія учебныя заведенія и нѣсколькимъ—пріискать себѣ мѣста и занятія. Общество имѣетъ 39 стипендіатовъ и 6 стипендіатокъ; кромѣ того, 11 лицъ получаютъ пособія для взноса платы за слушаніе лекцій въ университетъ и военно-медицинскую академію. Балансъ выразился приходомъ въ 48.840 рублей и расходомъ въ 46.354 рубля, всего же въ распоряженіи общества состоитъ капиталъ въ 220.679 рублей. Чтеніе отчета графъ Н. П. Игнатьевъ закончилъ указаніемъ

на необходимость обезпечить бывшихъ раненыхъ добровольцевъ 1876 года и ихъ семей, составляющихъ болѣе 80 человѣкъ. На помощь имъ общество можетъ отчислить только 1.600 рублей изъ своихъ средствъ и потому нуждается въ посильныхъ пожертвованіяхъ. Собранныя въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 10.000 рублей были представлены графомъ Н. П. Игнатьевымъ въ особый комитетъ Наслѣдника Цесаревича, для снабженія учащихся въ епархіальныхъ школахъ дѣтей теплою пищею. Графиня Е. Н. Игнатьева обошла съ тарелкою присутствовавшихъ для сбора посильныхъ даяній на теплую пищу дѣтямъ въ школахъ. Профессоръ духовной академіи С. А. Солянтинскій прочелъ статью «О злобѣ дня», посвященную характеристикѣ стоицизма и терпѣнія русскаго человѣка, переносящаго трудное время неурожая. Хоръ исполнилъ Гусситскую пѣсню, Д. Л. Мордовцевъ прочелъ съ каѳедры прочувствованную статью, посвященную памяти покойнаго проф. Первольфа, извѣстнаго лингвиста и поборника славянскихъ идей. Онъ умеръ неожиданно, въ разгаръ бесѣды въ интеллигентномъ кружкѣ о гусситскомъ движеніи. Онъ, уроженецъ Чехіи, принужденъ былъ оставить свою родину и только подъ гостепріимнымъ кровомъ Россіи могъ найдти возможность осуществить проведеніе въ жизнь славянскихъ идей. Труды его многочисленны и изъ нихъ выдается особенно его сочиненіе «Германизація балтійскихъ славянъ», въ которомъ описывается многовѣковая борьба славянъ съ давленіемъ запада. Въ виду того, что, за отказомъ В. В. Комарова редактировать «Славянскія Извѣстія», послѣднія перестали существовать, на ихъ мѣстѣ возникло «Славянское Обозрѣніе». Изъ перваго номера этого органа профессоръ духовной академіи г. Пальмовъ прочелъ статью для того, чтобы ознакомить присутствующихъ съ духомъ и направленіемъ новаго журнала. Публика прослушала очень красивую въ музыкальномъ отношеніи сербскую пѣсню «Бойна труба». Затѣмъ секретарь общества прочелъ статью профессора Варшавскаго университета г. Будиловича, посвященную чествованію памяти знаменитаго въ свое время чешскаго педагога, энциклопедиста и ученаго Іоанна Аммоса Коменскаго, со дня рожденія котораго 16-го марта нынѣшняго года исполнится 300 лѣтъ. Онъ училъ, что школы должны быть мастерскими человѣчества. Онъ выработалъ цѣлую энциклопедію школьнаго дѣла, обнимающую философскія, историческія, математическія и другія стороны школы. Онъ же проектировалъ пансофистическую коллегію. Сборъ въ пользу дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ далъ 330 руб., суммы этой вполнѣ достаточно, какъ объявилъ графъ Н. П. Игнатьевъ, для снабженія теплой пищей двухъ училищъ. Собраніе закончилось кантатою, исполненною хоромъ г. Архангельскаго.

Открытіе подземнаго города въ Туркестанѣ. Лейтенантъ англійской службы Бойеръ сообщилъ бенгальскому азіатскому обществу объ открытомъ имъ, въ восточномъ Туркестанѣ, древнемъ городѣ, съ давнихъ поръ уже никѣмъ не обитаемомъ. Онъ находится вблизи Шахъ-Яра, и народная молва приписываетъ его постройку королю Афрасіабу, современнику Рустана, герою персидскаго эпоса, жившему за шесть столѣтій до Р. Х. и погибшему въ одной изъ предпринятыхъ персами экспедицій въ Индію. Всѣ почти дома этого древнѣйшаго изъ городовъ, сооруженнаго въ эпоху бо̀льшаго могущества Персидскаго царства, сокрыты подъ землею и сообщаются съ ея поверхностью подземными ходами. Каждый домъ состоитъ изъ келій, длиною и шириною въ сажень, стѣны которыхъ сверху до низу испещрены рисунками, геометрическихъ фигуръ. Бойеръ полагаетъ, что въ окрестностяхъ Шахъ-Яра должны находиться и другіе подземные города. Въ той же мѣстности встрѣчаются кирпичныя постройки, на подобіе башенъ, назначеніе которыхъ остается неизвѣстнымъ. Возлѣ одной изъ такихъ башенъ найдены: манускриптъ, писанный чернилами на 56 кускахъ березовой коры, и нѣсколько потертыхъ отъ времени монетъ. Рукопись еще никѣмъ не прочи-

тана, но полагаютъ, что она написана на такъ называемомъ индо-санскритско-татарскомъ языкѣ, на которомъ говорили въ началѣ христіанской эры жители Кокана и Кашгара. Кромѣ того, буквы рукописи схожи по характеру съ неварійскимъ письмомъ, положившимъ начало въ VII столѣтіи по Р. X. тибетскому алфавиту.

† 1-го февраля, въ Петербургѣ извѣстный путешественникъ-изслѣдователь центральной Африки, докторъ **Вильгельмъ Юнкеръ**. Онъ родился въ 1840 г. въ Москвѣ. Его отецъ основалъ извѣстную банкирскую фирму Юнкеръ и комп. По окончаніи курса въ гимназіи при Петербургско-Петропавловской церкви, онъ посѣщалъ медико-хирургическую академію, затѣмъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ и окончилъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ, получивъ званіе доктора медицины. Желая отправиться въ дальнія путешествія, привести въ исполненіе свои давнишнія мечты, Юнкеръ принялся энергично изучать географію, этнографію и естествознаніе. Въ Берлинѣ онъ съ этою цѣлью посѣщалъ лекціи профессора Киперта. Въ 1869 году для испытанія своихъ силъ Юнкеръ отправился въ Исландію, въ 1872 году въ Тунисъ, въ 1874 году предпринялъ первую экспедицію въ Суданъ. Впродолженіе трехъ лѣтъ онъ изслѣдовалъ внутреннюю Африку и проникъ до горъ, окаймляющихъ сѣверо-западные берега озера Альбертъ-Ніанза. Въ результатѣ этого путешествія явились важныя дополненія въ картографіи Судана. Захворавъ африканскою лихорадкою, Юнкеръ возвратился въ Петербургъ для поправленія здоровья, но прожилъ здѣсь недолго и вновь отправился въ Суданъ. На этотъ разъ онъ рѣшился изслѣдовать раздѣленіе рѣчныхъ системъ Нила и Конго и направленіе рѣки Уэллэ. Въ 1882 году среди племенъ Ням-нямъ и Монбутту вспыхнулъ мятежъ, и Юнкеръ попалъ въ плѣнъ. Его родные, не получая отъ него никакихъ свѣдѣній, рѣшили, что онъ погибъ. Въ 1885 году снаряжена была экспедиція съ докторомъ Фишеромъ въ главѣ для отъисканія Юнкера. Но розыски экспедиціи окончились неудачно: она послѣ десятимѣсячныхъ безуспѣшныхъ попытокъ проникнуть далѣе озера Викторія-Ніанза возвратилась обратно. Дальнѣйшій путь оказался непроходимымъ, вслѣдствіе непріязненнаго настроенія короля Уганды, Мванга. Пробывъ слишкомъ три года въ плѣну, Юнкеръ бѣжалъ изъ плѣна въ мѣстности южной части озера Викторія-Ніанза. Онъ достигъ Занзибара и оттуда извѣстилъ о своемъ спасеніи. Во время бѣгства покойный лишился всѣхъ своихъ коллекцій и записокъ, но, всетаки, по собраннымъ матеріаламъ успѣлъ составить замѣчательную книгу о своемъ путешествіи, во многомъ опровергающую умышленно-ложныя показанія Стенлея. Къ сожалѣнію, книга написана на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ покойный былъ русскимъ только по имени да по мѣсту рожденія. На англійскомъ языкѣ книга Юнкера уже явилась въ переводѣ, а на русскомъ — пока только обѣщана.

† 11-го февраля, членъ артилерійскаго комитета и заслуженный профессоръ Михайловской артилерійской академіи, генералъ-отъ-артилеріи **Николай Владиміровичъ Маіевскій**. Покойный пользовался заслуженною извѣстностью знатока балистики, имѣлъ ученую степень доктора прикладной математики и былъ избранъ за свои труды въ члены-кореспонденты академіи наукъ по разряду математическихъ наукъ. Его «Курсъ внѣшней балистики» представляетъ солидный трудъ въ нашей спеціальной артилерійской литературѣ и, впервые появившись около 1870 года, послужилъ матеріаломъ для многихъ научно-практическихъ сочиненій по части стрѣльбы. Покойному принадлежитъ много спеціальныхъ статей и сочиненій, нѣкоторыя изъ нихъ премированы михайловской преміей. Въ 1882 году напечатано его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Рѣшеніе задачъ прицѣльной и навѣсной стрѣльбы», которое принято за руководство въ Михайловской артилерійской академіи. Помимо занятій по балистикѣ покойный много трудился по астрономіи, произ-

водя астрономическія наблюденія въ собственной небольшой обсерваторіи, устроенной въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, и сообщая ихъ Пулковской обсерваторіи. Н. В. Маіевскій—дворянинъ Таврической губерніи, родился въ 1823 году, общее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1843 году окончилъ курсъ со степенью кандидата математическихъ наукъ, военное образованіе — въ Михайловской артилерійской академіи. Въ 1850 году онъ былъ приглашенъ артилерійскимъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета занять должность ученаго секретаря, въ 1858 году назначенъ членомъ артиллерійскаго комитета. Еще секретаремъ комитета, Н. В. составилъ цѣнныя таблицы стрѣльбы для нашихъ крѣпостныхъ, осадныхъ, полевыхъ и горныхъ орудій, въ 60 годахъ принималъ дѣятельное участіе въ проектированіи новыхъ нарѣзныхъ береговыхъ орудій изъ литой стали, заряжаемыхъ съ казенной части. Съ 1859 года по 1890 годъ покойный читалъ балистику въ Михайловской артилерійской академіи, получивъ въ 1876 году званіе заслуженнаго профессора. Въ 1890 году избранъ въ почетные члены Московскаго университета.

† 31-го января, въ Стрѣльнѣ **Аркадій Николаевичъ Похвисневъ,** одинъ изъ старѣйшихъ журналистовъ. Онъ родился въ 1816 году въ Орловскомъ имѣніи своего отца. Въ 1829 году А. Н. поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда вышелъ въ Преображенскій полкъ, въ которомъ послѣ 10 лѣтъ службы съ чиномъ штабсъ-капитана былъ отчисленъ въ безсрочный отпускъ и переведенъ въ Павловскій полкъ. Здѣсь онъ оставался недолго и назначенъ адъютантомъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву-Амурскому. Независимо отъ служебныхъ порученій, инспектированія баталіоновъ и слѣдствій, сопряженныхъ съ разъѣздами на десятки тысячъ верстъ по обширному краю, А. Н., какъ компетентный любитель и знатокъ сцены, былъ назначенъ графомъ Муравьевымъ директоромъ Иркутскаго театра, который въ то время считался лучшимъ въ провинціи. Въ управленіи театромъ онъ пользовался искреннею любовью и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ начальниковъ, товарищей и подчиненныхъ, какъ человѣкъ гуманный, просвѣщенный и остроумный—качества, которыя сохранилъ и въ преклонныхъ годахъ. Оставивъ военную службу, А. Н. болѣе 12 лѣтъ исключительно посвятилъ журнальной работѣ, театру, для котораго написалъ 14 репертуарныхъ пьесъ, игранныхъ всѣ съ успѣхомъ, при участіи такихъ талантовъ, какъ Асенкова, сестры Самойловы, Линская, Сосницкая, Брошель, Сосницкій, Мартыновъ, Дюръ, Максимовъ и всѣ извѣстные московскіе премьеры. Не вдаваясь въ серьезную драму, А. Н. преимущественно писалъ легкія комедіи и водевили съ куплетами, съ постоянно веселымъ содержаніемъ, массою остротъ и игриво написанными ролями. Особенное вниманіе обращали его рецензіи русскихъ, французскихъ пьесъ, а главнымъ образомъ его балетныя статьи, писанныя съ знаніемъ хореграфическаго искуства. А. Н былъ по части балета горячимъ сторонникомъ «строгаго классицизма» и ярымъ врагомъ всякихъ новшествъ. Въ балетныхъ кружкахъ А. Н. пользовался особою популярностью. Журнальное поприще А. Н. началъ въ «Сѣверной Пчелѣ» Греча, потомъ работалъ во всѣхъ театральныхъ журналахъ и газетахъ того времени, во многихъ современныхъ и преимущественно въ «Петербургской Газетѣ», болѣе 25 лѣтъ. Всѣ артисты цѣнили его мнѣніе и взгляды на искуство. Поступивъ на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати, А. Н. былъ замѣченъ министромъ Валуевымъ и ему было назначено отвѣтственное составленіе обозрѣній (меморій) въ видѣ resumé для государя. Не смотря на ежедневныя занятія, А. Н. вечеромъ являлся въ театръ бодрый, остроумный. Онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ матеріальныхъ средствъ, не смотря на солидное жалованье и весьма порядочный гонораръ за журнальную работу, но и при ограниченныхъ средствахъ онъ дѣлалъ много добра.

† 23-го февраля **Владиміръ Ивановичъ Головинъ**, хорошо извѣстный читающей публикѣ своими стихотворными переводами изъ шведскихъ и финскихъ поэтовъ. В. И., еще будучи воспитанникомъ псковской гимназіи, написалъ первое свое стихотвореніе и затѣмъ, позже, всѣ литературные труды свои посвящалъ сѣвернымъ поэтамъ. Блестяще и разносторонне образованный, окончивъ съ золотою медалью курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, онъ свою служебную дѣятельность посвятилъ Финляндіи, состоя чиновникомъ финляндскаго статсъ-секретаріата и ознакомившись съ учрежденіями, исторіей и жизнью Финляндіи. Послѣдній печатный трудъ его посвященъ этому же краю. Въ 70-хъ годахъ В. И., кромѣ своихъ литературныхъ и служебныхъ занятій, владѣлъ еще образцово поставленною типографіею и своими трудами въ этой области создалъ себѣ крупную репутацію среди типографовъ, но неудачныя спекуляціи и, особенно, петербургскіе ростовщики уничтожили предпріятіе, приносившее одно время до 35 тысячъ чистаго дохода. В. И. родился во Псковѣ, въ ноябрѣ 1835 года, въ бѣдной семьѣ и самъ пробилъ себѣ дорогу, печатался почти во всѣхъ журналахъ, отдѣльно издалъ переводы поэмы Тегнера «Первое причащеніе», датскаго народнаго гимна, съ посвященіемъ принцесѣ Дагмарѣ, и поэму Стагнеліуса «Владиміръ Великій».

† Присяжный повѣренный **Осипъ Яковлевичъ Левенсонъ** кончилъ жизнь самоубійствомъ въ Москвѣ. Онъ писалъ музыкальные фельетоны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; сборникъ этихъ статей вышелъ въ первоначальномъ видѣ въ двухъ томикахъ подъ заглавіемъ: «Въ концертной залѣ», второе же изданіе ихъ было значительно сокращено и озаглавлено «Изъ области музыки». Книга его обнаруживаетъ обширную начитанность автора, знакомство его съ иностранной литературой, особенно съ нѣмецкой; къ сожалѣнію, Левенсонъ придавалъ слишкомъ много значенія отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ и выказываетъ недостаточный анализъ ихъ мнѣній. Онъ былъ большимъ поклонникомъ представителей веймарской школы и горячо отстаивалъ тенденціи Вагнера, въ русской музыкѣ былъ поклонникомъ гг. Чайковскаго и Рубинштейна, но не признавалъ теорій такъ называемой «могучей кучки». Левенсонъ самъ очень хорошо игралъ на рояли и пользовался въ Москвѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ большимъ авторитетомъ въ качествѣ музыкальнаго критика; его фельетонами очень интересовались. У него на дому часто игрались квартеты, тріо и почти всегда съ его участіемъ (фортепіано). Ему было 46 лѣтъ. Одинъ изъ его кліентовъ Хаджиконста далъ ему довѣренность на веденіе его дѣлъ, и Левенсонъ, подделавъ этотъ документъ, заложилъ домъ, принадлежавшій его довѣрителю. Когда слухи о заложенномъ домѣ дошли до прокурорскаго надзора, Левенсонъ уѣхалъ въ Парижъ и, вернувшись въ Москву, былъ допрошенъ, въ качествѣ обвиняемаго, по производящемуся о немъ дѣлу о подлогѣ довѣренности, которая находилась въ кредитномъ обществѣ и представлена въ судъ, когда Хаджиконста прислалъ прошеніе объ уничтоженіи ея. Послѣ допроса Левенсонъ былъ отданъ на поруки своего соотечественника Малкіеля, потомъ подрядчику Селуанову, положившему за него залогъ въ 150.000 руб., и оставался на свободѣ. Когда послѣдовало распоряженіе прокурорскаго надзора объ его арестѣ, и онъ былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то подписалъ постановленіе о его задержаніи. Ему совѣтовали на такое постановленіе написать жалобу, но совѣта этого онъ исполнить не пожелалъ и, улучивъ минуту, вынулъ изъ кармана жилета маленькій пузырекъ въ кожаномъ футлярѣ съ ядомъ и принялъ его въ порошкѣ; съ Левенсономъ сдѣлалось дурно, были приглашены немедленно врачи, которымъ онъ сказалъ, что отравился стрихниномъ. Приняты были всѣ мѣры къ его спасенію; сдѣланы были подкожныя впрыскиванія противоядія, отъ чего онъ пришелъ на нѣсколько минутъ въ чувство, но затѣмъ его не стало.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

1.

По поводу инфлюэнцы въ Россіи.

Въ послѣднее время эпидемическій гриппъ, или инфлюэнца, принялъ, какъ извѣстно, угрожающіе размѣры пандемической болѣзни. При довольно значительномъ процентѣ смертности, инфлюэнца не щадитъ ни пола, ни возроста. Ставъ злобой дня, эта пандемія обратила на себя серьезное вниманіе спеціалистовъ-врачей, которые принялись изучать какъ характеръ, такъ и историческій ходъ развитія этой заразной болѣзни.

Западъ, очень внимательный къ своему прошлому, хорошо изучилъ свои историческіе источники и прослѣдилъ эту заразную болѣзнь съ XII вѣка включительно. Въ весьма обстоятельномъ трудѣ (Handbuch der historisch-geograph. Pathologie), появившемся въ 1881 году въ Штутгартѣ, авторъ его, докторъ Ав. Гиршъ, указываетъ на 1173 годъ, какъ на время перваго появленія инфлюэнцы въ Западной Европѣ. Съ тѣхъ поръ по 1876 годъ эпидемія гриппа свирѣпствовала въ Западной Европѣ 86 разъ, тогда какъ въ Россіи появленія гриппа извѣстно только 17 случаевъ. Чѣмъ это объяснить? Объясняется это просто тѣмъ, что наши спеціалисты, писавшіе объ эпидеміяхъ въ Россіи, черпали историческія свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ источниковъ, что отечественными источниками они не пользовались вовсе, убѣдившись, неизвѣстно какимъ путемъ, въ узкости умственнаго кругозора нашихъ лѣтописцевъ, которые по неразвитости не могли, напримѣръ, додуматься до необходимости оставить потомству болѣе подробное описаніе симптомовъ какой либо эпидеміи, а не ограничиться однимъ только констатированіемъ факта ея появленія, какъ они это будто бы дѣлали.

Этого очевиднаго непониманія своихъ лѣтописцевъ не избѣгъ ни одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ, и легко возможно, что это убѣжденіе и лишило ихъ возможности опредѣлить время перваго появленія многихъ эпидемій въ Россіи. Не избѣгъ этой ошибки и такой обстоятельный и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасный трудъ, какъ «Историческій очеркъ эпидемій гриппа въ Россіи» доктора медицины Н. А. Протасова, который, идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину, почему мы не знаемъ о состояніи народнаго здравія въ древней Россіи:

«Въ таблицѣ Гирша,—говоритъ авторъ,—начинающейся съ 1173 года, указаніе на эпидемію гриппа въ Россіи находится впервые только въ 1729 году. Но первая ли это эпидемія, или до нея у насъ гриппъ бывалъ и раньше, съ точностью рѣшить этотъ вопросъ едва ли возможно, по отсутствію достаточныхъ данныхъ. Вообще о состояніи народнаго здравія въ Россіи и объ эпидеміяхъ, господствовавшихъ у насъ, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, особенно съ древнихъ временъ. Причины этого различны. Прежде всего изолированное положеніе нашего отечества отъ Западной Европы, трудность сношеній и отсутствіе образованныхъ и ученыхъ людей—наблюдателей, интересовавшихся, какъ на Западѣ, описаніемъ и изученіемъ повальныхъ болѣзней, а главное — полное отсутствіе

врачей. Эти причины обусловливали отсутствіе точныхъ свѣдѣній о состояніи народнаго здравія, а отдаленность положенія Россіи и трудность сношеній затрудняли проникновеніе повальныхъ болѣзней къ намъ изъ Западной Европы. Первыми историками нашего государства были монахи-лѣтописцы, которые и представляли собою образованныхъ людей своего времени, интересовавшихся судьбами своего отечества. Но они, въ силу религіозныхъ понятій, считали болѣзни, а въ особенности эпидемическія, гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а потому только безхитростно (?) заносили въ свои лѣтописи: «того же лѣта было моровое повѣтріе», «бысть моръ великій», или «смерть люта и напрасна и скора», но какими припадками сопровождалась болѣзнь, каково было ея теченіе и распространеніе, въ эти подробности они не вдавались».

Эту же мысль, въ той или другой формѣ, можно встрѣтить у всѣхъ, писавшихъ объ эпидеміяхъ въ Россіи. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли наши лѣтописцы-монахи и эти «образованные люди своего времени» были столь дѣтски наивны, что ограничивались одними только «безхитростными» упоминаніями объ эпидеміяхъ, не понимая, на сколько важно описаніе ихъ симптомовъ?

Уже самое поверхностное знакомство съ лѣтописцами обнаруживаетъ совершенно противоположное. Оказывается, что чрезмѣрно строгіе критики не понимали лѣтописей—da liegt der Hund begraben! Оно, положимъ, несравненно легче обвинить лѣтописцевъ въ невѣжествѣ, чѣмъ терпѣливо знакомиться съ произведеніями этихъ историческихъ лицъ, во всякомъ случаѣ достойныхъ глубочайшаго уваженія и вѣчной признательности потомства. Дѣло въ томъ, что когда лѣтописецъ говорилъ: «того же лѣта бысть моровое повѣтріе», не поясняя признаковъ болѣзни, то это просто означало, что существовавшая болѣзнь была именно моровое повѣтріе, или иначе моровая язва, чума, тоже эпидемія, столь извѣстная и въ наши дни и очень частая въ древности. Такія болѣзни не описывались, какъ обыкновенныя и всѣмъ извѣстныя; за то появленіе очень рѣдкой или ранѣе небывалой болѣзни сейчасъ же заносилось въ лѣтописи. Правда, болѣзни эти описывались кратко, не по современному, но мѣтко и вѣрно, такъ что и теперь не трудно по нимъ узнать симптомы той или другой заразной болѣзни. Точно также и инфлюэнца не могла ускользнуть отъ наблюдательности лѣтописца, и по моему мнѣнію первое появленіе ея отмѣчено имъ. Говорю—по моему мнѣнію, потому что мнѣ, неспеціалисту, незнакомому съ симптомами этой эпидемической болѣзни, понятно, трудно узнать ее въ описаніяхъ эпидемій, оставленныхъ лѣтописцами: это дѣло историка-врача. Однако, для примѣра, приведу одно изъ подобныхъ описаній лѣтописцевъ, чтобы устранить незаслуженныя нареканія на нихъ. Быть можетъ, этотъ примѣръ вызоветъ въ комъ либо изъ нашихъ спеціалистовъ по исторіи медицины желаніе заняться изслѣдованіемъ нашихъ историческихъ источниковъ.

Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ какую-то пандемію, свирѣпствовавшую въ Россіи во второй половинѣ XIV столѣтія.

1364 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Руси. Помимо разныхъ политическихъ осложненій и неурядицъ, междоусобій удѣльныхъ князей, этотъ годъ отличался давно небывалыми атмосферическими явленіями. Вскорѣ стало извѣстно, что въ Нижнемъ Новгородѣ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь—«моръ великъ», которая быстро охватила всѣ станы

тогдашняго Нижегородскаго уѣзда и широко потянулась далѣе по «Сарѣ и Кишѣ, по странамъ и по властямъ».

Пока смерть косила по Нижегородскому уѣзду, остальное населеніе Руси, и безъ того запуганное приближеніемъ «Божьей кары», было не мало смущено тѣмъ, что творилось у нихъ надъ головами. Втеченіе этого года, говоритъ лѣтописецъ, «бысть стрѣляніе и шибеніе громное въ Твери на соборную церковь и страшна молнія и вихри». Весь годъ длились эти ужасныя въ особенности для суевѣрнаго человѣка XIV столѣтія атмосферическія явленія. Въ сентябрѣ наступилъ новый годъ, а они, эти атмосферическія явленія, еще продолжались до слѣдующей осени. Душевное настроеніе всего населенія древней Россіи видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца: «бысть знаменіе на небеси: солнце бысть аки кровь и по немъ мѣста черныя и мгла стояла съ полъ лѣта, и зной и жары бяху велиціи: лѣса, болота и земля горяше и рѣки пресохша, иныя же мѣста водяныя до конца исохша, и бысть страхъ и ужасъ на всѣхъ человѣцехъ и скорьбь велія».

Между тѣмъ, эта новая, еще никому не извѣстная эпидемическая болѣзнь, пришедшая съ юга, отъ Безвѣжа въ Нижній Новгородъ, начала постепенно распространяться. Она направилась на Рязань и на Коломну, отсюда перекинулась въ Переславль и наконецъ въ Москву. Изъ Москвы она по радіусамъ разошлась во всѣ стороны, охвативъ огромное пространство съ городами: Тверь, Владиміръ, Дмитріевъ, Суздаль и Волокъ, «и во вся грады разидеся силенъ и страшенъ».

Вопреки неосновательному обвиненію въ безхитростности, лѣтописецъ, описывая эту болѣзнь, не только даетъ вѣрное понятіе о ея признакахъ, но обнаруживаетъ удивительную для своего времени наблюдательность. Онъ отмѣчаетъ и отличаетъ двѣ заразныя болѣзни, свирѣпствовавшія въ Россіи одновременно въ 1364 году. Привожу описаніе лѣтописца дословно. «Того же лѣта моръ бысть въ Переславлѣ; болѣзнь же бысть двояка: едина—прежде, яко рогатиной, ударитъ за лопатку, или подъ грудь, противу сердца или межъ крылъ, и учинится жаръ, вскорѣ начнетъ кровію харкать и огнь зазжетъ и разваритъ и потомъ потъ велій пойдетъ, потомъ дрожь иметь, и полежавъ день единъ или два, а рѣдко того, чтобы кто полежалъ три дня, и тако умираху».

«Другіе желѣзою боляху, не единако: иному убо на шеѣ, иному же на стегнѣ, подъ западухою, подъ скулою, или за лопаткою, и умираху на день человѣковъ по семидесяти, по сту, и по полутораста, не токмо въ градѣ Переславлѣ, но и по всѣмъ властямъ и селамъ и монастырямъ переславскимъ».

Эти ужасныя эпидеміи появились въ первый разъ и, понятно, лѣтописецъ, поэтому, и оставилъ намъ описаніе ихъ.

Пораженный страшнымъ опустошеніемъ и паникой, распространенной свирѣпствовавшей эпидеміею, лѣтописецъ заключаетъ свое описаніе слѣдующимъ изъ глубины души вырвавшимся восклицаніемъ: «Увы! Увы! Кто возможетъ таковую сказати страшную и умиленную повѣсть?»

По словамъ того же лѣтописца, послѣдствія первой эпидеміи, а, можетъ быть, соединенныя дѣйствія ея съ другой эпидемическою болѣзнью, представляются по истинѣ ужасными: «А на Бѣлеозерѣ,—говоритъ онъ,—тогда ни единъ живъ обрѣтеся, и бысть скорбь велія по всей землѣ, и опусте вся земля и порасте лѣсомъ, и быша потомъ пустыни всюду непроходимыя».

Въ этой краткой, но живой картинѣ, изображенной лѣтописцемъ, не только имѣется толковое описаніе симптомовъ двухъ какихъ-то эпидемій, но, какъ мы видѣли, указано время, направленіе и напряженность болѣзней. Не забыты и метеорологическія явленія,—это ли не полное описаніе для скромнаго монаха столь отдаленной эпохи? **Л. Вейнбергъ.**

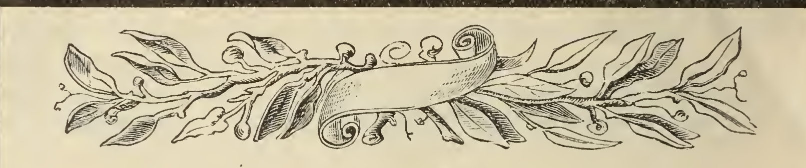
II.

По поводу письма г-жи Быховецъ.

Моя статья «Послѣдніе дни жизни Лермонтова» была уже отпечатана, когда въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за текущій годъ появилось письмо дѣвицы Быховецъ къ сестрѣ ея, отъ 5-го августа 1841 года. Происхожденіе этого письма весьма загадочно: оно найдено г. Акерманомъ случайно въ какой-то книжкѣ, купленной имъ на толкучкѣ въ Самарѣ въ 1891 году, и по содержанію своему представляетъ документъ оригинальный. Это какое-то птичье чириканье, доступное пониманію только корреспондирующихъ институтокъ. Въ немъ разсказывается урывками обо всемъ: о Лермонтовскомъ вечерѣ 8-го іюля, о дружбѣ и родствѣ съ поэтомъ, о его ссорѣ съ Мартыновымъ, о вызовѣ на дуэль, о послѣднемъ обѣдѣ въ колоніи и похоронахъ. Но провѣрить по немъ нить историческихъ фактовъ также трудно, какъ и понять самый языкъ письма. Г-жа Быховецъ пишетъ, что Лермонтовъ, спустя 4 дня послѣ вызова на дуэль, поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, но онъ въ это время былъ уже убитъ. Далѣе говоритъ, что 15-го іюля была въ Желѣзноводскѣ и долго гуляла съ Лермонтовымъ въ паркѣ, а потомъ поѣхали и обѣдали въ колоніи. Но не была ли она въ Желѣзноводскѣ и не гуляла ли съ Лермонтовымъ въ паркѣ когда либо прежде, такъ какъ, по ея же словамъ, она, при поѣздкѣ въ Желѣзноводскъ, съ компаніей завтракала въ колоніи въ 2 часа, а обѣдала съ Лермонтовымъ на обратномъ пути въ той же колоніи въ 5 часовъ? Но трехъ часовъ для двукратной поѣздки отъ колоніи въ Желѣзноводскъ и обратно и долгой прогулки въ рощѣ—недостаточно. Всего же болѣе характеризуетъ интересъ письма заявленіе, что о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ никто не зналъ, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ, и что они такъ и сдѣлали. Во всякомъ случаѣ письмо это ничего новаго къ сообщеннымъ мною выше фактамъ не прибавляетъ. Въ немъ, очевидно, смѣшаны впечатлѣнія нѣсколькихъ дней въ одномъ.

П. Мартьяновъ.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ.

(некрологъ).

Неожиданно, въ три дня, смерть унесла въ могилу энергичнаго работника на поприщѣ журналистики, исторіи, археологіи, публицистики, на общественной службѣ своимъ согражданамъ. Кому между сколько нибудь образованными русскими людьми неизвѣстно имя Михаила Ивановича Семевскаго, этого неутомимаго изслѣдователя нашей прошлой жизни во всѣхъ ея эпохахъ и проявленіяхъ, основателя и редактора журнала, 23-й годъ пользующагося прочнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ, хотя и ограничивающагося изученіемъ только одной Россіи? «Русскою Стариною» Михаилъ Ивановичъ воздвигнулъ себѣ, еще при жизни, несокрушимый памятникъ, aere perennius, въ который онъ вложилъ всю свою жизнь, гдѣ онъ работалъ съ упорною, непреклонною энергіей, не только собирая и разработывая матеріалы прошлаго, но и освѣщая многіе близкіе къ нашему времени вопросы, съ тою же любовью къ правдѣ, какая всегда руководила имъ во всѣхъ его поступкахъ. Родившись въ помѣщичьей средѣ (4-го января 1837 года, въ селѣ Великолуцкаго уѣзда), получивъ воспитаніе сначала въ провинціальномъ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку, Семевскій былъ выпущенъ на службу, въ іюнѣ 1855 года, прапорщикомъ въ л.-гв. Павловскій полкъ. Еще въ корпусѣ онъ выдавался своими сочиненіями на темы по русской исторіи и литературѣ и, замѣченный на экзаменахъ Я. И. Ростовцевымъ, получилъ отъ него рекомендательное письмо къ А. Д. Галахову, въ Москву, куда отправлялся на коронацію и отрядъ Павлов-

скаго полка. Въ Москвѣ, 18-тилѣтній офицеръ вошелъ въ кругъ професоровъ и литераторовъ, началъ посѣщать университетскія лекціи и посылать въ «Русскій Вѣстникъ» и «Русское Слово» статьи историческаго и этнографическаго содержанія. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ прикомандированъ, въ октябрѣ 1857 года, къ 1-му кадетскому

М. И. Семевскій.

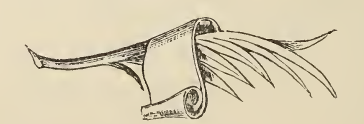
корпусу въ должности репетитора русскаго языка и, сверхъ того, преподавалъ исторію и литературу въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ писать статьи историческаго содержанія и, въ 1858 году, при основанія «Иллюстраціи» Бауманомъ, подъ редакціею В. Зотова, помѣстилъ въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ замѣчательный

этюдъ о Кожуховскомъ походѣ. Петербургскіе журналы: «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», позднѣе «Голосъ», охотно печатали его изслѣдованія, особенно относящіяся къ эпохѣ Петра I, къ которому писатель не относился съ особеннымъ сочувствіемъ. Въ 1859 году Ушинскій пригласилъ его преподавать исторію въ Смольномъ институтѣ, гдѣ онъ оставался до 1862 года, еще прежде (въ ноябрѣ 1860 года) выйдя въ отставку изъ военной службы. Когда онъ оставилъ преподаваніе въ Смольномъ не по своей волѣ, министръ просвѣщенія, А. В. Головнинъ, пригласилъ его обозрѣть народныя школы въ разныхъ губерніяхъ. Напечатанный имъ отчетъ о состояніи этихъ школъ въ Псковской губерніи былъ замѣченъ статсъ-секретаремъ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, пригласившимъ его служить въ государственной канцеляріи. Онъ скоро получилъ тамъ должность экспедитора, но въ 1866 году перечислился въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, гдѣ и оставался до закрытія этого комитета въ маѣ 1882 года. Служебные успѣхи пошли на ряду съ литературными и учеными: въ 1869 году онъ получилъ медали: за труды по устройству крестьянъ въ царствѣ Польскомъ и за труды по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ; въ 1870 году онъ началъ издавать «Русскую Старину»; въ 1871 году былъ избранъ въ члены археографической комисіи, въ 1874 году откомандированъ въ комисію для устройства въ имперіи архивовъ, въ 1878 году назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, въ 1882 году уволенъ отъ службы съ пенсіею въ 2.000 рублей и съ чиномъ тайнаго совѣтника. Это было блестящее завершеніе карьеры, начатой 27 лѣтъ тому назадъ съ прапорщичьяго чина. Съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ и на государственной службѣ, покойный работалъ на ученомъ и общественномъ поприщѣ. Втеченіе девяти трехлѣтій онъ былъ почетнымъ мировымъ судьею великолуцкаго мирового округа. Городъ Великія Луки избралъ его почетнымъ гражданиномъ за его плодотворное попечительство надъ женской прогимназіей и реальнымъ училищемъ. Онъ былъ почетнымъ членомъ археологическаго института, ученыхъ обществъ: ростовскаго, астраханскаго, казанскаго, одесскаго, антропологическаго, минералогическаго, древней письменности, исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, педагогическаго музея въ Петербургѣ, разныхъ архивныхъ комисій, дѣятельнымъ попечителемъ ремесленнаго училища и одной изъ городскихъ школъ, чле-

номъ Краснаго Креста и многихъ благотворительныхъ учреждeній, лондонскаго общества исторіи, и др. Въ 1877 году онъ былъ выбранъ въ гласные Петербургской думы и съ тѣхъ поръ втеченіе 15-ти лѣтъ неутомимо трудился на пользу города. Членъ управы и разнородныхъ думскихъ комисій, онъ два года (1883 — 1885) былъ товарищемъ городского головы и ревностно защищалъ все, что было направлено къ общему благу и пользѣ. Но въ долгой и напрасной борьбѣ съ управскими безпорядками, рутиною и халатностью, отказался отъ участія въ заправленіи дѣлами городского хозяйства и остался только членомъ комисіи по народному образованію и финансовой, работая неуклонно и безкорыстно на пользу городского управленія и городского благоустройства, не оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ литературныхъ, ученыхъ и журнальныхъ трудовъ. Изъ 267 книжекъ «Русской Старины», вышедшихъ подъ его редакціей, едва ли найдется одна, въ которой онъ не помѣстилъ бы какихъ нибудь статей изъ огромнаго запаса своихъ замѣтокъ, рукописей, автографовъ, собранныхъ имъ во время своей трудовой жизни, изъ своей великолѣпной библіотеки книгъ и матеріаловъ, относящихся къ изученію Россіи. Также ревностно трудился онъ надъ разработкою общественныхъ и частныхъ архивовъ, продолжая въ то же время издавать отдѣльныя сочиненія по разнымъ отраслямъ отчизновѣдѣнія. Такъ, въ послѣднее время имъ изданы два тома «Архива князя Куракина», «Записки Миниха» «Слово и дѣло» (второе изданіе), «Царица Екатерина Алексѣевна», пять собраній портретовъ русскихъ дѣятелей, альбомъ «Знакомые», съ 850-ю автобіографическими замѣтками извѣстныхъ дѣятелей, «Царица Прасковья», «Сборникъ писемъ Екатерины II»; изъ прежнихъ сочиненій его замѣчательны біографіи Лопухиной, фрейлины Гамильтонъ, семейства Монсовъ, Іоанна VI Антоновича, Петра III, Елисаветы Петровны, «Сторонники царевича Алексѣя», изданіе записокъ Болотова, и др. Брату покойнаго, профессору исторіи, Вас. Ив. Семевскому, которому, по словамъ газетъ, завѣщано продолжать «Русскую Старину», предстоитъ собрать если не всѣ, то главнѣйшіе труды покойнаго по изслѣдованію русской исторіи. Онъ не внесъ никакихъ новыхъ открытій въ эту область знанія, не проложилъ въ ней новыхъ путей и не шелъ впереди другихъ, но былъ твердымъ и настойчивымъ проводникомъ, горячимъ и убѣжденнымъ распространителемъ прогресивныхъ, свѣтлыхъ и гуманныхъ идей.

Михаилъ Ивановичъ, всегда бодрый, энергичный и заня-

тый дѣломъ, говорилъ, что ему «некогда хворать», но въ половинѣ февраля заболѣлъ инфлуэнцой. Болѣзнь прошла, и въ началѣ марта морское собраніе въ Кронштадтѣ пригласило его прочесть лекцію о Петрѣ Великомъ. 6-го марта онъ поѣхалъ въ Кронштадтъ и въ тотъ же вечеръ читалъ лекцію передъ многочисленной публикой. Во время антракта онъ почувствовалъ утомленіе и съ трудомъ окончилъ чтеніе. Вернувшись въ гостинницу, онъ послалъ за врачомъ, и тотъ констатировалъ крупозное воспаленіе легкихъ. На слѣдующій день для укрѣпленія силъ прибѣгли къ шампанскому и кислороду, но болѣзнь все усиливалась. 8-го марта онъ началъ писать утромъ дѣловое письмо, но не могъ его кончить. 9-го числа, въ 2 часа начался бредъ, и въ 6 часовъ Михаила Ивановича не стало. Тѣло его, привезенное 11-го марта изъ Ораніенбаума и встрѣченное на станціи желѣзной дороги многочисленными почитателями покойнаго, въ тотъ же день прибыло въ Новодѣвичій монастырь, и на слѣдующій день погребено тамъ въ присутствіи родныхъ, знакомыхъ, литераторовъ, депутацій отъ разныхъ учрежденій, учениковъ городскихъ школъ, гласныхъ думы и др. При отпѣваніи, священникъ произнесъ краткое надгробное слово, въ которомъ упомянулъ о заслугахъ покойнаго, какъ изслѣдователя русской страны, какъ ревнителя образованія, трудившагося надъ его распространеніемъ въ городѣ и во всей Россіи, и какъ добраго человѣка, горячо любившаго дѣтей. Надъ могилой безвременно почившаго общественнаго труженика, покрывшейся грудою вѣнковъ, г. Шляпкинъ сказалъ нѣсколько словъ о значеніи Михаила Ивановича, какъ ученаго и писателя. Но изъ выдающихся писателей и ученыхъ никто не произнесъ рѣчи надъ гробомъ того, кто такъ много говорилъ рѣчей на всѣхъ поприщахъ своей плодотворной дѣятельности, и такъ много собралъ ихъ изъ разныхъ вѣковъ въ своемъ журналѣ.

— Я все знаю. Твое назначеніе при тебѣ. Вы, капитанъ Шенъ, завтра выступаете. Очень радъ за отечество!

— Ты говоришь объ отечествѣ, ты?

— Я служилъ ему и продолжаю служить съ большею пользой, чѣмъ вы: въ тяжелые дни узнаютъ мнѣ цѣну. Я возвращаюсь къ вамъ, Жанъ Шенъ, выслушайте меня, ты тоже, Картамъ; я благодаренъ случаю, который ставитъ насъ лицемъ къ лицу съ вами. Вы честные люди.

— Благодаримъ,—проговорилъ сквозь зубы Картамъ.

— Я могу говорить съ вами совершенно откровенно, — продолжалъ Фуше, не обращая вниманія на то, что его прервали.

— Ты навѣрно соврешь.

— Суди самъ. Вотъ мое мнѣніе въ двухъ словахъ. Одинъ только человѣкъ можетъ избавить Францію отъ ужасовъ втораго нашествія: это—Наполеонъ. Люблю ли я его, или нѣтъ — безразлично. Фактъ несомнѣнный, вы сами это очень хорошо знаете. Если бы вы были единственными заговорщиками, я былъ бы спокоенъ, но есть другіе, которые ждутъ реванша еще съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Роялисты.

— Да, они; я знаю,—прибавилъ Фуше, понизивъ голосъ:—что эти люди не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы помѣшать успѣху ихъ злѣйшаго врага Наполеона. Я напрасно говорю объ этомъ, какъ о чемъ-то въ будущемъ, они уже дѣйствуютъ, и хотя, Картамъ, ты меня считаешь за дурнаго патріота, я замираю въ ужасѣ при мысли о томъ, что я подозрѣваю. Думаютъ,—тутъ голосъ его сталъ едва слышенъ,—что предатели напали на тайну и на планы сраженій.

— Этотъ слухъ дошелъ и до насъ,—замѣтилъ Картамъ.

— Неужели?... Нѣкоторые признаки заставляютъ меня думать что онъ отголосокъ истины... и я страшусь...

И онъ остановился, какъ будто эти опасенія сжимали ему горло.

Картамъ глядѣлъ на него и спрашивалъ себя, неужели въ самомъ дѣлѣ у этого человѣка, котораго было мало презирать, могли быть проблески совѣсти...

Кто самъ честенъ, тому такъ трудно вѣрить въ нечестность другаго.

— Чего же ты ждешь? Ты министръ полиціи, въ рукахъ котораго нити всѣхъ заговоровъ... Отчего же ты до сихъ поръ не схватилъ преступниковъ? Зачѣмъ не отнялъ ты у нихъ возможности наносить вредъ?

— Ахъ, до чего вы наивны!—воскликнулъ Фуше.—Министръ полиціи, стоглазый Аргусъ... Прекрасно!.. Неужели вы думаете, что всѣ заговорщики такъ же просты, какъ вы? Вѣдь вы же чест-

ные люди, вы рискуете вашею свободою, жизнью, головою. А вѣдь другіе, настоящіе-то преступники, превращаются въ нѣчто микроскопическое, невидимое, неуловимое. Вы кричите о вашихъ замыслахъ, они не говорятъ о нихъ даже шепотомъ. Развѣ Іисусъ зналъ Іуду? Одинъ изъ васъ предастъ меня, который? И апостолы, подобно вамъ, ни о чемъ не догадывались. Я искалъ и ничего не знаю, ничего не вѣдаю и ничего не могу подѣлать; знаю одно, что, быть можетъ, въ эту самую минуту по дорогѣ къ сѣверу несется человѣкъ, который уноситъ съ собой безопасность и честь Франціи.

И патріотъ Фуше съ грустью склонилъ голову.

— Но неужели нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы напасть на слѣдъ этихъ преступниковъ?

— Указанія всегда есть... у министра полиціи, — замѣтилъ съ усмѣшкою Фуше.—Но вѣрны ли они?

— Ихъ можно провѣрить.

— Положимъ. Но только помните, что я ничего не утверждаю, и если вы поступите неблагоразумно...

— Ты отречешься отъ насъ,—сказалъ Картамъ.—Будь покоенъ, какая намъ охота ссылаться на тебя?

— Дѣло въ томъ, что то, что намъ, полицейскимъ,—признаю это названіе и для себя,—кажется подозрительнымъ, для другихъ не имѣетъ никакого значенія. Знаю, что одна дама весьма уважаемаго, знатнаго рода, роялистка до фанатизма, нѣчто въ родѣ Дѣвы съ лиліей, преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ цѣль низверженія Наполеона. Я знаю, что ея домъ центръ заговора. Это женщина ума, Катилина въ юбкѣ, у нея есть лазутчики, она въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Вчера у нея было собраніе вандейцевъ. Сегодня утромъ она выѣхала,—куда?

— Но кто же эта женщина?

— Вы ее тоже знаете, она сегодня ночью...

И онъ продолжалъ медленно, устремивъ взоръ на Жана Шена.

— Пробралась въ ваше собраніе заговорщиковъ.

— Ея имя! ея имя!—воскликнулъ Жанъ Шенъ.

— Маркиза де-Люсьенъ, рожденная де-Салестэнь, — отвѣтилъ холодно Фуше.

Жанъ Шенъ смертельно поблѣднѣлъ.

— Вотъ видите ли, — продолжалъ Фуше, дѣлая видъ, что не знаетъ настоящей причины его волненія, — милліонерша, въ родствѣ съ самыми именитыми семьями Франціи.

— А если эта женщина предастъ Францію, чортъ ли въ ея богатствѣ, въ ея имени?—замѣтилъ Жанъ Шенъ, преодолѣвъ свое волненіе.

— Людовикъ XVI ужъ чего былъ именитаго рода,—прибавилъ Картамъ.

— Я не жду ничего хорошаго отъ этой женщины... Впрочемъ, я, кажется, увлекся и разсказалъ вамъ больше, чѣмъ слѣдовало. Воспользуйтесь этимъ по своему усмотрѣнію. Теперь вы знаете, что вы свободны... у меня много дѣла... Прощайте!

И онъ направился къ двери, чтобы проводить своихъ собесѣдниковъ.

— Извѣстно ли тебѣ, по крайней мѣрѣ,—спросилъ Картамъ,— куда направилась эта продавщица родины?...

— Нѣтъ, но объ этомъ легко догадаться. Притягательная сила дѣйствуетъ на сѣверѣ. Кстати, какая еще птичка попалась вмѣстѣ съ вами? Я велѣлъ его выпустить, не справляясь даже объ его имени. Вѣроятно, волченокъ якобинецъ.

— Не совсѣмъ-то,—отвѣтилъ Картамъ,—дворянинъ, да еще весьма знатный, славный малый, хотя роялистъ до чертиковъ, и отдѣлалъ же онъ твою полицію!

— Его имя?

— Виконтъ де-Лорисъ.

— Вотъ какъ,—замѣтилъ Фуше самымъ равнодушнымъ тономъ,—женихъ маркизы де-Люсьенъ.

Во второй разъ Жанъ Шенъ перемѣнился въ лицѣ.

Но Фуше, который торопился выпроводить посѣтителей, открылъ уже дверь; вошелъ служитель, чтобы проводить ихъ.

— Прощай, Картамъ,—проговорилъ Фуше.

— Прощай, Фуше.

Дверь закрылась за ними.

Фуше стоялъ не двигаясь, устремивъ взоръ въ стѣну.

— Чортъ возьми!—проговорилъ онъ,—не дурно устроилось. Роялисты предаютъ и мнѣ благодарны... Якобинцы узнали объ этомъ отъ меня и примутъ это во вниманіе... я остаюсь въ равновѣсіи.

XI.

Изъ всѣхъ трагическихъ кризисовъ, черезъ которые прошла Франція, тотъ, который исторія назвала именемъ, не заключающимъ въ себѣ ни хвалы, ни порицанія—кризисъ «Ста дней», одинъ изъ самыхъ печальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ.

Никогда Франція, обыкновенно столь опредѣленная, сознательная, даже въ своихъ ошибкахъ, въ своихъ увлеченіяхъ, не была менѣе рѣшительна.

Впродолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ точно не хватало ей равновѣсія, и какое-то непрерывное колебаніе нагоняло дремоту на мозгъ страны.

Странный періодъ; въ 1814 году большинство населенія привѣтствовало Бурбоновъ, какъ освободителей; послѣ всѣхъ крово-

пролитій, истощенія, это былъ покой, миръ! Тому, кто обезпечивалъ его, оно отдавалось безъ задней мысли: хартія казалась ему возобновленіемъ либеральныхъ традицій.

Но вотъ всѣ дореволюціонные мертвецы, феодалы, акробаты Людовика XIV и рядомъ съ ними всевозможные ханжи, отъ которыхъ только требовалось немножко болѣе терпѣнія и лицемѣрія, порѣшили силою вернуть Францію въ Прокустово ложе, съ котораго она сбѣжала, оставивъ на его желѣзной рѣшеткѣ клочки своего мяса и слѣды крови.

Эти воскресшіе превратились въ подстрекателей, махали своими саванами вмѣсто знаменъ, приказывая всѣмъ слѣдовать за ними, и тому, котораго вчера еще ненавидѣли, котораго вчера еще страшились, Наполеону, стоило только проявить свою смѣлость, чтобы Реставрація, это ничтожество, воздвигнутое ни на чемъ, рухнуло.

Но въ эти нѣсколько мѣсяцевъ Франція забыла, чѣмъ былъ императоръ.

Обманывая сама себя, принимая мечты за дѣйствительность, она убѣдила себя, что человѣкъ, который вернулся, былъ не тотъ, который уѣхалъ: островъ Эльба сотворилъ это чудо, это превращеніе самаго отвратительнаго деспота въ самаго кроткаго освободителя.

Для наивной массы это было торжество вѣры — пришествіе Мессіи.

Но политики не такъ относились къ положенію вещей: они требовали немедленно политическаго равновѣсія, учрежденія парламента, подчиненія исполнительной власти власти законодательной. Настала непроглядная ночь, всѣ требовали свѣта, свѣта полнаго, мгновеннаго, ослѣпительнаго.

Наполеонъ, въ высшей степени проникнутый диктаторскимъ чувствомъ, усиливавшимся увѣренностью въ томъ, что онъ одинъ въ состояніи отвратить опасность, сперва сопротивлялся, потомъ не выдержалъ; онъ согласился на уступки, которыя могли быть только временными; онъ слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы не понять, что разъ онъ явится побѣдителемъ, всѣ сопротивленія легко устраняются при помощи плебесцита или голосованіемъ безъ всякихъ записокъ, а послѣ побѣды онъ легко справится съ безпокойнымъ либерализмомъ. Если же онъ побѣжденъ, къ чему же тогда бороться? Онъ зналъ заранѣе свой приговоръ.

Настоящая борьба должна была происходить на почвѣ опредѣленной, вполнѣ выясненной: побѣда или пораженіе.

Политики, для которыхъ свобода заключалась въ допущеніяхъ къ правительственнымъ функціямъ, въ свою очередь очень дешево цѣнили побѣду: они въ сто разъ больше были бы довольны какимъ нибудь трактатомъ, который бы избавилъ ихъ отъ Наполеона. Народъ, болѣе искренній, еще разъ разочаровавшійся въ

Бурбонахъ, когда разглядѣлъ ихъ поближе, напуганный, полный ненависти къ иноземцамъ, отъ которыхъ онъ едва избавился, былъ готовъ на всѣ жертвы, лишь бы одержать побѣду: прежде всего сокрушить коалицію, а ужъ потомъ разобраться семейнымъ образомъ во внутреннихъ дѣлахъ.

Съ одной стороны интриги, съ другой безразсудный энтузіазмъ: чѣмъ разрѣшить все это, какъ не войною — случайно вытащенный жребій. Плебисцитъ, которому предстояло одобрить этотъ прибавочный актъ, сознавалъ незаконнорожденность такого положенія; подписалось не болѣе 130 тысячъ голосовъ. Тѣмъ не менѣе, актъ былъ утвержденъ, но къ нему отнеслись съ тѣмъ равнодушіемъ, которое доказало, какъ мало значенія придавали формальности, требовавшейся близорукими политиками. Наполеонъ зналъ, что окруженъ предателями и недоброжелателями; онъ уличилъ Фуше въ интригахъ съ иноземщиной, но онъ терпѣлъ его въ своихъ расчетахъ на будущее. Его теребили всѣ его совѣтчики, предавая его самымъ преступнымъ образомъ—одни сознательно, другіе по глупости, онъ все выносилъ, всѣ эти тираніи, которыя считалъ для себя оскорбительными, хотя онѣ иногда и скрывались подъ формой особой почтительности, въ надеждѣ воздать за все послѣ успѣха.

1-е іюня 1815 года явилось апоѳеозомъ его популярности.

Онъ, по выраженію папы, комедіантъ и трагикъ, собрался побѣдить толпу своимъ величіемъ, увлечь ее апоѳеозомъ своей силы, тронуть ее опасностью отчизны.

Съ утра пушечная пальба сзывала народъ на улицы и площади.

Этой великолѣпной театральной обстановкѣ, одна внѣшность которой долженствовала тронуть всѣ сердца, погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала.

Все было залито лучами яркаго іюньскаго солнца.

Парижъ, воодушевленный скорѣе любопытствомъ, чѣмъ радостью, скорѣе взволнованный, чѣмъ растроганный, принялъ праздничный видъ. Рабочіе предмѣстій, буржуа изъ Marais, все контрабандное населеніе Пале-Рояля, а также элегантные фланеры бульваровъ, почтенныя торговки съ рынка, мелкія швейки, гризетки въ чепчикахъ съ цвѣтами, отъ которыхъ наши современныя корсетницы и перчаточницы сгорѣли бы со стыда, вся эта рѣка парижскаго населенія прорывалась потокомъ по бульварамъ, по улицѣ de la Paix, по улицѣ Rivoli, разливалась цѣлымъ моремъ по площади de la Concorde, на которой уличные мальчишки прыгали въ вырытыхъ по четыремъ угламъ ямахъ, или влѣзали на будки, которыя были украшены аллегорическими вѣнками, затѣмъ отливала на Champs Elysées, образуя водоворотъ, центръ котораго просачивался подъ ноги лошадей Марли, откуда

шли два теченія — одно направлялось къ Etoile, теперешнему Rond-pont, другое—къ набережной de la Conférence.

На лѣвомъ берегу происходилъ настоящій исходъ изъ св. Женевьевы въ «Grenelle»: новые бульвары — du Midi, Luxembourg, Mont Parnasse, Vaugirard, des Invalides, набережныя отъ Jardin des plantes до Corps législatif, отъ Montebello до университета и архива, въ то время помѣщавшихся на берегу рѣки за площадью Инвалидовъ,—всѣ эти пути, изъ которыхъ нѣкоторые были неоконченны, были запружены группами веселыхъ студентовъ и рабочихъ съ портовъ, которые слѣдовали черезъ хмурое Сенъ-Жерменское предмѣстье. Эти вереницы прохожихъ быстро сторонились, когда шли баталіоны федератовъ, въ блузахъ, съ палками, вмѣсто обѣщаннныхъ, но не выданныхъ имъ ружей, эти сомнительныя шайки, готовыя на насилія и за, и противъ какой угодно партіи.

Но какъ только раздавался рожокъ, какъ только барабанный бой возвѣщалъ о регулярномъ войскѣ, объ армейскомъ полкѣ или національной гвардіи, толпа прижималась къ стѣнамъ домовъ или къ периламъ. Офицеры, бывшіе въ запасѣ во время Реставраціи, снова ожили и, гордясь возвращенными имъ правами, важно выступали. Солдаты, большинство которыхъ пережило французскую войну, молодые, съ загорѣлыми лицами, шли быстрымъ шагомъ, точно въ желчной лихорадкѣ, съ устремленнымъ взоромъ на знамена воскресшихъ трехъ цвѣтовъ.

Въ толпѣ мало раздавалось криковъ, какой-то безотчетный страхъ мѣшалъ восторгамъ радости.

Но иногда какой нибудь ветеранъ императорской арміи съ деревянной ногой, или съ пустымъ рукавомъ безъ руки, бросался въ ряды, чтобы расцѣловать пріятеля, и, увлеченный теченіемъ, продолжалъ идти вмѣстѣ, точно колесо снова захватило его.

Въ группахъ слышались слова: Аустерлицъ, Ваграмъ, Шанпоберъ.

За полкомъ бѣжали уличные мальчишки, безъ шапокъ, волосы ихъ такъ и развѣвались по вѣтру, они лѣзли подъ ноги лошадей.

— Да здравствуетъ императоръ!—кричали звонкіе голоса, къ нимъ присоединялись и голоса взрослыхъ людей.

По словамъ одного изъ современниковъ, женщины молчали и, даже улыбаясь галантнымъ офицерамъ, казались печальными. Вдругъ, за четверть часа до 12, раздались страшные ускоренные выстрѣлы пушекъ.

Вся толпа съ площади de la Concorde ринулась къ рѣшеткамъ Тюльери.

Тутъ уже образовались цѣлыя изгороди изъ народа; солдаты заградили проходъ съ терассы къ набережной de la Conférence, и всѣ эти массы возвышались цѣлымъ куполомъ. Всѣ глаза широко раскрылись, всѣ затаили дыханіе... То былъ Наполеонъ!

По широкой аллеѣ, на фонѣ изъ зелени, отъ павильона Медичи до площади Pont-Tournant, тянулся кортежъ, вышедшій со двора Тюльери, весь сіяющій на яркомъ солнцѣ пурпуромъ, золотомъ и сталью.

Во главѣ несется гвардія, звеня кирасами и саблями, съ развѣвающимися султанами, за ними на золотыхъ осяхъ широкая, грузная коронаціонная карета, запряженная восемью громадными лошадьми, головы которыхъ исчезаютъ подъ перьями и лентами.

Карету окружаютъ блестящіе мундиры, на которыхъ лучи солнца играютъ разнообразными переливами, настоящіе костюмы комедіантовъ, развѣвающіяся перья, разлетающіеся доломаны, мельканье султановъ, пестрота аксельбантовъ, крестовъ, звѣздъ.

За ними карасиры, карабинеры, съ огненною грудью, все это великолѣпіе издали казалось метеоромъ.

Рѣшетки сада внезапно разверзлись точно отъ невидимыхъ рукъ, затѣмъ пошло: фырканье лошадей, скрипъ колесъ, цвѣта и отраженія, превратившіяся въ пестроту калейдоскопа. Сонъ величія и гордыни.

Толпа казалась нерѣшительною, скорѣе удивленною, чѣмъ восхищенною, но вотъ въ каретѣ, какъ въ золотой рамѣ, на атласномъ фонѣ, точно византійская медаль, появляется римскій профиль императора, жирный, мраморный отъ падающихъ на него тѣней перьевъ. Какъ! онъ не въ генеральскомъ мундирѣ, одѣтъ капраломъ, солдатомъ. А между тѣмъ Парижъ ждетъ солдата, на солдата возлагаетъ свои надежды.

По командѣ, сдѣланной по линіи, ружья взбрасываются, штыки поднимаются кверху и раздается звукъ стали, напоминающій хлопанье бичемъ; сабли, сверкая на солнцѣ, вынимаются изъ ноженъ.

— Да здравствуетъ императоръ!

На этотъ разъ грандіозная поэзія зрѣлища, грозный возгласъ: «На плечо!», брошенный Франціею въ лице иноземщины, побѣдили всѣ сомнѣнія, всякое резонерство, и радостные крики ростутъ, гремятъ, превращаются въ непрерывное эхо, которому вторятъ пушки.

— Ней! Да здравствуетъ Ней!

Это маршалъ, онъ скачетъ подлѣ императорской кареты, изъ которой ему только что было сказано:

— А я полагалъ, что вы уже эмигрировали.

По мѣрѣ прослѣдованія конвоя крики удвоиваются; крики народа, одобренія, благодарности, надежды, носились надъ полками, раздавались по всему городу, опасенія котораго превратились въ восторгъ, и въ послѣдній разъ онъ подписывалъ кровью договоръ съ грознымъ воителемъ.

На Марсовомъ Полѣ зрѣлище было поистинѣ поразительное.

Изъ двухъ боковыхъ флигелей «École militaire» тянулись длинныя эстрады, на оконечности одной четверти ихъ круга было оставлено пустое пространство, среди котораго возвышалась высокая эстрада, вся убранная краснымъ, съ золотыми пчелами, сукномъ. Въ глубинѣ, ближе къ центральному павильону, возвышался подъ балдахиномъ тронъ. Въ этой оградѣ помѣщались братья императора, высшіе сановники, 500 избирателей-делегатовъ, генералы, магистраты, эти 10 тысячъ актеровъ или зрителей грандіознаго, потрясающаго спектакля, торжество вѣры цѣлаго народа въ одного человѣка.

Внѣ этой привилегированной ограды, на обширной окружности Марсова Поля, помѣщался народъ, 50 тысячъ солдатъ, императорская гвардія, линейныя войска, кавалерія, національная гвардія, сто пушекъ, затѣмъ по угламъ размѣстились федераты со всѣхъ концовъ имперіи, добровольные делегаты націи, желающей защищаться, затѣмъ повсюду народъ. Сердца всѣхъ потрясены. Передъ трономъ, на который «Te Deum» только что призывалъ благословеніе Божіе, ораторъ избирательныхъ коллегій громко провозглашалъ слова о вѣрности, свободѣ и независимости.

— Каждый французъ — солдатъ; побѣда снова послѣдуетъ за вашими орлами, и враги наши, которые расчитывали на наши раздоры, скоро пожалѣютъ, что они затѣяли съ нами дѣло!

Такія слова всегда воодушевляютъ души патріотовъ и отъ нихъ размягчаются сердца, подавленныя страхомъ.

Хочется вѣрить и вѣрятъ. Да отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не повѣрить?

Но вотъ раздается голосъ Наполеона, сперва глухой, затѣмъ звонкій, какъ рожокъ:

— Французы, моя воля—воля народа, мои права — его права. Моя честь, моя слава, мое счастье не могутъ быть иными, какъ честью, славою, счастьемъ Франціи!

Затѣмъ присяга конституціямъ имперіи. Сотни голосовъ соединились въ одномъ словѣ почтенія и преданности.

Въ трибунахъ возсѣдали элегантныя дамы, въ самыхъ роскошныхъ туалетахъ, съ обнаженными шеями, съ жемчугами и брильянтами въ волосахъ; кружевныя прямыя косынки, вышитыя золотыми блестками, прикрывали грудь, высоко поднятую длиннымъ лифомъ; руки были разукрашены браслетами. Умиленныя, онѣ привѣтствовали платками, надушенными гортензіею, эту верховную власть; онѣ болѣе чѣмъ кто нибудь поддавались обаянію новыхъ чувствъ, такъ какъ Наполеонъ въ то время желалъ болѣе увлекать, чѣмъ господствовать.

Вдругъ все зашевелилось: знамена будутъ раздаваться не въ оградѣ. Императоръ заручился своею властью; глава арміи подниметъ теперь штандартъ Франціи.

Наполеонъ всталъ съ трона, съ него торжественно сняли его императорскую мантію, затѣмъ онъ прослѣдовалъ медленно между сановниками и, сопровождаемый своими министрами, вышелъ изъ ограды, поднялся по ступенкамъ на большую эстраду, откуда можно было лучше окинуть окомъ громадное пространство Марсова поля, эту движущуюся площадь народа, это поле ржи, колосьями котораго были штыки.

Незабвенное зрѣлище: Наполеонъ, стоящій точно въ апоѳеозѣ. Кругомъ груды трехцвѣтныхъ знаменъ съ золотою бахромою, съ золотыми орлами, и благословляющій архіепископъ дю-Барраль, съ поднятыми вверхъ руками. Внизу полки, артиллерія, кавалерія, блестятъ всевозможными переливами подъ яркими лучами солнца.

Опять заговорилъ Наполеонъ; слова его звучатъ ясно, опредѣленно, какъ команда; онъ обращается къ патріотизму, къ храбрости, къ самоотверженію. Онъ требуетъ обѣщаній, жаждетъ восторговъ, криковъ, играетъ, какъ настоящій артистъ, на струнахъ человѣческихъ сердецъ. Депутаціи войскъ слѣдуютъ одна за другой, какъ волна за волной, непрерываясь. Женщины рукоплещутъ солдатамъ, бросаютъ имъ букеты, платки, вѣера, посылаютъ имъ поцѣлуи. Всѣ крики соединились въ одинъ, всѣ голоса точно слились въ одинъ голосъ. Народъ, наэлектризованный, желая приблизиться къ этому человѣку, который еще разъ сталъ центромъ, прорвалъ всѣ преграды и, увлекая за собою полицейскихъ агентовъ, прорывался въ ряды солдатъ, лѣзъ подъ ноги лошадей и, поддаваясь инстинктивно дисциплинѣ, образовывалъ цѣлыя стѣны, среди которыхъ теперь проходило войско.

Передъ императоромъ поднимались руки, обнажились шпаги, а офицеры, окружающіе его, отдавали честь ротамъ.

Шумъ, полный страсти, превратившійся въ безритменный гулъ.

Вдругъ, въ полукругѣ, въ которомъ проходили роты передъ императоромъ, все смолкло.

Люди шли съ офицерами во главѣ воинственнымь шагомъ, безъ крика.

Толпа, точно пораженная, смолкла. Наполеонъ, нагнувшись впередъ, смотрѣлъ.

Это шелъ отрядъ 6-го полка стрѣлковъ, того самаго, который три мѣсяца назадъ въ Компьэнѣ устоялъ противъ всеобщаго энтузіазма. Его хотѣли потопить въ этихъ волнахъ восторга. Въ полномъ порядкѣ, какъ бы идя на бой, проходили люди мимо.

Офицеры, не спотыкаясь, держали шпаги по уставу. Еще минута, и они прошли.

Въ это самое время изъ толпы раздался звучный, торжественный голосъ:

— Отечество въ опасности... Императоръ да спасетъ Францію... Да здравствуетъ императоръ!

И Жанъ Шенъ, и другіе, поднявъ шпаги, воскликнули:

— Да здравствуетъ императоръ!

Въ это самое время, неизвѣстно откуда, въ солдатъ были брошены вѣтки омелы (gui). Они, не нагибаясь, на ходу ловили ихъ. Наполеонъ обернулся къ Фуше:

— Кто говорилъ?—спросилъ онъ рѣзко.

Герцогъ Отрантскій нагнулся къ нему.

— Пускай ваше величество взглянетъ направо, на первые ряды толпы... высокій старикъ, съ сѣдыми волосами, онъ опирается на молодую дѣвушку.

— Кто это такой?

— Бывшій членъ Конвента, ссыльный Нивоза.

Наполеонъ пожалъ плечами и отвернулся.

Передъ эстрадою группа офицеровъ разговаривала:

— Что вы дѣлаете, милѣйшій Лорисъ, вы поднимаете зеленую вѣточку, которая, по моему, эмблема якобинцевъ.

Лорисъ, въ формѣ поручика, пряталъ вѣтку себѣ за кушакъ:

— Вы не ошиблись, Тремовиль,—отвѣтилъ онъ,—я ее взялъ и сохраню ее... это память.

И движеніемъ шпаги онъ послалъ поклонъ въ сторону старика, бывшаго члена Конвента, и... Марсели.

Крики восторга продолжались.

Наполеонъ сіялъ.

XII.

Капитанъ Лавердьеръ, какъ всѣ авантюристы, былъ изъ тѣхъ, которые жаждутъ увидать поскорѣе окончаніе задуманнаго ими предпріятія, тѣмъ болѣе, что обыкновенно въ связи съ окончаніемъ бываетъ и получка вознагражденія. Все у нихъ, что называется, кипитъ и горитъ. Не теряется ни минуты на первыхъ порахъ. Однако, ощущая у себя туго набитую мошну и хорошо зная, что кредитъ у него большой, такъ какъ дѣло было весьма деликатное, партизанскій предводитель, быть можетъ, и замѣшкался бы въ Парижѣ, если бы нѣкоторыя опасенія не заставили его не терять времени.

И, правду сказать, Лавердьеръ былъ не изъ тѣхъ низменныхъ буржуа, которые могутъ въ часъ разсказать о своемъ монотонномъ существованіи: въ его прошломъ были забытыя страницы, о которыхъ онъ не любилъ вспоминать, и до новаго положенія вещей ему было бы не особенно пріятно, если бы кто нибудь вздумалъ доискаться его подноготной.

Побочное дитя аристократическаго рода, изъ дворянства Bocage, вслѣдствіе своего происхожденія выброшенный изъ нормальной жизни, не желающій подчиняться банальности регулярнаго труда, тотъ, кто въ настоящее время носилъ имя Лавердьеръ, по крайней мѣрѣ, разъ сто въ 20 лѣтъ пытался подъ разными превращеніями не сочетаться бракомъ, но изнасиловать фортуну, эту кокетку, которая боится грубой страсти и не дается иногда въ руки.

А между тѣмъ, чтобы легче овладѣть ею, онъ освободился отъ всякаго неудобнаго багажа, какъ-то: принциповъ и мученій совѣсти.

Съ 1797 по 1800 годъ онъ воевалъ не въ Вандейской войнѣ, а въ шуанской, изъ расчета, охотясь за наживою, обирая и вымогая деньги, получая отовсюду тумаки, воздавая ихъ сторицею, за обѣщанный ударъ палкою нанося ударъ кинжаломъ, иногда богатый на одну недѣлю, превращавшійся въ нищаго въ какія нибудь двѣ ночи разврата. Но, увы! нѣтъ дороги безъ ямъ: въ періодъ строгостей консульства онъ попался въ кражѣ на большой дорогѣ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Правда, дѣло шло о казенныхъ деньгахъ, обстоятельство, которое, вѣроятно, тронуло судей: онъ поплатился ссылкой и каторжной работой.

Испорченная будущность, что говорить; но у Лавердьера нашелся выходъ: разныя услуги, оказанныя въ свое время полиціи, нѣсколько подходящихъ доносовъ, цѣлая политическая гамма лицемѣрія и навѣтовъ возвратили ему свободу. Съ тѣхъ поръ онъ вездѣ перебывалъ понемножку, и во Франціи, и за границею, вѣчно бѣгая по слѣдамъ, какъ гончая собака, то на службѣ при императорской полиціи, то на жалованьѣ у Малэ дю-Пана или де-Пюизьё, предавая то однихъ, то другихъ, продавая всѣхъ и все широкою рукою, въ тѣхъ расчетахъ, что онъ наканунѣ быстраго обогащенія, вѣчно сохраняя наивную вѣру въ обѣщанія своихъ кліентовъ, выплывая сегодня для того, чтобы завтра опуститься на дно самой ужасающей нищеты.

Въ общемъ, настоящій образецъ преступности.

Однако, по мѣрѣ того, какъ подъ разными прозвищами онъ рисковалъ быть повѣшеннымъ, у этого человѣка было только одно прекрасное желаніе, глубокое, неизмѣнное, онъ мечталъ о возможности снова носить свое настоящее имя, которое такъ хорошо звучало, въ которомъ было столько блеска, но чтобы удовлетворить эту фантазію, онъ составилъ себѣ цѣлую программу, которой никакія обстоятельства до сихъ поръ не заставили его измѣнить,— онъ рѣшилъ участвовать въ такомъ дѣлѣ, которое вознаградило бы его не только матеріально, но вернуло бы ему его положеніе въ свѣтѣ, дало бы ему не деньги, а уваженіе.

Въ сущности уваженіе можно вѣдь тоже скрасть, какъ и всякое другое добро на свѣтѣ; онъ подстерегалъ какое нибудь дѣло чести, чтобы наложить на него руку и воспользоваться имъ для украшенія своего имени. Онъ ставилъ ловушки дѣйствительному или мнимому возстановленію своего честнаго имени, расчитывая при всѣхъ неудачахъ на одну изъ тѣхъ перипетій, какія случайность приберегаетъ иногда для самыхъ несчастливыхъ неудачниковъ. Онъ утомился никогда не быть самимъ собою, онъ хотѣлъ влѣзть въ свою собственную шкуру, ему казалось, что его настоящее имя будетъ для него маскою, за которою никто не узнаетъ въ немъ ни авантюриста, ни разбойника.

Иллюзія, быть можетъ, но превратившаяся въ неотступную мысль. Онъ скромно упомянулъ о ней въ своемъ разговорѣ съ madame де-Люсьенъ; онъ былъ искрененъ, говоря, что это удовлетвореніе было бы для него дороже богатства. Къ несчастью, этому сну дѣйствительность всячески сопротивлялась, цѣль отходила все дальше.

Игрокъ, пьяница и развратникъ, Лавердьеръ нагромождалъ передъ именитымъ батардомъ препятствіе за препятствіемъ, цѣлыя баррикады поддѣльныхъ игральныхъ костей, опустошенные жбаны и заушницы, въ которыхъ не сознаются.

Онъ не умѣлъ справляться съ полными карманами.

Напримѣръ, въ тотъ день, когда маркиза такъ щедро заплатила ему впередъ за его трудъ, онъ поспѣшилъ, точно не вынося полноты своихъ кармановъ, въ кабакъ, гдѣ, увлекшись какой-то дрянью, съ ней порядкомъ растранжирилъ свой капиталъ.

Какъ поправить проруху?

Что или кого продать?

Очень кстати онъ вспомнилъ о случайно подслушанномъ разговорѣ на почтовомъ дворѣ.

Онъ, смѣясь, направился въ полицію для переговоровъ.

Операція не важная: нѣсколько золотыхъ, съ презрѣніемъ брошенныхъ, подъ условіемъ, что онъ самъ проводитъ агентовъ въ логовище якобинцевъ.

Мы уже знаемъ, сколько тумаковъ онъ получилъ за свои труды. А такъ какъ, помимо всѣхъ остальныхъ капитальныхъ грѣховъ, Лавердьеръ особенно культивировалъ гнѣвъ и, при видѣ этого маленькаго виконта, шпага котораго еще утромъ чуть не подрѣзала подъ самый корень всѣ его планы на будущее, онъ пришелъ въ безумное бѣшенство: ударъ шпагою, который онъ получилъ по лицу, имѣлъ ту хорошую сторону, что онъ заставилъ его образумиться. Неужели же онъ будетъ вѣчно безумствовать? Какое ему дѣло до злополучнаго виконта и маленькой якобинки?

Неужели къ этой глупой сдѣлкѣ съ полиціей изъ-за грошей, въ то время, когда ему, по его дѣламъ, слѣдовало бы быть совсѣмъ

въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавитъ еще другую глупость — свою смерть изъ-за дурацкой исторіи?

Эта выпущенная капля крови освѣжила его, онъ рѣшился бѣжать.

Полиція, которой онъ такъ добродушно предложилъ свои услуги, вздумала вдругъ отнестись къ нему такъ серьезно, и ей-то онъ открылъ тайну!

Прибывъ къ дверямъ Conciergérie, мрачный видъ которой пробудилъ въ немъ непріятныя воспоминанія, онъ сбѣжалъ отъ агентовъ Фуше и вернулся въ трактиръ въ улицѣ Сенъ-Дени, и разбудилъ своихъ трехъ спутниковъ, которые спали въ ожиданіи работы. Вмѣсто шестерыхъ, всего трое, что дѣлать? Военныя силы зависятъ отъ бюджета войны, а пропорція имѣющихся еще на лице средствъ требовала и оправдывала это сокращеніе персонала. Всѣ четверо, не теряя ни минуты, расторопные, какъ люди всегда готовые къ побѣгу, живо вскочили на лошадей и помчались къ заставѣ. На ихъ счастье въ эти тревожные дни, когда въ Парижъ то и дѣло приходили войска и отряды федератовъ, ворота города не особенно тщательно охранялись, и нашимъ дѣйствующимъ лицамъ удалось черезъ заставу de la Boyauterie, отъ которой теперь не найдти и слѣдовъ, пробраться на восточную дорогу.

О трехъ спутникахъ почти нечего сказать. Одинъ изъ нихъ Эсташъ, по прозванію Цапля,—прозвище, данное ему за длинную шею, вѣроятно, удлинившуюся отъ сдѣланной надъ ней попытки къ повѣшанью,— остановился, мертвецки пьяный, въ трактирѣ «Verte feuille», въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Суасона. Второй, по прозванію «Желѣзная Спина», который гордился тѣмъ, что, благодаря своимъ несокрушимымъ бокамъ, вынесъ безконечное множество палокъ во всѣхъ четырехъ концахъ имперіи за свои ночныя экскурсіи, вздумалъ затѣять ссору въ лѣсу de Lugny, въ двухъ шагахъ отъ Verviers, съ своимъ патрономъ изъ-за несчастнаго вопроса о гонорарѣ. Лавердьеръ былъ строгъ въ соблюденіи дисциплины, а, кромѣ того, не пренебрегалъ благоразумною экономіею. Онъ слѣзъ съ лошади и однимъ ударомъ рапиры въ горло спорщика сократилъ свои расходы на одну треть.

Затѣмъ онъ воздалъ ему должную почесть, вдвоемъ съ оставшимся въ живыхъ онъ похоронилъ его въ отдаленномъ уголкѣ.

Вмѣсто семи человѣкъ, объявленной цифры отряда Лавердера, въ немъ оказалось всего двое—самъ капитанъ и Франсуа «Синій», бывшій солдатъ, который изъ-за случайности,—пуля изъ его пистолета неожиданно попала въ начальника, котораго онъ ненавидѣлъ,—дезертировалъ и посвятилъ себя разбойничьему ремеслу.

Лавердьеръ рѣшилъ, что онъ заслужилъ право отдохнуть; оба остановились за Verviers въ Capelle, въ недѣлю самымъ добросовѣстнымъ образомъ проѣли всѣ сбереженныя деньги, такъ что

только 10 іюня утромъ ревностный лазутчикъ маркизы де-Люсьенъ добрался до Мобёжа и до маленькой деревушки Бергштейнъ, гдѣ въ трактирѣ «Голубой Лебедь» ожидала его дважды 48 часовъ, съ отчаяньемъ, оправдываемымъ только любовью къ законному королю, нѣкая таинственная личность.

Надо сознаться, что Лавердьеръ не былъ знакомъ ни съ какими угрызеніями совѣсти. Франсуа «Синій», покорный, благодарный за дни веселья, которое было ему такъ любезно предложено, не безъ страха увидалъ, что онъ встрѣченъ не особенно-то привѣтливыми рѣчами.

— Стыдно,—говорилъ старый господинъ:—когда дѣло идетъ о такихъ важныхъ вопросахъ, когда судьба такихъ серьезныхъ вещей въ зависимости отъ энергіи и дѣятельности преданныхъ людей, терять время въ дебошахъ...

Дѣйствительно, въ Парижѣ выбирали удивительныхъ слугъ.

Лавердьеръ, выслушавъ молча потокъ упрековъ, обратился къ своему адъютанту:

— Вѣчная неблагодарность!—замѣтилъ онъ.

И, такъ какъ старый господинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, нашъ молодецъ, не теряясь, сталъ ему разсказывать всевозможныя небылицы о разныхъ нападеніяхъ съ оружіемъ въ рукахъ, о засадахъ и о всякихъ опасностяхъ, которымъ они подвергались.

— Человѣкъ, какъ я, — продолжалъ онъ своимъ, отъ попоекъ послѣднихъ дней, сладкимъ и вмѣстѣ внушительнымъ голосомъ,— не измѣняетъ своему долгу. Вы, вѣроятно, не знаете, что орды Бонапарта захватили всѣ пути и нападаютъ на крестьянъ и грабятъ ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Развѣ я, въ сердцѣ котораго сохранилось незапятнанное воспоминаніе о нашихъ короляхъ, развѣ я могъ отказать въ помощи этимъ несчастнымъ преслѣдуемымъ? Мнѣ пришлось съ моимъ товарищемъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать вырывать ихъ изъ рукъ ихъ палачей и тогда, если-бъ вы слышали, сколько обѣщаній преданности и вѣрности потомку св. Людовика, покорнымъ слугою котораго я называлъ себя. А вы еще обвиняете меня, тогда какъ я, съ опасностью жизни, сдѣлалъ для святаго дѣла, защитниками котораго мы являемся, можетъ быть, больше, чѣмъ всѣ дипломаты священнаго союза.

Слушатель, растроганный, измѣнилъ тонъ.

— Итакъ вы думаете, что французскій народъ...

— Ждетъ, надѣется, призываетъ своего короля! Да, это несомнѣнно, мнѣ это теперь извѣстно достовѣрно, а затѣмъ, если вы находите, что за то, что я исполнилъ мой долгъ, меня слѣдуетъ казнить, я подчиняюсь непогрѣшимому правосудію его величества.

То негодуя въ мѣру, то кстати вставляя почтительную нотку,

Лавердьеръ изложилъ весь этотъ вздоръ съ такою увѣренностью, что королевскій лазутчикъ смягчился. Никто не сомнѣвался въ его преданности; та особа, которая отвѣчала за его вѣрность, одна изъ тѣхъ, которыя не ошибаются. Вся суть вознаграждать скорѣе потерянное время усиленною дѣятельностью.

Важныя извѣстія были получены въ главной квартирѣ союзниковъ. Говорили, что армія Наполеона направилась къ морю, чтобы отрѣзать всѣ пути арміи Веллингтона.

Лавердьеръ былъ стратегъ не важный, но для того, кто прибылъ изъ Франціи, не требовалось особой компетентности, чтобы догадаться, что эти извѣстія, судя по всѣмъ признакамъ, не вѣрны.

По пути авантюристы понабрали свѣдѣній, что военныя силы, повидимому, двигались по направленію къ Намуру и Люттиху.

Лавердьеръ по своей сообразительности, дополняя воображеніемъ всѣ собранные слухи, развилъ цѣлый планъ сраженія и, что странно, человѣкъ, который до сихъ поръ воевалъ только исподтишка, самъ того не подозрѣвая, напалъ на мысль великаго стратега. Его предположенія, довольно смѣлыя, удивили его слушателя, а нѣсколько штриховъ карандаша на трактиромъ столѣ, затѣмъ разставленные стаканы и бутылки, изображающіе фронтъ сраженія, убѣдили его на столько, что лице это, пользуясь данной ему m-me де-Люсьенъ властью, приказало ему немедленно, не теряя ни минуты, изслѣдовать мѣстность между Мобёжомъ и Живе съ формальнымъ требованіемъ явиться черезъ два дня съ отчетомъ.

Лавердьеръ въ душѣ сознавалъ, что за нимъ есть провинности, которыя надо заслужить. Данное порученіе было рискованное, его могли поймать и разстрѣлять какъ шпіона. Но чѣмъ больше опасность, тѣмъ больше будетъ вознагражденіе.

Лавердьеръ былъ весьма польщенъ неожиданной важностью своей роли. Конечно, онъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ своей подлости, но въ ней принимали не малое участіе и тѣ, которые употребляли его какъ орудіе.

Это была гарантія для будущаго, на случай успѣха, а въ этомъ успѣхѣ онъ былъ убѣжденъ заранѣе.

Какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ далъ замѣтить, что онъ очень хорошо знаетъ цѣну требуемыхъ отъ него услугъ, и заручился формальными обѣщаніями благодарности въ будущемъ.

Свиданіе должно было состояться черезъ день.

Лавердьеръ напомнилъ, что, согласно приказанію маркизы де-Люсьенъ, онъ долженъ быть во что бы то ни стало 15 числа въ Филипвиллѣ.

— Любезный Франсуа,—обратился Лавердьеръ къ своему товарищу, хлопая его по животу,—черезъ двѣ недѣли мы будемъ или разстрѣлены, или наше дѣло будетъ въ шляпѣ. Впередъ! и да здравствуетъ король!

Онъ не замѣтилъ, что Франсуа Синій весьма недружелюбно поглядѣлъ въ сторону таинственнаго господина, чьи приказанія Лавердьеръ собирался приводить въ исполненіе.

Да и не все ли это было равно, на деталяхъ нечего было останавливаться. На этотъ разъ Лавердьеръ держалъ счастье въ рукѣ.

Было не время играть въ случайнаго солдата. По дорогамъ для бродячихъ бездѣльниковъ было не безопасно, тѣмъ болѣе, что по пути отъ Вервье въ Мобежъ за нашими всадниками слѣдовали войска, которыя шли на границу и должны были образовать непроницаемый кордонъ.

Черезъ затянутыя петли этой сѣтки приходилось пролѣзать.

Въ нѣсколько часовъ оба молодца превратились въ настоящихъ добродушныхъ мужичковъ Фландріи и отправились предлагать свои услуги для разслѣдованій.

Дѣло сейчасъ же сладилось: на одно только Лавердьеръ могъ сѣтовать, именно на усердіе своего помощника, который несъ всякій вздоръ и безъ всякой надобности упоминалъ о Вальми, Флерусѣ и другихъ пустякахъ.

Правда, это бывало послѣ выпивки, когда онъ терялъ всякую способность разсуждать.

Въ назначенное время оба шпіона были на мѣстѣ.

Экспедиція удалась какъ нельзя лучше.

Французы, кромѣ всѣхъ своихъ качествъ, обладаютъ еще однимъ—до послѣдней минуты не вѣрить въ возможность предательства.

Теперь у Лавердьера въ рукахъ былъ почти цѣликомъ весь планъ Наполеона, планъ, о которомъ онъ никому не говорилъ, котораго Фуше не могъ продать, такъ какъ онъ его не зналъ. Герцогу Отрантскому угодно было создать себѣ право на королевскую благодарность, благодаря лже-предательству.

Дѣйствительно, нападеніе съ берега, чтобы отрѣзать отступленіе англичанамъ, было имъ вполнѣ обдумано. И почемъ знать, не было ли главною причиною его неудовольствія на Наполеона то, что ему не удалось осуществить этого плана, который казался ему лучшимъ изъ всѣхъ.

Лавердьеру, человѣку, привыкшему къ внезапнымъ нападеніямъ, было ясно, что войска съ разныхъ направленій должны были сконцентрироваться въ Брюсселѣ или Гентѣ.

За лѣсами и холмами, которые тогда служили франко-бельгійской границей—продолженіе Арденъ на рубежѣ Эно, французская армія расположилась отъ Авэнъ до Роктруа и Седана.

Съ запада корпуса Рейля и д'Эрлона, въ центрѣ Лобау, съ востока—Жерара.

Куда двинутся они — на Можъ и Атъ, или на Динанъ и Намуръ?

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ МАРТѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Авербахъ, Е. О. Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Вильна. 1892 г. Ц. 2 р.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1892 г. Составлена при содѣйствіи городскаго общественнаго управленія, подъ редакціей П. О. Яблонскаго. Спб. Ц. 4 р.

Акцизный календарь на 1892 годъ. Спб. Ц. 1 р.

Альмедингенъ, А. Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ, вкусовыхъ, а также и другихъ веществъ. Спб. Ц. 60 к.

Альбомъ представителей породъ домашнихъ птицъ. Съ объяснительнымъ текстомъ П. Н. Елагина. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Ардовъ, Е. И. Руфина Каздоева. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 3.

Арнольдъ, Ѳ. К. Курсъ лѣсоводства. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Афанасьевъ, Г. Е. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса. 1892 г. Ц. 3 р.

Барро, М. Забытое („Мечты и звуки" Н. А. Некрасова). Критическій очеркъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Барсовъ, Н. И. Существовала ли въ Россіи инквизиція? Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Бернтсенъ, А. Краткій учебникъ органической химіи. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Библіотека графа С. Д. Шереметева. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Даніэль Дефо.—В. Гарвей. Съ портретами. Спб. 1892 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Богдановъ, С. М. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь. Вып. VI. Кіевъ. 1892 к. Ц. 85 к.

Бракенгеймеръ, П. Грамматика древне (церковнаго)-славянскаго языка. Одесса. 1892 г. Ц. 35 к.

Бродовскій, Б. М., д-ръ. Объ улучшенномъ способѣ искусственнаго вскармливанія грудныхъ дѣтей. Минскъ. 1892 г. Ц. 15 к.

— Конвульсіи у дѣтей, причины ихъ и совѣты, что дѣлать до прибытія врача. М. 1892 г. Ц. 10 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ выставки въ Академіи Художествъ 1892 года. Фототипическое изданіе. Спб. Ц. 3 р.

— Альбомъ русской живописи. Картины К. Е. Маковскаго. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Бьернстерне-Бьернсонъ. Перчатка. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ 1-го издан. подлинника П. Г. Ганзенъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Бѣловъ, А. Промышленная обработка скотнаго боя и отбросовъ. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Вигель, Ф. Ф. Записки. I—II. Съ подлинной рукописи. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Галузѣевъ, В. На землѣ и подъ землей. Разсказы всемірнаго путешественника. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гаммарштенъ, О. Учебникъ физіологической химіи. Съ спектральною таблицею. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 60 к.

Гейнце, Н. Э. Изъ міра таинственнаго. Записки спирита. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Головинъ, К. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892 года. Ц. 1 р. 60 к.

Gofferjé. Пріемы шаблонной формовки, устраняющей изготовленіе моделей для многихъ чугунныхъ отливокъ. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гоффманъ, капит. Письмоводство строеваго офицера и подпрапорщика. Изданіе 5-е, переработанное І. Защукъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Дзержонъ, I., д-ръ. О пользѣ пчеловодства. Изд. 3-е. Спб. 1892 г. Ц. 4 к.

Додэ, А. Роза и Нинета. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

— Тартаренъ изъ Тараскона. М. 1892 г. Ц. 50 к.

— Разводъ. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Дубовскій, Ю. Живопись по маіоликѣ и глинѣ эмалевыми красками. М. 1892 г. Ц. 65 к.

Дуропъ, генералъ-маіоръ. Учебникъ тактики. Ч. I. Изданіе 5-е, пересмотрѣнное. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Жаколіо, Л. Роковое кольцо. Романъ. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Жуберъ, Ж. Основы ученія объ электричествѣ. Изданіе 2-е. М. Ц. 3 р.

Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I. 1802—1826 гг. Т. II. 1810—1812 гг. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Жэ, Л. Задачи по физикѣ. Переводъ съ францтзскаго. М. 1892 к. Ц. 2 р.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Составлена подъ редакціей Ю. И. Юрлова. Т. XII. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Фортунатова. Крестьянская община В. В. М. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Картавцовъ, Е. Э. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кашеварова-Руднева, В. А., д-ръ. Гигіена женскаго организма во всѣхъ фазисахъ жизни. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Келеръ, И., д-ръ. Карболовая кислота и карболовые препараты. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корнэ, Ж. Какъ уберечься отъ чахотки. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Костычевъ, П. Обработка и удобреніе чернозема. Сборникъ статей. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Краткій русско-татарскій словарь для экскурсантовъ (крымское нарѣчіе). Одесса. 1892 г. Ц. 50 к.

Крашевскій, I. И. Сиротская доля. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Т. III. Вып. 6-й. Изд. 3-е, исправл. и дополненн. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

* **Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. по подпискѣ за 5 т. 12 р.

Крестовская, М. В. Раннія грозы.— Испытаніе. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Внѣ жизни.—Уголки театральнаго мірка. Изданіе 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крымскій, Е. С. Вредъ для здоровья отъ куренія и нюханія табаку и средства перестать курить. Изданіе 2-е, дополненное. Звенигородна. 1892 г. Ц. 15 к.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 году. Съ предисловіемъ. Симферополь. 1891 г. Ц. 40 к.

Лейкинъ, Н. А. Сватовство профессора. Романъ.—Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Ребятишки. Разсказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Левенфельдъ, Л., д-ръ. Половая нейрастенія. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р.

Литература земельнаго кредита. Вып. II. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Лопаревъ, Х. Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Lombroso, С. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Лунинъ, В. А., врачъ. Школа сбереженія здоровья, продолжительной молодости и физической красоты женщины. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Львовъ, А. Д., князь. О полевыхъ летучихъ лазаретахъ. Съ рисунками и чертежами. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. Хроника одного дня. М. 1892 г. Ц. 15 к.

Медоксъ, К. Инородцы въ Поволжьѣ. Историко-этнографическо-лингвистическія замѣтки и изслѣдованія. Саратовъ. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. Символы. (Пѣсни и поэмы). Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Месковскій, А. Образцовый самоучитель французскаго языка. Общедоступное изданіе. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Миллеръ, Всеволодъ. Экскурсы въ область народнаго эпоса. I—VIII. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Михайловъ, А. М. Причины засухъ и истощенія земли и предполагаемыя мѣры къ ихъ устраненію. Самара. 1892 г. Ц. 20 к.

Михневичъ, Вл. Черные дни. Наблюденія и замѣтки. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Модзалевскій, Л. Н. Амосъ Коменскій, основатель новой педагогики. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Молодецкій, Г. В. Учебникъ низшей геодезіи. Популярное руководство. Умань. 1891 г. Ц. съ атласомъ 1 р. 20 к.

* **Мольеръ.** Донъ-Жуанъ. Комедія въ 5 актахъ, въ переводѣ В. С. Лихачева. (Дешевая библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 42-й. М. 1892 г. Ц. вып. 30 к., на лучшей бум. 40 к.

Наумовъ, А. Школа рисованія. Спб. 1892 г. Ц. за 3 тетради 2 р.

Новыя Высочайше утвержденныя правила объ охотѣ, вступившія въ силу съ 1—10 марта 1892 г. Спб. Ц. 25 к.

Нордау, Максъ. Комедія чувствъ. Романъ. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Отрадинъ, В. Стихотворенія, сюиты и драматическія поэмы. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Павлуцкій, Гр. Коринѳскій архитектурный орденъ. Кіевъ. 1891 г. Ц. 2 р.

Пасситъ, Г. А. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Къ 25-тилѣтію Рижскаго Петропавловскаго православнаго братства. Рига. 1892 г. Ц. 50 к.

Пахарнаевъ, А. Руководство въ судебномъ дѣлѣ для земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присутствій и чиновъ полиціи. Ч. I и II. Положеніе о земск. уч. начальникахъ. Судопроизводство. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Первое собраніе русскаго Общества пчеловодства 9-го ноября 1891 г. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Перцина. Канарейка, ея разведеніе, уходъ и леченіе болѣзней. Издан. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Письма о голодѣ. Обмѣнъ мыслей между «Рцы», Н. П. Аксаковымъ, N*** и С. Ѳ. Шараповымъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Полежаевъ, Н. Н., и В. М. Шимкевичъ. Курсъ зоологіи позвоночныхъ. Вып. II. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Pollatschek, A. D-r. Успѣхи терапіи въ 1889 и 1890 г. Ежегодникъ для практическихъ врачей. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Потѣхинъ, Л. А. Новый улей А. Дубини. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Путникъ (Н. Лендеръ). Босфоръ и Константинополь. — Анатолійское побережье.—По русскому югу. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городѣ у подножія Альпъ. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Т. 78-й и 79-й. Спб. 1891 г. Ц. кажд. т. 3 р.

Сенатскій Архивъ. IV. Журналы и опредѣленія Прав. Сената за іюнь, іюль, августъ и сентябрь 1741 г. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Симанскій, В. К. Петербургскія дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровости. Вып. II. Спб. Ц. 75 к.

Соловьевъ, П. М. Торфо-моховая подстилка. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Солнцевъ, В. «Всякая всячина и спектаторъ». (Къ исторіи русской сатирической журналистики XVIII вѣка). Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Стахѣевъ, Д. И. Домашній очагъ. Романъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Законный бракъ. Романъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 80 к.

— Походы на доходы. Повѣсть. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 60 к.

Студентскій, М. С. Биржа, спекуляція и игра. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Суттнеръ-фонъ, Б. Противъ войны. Романъ изъ жизни. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакц. Ѳ. И. Булгакова. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверовъ, Н. Разсказы, очерки и наброски. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверскій, Я. Г. Особенная часть русскаго уголовнаго права. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изданіе 1888 г. Издан. 7-е, пересмотр. и дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Тисандье, Г. Научныя развлеченія. Изд. 3-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ульяновъ, К. А. Руководство для завѣдывающихъ хозяйствомъ въ полкахъ, батальонахъ и командахъ. Изд. 7-е, переработ. I. Защукъ. Спб. 1892 г. Ц. 4 р. 50 к.

Фаберъ, Ф., д-ръ. Гигіена беременности. Одесса. 1892 г. Ц. 50 к.

Veit, I., д-ръ. Діагностика женскихъ болѣзней. Съ рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Фидлеръ, И. Мѣры для предупрежденія гибельныхъ послѣдствій отъ неурожая. М. 1892 г. Ц. 20 к.

Фламмаріонъ, К. Въ небесахъ. Астрономическій романъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленн. и дополненн. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Хронологическій сборникъ рѣшеній Прав. Сената за 25 лѣтъ (съ 1866—1891 гг.). Т. I. Подъ ред. А. К. Гаугера. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Черняевъ, В. В. Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохозяйственн. машинъ и орудій. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Шацкій, Е. Ученіе о растительныхъ алкалоидахъ, глюкозидахъ и птомаинахъ. Ч. II. Казань. 1892 г. Ц. 80 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Шихмановъ, Н. Я. Конструкторскій чертежъ улья, одобренн. Русск. Общ. пчеловодства. Проект. Листъ I. Ц. 40 к.

Щербачевъ, Г. Д. Двѣнадцать лѣтъ молодости. Воспоминанія изъ временъ царствованія императора Николая I. М. 1892 г. Ц. 1 р.

— Любовь и сила воли. Біографическій очеркъ. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Энциклопедическій словарь, начатый подъ ред. И. Андреевскаго, продолжаемый подъ ред. К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Т. V. Вып. 10-й. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.

Эрлицкій, А. Ф. О причинахъ душевныхъ болѣзней. Публичная лекція. Съ прил. генеалогическихъ таблицъ рода Юлія Цезаря и австрійской династіи на испанскомъ престолѣ, доказыв. стойкость передачи психическихъ пороковъ въ цѣпи нѣсколькихъ поколѣній. Продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Ю. Е. Болѣзнь вѣка. Романъ. Варшава. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярковскій, И. О. По поводу критики М. А. Рыкачева моихъ метеорологическихъ воззрѣній. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Ячменевъ, М. С. Афоризмы. Уфа. 1891 г. Ц. 70 к.

Ѳедоровъ, П. Ѳ., д-ръ. Экстракція зубовъ. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

CoLibrì
COVER SYSTEM ®

8 032919 991409

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118012902